УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз - Рус)
Б 44

Выпущено по программе
«Издание социально-важных видов литературы»
Министерства культуры Республики Казахстан

Бельгер Г. К.

Б 44 Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды / Г.К. Бельгер – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. – 520 с.

ISBN 978-601-294-208-8

542832

Собранные в эту книгу статьи, рецензии, рассказы, интервью составляют своеобразный казахский орнамент-калейдоскоп, этюды-арабески. Автор книги – прозаик, переводчик, эссеист, критик, литературовед – 73 года бытует и творит в казахской среде. Его произведения пронизаны искренней любовью к Казахии, ее истории, культуре, литературе и языку.

Издание рассчитано на массового читателя и приурочено к 80-летию Герольда Карловича Бельгера.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз - Рус)

Северо-Казахстанская областная универсальная научная библиотека им. С. МУКАНОВА

ISBN 978-601-294-208-8

© Г. К. Бельгер, 2014
© ИД «Жибек жолы», 2014

Об авторе

Герольд Карлович Бельгер (1934) – казахстанский прозаик, переводчик, публицист, эссеист, литературный критик, исследователь литературы российских немцев. Осенью 1941 года депортирован из Поволжья в Казахстан. Окончил казахскую среднюю школу (1953), педагогический институт в Алматы (1958), аспирантуру при нем (1963). Работал в школе и в журнале «Жулдыз». Был депутатом Верховного Совета Казахской ССР (XIII созыв).

Лауреат премии Союза писателей Казахстана (1988), Президентской премии мира и духовного согласия (1992), премии казахского ПЕН-клуба (1996), независимой премии «Тарлан» (2002), высшей журналистской премии «Алтын Самрук» («Золотой грифон») (2007) и других. Заслуженный работник культуры Казахстана (1987), «Алтын адам» в номинации «Деятель культуры» (2012).

Автор 70 книг и 2200 публикаций на русском, казахском и немецком языках.

Награжден орденами «Парасат» (1994), «Крест за заслуги перед Германией» с бантом (2010) и многими медалями.

МОТИВЫ ТВОРЧЕСТВА

Творчество Герольда Бельгера во многом обусловлено евразийским мировосприятием писателя, что позволяет соединять восточные (азиатские) и западные (европейские) культурные традиции.

Большую часть творческого пути Г. Бельгера составляют три вида его литературного творчества – переводческая деятельность, проза и публицистика, – существующие параллельно.

Масштабность звучания и своеобразная композиция характеризуют «Тихие беседы на шумных перекрестках», «Казахское слово» и т. д. Точные критические выводы и обоснованные прогнозы на будущее отличают критику и публицистику Г. Бельгера. Проблемам художественного перевода Г. Бельгер уделяет особое внимание. Он перевел на русский язык прозу М. Ауэзова, Б. Майлина, Г. Мусрепова, Х. Есенжанова, А. Нурпеисова, А. Кекилбаева, Д. Досжанова, О. Сарсенбаева и других и более 20 произведений российско-немецких писателей второй половины XX века – А. Реймгена, Э. Кончака, Н. Ваккер, В. Гейнца и т. д. Является авторитетным специалистом и автором ряда исследований по проблемам художественного перевода («Гёте и Абай», «Мотивы трех струн», «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова», «След слова», «Лики слова», «Ода переводу», «Казахское слово», «Записки старого толмача» и т. д.).

Проза Г. Бельгера эволюционирует от лаконичных новеллистических форм до развернутого повествования, от жизненного факта – к истории судьбы.

Автобиографическое начало пронизывает все творчество писателя. Романное мышление определяет последние по времени создания произведения. Идея нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа – ведущая в романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов». Дом скитальца – это его память. Концепты родины, памяти, дома, дороги – сквозные в богатейшем и разнообразном наследии Г. Бельгера.

Мотив исторической памяти является определяющим в романе «Туюк су», как и мотив пути. В романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы творчества. Эти многоплановые произведения, с разветвленными сюжетными линиями, обладающие стройной композицией, подводят своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень художественного обобщения. В них отражены целые пласты народной истории: репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность.

Множество актуальных вопросов ставит в романе «Туюк су» Г. Бельгер. Некоторые пока остаются без ответа. Но в том-то и проявляется прозорливость писателя, что он одним из первых акцентирует на них внимание. Так кто же он, главный герой романа – бывший спецпереселенец, поздний возвращенец: «Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа…»

Главный герой романа «Зов» размышляет о том, что такое литература. Безусловно, эти раздумья отражают точку зрения самого автора, всю жизнь посвятившего служению слову.

Светлана Ананьева,
доцент, литературовед, критик
2013 год

Так все сложилось...
Мой предок в восьмом поколении
из Гессенской земли перебрался в Россию (в Поволжье)
еще в 70-х годах XVIII века при Екатерине Великой.
160 лет спустя меня, его потомка,
депортировали в Казахию.
И вот уже 73 года я пребываю
на этой благословенной земле.
Все мое естество пронизано казахской ментальностью.
И о том мои «Арабески».

Автор
Январь 2014 года

Часть первая

Статьи, эссе

ГОРДОСТЬ И СЛАВА НАРОДА

Душа казаха озвучена и просветлена Абаем. Это нужно ощутить, прочувствовать и осмыслить. И тогда поэтический и философский гения Абая пробудит душу всех разноплеменных землян.

Есть имена, олицетворяющие целую страну, целый народ. При слове *Италия* в нашем сознании мгновенно вспыхивает *Данте*. При слове *Англия – Шекспир*. Со словом *Германия* неразрывно связано имя *Гёте*, как с *Россией – Пушкин*. Все истинно казахское вмещается в звучное *Абай*. Это как символ. Знамя народа на разноплеменной планете.

Диву дивишься, как великий степняк Абай, трагически одинокий пленник патриархально-феодального захолустья прошлого века, «человек-загадка», как он сам о себе говорил, титаническим усилием необоримого духа целеустремленно пробивался к горным вершинам цивилизации. Тесно было его мятежной, страждущей душе в бескрайней казахской степи, и он жадно искал и находил опору и утешение в созвучных его духоустройству творениях иноязычных собратьев. Воспитанный на сладкозвучной поэзии Востока, пропитанный ее философичностью и яркой орнаментальной чувственностью, он в зрелом возрасте устремил свой взор к Западу, не инстинктивно, а вполне осознанно ощущая основополагающую истину об одинаковой божественности Востока и Запада, неразъемности единого человеческого духа, выраженных некогда Гёте:

Gottes ist der Orient! — *Богом создан был Восток,*
Gottes ist der Okzident! — *Запад также создал Бог!*

На этом пути Абаю встретилась русоволосая Муза Пушкина и Лермонтова. Он их проникновенно любил. И много и целеустремленно переводил на казахский язык. А через Лермонтова пробился к вер-

шинам европейской поэзии – к Гёте, Шиллеру, Байрону, Мицкевичу. И хотя из них он переводил лишь по одному стихотворению, но эти переводы по своей философской, общественно-культурологической сути и значимости обернулись крупным событием в развитии и становлении национального самосознания.

Здесь в первую очередь следует отметить феноменальный успех гётевской миниатюры «Wanderers Nachtlied», ставшей в переложении Абая – через Лермонтова – немеркнущим шедевром казахской национальной поэтической и песенной культуры. И дело не только в том, что Абаю удалось с поразительной проникновенностью и изяществом передать образным речестроем родного языка тончайшие нюансы философски широкоохватной миниатюры Гёте, а в том, что этим творческим актом казахский поэт блистательно выразил идею диалектической духовной созвучности Поэзии и Духа через века и расстояния.

Тема эта волнует меня уже три десятилетия. И писал о том уже не раз. Однако наблюдения продолжают расширяться и углубляться. Обнаружилось, что мотив готовящейся ко сну природы, мотив желанного отдохновения уходит своими корнями в глубокую древность и является кочующим. Выстроилась очевидная цепочка: Алкман (Греческая Лидия, VII в. до н. э.) – Гёте – Лермонтов – Абай. Цепь эту я проследил в своей книге «Гёте и Абай» (1989). Но тема эта – в сущности – еще шире, разветвленней, а цепь разработавших ее поэтов – еще длинней. Мирный сон природы, сон гор и ущелий, погружение в сон всего сущего на земле живо воссоздал после Алкмана Вергилий (70–19 гг. до н. э.), Овидий (43 г. до н. э. – ок. 18 г. н. э.), Аристо (1474–1533), Тассо (1544–1595), и у кого-то из этих классиков Гёте, очевидно, «позаимствовал» эту тему, вдохновился ею, поднял ее до глобального мироощущения и «подпитал» ее своим чувством – чувством усталого путника, жаждущего умиротворения, слияния с успокоительной усладой величественной ночной тиши. Лермонтов, переводя эту миниатюру на русский язык, наполнил ее трагизмом своей одинокой души, и именно эти неприкаянность, одиночество, смутное предчувствие неизбежного откликнулись в чутком сердце казахского поэта, и таким образом родился казахский национальный шедевр «Қараңғы түнде тау қалғып…» – «Темной ночью горы, дремля…» Таковы предтеча и последствия стихотворения «Wanderers Nachtlied», написанного Гёте в ночь с 6 на 7 сентября 1780 года карандашом на

дощатой стене лесного домика на вершине горного увала Кикельхан близ Ильменау. Логично и закономерно видеть великого казахского поэта, провозвестника Степного Ренессанса, в столь достойном ряду.

Нельзя считать также случайным обращение Абая к Шиллеру, точнее, к двустишию немецкого романтика «Das Kind in der Wiege» («Дитя в люльке»). Абай перевел его опять-таки через Лермонтова, трансформируя философскую идею двустишия на казахский лад, соответственно миропониманию и ощущению степняка. Абай переводил то, что его волновало, ложилось на его душу, соответствовало его душевному настрою. Он – я бы сказал – усыновлял «чужеродное» стихотворение, внедрял его в казахское сознание, делал его своим, кровным, родным. По сути дела, казахский поэт создал на основе шиллеровско-лермонтовской миниатюры новое произведение, также лапидарное, афористическое по форме, отмеченное опытом зрелого ума и национальным мировосприятием.

У большинства великих поэтов, как правило, встречается стихотворение, в котором наиболее выпукло и обнаженно выражены их гражданская суть, поэтическое кредо, квинтэссенция мировосприятия, их исповедь, обращение к потомкам, самоощущение в общем потоке бытия. Древнеримский поэт Гораций (65–8 гг. до н. э.) оставил стихотворение, начинающееся со слов «Exegi Monumentum...» – «Я памятник воздвиг». Оно, как известно, явилось отправным ориентиром для одноименных стихотворений Гаврилы Державина и Александра Пушкина. «Нет, весь я не умру!» – утверждал каждый из поэтов по-своему. В этом ряду стоит и «Завет» Гёте. Он убежден: самой природой заложено в человеке стремление к высшему смыслу бытия – к слиянию с Вселенной, с мировой душой, с вечностью. Одно из лучших, программных стихотворений Абая «Когда умру, не стану ли землей…» по своей тональности и исповедальности, горячей обращенности к грядущему, к потомкам в определенной степени сопряжено с «Exegi Monumentum». Мы явственно слышим созвучие, ощущаем духовное родство, близость поэтов разных народов и эпох. В названных выше стихотворениях Горация, Державина, Пушкина, Гёте, Абая звучит сознание своего поэтического предназначения, гражданская ответственность перед грядущим, мотивы убежденности и сомнения в извечности законов бытия, превратности человеческой судьбы, вера в то, что, говоря словами Гёте, «все к небытию стремится, чтоб бытию причастным быть».

Самородок-степняк, обреченный волею судьбы на одиночество, изолированный от мировой цивилизации, Абай сумел мощью своего таланта, силой духа обрести заслуженное место среди избранников земли. И в этом гордость и слава Поэта. Гордость и слава его народа. Гордость и слава человечества.

МОЙ ПУТЬ К АБАЮ

Итак, мой путь к Абаю. Все, наверное, знают, что я учился в казахской школе и вырос в отдаленном казахском ауле на берегу реки Ишим, по-казахски Есиль. И вот, точно помню, зима 1944 года, маленькая комнатушка при медпункте, где мой отец работал заведующим, здесь мы, неизбранники земли, выселенные с Волги немцы, и ютились. Печка дымит, очень холодно, буран, я, ученик второго класса казахской школы, с очень ограниченным запасом казахских слов, учу наизусть стихотворение Абая «Зима» («Қыс»).

...В комнате, возле печки за немецкой прялкой, которую мы привезли с собой с Волги, сидит мать. Она прядет шерсть и поет моей младшей сестренке Эльме песенку на немецком языке:

Röslein, Röslein, Röslein rot,
Röslein, auf der Heiden.

А я учу, без конца долблю стихотворение «Зима» Абая. Вот так в меня вошли Абай и Гёте. Мать, конечно же, не знала, что это произведение Гёте, она просто думала, что это народная немецкая песенка, и пела ее по привычке. Этот момент стал первым толчком к Абаю.

Потом, года два спустя, в ауле, точно помню, Ермек Конарбаев, ныне покойный, а тогда 15-летний парнишка, обладал уникальным басом. И вот представьте аул, Ишим, кругом глухая степь, жуткая тишина, вечер и пение басом «Қаранғы түнде тау қалғып». Тогда я впервые услышал эту мелодию, и только потом я узнал, что это мелодия Абая, слова Абая. Меня это стихотворение поразило. Позднее, в девятом классе, я узнал, что это перевод из Лермонтова «Горные вершины спят во тьме ночной». Меня заинтересовала эта родственная близость – Лермонтов и Абай. Став студентом первого курса Ка-

захского педагогического института, я опять для себя сделал открытие, что Лермонтов перевел произведение Иоганна Вольфганга Гёте «Wanderers Nachtlied».

Созвучие

И тут у меня возникла идея относительно духовной переклички, взаимопроникновения – Гёте, Лермонтов, Абай. Я написал курсовую работу «"Wanderers Nachtlied" Гёте в переводе Лермонтова и Абая».

Итак, я все больше приближался к Абаю. Курсовая работа имела успех. Это было интересно. Впервые сравнивались три текста – немецкий, русский и казахский. Делался полный анализ. Кто как перевел, преимущества и недостатки. Данная работа была много раз опубликована. Кроме того, по этой тематике у меня есть книга «Созвучие. Gleichklang. Үндестік».

Дальше больше. Начал читать Абая на казахском языке. Я и сейчас половину произведений Абая знаю наизусть. Сравнивал, сопоставлял тексты, переводы и усиленно думал о том, чтобы Абай прозвучал по-немецки. Сам сделать я это был не в силах – я, конечно, много раз делал подстрочный перевод, но вот рифмами не увлекаюсь. Абай постоянно звучал в моих ушах, многие годы я писал и составлял книги. Я написал четыре книги об Абае и составил шесть книг, теперь собираюсь составить седьмую. Но моя давняя мечта – чтобы Абай прозвучал на немецком языке – не оставляла меня. Однако таких специалистов, чтобы перевели с казахского на немецкий, к сожалению, нет, все идет опосредованно через русский язык. И вот подвернулся Лео Кошут.

Однажды он приехал в Алматы, это был его восьмой приезд. В свое время Лео Кошут в ГДР заведовал отделом советской литературы издательства «Volk und Welt» и издал 17 казахских писателей. За эти заслуги мы наградили его премией казахского ПЕН-клуба. И вот когда Кошут уезжал, я подарил ему три книги Абая и подписал: «Ну должен же быть у казахстанца Лео Кошута Абай. Иначе Лео не поймет казахов, а Абай – Лео. А это было бы досадным недоразумением. Герольд. 07.05.03». Лео, конечно же, намек понял и перевел стихотворение Абая. Мне очень понравилось, потом второе, третье. Потом мы увлеклись и стали работать следующим образом: я посылаю казахский текст, все в подробностях описываю – размер, форму, рифмовку, даю подстрочный перевод на русском языке. Он очень дотошно

работал и за три года перевел двадцать стихотворений, которые мы оформили в книгу. Было принято решение дать оригинал, немецкий и русский тексты. И вот книга под названием «Abai. Zwanzig Gedichte» вышла в свет в Германии в Кельне. После моих бесконечных писем, через три года, удалось издать книгу «Двадцать стихотворений на трех языках» и в Казахстане. Хотя у меня есть ряд серьезных замечаний к данному изданию, на сегодняшний день жду ее переиздания.

Вот такой путь к Абаю. Начиная с 1944 года и по сегодняшний день мой путь к Абаю продолжается.

НАРОДНАЯ САГА РОЛЛАНА
(Беглые заметки)

> Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она мстит. Каждая из этих побед, правда, имеет в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых.
>
> *Фридрих Энгельс*

О ком речь? О Роллане Сейсенбаеве, выдающемся казахстанском прозаике, драматурге, переводчике, эссеисте, издателе, общественном деятеле, творце уникального журнала «Аманат», президенте Международного клуба Абая.

О чем речь? О его многоплановом, многослойном сказе о трагедии казахов, о подлинно народной саге, об объемной эпопее-романе «Мертвые бродят в песках».

...Знаю: это творение Роллана началось в Аральске, Балхаше, Алма-Ате, Зайсане в 1983–1988-м, потом – в Москве в 1989-м, увидело свет еще на исходе восьмидесятых годов – на пике Аральско-Балхашской экологической трагедии и смутных политических, социальных, общественных катаклизмов. Потом роман вышел в 1991 году в московском издательстве «Советский писатель» под названием «Отчая-

ние, или Мертвые бродят в песках». Фрагменты из романа я встретил в разрозненных номерах журнала «Аманат». А сподобился читать это масштабное произведение, каюсь, только недавно по изданию «Таға» 2006 года. Читал долго, внимательно, с карандашом в руке.

То, о чем поведал Роллан в этом романе, мне в немалой степени знакомо, ибо казахов, их историю, культуру, быт, обычаи, нравы, трагическую судьбу и ментальность я знаю не понаслышке: с 1941 года я, этнический немец с Поволжья, варюсь без малого семь десятков лет в огромном казахском казане, и казахская боль, казахское отчаяние вкупе с бесконечным терпением в историческом временном промежутке клокочут во мне, я весь напитан и пропитан этой болью. Даже, казалось бы, локальная аральская трагедия живет во мне десятилетиями, с того самого времени, когда я с писателем Абдижамилем Нурпеисовым имел возможность два летних месяца жить в далеком 1964 году на берегу еще могучего тогда синего моря, в рыбачьем поселке у залива Тушы-бас, тесно узнать людей того края, скотоводов и рыбаков, и проникся духом народа по многим его параметрам. И потому могу со своей колокольни удостоверить, подтвердить всю многоликую, многогранную правду, о которой так глубоко и проникновенно, так доверительно и исповедально поведал читателю чуткий сердцем и душой художник.

Пожалуй, ограничусь здесь лишь несколькими словами о самом Роллане Сейсенбаеве. Во-первых, о нем написано немало, особенно в связи с его недавним шестидесятилетием, во-вторых, в данных своих заметках намерен главным образом сосредоточиться на одном его романе. В литературу он пришел, если не ошибаюсь, в семидесятые годы прошлого столетия. С той поры я его и знаю, будучи на один мушель (двенадцатилетний «животный» цикл) старше его. Заявил он о себе сразу интересно, нестандартно. Родом из абаевских краев, проникнутый той знаменательной духовной аурой, он держался несколько особняком, весьма независимо, как отбившийся от табуна строптивый, вольный стригунок, и, помнится, меня лично это обстоятельство в его личности больше всего привлекало. У него был свой круг интеллектуального общения. Его тянуло к личностям особого склада и полета. Говорил и мыслил не так, как многие его единокровные сверстники или старшие коллеги. Он избегал привычных «казакбайских» интриг, многословных тусовок, писал свободно по-казахски и по-русски, выделялся и повседневным поведением, вкусами, пристрастиями, стрем-

лениями, амбицией, был не одним из многих, а подчеркнуто индивидуален, своеобычен, самодостаточен.

Разумеется, эта его особливость не всем пришлась по душе. С трибуны Союза писателей Казахстана кое-кто его иногда пощипывал к месту и не к месту. Мне же сразу стало ясно: этот щеголеватый молодой человек, обладающий своим шармом, пойдет своей тропинкой, у него своя стезя, где-то на стыке национальной, русской и зарубежной культур. Он до поры до времени сидит не на привычном тугуре-подставке и скоро взлетит высоко, полетит далеко, и горизонты его видения широки. Встречаясь с ним в Алма-Ате, в Москве, в Риге, общаясь накоротке, я все более убеждался, что ему уготованы прекрасная литературная судьба и крутой гражданский жребий во славу казахстанского общества и грядущих позитивных перемен.

Теперь я рад, что в представлениях-ощущениях своих в Роллане Сейсенбаеве и его художническом даре я не ошибся. Литературные и гражданские, просветительские, культуртрегерские деяния Роллана ныне вызывают бесспорное восхищение.

Пытаюсь оконтурить тематический круг романа. Перелистываю объемное – в 700 книжных страниц – произведение, вникая в свои карандашные пометки. Поражаюсь, как можно было такую махину композиционно выстроить, психологически описать не одну сотню героев, не заблудиться в лабиринте событий и сюжетов, в монблане фактов, удерживать в памяти нить многовекторного повествования, не повторяться в изображении природных катаклизмов, душевного катарсиса героев, распределить необъятный материал во времени и пространстве по четырем громадным частям, а каждую часть по главам, обрамленным прелюдией («1968») и эпилогом, названным латинским изречением «Non bene pro toto libertas vendita auro», что означает: «Свободу не следует продавать ни за какие деньги», подобрать к каждой части по нескольку эффектных афоризмов, а к главкам – подобающие цитаты из газет и радиосообщений, характеризующие конкретное время, в котором пребывают, проживают свою земную жизнь герои, мучительно размышляющие о локальных и глобальных событиях на земле. Колоссальная работа! Умопомрачительное напряжение таланта!

Обертоном роллановского творения служит авторское посвящение: «Со скорбью в душе посвящаю эту книгу рыбакам Арала, жителям Семипалатинска, жертвам ядерного безумия и экологических

катастроф XX века – чьи голоса бьют набатом, чьи души стонут над планетой и взывают к разуму живых».

Здесь каждое слово весомо, как пушечное ядро, и набатом отзывается в взбаламученной душе читателя.

Такова идея, таков живой, взыскующий пафос народной саги Роллана Сейсенбаева. И эта тревога человеческой совести понятна и доступна любому обитателю на всех континентах земного шара.

Один из сквозных героев книги, Кахарман говорит: «Да, недуг, который случается в одном конце Земли, обязательно даст знать о себе совсем в другом. Таковы закономерности природы. Вот бы так было и в человеческом обществе! Увы, нет этого».

Всей идейной и художественной фактурой романа автор на самом деле утверждает, что этот постулат в полной силе распространяется и на человеческое общество. Недуг одного народа непременно отзывается болью и скорбью на другом конце света. Аральская экологическая трагедия – трагедия не одних казахов, узбеков или каракалпаков.

542832

Ловлю себя на мысли, что тематический круг саги довольно сжато, лапидарно, но объемно очертил литературовед-философ Георгий Гачев в своем развернутом, в форме уникальной записи, предисловии. Приведу из него цитату:

«24.IX.93. Вчера дочитал книгу Сейсенбаева «Отчаяние» и могу оценить, какая это крупная вещь. Народный эпос. Сначала меня раздражала его куча мала: вали и то, и се – и родные места Казахстана: Арал, Алма-Ата, Балхаш, Семипалатинск, еще и Москва, а через газеты – весь мир: и Америка, и Индия, и Румыния... Еще и эпохи разные – через стили повествования: нынешние рассудочные споры ученых и предания прежних времен, выдержки из газет – и стихи. Пестрота персонажей и профессий: рыбак, мулла, поэт, секретарь обкома, ученый, наркоман, пьяница, безумная пророчица, жена-хозяйка, а главное – стихии природы: пески, песчаные бури, ливень и засуха, капризы небес, ледников, рек, птиц, рыб – их, мирных, хищное остервенение, когда в бешенство от безводья и солончаков приходят (как души людей в невыносимых условиях...).

О, это универсум – это роман. Еще и политика, и разные ее контрадикторные устремления, и ее буффонные персонажи – лицедеи на арене массмедиа. Роман – панорама бытия. И главный персонаж тут не личность, а народ в лицах разнообразных – в теснине между Природой

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

и Историей, между этими Симплетадами: как между Сциллой и Харибдой пройти каравану народа и не быть размолоту и проглочену?»

Все верно и точно схвачено известным критиком-мыслителем. Все так. Ни убавить, как говорится, ни прибавить. Хотя прибавить, пожалуй, резон: в огромном романе немало места отведено мифологическим, фантасмагорическим мотивам, легендам, преданиям, развернутым на многие страницы метафорам, выразительным экскурсам в далекое и недавнее прошлое казахов, событиям, прошедшим на глазах моего поколения, конкретным реалиям, иногда даже незакомуфлированным, а названным открыто, как есть, как было, казахским песням и сказам, казахской народной философии, обычаям, речевым фигурам, лирическим отступлениям, однозначным публицистическим всплескам, многочисленным ссылкам на мудрые источники от Хайяма до Абая и Шакарима... и все это и многое другое на фоне мировых, глобальных проблем в напряженных поисках вселенской гармонии и высшей точки соприкосновения-сопричастности человеческих судеб. О, это действительно универсум, широкоохватная летопись – сага, в художественном, философском, описательном, размышленческом спектре, в которой сошлись все грани-углы-узлы безумно сложного бытия.

Вычленить и сформулировать суть роллановской саги – непросто. Мне же кажется, что роман-эпопея зиждется на двух посылах-фундаментах – Народ и Память. Именно Народ и Память цементируют неохватное повествование, не позволяя ему рассыпаться, развалиться на отдельные куски, фрагменты, эпизоды и т. д. Народ в романе – одно из названий Судьбы казахов, которые веками стремились к свободе, независимости и благоденствию, которые, по словам поэта, тысячу раз умирали и воскресали, которые из века в век в борьбе и лишениях отстаивали-оберегали-охраняли свою священную землю, целостность своей территории, заповеданной славными предками, под гнетом исторических, географических, природных, междоусобных потрясений и мытарств. Увы, не все зависело от воли и стойкости самих казахов. Слишком много у них оказалось врагов – внутренних и внешних. И бесконечные потрясения, мытарства и лишения, жуткие природные и социально-политические катаклизмы, умело сфокусированные в романе Роллана, привели народ в отчаяние, его на каждом шагу, в любом уголке необъятного ата-мекена, родины отцов, неотступно преследует легендарная «кор-

кутова могила», ненасытный, всепожирающий сом в пучине моря готов заглотить все в свое неуемное брюхо, и автор воссоздал картины трагедии своего народа в момент отчаяния. Умирает море – погибает животный и растительный мир – пески и соль застилают живой покров степи – все вокруг дичает – мертвые неприкаянно бродят в песках – аулы обернулись пепелищем – из уст обезумевших людей вырываются проклятия в адрес самого Всевышнего. Примечательна заключительная сцена романа.

«Старый рыбак встал, прислонился спиной к прохладной стене и сказал самое свое сокровенное, то, что долго вынашивал в мыслях последние несчастные годы своей жизни:

– Уа, Аллах! Моря нет, оно умерло. Пусть это будет твоей волей – не ропщу. Но меня-то почему ты до сих пор держишь в живых? Когда же будет мой последний час? Молю тебя, покажись мне на глаза, дай мне ответ.

Белое облако, отдаленно напоминавшее человеческий образ, встало перед Насыром. Он снова упал на колени.

– Я десять долгих лет молился на тебя, о Создатель!

– Это твое дело, человек. Разве от молитв тебе стало хуже?

– Нет...

– Разве я плохо относился к тебе?

Насыр задумался, а потом тихо сказал:

– О Всевышний, я не знаю, как ты ко мне относился.

– Я сотворил мироздание и человека, сотворил и тебя, старый рыбак. Я предначертал человеку продолжать человеческий род. Разве я лгу?

– Нет, Всевышний, нет!

– Я дал вам силы, чтобы трудиться и жить в достатке, чтобы вы могли мыслить, усваивать науки... Неблагодарные! На что вы потратили силу и разум, дарованные вам? Презренные, вы направили силу и разум на осквернение того, что было создано мной! Вы забыли, что есть бог, что наступит час, когда я за это зло отплачу вам беспощадно и жестоко!

– Всевышний! Человека губит стремление к сытости, богатству, к собственному благополучию. Создав богатство и бедность, ты отрубил пути к себе, Аллах!

– Не я виновен в том, что люди разделились на богатых и бедных. Человек! Это не я заставляю страдать тебя от напастей и болезней...

– Всевышний! Кто, если не ты, послал эти несчастья на землю? Кто еще так могуч, как ты, чтобы обрушивать на человека день за днем так много зла?

Туман стал рассеиваться, голос теперь слышался из-под самого купола:

– Умерь гнев, старик! Это бесится Сатана! Я один борюсь за добро. А вы, презренные, отвернулись от меня. Без вашей веры мне трудно бороться с ним. Ты продал ему свою душу, человек! И вот – кара! А теперь прощай, старик!

– Мне не страшны ни смерть, ни адово пламя, Всевышний! Помог бы ты несчастному моему народу, а?.. Умерло наше море. Умирает Балхаш. Завтра погибнет земля и сам человек. Разве ты этого хочешь? – воскликнул Насыр.

Но ответа уже не было».

Я привел столь длинную выдержку из ролановского текста потому, что в этой сцене, в эти сентенциях заключена квинтэссенция всего сказа. Очевидно, не только грешные люди на грешной земле в отчаянии от сотворенного ими или неведомой волей, но и сам Творец в растерянности от содеянного ему подобными, а потому «ответа уже не было». Да и какой может быть ответ, когда неразумные его творения сбились «с панталыку», предали Его наставления, погрязли в неблагочестии и искривили праведные божьи дорожки-пути?

Люди в романе Роллана цепляются из последних сил за соломинку надежды, обращаются к Богу, тянутся к Аллаху, к Корану, к национальным святыням – Абаю, Шакариму, к народным песням, легендам, преданиям, инстинктивно ощущая в этом спасительное противоядие тотальному отчаянию. Прежде чем погибнуть в огне, любимец своих соплеменников Кахарман обращается к сыну: «Что ж, надо проститься, надо сказать последние слова, пока есть время. Сколько у него – минуты три? – Сынок! Хочу тебе сказать об одном: не смей уставать! Не будет пути – иди по бездорожью! Из последних сил – но иди!»

Таков аманат погибающего народного заступника. Таков аманат вобравшего в себя все народные горести и чаяния автора саги. Таков наказ мудрости земной: «Иди по бездорожью! Из последних сил – но иди!»

Существует много толкований понятия Родины. «Родина там, где мне хорошо» – убежденно утверждают одни. «Родина там, где мой пуп резан» – считают другие. Знакомая российская немка, эмигрировав-

шая в Германию, уверяла меня, что Родина там, где счастливы ее дети. Дескать, Германия для нее никак не историческая родина (ведь десять поколений ее родичей связаны с Россией), но дети ее обретут, наконец, постоянную родину. На эту тему постоянно размышляю и я, по образу жизни, по судьбе, по складу. Мне по душе казахская мудрость: «Собака тянется к месту сытости, джигит – к месту рождения». Ну что, казалось бы, стоит казаху бросить гибельные насиженные места и податься туда, где жизнь более благоустроена? Некоторые герои романа Роллана так и поступают. Но не все. Настоящие казахи не в силах бросать родные места, могилы предков. Они готовы терпеть любые лишения, лишь бы остаться верным заветам и нравственным идеалам отцов. Вот как о том говорит старый Насыр своей верной спутнице жизни Корлан: «Знаю, о чем ты грустишь, Корлан, знаю... Да только скажу вот что: чтобы человеку жить по-человечески, нельзя ему отрываться от родной земли – никак нельзя. Где же ему найти радость, как не в родном краю? Конечно, работа есть везде – лишь бы не лениться, а прокормиться можно всегда. А вот если душа начнет голодать в разлуке – что тогда? Вот чего я боюсь...»

Для Насыра и подобных ему жизнь у умирающего моря – сплошное страдание. По этому поводу Гегель мыслил так: «...Страдание составляет привилегию высоких натур: чем выше натура, тем больше несчастий испытывает она».

Лучшие люди из романа Роллана – из этой категории

И все же, все же: откуда идет эта тотальная гибель? Почему гибнут Арал, Балхаш, семипалатинские степи? Почему опустынивается земля и души людские? Неужто власти неспособны противостоять этим всесокрушающим бедствиям? Откуда столь катастрофическое равнодушие к собственной стране?

Кахарману вспоминаются слова собеседника Камбара, и он не в силах разобраться, то ли это он сам говорил, то ли Камбар в гостиничном застолье: «Синеморье гибнет, земля оскудела и стонет от боли, а большие люди где-то там не могут прийти к согласию – разве это не ужасно? Полно – не заботами о нас живут те люди. Их спорами правит честолюбие, они терзаются черной завистью друг к другу, алчностью терзаются, забыв о том, что все мы смертны, забыв о милосердии и Боге. А наши судьбы для них, наше Синеморье для них – лишь повод, всего лишь повод. Никому нет до нас дела! Но если счастье изменило даже Синеморью, то что такое вообще человеческое счастье? Мыль-

ная пена, которую смывает грязный поток. И неужели даже горе неспособно сплотить людей?»

Ай неспособно, неспособно... Сплотить людей вообще очень сложно. Такова индивидуалистическая природа человека. В романе Р. Сейсенбаева много, очень много смертей. И мне вспоминается заглавие романа одного немецкого писателя: «Jeder stirbt fur sich allein» – «Каждый умирает в одиночку».

Роллан – жесткий, суровый реалист. Он не скрывает, что беда обрушилась на весь Казахстан. В дни атомных взрывов на Семипалатинском полигоне люди по всей округе испытывают физическое страдание.

«Вообще-то в такие дни все в ауле как сонные мухи, а старики вообще не могут с постели подняться... Наши люди похожи на космических лаек – всякие эксперименты проводят на них! Уехать бы отсюда – да на чужбине не лучше, наверное... Весь Казахстан теперь, как какая-то адова помойка. Синеморье усохло, а от Зайсана в двух шагах атомные бомбы взрывают».

О, да, это писалось в 80-х годах прошлого века. С тех пор, мы знаем, кое-что изменилось, по крайней мере атомные бомбы уже не взрываются, но экологические проблемы продолжают стоять так же остро.

«Если человек не сможет спасти сам себя, ему никто не поможет» – таков один из ключевых постулатов саги Роллана. Излюбленная эта мысль автора сквозит в разных главах, в разных эпизодах. Беспощадные слова о властях предержащих, о лжеученых, о самодовольных высоких чиновниках, о беспределе военщины в Казахстане, ставшем сплошным полигоном опустошительных испытаний, то и дело слетают с уст отчаявшихся героев народной саги. Я в своих беглых заметках пунктиром обозначил лишь часть этих скорбных мотивов.

И еще такая мысль пришла мне в голову: об этом романе стоило бы говорить-порассуждать очень обстоятельно, раскрыв его достоинства по всем идейно-художественным параметрам. Он того стоит. Он заслуживает всестороннего критического, философского, художественного осмысления. В 1957 году, будучи третьекурсником литфака КазПИ им. Абая, я имел счастье два дня присутствовать на республиканской конференции Академии наук КазССР, посвященной первой казахской эпопее «Путь Абая». Два дня я слушал обстоятельные доклады крупнейших тогда ученых – филологов, философов, историков, разбиравших «Путь Абая», что называется, по косточкам. А заключительное слово вдохновенно произнес сам автор – Мухтар Омархано-

вич Ауэзов. Помнится, его риторско-шешенская речь меня тогда поразила – и по форме, и по содержанию.

И сейчас мне подумалось: роман – народная сага Роллана Сейсенбаева также достойна самого дотошного анализа. И тематически, и по своему художественному исполнению сага дает пищу для глубокого обсуждения на уровне серьезной филологической конференции, а также для написания ряда курсовых работ, магистерских и кандидатских диссертаций. Ну а то, что роман следовало бы переводить на многие языки (частично это, вроде, делается), у меня сомнения не вызывает: он в силах достойно представлять казахскую литературу на мировой арене.

Многие проблемы, столь остро обозначенные в художественной панораме Роллана, актуальны и ныне. И, чувствуется, не скоро разрешатся, не сегодня-завтра будут сняты с повестки дня. Образуется ли все – мудрено сказать. Правильным ли путем мы идем, каковы последствия наших очевидных и мнимых реформ в политической, социальной, экономической, культурной сфере – ни мне, ни Роллану не провидеть. То рассудит история. О том будут знать наши внуки и правнуки. И они, надеюсь, будут признательны и благодарны эпику Сейсенбаеву хотя бы за то, что он вовремя ударил мощно в колокол тревоги, обнажил всю боль народа, обеспокоился его трагической судьбой и завещал свой наказ-аманат: не предайте забвению великих далеких предков, заботьтесь повседневно о колыбели своей – Матери-Природе, ибо оторванные от нее, предавшие ее, безумно расхитившие ее блага, вы непременно погибнете, оставив за собой выжженную степь, топи болот, бескрайние пески-барханы, по которым бредут мертвые.

2007 год

МУРАТ И МАРАТ: ДВЕ ПОЛОВИНКИ – ОДНО ЦЕЛОЕ

(Заметы о романе Мухтара Магауина «Жармақ»)

1

О чем, собственно, речь? Если коротко: о раздвоении личности и о причудах-следствиях этого явления. Распавшаяся, точнее, волей обстоятельств (и автора, понятно) раздвоившаяся генетически незау-

рядная личность очутилась вдруг (!) в разных сферах общественного бытия и национального самосознания. Когда-то, на заре юности, личность оказалась цельной, монолитной; одно сердце, одна душа, один интеллект – все едино: цель, страсть, прошлое, порыв, натура, жажда познания, темперамент, ментальность, любовь, мечта.

И вот наступил-нагрянул-обрушился момент Истины. Цельная личность дивным образом, обремененная реалиями бытия на крутом повороте истории, раздвоилась, рассеклась на две равные половинки (не поперек, а повдоль – от макушки до пят), и каждая половинка в своем развитии отныне пошла своим путем: одна (как бы изначальная или первоначальная, базовая) осталось верной своей юношеской максималистской мечте, воплощая собой духовное начало человеческого существа, а вторая половинка с той же страстностью и неуемностью, что называется, с головой окунулась-погрузилась в мир материальный, сугубо меркантильный, в мир наживы, фарисейства, лжи, большого хапка, демагогии, сиюминутного успеха и выгоды. Каждая половинка руководствуется в жизни своими принципами, своей логикой и правдой.

Две половинки более сорока лет живут независимо друг от друга; одна – в неизбывной душевной маете, в заботах о своем народе, о его будущем и подлинной духовности, ратует за справедливость в освещении исторического пути своего многострадального этноса и во имя этой высокой цели тратит все свои незаурядные силы духа и талант внешне, казалось бы, неудавшейся, неустроенной, полной борьбы и лишений жизни; другая половинка в угоду низменных и циничных своих потребностей ловко устраивается в этом сумбурном мире, пользуется широко и вольготно всеми мыслимыми и немыслимыми житейскими благами, процветает, кайфует, делает бешеные деньги, забавляется политикой, становится баловнем, рыцарем авантюрной удачи, с помощью интриг и денег внедряется в сенат, воплощая собой все гнусное, гадкое в человеческой душе.

Эти две половинки делают попытку вновь соединиться, снова стать единой целой, вступают в изнурительные контакты, беспощадную дискуссию, нескончаемую полемику, каждая старается навязать свою волю, свою выношенную правду, свое понимание предназначения в жизни, приводя – казалось бы – неотразимые доводы, убедительные аргументы, но все тщетно, трагически безнадежно, ибо две половинки при неразрывном единстве общей души, одной основы, одних генов оказываются абсолютно несовместимы, слишком силь-

но разошлись первоначальные пути, и объединить их может только смерть, неизбежная и спасительная, так как физическая смерть одной половинки окажется духовной гибелью другой. И – наоборот.

2

Да, и – наоборот. В жизни мы с этим явлением сталкивались сплошь и рядом. В нашем нынешнем бытии подобная ситуация обострилась необычайно. Раздвоение личности оборачивается двуличием, лицемерием, двурушничеством. И мы все свидетели таких трансформаций. Нужно только чуточку внимательнее приглядываться к тому, что происходит вокруг повседневно. Самосознание (точнее, видимость его) хамелеонски меняется в зависимости от ситуации, от конъюнктуры. Самое скверное: мы к этому катастрофически привыкаем.

3

Одну половинку в нашем конкретном случае зовут Мурат Бейсенович Казыбеков; вторую – Марат Бейсенович Казыбеков. Одна буковка разделяет их в именах. Но какая буква! Существенная, знаменательная, радикальная – сугубо казахская – ұ (для ясности: русская «у» с поперечиной). Вся увлекательная и поучительная интрига крутого повествования построена на динамическом столкновении братьев-двойников, бывших некогда единой плотью. Глубокий конфликт между интернациональным «а» и национальным «ұ» – Муратом и Маратом. Две половинки – одно целое. Но одно целое – две половинки.

4

Речь – поясняю – идет о последнем романе выдающегося казахского писателя и ученого Мухтара Магауина. Роман в красочном издании вышел два года назад (на казахском языке) в Праге, где уже несколько лет живет и творит писатель. У нас роман был опубликован в журнале, кажется, «Жамбыл», мне же в руки книга попала лишь недавно, и я, прочитав ее, посчитал нужным поделиться своими впечатлениями с русскоязычным читателем. Перевод еще неизвестно когда выйдет. С переводами у нас, в Казахстане, вообще напряженка. А читательской аудитории полагается иметь хоть какое-никакое представление о том, что происходит на литературной ниве Казахстана.

Называется роман в оригинале редким казахским словом «Жармақ». В том краю, где я вырос (Северный Казахстан), этим словом называлось половинка пшеничного зернышка, иначе говоря, дробленка, ровная часть целого ядрышка. Видно, образование от слова «жарма», «жару» – дробленка, доля, часть, осколок, поделить, расколоть, рассечь. Писатель перенес семантику слова на человека, обозначил «жармаком» половинку человека – не только физическую, но и нравственную, духовную. «Жармақ» в данном случае расколотая, раздавленная равно пополам человеческая сущность. (На всякий случай решил сверяться с Далем. Наверняка, подумал, встречу у него либо «жармак», либо «ярмак». Не оказалось ни того, ни другого.) Благодаря этому удачному и эффективному литературному приему, писатель психологически убедительно и интригующе поведал об острых – политических, этнических, социальных – проблемах нашей современности, о моральных язвах, разъедающих общество, о нравственных изъянах так называемой элиты («елдің игі жақсылары»), незаметно, исподволь продавших и предавших прочные устои национальной жизни, нравы-уклады, испытанные веками и заповеданные предками.

Именно на этом фундаменте построен конфликт романа, жгуче современного произведения, захватывающего читателя и вовлекающего его в орбиту исконных и новоявленных человеческих страстей.

Роман публицистичен от начала до конца. Ситуации в романе абсолютно знакомы людям моего поколения, они прошли на наших глазах, они запечатлены на страницах СМИ недавнего времени, они затрагивают те темы и проблемы, которыми мы живем и сегодня. Вот эта актуальность, злободневность и привлекают внимание читателя к этому небольшому по объему, но емкому по содержанию произведению.

5

Не все, однако, так просто и определенно, как я изложил. Произошло отнюдь не механическое разделение некогда целого, единого. В данном случае личности. Получилось не так, чтобы одна половинка вобрала в себя все позитивные черты, а другая, антипод, – все негативные. Все значительно сложней и запутанней, более зыбко и взаимопроникновенно.

Мурат в повествовании – своеобразное alter ego автора, которого широкий читатель неплохо знает и по его произведениям, и по общественному реноме, по характеру и неординарным творческим ма-

нерам. И понятно, что автор романа «Жармақ» больше сочувствует, симпатизирует своему герою Мурату, принципиальных взглядов ученому, дипломированному историку, страстно, увлеченно изучающему давнее прошлое своего народа, доказывающему на основе источников разных стран и народов, на основе уникальных, редчайших архивных данных, что номады (здесь конкретно кипчаки) отнюдь не были вне цивилизации и никак не представляют собой пыль на ветру. Мурат с принципиальных позиций занимается историей древних кипчаков, попутно разоблачая шовинистические, евроцентристские взгляды одних и нигилистические, уничижительные тенденции доморощенных «зиялы қауым» – горе-интеллигентов, псевдоученых, квазимудрецов разных мастей. Тут он, Мурат, не идет ни на какие компромиссы и уступки. И это хорошо понимает его двойник, его вторая половина, предпочитающая конкретные земные блага теоретическим, идеалистическим представлениям и концепциям.

Мурат ориентируется на подлинную, чистую и честную науку, которая воздает народу должное, вдохновляет, воодушевляет, будит совесть и честь, размытые рабской психологией, обстоятельствами и вековым гнетом извне. При этом Мурат постоянно помнит, что вторая его половинка, Марат, не просто его антипод, а он сам («өзім»), то есть Мурат есть Марат, а Марат – Мурат. Они, обе половинки, сознают, что он – это я, а я – это он. Потому и получается диалектически, психологически крайне все сложно. Мурат, обстоятельно излагая все перипетии своей затяжной борьбы с оппонентами, которым он не дает спуску нигде, ни в чем, даже после их земного существования, тем не менее, то и дело задается вопросом: он – это я, но я тогда кто? В определении трагической участи двух половинок некогда единого и целого и сокрыты причины принципиального конфликта. В этом пафос романа.

6

В глазах изнуренного нищетой, бытовой неустроенностью и одиночеством Мурата его преуспевающий во всем двойник Марат, удачник, жуир, мерещится счастливчиком, везунчиком, прожигателем жизни. Марат несказанно богат, сыт, пронырлив, ухожен, купается как сыр в масле, прекрасно устроен, живет с милой Балжан, первой непреходящей любовью Мурата, растит способного, сверхобеспеченного сына (которого, кстати, две половинки никак не могут поделить, хотя доподд-

линно известно, что зачат он Муратом), тешит свою плоть и спесь с молодкой-токалкой, преуспевает, делает головокружительную карьеру, щедро спонсирует Мурата, способствуя ему завершить капитальный труд – «Историю кипчаков» – в двух томах – «в тысяча триста сорок страниц». Однако Мурата все дальновидные, расчетливые, корыстные благодеяния его двойника не прельщают, он скептически относится к ним, хотя и принимает его несметные «дары» как закономерную мзду за все лишения и перенесенные испытания.

Жизненная позиция и нравственное кредо Марата, его цинизм и авантюризм для совестливого Мурата противопоказаны, неприемлемы. Конфликт между двумя началами жизневосприятия, мировоззрения усложняется, углубляется из года в год, пока не входит в непреодолимый тупик. Мурат решается на самоубийство, сознавая, что только таким образом можно будет пресечь неистребимую, всепоглощающую жадность, коварство, карьеризм, подлость, интриганство, нуворишское хамство, всецело охватившее разномастных «жармаков», отравляющих своим существованием святость жизни и общественный созидательный Дух.

7

А о чем спор между Муратом и Маратом? Долго описывать. Спор идет по всем параметрам общественного и социального бытия. Проще прочитать весь роман, но он пока существует только на казахском языке. Не мешало бы быть при этом в курсе творческих и научных конфликтов самого автора, начавшихся еще в 60–80-е годы прошлого века. Все эти – мне памятные – перипетии публичных айтысов с драматическим накалом изложены в романе через восприятие Мурата. Со своей колокольни могу подтвердить: все было – кляузы, подметные письма, интриги, тайные и явные, коллективные и личные доносы, подлоги, инсинуации, наговоры, преследования, наветы, оргвыводы. Все эти испытанные оружия тотальной системы были пущены в ход ради эгоистической цели, мелкой, низменной корысти, недостойных интересов.

Мурат прошел через все эти испытания, с честью одолел многие преграды. В числе тех, кто иезуитски травил молодого вольнодумца-историка, находились и ответственные работники ЦК КПК в лице «горе-активиста», не в меру ретивого «большайбека» Нуркана Жангельдина, хитрого и коварного Нурмаша Сатарова, умного и верткого

Ивана Мокеевича Есенгалиева, историка-чинуши, сумакая-слизняка Алдабека Каражуманова, малообразованного интригана, шумливого поэта-депутата Муштара Маканова (таковы определения героя «Жармака»), разных верноподданных власти и прислужников известной сверхбдительной организации. Прототипы этих отнюдь не славных азаматов (их имена и фамилии лишь слегка изменены) моему поколению хорошо известны, и Мурат (и сам автор, конечно) беспощадно разоблачает их позорные в глазах потомков деяния.

Марат, второе «я» Мурата, в сущности, является их достойным продолжателем, но уже современной генерации, то есть более богатым, нахрапистым, циничным, подлым, коварным, расчетливым, юрким и хватким.

8

Тотальная подозрительность, нетерпимость к инакомыслию, недозволенность идти непроторенной дорожкой, беспощадность в расправе с теми, кто позволяет себе думать не так, как положено, как определено сверху, всеобщий контроль над духовностью, настойчивостью в истреблении малейшей самостоятельности, сознательное вытравление-подавление малейшей вольной мысли, служение Мамоне – все это с лихвой изведал центральный герой «Жармака», и все эти родовые приметы недавно обрушившейся системы ловко, иными способами и мерами внедряются в сознание тех, кто ныне искренне полагает, что обрел независимость.

Да, вожделенную независимость он обрел, но стал рабом нового культа наживы, разъедающего, как ржа, здоровую ткань общества. Историк Мурат яростно срывает маски с тех, кто рядится в «нового казаха», кто считает себя подлинным хозяином рыночной стихии, вершителем людских судеб, мерилом бытия, где все продается и покупается, где в развале нравственные устои, где приоритеты отданы лжи, фарисейству, рвачеству и лиходейству, где в фаворе проходимцы и юркачи.

9

Автор цену себе знает. Он издал около 60 книг. Собрание его сочинений составляет 13 томов. Теперь он помышляет о 17-томном со-

брании. Он лауреат всевозможных престижных премий. У него на все есть свой оригинальный взгляд. Независимый борцовский характер. Потому и нет недостатка у него ни в поклонниках, ни в противниках. Выражается снайперски круто, резко, принципиально. Он говорит: «Я». Двухтомник о себе так и называется. Кое-кого это раздражает. Считают, слишком самоуверенно, дерзко, хвастливо. Я так не считаю. Мухтару такая манера к лицу. Я – это Мухтар Магауин. Его жизнь, судьба, душа, ментальность, нрав, излюбленные взгляды. Я – это только он. И никто более. Художник, личность имеет право говорить о себе: «Я», «Я сам».

Под стать автору и герой «Жармақа». Историк. Мыслитель. Полемист. Борец.

10

Знакомый коллега отозвался кисло: «Да, читал. Любопытно. Но это не художественная проза». Я насторожился: «А что?» «Голая публицистика», – последовал ответ. Ну и что? Я знаю: признанные писатели прошлого и настоящего на склоне лет стыдятся писать «художественное», вымышленное, предпочитая писать «голую» правду, поучения, гаклии-назидания, философские притчи, миниатюры.

Верно: «Жармақ» публицистичен, злободневен, полемичен. Для меня эти качества – достоинство. Меня это привлекает, занимает, заставляет задуматься, пристально всматриваться в недавнее прошлое, и не во всем приемлемое настоящее настраивает на критическую волну, на раздумья о будущем. С точки зрения национального и общечеловеческого. Это – роман-раздумье, роман-эссе, роман-полемика.

Так я его воспринял.

Он, роман, сильно привязан к нашему конкретному времени, к нашему обществу, к сугубо нашим проблемам, в нем преобладает color lokal. Но его проблемы характерны, пожалуй, всем независимым странам. Он неравнодушно затрагивает больные стороны общественного развития. Он, думаю, прозвучал бы актуально и на других языках. Он выходит за рамки сугубо национального явления.

Так мне показалось.

2009 год

«КОРАН И ПУШКИН»

1

Так назвал свою новую книгу известный литературовед, эссеист, культуртрегер, исследователь Сауытбек Абдрахманов (Астана: Елорда, 2006. 22 п. л. Тираж 2000 экз.). В книгу вошли четыре его очерка-эссе, посвященные творчеству Пушкина на фоне казахской истории, культуры, ауры, ментальности, переводческого искусства, осмысления и постижения русского гения. Очень своеобычный ракурс видения казахского пушкиниста.

Эссе-исследования, составившие книгу, – «Коран и Пушкин», «Наш Пушкин», «...Поехал я в Уральск», «Вер бана ат» (тюркизмы в произведениях А. С. Пушкина) – мне знакомы по их казахскому варианту, публиковавшемуся в разные годы в средствах массовой информации, а «Наш Пушкин» – также по отдельному изданию. Публикации эти вызывали живой интерес у читателей и стали, можно сказать, культурным событием. Казалось бы, о творчестве Пушкина сказано буквально все. Думалось, можно разве что говорить в сопоставительном плане о новых переводах или перелопачивать в лучшем случае по-своему давным-давно известные истины.

Ан нет! Сауытбек своей основательностью и дотошностью, своим незамыленным взглядом на традиционную пушкинистику сумел заинтересовать, удивить, заинтриговать, заставил со-размышлять, сочувствовать и глубже вникнуть в суть объекта. Помню звонок ныне покойного Калтая Мухамеджанова: «Читал Сауытбека? Апырай, какая глубина, всеохватность, точность! Ғажап!»

Это действительно так. С любовью и душевным трепетом размышляя о Пушкине, об Абае, об Ауэзове, о переводческих шедеврах, о подводных камнях на пути постижения иноязычного гения, о высоком духовном родстве и взаимопроникновении титанов духа, казахский исследователь продемонстрировал столь широкие познания, такую исследовательскую страсть и хватку, такой отточенный профессионализм и мудрость рассуждений, что диву даешься и возрадуешься высокому уровню цивилизованности нации. Нет, недаром Сауытбек Абдрахманов, как сказано в аннотации к книге, за работы в области пушкинистики удостоен медали «Ревнителю просвещения» Академии российской словесности.

Повторюсь: все его очерки-эссе я прочитал в свое время по-казахски, в этой же книге они воссозданы добротным и доступным (не квазиученым) русским слогом и в расчете на двуязычного читателя проиллюстрированы переводческими примерами на казахском языке. Это придает книге особенный шарм.

Основное исследовательское кредо Сауытбек в эссе «Коран и Пушкин» определил предельно четко: «Нет ничего зазорного в том, если мы в новом тысячелетии уже не будем ограничиваться только заботой, мыслями о родной нации, а, находясь в когорте цивилизованных народов планеты, по мере своих сил и возможностей будем вносить свой вклад в мировые процессы, влиять на общечеловеческие явления, по крайней мере, стремиться к этому».

Задача достойная, цель посильная. И своей книгой Сауытбек это показал грациозно.

2

Очерк-эссе «Коран и Пушкин» основан главным образом на анализе двух стихотворений Пушкина – программное, боговдохновенное «Пророк» («Духовной жаждою томим») и «Подражания Корану». Сауытбек убеждает, неслучайно русский гений в трудный период своей жизни обращался к Корану, который знал глубоко: «В пещере тайной, в день гоненья, читал я сладостный Коран».

Меня поразил такой факт: оказывается, по утверждениям специалистов, в произведениях Пушкина на тему Корана охвачены положения 33 сур из имеющихся 114 в священной книге. В книге «Коран и Пушкин» приводятся эти положения из сур Аль-Бакара, Аль-Имран, Аль-Аграф и утверждается со ссылкой на литературоведа С. Фомичева, что к октябрю 1824 года у Пушкина имелся французский вариант Корана (перевод М. Савари). Автор сопоставляет мотивы Корана со строками «Подражания Корану» и выявляет общие тенденции, структуры, переклички и реминисценции, параллели. При этом свои наблюдения Сауытбек подкрепляет исследованиями русских, татарских, азербайджанских литературоведов. Должно быть, неслучайно «Пророк» был впервые переведен еще в 1915 году Кошке Кеменгеровым.

Вывод казахского пушкиниста: «...гениальный Пушкин, скромно называя цикл этих стихов «подражаниями», демонстрирует свое огромное уважение к Корану, преклонение перед Богом. И это очень сильный пример».

3

«Наш Пушкин» – самый объемный очерк в этой книге. В сущности, это автономное, обстоятельное исследование. Очерк состоит из четырех глав – «Оригинальность оригинала», «Вершина Абая», «О, Татиш!», «По перевалам перевода» – и заключения. Многие аспекты пушкинского творчества и пушкиноведения затрагивает казахский литературовед. Он ведет пространный разговор о пушкинском «Памятнике» и его первоначальных вариантах, об обширной библиографии произведений Пушкина и литературе о нем (не одна тысяча названий!), о даре новизны на трудном пути пушкинистики, о международном признании Пушкина еще при его жизни, об огромном творческом наследии великого русского поэта (17 академических томов!), о природе и сущности художественного перевода, о взглядах и критериях Пушкина на перевод, о постижении пушкинской вершины, о переводческих обретениях и потерях при переводах творчества Пушкина, о конкретных переводах «Евгения Онегина», выполненных Ильясом Жансугуровым и Куандыком Шангитбаевым, и еще о многом-многом другом, что касается Пушкина в национальном восприятии и постижении.

Многое в этом очерке мне лично весьма близко. Работая над своей книгой «Этюды о переводах Ильяса Жансугурова», я с трепетом конспектировал трехтомник произведений Пушкина на казахском языке, изданный в трагических 1936–1937 годах, штудировал и анализировал первый перевод «Евгения Онегина», выявляя достижения и промахи, читал народные варианты-пересказы романа на казахском языке, вникал в литературную ауру того времени, изучал статьи Жансугурова, Ауэзова, Жумалиева по этому поводу, оперировал теми же источниками, что и Сауытбек. Но «Наш Пушкин» предоставил и много любопытных, не знакомых мне сведений. Например, я узнал, что в настоящее время имеется 1750 переводов произведений поэта на 93 языках (интересно, вошли в это число новые переводы нашего Какимбека Салыкова?), что только на немецкий язык «Евгений Онегин» переводился 13 раз, на ханьский – 7 раз, что по-китайски «Пушкин» пишется «Пусицзинь», а его роман – «Ефугени Аонецзинь», что в переводах Абая имеются места даже оригинальнее оригинала, что народные варианты «Евгения Онегина» действительно уникальное явление, что два варианта переводов К. Шангитбаева сродни подвигу, и т. д. Впе-

чатляет список цитируемых источников – 131 название. Колоссальный, научно всесторонне обоснованный труд!

4

Следующий очерк в книге С. Абдрахманова назван «...Поехал я в Уральск» О чем здесь разговор – ясно по этой пушкинской фразе из его письма. О путешествии Пушкина из Оренбурга в Уральск написано много. Утверждается, что в поездке в Уральск Пушкина сопровождал Даль. Сауытбек относится к этому утверждению с сомнением, разбирая все те дни на исходе сентября 1833 года, что называется, «по косточкам». Разумеется, здесь упоминается и известный факт: для Пушкина записали тогда сюжет казахской легенды о Козы Корпеше и Баян сулу. Логичны рассуждения Сауытбека и по поводу гипотетической встречи в Уральске Пушкина с мятежным Махамбетом. Мне приходилось о том читать в художественной литературе. Но там вымысел оправдан, уместен в отличие от научного труда. Сауытбек пишет: «Поэтому будет правильно, если пока оставим этот вопрос открытым. Лично я склоняюсь к мысли, что такой встречи не было. К сожалению». Разумеется, сам факт поездки Пушкина в киргиз-кайсацкую степь и интерес к истории этого края знаменателен, и именно в этом кроется пафос данного очерка.

5

С пристальным вниманием я прочитал заключительное эссе книги «Коран и Пушкин» под интригующим названием «Вер бана ат». Это фраза Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «На все его непонятные речи отвечал я одно: вер бана ат (дай мне лошадь)». Речь в этом эссе идет о тюркизмах в произведениях А. С. Пушкина. Мне довелось послушать доклад Сауытбека на эту тему на одной научной конференции, потом читать большой отрывок в «Егемен Қазақстан», теперь же ознакомился с полным вариантом этого любопытного исследования.

Автор подчеркивает: «Из десятитомного академического издания великого поэта в качестве тюркизмов мы отобрали 204 слова и наименования. Среди них имеются пять антропонимов, десять топонимов, семь этнонимов». Дотошный и щепетильный исследователь признается: «Из 200 тюркизмов около десяти являются спорными».

Все тюркизмы расположены в алфавитном порядке. Признаться, я опасался, что в этом перечне будет немало отсебятины, приблизительных предположений, сомнительных толкований в духе народной этимологии. Ничего подобного! К каждому тюркизму приводятся толкования известных и авторитетных лингвистов, этимологов, подобраны варианты из разных языков, упоминаются корни происхождения. Для сомнения почти не остается поводов. Например, приводится слово «капкан» из «Истории Пугачева». Автор поясняет: «Бесспорно, что в корне этого слова заключен смысл «хватающий, ловушка»... Огузская форма – *капан*. На азербайджанском, турецком произносится *гапан*, на казахском – *қақпан*, на киргизском – *қапқан*, на узбекском – *копкон*».

Или возьмем слово «очаг», которое употребил Пушкин. Исследователь приводит различные мнения об этимологии этого слова, ссылаясь на Радлова и указывая на варианты: по-татарски – *учак*, по-узбекски – *учок*, по-якутски – *осох*, по-азербайджански – *оджаг*, по-турецки – *ожак*. И далее разъясняется многозначность этого слова в турецком языке.

Таким образом разбираются все тюркизмы в произведениях Пушкина с авторским выводом: «Пушкин не использовал тюркизмы специально для сгущения красок или для экзотики». Список использованной для данного очерка литературы заключает 36 наименований, что свидетельствует о научной добросовестности и основательности исследователя.

6

Обратил я внимание и на отдельные «блошки» в добротном научном труде С. Абдрахманова. Например, неточные цитации на с. 9 («Клянусь утренней звездой»), с. 21 («Вознесся он выше главою непокорной»), с. 29 («Крейцеровская соната»), с. 58 («Пред тобою слезы лью»), с. 63 («Гаврилиада»), с. 127 («Отдал я чужим словам»), с. 140 («Поэтический Парнас»). Правильно: «Клянусь я утренней звездой», «Вознесся выше он главою непокорной», «Крейцерова соната», «Перед тобою слезы лью», «Гавриилиада», «Продал я за чужие слова», «Пегас». На с. 191, говоря об освобожденных из плена колонистах, автор, полагаю, трактует это место неточно. На самом деле речь идет о колонистах-немцах, которых так называли. Потому что они, пере-

селившись из германских княжеств в Россию, жили колониями, то есть обособленно, замкнуто. О том сказано красочно в поэме «Кюстер Дайс» Давида Куфельда (1913). И Державин именно их имел в виду (в набегах степняки угоняли пришельцев – немцев-колонистов – сотнями в плен и перепродавали в Хивинское ханство). Встречаются в книге кое-где и опечатки. Мелочь, конечно. Но лучше бы ее не было в столь серьезном труде.

7

Резюмируя все сказанное, хочу подчеркнуть, что, проштудировав с карандашом в руке уникальную книгу Сауытбека Абдрахманова «Коран и Пушкин», я испытал радость и гордость:

а) за мощь и выразительную силу казахского языка, с достоинством воспроизводивших дух Пушкина как мировое явление средствами национального речестроя;

б) за гений Абая, за талант и мужество Ильяса Жансугурова и духовный подвиг Куандыка Шангитбаева, воссоздавших на казахском языке сложнейшее творение мировой литературы – роман в стихах «Евгений Онегин»;

в) за тихого и дотошнего исследователя Сауытбека Абдрахманова, блестяще проанализировавшего необъятную тему, высветившего ее с высокой колокольни национального мировидения.

ЧАРЫ ВОСТОКА

(Эссе)

Туда, туда
Уйти б, мой повелитель,
Навсегда.

Гёте

Мотивы Востока робко и сладостно коснулись струн моей немецкой души еще в школьные времена. Арабские и персидские (фарси) слова в той или иной форме, чаще всего искаженной, редкой жемчужиной вклинивавшиеся в обыденный казахский речестрой, ублажали мой слух, звучали льющейся невесть откуда музыкой, томили,

будоражили, волновали. Это были какие-то осколки, знаки, фрагменты таинственного, сказочного мира, манящего и недоступного, окутанного хмарью зыбкого времени.

Откуда этот смутный зов? Отчего сердце поволжского мальчишки-немца неизъяснимой усладой, точно трепет, пронзали звуки чужеземной, неведомой речи?

Может, Абай невзначай взбудоражил дремотную душу, заронив в нее незнакомые имена и слова?

Фзули, Шәмси, Сайхали,
Науаи, Сағди, Фирдоуси.
Хожа Хафиз – бу һәммаси
Мәдәт бер шағири фәрияд...

Непонятное манило, томило, ласкало слух, арабские и персидские слова и фразы в поэзии и прозаических гаклиях Абая звучали возвышенно, вдохновенно, будто не в человеческих устах, словно исходили от неземных пери или гурий. Слышалось в них нечто колдовское, чарующее. Особенным шиком казалось, подсев к какой-нибудь старшекласснице, сроду не слышавшей комплиментов, прочитать с придыханием, явно смущая ее, строчку-другую из раннего Абая:

Иузи – раушан, көзі – гауһар,
Лағылдек бет үші әхмәр,
Тамағы қардан һәм биһтар,
Қашың құдрәт қоли шигә.

Вроде бы и по-казахски, однако не совсем: непонятные слова как бы зачаровывают, будто молитва муллы, искушают, как азазель-искуситель.

Моей смутной тяге ко всему восточному способствовал и мой учитель казахской словесности – Жылгельды Муканов, эстет, златоуст, артист, умевший в торжественных случаях, точно маг-волшебник, искусно плести слова, придавая им особенный лоск, блеск и шарм, неотразимый лад и склад. Делал он это без напряга, изысканно: как бы снимал коросту с расхожих казахских слов, придавал им первоначальное – иноязычное – звучание и смак. Он произносил мягко, ласково: *энсаф (ынсап), эхтият (ықтият), элтифат (ілтипат), сұхән (ұсқын),*

зәһр (зәр), заруар (зәру), мәшәккәт (машақат), мәмләкәт (мемлекет), мәһрбан (мейірбан), файда, фани жалған, хақиқат, хамал, бәчехар, бәрдеуат, гадауат – боже, всех этих очаровательных слов-словечек я теперь и не упомню, но музыка, мелодичный звон сохранились приятным отголоском в душе. Казалось, Жылгельды-мугалим снимал с обыденных казахских слов заскорузлый чапан, тяжелый тымак, непомерные сапоги в кошомных чулках и обряжал в легкие, яркие, восточные одежки.

«Тысячу и одну ночь» читали в послевоенном ауле повально. Упругий сюжет, обаятельный динамизм, диковинные кружева слов, отточенные назидания, своеобразная поэтика, чудотворный строй речи, сказочная вязь очаровывали стар и млад.

Я грезил Востоком. Я блуждал по караванным тропам древних стран. Ходил по тесным, глухим улочкам Багдада. Вслушивался в заунывный голос муэдзина. Я упоенно произносил где-то вычитанные слова-названия: «Кабус-намэ», «Гулистан», «Тоты-намэ», «Синдбад-намэ». Я еще не знал, кто и что относится к арабской или персидской литературе. Я воспринимал все это как нечто единое, родственное и, несомненно, очень близкое ко всему казахскому, в котором я уже кое-что понимал.

Студентом первого курса я впервые прочел «Кабус-намэ». Через год-два проштудировал впервые «Западно-Восточный диван» Гёте. Потом по разным поводам обращусь к нему неоднократно. Восприму, впитаю в себя Восток через ощущения великого веймарца. Уже первое стихотворение этого дивного дивана – «Гиджра» – вновь всколыхнуло мою душу.

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальный,
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.

То был трудный этап в моей жизни. Я был в растерянности. Душа в развале. Дискомфорт преследовал меня отчаянно. «К новой жизни там воскресни» чудилось спасением.

Там, наставленный пророком,
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с Богом,
Обретал без мук, без боли
Свет небес в земном глаголе.

Я, кажется, уже понимал тогда Гёте, его мятущуюся душу, его всеохватное, страстное увлечение «светом небес в земном глаголе».

В мир, где предкам уваженье,
Где чужое – в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой.
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.

(пер. В. Левика)

И мне чудилось, что только там, на Востоке, «слово вечно ново», что именно там «просторно вере правой».

И стали моими кумирами («пір») Гёте и Абай – два духовных собрата, чей поэтический и нравственный дух оказался сопричастен и созвучен. И дивно слились во мне Запад и Восток. В их – Гёте и Абая – лице я, этнический (российский и казахстанский) немец, обрел устойчивость и гармонию в этом вечно бурлящем мире.

Все эти мысли-раздумья пришли в мою голову не сейчас, не в данный миг, когда я пишу эти строки, а сложились в течение тех лет, как я не расстаюсь с шикарно изданным, богато иллюстрированным, с любовью составленным двухтомником «Энциклопедия персидско-таджикской прозы» в объеме около 70 печатных листов. От самого издания, дизайна, формата, оформления, буйно ярких вклеек веет восточной роскошью и пышностью. Содержание двух книг составляет средневековая персидская проза: «Кабус-намэ», «Синдбад-намэ». «Сказки» – народный роман о благородном юноше Хатеме, «Гулистан», «Бахаристан», «Тоты-намэ». (Здесь я должен внести уточнение: собственно, первая книга называется «Персидская проза» и вышла в 2006 году; через год эта же книга вышла вторично с единствен-

ным добавлением стихотворения «Гиджра» Гёте; а в 2007 году увидела свет и вторая книга.) Издатель – ИП «ДАР» – Дюсенбаев Ахмет Рахметович, вице-президент Фонда Ильяса Есенберлина, известный психофизиолог, автор уникального труда «Анатомия души» («ДАР», 2005), человек увлеченный, целеустремленный.

Словесные узоры поэзии Омара Хайяма, Хафиза, Саади и многих других чародеев Востока известны и любимы издавна в разных переводах. Их цитирует не одно поколение разноязычных читателей во всем мире. И казахской литературе знакомы их блестящие переводы. (Правда, переводов непосредственно с персидского все же маловато – большинство опирается на русский посредник.) А вот о средневековой персидской прозе долгое время имели представление лишь специалисты-востоковеды и редкие любители изящной словесности.

Три броских и одновременно благородно-внушительных тома, с таким тщанием изданных, с комментариями, со вступительными статьями, с пояснением восточных реалий, с редчайшими иллюстрациями из сокровищ Посольства Исламской Республики Иран в Республике Казахстан, радуют душу самого привередливого, изысканного поклонника культуры Востока.

Чем привлекает современного читателя средневековая персидская проза?

Если быть максимально кратким, тем, что:

– реальность той далекой, увлекательной, своеобразной жизни сочетается с вдохновенным, затейливым вымыслом, погружающим нынешнего прагматичного и несколько очерствевшего сердцем читателя в мир, «где ясным, мудрым слогом смертный вел беседу с Богом»;

– цветистая, ароматная, диковинно-фантастическая, ярко-образная проза то и дело пересыпана мудрой и чувственной поэзией Востока, что придает ей особый шарм и элегантность;

– магия увлекательнейшего повествования о превращениях, путешествиях, о женском коварстве, о влюбленных, о духах-дивах, о скупых и жадных, о тупых и мудрых околдовывает, зачаровывает вас чистотой и первозданностью, незамутненностью чувств, восторгом мироощущения;

– слух ласкает чистота речений, высокий слог, омытый мудростью, чувственностью, жизнелюбием, неизбывной радостью пестрого бытия;

– сама форма изложения – «обрамления», «рамочная повесть», полуфантастические странствия, очаровательные назидания, волнительная дидактика, неназойливые советы, отшлифованные опытом многих поколений и аурой своеобычной ментальности орнаментальная стилистика, плетение словесных кружев – все эти притягательные «элементы», как томящая музыка, как сладостное пение и соблазнительные танцы небесных гурий, волнуют, будоражат, поражают, умиляют самого черствого современного читателя;

– неоценимое значение имеют эти творения восточного духа в воспитании художественного вкуса читателя. Ощущение такое, будто ты испил глоток воды из священного родника зямзям.

В суете повседневных забот, в изнурительной борьбе со всевозможными кризисами, душевными сомнениями, дискомфортом и стрессами нет лучшего средства для спасения живой души, чем, отключаясь от всех треволнений, в тиши, наедине с собой, с наслаждением читать средневековую мудрую персидскую прозу, всецело окунаясь в диковинный, спасительный мир Востока, где сосредоточился многовековый опыт и чувственность человечества, где счастливо сосуществуют диковинный быт и изощренная фантазия.

У меня такое ощущение, что время и пространство воспринимаются Востоком и Западом по-разному. Запад все более привязан к «теперешнему», данному, конкретному, строго ограниченному времени и пространству; на Востоке время и пространство тяготеют все более к категории вечности.

Персидская проза тысячелетней давности очаровательно современна. Она понятна и жизнеутверждающа во все века. И тут приходит в голову мысль Льва Толстого: «Я не понимаю и не люблю, когда придают какое-то особенное значение «теперешнему времени». Я живу в вечности, и поэтому рассматривать все я должен с точки зрения вечности. И в этом сущность всякого дела, всякого искусства. Поэт только потому поэт, что он пишет в вечности».

Видно, это ощущение вечности восточного мировосприятия и прельщало в свое время Гёте.

Конечно, у каждого прилежного читателя есть книги, к которым он обращается вновь и вновь. Такие книги есть и у меня. Порой душа как бы иссыхает, оскудевает, сплин охватывает все твое существо, и белый свет, случается, становится не мил. Мучительная пора для творческого человека. Белый лист бумаги манит и отвращает, перо не бежит, не

скрипит, буксует, сердце глухо, и в голове будто сквознячок гуляет, мысли вспорхнули и улетели, как стая птиц. И тогда меня, например, спасают, как бы аккумулируют, настраивают на действие:

– Бунин (с его девятитомником не расстаюсь десятилетиями);

– Гёте и Абай в оригинале, перед аруахами которых постоянно испытываешь стыд и неизбывную вину за свое невежество и бездарность;

– огромный том-альбом «Томас Манн», содержащий 1,5 тысячи фотографий и текстовых иллюстраций из произведений немецкого классика – подарок германского посла в Казахстане господина Бракло к моему 60-летию;

– персидская проза в двух томах.

Они-то и поддерживают мой дух, спасая от уныния. Вновь возвращают к жизни, дают энергию и стимул.

Давно я осознал: самое страшное в мире – духовная опустошенность, нищета духовной культуры. Очевидная эта истина ныне не в чести. Ныне сплошь помешались на долларах, на неуемной жадности, на кризисах и разных неурядицах. Надеюсь, пройдет, как и все на свете. Ибо человек должен (вынужден, обречен) понять, что украшение жизни, бытия, Вселенной – он. Только он, один он.

Омар Хайям это прекрасно понимал почти тысячу лет тому назад:

Сомненья нет, что цель творенья – это мы,
Что разума источник зренья – это мы.
И если мирозданье наше – перстень,
То лучшее в том украшенье – это мы.

2009 год

БАХЫТЖАН – СЧАСТЛИВАЯ ДУША

Несть числа славным Бахытжанам среди казахов. Но я веду здесь речь только об одном из них – о Бахытжане, который Канапьянов.

Литератор он истинно профессиональный, многослойный, многопластовый, многопрофильный – поэт, переводчик, редактор, издатель. Он много и успешно пишет («Он славно пишет, переводит»). Издает

и издается. И о нем многие и много пишут. О нем, как и о любви, едва ли не все сказано. Все знают – и не только в Казахстане: у Бахытжана глубокие и благородные корни, славные родители, просветитель-отец (мне знакомы книги о нем), даровитые братья и сестры, и сам многократно талантлив, образован, начитан, не барчук, не сибарит, а истовый трудяга, «пахарь», неуемная, возвышенная душа, светлая, добрая личность, человек, бескорыстно влюбленный в Поэзию и Поэтов, чутко чувствующий Время и себя во времени и пространстве. Да что тут говорить, одним словом, счастливая душа – Бахытжан – бакытты жан – во всех смыслах и параметрах.

Ничуть не преувеличиваю: тесно знаю его три десятка лет, читал и храню все его книги.

Кстати, и я о нем где-то что-то когда-то сказал. Не стану здесь повторять ни себя, ни других. А постараюсь коротко поделиться своими впечатлениями (Расул Гамзатов, вспомнилось, изящно произносил «пэхчатления») о его последней (на нынешний день, понятно) книге «Весы» (Алматы, 2008), куда – как сказано в аннотации – вошли его литературные очерки, этюды, статьи за почти тридцатилетний период.

(Одно попутное замечание: в журнале «Нива» – № 8 за 2008 год – некий семиреченский казак посчитал нужным подчеркнуть, что Бахытжан Канапьянов, пишущий по-русски, – нерусский поэт, нет, мол, в нем русского духа. Эка, беда! Важно, что в нем есть казахский дух, поэтический дух, выраженный подлинным русским речестроем. Для меня имеет главное значение то, что он Поэт, что воспринимает мир возвышенно, нравственно, поэтически чисто, незамутненно, незаумно и облагораживает людские сердца духом Поэзии. Именно это Бахытжан блестяще доказал своими книгами и издательскими, просветительскими деяниями.)

Попытаюсь определить суть и значимость «Весов» Бахытжана. Почему такое название? Мне автор объяснил, что он по гороскопу относится к этому созвездию. Название, думаю, удачное: короткое, запоминающееся, имеет разный – тематический и философский – подтекст.

Знаковые события литературы и культуры – казахстанской и российской – автор как бы взвешивает, оценивает на своих творческих весах. Многие статьи и эссе знакомы по московским и алматинским изданиям. Есть и такие, которые я прочитал впервые. Я все читал

и перечитал с интересом, будто по душам побеседовал с младшим собратом-коллегой за дастарханом или за шахматной доской. Бахытжан мне доверительно признался, что он, в сущности, за эти три десятка лет не изменился и в веке нынешнем. Тут я, пожалуй, с ним не совсем соглашусь. В творческом плане какие-то перемены явно просматриваются: естественно, возмужал, окреп духом и пером, рассуждает глубже, основательней, заметней расширился горизонт, «лета к суровой прозе клонят». И вообще подозреваю, Бахытжан как-то понемногу удаляется из хорошо обжитого аула поэзии в сторону раскинувшихся по низовьям и верховьям аулов прозы, эссеистики и публицистики. Так сказать, новый этап творчества. Который я – на правах старшего – приветствую и благословляю.

Что сразу же бросается в глаза? Это широкий социокультурный фон «Весов». Автор значительно расширил горизонты своих литературных пристрастий. Тридцать статей, эссе и этюдов автор распределил по трем частям. Первую часть («Из века в век») составляют исторические статьи-размышления-раздумья, охватывающие и анализирующие предтечи национальной культуры: «2000 лет и вечность», «Скифо-сак Анахарсис», «Словарь столетий», «Юсуф Баласагуни и его город», «Кей Кавус и его педагогический трактат «Кавус-намэ», «Эпос «Кыз Жибек». Эти шесть фундаментальных работ свидетельствуют о глубоком проникновении автора в культуру и историю своего народа, о его причастности к великим истокам, о его мироощущении заповеданных предками нравственных идеалов. Автор оперирует основополагающими трудами крупнейших ученых по фольклору, истории, культурологии, этнографии, языкознанию, эстетике, тюркологии, из седой древности перекидывает мост к современности, старается вычленить из всех этих элементов объединяющую национальную идею, убежденный, что «базис и предпосылки – это наше великое прошлое. Великое и по возрасту нашего многовекового бытия, великое и по чаяниям и деяниям наших предков».

В статьях этого исторического цикла Бахытжан превзошел самого себя, выявив еще одну грань своего таланта – грань историка-исследователя, культуролога-аналитика, в котором гармонично сочетаются чувства прошлого и настоящего. Он вовлек в орбиту своего исследования монблан научной литературы, осмыслил, прочувство-

вал и обобщил все эти факты в горниле своей поэтической души. И вот его вывод мудрости земной: «Вместе с каждым!» – вот мой девиз и принцип в поисках своего «философского камня» и своей истины».

Вторую – наиболее объемную – часть «Весов» составляют очерки и этюды о выдающихся казахских писателях, поэтах, общественных деятелях Магжане Жумабаеве («Великий поэт мировой культуры»), Жусупбеке Аймауытове («Великая соль созидания»), Шакариме («Апрель Шакарима»), Султанмахмуте Торайгырове («Три тома Султанмахмута Торайгырова»), Ильясе Жансугурове («Кулагер»), Ахмете Байтурсынове, Смагуле Садвокасове, Жумагали Тлеулине, о лидерах «Алаш-Орды» Алихане Букейханове, Мир-Якубе Дулатове. Об этих неординарных личностях написано в последние годы много. Но о каждом из них Бахытжан находит свои суждения, свои слова, свои краски, доводя до сознания главным образом русскоязычного читателя их творения и деяния. В этих этюдах автор выступает как пропагандист, популяризатор, посредник между народами. Ответственная миссия! И Бахытжан имеет на то право не только как – в данном случае – литературовед, а как переводчик, составитель и издатель книг, как культуртрегер в высоком смысле. А чего, например, стоят в развитии культуры два его поэтических календаря – пушкинский и абаевский – совершенно уникальные проекты (немцы говорят: «einmalig», казахи – «бірегей»), о которых в «Весах» также идет проникновенная речь. В эту же часть входят такие блистательные эссеистские работы, как «Поэтический год России и Казахстана», «Образ Махамбета в творчестве Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского», «Чокан Валиханов и русская литература», и другие.

У Бахытжана много друзей-поэтов в России и за рубежом. Его любят, ценят. В том я убедился на грандиозном торжестве в Алматы по случаю его 50-летия, когда его через спутниковую связь сердечно поздравляли выдающие современники из разных стран. Помню я и поэтический вечер в феврале 1996 года, когда весь вечер читал стихи Бахытжан и его московские друзья-коллеги Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и Александр Ткаченко. Недавно в «Литературной газете» я прочел теплые слова о Бахытжане, сказанные его однокашником по Высшим литературным курсам в Москве поэтом и критиком Мнацаканяном. Напомню здесь и монографию о творчестве Бахытжа-

на, написанную безвременно ушедшим от нас профессором Виктором Бадиковым.

Привязанность Бахытжана к русской культуре ярко выразилась в его эссе о Павле Васильеве («Родительница-степь»), Арсении Тарковском. Поистине «поэту поэт – кунак». Анализируя творчество Павла Васильева, Бахытжан делает удивительно точные наблюдения и дает верные характеристики. «С появлением Павла Васильева, я бы сказал, впервые в оригинале, минуя переводческие издержки, в русскую советскую поэзию вторглись образы казахской степи». Это справедливое заключение автор иллюстрирует эффектными поэтическими строками. Или: «Стихи Павла Васильева равны бушующему ночному костру. Увидев в кромешную ночь такой костер, потянешься к нему всей озябшей душой, а подойдя, обжигаешься о языческое пламя». Это сказано броско, метафорично, лапидарно.

Бахытжан с трепетной любовью и естественной гордостью упоминает в своих этюдах десятки и десятки выдающихся имен, ярко горящих на небосклоне русской поэзии. Он сам представитель двух культур, двух литератур, на стыке которых сложился и окреп его дар. Как Чингиз Айтматов. Как Олжас Сулейменов. Как Бахыт Кенжеев. Как многие его собратья из разных республик почившего в бозе СССР.

Третья часть «Весов» – «К истокам» – проникновенная, лирическая исповедь-новелла об отце, педагоге-просветителе Мусахане Канапьянове («Часы и время отца»), о матери и родном крае («К истокам»), о детстве, о духовном и нравственном становлении, о старших наставниках, друзьях, о «Свете нашей памяти и печали нашего беспамятства». Эти страницы написаны чутким сердцем и неизбывной памятью к благотворным истокам. Этими мотивами навеяны с любовью и тщанием изданные когда-то Бахытжаном фамильные книги «Устаз» – «Учитель» и «Тагылым» – «Уроки», которые хранятся в моей домашней библиотеке.

Венчают книгу «Примечания», указывающие, когда и где, в каком виде и по какому поводу впервые была опубликована та или иная статья. Эти важные сведения дополняют достоинство и значимость интересной, полезной и поучительной книги Бахытжана Канапьянова.

2009 год

КАЗАХСКОЕ СЛОВО И ЖАГДА БАБАЛЫКУЛЫ

До недавнего времени в Казахстане, в Алматы, проживал редкий человеческий экземпляр, мудрый, скромный аксакал, великий языкознатец, этнограф, казаховед Жагда Бабалыкулы. Он скончался в 2010 году на 91-м году жизни.

Приехал он в нашу страну из Китая, где сложился как человек, как ученый, гражданин, изведав в жизни вдосталь гонения и даже тюрьму. А вернувшись на родину предков, также не особенно был востребован, никому не мозолил глаза, не кичился своими познаниями, жил незаметно, тихо. Никому не было особого дела до того, что он обладал залежами живых и «мертвых» казахских слов. Осколок уникальной языковой культуры предков, можно сказать, никого и не интересовал.

Я заметил: германские немцы, «райхсдойче», не особенно расположены к своим дальним собратьям – российским немцам. «Поздние возвращенцы» для них чужие, «фремде», пришельцы с Востока. Так же местные, укорененные казахи, мягко говоря, сдержанно, отчужденно относятся к своим сокровникам, прибывшим из, скажем, Китая, Монголии, Ирана, Узбекистана. Они «келимсеки» – пришлые. Их и называют-то в просторечии китайцами, монголами, узбеками, как бы не признавая их «казахскость». Бытует такая странная инерция.

Так, подозреваю, получилось и с уникальным Жагдой Бабалыкулы.

Он всю жизнь собирал и тщательно оберегал жемчужины родного речестроя. И в чьих руках осталось это неподъемное наследство, я даже не знаю. В каком-то интервью я прочитал, что столько-то тюков («бума») бумаг он передал в архив, столько-то тюков – в академический институт, столько-то – знакомым казаховедам, а еще столько-то хранит дома.

Несметное, поразительное богатство!

Жагда Бабалыкулы сам представлял целый исследовательский институт. Он был истинным «ғұлама», что по смыслу соответствует понятию «корифей».

К большому моему огорчению, я в жизни с ним не встречался. Но знал: многоопытный общественный деятель, глубокий знаток казахского языка, истории, национальной культуры, этнографии, ментальности, шежире (летописи, родословной) народов Западной Азии, собиратель-коллекционер редких, древних слов. И его статьи, интер-

вью всегда читал с интересом, с любопытством и восхищением. Помню, как в газете «Туркестан» (от 17 сентября 2009 года) было опубликовано его пространное интервью. И считаю здесь целесообразным ознакомить русскоязычного читателя с некоторыми положениями его рассуждений. Вот они в моей вольной передаче.

У нас о языке никто не думает, не печется. Все понимают: отомрет язык – исчезнет народ. Китайцы занимаются сбором своего языкового фонда 2300 лет. По тайваньским данным 1958 года, они собрали пятьсот тысяч корневых (не производных!) слов. Англичане – двести сорок тысяч. Литовцы за сто лет зафиксировали четыре миллиона корневых и производных слов. Казахи занимаются сбором языкового фонда с 1937 года. Но слова они черпают из произведений писателей. Неправильный подход! Собирать надо из уст народа. Разнообразным богатством казахского языка наиболее глубоко владел Мухтар Ауэзов. И то его лексический состав исчислялся менее чем двадцатью тысячами слов. (Здесь я, Г. Б., напомню читателю, что в одном только «Пути Абая» употреблено писателем 16 983 слова.) Словарный состав большинства казахских писателей ограничивается десятью – пятнадцатью тысячами слов. Некоторые пишут рассказы, обходясь одной-двумя.

Каков же словарный фонд казахского языка?

Никто толком не знает. У кочевых казахов, полагаю, он составлял миллионов пять. Столько же у оседлых. Чтобы все это изучить, необходима академия казахского языка.

Представьте – об одних только яствах я накопил полторы тысячи слов. По теме национальных спортивных игр – триста слов. По человеческим отношениям и людским характерам я собрал более пятишести тысяч слов-единиц. Этот океан не изучен. Только по форме шитья существует 76 наименований...

Таковы некоторые извлечения из интервью языкознатца Жагды Бабалыкулы.

Увы, я не вижу, чтобы кто-то к этим данным проявил интерес. Странно: некоторых русских, евреев, немцев столь богатый казахский язык даже раздражает. Вроде как не по Сеньке шапка, не по Мыркымбаю малахай. Недоумевают в том числе и этнические казахи, основательно оторвавшись от национальных корней. Звонят мне, спрашивают: «Неужели?», «Откуда?», «Почему не знаем?».

Е-е-е... айналайынчики мои, кто что нынче у нас знает... У нас уже 20 лет на всех перекрестках шумят бестолково о государственном язы-

ке, а раздрызганную арбу с места не сдвинут и продолжают калякать-калякайт по-русски. И какого-то особого прогресса я не вижу...

Так и прожил свой немалый век Жагда Бабалыкулы, обойденный вниманием и признанием, лаской и любовью. Обычная трагедия одиночки. Собеседником его оказался поэт и радетель казахской культуры Касымхан Бегманов, его внимательный и чуткий Эккерман, записавший исповедальные рассказы мудреца и недавно издавший их книгой под названием «Этнографпен әңгіме» («Беседы с этнографом»). Много познавательного найдет благодарный читатель в этой книге – об истории и языке казахов, об их отличиях от других народов, об их быте, традициях, трагической судьбе, о том, что было и что предать забвению грешно, преступно. Проникновенную рецензию на книгу Касымхана написал поэт Рафаэль Ниязбек в газете «Қазақ» (№ 3–4 от 21 января 2011 года). В рецензии, помимо всего прочего, идет также речь о лексическом богатстве казахского языка. Представьте: в коллекции Бабалыкулы 500 (!) слов, обозначающих только расстояние от шеи человека до его темени. В одной ляжке казахской овцы заключено 120 (!) слов-наименований, в одном корпусе (тулове) лошади упрятано более 350 (!) слов.

Рецензент приводит слова, характеризующие голову человека. И что это за слова? Перечисляю: *ақ бас, астау бас, ала бас, ақшеке бас, аламыш бас, ақылды бас, ақымақ бас, айна бас, айдарлы бас, бақа бас, бұзау бас, баспақ бас, буырыл бас, боз бас, бұқа бас, жылтыр бас, жирен бас, кейкі бас, көстек бас, көк ала бас, құлжа бас, қасқа бас, қушық бас, құж-құж бас, қатпар бас, қауға бас, қалтақ бас, мау бас* и т. д.

Подобных видов и характеристик головы наверняка достаточно и в русском языке: умная голова, дурная голова, тупая голова, шальная голова, бедовая, плешивая, лысая, узколобая, круглая, лошадиная, козлиная, баранья, яйцеголовая, дынеголовая, патлатая, котел-голова и т. д. Ну а некоторые сходу и не переведешь.

А какие у человека бывают глаза? *Ала көз, алағай көз, албасты көз, ақ көз, абай көз, айнам көз, боз көз, бақа көз, бота көз, бадырақ көз, балық көз, бұқа көз, бит көз, бұлдыр көз, бұлау көз, долы көз, жаутаң көз, жапалақ көз, жылан көз, жайдары көз, жасық көз, жылым көз, зұлым көз, ит көз, көлгір көз, көген көз* и т. д.

Надеюсь, читатель сам подберет этим видам глаз русский эквивалент.

Вспоминаются слова незабвенного Калеке – Калтая Мухамеджанова. Он неоднократно говорил: бытовой язык казахов необыкновенно богат. Но об этом богатстве не всегда знают сами казахи, а другие, мол, и признавать не желают.

К чему клоню? К тому, что клад покойного «ғұлама» Бабалыкулы стал достоянием народа, у которого он по крупицам же всю жизнь собирал. Этот клад необходимо обработать, осмыслить, классифицировать, опубликовать, дабы народ воочию убедился, на каком сокровище он сидит. А не петь десятилетиями пустой «аляуляй» и потешаться над фальшивой и мифической государственной лингвистической комиссией, принимающей показушные экзамены у претендентов в президенты.

КАК ЗОВУТ ТЕБЯ, КАЗАХ?

Когда знакомый мне доселе лишь по редким телефонным разговорам Аскар Смагулов из Министерства культуры РК занес мне домой объемную и тяжеленную (65 п. л.!) книгу-кирпич, я нахмурился и еле сдержал раздражение: «Ну, вот... завалят меня казахи своими опусами. Читай до самой гробовой доски...»

Ах, как я был неправ!

Бегло пролистав большущий фолиант, я сразу понял: плод тридцатилетних поисков и обобщений, огромный научный труд, серьезно аргументированный и систематизированный, тщательно, детально продуманный, библиографически основательный, дающий – помимо ономастики – редчайшие сведения о мощи и выразительности природного казахского языка, о достоинствах казахского речестроя, этнографии, о фантастическом богатстве казахов в имянаречении, о широте диалектического мышления, экскурсе в глубокую древность, о горизонте научных образов и изысканий в области ономастики и ее истории.

Фолиант изобилует многими бесспорными достоинствами. Некоторые попытаюсь отметить хотя бы пунктирно, ибо убежден, что русскоязычный читатель обязан знать, что происходит в обширной науке – казаховедении.

Сразу огорошу читателя: в энциклопедический справочник «Қазақ есімдері» включено более 70 тысяч (!) казахских имен, из них более 12 тысяч имен этимологически объяснены, истолкованы.

Поразительно, не так ли?!

Не свидетельствует ли столь мощное, разнообразное имянаречение о древнейшей уникальной культуре номадов, которая эффективно (иногда диковинно) отразилась в ономастике – одном из значительных разделов языкознания?!

Разумеется, в скромной заметке нет возможности охватить все грани этого уникального труда, но укажу те факты, которые «зацепили» мое сознание.

Вынужден, однако, начать с предыстории вопроса.

Еще учеником казахской средней школы я загорелся сбором казахских имен, абсолютно не представляя громоздкость данной затеи. Переписал в тетрадку – без какой-либо системы – всех учеников школы, потом – аульчан, потом – жителей соседних аулов. Когда собрал первую тысячу казахских имен, сообразил, что все это нечто безграничное и диковинное. Необходима какая-то система, все это сырье следует привести в божеский вид, а не вываливать все имена в кучу. Завел несколько тетрадей, распределил имена в алфавитном порядке, потом – относительно мужские и женские имена. Потом отдельной главкой расписал любопытные имена типа Маркс, Энгельс, Мэлс, Марэлс, Колхозбек, Совхозбек, Карл, Маршал, Коммунар, Ким, Клим, Советхан, Мәскеубай et cetera.

Сборы продолжались и в студенческие годы. Правда, все с меньшим азартом, ибо понял, что на эти сборы необходимо положить жизнь. А у меня тогда были вообще разные цели.

Именно студентом я понял, что ономастика – очень серьезная, кропотливая, хлопотная наука.

Очутившись в Байкадаме Сарысуского района Джамбулской области, где два года с гаком преподавал в средней казахской школе русский язык и литературу, я привлек к сбору имен всех моих учеников старших классов. И за короткое время в моих тетрадях казахских имен накопилось около семи-восьми тысяч. Надо было заняться этимологией имен. Занятие оказалось нудное и тягомотное. Очень часто этимология не проглядывалась. Нужно было запастись терпением и прилежанием на десятки лет. Разнообразие поражало. Порой казалось, что казахских имен больше, чем собственно казахских слов. Фантазия

казахов по части имянаречения оказалось неисчерпаемой, в чем я убедился на разных шильдеханах-родинах.

Поступив в аспирантуру, я обнаружил, что этой наукой занимались многие выдающиеся лингвисты. В том числе и казахи, о которых я ничего не знал. Особенно поразил меня Телкожа Жанузаков. Он, как выяснилось, по-научному занимался этим вопросом, во всеоружии подходил к проблеме, не плутал, как я, в потемках, публиковал статьи, делал доклады, издавал книжки и пособия, объяснял происхождение имен, ссылаясь на арабские, персидские, турецкие, монгольские, калмыцкие, русские и бог весть еще какие корни, защитил кандидатскую диссертацию. И я понял, что мои многолетние занятия были наивными, дилетантскими. Не что иное, как махровая самодеятельность. Идти проторенным путем расхотелось. И я расстался со своей коллекцией, при бесчисленных переездах в пору бездомья тетради потерялись, а кое-что уцелевшее я позднее сплавил в Президентский архив вместе со своими рукописями и прочими документами.

Но интерес к казахским именам во мне тлел всегда. Едва ли не любое имя раскрывало неведомый мир, намекало на конкретные обстоятельства. Этим и объясняется мое внимание к глобальному энциклопедическому труду Аскара Смагулова.

Из чего и как соткана эта энциклопедия?

Доктор филологии, ныне покойный профессор Акселеу Сейдимбек предпослал ей краткое, но энергичное вступительное слово. Он назвал выдающихся ученых, занимавшихся казахской ономастикой и антропонимикой: И. А. Износков, Н. Ф. Катанов, А.И. Самойлович, И. Брагинский, И. Беляев, Н. А. Аристов, М. Тынышбаев, С. Аманжолов, Г. Конкашпаев, А. Абдрахманов, Т. Жанузаков, В. Н. Потапова, Е. Койшыбаев, О. Султаньяев, В. У. Махпиров, Г. Жаркешова, Д. Жунусов, Е. Керимбаев, С. Кондыбай.

На фоне этих имен и их трудов мои давние попытки в сборе казахских имен, разумеется, выглядели увлечением дилетанта.

Акселеу Сейдимбек подчеркивает, что ономастика составляет антропонимическую систему, систему мировоззренческую, в ней отражена генеалогическая память народа.

Действительно, казахские имена отражают причудливый мир номадов, их историю, быт, культуру, этнографическую основу, чаяния и надежды.

Автор предварительного слова высоко оценивает многолетний труд Аскара Смагулова.

Широкоохватная статья «От автора» изобилует источниками происхождения казахских имен (из животного мира, из фауны и флоры, этнонимы и генонимы, топонимы, астронимы, от названия металлов и драгоценностей, от наименования годов, месяцев и дней, от охотничьего промысла, от земледелия, от предметов домашнего обихода, от видов занятия, от желаний, надежд, обстоятельств, конкретных исторических событий и т. д., и т. п.) и множеством конкретных примеров. Приводятся также варианты корневого имени, различные орфоэпические и орфографические нормы, имена исторические, родовые, навеянные знаменательными событиями, а также надуманные, составленные, диковинные, аббревиатурные, а то и вовсе загадочного происхождения. Обо всем этом и я писал в разное время, в частности в книжке «Записки старого толмача».

Автор энциклопедического справочника убежденно подчеркивает, что по богатству национальной ономастики с казахами не сравнится ни один народ в мире. Охотно с этим соглашусь. И доказательством может служить данный капитальный труд.

В энциклопедию включены разделы: «Прочтите, это любопытно», «Патриотические имена советского периода», разнообразные этнографические сведения (для меня и читателя, полагаю, едва ли не самая ценная часть труда), свод государственных законов по части казахской ономастики на казахском и русском языках (типа: «О порядке решения вопросов, связанных с написанием фамилий и отчеств лиц казахской национальности»), список использованной литературы (404 наименования!) и разные другие указатели, свойственные энциклопедическим изданиям.

Такова – в общих очертаниях – структура «Қазақ есімдері».

Теперь постараюсь сказанное проиллюстрировать конкретными примерами.

Толкование казахских имен происходит таким образом:

АБА – 1. қаз. – а) аң аулауға арналған қоршау, қаша; б) кең тігілген сырт киім, бурка; жылқы терісінен тұтас тігілген, жауын-шашыннан қорғайтын, күләпарасы бар, тұлыпқа ұқсас, жамылғы түріндегі сулық киім; в) толық тазартылмаған жуан жіптен тоқылған жүн мата; 2. көне түрік тілінде – ау; 3. көне түрік, араб, еврей, иран, тибет тілдерінде – әке, ата-баба; 4. ел, жұрт, мекен. Абабай.

АБАЛ, АБАЛАҚ. – 1. қаз. – үрпек, сабалақ, алба-жұлба; 2. тат. – абалақ – үкі; 3. араб. – абал – жабайы раушан гүлі, итмұрын, роза.

АҒЗИЯ – араб. – ас, дәм, тағам.

АЖАР – қаз. – 1. әдемі, көрікті, шырай; 2. түс, рең, рай, кеспір; 3. бедел, ар; 4. араб. – гүлдер. Ажаргүл, Ажария т. б.

АЙМАУЫТ – қаз., көне түрік – ұсақ шынжырлы етіп, асыл болаттан соғылған сауыт.

АЙПАРА – 1. қаз. ай + ир. пәрә – пери, періште, сұлу; 2. ежелгі қазақ халқының отқа табынуымен байланысты от анасының есімі. 3. үлкен, ірі, көрнекті. 4. жарты ай, айшық (полумесяц).

АРСАЛ – қаз., ноғай – жирен.

Ограничусь несколькими примерами на букву А.

Таким образом, этимологически разъяснены, истолкованы 12 тысяч имен на все буквы казахского алфавита. Это очень любопытное и познавательное чтение, как и любого энциклопедического словаря. Почти каждое имя – диковинный мир с древними разноязычными корнями. И почти за каждым именем скрывается многозначный смысл. Поэтому и считаю, что «Қазақ есімдері» достойна быть настольной книгой в каждой казахской семье и необходимым справочником для каждого любителя казахской словесности.

Меня разобрало любопытство: какие же могут быть у казахов имена на сугубо кириллические буквы «Э», «Ю», «Я»?

Представьте себе: и такие имена встречаются немало. Например: Эвелина, Эверест, Эдуард, Элеонора, Эллина, Эльбрус, Эльвира, Эльдар, Эльза, Эльмира, Эмилжан (от Энгельс, Маркс, Ильич Ленин + жан), Энгелина, Эрик, Эрнст, Эрнест (в казахской транскрипции встречается Ерінест), Эфира и т. д. Понятно, все они – заемные имена с греческими, латинскими, немецкими, французскими корнями или образованные, сконструированные из разных словесных элементов (например: ПОЛАС – Пушкин + Островский + Лермонтов + Абай + Сабит).

Одну из моих сестер звали Эльма. Я и не знал, что это вариант Елизаветы – Элизабет (так звали мою бабушку). Не знал также, что имя это носят и казашки. А Эллина образована от Елены.

На букву «Ю» приведено пять имен: Юбилей, Юлий, Юлия, Юпитер, Юран, Юрий.

На букву «Я» – восемнадцать имен: Ядыгар (Жәдігер), Язит, Яков (Жақып), Якуда (Жакуда), Ярхам, Ярхан, Ясин, Ясура, Ясикей (Есукей), Яхуда (Жакуда, Яһуда), Яхута, Яшар.

Большой раздел (63 страницы мелкого убористого шрифта) в энциклопедическом справочнике занимает «Білгенге – маржан». Чего здесь только любопытный читатель не найдет!

Это поистине бескрайний океан казахской словесности. Автор приводит редчайшие данные о казахском летоисчислении с русскими аналогами, с указанием годов по животному циклу; названия месяцев по-казахски, по-арабски и по-русски (наурыз – сафар – март; сәуір (көкек) – Раби-дууэл – апрель etc.); знаки Зодиака по-казахски, по-турецки, по-русски (Тоқты – Қозы – Хамал – Овен); наименования времен (например, на букву «Т»: тамыз, таң, таңғы, тарих, тоқсан, түн, түнгі, түс, түстік); названия созвездий и планет (например, на букву «Б»: Бабасан (Шампан), Балпан (Марс, Меркурий), Бахрам (Марс), Бикеш (Дева), Болпан (Кіші Шолпан, Меркурий), Босаға (Капелла), Бөрі (Волк), Бүйі (Скорпион), Бүркіт (Орел)); семь сфер мира; семь небесных сфер; названия, связанные с Солнцем, с Луной; девяносто девять имен Аллаха; имена двадцати пяти пророков; священные книги (Тәурат – Тора, зәбүр – псалтырь, Інжіл – евангелие, Құран – Коран); имена верховных ангелов; имена четырех великих халифов; названия райских обителей; имена некоторых богов; родовой состав казахского общества; тейпы Большого, Среднего и Малого жузов; состав шести Алаша; состав племен Ногайлы, Он ата, Жеті ата; имена казахских ханов всех трех жузов; казахи – члены Государственной Думы Российской империи; члены правительства Алашорды; имена военных предводителей, генералов и высших военных чинов – казахов; тамги главных казахских родов; боевые родовые ураны-кличи; имена египетских, турецких, иранских правителей-ханов и султанов и годы их правления... И т. д. И т. п. И мн. др.

Пожалуй, остановлюсь. Все сведения, включенные в главу «Білгенге – маржан» («Жемчужины познания»), я перечислить в своей статье не в состоянии.

Я себя к казаховедам не отношу, хотя мир казахов мне с детства близок, я всю жизнь стараюсь его посильно постичь и хочу, чтобы об этом мире как можно больше узнавали неказахи или казахи,. по разным причинам оторванные или оторвавшиеся от своих национальных корней. Из главы «Білгенге – маржан» энциклопедического справочника «Қазақ есімдері» я почерпнул в сжатой концентрации очень много сведений, которые я десятилетиями – как писатель, переводчик, лингвист собирал по крупицам, и о некоторых из них имел (и имею) весьма разрозненные и поверхностные представления.

Поэтому позволю себе представить вниманию читателей еще несколько любопытных сведений. Например, животный мир в разрезе самец – самка – детеныш. Вот возьмем названия домашних животных.

ВЕРБЛЮД. Самцы: *атан, бура, лөк, нар, үлек*. Самки: *аруана, мая, інген*. Детеныш: *бота, көшек, бажығай*.

(Замечу, это далеко не все виды, и каждый вид имеет свое описание и разновидности, и речь здесь не об этих подробностях, а всего лишь о некоторых общих названиях, которые образуют казахские имена и прозвища).

ЛОШАДЬ. *Айғыр* (жеребец, производитель) – *бие* (кобыла) – *құлын, тұматай* (жеребенок).

(Опять-таки о многочисленных разновидностях по разным параметрам речь здесь не идет)

ОВЦА. *Қошқар* (баран-производитель) – *қозы* (овцематка) – *қошақан, бағлан* (ягненок).

КОЗА. *Теке, шікіраз – ешкі – лақ*.

СОБАКА. *Сырттан, төбет, байтөбет – қаншық, өлекшін – күшік, итақай*.

ГУСЬ. *Атақаз, аталық – мамақаз, ұрғашы қаз – мамыр, балапан*.

И т. д.

Три примера из разряда диких животных:

МЕДВЕДЬ (АЮ). *Мақат, матай, сіті – кірекей, абақ, мердек – қонжық, апанақ, мердек*.

ЛЕВ (АРЫСТАН). *Абадан, күркіреуік, сырттан, ызақор-қаншыр, ләйза – абдан, абадан, теңбілше*.

ТИГР (ЖОЛБАРЫС). *Жолбарыс, шері – өлекшін, мадашөнжік, сарамақ (сармақ)*.

И т. д.

Далее следуют названия самок и детенышей: *барыс, қабылан, сілеусін, шағал, түлкі, құндыз, борсық, аққіс, қоян, суыр, құлан, бұлан, бұғы, марал, елік, арқар, тауешкі, киік, доңыз, итбалық, жылан, аққу, бүркіт, қасқалдақ, қырғауыл, көкек, тасбақа, бақа, бекіре, қияз*.

Сотни слов, большинство из которых я, например, не знал и не знаю. Думаю, по этой части почти все коренные казахи ни «бэ», ни «мэ», ни «кукареку».

Отдельно приводятся казахские названия, относящиеся, скажем, к волку, собаке, лошади, верблюду, ишаку, кролику и т. д.

Вот слова по теме «верблюд»: *айыр, ақбақ, ақбалдақ, ақбота, ақбура, алабас, алаша, аруан, атан, атанша, бәкір, бекпатша, бозым, бота, ботақан, божығай, бура, буыршын, бұзбаша, бүлдіршін, біртуған, біртума, жамал, жампоз, жар, жарбай, желмая, жонбай, жөн, кезнар, кейуана, келе, кердері, көшек, күрт, қаймал, қайыған, қайымалы, қолбағай, қаптағай, қарабура, қаранар, қаю, қолбатша, қолқан, қоршау, қоспақ, құлпатша, ләкір, лөк, маз, мая, нар, нарбота, нартайлақ, нарша, ойсыл, ақбақ, сарша, сарыатан, сақтан, тайлақ, теге, торым, тумыш, түйе, түс, түсайыр, үлек, шау, шомақ, інген* и т. д.

Слов по теме «лошадь» я насчитал в труде Аскара Смагулова 85, по теме «корова» – 34, по теме «овца» – 48, по теме «коза» – 25. И везде автор заканчивает перечисление пометкой «т. б.», то есть «и т. д.».

Разумеется, такого обилия «животных» слов вы не встретите ни в русском, ни в других европейских языках. Привет тем всезнайкам (по-немецки: klugscheißer), серьезно утверждающим, что «бедный» казахский язык состоит всего лишь из 500 слов (а я лично таковых встречал в самых высоких сферах)!

В справочнике приведены казахско-русские названия некоторых диких зверей, беркута (по возрастному признаку), ловчих птиц, рыб, насекомых, растений (их в Казахстане встречается более шести тысяч видов), овощей, фруктов, названия продуктов (молочных, мясных, злаковых), предметов быта, ювелирных изделий, государств, областей, народов, городов, разных ремесел, человеческих типов и характеров, слова, обозначающие физико-психическое состояние человека, погоды, градации чинов и служебных должностей и многое-многое другое.

Может возникнуть вопрос: а какое имеют отношение эти слова из исторической, хозяйственной, этнографической, духовной, социальной, политической, этнической, психической и т. д. сфер к энциклопедическому справочнику по казахскому имянаречению? Ответ очевидный: все эти слова-названия, в той или иной форме и вариациях, нашли прямое отражение в казахских именах, в чем несложно убедиться, ознакомившись с более чем семьюдесятью тысячами имен, включенных этот уникально-капитальный труд.

Несомненное внимание привлечет объемная статья под названием «Читайте: любопытно». Речь в этом разделе идет о традициях и правилах имянаречения в разных странах мира – Франции, России, Белоруссии, Украине, Италии, Австрии, Швейцарии, Британии, Швеции, Бельгии, Польше, Литве, Армении, Сербии, Хорватии, в разных

частях света – Азии, Америке, Австралии, Африке; приводятся наиболее распространенные в наше время мужские и женские имена, отмечаются ограничения в правилах и законах имянаречения, строго регламентируемые традиции. Конечно, эти сведения любопытны и поучительны. Видимо, и в казахском имянаречении необходимы некоторые четкие рамки, не допускающие безграничного своеволия и необузданной фантазии в искусстве и науке ономастики. Всеядность в этом вопросе неминуемо приведет к хаотическому недоразумению. Именно к такому выводу приводят некоторые наблюдения и изыскания дотошного автора энциклопедического справочника.

О том же свидетельствуют и имена патриотического содержания советской эпохи. Тут и вовсе встречаются диковинные имена и искусственные образования. Приведу несколько имен из этого разряда.

Арлен – армия Ленина.

Артака – артиллерийская академия.

Бестрева – Берия – страж революции.

Велор – великий Ленин организатор революции.

Вилжан – Владимир Ильич Ленин + жан.

Вилис – Владимир Ильич Ленин и Сталин.

Вильсор – В. И. Ленин – создатель Октябрьской революции.

Ворбудрык – Ворошилов, Буденный, Рыков.

Давсемир – Да здравствует всемирная революция.

Зиф – земля и фабрики.

Ивсталь – Иосиф Виссарионович Сталин.

Лес – Ленин, Сталин.

Лориэрик – Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, электрификация, радиофикация и коммунизм.

Оюшминальд – Отто Юльевич Шмидт на льдине.

Поиск – поколение Октября и строителей коммунизма.

Ренас – революция, наука, союз

Юралга – Юрий Алексеевич Гагарин.

Яслен – я с Лениным.

Пожалуй, достаточно. Только и воскликнешь: апырай, қазақтар да ат қоя береді екен!

Добавлю только, что подобные имена имеют и женские варианты.

Лора – Ленин, Октябрьская революция.

Мирра – мировая революция.

Лэри – Ленин, электрификация, революция, индустриализация.

Ремира – революция мировой армии.

Икки – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.

Зарема – за революцию мира.

Элен – эра Ленина.

Что и говорить, некоторые подобные имена кажутся наивными, смешными и даже уродливыми. Но они отражают социальную, политическую жизнь на определенных этапах. В энциклопедическом справочнике «Қазақ есімдері» я насчитал их около 300.

Таковы картины нашего бытия.

Далее идет длиннющий список имен без этимологического разъяснения.

Диву даешься, каких только нет имен у казахов!

Я любопытства ради стал искать среди них Герольда. Не может же быть, чтобы среди 70 тысяч имен не затесался мой тезка. Я ведь доподлинно знаю, что в Алматы подрастает мальчуган по имени Герольд Өтемұратов. Он посетил меня со своими родителями. И я воспроизвел его фотографию в своей книжке «Записки старого толмача». Более того, у него есть братишка, которого нарекли именем Бельгер.

Герольда в «Қазақ есімдері» я нашел дважды наряду с Гансом, Гегелем, Генрихом, Герой, Гением, Гертом и др. Даже есть пометка: Герольд – в древнегерманском языке означает «копьеносец», «копейщик».

Такого толкования я не встречал. Мне известно, что в древнегерманских и скандинавских языках Герольд означает «глашатай» (по каз. жаршы), «трибун», «вестник» (именно в таком значении Герольд присутствует в «Фаусте» Гете. В таком смысле употребил его и К. Маркс). Варианты этого имени: Герольд, Гарольд, Джеральд.

В этимологической части справочника я обнаружил в перечне казахских имен и Бельгера со ссылкой на меня. Выходит, энциклопедия отразила самые свежие веяния в имянаречении.

Отрывки из Указов Президента РК на казахском и русском языках о порядке решения вопросов, связанных с проблемами казахской ономастики, а также список использованной литературы, перечень разных обозначений сокращений значительно приумножают научную знаачимость солидного фолианта «Қазақ есімдері». Это плод больших

усилий, многолетних, кропотливых исканий, принципиального подхода к актуальным проблемам языкознания в широком историческом, культурологическом, общественном аспекте, научной систематизация безграничного материала в области казахской ономастики и антропонимики.

Словом, это уникальное исследование заслуживает самой высокой оценки. Не знаю, обладает ли его автор – Аскар Смагулов – научной степенью, но я, будь моя воля, со своей колокольни охотно присвоил бы ему за «Қазақ есімдері» научную степень – доктор филологии. Труд этот – значительный и серьезный вклад в многогранную науку – казаховедение.

Июль 2013 года

ГУЛ СТЕПИ ПОД КОПЫТАМИ КОНЕЙ

Представляю русскоязычному читателю эту книгу-гигант. Называется она по-казахски «Қазақ жылқысының тарихы». Автор – доктор исторических наук, крупнейший в мире специалист-лошадник – Ахмет Тоқтабай.

Немало разных книг прошло на моем веку через мои руки. Но с такой книгой-громадиной, подлинной «лошадиной» энциклопедией сталкиваюсь, пожалуй, впервые. Весомое творение и в прямом, и в переносном смыслах.

Ее просматриваешь, перелистываешь, а потом читаешь с наслаждением. С восторгом. Удивляясь и поражаясь. Это нечто необъятное, всеохватное, как сама казахская степь. Вчитываешься в этот фолиант и слышишь гул земли, дробный топот копыт вихрем проносящегося табуна.

Все в этой книге объемно и мощно: и текст, и редчайшие иллюстрации, и фактура, и дизайн и – главное – поэтика содержания не могут оставить читателя равнодушным. В данном случае история казахской лошади, охваченная во времени и пространстве, олицетворяет историю народа, историю страны, историю неистребимого национального Духа.

Поистине исполинский труд!

Немного конкретики. Объем книги более 80 печатных листов. Иллюстраций (рисунков, репродукций, картин, фотографий, наскальных изображений, гравюр, схем, зарисовок, графики) несколько сот. Огромный формат. Отличная бумага. Твердый переплет. Прекрасный шрифт. Тщательно продуманное расположение материала. Список использованной литературы включает 630 (!) наименований на разных языках. Указаны также архивные источники Казахстана, Узбекистана, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Омска, Центрального госархива древних актов. Книга снабжена и другими данными, свойственными солидному научному исследованию.

Книга дает исчерпывающие сведения о древней казахской земле – родине лошади, о лошади в эпоху скифов-саков, амазонок, гуннов, древних тюрок, кипчаков, монголов, о породах казахских лошадей, о тонкостях коневодства, о конской сбруе («ер-тұрман»), о «лошадиных» продуктах, об уходе за призовыми скакунами, о народных торжествах-праздниках, связанных с лошадью, о лошади в военно-походных действиях и охоте, о месте лошади в духовном мире номадов и казахов, в частности, о проблемах коневодства в современных формах хозяйствования.

Таковы основные темы книги. И, понятно, каждая тема имеет множество ответвлений.

Велика познавательная часть книги. Автор владеет сочным, образным казахским языком, передает все нюансы природного казахского речестроя, он глубоко вник во все тонкости «лошадиной» ауры.

Я много переводил казахской прозы на русский язык. И в прозе казахов лошади отведена величественная роль. И я постоянно наталкивался при переводе на разные камни преткновения, особенно когда дело касалось лошади. Я по крупице десятилетиями собирал свой «лошадиный» словарь. О том я поведал не однажды в своих переводческих статьях и в книгах «Ода переводу» и «Записки старого толмача». Я шел в освоении трудоемкой темы долгим, кружным путем. А теперь, на склоне лет, вчитываясь в фолиант «История казахской лошади», нахожу подробнейшие ответы на все свои вопросы, касающиеся подлинной национальной ментальности.

Лошадь – это мир казаха. Его крылья, его история, мерило его жизненных ценностей, благо, богатство, гордость и радость, поэзия и музыка, нравственный бренд. И этот мир в данной книге раскрыт,

описан, вдохновенно воспет по всем статьям и параметрам. Это энциклопедия. Симфония степи – древнейшей и вечно обновляющейся.

Каких только сведений я не нашел в этой книге! Вот, к примеру, «Аттың сыны» – внешние приметы лошади. В этой части я насчитал двести слов. Шея (мойын) лошади имеет такие приметы: *қыл мойын, жуан мойын, жұмыр мойын, жолбарыс мойын, құлжа мойын, қысқа мойын, ұзын мойын, көзе мойын.* А какими у лошади бывают зубы? Пожалуйста: *сиыр тіс, қой тіс, доңыз тіс, бидай тіс, түйе тіс, құлан тіс, тауық тіс, алыс тіс, жайран тіс, жуан тіс, ұзын тіс.* А глаза: *қой көз, шегір көз, қыли көз, көк көз, тауық көз, ақ көз, томаға көз, қара көз, тостаған көз, шошқа көз.* И т. д.

Лошадь обладает всеми признаками красоты, изящества и благородства. Для описания частей тела лошади казах употребляет сто слов-наименований.

Я, переводчик, для многих этих слов не нахожу русского адеквата (хотя, полагаю, он имеется, и истинные лошадники их знают).

Более тридцати слов необходимо для описания аллюра.

А какие виды седел? И вообще сбруи – по форме, по назначению, по материалу? А вид плетей-камчи (23)? А видов обращения с плеткой (*қамшы үйіру, қамшы билеу, қамшымен жасқау, сипай қамшылау, батыра қамшылау, орап тарту, шықпырту, оса тарту, тіле тарту, баса тарту, көсіп жіберу, серпе тарту, көсите тарту, салып қалу, сілтеп қалу*)?

Целая глава в книге посвящена продуктам из кобыльего молока. Сведения о лечебном кумысе мы находим еще в древних русских летописях. Литература о кумысе насчитывает тысячи произведений. На память приходит чудный рассказ Дукенбая Досжанова «Кумыс». На мой взгляд, это шедевр.

А какие бывают виды кумыса?

Саумал, түнемел қымыз (однодневной выдержки), *құнан қымыз* (двухдневный), *дөнен қымыз* (трехдневный), *бесті қымыз* (четырехдневный). А в каких посудах его заквашивают и хранят? Вот предметы «кумысного» обихода: *ожау, күбі, бұлқыншақ, көнек, шара, тегене, тостақ, тостаған, самар, саптаяқ, саба, торсық.* В свой черед разновидности торсыка: *шимай торсық, мүйіз торсық, өрме торсық, өркеш торсық, тай торсық.* На чем настаивают закваску? Какими пользуются добавками – ароматическими травами? Какими мутовками взбалтывают кумыс в разных бурдюках? Как перевозили

при кочевках гигантские бурдюки, сшитые из нескольких дубленых лошадиных шкур? Каким дымом коптят-обрабатывают кожаную посуду из-под кумыса? Как и сколько раз доят кобылиц? Каково назначение того или иного вида этого божественного напитка?

О, это целая наука, искусство, вековая традиция, освященная опытом сотен поколений!

Вкус қазы, к примеру, в Казахстане всем известен. И я – особенно в зимнее время – предпочитаю қазы-қарта, жал-жая и прочие конские деликатесы. Выступая перед германцами, я всегда говорю о преимуществах этих деликатесов, в которых – по моему убеждению – жизненной энергии неизмеримо больше, чем в традиционных немецких колбасах, основанных в лучшем случае на шестнадцати процентах свиного мяса. Да и свинюшка-то вскормлена химическими добавками.

Разумеется, я имею кое-какое представление о разновидностях қазы. Но не думал не гадал, что разновидностей столько: *жылт қазы, ала бұлт қазы, пышақ жүзі қазы, пышақ сырты қазы, шынашақ қазы, бармақ қазы, бір елі қазы, екі елі қазы, үш елі қазы, бес елі қазы, сере (кере) қазы, табан қазы, қарыс қазы, табалдырық қазы, жеңді білек қазы, тобаяқ қазы, дөңбек қазы, ұлпа қазы, бұжбан қазы, кірпіш қазы, домбай қазы, қос қазы, қазының құрышы, қазының тұйығы, берел қазысы, Гиннесс кітабына кірген қазақтың ең ұзын қазысы.*

Ух, обалдеть! У меня слюнки потекли, пока я переписывал все эти – знакомые и незнакомые – виды қазы.

Цитировать «лошадиную» энциклопедию хочется бесконечно, ибо перед читателем (чую, малоискушенным) открывается фантастический мир, от которого нынешнее поколение, к сожалению, все более отдаляется.

Ограничусь еще одним сведением по части лошадиной масти. Они бывают следующими: торы, *шабдар, жирен, күрең, кер, қара, қоңыр, көк (ақ), сары, бөрте, құла, шұбар, бурыл, ала.* Разумеется, все эти масти имеют и русский адекват. Сложность, однако, в том, что каждая масть имеет множества оттенков и индивидуальных примет: у торы – 28 подвидов, у шабдар – 10, у жирен – 28, у құла – 35, у ала – 27 и т. д.

Перечислю оттенки масти «қара» – вороной: *қара, қарагер, мақпал қара, қара бұйра, сары бауыр қара, шалқұйрық қара, сымпыл қара, қоңыр қара, қара төбел, қара қасқа, қара шегір, алаяқ қара, ақбақай*

қара, аққұйрық қарала, мөлдір қара, қарасұр, алқарагер, аларакөк, майда қоңыр, шым қара, тым қара, бұлан қара, қабан құлақ қара ат, сүлік қара, ақсауыр қара, қара қоңыр, шымқай қара.

Привет московским горе-экспертам, обещающим обучить казахскому языку за две недели. Не понимают эти верхогляды-пустобаи, что только лошадиный мир едва ли можно познать и постичь за десяток лет.

Все кажется легким, когда ни бельмеса не знаешь.

Необходимо еще отметить, что все очерки-статьи о многогранном мире лошади обрамлены эффектными стихами из казахского фольклора, из древних эпических дастанов, лирико-героических сказов, легенд, преданий, притчей, стихами казахских жырау, расширяющими горизонт мировоззренческих, философских представлений о жизнедеятельности древнего народа.

Полагаю, что из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Мир лошади для подавляющего большинства казахов ныне – чуждый мир. Многим казахам и сам казах уже чужд. К сожалению, нынешние казахи от лошади заметно отстранились. На лошади ездят все меньше, в скачках-байгах-кокпарах участвуют все реже, откуда им знать тысячи и тысячи «лошадиных» слов, если ими в повседневном быту не пользуются? Они жал-жая от магазинных соевых сосисок не отличают, қазы они и во сне не видели, вместо кумыса пьют кока-колу. Оторвавшись от лошади, современная казахская молодежь (особенно горожане) удаляется все дальше от казахского мира, от национальной истории, от культуры, от музыки. Топот лошади, лопотанье копыт она слышит разве что в мультфильмах или в батырских сказках. Вот этот огромный пробел в казахской космогонии в значительной мере восполняет энциклопедия энтузиаста Ахмета Тоқтабая. Именно в этом заключается воспитательная и познавательная значимость его исследования.

Труд этот – своеобразный памятник казахской истории, культуры, этнографии, языка и национального Духа. Эта книга одухотворяет прошлое нации и вселяет веру и мощь в будущее. Эмоциональный и эстетический заряд данного исследования огромен, гул конских копыт на бескрайних просторах великой Степи будоражит душу, заставляет сильнее биться сердце, и встречный тугой ветер наполняет грудь всадника силой, свободой, ликованьем и торжеством.

Именно так я воспринимаю эту книгу-гигант, которая, по моему убеждению, заслуживает самой высокой научной, гражданской и исторической оценки.

Июль 2013 года

КРУТОЕ ВРЕМЯ – ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Қажығали Мұханбеткалиұлы, давний знакомый, видный казахский прозаик, прислал мне рукопись своего нового романа «Тар кезең» («Крутое время»): «Прочти, пожалуйста. Скажи, что получилось? Я корпел над этой вещью двадцать лет».

Мне это известно. И, судя по всему, роман этот – главный труд Қажығали.

Роман о Сырыме Датове (1712–1802) и его времени, драматическом и трагическом. О Сырыме бие и батыре, предводителе антифеодального и антиколониального народного движения степняков Западного региона на исходе XVIII века. Роман, следовательно, исторический. Так определил его жанр и сам автор. Мне довелось на моем веку читать немало казахских исторических романов, о ханах, батырах, беках, биях, кедеях разных эпох, и, признаться, отношусь к ним с некоторой настороженностью. В них очень много схожего, фольклорно-мифического, вымышленного, условно-поэтического и маловато конкретного, исторического, фактологического, документального. В этих романах, как правило, присутствуют велеречивые бии-златоусты; отчаянные храбрецы-батыры, которые, как водится, «одним махом семерых побивахом»; ханы, в большинстве своем мудрые и дальновидные народные заступники, охотно жертвующие собой ради чести и достоинства предков, поклонники всемогущих аруахов; в этих многоверстных красочных описаниях происходят, конечно, забавы лихих удальцов, барымта и карымта, умыкание невест, бешеные скачки по степному раздолью, искусные интриги, подлости и коварства, многодневные пиры-тои, многолюдные поминки-асы, разбои, вопли-кличи «Аттан-аттан! Ойбай-ойбай!»; случается и любовь, нежная и трепетная, и прочий восточный антураж, изрядно набивший оскомину.

В подобных исторических романах много экзотики, но история чаще всего и не ночевала. Приступая к чтению исторического романа Қажығали, я невольно подумал: «Ну, опять окунусь в знакомый аляуляй».

К счастью, с первых страниц я понял, что это не так. И обрадовался. Повествование начинается с приглашения всесильным фаворитом императрицы Екатерины II генерал-фельдмаршалом Григорием Александровичем Потемкиным на аудиенцию барона Осипа Андреевича Игельстрома, назначаемого генерал-губернатором Оренбургского края. Из официальной беседы двух высокопоставленных сановников перед читателем романа раскрывается широкая панорама сложных узлов отношений Российской империи с подданными из далекой степной окраины, все перипетии подспудных интриг с казахами, пограничными воинствующими казаками, с башкирами, мещеряками, калмыками и прочим вольным и подневольным людом, склонным к постоянным стычкам, грабежам, склокам и междоусобным войнам.

Такова завязка. Уж больно неспокойно на далеких рубежах не в меру разросшейся империи. Мудрено держать в узде строптивых и непокорных. Политика силы зашла в тупик. Старые методы подавления не срабатывают. Необходимы новые формы управления.

Видно, что историческая фактура в романе не с потолка взята, не из пальца высосана, а зиждется на документах, фактах, точных реалиях, на дотошное, по крупицам, исследование которых автор и извел годы самоотверженного труда. В романе функционируют крупные чиновники из высоких департаментов Петербурга, вершащие большую политику по удерживанию относительного мира и спокойствия среди многоязыких инородцев в закоулках могущественной империи. Об этих лицах доводилось кое-что читать из разных источников. Қажығали, на мой взгляд, сумел выявить, вычленить самую суть. И изложить ее достоверно и убедительно. Понятно, художественно выполнить эту задачу было непросто.

Это касается и сугубо номадической части эпического романа. Я имею в виду воссоздание колоритных образов степных воротил, предводителей мятежных родов, конкретных биев и аткаминеров из окружения убедительного борца за свободу народа, истинного радетеля униженных и оскорбленных, вечно гонимых – Сырыма Датова, осознававшего, что ханское правление в Степи изжило себя, что отныне отношения с империей необходимо строить на иной основе, что судь-

бу народа следует решать не в ханской ставке, не на «Ханском совете», а на великом Совете верных избранников самого народа, которые в состоянии навязывать добрую волю заскорузлым чиновникам царской администрации. Таковы зачатки степной демократии. Такова историческая миссия Сырыма-батыра, выросшего из бунтовщика в крупного политического деятеля, сумевшего в нужный час настроить своих соратников на новую волну прогрессивных отношений между империей и верноподданными, сохранившими дух вольности номадов.

В романе преобладает внутренний динамизм. Именно из речей и размышлений его героев, из долгих многостраничных живых диалогов и монологов вытекает динамичная концепция сложного, многопланового произведения, привлекательность его композиции и логика действий.

Роман густо населен действующими лицами. Поименно названы предводители родов, показаны их взаимоотношения, их речевые характеристики, их поступки, их сомнения и душевные терзания, их тяга к справедливости, миру, благоденствию соплеменников, потомков. Монологи и диалоги воспроизведены изящно, согласно культу степного речестроя и традиционного бийского красноречия. Даже русская речь мирских сановников передана во всех нюансах с подлинно казахским шармом.

Я не анализирую роман, не вхожу во все его художественные детали, решения и своеобразия, я лишь пытаюсь бегло выразить впечатления о прочитанном. Руководствуюсь при этом, по мере своего разумения, известным штандпунктом Льва Толстого: «Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трех сторон. Во-первых, со стороны содержания – насколько важно и нужно людям то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение искусства только тогда произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни; во-вторых, насколько хороша, красива соответственно содержанию форма этого произведения; в-третьих, насколько искренне отношение художника к своему предмету, то есть насколько он верит в то, что изображает».

Роман Қажығали, думается мне, отвечает этим высоким требованиям. Содержание его важно и нужно своей актуальностью казахам (и казахстанцам), строящим свою свободную независимую страну. И оно (содержание) вполне соответствует той психической, повествовательной, изобразительной форме, которую выбрал автор в традиционном

ключе. И он (автор) убежденно верит в то, что им исторически живо воссоздано, и в мировидении его отчетливо сказывается его любовь (к свободе, достоинству, чести, самоутверждению) и ненависть (к рабству, насилию, двурушничеству, беспределу).

Именно с такой колокольни я и оцениваю роман Қажығали. Ему удалось сохранить речевое и поведенческое своеобразие представителей каждого сословия и каждой национальности даже в мелочах, а главное – выдержать стройность и логику повествования.

При этом, полагаю, роман не лишен и очевидных огрехов. При переводе, например, на русский язык (или другой европейский язык) наверняка смутит обилие казахских имен, названий родов, запутанные племенные и клановые отношения, пафосные речи, некоторые повторы, монотонность антуража. Но, видно, автор не о том заботился, а, прежде всего, о своем казахском читателе. Тогда и мое замечание наверняка беспредметно. И еще куда-то исчезли с арены истории номадов милые казашки-степнячки. Или я их не разглядел? На всех крутых этапах своей судьбы они ведь всегда играли немаловажную роль.

...Спускаясь с холма, где только что отшумел «Народный совет» старейшин родов, провозгласивший единство, волю и идеалы свободы, Сырым-батыр задумчиво вглядывается в безбрежную даль, силясь сквозь марево веков провидеть будущее своей вольной и могучей страны. И что ему провиделось-померещилось у холма 1785 года? Может, тяжкий и тернистый путь к вожделенной свободе?..

2012 год

ДЕРВИШ, КАКОВА ВЕРА ТВОЯ?..

(Эссе)

В одной из своих философских притчей («Вера») Тимур Зульфикаров вопрошает:

– Дервиш, какова вера твоя?..

Я вздрогнул от этого вопроса. Ясно, что я никакой не дервиш, хотя, чудится, моя душа тоже неприкаянно странствует по долинам-взгорьям, не находя пристанища и утешения на склоне лет. И, каза-

лось бы, и у меня должна же быть какая-то вера, даже если я по воспитанию и трижды атеист.

Но в чем она, моя вера?

Цитирую Зульфикарова:

«Сказал:

– А я молюсь во всяком храме, который стоит на дорогах моих...

И на всяком камне, если нет храма вблизи...

И на всякой земле...»

Красиво сказано. Мудро, поэтично, всеобъемлюще. Задумался. Задумался и вспомнил.

С раннего детства я был отлучен от всякой веры.

Помню бабушку по отцу, Марию-Элизабет Зельцер, строгую, суровую, истовую лютеранку. Я ее побаивался. И вся деревня тоже. Перед ней робели все мангеймовцы. Все ее дети – пять сыновей и две дочери – под натиском нового времени и крутой большевистской власти отдалились-отошли от веры, заповеданной предками. Она одна осталась верной своей Вере. Мужа, моего дедушку Фридриха, она похоронила еще в голодном 1921 году, а сама умерла за несколько месяцев до войны, перечеркнувшей, переломавшей, перемолотившей судьбу российских немцев.

Я знавал братьев отца – дядьев Вильгельма, Фридриха, Хайнриха, живал у них. Никакой особой тяги к религиозности в их семьях не заметил. Возможно, по причине малолетства.

Сохранились кое-какие фотографии той поры, и том числе запечатлевшая меня, девятимесячного, на коленях морщинистой, носатой, во всем черном бабушки.

Ну а отец мой, один из первых сельских «комсомольцев», юношей вступил в Общество безбожников – билет с немецким текстом, кажется, сохранился. Звучит устрашающе, пугающе – Общество безбожников, но было на заре советской власти и такое общество.

Отец бравировал всю жизнь: «Не верю ни в Бога, ни в черта».

Но долгую свою жизнь отец прожил праведно и благонамеренно, по высшим нормам нравственности. А от той фразы – о Боге и черте – меня почему-то коробило. Мне всегда казалось, что лучше всего их не упоминать без особой надобности.

Да и ныне я придерживаюсь такой линии.

Очутившись в казахском ауле в трагические военные годы, я впервые столкнулся со словом «мұсылман».

Что это за вера и в чем ее суть, я, разумеется, не понимал. Заметил: о мусульманстве старались в ауле не распространяться. Само это слово было табу.

Даже приветствия: «Ассалаумагалейкум – уагалайкумиссалам» избегали, как и разных словечек из Корана. Всякая религиозность, набожность считались привилегией древних стариков.

Так было. Оллахи-биллахи! Пионером-второклассником я играл в скетче, разоблачающем мулл-невежд. Тогда-то впервые лицезрел пятничный намаз.

Было это в 1943 или в 1944 году. Жили в ауле отчаянно бедно. Ныне это невозможно даже вообразить. Люди превратились в тени. В чем только душа держалась – не понять. Кто-то верил – тайком! – в Аллаха. Большинство – в усатого вождя, великого Ыстеке-Сталина. Многие ни в кого и ни во что не верили.

Сумрачное время.

В верхней части аула, наискосок от дукена-магазина, жил тихонезаметно мулла Елемес. Сухопарый, аскетического вида, бритоголовый, жидкобородый, отстраненный человек неопределенного возраста. Несколько раз на дню он в застиранном дамбале и облезлой плюшевой безрукавке отправлялся с кумганом в руке на пустырь за аулом совершать омовение.

Жил он замкнуто, благочестиво.

И сумерках по пятницам в его убогом домике собирались семьвосемь набожных аульчан, и при чахлом свете лампы-семилинейки проходил намаз. Мой дружок Аскар доводился мулле Елемесу дальним родичем, и ему, сироте, дозволялось присутствовать при намазе. Аскеру одному слушать долгое бормотание арабских слов было, очевидно, в тягость, и он как-то пригласил и меня, инородца-кафира, и еще двух балашек-шалопаев. Мы должны были примерно час-полтора не шалить, молча сидеть в закутке за печкой.

Я чувствовал себя чужаком, испытывал волнение и страх, рассеянно вслушивался в непонятные, но звучные молитвенные слова – Алла-а, субыхан, ил-ла аллаh, ир-рахман рахим, аллаhу акбар, рәсула, шайтани – в оба глаза смотрел на муллу Елемеса, который на пыльном, старом коврике-жайнамазе клал поклоны, теребил себя за мочки ушей, опускался на колени, наклонялся то влево, то вправо, сгибаясь в пояснице, оглаживал ладонями лицо, бороденку, вставал на ноги и вновь опускался на коврик, и самозабвенно бормотал убаюкивающие,

нескончаемые молитвы. Все телодвижения муллы точь-в-точь повторяли сивобородые, плешивые аульчане, которых я знал по имени, время от времени провозглашали «Ауминь!».

Люди искренне верили во всемогущество Аллаха, уповали на него, молились ему, поминали всех шеитов, погибших на полях сражения с проклятым Китляром, просили облегчить тяжелую жизнь аульных вдов и сирот, связывали свою горькую участь на земле только с Добром, Великодушием и Милосердием Всемилостивого.

Меня этот пятничный намаз в захолустном ауле потряс.

Неужели существует некая Сила, некий нечеловеческий Разум, который руководит порядком Вселенной?

Я поведал о моих откровениях и сомнениях отцу.

«Брось! – сказал он решительно. – Все это выдумки бедных и несчастных. Я лично не верю ни в Бога, ни в Сатану. Человек должен уповать только на себя. Имей в виду!»

Так я и жил. Так и рос.

Внимал отцу и приглядывался к аульчанам.

Вскоре сообразил: их вера неглубока, так себе, постольку-поскольку, на всякий случай, они предпочитали соблюдать некие традиционные каноны, отдаленные мусульманские верования. Говорили почти или чаще всего автоматически: «Бисмилля!», «О, тәңірім, қолдай гөр!», «Құдай сақтасын!», «Бергеніңе шүкір», «Бұйырғаны болар!», «Тәубе, тәубе!», молитвенно оглаживали лица, к месту или не к месту произносили какие-то заученные арабские слова, как я позднее понял, в сильно искаженном виде, с аульным, сугубо казахским макамом благодарили Всевышнего за любую трапезу, за всевозможные благодеяния, и все это очень походило на некий освященный предками ритуал.

Вера, как мне показалось, не была истовой, глубокой. Аллаха упоминали часто, но по инерции, всуе.

Таковы были мои аульные впечатления. Позже я в том утвердился уже в разных областях необъятного Казахстана. Вера укрепилась в сознании у казахов южного края, тех, кто был ближе к узбекам.

Получалось, как по горьковской формуле: веришь в Бога – и есть Бог, не веришь в Бога – и нет его.

Очень удобная и универсальная формула, как отточенные гегелевские максимы: «Все действительное разумно, все разумное действительно», «Все на свете объяснимо».

Получается: уверен в себе – нет Бога; нуждаешься в утешении и поддержке – верь в Бога и во всем уповай на него.

Все просто. Непререкаемо. И не обидно.

Формула Максима Горького утешала и вполне устраивала меня. Она оставляла нишу для собственного «я». Или лазейку. Не лишала воли.

А уже во взрослые годы читал и перечитывал дневники Льва Толстого.

Он без конца варьировал тему истинной веры, на все лады обыгрывал Бога, очень старался постоянно быть с Богом, верно и преданно служить ему, беспрестанно молился для себя и про себя: «Помоги, помоги мне не переставать сознавать себя твоим крошечным, но все-таки работником, чтобы не прошли это успокоение и радость, помоги» (11 декабря 1909 года), внушал себе: «Живу – хорошо, буду работать Ему; умру – значит, не нужна больше моя работа» (8 декабря 1909 года); старался отчаянно, упорно подчинить свою волю, свой характер, свои помыслы и темперамент одному Богу, оправдывать свое бытование высоким служением Ему; все свои деяния неизменно измерять и испытывать своей верой – об этом Лев Николаевич пишет едва ли не каждый день в дневниковых записях. Мотив веры пронизывает все его сокровенные, исповедальные признания. Порою кажется, что он назойливо изнуряет свою телесную и духовную мощь тяжким религиозным испытанием. Он пишет об освобождении от заботы о славе людской, убеждает себя, что смерть есть пробуждение к более действительной жизни, кается в своих мнимых прегрешениях перед Богом, искренне признается в том, что «в 81 год только-только начинаю понимать жизнь и жить» (10 декабря 1909 года); борется с разными соблазнами, житейской суетой, страстями и сомнениями: «Во всех религиях есть ложь и есть истина. Лжи во всех разные, истина во всех одна. Уже по этому одному можно узнать, что в каждой религии истинно и что ложно» (9 декабря 1909 года).

Я заметил: Лев Николаевич особенно суров и строг к Максиму Горькому. И, чудится мне, несправедлив, придирчив, как, впрочем, и к Шекспиру, и к Гете, и ко многим другим. Отсутствие четкой религиозной веры у Горького его явно раздражает.

«Читал Горького. Ни то, ни се...»

«Вечер читал Мещане Горького. Ничтожно».

«После обеда читал Горького, слабо. Нет главного – чувства меры – знаменатель велик».

«Вечер читал Горького. Знание народа черносотенного, прекрасный язык, то есть говор людей. Но совершенно произвольная, ничем не оправдываемая психология, то есть приписыванье чувств, мыслей своим лицам – и все больше героическая, а порою среда исключительно безнравственная. Потом рабское унижение перед наукой».

«Сон, обед, читал Горького».

«Читал после обеда о Горьком. И странно недоброе чувство к нему, с которым борюсь. Оправдываюсь тем, что он, как Ницше, вредный писатель: большое дарование и отсутствие каких бы то ни было религиозных, то есть понимающих значение жизни убеждений, и вместе этим поддерживаемая нашим «образованным» миром, который выдает в нем своего выразителя, самоуверенность, еще более заражающие этот мир. Например, его изречение: «Веришь в Бога – и есть Бог, не веришь в Бога – и нет его». Изречение скверное, а между тем оно заставило мне задуматься».

«Дома вечер кончил читать Горького. Все воображаемые и неестественные огромные героические чувства и фальшь. Но талант большой».

Все эти записи-признания я извлек из дневника Льва Толстого за 1909 год.

Знаменательно признание: изречение скверное, а заставило задуматься.

Полагаю, не одного Льва Николаевича.

Изречение Горького, понятно, разрушало религиозную конструкцию, нравственно-этическую концепцию Толстого, сеяло сомнения, раздрай в мыслях.

Между тем, Бог и смерть – вот ключевые темы постоянных толстовских размышлений.

И вот основополагающая мысль: «Говорят, не думай о смерти – не будет смерти. Как раз наоборот. Не переставая думай о смерти – и будет жизнь, для которой нет смерти».

И еще одно любопытное признание: «Читал Канта. Религия только в пределах разума. Очень близко мне».

Да, таков Толстой. Он постоянно, до умопомрачения рассуждает о Боге, о смерти, но особенно близки ему жизнь, деяния, любовь.

А в отношении к религии он приходит к – казалось бы – парадоксальному выводу: «Я не хочу быть христианином, как не советовал и не хотел бы, чтобы были браменисты, буддисты, конфуцианцы, тао-

систы, магометане и другие. Мы все должны найти, каждый в своей вере, то, что обще всем, и, отказавшись от исключительно своего, держаться того, что обще» (3 декабря 1909 года).

Стержневая мировоззренческая мысль.

Для меня это признание прозвучало несколько неожиданно. Но оно мне очень близко, созвучно, соприродно.

И оно перекликается с темой моего эссе – «Дервиш, какова вера твоя?»

И тут я снова вынужден цитировать суфиста-философа-странника-дервиша Тимура Зульфикарова:

«Сказал:

В России – я православный...

В Азии – мусульманин.

В Индии – индуист саньясин монах.

В Китае – буддист.

В Израиле – древний иудей.

Я алчу всех вер и всех дорог, и сладко блаженно разъезжаются ноги мои на необъятных дорогах и тропах, и всюду летит душа моя, как отбившаяся от стаи птица...

И как пчела сбирает меды со всех цветов...

И там, где смерть застанет меня, – у того храма утихнет в исходе жизнь моя... И там я уйду к Богу...

О, быстрая смерть, вечная вера моя перед тобой и после тебя...

О, странник Бога!»

Притча имеет продолжение. Я не могу здесь ее полностью цитировать. Приведу еще две ударные – на мой взгляд – строчки: «Все бредут по божьим дорогам к Богу, и я путник всех дорог и религий, и молюсь во всех храмах...»

И я бреду по тем же дорогам, хотя я не дервиш и не молюсь ни в одном храме...

А вообще-то блажен, кто верует. У каждого смертного, видно, должны быть стержень, опора, вера. Называй, как хочешь. Неверующему тяжелее жить на земле. С возрастом это все ощутимей. Многие из моих знакомых на склоне лет пришли к вере – к католицизму, протестантизму, буддизму, мусульманству, христианству, иудаизму.

С верой, надо полагать, легче. О том свидетельствует жизнь большинства великих людей. О том все чаще задумываются и закоренелые, непробиваемые, упертые атеисты. А их, думаю, к избранникам Земли не отнесешь.

Мой отец на десятом десятке уже не бравировал своим воинственным неверием. Бога, помню, не упоминал, а сатанинский беспредел, дьявольские происки видел на каждом шагу. Крушение Советского Союза воспринял как личную трагедию. «Мой адрес – Советский Союз» было для него, спецпереселенца, убежденного коммуниста, не просто лозунгом, декларацией, а истинной Верой.

В Алматы одно время живал митрополит Алматинский и Семипалатинский Алексий.

Оригинальный и уникальный был человек: образованный, деятельный, общительный, обаятельный, жизнелюб.

Однажды за каким-то дастарханом он поинтересовался:

– А какова ваша вера?

Я, не задумываясь, ответил:

– Лютерманин.

Он задумался, помолчал, заметил удивленно:

– Да вроде такой веры нет...

Я расшифровал:

– Лютерманин-мусульманин.

И мы оба дружно расхохотались.

Я намекал на то, что предки мои были лютеране, а вырос я как бы в мусульманской среде. И получилась такая вера, своеобразный гибрид – лютерманин.

Сестра моя Альма, живущая уже многие годы в Германии, как-то призналась: отец наш был атеистом, но истинно святым – свято исповедовал нравственные ценности многих народов и религий, следовал правилам Нагорной проповеди и коммунистическим этическим нормам.

Это так. Еще более мягко относилась ко всем вероисповеданиям моя мама, никогда, впрочем, свои чувства не афишируя.

О себе же могу сказать, что к религии, к любой вере, оставаясь атеистом, отношусь издавна с уважением и подобающим почтением, воспринимая их как неотъемлемую часть общечеловеческой культуры. И на склоне лет испытываю огромную благодарность к тем мудрецам – древним и настоящим, кто истинно заботился и заботится о спасении души, о Духе и нравственности в людских сердцах.

Май 2013 года

ВОЗДУХ ВРЕМЕНИ

Странно: я вроде с давних пор нахожусь в тесном общении с представителями казахстанских разноязычных СМИ, а с журналистом Амантаем Дандыгуловым, главным редактором «Новой» – Казахстан», сталкиваюсь впервые.

Тем приятнее знакомство и мое удивление.

Прочитав серию его статей на актуальнейшие, животрепещущие темы нашего времени, я с высоты своей скромной колокольни убедился, что он – крепкий, гражданси мыслящий, широко эрудированный, порою хлесткий журналист-аналитик, обладающий четким, образным русским слогом, бойким, острым пером, ясной логикой, открытым смелым взглядом.

Я узрел в его писаниях созвучие с моими мыслями и представлениями о том, что происходит в нашем обществе, в нашей среде, в нашей шаткой и зыбкой сфере. Мы дышим одним воздухом. Воздухом нашего настоящего. Воздухом единого Времени.

Амантай – не фиксатор пыли бытия. У него есть свой надежный штандпункт. Он умело выхватывает из быстротекущего, мутного потока хаотического Хроноса суть явлений и проблем, характеризующих нашу боль, наши тревоги и надежды. И эту суть он рассматривает в исторической перспективе, сквозь толщу времен, прибегая к мифическим, историческим, литературным реминисценциям и аллюзиям. Кругозор его видения широк. И пульс Времени он нащупывает точно. Это говорит о культуре и эстетике его журналистского дара. Он выражает себя энергично и лапидарно, подкрепляя свои выводы и наблюдения меткими казахскими фразеологизмами.

Стиль его подкупает.

О чем бы ни писал Амантай Дандыгулов – о трайбализме в Казахстане как проклятии богов; о потомках Чингисхана глазами Макиавелли; о духовенстве, за 18 лет независимости так и не отыскавшем для себя ответы на главные вопросы: кто мы? где мы?; о наползающей тени Терминатора; о псевдокультуре и застое; о Таможенном союзе; о драконе, дремлющем в виртуальных объятиях; о государях-правителях; о Темучине и миссии в Кабуле; об изъянах медицинского цеха в Казахстане; о партии власти и прочих карликовых партиях; о проблемах физической культуры и спорта в стране; о невыученных уроках отечественной элиты; об оралманах, униженных и невостре-

бованных; о трагических событиях в Кыргызстане, их уроках и последствиях, – он неизменно конкретен и полифоничен, убедителен, откровенен, исповедален. Он анализирует, обнажает нерв явления, обнаруживает подспудные течения и камни преткновения, тревожит, будоражит читателя, предупреждает, предрекает, размышляет, погружаясь в глубь истории, сопоставляет, сравнивает.

Этим он, безусловно, интересен.

Он констатирует: «Самое слабое место казахстанцев – это опасное разобщение и расщепление именно титульной нации: по кланам, жузам и родам. Никто не спорит, уважать права всех этносов, всех тех, с кем мы живем бок о бок десятки лет, – это признак в первую очередь нашей собственной цивилизованности. Однако в интересах всех казахстанцев, на мой взгляд, сначала надо сцементировать в единую нацию самих казахов, остановить часовой механизм этой мины замедленного действия».

Он предупреждает: «Пушка уже заряжена, и эйфория отечественной элиты может стать фитилем к непредсказуемым событиям. Как показывает практика, осечка исключена. Из киргизских потрясений наш истэблишмент просто обязан извлечь пусть горький, но полезный урок. Обитателям властного Олимпа необходима комплексная прививка».

Сказано изящно, но жестко.

…Я вращаюсь в литературе, в ауре казахской духовности уже не одно десятилетие и со всей откровенностью свидетельствую, что духовная жизнь нашего общества заметно скудеет, деградирует из года в год, а в последнее двадцатилетие – почти катастрофально. Видно это невооруженным глазом. Вымерло поколение строптивых, сильных духом и сердцем, упал интерес к образованию, науке, всплыла, как дерьмо в проруби, низменная меркантильность и серая банальность, среди так называемой национальной интеллигенции размножилось, как саранча, племя оглядчивых, смиренных, покладистых, угодливых и послушных, каменно-равнодушных жарапазанчиков-аллилуйщиков с откровенно холуйскими замашками. Почти не стало «чудаков», которые, по определению Максима Горького, украшают мир. «Все серенькие, все прыгают» – как выразился Лука в «На дне». А те случайно уцелевшие, в былом самодостаточные личности, заявлявшие о себе громко и дерзко еще в 70–80-х годах прошлого века ныне пополнили армию пятко- и задолизов.

Об этом печальном и постыдном явлении, случается, пишут Сейдахмет Куттыкадам, Мурат Ауэзов, Темирхан Медетбек, Аманхан Алим. Мощно, резко, убедительно, с экскурсом в мировую историю, с казахстанской конкретикой написал о том совсем недавно объемную статью опытный (по-казахски *міс қаққан*) крепкий публицист-аналитик Амантай Дандыгулов. Его концепцию, гражданскую позицию и фактологическую аргументацию я с радостью приветствую и полностью разделяю. Действительно, коррозия и усталость талантов имеют место. Читая и слушая, к примеру, моих коллег, усердно поющих жарапазаны ловкачам и юркачам из касты властей предержащих, воспевающих подлость и гнусь, чувствуешь, как краснеешь не только лицом, но и задом, согласно казахской поговорке: «Бет түгілі, көт қызарады». И по этому поводу со своей колокольни могу добавить – максимально лапидарно – следующее.

Яростно обсуждают в газетах: есть у нас, в Казахстане, «зиялы қауым» (интеллигенция) или нет ее. Этот вопрос нередко задают и мне. Я считаю, что у нас есть власть, интеллигенция и народ. Власть состоит собственно из власть имущих и ее пристебаев-нахлебников. Интеллигенция состоит из пятколизов-лизоблюдов и потребителей соевых сосисок. Народ – подавляющее большинство – состоит из пофигистов и бишаринцев. Таковы составляющие части нашего общества, которые между собой почти не контактируют. Правда, власть нужна, чтобы грабить и вовремя слинять; народ нужен, чтобы его обдирали, как липку; а интеллигенция нужна, чтобы торчала на перекрестках и в подворотнях с протянутой рукой и время от времени дурниной вопила: «Ура!» и «Жасасын!» Утешение в том, что функционируют кое-где еще дандыгуловы, которые чего-то хотят, куда-то зовут и ставят точные диагнозы.

Я читал статьи Амантая с карандашом, сделал много пометок. В его работах обилие ярких выражений, мудрых замечаний, эффектных цитат, блестящих слов-озарений.

Читатель в том сам убедится.

Я понял, что автор намерен издать эти работы отдельной книжкой. Я приветствую это намерение и желаю автору всяческих удач. Наше время, наше общество очень нуждаются в подобных честных и нелицеприятных свершениях.

2011 год

МИР КАЗАХОВ

Поаплодируем автору: он сотворил значительный труд – с убедительной концепцией, выверенной конкретикой, гражданским пафосом и четкой учебной направленностью.

Он написал свою книгу (пока первый том) для русскоязычных людей. Но она шире обозначенной автором цели. Назвал он ее немного по-ученому: «Ситуативный казахский». Таким названием он явно сузил ее горизонт, сузил до лингвистическо-методологических рамок. Я бы назвал этот труд: «Мир казахов», ибо казахский язык, казахский образный строй, мировоззрение и духоустройство раскрываются в историческом плане на фоне казахской языковой стихии и ментальности в адекватной передаче на русском языке.

Автор – Канат Тасибеков. Книга вышла в Алматы в 2012 году в объеме более 16 печатных листов тиражом в 1000 экземпляров (по мне, у этой книги должен быть миллион читателей). По сути, эта книга – малая энциклопедия казахской ментальности. Автор свободно, я бы сказал, грациозно плавает в океане казахского речестроя. Генетическая память услужливо подсказывает ему убедительные и красочные казахские выражения, пословицы и поговорки, которые он нередко блистательно, сохраняя смысл и форму, переводит на русский язык. Каждый, кто хочет знать казахов как народ с древнейшей языковой культурой, обязан знать эту книгу. Ее надобно читать медленно, с карандашом, с частыми урывками, делая для себя пометки, то и дело задумываясь, пробуя каждое народное, меткое, образное выражение на вкус, на зуб, вникая в его глубинный, сокровенный смысл.

Суть своего труда автор определил следующим образом: «Так какой же казахи народ, каков казахский характер, менталитет, что для казаха имеет особую ценность, чем отличается казахское отношение к окружающему миру от неказахского, какими нормами и правилами казахи руководствуются в повседневной жизни? Ну вот, скажет благонамеренный читатель, начали с изучения языка, а кончили за упокой. Однако очевидно, что освоение языка невозможно без познания культурных, ценностных ориентиров и также гибкой ментальности носителей этого языка. И наоборот – ход рассуждений человека, принимаемые им мысленно выводы и озвученные решения детерминированы языком, на котором он эти решения обдумывает и уж затем озвучивает» (с. 51–52).

В соответствии с этой задачей и выстроена композиционно книга. Автор говорит не только о мощи и образности казахского языка, он раскрывает мир казахов, охватывая все грани его самобытной сущности. Все, о чем говорится в этой книге, мне хорошо знакомо с аульного детства. Но заслуга автора в том, что все эти безграничные явления и факты он привел в строгую систему и проиллюстрировал богатейшим языковым материалом. Именно в этом – в убедительной конкретике – заключаются значимость и ценность книги. Я читал ее долго, задумываясь после каждой страницы, каждого абзаца, сопрягая прочитанное со своим личным – переводческим и писательским – опытом, мысленно подбирая русские и немецкие аналоги к сугубо казахским словесным конструкциям – устойчивым выражениям, фразеологизмам, пословицам и поговоркам. Сотни и тысячи примеров казахского речестроя, выражающие суть национальной ментальности, активизируют мысль, расширяют этнические и этические представления.

В четырнадцати главах книги в яркой, увлекательной форме (с иллюстрациями двух остроумных типажей) приводятся специфические факты истории, фольклорные понятия, особенности национального характера, своеобразия речевого поведения в разных жизненных ситуациях. В аннотации подчеркнуто, что «книга адресована, в первую очередь, русскоговорящим казахам, а также всей широкой русскоязычной аудитории казахстанских читателей, всем, кто хочет красиво и правильно говорить на казахском языке».

Какие грани казахского бытия охватывает автор? Начинает он издалека, с самых основ, с глубин – с ТЕКа, с происхождения. ТЕК для казахов – одно из ключевых нравственных понятий. Происхождение свое нужно знать, им следует гордиться, ибо «тексіздің тегі – құл» – «не знающий своей родословной – раб».

Непременно необходимо знать своих *жеті ата* – семь предков, ибо «тамырына қарай бұтағы, тегіне қарай ұрпағы» – «по корням и ветка, по предкам и детки».

Далее раскрывается *Атамекі* – свой род, приводится схема родоплеменной структуры казахского народа (первоначальный союз «Алаш» – три жуза, их роды и тайпы). Из схемы следует, что к Старшему жузу относится одиннадцать родов, в Среднем жузе – шесть, а в Младшем – три тайпы, которые насчитывают 25 родов. Автор напоминает известную половицу, характеризующую три жуза:

– выходцу из Старшего жуза дай бадью и отправь поить скот;

– выходцу из Среднего жуза дай перо и отправь на судебную тяжбу;

– выходцу из Младшего жуза дай копье и отправь на битву.

(По-казахски эти три сентенции эффектно рифмуются).

Специальная главка отведена семье (*үй іші*) – основе бытия. Здесь речь идет о дедушке-бабушке (*ата-әже*), отце-матери (*әке-шеше*), супругах (*ерлі-зайыпты*), детях (*ұл-қыз*), о всевозможных родственниках, прямых и косвенных, ближних и дальних, по отцовской и материнской линиям, по жене, по мужу. О, это целая наука, полная незыблемых ритуалов! И все эти понятия иллюстрируются не одной сотней поговорок и пословиц, которые преподносятся также в русском переводе. Мне, сильно «оказахованному» немцу, все это в большинстве своем известно, однако в этот бездонный и безмерный этнолингвистический океан я погрузился с охотой. Подбор казахских пословиц к каждому из этих понятий просто поражает. Это действительно удивительный и красочный мир номадов. Автор напоминает: «Кроме трех ветвей родственных связей, есть еще и родственники родственников или дальние родственники: *туысқан, ілік, жамағайын, жегжат*; неродственные связи: *құрдас, тату дос, жора-жолдас, тамыр-таныс, ауылдас, жерлес*».

Ойдойт! Попробуй растолкуй все эти мудрости русскому или европейцу. Как говорится, черт ногу сломит.

Четвертая глава книги посвящена характеру (*мінез*) казахов. На фоне убедительно подобранных пословиц (их опять-таки сотни и сотни) автор подчеркивает такие грани казахского характера, как своенравный (*жылқы мінез*), добродушный (*ақкөңіл*), гостеприимный (*қонақжай*), суеверный (*ырымшыл*), знающий (*білімді*), многосторонний (*сегіз қырлы!*). Казах обязан быть, кроме всего прочего, уважительным, воспитанным, доброжелательным, бесхитростным, милосердным, приветливым, авторитетным, достойным, почтенным, честным, справедливым, чистым, патриотичным – и все это отражено в назидательных, предками заповеданных пословицах.

Наследие (*мұра*) – самостоятельная тема. Что оставили предки казахов в наследство? Автор отвечает:

– *тіл* – язык, на котором мы говорим;

– *жер* – землю, на которой мы живем;

– *бірлік* – единство и согласие всех людей, живущих на этой земле.

И эти постулаты щедро проиллюстрированы мудрыми пословицами и народными сентенциями.

В течение веков у казахов выработалось устойчивое мировоззрение. Оно четко и образно выражено в пословицах, в раздумьях степных философов и жырау-сказителей, в стихах поэтов. Автор книги «Ситуативный казахский» их обильно цитирует. Какие грани национального мировоззрения рассматривает Канат Тасибеков? Вот они: фатализм (*жазған*), отношение к религии (*дін*), отношение к богатству (*мал*), отношение к власти (*билік*). Каждая из этих граней эффектно раскрыта в пословицах и кредо златоустых мудрецов. Примеров – сотни. Приведу здесь один:

Не имеющий доверия народа хан – сирота,
Имеющий неразумного хана народ – сирота,
Если неразумен аким – сирота,
Без друзей джигит– сирота,
Без учеников наставник – сирота.

Отдельная глава в книге посвящена казахскому этикету. О, это удивительный, познавательный мир! Речь всесторонне идет об обычаях и традициях народа. Каковы они, автор описывает: *сүйінші, қалжа, шілдехана, көрімдік, қырқынан шығару, тұсау кесер, сүндет тойы, соғым, ерулік беру, тоқым қағар, үйден дәм татқызу, үй көрсету, есік ашар, ат тергеу, құдайы, көңіл айту, ауыз ашар, ораза айт, құрбан айт, ішек беру, наурыз* – привожу здесь сплошь казахские названия, ибо этих традиций и обычаев нет ни у русских, ни у немцев. Их приходится только словесно описывать и проиллюстрировать народными пословицами.

Учтивость – одна из основ казахского этикета. И о том говорится в книге обстоятельно.

В отдельных главах рассмотрены такие стороны национального бытования, как женитьба (сватовство, проводы невесты, свадьба, визиты сватов), похороны (оповещение, подготовка к похоронам, отпевание, захоронение, поминки), пожелания (благословение, пожелание), пословицы (прямые, смысловые, переводные).

Меня, переводчика казахской прозы, особенно заинтересовали примеры из раздела «Фразеологизмы». Казахские фразеологизмы – поразительное богатство и один из камней преткновения для переводчика. Я об этом много говорил и писал в своих переводческих книгах-исследованиях. Конечно, почти ко всем казахским фразеологизмам можно подобрать аналоги, видно, в любом языке, но это доволь-

но сложно. Любопытно такое наблюдение автора: «...идет сближение фразеологии, вернее, идет процесс приближения казахской фразеологии к русской, и уже некоторые из переводных фразеологизмов можно с полной уверенностью отнести к казахским».

Автор разделил фразеологизмы на три группы: прямые, смысловые и предлагаемые им казахские аналоги устойчивых выражений русского языка.

Вот фразеологизмы прямые:

алып кел, шауып кел – подай-принеси,
аза бойы қаза болу – помертветь от страха,
аузын ашса, жүрегі көрінеді – душа нараспашку,
бірі ұрымға, бірі қырымға – кто в лес, кто по дрова,
мизам шуақ – бабье лето.

Примеры смысловых фразеологизмов:

Арамдық адамның ажарын бұзады. Дословно: *Подлость человека портит его лицо.* Русский аналог: *Бог шельму метит.*

Екі иығына екі кісі мінгендей. Дословно: *Как будто на каждом плече по человеку сидит.* Русский аналог: *Косая сажень в плечах.*

Мың оңның бір солы. Букв.: *Из тысяч правых один левый.* Русский аналог: *Исключение из правил.*

А вот русские фразы и их казахские эквиваленты:

гол как сокол – тақыр кедей,
держись подальше – пәлеге жолама,
не ищи приключений – сау басқа сақина тілеме,
ну, это ты чересчур – қатты кеттің гой,
что с дурака возьмешь – құдай ұрғанға не амал.

В книге по главе отведено наиболее распространенным казахским именам, их этимологии и поговоркам о родах. Они тоже способствуют глубокому погружению в казахский языковый мир.

Словом, Канат Тасибеков написал весьма полезную и интересную книгу для тех, кому небезразличны казахское мировидение и мироощущение. Проштудировав эту книгу, обогатишься знанием, облагородишь душу, просветлишь ум.

Рекомендую всем! А сам с нетерпением жду второй том этого труда, над которым в настоящее время работает автор.

2012 год

«ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ» БИГЕЛЬДЫ

Автор этой книги – поджарый, подтянутый, спортивный, мобильный молодой человек. Под стать ему и его творение – опрятное, мускулистое, без воды и жира, энергичное, цельное. Скажу по-казахски: *өзі де ширақ, сөзі де ширақ. Шымыр. Жинақы.*

Автор – Бигельды Габдуллин. Книга его называется «Великое кочевье». О чем книга? Автор поясняет: «О тех, кто строил государство Казахстан». Жанр – историческое эссе. Книга посвящена 20-летию независимости Республики Казахстан. Книга была неплохо рекламирована в духе времени. Все ее главы печатались в газете «Central Asia Monitor», отрывки – в «Просторе». О книге положительно отозвались на Пленуме Союза писателей Казахстана (май 2012 года). Я ожидал отзывы (возможно, критического свойства, у нас ведь по части истории все знатоки-оппоненты – по любой дате готовы пыль поднять столбом), но таковые мне не попадались. Значит, надо полагать, шестивековую историю казахов автор осветил адекватно. Не зря, видно, просиживал не один год в библиотеках и архивах.

Определил автор двумя цитатами и свой стержневой штандпункт. Одна цитата из Цицерона: «Первый закон истории – бояться какой бы ни было лжи, а затем – не бояться какой бы ни было правды», а вторая – из Назарбаева: «Мечтая о достойном будущем, давайте помнить о достойном прошлом».

Бигельды верен этому постулату-кагиде: он помнит и напоминает.

Конкретизируя свое творческое кредо, автор в предисловии напоминает сентенцию Т. Карлейля: «История мира – это биография великих людей».

Шестивековое великое кочевье по древней степи номадов автор сжато, в исторической, хронологической последовательности изложил в пяти компактных главах. Лично меня особенно заинтересовало описание эпох, в которых я не обитал и о которых имел (и имею) явно поверхностное, книжное представление.

Первая глава называется «Сага о Казахском ханстве». Какие темы раскрываются в этой «Саге»? Вот они:

– «Заветы Керея и Жанибека» (в скобках – для ориентира – обозначу временные рамки – 1456–1470-е годы).

– «Шаги истории: неумолимая предопределенность».

– «Точка невозврата или отсчет для нового взлета?»

– «Сказание о Есим-хане, или Шекспировские страсти» (напомню: временной отрезок 1604–1643 годы – бурная эпоха поистине шекспировских страстей – достаточно представить все героические деяния славного Есим-хана).

– «История не знает сослагательного наклонения, или От какого наследия мы хотим отказаться».

Таковы тематические параметры первой главы.

Вторая глава освещает Казахстан в эпоху мелких ханств. В «Нелирическом отступлении» автор приводит очевидную истину: «Ведь все эти распри между моголами, шейбанидами, тимуридами – да что там! – междоусобицы внутри Казахского ханства – все это не что иное, как братоубийственные войны. И с этой данностью истории нам надо жить и строить будущее» (с. 41). Главный герой этой главы – Аблай хан (умер в 1781 году). Заключается глава историей мятежного хана Кенесары Касымова – «одной из самых сложных фигур в истории Казахстана».

Факты и события драматического накала читаются в изложении Бигельды как увлекательный детектив, как остросюжетный роман.

Третья глава – «В поисках государственности» – освещает такие подтемы: «Институт ханской власти. Перезагрузка»; «Мощный источник интеллекта. "Алаш Орда"»; «Исламская идея. Туркестан». Представили политический и временной горизонты? Логика композиции книги не вызывает нареканий.

Четвертая глава, именуемая «Под властью серпа и молота», – очень близкое моему поколению время в истории Казахии. Речь тут идет о красных наркомах и секретарях ЦК (Станислав Пестковский, Сейткали Мендешев, Филипп Голощекин, Левон Мирзоян, Николай Скворцов, Геннадий Борков, Жумабай Шаяхметов, Пантелеймон Пономаренко, Иван Яковлев, Николай Беляев, Исмаил Юсупов, Динмухамед Кунаев, Геннадий Колбин – выписываю все эти имена для тех, кто ныне тщетно выстраивает эту цепочку, уже не помня их временную последовательность. Я лично помню это время с Жумабая Шаяхметова).

Заключительная – пятая – глава книги названа «Казахстан. Свой путь. Эпоха Назарбаева». В этой главе я с волнением прочитал американскую исповедь самого автора и перипетии его возвращения

на Родину. «И заглядывая в недалекое прошлое, все чаще приходил к мысли о том, что совершил главный поступок в своей жизни – вернулся на Родину. Человек без Родины перестает быть человеком».

В устах Бигельды это признание звучит весомо. Логично, что эту книгу завершает приложение – «Летопись знаменательных событий в истории казахской Орды», составленная писателем и историком Мухтаром Магауиным.

Первая дата «Летописи» помечена 1456 годом. Какое же тогда произошло событие? Образование Казахской Орды. Ханы Керей и Жанибек со своим народом обосновались в долинах рек Чу и Талас.

Последняя дата этой летописи – 1847-й год. Чем она знаменательна? Погиб Кенесары-хан. Падение Казахской Орды. Начало 144-летней колониальной эпохи в истории казахского народа.

В аннотации к книге Б. Габдуллина «Великое кочевье» сказано: «Эта книга – скромная дань памяти тех, кто в течение веков строил государство Казахстан».

Автор свою задачу эффективно выполнил, написав полезную, содержательную, актуальную книгу.

В частной беседе Бигельды мне признался, что уже осуществлен казахский перевод книги. Это радует. Но необходимо, чтобы эта книга прозвучала и на английском языке, дабы о Казахстане пополнил свои все еще скудные познания наиболее широкий читатель.

2012 год

ОХОТНО ПРИЗНАЮ – Я ПЕРЕВОДЧИК-ТОЛМАЧ

О чём спор?

Старый спор: что такое перевод? То, что соответствует оригиналу по содержанию, по форме, по языковой мощи, по образному строю, по чувству и энергии выражения, по силе эстетического воздействия и восприятия и так далее, или то, что на свой субъективный салтык, на свой аршин воспроизведено обработчиком, стилистом, художественным редактором, украшателем, «донором» – называй как хочешь?

Первый, как правило, знает язык (языки) оригинала, слышит его дыхание, музыку и переводит с языка на язык. Переводит по возмож-

ности точно, адекватно, реалистично. Он, собственно, и есть переводчик. И поскольку он знает язык оригинала, к нему у читателя и доверия больше.

Второй тип «переводит» со всех языков, даже с самых экзотических, ибо ни одного не знает, кроме, понятно, языка, на котором воспроизводит на свой страх и риск то, что ему услужливо подставляют литературные «негры», иначе подстрочникисты. Самое любопытное то, что он при этом совершенно искренне называет себя переводчиком, когда на самом деле он, если быть точным, является обработчиком (доработчиком), то есть художественно отделывает, обрабатывает сырье, подготавливаемое другими. И труд его никто не умаляет.

Но в принципе это неправильный, неверный подход к переводу как таковому. На Западе искони сложилась прочная практика: чтобы переводить, надо, по крайней мере, хорошо знать два языка и обладать при этом чувством соразмерности. Там, если переводит, скажем, с русского (Толстого, Достоевского, Бунина etc.) на немецкий, английский, французский и другие языки, само собой подразумевается, что переводчик до тонкостей знает русский язык. В европейских странах нет такой традиции, чтобы кто-то подготовил «художнику» глину, из которой тот лепит все, что ему заблагорассудится. Там с этим строго: нужно знать язык, на который переводишь и с которого переводишь. Иначе и быть не может и не должно.

А вот в бывшем СССР поневоле сложилась уродливая, так называемая двустадийная система перевода. Поскольку языков много, народы в состоянии знать друг друга исключительно через русский язык (доподлинно знаю, что даже с казахского на узбекский и киргизский языки переводили с русского – смешно), специалистов, которые могли бы непосредственно переводить с балкарского, кумыкского, каракалпакского, эрзя и мокша, чукчи и тобасаранского и прочих языков, днем с огнем не сыщешь, а культурное сближение, взаимопознание должны иметь место, то и прибегли не от хорошей жизни к такому способу: мало-мальски владеющий двумя языками изготавливает «глину», а некий «писатель-художник», не отличающий якута от таджика, лепит из этой глины нечто удобоваримое в конкретном случае на русском языке и выдает свое изделие как художественный перевод.

Так случилось. Так сложилось. И со временем к этому привыкли. И это уродливое дитя стало считаться переводом.

Абсолютный нонсенс!

На эту тему написаны сотни томов, тысяча и тысяча статей-исследований, за многие годы интенсивного переводчества я прилежно изучил эти груды, сам написал несколько переводческих книг, участвовал в разных круглых столах, отечественных и зарубежных, научно-практических конференциях и праздниках переводческого искусства (в Ереване). Могу сказать без хвастовства: в этом деле съел не одну собаку. И перевел на русский язык около двухсот произведений с казахского и немецкого.

Ничего не меняется в этом мире: спор о том, кто переводчик – тот, кто переводит с языка на язык, или тот, кто главным образом обрабатывает и украшает чей-то подстрочник, – продолжается и поныне. И каждый считает себя правым. При этом выявляется определенная тенденция: кто обрабатывает подстрочник с любого языка, склонен считать себя художником, творчески одаренным, мастером, мэтром, а тот, кто переводит с языка на язык непосредственно, по их мнению, – толмач, подмастерье, ремесленник, и потому стоит, конечно же, на уровень ниже.

Однако толмач толмачу рознь. Толмач – тот, кто изготавливает «глину», из которой имярек должен вылепить нечто одухотворенное. А тот «толмач», который выдает подстрочник, максимально приближенный к оригиналу (термин и его теоретическое обоснование принадлежит Абдижамилу Нурпеисову), уже не совсем ремесленник. Конечно, он сковывает «художника», не позволяя ему своевольничать, заставляет плясать от печки оригинала, связывает по рукам и ногам вольного творца, поэтому такой «толмач» раздражает художника. «Глину давай, глину! – требовал Юрий Казаков, обрабатывая наш с Нурпеисовым неудобный ему максимально приближенный к оригиналу подстрочник. – Я сам знаю, что и как лепить». На корявый, ляп-тяп сработанный подстрочник, на «глину» уповал и Солоухин, переводивший с тридцати языков, не зная ни одного. Так же «катал» по подстрочникам десятки азиатских романов Дудинцев (с супругой Гордеевой), не отличавший туркмена от казаха и узбека. И таких примеров уйма. Помню, накануне декад национальных литератур из Москвы наезжал десант «обработчиков», который бригадным, авральным методом такое напереводил, что хоть стой, хоть падай. «Обработчиков» было пруд

пруди, но переводчиков не было, не хватало и поставщиков «глины». С высоких трибун «обработчики» заявляли: «Мы не переводим, а сотворчествуем и пишем кровью сердца». Как говорит ныне Владимир Познер, «такие были времена».

Об этом литературном беспределе я говорил и писал не однажды. Кто-то из «обработчиков» смущенно опускал голову, а кто-то вставал на дыбы, защищая свое ремесло.

Книга, сотворенная из глины

Похоже, пресловутой теории «глины» придерживается и Анатолий Ким, снискавший доброе имя как писатель-стилист и признанный русский (руссейший!) прозаик. В интервью «Свободе слова» он всерьез уверяет, что художнику-переводчику совсем не обязательно знать язык оригинала, он, де, мастер, импровизатор-пианист, работает по подстрочнику, переводит чувства, эмоциональный слой, ему нет дела до разных нюансов, мелочей, бытовых реалий и языковых (национальных) штучек-дрючек. Этим, мол, пусть занимаются толмачи. Он полагает, что истинный перевод выходит только из-под пера художника-творца, которому знание языка оригинала, скорее, обуза, помеха. Дескать, все великие произведения созданы только таким способом, таким путем. Апырай, а! Я и не знал. Ни Маршак, ни Пастернак, ни Чуковский, ни Наталья Манн, ни Соломон Апт и так далее уж точно не переводили по подстрочнику, а переводили – как и положено – с языка на язык.

Что тут скажешь? По-казахски выражаясь, от удивления хватаешься за воротник.

В корне неверная позиция. Ложный штандпункт. Сомнительное кредо. Абсолютно неверный принцип. Неужто наши признанные мастера перевода с английского, французского, немецкого, испанского, итальянского, шведского прибегли (прибегают) к услугам подстрочникистов? Чушь!

Не зная языка, истории, психологии, материальной культуры и ментальности казахов, Анатолий Андреевич удачно справился с переводом «Пути Абая» на русский язык. Особенно если сравнить со стародавним коллективным переводом. Каким образом это ему удалось? Во-первых, он весьма ответственно отнесся к своей миссии,

прекрасно осознал, на что идет. Во-вторых, он признанный художник, который по языковой мощи оказался во многом соприроден эпику и лирику Мухтару Омархановичу. В-третьих, два прилежных казахских азамата (К. Жорабеков и М. Тнимов) обеспечивали, судя по всему, добротный подстрочный перевод, который уж никак не был «глиной» и не позволял «переводчику-обработчику» на свой лад окимовать художественный текст.

Перевод получился достойный. И я, дотошно сопоставляя его с оригиналом и предыдущим коллективным переводом, оценил его высоко и доказал это на конкретных примерах в двух обстоятельных статьях, опубликованных раз пять-шесть в периодической печати, а теперь еще изданных отдельной книжкой («Жизнь-эпопея». Алматы: ИД «Жибек Жолы», 2009 год). Высоко оценили перевод «Пути Абая» и другие коллеги. И оценка эта бесспорная. Но бесспорно и то, что в перевод закрался коржун-другой разных «блошек» («эттеген-айлар»), связанных с бытом, культурой, хозяйствованием, родственными отношениями, речевыми характеристиками казахов. И я на них тактично и деликатно указал, ибо я все же воспитанник казахского аула, казахской среды, казахского языка и культуры и (полагаю) кое-что по этой части знаю.

Нужен ли перевод лучше оригинала?

Можно исправить эти блошки? Можно! Легко! И нужно, пока их переводчики на иностранные языки не усугубили. Не надо только упрямиться и выдумывать какие-то квазитеорийки, которые не лезут ни в какие ворота, и наводить тень на плетень в ясный день. Все мои замечания носят абсолютно доброжелательный характер. И я это сделал по зову сердца, из-за почтения к аруаху, из-за давней любви к бессмертному оригиналу и по просьбе двух уважаемых коллег – М. М. Ауэзова и М. А. Кул-Мухаммеда, инициаторов данного перевода. А отнюдь не из-за конфронтации с Анатолием Кимом. С какой стати? Мы, как явствует из его интервью, люди разных координат, разных социальных, общественных и этических воззрений.

Так отчего «блошки», на которые я указываю? От незнания, которое не скроешь никакими измышлениями и надуманными теоретическими посылами.

Я давно заметил: бишара-писатель уповает исключительно на художественного обработчика. В душе он сознает, что звезд с неба не хватает, но хочет выглядеть красиво. Поэтому ищет не столько переводчика, сколько рисовальщика. Помню, в те давние теперь годы ко мне обратился один известный казахский прозаик (ныне покойный): «Слушай, друг, сделай подстрочник моего романа. Если ты сделаешь подстрочник, а Шолохов или Леонов – перевод, представляешь, как заиграет мой роман!».

Это характерно для многих казахских писателей. Им чудится, что художник-переводчик извне непременно поднимает их творение на всемирную арену. Увы, если нет прочной основы, никакие вышивки и узоры не спасут. Нужна амуниция, а не амбиция. Из ишака, как не старайся, призового скакуна не выпестуешь.

Выходит, теоретический спор, затеянный Анатолием Кимом на страницах «Свободы слова», стар, как мир. И я банальную суть не Киму объясняю (эти азы он и без меня знает), а широкому читателю, который может быть сбит с толку авторитетным мнением. Охотно признаю, что сам Анатолий Андреевич – мастер, художник, одаренная натура, а я – переводчик-толмач. Меня это никак не унижает, ибо что бы сделал «художник» без «толмачей»? При несуразной двустадийной системе перевода острая нужда остается и в тех, и в других. Беда в том, что это вынужденная мера. И более чем сомнительный выход. На «двустадийку» уповают только в бывшем СССР по давней инерции и по причине бедности.

И высшая правда заключается в бесспорной истине: переводчик тот, кто знает языки и переводит с языка на язык. А тот, кто переводит по подстрочнику, вынужден пользоваться посохом, поводырем, интуицией, чувством и соразмерностью, если этими качествами в той или иной мере наградил его бог. Перевод «Пути Абая» я оценил по совести и по достоинству. Не след, однако, при этом забывать, что сам Мухтар Омарханович, в отличие от многих поздних его коллег, в доноре, обработчике, в стилисте и художественном оформителе никогда и никак не нуждался.

Деликатность не популярна

И еще. Ким говорит, что некоторые казахские писатели, неудовлетворенные якобы моими переводами 15–20-летней давности,

ныне обращаются к нему, чтобы он эти переводы «дотянул», «осовременил», «наполнил жаром». Речь идет о некоторых моих переводах из Д. Досжанова, А. Нурпеисова, А. Кекилбаева. Переводы эти печатались много раз. С них делались переводы уже на иностранные языки. Понятно, переводы устаревают. Время от времени вполне закономерно их обновлять. Это мировая практика. И тут спора нет. Понятно и то, что авторы желают усовершенствовать переводы своих творений, использовать художественную потенцию знаменитого писателя. Но почему мои давние переводы дают без моего ведома и согласия кому-то на обновление и улучшение в качестве подстрочника? Разве не справедливее и порядочнее было авторам заказать новые подстрочники, а не предлагать кому-то (в данном случае Киму) в качестве подстрочника то, что сделал некогда я и что неоднократно уже публиковалось?

Вот листаю книгу Д. Досжана «Когда я умирал» («Фолиант», 2009). Нашел в ней рассказы «Кумыс», «Ветер Львиная Грива», «Много ли богатства нужно человеку?», «Маленький Ягимус», «Голубые миражи Куланчи», «Перевал молодой женщины». Все эти рассказы с оригинала перевел некогда я. И публиковались они не однажды под моим именем. Теперь переводчиком указан А. Ким. Точно знаю, что подстрочников этих рассказов не существует. Выходит, автор передал мои опубликованные переводы как подстрочник, и Ким их довел до кондиции и поставил свое имя. Допускаю, что давний мой приятель ввел его в заблуждение. А если нет, то получается элементарная уфитсуфит, ахалай-махалай. Меня в известность не поставили ни автор, ни «обработчик». И как к этому факту отнестись? А если бы я надумал взять перевод Кима, малость его отрихтовать и поставить под ним свою фамилию, как бы это смотрелось? То-то же!

Вопрос деликатный, щепетильный. По-моему, обе стороны поступили в этом случае несколько некрасиво.

Есть еще некоторые моменты в упомянутом интервью, о которых не мешало бы высказаться. Но тогда может возникнуть спор. А я решил ограничиться тем, что явно бесспорно.

2009 год

В ОРШУТСТАНЕ, В ОРШУТСТАНЕ...

Видный сенатор США сэр Роберт Бакпайофф-Джонсон летит на своем личном, двухместном флайере, напичканном всевозможной компьютерной техникой, в неведомую страну Оршутстан по персональному приглашению его правительства на торжества по случаю дня рождения солнцеподобного великого саруара – лидера нации, основоположника этого фантастического государства.

Начало события – 5 июля 2230 года от рождения Христа.

Вокруг простирается бескрайняя, мертвая пустыня. Что такое? Может, сэр Роберт сбился с курса? Не веря ни экрану, ни компьютеру, он через спутниковую связь навел справку у диспетчера космического центра и выяснил точные координаты своего нахождения: все правильно – он приближается к границе диковинной страны под названием Оршутстан.

Таков закон «невеселой фэнтези», как определил автор свое увлекательное повествование.

Что за страна такая – Оршутстан? А это такое новое государственное образование в Центральной Азии, в котором в основном обитает население – помесь орысов и шуршутов. Орысы, понятно, – русские. Шуршуты, тоже ясно, – китайцы. Они-то и образовали государство Оршутстан.

Напоминаю: действие происходит в 2230 году. Столица Оршутстана находится в голой пустыне под гигантским куполом – ни дать ни взять, райский уголок на земле, где собраны в одном месте все чудеса планеты Земля. Тут тебе и пальмы, и секвойи, и баобабы, и джунгли, и саванна, и немыслимые небоскребы, и резвящиеся обезьяны, объевшиеся бананов и кокосовых орехов.

Словом, перед читателем раскрываются дивные картины, которые пересказывать я не в силах. А автор описывает их так ярко и вкусно, что пальчики оближешь.

Сэру Роберту все здесь в диковинку. Его, американца, страстного путешественника, бывшего политика и натренированного спортсмена, поражают не только сказочный ландшафт, но, прежде всего, уникальные человеческие творения. Таких антропологических типов он доселе не встречал. Глядя на бесконечные изображения солнцеподобного

основателя государства Оршутстан – на плакаты, билборды, бюсты, силуэты, памятники, барельефы, он обращает внимание на то, что потомки очень сильно отличаются от их вождя более двухсотлетней давности. Он спрашивает у своего услужливого и говорливого гида-переводчика:

– Похоже, изображений вождя больше, чем икон?

– Этот человек основал наше государство, – отвечает гид.

– Поражаюсь. Ваш патша своим обликом совсем не похож на вас. Как время все изменяет!

– Да, время изменяет все.

– Выходит, все вы – оршуты?

– Нет, мы не оршуты. Мы – оршутстанцы! Оршутов я вам еще покажу, – загадочно отвечает гид.

Знакомая ситуация, не правда ли? Фэнтези все более приближается к реальности.

Вскоре появляются и «чистые» оршуты. Увидев их, сэр Роберт поневоле робеет. Странные человеческие существа: один глаз серый и открытый, другой – черный, с прищуром; половина волос на голове – русая, другая – смолистая. Брови, виски, подбородок будто склеены из разных рас света. Левые руки-ноги – длинные, правые – короткие. Ходят вперевалку, враскосяк, шатаясь. Сэр Роберт обомлел: «О, Иисус!»

Гид рассказывает заокеанскому именитому гостю диковинные легенды-предания об этом крае. Чего только не происходило лет триста назад на этой земле, на которой зародилась неслыханная страна Оршутстан!

Все загадочно и далеко. И в то же время так близко и знакомо. Диву даешься.

В легендах, рассказываемых расторопным гидом, присутствуют:

– люди с одним-единственным глазом на животе. Это Карынбаи, воспринимающие мир только брюхом;

– люди без мозгов и даже без головы (так что непонятно, куда применить головной убор);

– люди, которые поклоняются только злату и едят-крошат-кромсают горы, подпирающие небеса;

– толпы плешивых бунтовщиков, вознамерившиеся убить красного властелина-падишаха и разграбить его крепость-дворец;

– какие-то бесы-безбожники, разрушающие весь мир до основания;

– лицемеры-мунафики, превратившие мусульманский храм в торговый дом, которым Бог нужен лишь для того, чтобы заполучить миллионные и миллиардные кредиты для низменных нужд.

Читатель погружается в беспощадную, едкую сатиру, напоминающую «Историю города Глупова», «Пошехонскую старину» и им подобные немногие в мировой литературе произведения. В сатиру коллизий, обстоятельств, нравов, историй, событий, очень знакомых нашим современникам и соотечественникам. Плотным кольцом обступают нас «знакомые незнакомцы». Для сэра Роберта это миф, ибо обо всем этом он слышит в 2230 году, а для нас это почти реальность, ибо мы все пребываем в реальности 2012 года.

Читаешь эту «невеселую фэнтези» и ловишь себя на том, что все, о чем повествует словоохотливый гид сэру Роберту Бакпайоффу, нам до боли известно: мы это видели и видим, слышали и слышим, ощущали и ощущаем, пережили и переживаем.

Вклинивается в повествование гордая и трагическая история о стране Бозакстан и ее жителях бозакцах, о самобытном кочевом народе, который по стечению обстоятельств, из-за гнусной политики и подлой идеологии превратился в «мамбетов», в «мамба» и разделился на две группы – «городских» и «степных». От пращура Карынбая пошли Мыркымбаевичи Кикымбаевы. Потомки вольных и могучих степняков-бозакцев обернулись жалким и позорным отребьем. Дьявол-искуситель Иблис добился-таки своего черного, подлого дела. Наступили дурные времена, когда солнцеподобный падишах, ненасытный до золота, ограбил всех и вся, воссел на куче золота, провозгласил лозунги-идеи: «Богатство – это все!», «Выживайте, как можете!», «Обогащайтесь!», «Главное – ақша, ақша, ақша!».

Да-а... была некогда бескрайняя страна – Бозакия. Теперь она частично превратилась в своеобразную кунсткамеру-музей, где собраны всевозможные мутанты-люди – с единственным глазом на макушке, с тремя руками, с двумя головами, с безобразным ртом на животе, жуткие уроды, при виде которых сэру Роберту становится дурно до тошноты, до рвоты. Сюда свезли мутантов со всех углов Бозакии, где Империя испытывала атомные и водородные бомбы и превратила этот

музей скорби, горя и уродства в бизнес, в очаг обогащения, в источник государственных доходов.

Со временем бозаки превратились в оршутов, которые в подпитии поют по-шуршутски, а ругаются – по-русски.

Такие крутые превращения произошли в Оршутстане в 2230 году.

Ну, а с природных бозакцев хоть что-нибудь или кто-нибудь остались?

Остались.

Их загнали в самую захудалую, убогую часть некогда необъятной степи, именуемую штатом, а фактически – в резервацию. Там обитают потомки бозакцев, которые чудом сберегли себя, сохранили быт, обычаи, нравы, память, ремесла, навыки, искусства, заповеданные предками. Острыми сатирическими мазками нарисовал автор небывалый политический, экономический, культурный расцвет страны Бозакии под предводительством солнцеподобного гениального лидера нации, об эпохе правления которого слагались неслыханные саги и мифы-легенды.

Увы, все это было в прошлом. Измельчал народ, ничтожествами обернулись верные визири (признаюсь, многие эти визири мне лично знакомы), сам солнцеподобный падишах (великий демократ-патриот) погиб под грудами накопленного золота.

Все было, было, было. И мы – свидетели той легендарной эпохи, о которой с таким восторгом, упоением, с такими яркими деталями-штрихами рассказывает неутомимый гид бесконечно потрясенному многоопытному сэру Роберту.

За три дня торжества в столице Оршутстана сэр Роберт наслышался много диковинного и умопомрачительного. Он утомился от всех этих впечатлений; от рассказов об эпохе правления солнцеподобного сардара у него голова пошла кругом. Многое в голове американского сенатора не укладывалось. А впереди его ожидали новые потрясения в резервации бозакцев.

Здесь, пожалуй, необходимо напомнить читателю, что фамилия сэра Роберта – Бакпайофф. Выясняется, что его предок в восьмом поколении был просто-напросто Бокбаем, то есть родом из бозакцев, и каким-то образом давным-давно эмигрировал в Америку. Легенда эта, по всему, не лишена основания: американский сенатор

сэр Бакпайофф лихо ест конину, қазы, жал-жая, пьет кумыс, подолгу чаевничает, не чурается никаких бозакских деликатесов, даже ловко ездит верхом на иноходце, как бы подтверждая в глазах коренных бозакцев свое генетическое происхождение. Должно быть, именно потому он благосклонно, с кровным интересом, живо воспринимает все, что происходит в резервации бозакцев в диковинной стране Оршутстан.

Сэр Роберт диву дается на каждом шагу. Там, где некогда расположился город, основанный солнцеподобным сардаром, теперь пустыня. Там, где некогда вольно пролегала беспредельная степь, теперь бугрятся песчаные дюны. Там, где возвышались величественные горы, теперь плоская, унылая равнина.

– А горы-то куда подевались? – вопрошает обескураженный сенатор.

– Их продали и съели.

На месте былых грандиозных небоскребов появились низенькие однообразные «Чайна тауны». Некогда бозакцы сдали свои земли в аренду шуршутам, но через пятьдесят лет никто ничего им не вернул, более того, неизвестно, куда делись сами аборигены-бозакцы, будто в одночасье растворились во времени и пространстве.

Некогда кочевым бозакцам достался крохотный участок земли, который называют Мамбетией. Мамбетия раскинулась на трех холмах. Почему население живет обособленно? А потому что относятся к трем родам-жузам. И говорят они на разных языках? Нет, язык у них общий, единый. А как они отличают друг друга? По бородам. Как это? А просто: у кого борода длинная – тот относится к Большому жузу. У кого покороче – тот Средний жуз. А если вместо бороды – куцая бороденка, считай, жуз Младший.

Понять это сэру Роберту, хоть он и далекий потомок Бокбая, мудрено.

Всю экзотическую прелесть былой номадийской жизни сэр Роберт познает в резервации бозакцев. Бесхитростный их быт приходится ему по нраву. Видно, сказывается все же давний генетический код. Больше всего его поражают заунывный наигрыш кобыза, способный разбудить в сознании слушателя вековую скорбь и печаль, всколыхнуть сонную природу, поднять песчаную бурю, заставить поволчьи выть ветер; искрометные кюи на домбре, бодрящие кровь,

возбуждающие душу, зовущие к воле, свободе, дерзаниям и свершениям; беспощадный айтыс – поэтическое состязание, вдохновенная импровизация степных бардов-акынов, красочно воспевающих свой род, своих батыров, беков и непревзойденных рыцарей ристалищ; дикие скачки на необъезженных конях-неуках; шумные тои и обильные дастарханы.

Нам, читателям, это не внове, мы о том читали, мы все это видели в разных масштабах, но автор «фэнтези» это описывает так ярко, так вдохновенно и сочно, столь богатым и образным языком, что чувствуешь себя счастливым участником грандиозного зрелища, испытываешь живое обаяние вольной жизни номадов, владевших некогда безмерным пространством бытия.

Увы, увы... все в былом.

Народ выродился. Вокруг резервации обитают китайцы, корейцы, японцы и прочий азиатский люд.

Трагедия.

В чем причина?

Гид отвечает: «В том, что враг мамбета – мамбет. Мамбеты ищут врагов только внутри себя. Видно, они исчезают со сцены истории, так и не осознав истину, что «мамбет мамбету – друг».

– Выходит, они дети с неразвитым сознанием? – спрашивает сэр Роберт.

– Да, народ, состарившийся еще до того, как у него прорезались зубы, – последовал ответ.

На многое открылись глаза американского сенатора, посетившего в июле 2230 года таинственную страну Оршутстан.

Многое заново увидел, почувствовал, осознал и осмыслил современный читатель.

...На своем двухместном флайере сэр Роберт Бакпайофф-Джонсон летит назад в свою благословенную страну. А мы, слегка ошарашенные прочитанным, остаемся на нашей земле, которая пока что еще не обернулась загадочным Оршутстаном.

Кто автор этой «невеселой фэнтези»?

Некто Тауфих Шегиров.

Заглянул в справочник Союза писателей Казахстана: не нашел такого среди 700 членов этой организации.

Но чувствуется опытная рука крепкого прозаика: сюжет, композиция «фэнтези» выстроены безупречно, язык сочен и образен – подлинный казахский речестрой, образы яркие, характеры достойные, детали убедительные, и в каждом предложении сквозит дыхание реальной жизни.

14–17 июля 2012 года

ОН КАЗАХ, НЕБЕСНЫЙ ТЮРК

Я знал его как самобытного, эффектного переводчика мятежного поэта Махамбета, сподвижника повстанца Исатая. Помню: меня «зацепило» само название книги – «Стихострелы». Аналог казахского «Жыр-жебе». Книга эта вышла лет десять тому назад, и блистательное предисловие к ней написал чуткий ко всякой новизне Имангали Тасмагамбетов.

Махамбет олицетворяет собой гордый и свободный дух казахов, он радетель национальной независимости, несгибаемый борец за свободу, бунтарь с нежной, сострадательной душой, клубок ярости, непокорности, непримиримости к врагам.

Именно так я оценил переводы Махамбета на русский язык, осуществленные атыраусцем Бекетом Карашиным.

Со временем я открыл для себя и другие грани его таланта. За эти годы Бекет развернулся во всю свою творческую мощь.

Знаю, что он обрел доброе базовое образование, закончил философско-экономический факультет КазГУ, аспирантуру института философии и права Академии наук КазССР, много читал, преподавал, размышлял, творил, ярко проявил себя на общественной, литературной стезе.

Он масштабен, концептуально устремлен, всю свою сознательную жизнь напористо и успешно занимается проблемами философии, поэзии, художественного перевода, тюркологии, истории, лингвистики, экологии.

Я знаком с его книгами «Махамбет. Стихострелы», «Махамбет елі», «Бейбарс: эпоха и личность», «Запоздалые стихи», «Рыцарская поэзия казахских жырау», «Почтение земли: поклон человеку», а так-

же с разными публикациями (эссе, стихи, исследования, переводы) в периодике.

Он отличается острым гражданским чутьем, не занимается конъюнктурой, лакировкой, литературным «уфит-суфитом», «ахалай-махалаем», а затрагивает насущные проблемы настоящего бытия, видит их в исторической и философской перспективе.

Настоящий нувориш
Оставляет кошке мышь.
А вот наши «нуворишки»
Все смели: от игл до шишки.
Ну, воришки, клад зарыли,
А пушок смахнули с рыла?

Он умеет язвить, больно щипать, горько усмехаться.

«Homo homini lupus est» –
Сильный слабого все так же ест.
В обществе нашем доминируют стаи,
От крупных хищников до горностаев.

И не боится ставить вопрос ребром, руководствуется гейневским постулатом: «На проклятые вопросы дай ответы мне прямые».

Реки мелеют,
Сер небосвод,
Страна богатеет,
Нищает народ.
Лозунги реют:
«Независимость!»,
«Равенство!»
Сплошное «брависсимо!»,
Сплошное празднество!
Лозунги реют:
«Братство!»,
«Свобода!».
А где же богатство,
Благо народа?

Я здесь говорю не о лирической, а гражданской направленности, мировоззренческой позиции Бекета. Мне нравятся эти круто замешанные, лапидарные строки, своеобразные «Ксении» в гетевско-шиллеровском духе.

По душе мне и его философско-патриотические мотивы. Ему, к примеру, принадлежит яростное, поистине махамбетовское стихотворение-манифест «Я – казах», в котором охвачена национальная суть в историческом разрезе. Стихотворение длинное, и я вынужден здесь ограничиться лишь несколькими строчками:

Я не набожный монах,
Небо-Тенгри – мой Аллах,
Глядя ввысь на синеву,
Восклицаю: «Я – казах!»
Много я врагов знавал,
Битым был и правил бал,
Потому-то я – казах,
Вольным был, свободным стал.
Я от воли до свободы
Претерпел и смерть, и роды,
Но до истинной свободы
Мне нужны эпохи, годы.
Мне неведом мелкий страх,
Даже мой несчастный прах
С того света все ревет
Гордый клич мой: «Я– казах!»

Философичность, склонность к широкому и глубокому охвату темы вообще характерны творчеству Карашина. Совсем недавно я имел возможность ознакомиться с его пока еще не опубликованной поэмой «Черный квадрат», навеянной известной картиной Малевича, и в той поэме в развернутом виде охвачены глобальные проблемы нашего драматического бытия.

Особо хотелось бы мне отметить его филологические, этимологические изыскания в области тюрко-казахского речестроя. Книгу Карашина «Почтение земли: поклон человеку» я часто и охотно читаю, восхищаясь (а иногда сомневаясь) его историко-лингвистическими

трактовками обиходно-бытовых слов. Это увлекательное чтение: тюркология, лингвистика, сопоставительная грамматика меня привлекают со студенческих лет.

В этой области Бекет заметно находится под влиянием историка-языкознатца-этимолога Олжаса Сулейменова. Кстати, упомянутая выше книга приурочена к 70-летию знатного казахского поэта и языковеда.

О чем речь?

О циклах эссе «По тропе Олжаса», «Тюрк и я», которые сотканы из множества лапидарных очерков, миниатюр, заметок, реплик, мимолетных зарисовок. Назову здесь несколько характерных, пронизанных знанием истории, лингвистики, философии, литературоведения: «Тюркское слово», «Волки и их потомки», «Гнездовье людей», «Шумеро-тюркские мотивы в библейских историях», «Жаркое из тюркизмов, или От озарений до прозрений» и др.

Один пример из типичных наблюдений и выводов Бекета: «Слова *жар, йар, зер, зар* принимали участие в образовании массы как тюркских слов, так и тюркизмов. Имеются следующие тюркские слова и их сочетания, «проЖАРенные» этими этимонами.

В кыпчакском диалекте: ЖАРық (свет), ЖАРқын (лучезарный, светлый), ЖАРқ-жұрқ (искриться), ЖАРқ ету (засверкать), ЖАРия болу (стать известным), ЖАРиялау (объявить, обнародовать), ЖАРқыл (сверкание), ЖАРқыным (светик мой), ЖАРқырау (блестеть, сиять), ЖАРшы (глашатай, вестник), ЖАРлық (распоряжение, приказ), аЖАР (озарение человеческого лица, его приятный цвет и лоск). В свистящем диалекте: ЗЕР, ЗАР (внимание).

Из этих светлейших основ возникли тюркизмы: жар, жара, жарко, жаркое, жар-птица, жаренный, жарить, жаровня, жарынь, заря, зарево, зарница, зардеться, зарозоветь, озарение, зрение, прозрение, зрелище, воззрение, зритель, зрелище, зрачок (по-тюркски – зер + очок, что буквально означает: «внимание открыто»)» (с. 132–133).

Или вот Бекет рассматривает батальные слова «батальон», «батарея», «баталия» и расшифровывает их так:

Аты-баты –
от команды,
их родил язык войны.

Аты-баты
«тюрковаты»:
ат – стреляй, а бат – тони (с. 156).

Слова «кольчуга», «колчан», «чехол», «кобура», «забрало», «забор», «маска», «колокол», «торба», «баул», «карман», «стяг», «ярлык» он относит к тюркским корням, толкуя, объясняя, доказывая, делая ссылки на громкие авторитеты (М. Кашгари, В. Бартольд).

«Лошадиную» терминологию он сплошь связывает с тюркскими словами: лошадь – йолшы ат, караковый – «кара», чубарый – шұбар, буланый – бұла, чалый (чал – пестрый), узда – ұста, ауызда.

Убедительными показались мне его этюды-толкования слов и выражений: «хомут», «телега», «тарантас», «таратайка», «колымага», «коляска», «алтын», «монета», «соловей-разбойник», «баба Яга», «Змей Горыныч», «Карабас-Барабас», «Серый волк»...

Иногда свои лингвистические разборы он подытоживает в стихах:

Словом, в сказках Соловей
Не певец и не солист,
Он – разбойник и злодей,
Издававший жуткий свист.
Соловей совсем не птица,
Он –степняк, кипчак, огуз,
И грабитель, и убийца,
От него стонала Русь... (с. 196)

Философско-лингвистические этюды Карашина заставляют думать, вникать в природу слов, находить диковинные корни, понять взаимосвязь и взаимовлияние культур и языков.

Читать Бекета Карашина увлекательно и поучительно.

С любопытством и восхищением ознакомился я с резюме моего давнего знакомца. И только диву дался: сколько же у него наград, премий, дипломов, которыми за труды удостоили его Казахстан, Россия, Германия, Болгария, Италия, Австрия, США, в каких только странах не издавали его произведения, автором скольких десятков книг и сборников он только не является!

Надо же: обо многих этих фактах я и представления не имел, и слыхом не слыхивал.

Тем большую я испытываю радость и гордость за него.

Впору литературоведам заняться «карашиниадой». Для размышления и осмысления он уже выдал немало материала.

Я воспринимаю его как даровитого младшего брата и пишу эти вольные, сумбурные строки, дабы поздравить Бекета Карашина с шестидесятилетием и сердечно пожелать ему новых свершений во всех гранях его незаурядной личности.

Сентябрь 2013 года

ДИАГНОЗ ПОСТАВЛЕН, НАМЕЧЕНЫ И ПУТИ ЛЕЧЕНИЯ

В Алматы в 2013 году вышла книга под названием «Качество образования в мире и в Казахстане». Опрятная, полиграфически аккуратная книга издана в твердой обложке, по объему небольшая, тираж – скромный, написана лапидарно, сжато, «мускулисто», понятно и доступно. Она привлекла мое внимание: я ведь по базовому образованию педагог, учительствовал одно время в аульной школе – и до института, и после, аспирантуру закончил на кафедре методики преподавания, к школьным делам и поныне неравнодушен. Названную выше книгу читал-штудировал с карандашом, делая множество помет на полях.

Автор книги – Аскарбек Кусаинов, с которым знаком давно, с тех самых пор, как он защитил диплом доктора-инженера Германии.

За эти годы он стал знатной фигурой на ниве педагогики, обрособзавелся разными званиями, степенями, титулами: доктор педагогических наук, профессор, председатель правления Академии педагогических наук Казахстана, лауреат Государственной премии РК, иностранный член Российской академии образования, академик пяти отечественных и зарубежных академий, основоположник сравнительной педагогики в Казахстане, президент совета сравнительного образования и т. д. и т. п., et cetera на две-три страницы.

У меня лично к подобным «мандатам» особого почтения нет, а в том, что Аскарбек Кабыкенович – славный азамат и знающий, весьма компетентный специалист, давно убедился.

Глубоко симпатичны мне и его научный подход к своему излюбленному предмету, метод и логика изложения, а главное – честность, открытость, принципиальность и смелость его объективных суждений.

О том и постараюсь посильно поговорить.

Компетентные ученые предваряют книгу: академик Национальной академии наук РК Копжасар Нарибаев («...качество школьного образования ежегодно падает, а школьное образование является основой интеллектуального потенциала страны»); академик НАН РК Едиль Ергожин («Благие намерения есть, а результатов нет. В республике образование имеет низкое качество»); педагог-практик, директор гимназии № 159, Герой Труда Аягуль Миразова («Эта книга, я надеюсь, послужит одной из предпосылок реформирования школьной системы как обоснованная информация о недостатках существующей системы образования в стране и возможностях общества по их устранению»).

Все эти суждения и оценки убедительны.

Труд профессора Аскарбека Кусаинова композиционно построен из двух основополагающих глав:

а) международные исследования по оценке качества образования;

б) система общего среднего образования Казахстана в мировом пространстве. Пути повышения качества образования.

Лично у меня особый интерес вызвала первая глава, ибо в ней идет обстоятельная и доказательная речь о том, что я знал слишком общо, смутно или вообще не знал, а именно: о мировом табеле качества образования, о качестве обучения в мировой системе образования, о лидирующих системах образования в мире, о повышении эффективности мировых образовательных систем.

Автор книги на многое открывает нам глаза. В частности, на международные программы оценки знаний и умений учащихся. Эти программы имеют сокращенные названия из английских аббревиатур – PISA, TIMSS, PIRLS. С четкой задачей и научно-исследовательским направлением.

Приводятся результаты исследования по всем этим программам в 34 странах по параметрам «выше среднего», и в странах-лидерах, как правило, упоминаются Финляндия, Гонконг, Южная Корея, Канада, Новая Зеландия, Австралия, Нидерланды, Лихтенштейн, Япония. На-

звания передовых стран варьируются: Тайвань, Швейцария, Эстония, Германия и другие.

Но в этих списках-перечислениях, понятно, не встречаются ни Россия, ни Казахстан. Элементарно не доросли.

Автор дотошно раскрывает причины и мотивы высокого образования в успешных странах, перечисляет со знанием дела основные факторы, обеспечивающие их успешность и эффективность. Многое, естественно, упирается в высокие экономические показатели, в благосостояние страны, с ВВП на душу населения свыше 20 тысяч долларов или около того. Но не только. Не исключительно деньги стимулируют качество образования. «Из этого наблюдения можно сделать простой вывод, – пишет профессор А. Кусаинов. – Для того чтобы иметь хорошее образование, страна должна быть богатой. Но если очевидно, что хорошее образование – функция благосостояния страны, то совершенно не факт, что хорошее образование – функция больших расходов. Например, в Греции и Южной Корее государство в расчете на одного ученика выделяет примерно одинаковую сумму, но Южная Корея во всех рейтингах в первой тройке, а Греция – в конце списков».

Это так. Казахстан по мере своих пока что ограниченных возможностей худо-бедно вкладывает в образование относительно немало средств, а результатов не видно, наоборот, по всем формальным и реальным показателям в сфере образования ощущается регресс, спад. В чем дело? В отсутствии четко продуманной педагогической системы, в низком уровне педагогических кадров, в разворовывании отпускаемых из госбюджета скудных средств, в бесконечной чехарде руководящих образованием чиновников (12 министров за двадцать лет независимости – куда это годится?!), в несуразности показушных «рипорм» (реформами их никак не назовешь), в повсеместной халатности и безалаберности, в безответственной ментальности, в забвении исконных национальных традиций, в случайности отбора на педагогическом поприще снизу доверху, в нерациональном использовании потенциальных возможностей педагогов – о, перечислять подобные изъяны на просторах нашей страны можно бесконечно. А прежде всего, на мой взгляд, сказывается в этом вопросе отсутствие благотворной и благородной государственной воли. Из ничего ничего не будет. От мусора рождается мусор. В деле образования и

воспитания надеяться на некое чудо – полный нонсенс. Опыт стран-лидеров, всесторонне описанный профессором Аскарбеком Кусаиновым, свидетельствует о необходимости четкой стратегии, целенаправленности, великого терпения и настойчивости, систематической адовой работы по всем государственным каналам во имя будущего страны и ее грядущих поколений. Обиходить, окультуривать газон воспитания и образования предстоит десятилетиями.

Истина очевидная, и от нее не отмахнешься.

Еще одну бесспорную истину подчеркивает автор рецензируемой книги: «Опыт лучших систем школьного образования свидетельствует, что решающую роль играют три фактора: 1) надо, чтобы учителями становились подходящие для этого люди; 2) следует им дать подготовку, которая позволила бы повысить эффективность преподавательской работы; 3) необходимо обеспечить условия, при которых каждый без исключения ученик получил бы качественное образование».

По сути, этим все сказано. Или почти все.

Далее автор обстоятельно анализирует, как поставлены воспитание и образование в Финляндии, Сингапуре, Южной Корее, Англии, Японии и других странах-лидерах, в которых искони высоко ценится образование, профессия школьного учителя, процесс отбора кадров, ведется жесткий контроль на курсах профессиональной подготовки учителей уже на начальном этапе обучения. В этих странах давно поняли, что «одно неправильное кадровое решение может привести к сорока годам плохого преподавания».

Много разительных и достойных примеров в системе воспитания и образования приводит автор книги. Читаешь и восхищаешься; восхищаешься и задумываешься; задумываешься и печалишься, невольно сравнивая с тем, что есть в доморощенном краю.

Один пример.

«В Финляндии пришли к выводу, что статус учителя – по крайней мере, отчасти – зависит от его уровня образования: поэтому в финской системе образования было введено требование, чтобы все учителя имели степень магистра».

Я вспоминаю аульные школы военного, послевоенного и нынешнего времени, вспоминаю кадры и материальную базу своего учительского периода, перебираю в памяти кадровый уровень в «глубинках», размышляю об обязательной степени магистра в иных странах-

государствах и задаю себе вопрос с печалью и недоумением: «Ну и как? Каким образом догоним зайца на раздрызганной арбе?!»

Не стану излагать все факты и подробности, приведенные в анализе и повествовании книги профессора-новатора, ученого-энтузиаста Аскарбека Кусаинова. Они достойны внимания; они будят мысль; они взывают к деянию; они определяют пути к конкретному действию и созданию; они вселяют надежду.

Вторая глава книги целиком посвящена нашим внутренним педагогическим проблемам – системе общего среднего образования в Казахстане. Речь здесь идет об оценке качества образования в стране, о состоянии системы образования, о статусе педагогических кадров, о духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, о результатах научных исследований в области образования, о повышении эффективности системы управления образованием в Казахстане и прочих материях.

Мне лично все это в немалой степени знакомо. И тут можно обойтись одним русским словом «неважно». Или казахским «мәз емес». Или немецким «швах».

Страницы о педагогическом уровне в Японии, в Германии, в Южной Корее впечатляют живым аналитическим повествованием. Точка зрения автора на ЕНТ мне глубоко симпатична. Я считаю, что ЕНТ нанесло сокрушительный удар по отечественной педагогике, содействуя тотальному оболваниванию двух поколений учащихся, напрочь отучая от самостоятельного мышления.

Горячо поддерживаю все предложения автора на педагогической стезе. Согласен с двумя его выводами:

1. «Нынешнее реальное состояние отечественной системы образования крайне тревожное».

2. «Качество знания среднего выпускника общеобразовательной школы нашей страны на уровне ниже удовлетворительного».

Диагноз поставлен. Но намечены и пути лечения. И в этом пафос книги, ее значимость и поучительность. Для учителей, для управленцев, для родителей, для каждого гражданина независимой страны.

2013 год

ЕГО ДЕВИЗ: «ЖИТЬ ТВОРЯ – НАИВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ»

Мой давний друг, славный чингизид Шот-Аман Валиханов (Уәлихан), знаменитый архитектор, облаченный всевозможными титулами, званиями и степенями, мандатами и дипломами разных стран, к тому же драматург, стихотворец, балагур и острослов, издал на исходе 2013 года в Астане в общем объеме почти 70 печатных листов двухтомник сочинений тиражом в 2000 экземпляров (издательство «Фолиант»).

Замечу: на двух языках, в которых он одинаково искушен.

Человек Шот-Аман Едрисович увлекающийся, талантливый, мобильный с ярко выраженным гражданским темпераментом. К своей избранности по происхождению он относится с гордостью и ответственностью.

Два тома большого формата обильно проиллюстрированы редкими фотографиями: я их насчитал около трехсот. Они запечатлели не только общественно активного автора, но и его окружение, творческую обстановку, время, историю, пристрастия. Что, на мой взгляд, само по себе ценно и значительно.

Большинство статей, вошедших в два тома, мне лично в немалой степени знакомо. Это, прежде всего, капитальные исследования, сгруппированные вокруг глобальных, стержневых тем: «Абылай хан» («Абылай ханның ататегі кім?», «Абылай хан туралы өлең-жырлар және тарих», «Абылай ханның әулеті», «Абылай», «Абылайдың хаты табылды», «Алып Абылай ханның есімі бүгінге дейін ел есінде»); «Шоқан Уәлиханов» (в этот цикл вошли одиннадцать статей, освещающих разные аспекты уникальнейшей жизни выдающегося казахского ученого и окрашенных любовными чувствами автора к своим именитым предкам).

Третьим разделом первой части идут тщательно выверенные сведения о казахских ханах, султанах и төре. Восхитило и поразило обширное родословное Чингис-хана и его многочисленных потомков – сведения, графически расположенные на сорока книжных страницах убористого шрифта.

Схема такая: называется хан имярек, перечисляются его дети, от детей – внуки, от внуков – правнуки и следующие ответвления-

поколения. Пример: Чингис-хан (1165–1227) – его сыновья (Жошы хан, Шагатай, Угедэй, Толы) – внуки (упомянуто 21 имя) – от них десятки и сотни потомков. По такой схеме представлены потомки Азь Жанибека, Акназар хана, Нияза, Абулхаир хана, Нуралы хана, Ералы хана, Айшуак хана, Абильмамбет хана, Имана, Унибая, Тортана, Уалихана, Абылай хана... нет, всех я здесь не перечислю, обязательно что-нибудь напутаю, от обилия имен и свихнуться немудрено. Надо учесть, что у каждого хана была не одна жена (у Абылая, к примеру, было, сказывают, тридцать жен, от которых он имел тридцать сыновей и сорок дочерей, а сколько было в свой черед чад у тридцати абылаевских сыновей, а от их внуков?!). Моя немецкая голова не в состоянии это уразуметь. Я попытался было сосчитать любопытства ради имена, перечисленные в родословном Чингис-хана, но тут же отказался от этого намерения: имен наверняка не одна тысяча.

Однако подчеркну: родословное чингизидов, несомненно, украшает первый том сочинений Шот-Амана Едрисовича.

Вторую часть первого тома составляют статьи о зодчих, коллегах, писателях, ученых, государственных и общественных деятелях, музыкантах – современниках-друзьях автора. Эти статьи (их в томе 21) были в разное время опубликованы в средствах массовой информации на казахском и русском языках.

Том предваряет обстоятельная статья доктора искусствоведения, профессора Райхан Ергалиевой «Вселенское чувство свободы духа» (на двух языках). Статья охватывает все грани незаурядной личности «многостаночника» Шот-Амана Валиханова.

Содержание второго тома определили 72 статьи, исследования, речи, интервью, обзоры, заметки, письма, объединенные вокруг четырех тематических блоков на казахском и русском языках: «Ескінің көзі – тарихтың өзі» (в этом разделе привлекают внимание читателей такие историко-исследовательские и публицистически-полемические работы, как «Бір атаның баласы едік», «Шындыққа жүгінсек...», «Читая Солженицына», «Қазақ саңлақтары», «Шорман әулеті», и др.); «Памятники истории и культуры Казахстана» (главным образом, выступления автора на съездах и пленумах Казахского общества охраны памятников истории и культуры, а также статьи типа «По следам Марко Поло и академика Радлова», «Сохраняя и приумножая культур-

ное богатство»); третий – самый объемный раздел «Таспен жазылған тарих» (разные аспекты прошлого и настоящего архитектуры Казахстана; ключевые работы: «Бүгінгі қаланың бейнесі», «Ғимараттар сөйлейді», «Таспен жазылған симфония», «Кадровое начало в архитектуре», «Проблемные вопросы архитектуры полносборного строительства жилых и гражданских зданий», «Архитектура наших городов», «Градостроительство на селе в современных условиях», «Сәулет өнерінің бүгіні мен ертеңі» и т. д).

В четвертый раздел второго тома («Тәуелсіздік нышандары») вошли две работы: «Ғарышқа аттанған ұлттық белгі» и «Елбасының байрағы».

Напомню, что Ш. Е. Валиханов является разработчиком и автором многих государственных символов, знаков и атрибутов, всесторонне воспроизведенных фотографически и репродукционно во втором томе.

Я пишу не рецензию и не аналитическую статью о двухтомном собрании сочинений давнего друга. Я пытаюсь дать общее представление о данном труде, привлечь внимание читателей к нему, выявить основные достоинства этих двух фолиантов.

Так в чем сила автора?

В том, думаю, что он не только одаренный, одержимый крутыми идеями зодчий, но и страстный, целеустремленный сподвижник Культуры в ее ренессансном значении. То есть он точно нащупывает суть явления, видит зорко и далеко, всегда и неизменно опирается на истоки национальной культуры, искусно связывает в гармоническом единстве прошлое и настоящее – историю, этнографию, философию, фольклор, литературу, и все его писания отличаются незаурядным интеллектом, огнем озарения и высокой духовностью. Как драматург, как стихотворец, он умеет сплетать все грани искусства (по Абаю: «Қиыннан қиыстырар ер данасы»), облачать свои деяния в красивые формы, чувствует – как Художник – дыхание Времени и стремится служить Вечности.

Он по натуре максималист. Ставит перед собой всегда высшую планку подлинного творчества. Он стремится к глобальным свершениям.

Именно таким я вижу и воспринимаю Шот-Амана Валиханова.

Такой личностью он предстает и в своем объемном двухтомнике.

Я знаю: этим двухтомником многогранное творчество Шоты не ограничивается. На ниве культуры он увлеченно, задорно служит, считайте, 60 лет. За эти десятилетия безустанного труда он свершил многое.

Конечно, в двухтомник его вошло кое-что, но далеко не все, не все.

Деяния его (включая художественные произведения и переписку с выдающимися людьми) наверняка «потянут» томов на десять, а может, и больше.

За все ему воздастся.

Время воздаст.

Вот это – весьма конспективно – я и посчитал нужным сказать.

Честь, достоинство и хвала высокородному мужу!

10 января 2014 года

Часть вторая

Этюды: наблюдения, суждения

ТУТТИ-ФРУТТИ

В годы войны и в первые послевоенные годы наш тихий и убогий аул в Приесилье время от времени навещал странный человек. Молчаливый, сосредоточенный, с большими печальными глазами. Весной и осенью ходил в нелепых ичигах, в фуфайке, в засаленных, залатанных штанах. Неизменно обросший, голодный. Говорил на диковинном наречии – смесь русских, казахских и непонятных восточных слов. Никто из казахов его не обижал, а понимали его главным образом женщины. Они и радовались его появлению в аулах.

Его как-то называли, но я имени его сейчас не помню. А по национальности, кажется, был иранец. Догадываюсь теперь: наверное, из племени ссыльных.

Приходил он из Кызылжара – так местные казахи называли город Петропавловск. А конечным пунктом его маршрута был районный центр – Марьевка. Расстояние от и до – двести верст. Их он измерял пешим. Попутная подвода в те годы встречалась редко.

На левом плече его висела туго набитая переметная сума – изрядно обтерханный, из разноцветной ткани сотканный коржун. В правой руке он держал суковатый, крепкий посох. На вилке его крепилась войлочная сумка – «сидор», в котором хранились съестные припасы – огрызок лепешки, горсть курта, иримчика, колотый сахар, конфеты-липучки, засохшие до каменной твердости пряники, бутылка молока.

А чего только не было в его увесистом коржуне! Мотки пряжи, нитки, иголки, наперстки, пуговицы, резинка, карандаши, гребешки, зеркальца, дешевые женские украшения, детские безделушки, стеклянные бусы, четки, платки, плитки чая, какие-то снадобья – всякая всячина.

Странный человек, ходивший пешком от областного центра до районного с тяжелым коржуном на плече и доставлявший радость в забитые аулы военной и послевоенной поры, был офеня.

Правда, тогда я этого слова не знал.

Значительно позже у Даля прочту: *афеня (офеня)* – ходебщик, кантюжник, разносчик, коробейник, щепетильник, мелочный торгаш вразноску и вразвозку по малым городам, селениям.

А тутти-фрутти и означает по-итальянски «всякая всячина».

Так и в этой моей главке будет всякая всячина, разный ұсақ-түйек, шара-бара, словом, тутти-фрутти, то есть разные сведения, толкования, объяснения, наблюдения, приметы, заметы, сваленные, сложенные, впихнутые в мой коржун, которые, конечно же, думаю, пригодятся переводчику в его многохлопотном деле. Все эти тутти-фрутти в конечном итоге составят тутти-кванти, то есть всякое другое, поголовно все.

Из этих тутти-фрутти и тутти-кванти и состоит, собственно, переводчик. Заглянем же в этот коржун, рассмотрим его содержимое.

* * *

Сколько же на земном шаре бытует языков? Никто точное число не назовет. Ведь, кроме языков, существуют еще сотни и сотни диалектов.

Впрочем, каждый год исчезают десятки.

И еще сотни находятся на грани исчезновения.

Одни знатоки утверждают, что всего живых языков на Земле осталось шесть тысяч. Другие полагают – около пяти тысяч. Третьи считают – пять тысяч с хвостиком.

Сосчитать языки, понятно, я не в состоянии.

Но что языки катастрофически скудеют и стремительно глобализируются, в этом я убедился вполне конкретно на своем веку.

Планета этим обеспокоена всерьез.

Специалисты даже знают, сколько языков отмирает каждый год и сколько языков останется, скажем, через пятьдесят или сто лет.

Ужасно!

Каждый умерший язык уносит с собой частицу общечеловеческой культуры.

В результате деградирует человек как Homo sapiens. Вот несколько лет назад ЮНЕСКО представила новое издание своего Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения. Эти сведения касаются двух с половиной тысяч языков.

Вглядитесь, вчитайтесь – две с половиной тысячи!

Их разделяют на пять категорий:

1) состояние неустойчивости;

2) состояние опасности;

3) состояние серьезной опасности;

4) состояние критической ситуации;

5) состояние полного исчезновения.

По этому Атласу ЮНЕСКО получается:

– из шести тысяч языков уже исчезло более двухсот;

– в критическом положении находятся пятьсот тридцать восемь;

– серьезная опасность угрожает пятисот двум языкам.

Есть языки, на которых говорят менее десяти человек.

И таких языков Атлас насчитал сто девяносто девять.

Ну какой это язык? И на что он может надеяться?

И еще на ста семидесяти восьми языках говорят от десяти до пятидесяти человек.

Конечно, и они обречены.

И такое, уверяет Атлас, происходит во всех регионах мира.

Я эти сведения почерпнул из разных источников. Последний по времени – «Экспресс К» от 21 февраля 2009 года.

И я перво-наперво подумал о немецком языке. На нем говорят во многих странах более ста миллионов человек. Значит, опасность ему не грозит.

Подумал и о русском языке. На нем говорят еще больше людей. И он популярен по крайней мере в двадцати странах. Значит, он тем более не в опасной зоне.

Подумал и о казахском языке. На нем общаются в разных странах более восьми миллионов человек. Значит, можно и не тревожиться особенно.

Ну и слава богу! Спи спокойно, Гереке!

Человек всегда – так уж он устроен – ищет себе утешение.

* * *

Ну, а какие языки самые распространенные? На каких языках главным образом общаются люди на планете Земля?

Вот последние по времени данные (см. газету «Қазақ» № 5–6 за 2011 год).

Язык	Страны	Количество человек, говорящих на языке
1	2	3
Китайский	Китай, Тайвань, Малайзия, Индонезия, Таиланд, Камбоджа и др.	1 212 560 000
Арабский	Египет, Саудовская Аравия, Турция, Сирия, Алжир, Судан, Ирак, Тунис, Иран, Франция, Оман, Аргентина, Бельгия, Катар, Нигерия и др.	422 039 637
Хинди	Индия, Бангладеш, Канада, Австралия, США, Новая Зеландия, Ирландия и др.	366 000 000
Английский	Великобритания, США, Канада, Германия, Япония, Италия, Дания, Сингапур, Израиль и др.	341 000 000
Испанский	Испания, Чили, Коста-Рика, Панама, Куба, Перу, Боливия и др.	322 200 000
Бенгальский	Бангладеш, Индия, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.	207 000 000
Португальский	Португалия, Бразилия, Франция, США, Германия, Ангола, Уругвай, Бельгия, Канада, Индия и др.	176 000 000
Русский	Россия, Украина, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Беларусь, Латвия, Молдова, Азербайджан, Эстония, Израиль, Грузия, Германия, Туркменистан, США, Армения, Польша и др.	167 000 000
Японский	Япония, США, Бразилия, Сингапур, Тайвань, Перу, Канада, Германия и др.	125 000 000
Немецкий	Германия, Румыния, Чехия, Молдова, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Украина, Дания, США, Польша, Бразилия, Италия и др.	100 130 000
Французский	Франция, Канада, Бельгия, США, Италия, Австрия, Великобритания, Тунис, Люксембург, Мали, Конго, Алжир, Израиль и др.	78 000 000

Окончание таблицы

1	2	3
Турецкий	Турция, Германия, Болгария, Македония, Узбекистан, Франция, Греция, Бельгия, Австрия, Дания, США, Азербайджан и др.	61 000 000
Азербайджанский	Иран, Азербайджан, Турция, Россия, Грузия, Ирак, Армения, Казахстан, Узбекистан, Сирия, Пакистан, Киргизстан и др.	31 423 000
Персидский (фарси)	Иран, Афганистан, Турция, Ирак, США, Саудовская Аравия, Германия, Катар, Франция и др.	31 280 000
Узбекский	Узбекистан, Афганистан, Таджикистан, Киргизстан, Казахстан, Туркменистан, Россия и др.	20 051 000
Казахский	Казахстан, СНГ, Китай, Монголия, Афганистан, Турция, Иран и др.	8 300 000

* * *

Переводчик казахской литературы, конечно же, часто наталкивается на совершенно уникальное явление – восточное летоисчисление в его казахском варианте – с двенадцатилетним животным циклом. Еще в детстве я слышал от аульчан: «Нынче год Лошади – к удаче, к благоденствию». Или: «Наступил год Зайца – ох, трудно будет, бедно будет, джут будет».

Мы, члены немецкой семьи в казахском ауле, вскоре выяснили, кто в каком году родился, и, бывало, подшучивали друг над другом по этому поводу. Оказалось, что мы с мамой родились по казахскому летоисчислению в год Собаки, и между нами два мушеля – два полных цикла. Отец родился в год Курицы, сестра Эльма – в год Зайца, сестра Альма – в год Свиньи, сестра Роза – в год Барса. Нам казалось это смешным, и мы находили соответствия между нашими характерами и теми животными, в год которых мы появились на божий свет.

В течение веков у номадов сложились четкие представление о каждом годе животного цикла. Чем знаменательны эти годы?

Год Мыши – год покоя и благоденствия, год сытой, обеспеченной жизни. Любые стены неурядиц тихая и неутомимая мышь прогрызет и до вожделенной цели доберется. В год Мыши, как правило, не слу-

чаются большие беды, войны, походы. Считается, что именно в этот мирный год основалось Казахское ханство.

Год Коровы – казахи, чьи помыслы искони связаны с доброй надеждою, однако, в год Коровы не сильно уповают на нее. Многие беды, ссоры, столкновения, междоусобицы в истории народа выпадали часто на этот год. Поэтому существует примета: в этом году крупный рогатый год целесообразно не резать.

Год Барса – год неоднозначный, противоречивый. Добро перемежается с худом. В народном сознании этот год связан с годом рождения пророка Мухаммеда, а потому он считается священным, роковым, годом великих деяний.

Год Зайца (Кролика) – о нем прочно сложилось дурное представление. В этот год, как правило, случаются всенародные бедствия – голод, неурожай, повальный мор скота, джут-бескормица. Необходимо предпринимать разные меры предосторожности, проявлять бдительность и заботу о людях и скотине.

Год Улитки – год в общем-то добрый, желанный. После года Зайца он приносит радость и утешение. Он связан с богатым травостоем, сытостью, справностью скота. Плодородие этого года народ связывает с тем, что улитка обитает в воде. А вода – источник жизни.

Год Змеи – номады испокон веков считали змею злым, коварным существом. С этим годом связаны гибель Отрара, массовая конфискация баев при советской власти, начало войны с фашистской Германией, Октябрьский переворот. В год Змеи происходят всякие катаклизмы.

Год Лошади – особенно почитаемый казахами год. Лошадь входит в семь главных богатств степняка. Она отражает его суть и достоинство. В год Лошади народ не знает ни потрясений, ни каких-либо бед. Год удач и светлых помыслов.

Год Овцы – год благоденствия, житейских удач. У казахов бытует древняя поговорка: «Занимаешься скотоводством – прежде всего разводи овец». В этот год и закрома полны, и хлев полон. В год Овцы Казахстан обрел независимость.

Год Обезьяны – год «мешін». В древности, однако, словом «мешін» обозначали не обезьян, а дурных, пакостных, порочных людей, от которых ничего путного ожидать невозможно. В этот год случаются погодные аномалии, разные невезения, неудачи.

Год Курицы – его часто упоминают в связи с годом Обезьяны. Год сопряжен с засухой, опасными событиями, непредвиденными, нежеланными случаями.

Год Собаки – год безбедственный, год передышки от неурядиц. Люди переводят дух, живут безмятежно. Год удачливый. Вспоминая прошлое, обычно говорили: «О, это было в год Собаки!» О неурядицах в этот год стараются не вспоминать.

Год Свиньи (Кабана) – в этот год особенно свирепствовали властители народа, творили разные бесчинства. Год кровопролитных походов, набегов, столкновений. Кабан – свирепое, сильное, дикое животное. В сознании народа этот год чаще приносит несчастье.

* * *

На фразеологические словосочетания, на поговорки и пословицы переводчик будет натыкаться постоянно, и адекватно переводить их с языка на язык – один из серьезных камней преткновения. Конечно, можно прибегнуть к прямому переводу, к буквализму, к кальке. Но это неэффективно и не всегда срабатывает. Можно подбирать аналоги. Пример этому приводит переводовед Гиви Гачечиладзе. Я его уже ранее цитировал.

«Благослови брод, выйдя из него» (груз.);

«Не говори «гоп», пока не перескочишь» (рус.);

«Не свисти, пока не вышел из леса» (англ.);

«Не празднуй победы без боя» (франц.);

«Не хвали дня, пока не наступит ночь» (нем.);

«Не говори «четыре», пока орех не в мешке» (итал.);

«Не кончил дела, не хвастай» (исп.).

А что говорят казахи в таких случаях?

«Не лакомься молозивом яловой телки».

Образно и энергично, не так ли?

Казахские пословицы и поговорки поражали меня с детства. Одно время я их записывал.

Потом прочитал у Даля: «Пословицы не даром молвятся».

Воистину так.

Русские говорят: «От пословицы не уйдешь. Пословицами на базаре не торгуют. Пословицу на кривой не объедешь. На пословицу ни

суда, ни расправы. Старая пословица вовек не сломится. Без пословицы не проживешь».

Казахи вторят: «Пословица – краса речения. Хорошее слово – душе опора. Глаза украшают лицо, слово украшает уста. Язык осилит то, что слон не осилит. Доброе слово – половина блага».

О, казах обожал (обожает) яркое образное речение.

Да и не только казахи.

Все!

(Далее о том еще пойдет речь.)

Самая большая трудность при переводе поговорок и пословиц – не передача смысла, не калькирование, не находка подобающего речевого оборота, аналога, а подбор созвучий (ассонансы и аллитерации) по форме.

Приведу (по-моему, удачные) три примера.

Қара арғымақ арыса, қарға адым жер мұң болар.

Вглядитесь в фонетический рисунок: «Ара-ар-ар-ар-ар». Сплошное созвучие.

Трое моих коллег, кажется, еще в 80-е годы, общими усилиями, варьируя варианты, перевели так: «Одряхлел вороной – вороний шаг верстой покажется». Смысл именно такой. Но и рисунок, повтор слогов – «одр-вор-вор-вер» – сохранился.

Таз таранғанша той тарқар.

Вслушайтесь: «та-та-то-та». Какая игра согласных и гласных!

Музафар Алимбаев перевел: «Пока плешивый причешется – пир пройдет».

Смысл абсолютно точный. А слоги «по-пле-при-пи-про» звучат как в скороговорке.

И еще.

Бөспебай бөсе-бөсе бөсір болды.

Каков фонетический рисунок! «Бө-ба-бө-бө-бө-бо». Красиво!

Я перевел: «Трепач трепался-трепался, треплом назвался». Аналогичный рисунок: «тре-тре-тре-пал-тре-пло». А смысл точный. (Недавно узнал: не совсем. «Бөсір» – болезнь скота, когда непомерно вздувается брюхо. Не знаю, как эта болезнь называется по-русски.)

Удача поэта-переводчика Бекета Карашина: казахскую поговорку *«Бала... Баланың ісі шала»* он перевел: «Детишки… Не дела у них – делишки». Точно и убедительно!

На внутреннем созвучии, игре слогов и слов построено подавляющее большинство казахских поговорок и пословиц, и соответственная передача их на другом языке – задача не из простых.

При переводе фразеологизмов, куда я условно отношу и поговорки и пословицы, затруднения встречаются на каждом шагу. Некоторые кажутся диковинными, непонятными по смыслу, по происхождению, и даже в контексте, случается, не сразу определишь их образную суть.

Фразеологические словари и двуязычные сборники пословиц и поговорок появились значительно позже моего, скажем, переводческого дебюта. Поэтому многое я знал поначалу приблизительно, в тумане, приходилось выяснять у авторов, которые зачастую тоже ничем не могли помочь.

Серьезным подспорьем в переводе казахских фразеологизмов послужил «Казахско-русский фразеологический словарь» Х. Кожахметовой, Р. Жайсаковой и Ш. Кожахметовой, увидевший свет в 1988 году. Но еще раньше мне предоставили этот труд в рукописи на рецензию. И почти тридцать лет назад я сделал из нее для себя немало выписок. Словарь этот построен таким образом: приводятся в алфавитном порядке казахские фразеологизмы, дается их буквальный, дословный русский перевод, подбирается русский образный аналог, иллюстрируется фразеологизм в казахском художественном тексте.

Удобно и убедительно.

Я об этом труде в свое время написал отзыв.

Вот несколько примеров из тех моих давних записей.

Араларына ала жіп түсу. *Букв.* Между ними пролегла пестрая нить. Поссориться, отдалиться друг от друга. ≈ Черная кошка пробежала (между ними). (Далее идет казахский текст с этим фразеологизмом и его русский перевод.)

Иманы қасым болу. Быть охваченным чувством сильного страха, ужаса, оцепенения от увиденной страшной картины, рассказа. ≈ Кровь стынет (в жилах). Не взвидеть света. Свет померк в глазах.

Иманы ұшып кету. Испугаться. До смерти (испугаться). ≈ Душа ушла в пятки. Душа в пятках.

Мақтамен бауыздау. *Букв.* Резать ватой. Ставить в очень трудное, безвыходное положение. ≈ Без ножа зарезать.

Мал болмайды. *Букв.* Не будет он жить. Нет надежды на выздоровление. ≈ Дни сочтены. Не жилец (на белом свете).

Мұршасы келмеу. *Букв.* Не иметь возможности. 1. Быть не в состоянии. ≈ Не в силах. 2. ≈ По горло. Дыхнуть некогда.

Отырса опақ, тұрса сопақ. *Букв.* Присядет – не так, встанет – не так. Не угодить кому-либо. Не так сел, не так встал.

Өлмесең ома (омыра, өме, өміре, өрем) қап! *Букв.* Если не умрешь, так разорись. Разорись! ≈ Пропади пропадом.

Пәледен (бәледен) машайық (та) қашқан. *Букв.* От беды подальше убегал и духовный наставник. ≈ От греха подальше.

Пәрмене (пәруана) болу. *Букв.* Стать мотыльком. Не жалеть себя ради кого-либо. ≈ Души не чаять.

Салпақ құлақ. *Букв.* С опущенными ушами (точнее: вислоухий). 1. Тот, кто подслушивает все, что говорят вокруг. Шпион. 2. О простоватом, несообразительном человеке. Лопух.

Салт атты (басты), сабау қамшылы. *Букв.* С одной лошадью (головой) и камчой. 1. Совершенно один, без семьи, без близких. ≈ Один как перст. 2. Бедняк. ≈ Ни кола, ни двора.

Сары ала етек. *Букв.* Желто-пестрый подол. Замарашка. Неряшливая, неопрятная (о женщине).

Сапты аяққа ас құйып, сабынан қарауыл қарау. *Букв.* Подавать еду в чашке с ручкой и следить за ручкой. Кто-либо не дает кому-либо свободно действовать, поступать. ≈ Не давать шагу сделать (ступить) – нельзя, не даст, не позволит.

Екі аяғын бір етікке тығу. *Букв.* Обе ноги затолкать в один сапог. Решительно воздействовать на кого-либо, заставлять поступать определенным образом. ≈ Брать в оборот (в работу). Брать в шоры.

Екі иығын (ішін) жұлып жеу. 1. Раздражаться, неистовствовать, будучи в состоянии негодования, озлобления и т. п. ≈ Рвать и метать. 2. Быть ловким, изворотливым, шустрым. ≈ На ходу подметки рвет. 3. Озорничать.

Тонның ішкі бауындай. *Букв.* Как внутренние завязки у шубы. Неразлучны, всегда вместе. ≈ Водой не разольешь.

Түймедейді түйедей ету. *Букв.* Что-либо величиной с пуговицу представлять размером с верблюда. Сильно преувеличивать что-либо, придавать чему-либо незначительному большое значение. ≈ Делать из мухи слона.

Тышқан ініне кіре алмай жүріп құйрығына қалжуыр байлайды. *Букв.* Мышь и так не может войти в свою норку, да еще к хвосту привязала жестянку. Себе во вред, в ущерб сделать что-либо. ≈ На свою голову.

Тігерге тұяқ жоқ. *Букв.* Ни одного копытного нет. Очень бедный. ≈ Голь перекатная.

Тілі қысқа. *Букв.* У него язык короток. 1. Кто-либо не умеет свободно, гладко говорить. ≈ Язык плохо подвешен. 2. Не имеет права что-либо сказать.

Тілінің қотыры (қыршаңқысы) бар. *Букв.* Язык у него бугристый. Язвительный язык. ≈ Острый язык.

Ілгері басқанның иті оттайды. *Букв.* У везучего и собака ест траву. ≈ Кому поживется, у того и петух несется.

Іннен шыққан суырдай. *Букв.* Как вышедший из норы сурок. Жалкий, неприглядный на вид. ≈ Мокрая курица.

Ішкен мас, жеген тоқ. *Букв.* Кто пил, тот пьян, кто ел, тот сыт. Все довольны.

Ішкені алдында, ішпегені артында. *Букв.* То, что он ест, стоит перед ним, то, что не съел, – позади. Жить в довольстве. ≈ Кататься как сыр в масле. Полная чаша. Жить припеваючи.

Словарь, из которого я выписал эти примеры, изобилует многими достоинствами, служит переводчику с казахского (с русского – тоже!) добрым подспорьем. Он снабжен необходимым научным аппаратом. Содержит более 2300 фразеологических единиц и их вариантов. В конце словаря даны «Пояснения», которые также привлекли внимание.

Айран – кислый молочный продукт.

Аксакал – почетный старец.

Алиф – первая буква арабского алфавита.

Ас беру – устроить поминки в годовщину смерти.

Асык – альчик.

Байбише – уважительное обращение: хозяйка дома (в годах), первая жена.

Бесбармак – казахское национальное мясное блюдо.

Бий – народный судья в дореволюционном Казахстане.

Буки – положение асыка выпуклой стороной вверх.

Бульдерги – петля на рукоятке камчи.

Дажал – мифическое чудовище – сеятель смерти.

Джут – поголовная гибель скота из-за отсутствия подножного корма при затяжной суровой зиме.

Жезде – обращение к мужу старшей сестры или к мужьям родственников, старших по возрасту.

Женеше – уважительно обращение к женщине, старшей по возрасту.

Женге – обращение к жене старшего брата или к женам родственников, старших по возрасту.

Зямзям – название колодца по дороге в Мекку.

Иркит – кислое молоко, из которого готовят курт.

Коркут – фольклорный герой, странствовавший в поисках бессмертия.

Куби – деревянная бочка для приготовления молочных продуктов.

Кумыс – напиток, приготовленный из кобыльего молока.

Курдюк – жировые отложения в задней части туловища. У хвоста некоторых пород овец.

Курт – молочный продукт, приготовленный из кислого молока.

Курук – длинная палка-шест – приспособление для ловли необъезженных лошадей.

Кыдыр (кызыр) – по народному поверью, приносящий счастье и помогающий в трудностях человек.

Писпек – приспособление для взбалтывания кумыса, иркита.

Саба – большой бурдюк из конской сыромятины для приготовления и хранения кумыса.

Тебинги – кусочек кожи, накладываемый на потник для предохранения обуви, штанины от загрязнения.

Тёре́ – представитель степной аристократии.

Тундук – кошма, которой закрывают купол юрты.

Чики – положение асыка выемкой вверх.

Шабарман – 1) сборщик недоимок в дореволюционном Казахстане; 2) вестовой.

Шанырак – верхний круглый остов юрты.

Шолпы – украшение для кос из серебряных монет.

Капитальный труд по части переводов и этнолингвистических пояснений казахских фразеологизмов – книга академика-тюрколога

Абдуали Кайдара «Тысяча метких и образных выражений» (Астана: Білге, 2003. Объем 22 п. л. Тираж 1000 экз.).

Для переводчика, лингвиста, словесника это крайне необходимое издание. Прежде всего, это основательное научное исследование. Тот или иной казахский фразеологизм не только переводится во всех вариантах на русский язык, но и всесторонне – **этнолингвистически** – толкуется, поясняется. Чтобы читателю продемонстрировать это нагляднее, приведу лишь несколько примеров – из тысячи – на одну только букву А.

Айдағаны бес ешкі – ысқырығы жер жарады. ≈ Добыча не пышна, зато пальба далеко слышна.

Фразеологизм (досл. «Погоняет всего пять коз, а свистит так, что земля трещит»), возникший в среде скотоводов, употребляется, когда необходимо показать в действиях людей несоразмерность и несоответствие с их результатом. Для казаха-скотовода несуразным представляется для малого числа коз поднимать большой шум, потому действие пастуха в переносном значении осмысливается как всякое несуразное, бахвальство.

Фразеологизм, несмотря на свое узкопрофессиональное происхождение, не ограничивается рамками лексикона скотоводов, а имеет широкое употребление и обладает структурной устойчивостью. Имеет оттенок сарказма, используется для выражения иронии, создаваемой усиленным контрастом внешнего смысла и подтекста.

Айдарынан жел ескен. ≈ Человек, которому во всем везет.

Фразеологизм (досл. «Из чуба его ветер дует») образован в среде скотоводов на основе образного представления скакуна, на котором скачет джигит и чувствует прохладу встречного ветра, взвивающего чуб, челку не только его коня, но и волосы самого джигита. Мотивом такого образного переноса объекта фразеологизма стали не только быстро бегущий скакун, но и наездник с взвивающейся встречным ветром челкой или чубом. Быстрый бег скакуна, следовательно, и наездника на нем, ассоциируется с общим понятием о преуспевающем и вездесущем человеке в обществе.

Фразеологизм, хотя и возник в языковой среде скотоводов и присущ их лексикону, все же имеет довольно широкое распространение и употребляется тогда, когда необходимо особо подчеркнуть положительную черту и качества преуспевающего человека. Выражение

в зависимости от речевой ситуации довольно свободно варьируется. Например: *Желпілдеп, жел естіріп айдарымнан, міне мен жеттім заман ағымындай.* – Вот и я, вдохновленный, гордясь своими успехами, дошел до этого дня как символ эпохи. И др.

«Ай!» дер ажа, «қой!» дер қожа жоқ. ≈ Некому наставить на ум (разум).

Фразеологизм (досл. «Нет хозяйки, чтобы сказать «ай!», нет хозяина, чтобы сказать «брось!») бытового характера, обычно употребляется в виде жалобы на общество, когда в нем нет порядка, царствует беззаконие, каждый живет по своему усмотрению, и некому (из почитаемых обществом старших, властных и официальных лиц) приостановить этот произвол.

Думается, что данное выражение своим происхождением связано с древними традициями правопорядка в период матриархата и патриархата, когда господствовала власть *ажа* – женщины-предводительницы рода и племени (отсюда и: каз. *әже*, кирг. *еже*, уйг. *ача*, тув.-алт. *ажа* и др. – старшая женщина в роду) и *қожа* – хозяина рода и племени (этот термин, вероятно, не связан с религиозным названием «ходжа»), чьи указания и приказы, замечания и предупреждения для членов общества были непрекословными.

Видимо, подобными историческими нюансами объясняется устойчивость данного фразеологизма, который имеет свои структурные синонимические варианты: *«Әй!» дер әже, «қой!» дер қожа жоқ* (в том же значении) // *«Әй!» дейтін... «қой!» дейтін...* Надо сказать, что данный фразеологизм употребляется и воспринимается как поговорочное выражение во многих тюркских языках, что свидетельствует о его древнем происхождении. Например, в киргизском языке: *«Ай!» деген ажа жоқ, «қой!» деген қожа жоқ.* – Нет старшего, который бы сказал: «Эй!», нет ходжи, который сказал: «Оставь!» (Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь).

Айрандай аптап, күбідей күптеу. ≈ Безраздельно властвовать, прибрать к рукам, держать кого-либо в ежовых рукавицах.

Фразеологизм (досл. «Обработать его, как айран, подготовить его, как кадку»), связанный с бытом народа, употребляется в тех случаях, когда надо показать чью-либо безраздельную власть над кем-то, вольные действия по отношению, например, к представителям неимущего класса. Устойчивость фразеологизма объясняется двумя факторами:

этимологической затемненностью глагольных компонентов «*аптау*» и «*күптеу*» и их созвучностью (аллитерация *а-а, к-к* с соответствующими компонентами фразеологизма «*алтынмен аптап, күміспен күптеп*»), что дает основание думать, что *аптау* и *күптеу* имеют общее происхождение и употреблялись когда-то в значении «обработать», «обделать», «облицевать». Следовательно, мотив жесткой химической и механической обработки айрана (кислого молока, простокваши) и күби (кадки), что имело место в быту казахов, закрепили в данном фразеологизме в переносном значении.

Фразеологизм активно используется для обозначения явлений в общественной жизни. Он имеет ряд структурно-семантических вариантов: *Айрандай аптап, күбідей пісіп.* – Обрабатывать (его) как айран, взбивать (его) в кубышке-кадке. Например: «Еспембет, уай, Тобықтының баласы... *айрандай аптап, күбідей пісіп* жүргенінде «ай!» дер әже, «қой!» дер қожа болған жоқ». – «Эй, Еспембет да все вы, тобыктинское племя, когда над вами безраздельно властвовали, молчали» (М. Әуезов «Абай жолы»).

Довольно, пожалуй.

Этими четырьмя примерами токования казахских фразеологизмов я показал структуру и стилистику книги академика Абдуали Кайдара. Таких фразеологизмов, метких и образных выражений в книге приведены тысячи.

Мне лично читать этот труд было интересно и полезно.

Книга, о которой здесь уместно сказать несколько слов, называется «Казахские пословицы и поговорки». Автор – ныне покойный, весьма известный журналист Мадат Аккозин. Начал он собирать казахские пословицы и поговорки еще в 50-е годы прошлого века. За полвека издал он в разных объемах несколько сборников. Последний, о котором идет речь, увидел свет в 2007 году в издательстве «Алматыкітап» (объем 24 п. л., тираж 5000 экз.). Богато иллюстрированное (художник Н. Бубэ), нестандартное, подарочное, уникальное издание. Оно пронизано истинно казахских духом.

Шикарная, роскошная книга!

В сборник вошли свыше двух тысяч казахских пословиц и поговорок. Они сгруппированы по пятидесяти темам (Родина, народ, человек, героизм, решительность, риск, упорство, дружба, родство,

единство, труд, безделье, лень, богатство, бедность, праздник, веселье, мир, покой, власть, сила, воровство, мечта, цель и т. д.). Сначала под нумерацией приводятся казахские тексты, вслед за ними – соответственно – русские переводы.

Черпать из этого сборника народную мудрость – одно удовольствие. Приведу несколько примеров.

Егілмеген жер жетім, елінен айырылған ер жетім (обратите внимание на аллитерацию: е-же-же-ел-ер-же). – Незасеянная пашня – сирота, джигит без Родины – сирота.

Халық айтпайды, халық айтса, қалт айтпайды (аллитерация: ал-ай-ал-ай-ал-ай). – Народ попусту не скажет, если что скажет, то дело скажет.

Халықтың құшағы кең. – Необъятны народа объятья.

Адам аласы ішінде, мал аласы сыртында. – Лошадь пестра снаружи, человек – изнутри.

Үйде шешен – дауға жоқ.
Үйде батыр – жауға жоқ. –
Дома речистый – для спора не гож.
Дома храбрый – для битвы не гож.

Жаман болса да ағамыз, жақсыны қайдан табамыз? – Хоть дурной, да брат родной, где же взять хорошего?

Бірлігі жоқ ел тозады, бірлігі күшті ел озады. –
Народ, не знающий единства, с нуждой дружит.
Народ, сильный единством, со счастьем дружит.

Қолы қимылдаған адамға кедейлік жоқ,
Аяғы қимылдаған адамға алыстық жоқ. –
Работающие руки бедности не боятся,
Крепкие ноги дали не боятся.

Жалқаудың соры – байлығы. – Богатство лентяю лени прибавляет.

Ер қадірін ер білер, зер қадірін зергер білер. – Достоинство джигита джигит оценит, ювелирную работу – ювелир.

Көп сөйлеген білімді емес, дөп сөйлеген білімді. (Обратите внимание на созвучие «көп» – «дөп».) – Не тот учен, кто много говорит, а тот, кто дельно говорит.

Теңге тиыннан өсер, жылқы құлыннан өсер. – Без тиына нет тенге, без жеребенка нет коня.

Сараңнан сарқыт жегенше, иттен тартып же. (Соль в созвучии «сарқыт» – «тартып».) – Чем от скупого угощенья ждать, лучше у собаки кость отобрать.

Сөздің көркі – мақал, жүздің көркі – сақал. – Краса лица – борода, краса речи – пословица.

Аузына келгенді сөйлеу – ақымақтың ісі, алдына келгенін жеу – айуанның ісі. – Зверь жрет, что на глаза попадет, дурак плетет, что на ум взбредет.

Аштың ақылы тамағында, жаяудың ақылы табанында. – Голодный думает о еде, пеший – о боли в ноге.

Пожалуй, остановлюсь. Ясно уже из этих примеров, как составлен сборник и на каком уровне осуществлен перевод. По смыслу все о'кей. Не придерешься. В форме передачи несложно обнаружить потери. Игра слов, внутренние созвучия, упругость выражения, отточенность фразы в русском переводе часто стираются. Что ж... старая истина: при переводе, как правило, жертвы неизбежны.

* * *

Градация возраста человека у казахов. При переводе казахской прозы я сталкивался с разными градациями – периодами жизни. Приведу вариант, изложенный в книге Койшыбаева Б. А. «Имитационные методы управления учебными процессами» (Алма-Ата: Мектеп, 1981. С. 22).

Тумақ – жаңа туған перзент.
Нәреста – 1 жасқа дейінгі тумақ.
Сәби – 1 жастан 7 жасқа дейінгі нәреста.
Бөпе – 1 жас пен 2 жас аралығындағы қыз бала.
Бөбек – 1 жас пен 2 жас аралығындағы ұл бала.
Бүлдіршін – 2 жастан 3 жасқа дейін.
Балдырған – 3 жастан 5 жасқа дейін.
Ойын баласы – 8 жастан 12 жасқа дейінгі сәби.
Сығыр – 12 жастан 15 жасқа дейін.
Ересек бала – 15 жастан 16 жасқа дейін.

Бозбала – 16 жастан 19 жасқа дейін.
Жас жігіт – 20 жастан 30 жасқа дейін.
Құр жігіт – 30 жастан 40 жасқа дейін.
Жігіт ағасы – 50 жастан 60 жасқа дейін.

* * *

Определение старости у Шала-акына:
Елу – ердің жасы,
Алпыс – сұмдықтың басы,
Жетпіс – оттың қасы,
Сексен – көрдің қасы,
Тоқсан – қураған еті жоқ, қу сүйек.

* * *

Внимателен к языку, особенно – к старинным словам-понятиям был художник-дизайнер, народный умелец, этнограф, заслуженный деятель Казахстана Даркембай Шокпарулы. Он часто выступал в казахской печати, предлагая новые слова по профессии народного умельца, объяснял архаизмы, нередко рисовал старинные предметы (тесаки-ножи, камчи-хлысты-кнуты, разную утварь), толковал детали изделий из металла, кожи, дерева. У меня среди бумаг сохранилась вырезка из газеты «Ана тілі» № 20 за 20 мая 1999 года с его статьей «Білгенімді айтайыншы...» («Позвольте сказать, что знаю...»). Приведу некоторые его переводы:

электрочайник – *тоқшәугім*
электросамовар – *тоқсамауыр*
электродрель – *тоқпәрмі*
электропила – *тоқара*
электрорубанок – *тоқсүргі*
электроточило – *тоққайрақ, тоқшарық*
дрель – *пәрмі*
коловорот – *қолшығыр*
бурав – *тышуыр*
сверло – *бұрғы*
тигель – *оқбақыр*

ригель – *саусақ қалып*
фильер – *сүмсуір*
эмаль – *лажы*
глазурь – *шыңылтыр*
штамп – *қалып*
пуансон – *іш қалып (еркек қалып)*
матрица – *тыс қалып (ұрғашы қалып)*
кочерга – *үгіндірік*
сердолик – *ақық*
зернь – *бүртік, бүршік, сірке*
чернь – *қарала*
зернение – *сіркелеу, бүршіктеу*
циркуль – *сызбар*
медник – *мыскер*
лудильщик – *қалайшы*
полуда – *қалайылау*
позолота – *алтындау, алтынмен аптау*
посеребрение – *күмістеу, күміс жалату, күміспен күптеу*
скальпель – *қандауыр*
оцинкованный – *мырышталған, үреленген*
пинцет – *іскек, шымшуыр*
дубитель – *кермек*
давильник – *батырғы*
праща – *сақпан*
абажур – *абажа*
платформа – *таған, ағаш тақа*
колодка – *қалып, қанғы, ажырға*
полумесяц – *айшық*
секира – *айбалта*
клюшка (хоккей) – *жылмаң*
фальшивый – *алдамыш, жалған*
перстень, печатка – *мөрлі жүзік*
коробка – *аржы, қорап, қобдиша*
саркофаг – *астодан*
конская сбруя – *ат-тұрман*
квасцы – *ашудас*
тиснение – *батырма, баспа*

каменное изваяние – *бәдіз*
каменотес – *бәдізші*
рельеф – *бедер, қышыр*
припай – *дәнекер*
свая – *дере*
замша – *жарғақ*
фата – *желек*
нарукавник – *жеңсе*
фриз – *жолақ*
фарфор, фаянс – *кәрлен*
спицы – *кегей, шабақ*
презерватив – *күйек қалта*
шорник – *қайысшы*
подсвечник – *шамдал, қандел*
каменщик – *қышшы*
александрит – *құбылтас*
перламутр – *құлпырма тас*
каллиграфия – *құснихат*
мастерок – *лайқалақ*
безрукавка – *нымша*
бронежилет – *сауытнымша*
моль – *күйе*
хрусталь – *сутас*
кожемяка – *талқы*
береста – *тоз, қайыңның қабығы*
мочалка – *тозғақ, жөке*
клейстер – *ұнжелім*
ложкарь – *ұнғыру*
железная кошка – *шәңгек*
фанера – *шіре*
Таковы профессиональные термины народных умельцев.

* * *

Слово «ақ» имеет в казахском языке 130 значений. Одно из них – «ақ» в смысле «белая пища», то есть молочные продукты. Вот некоторые казахские названия: *сүт, саумал-қымыз, қымыран-шұбат,*

айран-қатық, іркіт-шалап, уыз, шикі қаймақ, пісі қаймақ, кілегей, май. Почти все эти виды имеют соответствующее русское название. То, что делается из кипяченого молока, относится к категории *қатық-айран*. То, что заквашено из цельного молока, относится к *иркит*.

Свежее кобылье молоко – *саумал*; заквашенное – *қымыз*. Заквашенное кипяченое верблюжье молоко – *қымыран*; заквашенное некипяченое верблюжье молоко – *шұбат*.

Продукты из молока нуждаются в соответствующей посуде. Хранить их нужно умеючи. Перекисшее молоко может быть вредным (даже опасным!) для здоровья. Молочные продукты разных видов хранят в посуде, сшитой из лошадиной, верблюжьей, козлиной шкур и тщательно прокопченной, – *саба, мес, торсық, сүйретпе, тұлып* и пр.

Писатель-этнограф, знаток старины Сейит Кенжеахметулы по теме «Пища» приводит такие слова:

Түнемел – *түннен қалған сапасыз тамақ.*

Науат – *қант тектес тәтті.*

Малта – *езілген құрттың қалдығы.*

Май – *сүттен (қаймақтан) шығатын дәмді тағам.*

Майсөк – *майға піскен сөк.*

Мипалау – *мидан жасалатын тағам.*

Меңіреу – *қой сүтінен жасайтын дәмді қатық түрі.*

Мыжыма – *майға езілген ыстық нан. Кәделі тағам.*

Ұйқыашар (салт, атау) – *наурыз, айт, мереке күндері қыздардың жігіттерге ұсынатын тағамы.*

Соғым – *қыста әдейі сойылған мал еті.*

Сарысу – *ірімшік қайнатқанда шығатын тұнба.*

Сөк – *қауызы аршылған, піскен тары.*

Сусын – *шөл басатын сұйық тағамдардың жалпы атауы.*

Сүзбе – *айраннан сүзіліп алатын қышқыл тағам.*

Сүр – *қысқы соғымнан қалған ет.*

Сарқыт – *табақ, ыдыс түбінде қалған тамақ сарқыны.*

Уыз – *төлдеген малдың алғашқы қою сүті.*

Уыз көже – *уыздан пісірілген дәмді тағам.*

Шұбат – *түйе сүті, дәмді, шипалы.*

Шелпек – *дөңгелектеп майға пісірілген жұқа нан. Аруақтарға бағыштап, жұма күні пісіреді.*

Шалап *– айранға су қосып ішетін сусын.*

Шұжық *– етті ішекке салып жасайтын дәмді тағам.*

Шыртылдақ *– қорытылған сарымай.*

Ірімшік *– сүттен жасалған тәтті тағам.*

Ақ лақ *– ыстық ақ ірімшікке сарымай салып берілетін өте дәмді, кәделі тамақ.*

Ақ ірімшік *– әбден қайнатып, қызарған кезде алынған ірімшік.*

Іркіт *– құрт қайнатуға әзірленген быршыма.*

Тосап *– қой сүтіне мамыр айының майын бал қосып қайнатып, суық тиген адамға берілетін тағам.*

Белкөтерер (салт) *– қарт кісілерге, аурудан тұрғандарға әдейі дайындалған қуатты, құнарлы тағамдар.*

Қалжа (салт тағам) *– жас босанған әйелдерге әдейі әзірленген (жас ет, тосап, қымыз, ірімшік т. б.) тамақ.*

Наурызкөже (салт) *– наурыз күнінде жеті түрлі тамақтан жасалатын ұлттық, салттық тағам.*

Таковы некоторые виды пищи кочевых казахов, чью жизнь кое-кто и поныне склонен считать примитивной. А вот посуда казахов в изложении того же Сейита Кенжеахметулы, напомнившего древнюю пословицу: «Прими пищу, глядя на посуду».

Аяқ *– ағаштан жасалған, шұңғыл табақтан кіші, әсем сырлы ас құятын ыдыс. Мысалы: қымыз аяқ.*

Аяққап *– аяқ сақтайтын, киізден, былғарыдан істелген, кереге басына ілетін ыдыс.*

Бақыраш *– су құйып алуға арналған темір ыдыс.*

Бұлқыншақ *– жылқының, ешкінің сан терісінен бітеу сойып алып жасайтын, сұйық ас құятын ыдыс.*

Бүйен *– мал бүйенінен май сақтауға арналған ыдыс.*

Елгезер *– ертеде екі ауыл арасында шоқ (от) таситын жабық ыдыс.*

Жанторсық *– сусын құятын, жолаушы жанында жүретін шағын тері ыдыс.*

Жуаз *– май шайқайтын ағаш ыдыс.*

Зерен *– шара тәріздес, беті қақпақты, күміс, сүйектен шекетуленген кәделі ағаш ыдыс.*

Кәтелөк *– балаларға арналған су таситын шағын шелек.*

Кепсер *– сүзгіш.*

Керсен *– ағаш табақтың үлкені.*

Кесе *– сұйық тамақ құйып ішетін шағын ыдыс.*

Кесеқап (теркеш) *– кесе сақтайтын аяққап тәріздес ыдыс.*

Көзе *– қыштан жасалатын, түбі кең, аузы тар сұйық құятын ыдыс.*

Көнек *– теріден қатырып жасаған бие сауатын шелек.*

Күбі *– талдан, аршадан қиып жасалатын, айран, қымыз құятын іші кең ыдыс.*

Күрішке *– тұтқалы кесе.*

Қазан *– шойыннан құйылған, төрт құлақты, тамақ пісіретін қасиетті, қадірлі ыдыс.*

Қалақ (тесік қалақ) *– қазаннан тамақ сүзіп алатын ыдыс.*

Қарын *– бұзаудың, қойдың қарынынан жасалған май сақтайтын ыдыс. Қарын май дәмді әрі бұзылмайды.*

Құман *– қолға су құятын шәйнектің бір түрі.*

Құманша (аққұман) *– шәй бұқтыратын шағын ыдыс.*

Құмыра *– қыштан жасалған, сұйық ас құятын ыдыс.*

Құты *– су, сусын құятын шағын ыдыс.*

Леген *– қол жууға арналған мыс, темір ыдыс.*

Мес *– ас құятын, сақтайтын тері ыдыс.*

Меске *– сұйық құятын ыдыс.*

Ожау *– ыдыстан ыдысқа сұйық құятын сапты ыдыс.*

Саба *– жылқы терісінен тігілетін, қымыз құятын кәделі ыдыс.*

Самаурын *– шәй қайнататын ыдыс.*

Таба (тапа) *– отқа көміп нан пісіретін екі бетті ыдыс.*

Табақ *– ет тарататын кәделі жиекті ағаш ыдыс.*

Табақша *– фарфордан, қыштан, шыныдан жасалатын жайпақ ыдыс.*

* * *

Шокан Уалиханов употребил такие оказахованные выражения:

– «бисмиллованные кости»;

– «счугуренные верблюды» (шөккен түйелер);

– «мы решили двигаться по салкынчику» (то есть по холодку).

* * *

Народный умелец, дизайнер, ювелир **Даркенбай** предложил такие переводы (см. «Ана тілі», № 15 за 2004 год):

інжуан – жемчужница,
інжу – жемчуг,
меруерт – обработанный жемчуг,
маржан – коралл,
бақалшақ – раковина,
ұлутас – ракушечник,
ақық – сердолик,
жамылғы – мантия,
құлпырма тас – перламутр,
тана – крупная пуговица из перламутра,
мөрлі жүзік – перстень-печатка.

* * *

Возраст человека казахи издревле определяют по животному циклу. Полный цикл – двенадцать лет – один мушель.

Первый мушель – детство – до 13 лет.
Второй мушель – юность – до 25 лет.
Третий мушель – джигитова пора – до 37 лет.
Четвертый мушель – зрелость – до 49 лет.
Пятый мушель – аксакальская пора – до 61 года.
Шестой мушель – начало старости – до 73 лет.
Седьмой мушель – старость – до 85 лет.

Самые «роковые годы» – 37 лет; 63 года – возраст пророка. В конце каждого мушеля человека подстерегают различные напасти.

* * *

Бисмилла – начальные слова мусульманской молитвы (во имя Аллаха). Они стали ритуальной формулой, употребляемой перед началом любого дела.

* * *

Переводчик казахской прозы нередко наталкивается на религиозные слова и понятия арабо-персидского (фарси) происхождения. Надо знать их приемлемое правописание и смысловое значение.

Астағфирулла – прости, Аллах.

Афсәна – рассказ, легенда, миф.

Әбжіл – многогранный, универсальный, мастеровитый, расторопный.

Әлхам – хвальба, благодарение, восхваление.

Бәдбақ (бетпақ) – подлый, коварный, низкий.

Бәнде (пенде) – греховный, слабый человек.

Бірәдар (пірәдар) – близкий, сородич, брат по крови и вере.

Ғазиз – сильный, уважаемый, любимый, досточтимый.

Ғафіл – тупой, невежда, темный, безродный.

Ғибадат – поклонение Аллаху, исполнение всех пяти мусульманских ритуалов.

Ғұлам – слуга, покорный исполнитель воли Всевышнего.

Дәруіш (дервиш) – пилигрим суфийского толка.

Жөһід (жөйт, джудид) – еврей, иудей.

Зәм-зәм – вода из священного родника Мекки.

Зұлмат – темница, непроглядная мгла.

Ильһам (ильхам) – вдохновение, одухотворение, вспышка духовных сил.

Кәусар (каусар, кевсар) – райский хауз, источник, сладкий, как мед, чистый, как молоко.

Кербала – аравийская пустыня, где погиб имам Хусейн.

Мәлік – ангел, царь ада.

Мәшһұр – известный, знаменитый, славный.

Мәләйік – ангелы.

Мүбәрак – священный, благословенный, святой, чистый.

Нәфсі (нәпсі) – похоть, вожделение.

Пәруардигар – одно из имен Аллаха.

Пида – жертва души, жизни во имя веры.

Рафик – товарищ, спутник.

Сәруар – вождь, представитель, религиозный духовник.

Үммәт (үмбет, үммет) – народ, общество, соборный люд, следующий по пути пророка Мухаммеда.

Шариғат – основа ислама, свод правил, кодекс.

Шәрбат – сладкий напиток, фруктовый сок.

Яһуд, яһуди – еврей.

* * *

К «животным» словам следует отнести:

шыбыш – годовалая коза,

бағлан – ягненок раннего окота,

ісек – холощеный баран (двухгодовалый).

Возрастные изменения овец: *қозы, қошақан, саулық, қошқар.*

Бұзау – теленок до полугода,

баспақ – теленок от полугода до года,

арда баспақ – годовалый теленок (сосунок),

тайынша – годовалая телка.

Крупный рогатый скот: *қашар, құнажын, дөнежін, өгіз (құнан, дөнен, бесті, атан өгіз), бұқа,* и т. д.

* * *

Мясные блюда: *құйрық-бауыр, қимай, жерқазан, жаубүйрек, үлпершек, құрттағы ет, ақ сорпа, мипалау, үйткен мал, іркілдек.*

Молочные продукты: *қымыз, шұбат, айран, құрт, ірімшік, сарымай, қорықтық, піспе, торта, қымыран, уыз* и т.д.

Мучная пища: *бидай көже, жанышқан тары, сүт көже, ұн шай, бойдақ шай, тосап, жент* (пища со злаками).

* * *

Традиционные национальные праздники:

1. Наурыз тойы.
2. Шек беру.
3. Ораза айт.
4. Құрбан айт.
5. Сірге жияр.

* * *

Старинные и современные названия знаков Зодиака:
Хамал – Овен – Тоқты
Сәуір – Телец – Торпақ
Зауза – Близнецы – Егіздер
Саратан – Рак – Шаян
Әсет – Лев – Арыстан
Сүмбіле – Дева – Бикеш
Мизам – Весы – Таразы
Ақырап – Скорпион – Сарышаян
Хауыс – Стрелец – Мерген
Жедді – Козерог – Тауешкі
Дәлу – Водолей – Суқұйғыш
Хұт – Рыбы – Балықтар

Сразу бросается в глаза: современные названия знаков Зодиака являются прямым переводом, калькой с русского. В старинных названиях заключена таинственность и поэтичность.

* * *

Не каждому иностранцу объяснишь, что за птица беркут. Говоришь: орел. По-немецки Adler. Беркутчи – приходится толковать «охотник с беркутом». А у казахов в зависимости от возраста беркут имеет несколько названий:

годовалый беркут – *балапан құс*,
двухлетний – *қантүбіт*,
трехлетний – *тірнек*,
четырехлетний – *тастүлек*,
пятилетний – *мұзбалақ*,
шестилетний – *көктүбіт*,
семилетний – *қана*,
восьмилетний – *жана*,
девятилетний – *майтүбіт*,
десятилетний – *барқын*,
одиннадцатилетний – *баршын*,
двенадцатилетний – *шөгел*.

Каково? Впервые я о том услышал лет тридцать назад из уст поэта Кадыра Мырза Али (тогда он писался Мурзалиевым), потом натыкался на эти названия в разных литературных источниках. Этим примером я наповал сражаю своих германских коллег.

* * *

Одно из свойств казахского речестроя – склонность к созвучиям слогов и слов. Это один из ярких приемов шешенской (ораторской) речи. На этом свойстве строятся не только фигуры речи, но и обыкновенные заглавия газетных статей:

«Қазақы кілем – қазына»	ср. *«Адамзаттың Айтматовы»*
«Ықпалдасу ықыластылығы»	*«Шығыстың Шахановы»*
«Туған тілдің толғағы»	*«Қазақтың Қалтайы»*
«Әйгілі әнші әспеттелді»	*«Облыстан олжалы*
«Береке басы – бірлік»	*оралған Олжас»*
	«Әлем таныған Әнуар»
	«Біреуге белгілі,
	біреуге белгісіз Бельгер»

Очень естественно, органично – как бы само собой – это получается у златоустов, признанных мастеров устного слова.

На память сейчас пришли фразы из выступлений Мухтара Ауэзова:

– Басымның қасқалығы болмаса, көңілімнің басқалығы жоқ қой.

– Ақсақалдық аңқаулықтан аулақ болу үшін...

Подобных примеров – тьма. В переводе обычно они бледнеют, тускнеют, теряются.

* * *

Старинные казахские музыкальные инструменты: *жетіген, шертер, қылқобыз, сыбызғы, шаңқобыз, желбуаз, домбыра, мүйіз сырнай, керней, урра, дабыл, дауылпаз, шыңдауыл.*

* * *

Когда-то в ходу у казахов были арабские слова: *милләт, мәтбұғат, нәшрият, нашр.* Теперь нашлась достойная казахская замена: *ұлт, баспасөз, баспа, басылым.*

* * *

В казахской литературе встречается много русских слов в казахской фонетической огласовке. Особенно часто я их встречал в устах героев Б. Майлина, С. Муканова, М. Магауина, Ш. Муртазы, Т. Нурмаганбетова. В каких-то своих статьях я приводил множество таких слов. Они выразительно украшают, характеризуют, оживляют речь персонажей. Их много и в переводе «Евгения Онегина», осуществленном его первым переводчиком Ильясом Джансугуровым. Любопытны примеры из учебника Г. Мусрепова «Қызыл Әскер» (1930 год), напечатанного латиницей:

белесебет – велосипед,
мотосекіл – мотоцикл,
аптамабіл – автомобиль,
аптобус – автобус,
тырамбай – трамвай,
ыстанса – станция,
парабоз – паравоз,
пойыз – поезд,
тырақтыр – трактор,
геріп – герб,
пурлетариат – пролетариат.

Фонетическим образом воспроизведены и имена:

Өсіп Бессарионұлы Ысталин – Иосиф Виссарионович Сталин,
Мыйқайыл Ибанұлы Кәленін – Михаил Иванович Калинин,
Кілимент Епіремұлы Барашилуп – Климент Ефремович Ворошилов.

Ныне уже так не говорят. Ныне проблема правильно говорить по-казахски. Однако даже среди писателей встречаются адепты естественного, оказахованного написания (транскрипции) русских слов. Они даже произносят их на казахский лад, с чем я никак согласиться не могу.

* * *

Еще по одной градации возраст человека делится на 12 ступеней-этапов (см. «Қазақ тарихы», № 3 за 2006 год):

1) от дня рождения до десяти дней,
2) от десяти дней до одного года,
3) раннее детство,
4) первый детский период,
5) вторая детская пора,
6) подлеток,
7) подросток,
8) первый этап зрелости,
9) второй этап зрелости,
10) взрослая пора,
11) старость,
12) долгожитель.

* * *

Слова-понятия о Наурызе.

Наурыз – персидское – «новый день».

Наурыз – месяц март по-казахски.

Наурыз бата – благословение в день праздника Наурыз.

Наурыз жыр.

Наурыз көже – похлебка из семи видов пищи.

Наурыз мейрамы.

Наурыз жұмбақ.

Наурыз тілек.

Наурыз төл – наурыз айында туған төл.

Наурызша – қылаулап жауған жұқа қар – легкий мартовский снег. (Его еще называют «құс қанаты»).

Наурыз шешек – наурыз айында гүлдейтін көп жылғы өсімдік (подснежник).

* * *

Аққу, қаз, үйрек, тауық, күркетауық, қарға, сауысқан, қараторғай, шымшық, қызғыш құс, қаршыға, құр, кептер, сұңқар, тырна, түйеқұс, қарлығаш – широко известные названия птиц, соответствующие русским: белый лебедь, гусь, утка, курица, индюк, ворона, сорока, скворец, синица, чибис, стервятник, тетерев, голубь, сокол, журавль, страус, ласточка.

Однако этими названиями не исчерпывается птичье царство.

Поэт Есенғали Раушанов, автор замечательных эссе-очерков о разных птицах, блестящий орнитолог, опубликовал в августе 2008 года в «Ана тілі» 158 названий птиц на казахском, русском, карачаево-балкарском, украинском, киргизском, турецком, уйгурском языках. Меня, однако, интересуют казахско-русские наименования. Вот некоторые, что не всегда находятся на кончике языка:

қарамойнақ шағала – реликтовая чайка
наурызек – трясогузка
қаратөс құмдауық – чернозобик
қарашақаз – казарка
қарқара – эгретка
қасқалдақ – лысуха
қолаңтөс, ұбақ – саджа
құладын – лунь
құлақты жарғанат – ушан
құмай – гриф гималайский; кумай
құмдауық – песочник
құмтышқан, құмқұс – песчанка
саңырау құр – глухарь
құрқылтай – ремез
қызылқұнақ – щур
қырғауыл – фазан
қырғи – перепелятник; ястреб-перепелятник
қырғықыран, қаршыға қыран – орел ястребиный
қырманқаз – гусь-гуменник
лашын – сапсан
маймақ қаз – гагара
маңқы құс – дупель
мықи – тювик
мысыр тауығы – цесарка
орман кептері – голубь-клинтух
отүйрек – огарь
пайыз торғай – щегол
сақалтай, қозықұмай – бородач
сайрауық, сиырқұйрық – дрозд
сандуғаш (торғай) – славка

суқұзғын – баклан
сушылқара – оляпка
суықторғай – снегирь
сұқсыр үйрек – поганка
сұр құр – рябчик
сыбырлақ аққу – лебедь-шипун
таған, ақтұмсық қарға – грач
таганақ – сорокопут; жулан
тазқара – черный гриф
тамшымшық – зорянка
таратай – драчун
тарғақ – кречетка, пигалица
тартар – поганыш
тас торғай – каменный воробей
тастүлек – беркут трехлетний
татрең – ржанка
тауқарға, шауқарға – альпийская галка
тауыс – павлин
тәкілдек, кербез балшықшы – щегол
торғай – домовой воробей
тұрымтай – дербник
тұзкептер – клинтух
түркептер – горлица
ұлар – улар
ұшар – летяга
ұябасар – беркут-самка
үкі – филин
үлкен қарқылдақ (шағала) – чеграва
шақшақ – чекан
шақшақай – каменка
шалшықшы – кулик
шалшықшы құс – кроншнеп
шәулі – беркут-самец
шекілдек – чечетка
шөже торғай – гаечка
шүрілдек – зуек
шықылдақ, түйе құлақ – пишуха

158 (!) видов птиц собрал в свою коллекцию поэт Есенғали Раушанов. Серьезный труд – подспорье переводчику.

* * *

Этнограф Жагда Бабалықұлы, о котором я уже писал, опубликовал (см. «Ана тілі» № 49 за 2008 год) 124 (!) слова, характеризирующие исключительно процесс еды – приема пищи. Поразительное разнообразие понятий.

1) жеу (жемеу),
2) ішу (ішпеу),
3) шайнау (шайнамау),
4) жұту (жұтпау),
5) таусау,
6) қылғу,
7) тістеу,
8) қыршу,
9) үрлеп ішу,
10) шайқап ішу,
11) ыстық ішу,
12) ұрттап ішу,
13) сіміріп ішу,
14) дәмдеп ішу,
15) тамсанып ішу,
16) қауып ішу,
17) үріп ішу,
18) сіміру,
19) тіске басу,
20) тіске басып жеу,
21) тістеп қыршу,
22) кітірлету,
23) қытырлату,
24) ауыз тию,
25) ауыз тимеу,
26) ауызға салу,
27) ауызға салып сору,
28) ауыз басырткы,

29) ерін тигізу,
30) жалау,
31) қалжалау,
32) бармақ жалау,
33) табақ жалау,
34) қасық жалау,
35) аяқ жалау,
36) май жалау,
37) кілегей жалау,
38) жұтыну,
39) жұмырына жұқ болмады,
40) жұтқан жұтамас,
41) ас болсын,
42) бір ұрттау (екі ұрттау),
43) дәм тату (қарны жарылғанша ішу),
44) иіскеу,
45) тамсану,
46) ауызға салып көру,
47) жұтып көру,
48) ішіп көру,
49) жеп көру,
50) шайнап көру,
51) ыбылжып жеу,
52) дәмін татып көру,
53) байқап ішу,
54) байқап жеу,
55) иіскеп көру,
56) тез жеу (тез ішу),
57) асығып жеу (асықпай жеу, асығып ішу),
58) асығып-үсігіп жеу (асығып-үсігіп ішу),
59) тездетіп жеу,
60) қылғи салу,
61) жұта салу (жұту),
62) жей салу (іше салу),
63) шайнап жеу,
64) шайнамай жұту,
65) шайнамай қылғыту,

66) тою (тоймау),
67) тояттау,
68) тоймай қалу,
69) орта құрсақ,
70) шеміршектену,
71) шермие тою,
72) қарны жарылғанша жеу,
73) іші кепкенше ішу,
74) қылмиып қалу,
75) қылқиып қалу,
76) обырлану,
77) обып жіберу,
78) асау,
79) асату,
80) сораптай ішу,
81) сораптатып ішу,
82) бір-ақ сіміру,
83) бір-ақ асау,
84) қаға салу,
85) қақши салу,
86) ыбылжып ішу,
87) қомағайланып жеу,
88) таңдайға басу,
89) таңдайға тату,
90) таңдайға салып сору,
91) тамақ сіңдіру,
92) жегенін қайта қайтару,
93) ішкен-жегенін қайта құсу,
94) жегені ас болмады,
95) жегені ас болды,
96) ішкен-жегені желкесінен шықты,
97) жегені желім, ішкені у болды,
98) жерден желкек теріп жесем де өлмеспін,
99) жемей өлгенше, жеп өлейін,
100) шашалу,
101) қақалу,
102) тамағына тығылып қалу,

103) тісіне қыстырылып қалу,
104) локсу,
105) құсу,
106) жүрегі айну,
107) жүрегі лоблу,
108) шеміршектеп тою,
109) көні кеуіп қалған бүйін салып жіберді,
110) тоқмейілсу,
111) ашкөздену,
112) малжаңдау,
113) құныгу,
114) толғау,
115) жұтпай кері қайтару,
116) бітеудей жұту,
117) құрғақ талқанға қақалу,
118) суға шашалу,
119) майға шашалу,
120) күйсеу,
121) қарбыту,
122) қақшау,
123) қақалу,
124) қорқау,
125) құстамақ,
126) сыздықтатып ішу.

* * *

Мое внимание всегда привлекают разные переводы (варианты, версии) классических произведений. При этом именно переводы с языка на язык, то есть прямые, без посредника, а не обработки по подстрочникам. Изделия обработчиков (улучшателей, редакторов, стилистов), разукрашивающих на свой салтык чей-то текст, меня оставляют чаще всего равнодушным. Ибо об их вариациях-версиях ничего путного не скажешь, так как они оригинал не слышат, не чувствуют, а потому могут нагородить бог весть что. А некоторые обработчики (Ан. Ким) убежденно считают, что только так и следует переводить.

В моих рабочих тетрадях вариантов непосредственных переводов немало. Пока же приведу четыре очень известные строчки Пушкина и их поэтические переводы, которые я заимствовал из статьи Саутбека Абдрахманова в «Әдебиет айдыны» от 20 сентября 2007 года.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Гали Орманов:
Есімде шіркін сол бір шақ:
Алдыма жайнап келіп ең,
Жарқ етіп шұғылаң нұрға ұқсап,
Жүзіңнен сәуле көріп ем.

Куандык Шангитбаев:
Шіркін-ай, өткен сол бір сәт,
Ғайыптан маған жолықтың.
Көрініп кеткен түске ұқсап
Тәңірдей әзиз көріктің.

Какимбек Салыков:
Жадымда ғажап сол бір кез:
Алдымда тұрдың мұлтіксіз,
Елестей ғайып өткен тез,
Сұлулық тәңірі кіршіксіз.

Мейирбек Акынбеков:
Ғажап сол бір сәт жадымда,
Алдымда тұрдың сен кенет,
Тәтті түс, елес, сағымдай
Перизат көркің еркелеп.

Фариза Онгарсынова:
Ғажайып сол сәт әлі есте:
Жарқ етіп шықтың алдымнан,
Періште ме, әлде елес пе –
Ай көркің мені таң қылған.

Прошу двуязычных читателей вникнуть в казахские тексты: словесная вязь завораживает, околдовывает.

* * *

Не сосчитал, сколько раз, но довольно часто употребляет Абай слово «жүрек» – сердце. Но «сердце» оно не всегда. Часто оно вбирает в себя и другие понятия. То верно подметил доктор филологии Турсын Журтбай (см. «Жулдыз», № 7 за 2001 год). Сердце у Абая означает и «сознание» (*сана*), и ум-разум (*ақыл*), и дух (*рух*), и реальный мир (*пәни*), и мир потусторонний, вечность (*бақи*), и ощущение (*түйсік*), и душевный настрой (*көңіл*), и мир (*тіршілік*), и бренный, слабый человек (*пенде*), и скорбный человек (*зарлы адам*), и обманчивая жизнь (*құсая өмір*), и чистая вера (*таза сенім*), и познание (*таным*), и судьба, рок (*тағдыр*), и обман (*алданыш*), и память (*зейін*), и душа (*жан*), и нервная система (*жүйке жүйесі*)...

Вот перед каким выбором стоит переводчик, встретив в контексте абаевское «жүрек»! Задумаешься!

* * *

Попробуй переведи на русский язык фразу, которой меня однажды озадачил большой шутник, доктор филологии Шора Сарыбаев: *«Менің әкемнің немере ағасының үлкен баласы алып отырған келіннің туған бөлесінің жиен қарындасы».*

Диковинно сплетены все сложные казахские родственные отношения.

* * *

Казахские скороговорки:

Судан Сүкеңе сүлік ілікті, іліккен сүлікті Сүкең сілікті.

Тоқаң Қоқаңа қоқаңдаңқырады,
Боқаң Тоқаңды қолдаңқырады.
Қоқаң Тоқаң мен Боқаңды боқтаңқырады,
Боқтаңқырағандықтан ба, Боқаң мен Тоқаң тоқтаңқырады.

(См. «Айқын» от 26 апреля 2008 года.)

* * *

Любопытные сведения приводит Нұргелді Уәлиұлы («Ана тілі» № 45 от 6 ноября 2008 года):

сабаншы – қамыс мысығы,

қарабай – қара ләйлек,

жәутік – түлкінің баласы (қарға аунағанға дейінгі),

жәудір – түлкінің баласы (қарға аунағаннан кейінгі)

(обратите внимание: лисенок, до того как вывалялся в снегу, называется *жәутік*; а после того, как вываляется в снегу, имеет уже другое название – *жәудір*),

бабыр – снежный барс,

қонжық – медвежонок,

қодыға – киіктің баласы,

қодық – осленок,

соқыр – котенок (слепыш),

қалтар – күміс қылшықты қызғылт қоңыр түлкі,

бише – би баласы,

мырза – әмірдің баласы,

бағылан – бай баласы,

құлшар – құл баласы,

мағзұм – молданың баласы,

ханшайым – хан қызы,

ханзада – хан баласы,

мырзақамақ – үй тұтқыны,

саумал – биенің сүті,

саума – сиырдың жаңа сауылған сүті (парное молоко),

құймақ – түйенің жаңа сауылған сүті.

* * *

Части туши и их названия по традиционному ритуалу.

Это сложная наука. Казах – мастак по этой части. Не так-то просто к этим названиям подобрать русские аналоги. Потому привожу казахский текст, заимствованный из «Ана тілі» (№ 50 за 2008 год).

Бас – ірі қарада екі шеке деп аталады.

Жақ – ұсақ малда тілмен тұтас жүреді. Ірі малда жақ екіге айырылып, тілі бөлек мүше саналады.

Жақ ет, ұрт ет – ірі қарада бөлек алынып, қазанға бөлек түседі.

Мойын, алты буын – қонаққа, сыйлы адамдарға арналған мүшелі табаққа салынбайды.

Мойын ет – ірі қарада, кейде ұсақ малдың да мойын еті бөлек алынады, онан көбінде қуырдақ жасайды.

Бұғана – екі жақта 3 талдан 6 тал болады, мүше орнына саналады.

Қара қабырға – 6 тал болады, мүшемен бірге табаққа түседі.

Сүбе қабырға – 6 тал, етегімен қосып алынады, таңдаулы мүшелер қатарына жатады.

Қазы – семіз жылқыдан 20 қазыға дейін айналдырылады, оның кейбіреуі қабырғасыз тілініп, басқа малдың ішегіне айналдырылады.

Телше қазы – жылқынын сүбесі. Телшені кей жерде сүрлемей, жас күйінде асады.

Төс – күйеулер мен келіндерге арналған сыбаға. Жас адамдарға беруге де болады. Қазақ салтында жылқы төсі мен ешкі төсі «жаман күйеуге» беріледі деп есептеледі, кей жерде ірі малдың шершеуі де төске баланады.

Төс ет – жылқы, сиырда осылай аталады. Кесек еттердің таңдаулысы, қуырдақ қуырылады, сүрленеді.

Төстік – ұсақ малда осылай аталады, терісімен істікке шаншып қақтап жейді. Дала аушылығында, жол азыққа төстік көп пайдаланылады.

Төсқалдақ – қой мен ешкінің, әсіресе, ешкінің төстігін кей жерлерде төсқалдақ деп атайды.

Төс етек – мал төсінің етек жағындағы кесек ет. Көбінде қуырдаққа қуырылады.

Кеңірдек – соғым сойған кісінің мойын ет жіберіп алған «қол үздігін» осылай атайды.

Ауыз омыртқа – соғым сойған күні табаққа міндетті түрде түсетін мүше, сыйлы қонақтың табағына салуға болмайды.

Кәрі жілік – әр малда екіден болады, жілік мүшесіне кіреді, кей жерде тіпті «кәделі жілік» есептелінеді.

Кәрі жіліктің ойынды еті – екі бөлек болады, оны кәрі жіліктің айдар еті деп те атайды.

Ортан жілік – екеу болады. Мүшелі жілікке жатады.

Ортан жіліктің ойынды еті – екі бөлек болады, жұмсақ ет.

Жауырын – жіліктердің төмен дәрежелісі, көбінде басқа қосылып келеді. Бұл моңғолдарда ең кәделі жілікке жатады.

Жауырынның сұрпы еті – екі бөлек кесек ет. Асықты жілік – екеу болады. Жамбастан кейінгі таңдаулы мүшеге жатады, сыйлы жастарға, қыз-күйеуге (төспен бірге) тартылады.

Асықты жіліктің айдар еті – екі бөлек болады. Ұсақ малда бірге, ірі қарада бөлек болады.

Тоқбас жілік – қолда болатын, еті молырақ екі жілік.

Тоқбас жіліктің ойынды еті – екі бөлек болады. Оны тобық еті деп те атайды.

Жамбас – екеу болады. Ірі малдың жамбасын екіге бөліп асады, ұсақ малдың жамбасы тұтас асылады. Қай-қайсысы да таңдаулы мүшеге жатады.

Жая – ірі малда осылай аталады. Жылқыда жал-жая қадірлі асқа жатады, сүрленеді.

Жаяның еті – ірі қараның жая етін 4-5 бөлікке бөліп асуға, сүрлеуге болады.

Белдеме – қой-ешкіде осылай аталады. Белдемше, мықын, ұша дейтіндер де бар. Таңдаулы мүшеге жатады.

Жалпақ омыртқа – ірі қараның белдемесі. Таңдаулы мүшеге жатады, сүрлеуге болады.

Бәлекей омыртқа – қол омыртқа деушілер де бар. Кіші дәрежелі омыртқаға жатады.

Ұзын омыртқа – 6 болады, мұны кей жерде ұша дейді. Жалпақ омыртқаға тең таңдаулы мүше, сүрленеді.

Арқа омыртқа – бұл мүше қой-ешкіде алтыдан болады. Еті өте жұмсақ. Мұны көбінде мипалауға турайды.

Жүрек – көбінде қыз-келіншекке, балаларға берілетін мүше.

Бауыр – майлы етке қосып қуырдаққа туралады.

Көк бауыр – отқа көміп немесе асып жейді.

Бауыр ет (ірі малда) – асып, қақтап жеуге, қуыруға, жөргемге қосуға, борша жасауға тиімді саналған.

Бүйрек – екеу болады, балалардың сыбағасы.

Кісіге – жылқының жүрек майы, жұмырлардың бір түрі.

Ұлтабар – ұсақ малдың таңдаулы, ең майлы мүшесі. Баспен, кейде жамбаспен бірге табаққа түседі.

Қарта (жылқының қарны) – ең таңдаулы мүшенің бірі.

Қимай (сиырда) – сиырдың майымен айналдырып, шумақтаған тоқ ішегі.

Тоқ ішек (қой, ешкіде) – ұсақ малдың майлы ішегі, кейде оның ішіне ет, май қосып айналдырып жөргем жасайды.

Тік ішек – тоқ ішектің ұшы, көтенішек деп те аталады. Сүрленеді. Салт бойынша көктем кезінде төл басы туғанда, алғашқы уызға қосып асады.

Желін – желін май, көбінде үлкендер жағы жейді.

Өркеш – түйенің май жинайтын мүшесі, оны көбінде шыжғырады.

Қомдық – түйенің мүшесі, бұл да шыжғырылады.

Қарын – қой етімен бірге табаққа түседі, қуырылады, жылқы қарны қарта ретінде бас табаққа салынады.

Өкпе – ұсақ малдың өкпесі, қуырылады, табаққа түспейді.

Өңеш – казан басындағылар жейді, табаққа түспейді.

Жал (6 кертпе) – жылқы етінің таңдаулы мүшесі. Сүрленеді. Бас табаққа түседі.

Сирақтар – қой-ешкінің сирағын, кейде тайынша-торпақтың сирағын үйтіп пісіреді. Бұл балалардың сыбағасы.

Жалбыршақ қарын (сиырла) – қыз-келіншектердің сыбағасы.

Тазқарын (жылқыда) – қыз-келіншектердің сыбағасы.

Бүйен – бүйенге май, ет тығып түйреп, әсіп, меңіреу, жұмыр, түймеш дейтін тағамдар жасайды. Көбінде қазан басындағылардың сыбағасы.

Сүріншек – төс сүйектің басы. Ет асқан күндері мұны көбінде күйеудің немесе келіннің мүжіп кеміруіне береді.

* * *

Изделия из обработанной шкуры: *ішік, тымақ, тайжақы, тон, шалбар, бөстек, шөншік, талыс, саба, торсық, тұлып, көнек, малақай, қолғап, тулақ, сыпыра, дастархан, өң, терлік, өт, тоқым, тебенгі, ішпек, төсеніш.*

Изделия, сплетенные из сыромятной кожи: *таралғы, тебінгі, жүген, ноқта, айыл, құйысқан, өмілдірік, шідер, тұсамыс, тағабау, шеттік, қанжыға, тізгін, шылбыр, шалма, арқан, таспа, көрік, сірі, сірге, түйме, тұтқа, адырна, көк, ұлтан, құлақбау, шілия, божы, оймақ, қамшы, бишік.*

* * *

Жуткая опасность для полнокровного казахского языка – русизмы, заимствованные обороты, неправильное употребление слов, диковинные до несуразности кальки. Они режут слух всюду: на улице, в обычной беседе, в речах по радио и телевидению, в газетных статьях, даже в оригинальных художественных произведениях. Слушая всю эту абракадабру, по-немецки выражаясь эту мешанину-каудервельш, испытываешь физическую боль, досаду, дискомфорт, раздражение, стыд. О наших депутатах, членах правительства, чиновниках из президентского аппарата и вовсе говорить не приходится: они вообще безъязыкие. Их «речевой аппарат» примерно таков: «Мен ойлаймын, что біздің народ коленнен тұрады деп».

Это, однако, почти анекдотические случаи. Но есть ведь и речевые тонкости, на которые время от времени указывают знатоки. Вот, к примеру, недавно скончавшийся опытный переводчик, литературовед, доктор филологии Жумагали Исмагулов не однажды подчеркивал: неправильно говорить «*өкінішке орай*», правильно – «*өкінішке қарай*», неправильно «*домбырада ойнайды*», ибо «*домбыраны тартады*». И еще, мол, говорят: «*мәселені айналып өте алмаймын*», это чистейшей воды русизм – «не могу обойти вопрос». Правильно: «*мәселеге соқпай өте алмаймын*». Или: «*орағытып өте алмаймын*».

«Теневой кабинет» – «*көлеңкелі кабинет*» *емес*. Это неуклюжая калька. Правильно: *бойтаса*, *бұқпантай кабинет*.

Правильные глагольные формы: *әйел босанды* (женщина разрешилась от бремени; родила), *сиыр бұзаулады* (корова отелилась), *бие құлындады* (кобыла ожеребилась), *қой қоздады* (овца объягнилась, а не окотилась).

* * *

Еще заметьте:
сиқыршы, дуа – маг, магия; *мыстан* – ведьма;
тәуіп – знахарь; *бақсы* – шаман.

* * *

Ныне аул – колыбель казахов – изменился. За семьдесят лет, как я живу в Казахстане, много воды утекло в любимой реке Есиль, измени-

лись природа, люди, быт, нравы, манеры поведения, речь, миропонимание и мировосприятие. Изменились национальные игры, в которые некогда и я играл, исчезли те бесхитростные забавы, они почти истерлись из памяти, младшие поколения их не помнят, а мое поколение почти все запамятовало.

Данабике Байкадамова, ныне покойная, образованная, активная по натуре женщина, которую я, кстати, знавал и воспоминания которой всегда с увлечением читал, напоминала в «Ана тілі» (№ 26 за 2006 год) некоторые детали той далекой аульной жизни.

Ойын аттары: қыз қуу, теңге алмақ, жамбы ату, орамал тастамақ, әңгіртаяқ, жауырынды шеріп тесу, асық жілікті ұрып сындыру, аударыспақ, қолсоқпақ, балтамтап, күмісалмақ, хан жақсы ма, бөрік тастамақ, айда судыр, қарамырза, орныңды тап, кім шақырды, жіпалмақ, айдапсал, алтыбақан, қызойнақ, қой күзету.

Бала ойындары: бурақотан, марламқаш, жасырынбақ, жалақ, мәликетотай, бақ-бақ, көжек, ақсүйек, көксерек, хан, қақпақыл, ілекеш, асық ойыны, сақа салыс, ұтыс, сал, қыз доп, бала күрес, баспен жүріс, садақ тарту, ақсақтап жарысу, төбесімен жүру, қолсоқпақ.

Жарыс түрлері: ат жарыс, тай жарыс, жорға жарысы, түйе жарысы, тартыстың түр-түрлері, күрестің түр-түрлері, алыстың түр-түрлері, жарыстың түр-түрлері. Сол сықылды кермеге байланған малдың күрмеуін тісімен кім шешсе, бәйгені сол алады. Той алаңына қазыққа күрмеп байланған іңгеннің бұйдасын кім тыр жалаңаш барып, тісімен шешіп алса, бәйге соған тиеді.

Өлең түрлері: жыр, зар, жоқтау, толғау, хисса, бөкет өлең, мақтау өлең, сықақ өлең, ажуа өлең, ғашықтық өлең, сәлемді өлең, жерлеу өлең, отты өлең, ойлы өлең, қоштасу, сәлемдесу, запыранды өлең, кекеу өлең, бәдік, күләпсан, жарапазан.

Айтыс түрі: ақын айтысы, екі домбырашының айтысы, күйшінің айтысы, мысалды айтыс, өтірік айтыс, қобыз бен сыбызғы тартысы, қыз бен жігіт айтысы, билер айтысы – деген сықылды толып жатқан ұлттық өнердің, ойынның бізге сақталып жеткен түрлері, тағы басқа да біз білмейтіндері аз емес.

Қазақтың ескі қоғам болмысында сөз тудыру шеберлігінен өнеге аларлық үлгі мол. «Ескісіз жаңа жоқ» дегенде осы сөз тапқырлығына қайран қаласың. Әсіресе, мақал-мәтелдерінде қолданған сөз тіркестері керемет. Адамның дене мүшелеріне сүйеніп, жан сөзінен бастап

басы мен ішек-бауырына дейін ой құруға пайдаланған ғой. Айталық: саусағы ұзын – күйші болады, құлағы үлкен – тыңшы болады, қағазға тіл бітірген – қалам, жансызға жан бітірген – адам, көз – нұрдың ұясы, көңіл – сырдың сабасына қарай піспегі, мұртына қарай іскегі.

* * *

Три – священное число у номадов. Впрочем, кажется, у других народов тоже. «Все на свете бывает трех видов» – говорят немцы. У казахов все по трое: и величие, и слава, и счастье-несчастье, и источники, и мудрость, и катастрофы, и неизбежное, и драгоценное, и вершины, и радости, и истины и т. д. Я эти тройные приметы собирал многие годы. А недавно обнаружил их перечень в газете (за 29 октября 2010 года). Вот они:

Үш жұрт: Ағайын жұрт, нағашы жұрт, қайын жұрт.

Үш байлық: Бірінші байлық – денсаулық. Екінші байлық – ақ жаулық. Үшінші байлық – он саулық.

Үш би: Үйсін – Төле би, Арғын – Қаздауысты Қазыбек би, Алшын – Әйтеке би.

Үш дана: Абай, Шоқан, Ыбырай.

Үш қат: Жоғары қат (аспан). Орта қат (жер үсті). Төменгі қат (жер асты).

Үш қуат: Ақыл қуат. Жүрек қуат. Тіл қуат.

Үш ғайып: Ажал ғайып. Қонақ ғайып. Несібе ғайып.

Үш арсыз: Ұйқы арсыз. Тамақ арсыз. Күлкі арсыз.

Үш дауасыз: Мінез. Кәрілік. Ажал.

Үш қадірлі: Ырыс. Бақ. Дәулет.

Үш қадірсіз: Адам жастық шақтың, денсаулықтың, жақсы жардың қадірін білмейді.

Үш жамандық: Нақақ қан төгу. Кісі малын нақақ алу. Атабабаның көзі – ескі жұртты бұзу.

Үш жақын: Жан тәтті. Бала тәтті. Жар тәтті.

Үш ақиқат: Қымбат – шындық, арзан – өтірік, дауасыз – кәрілік.

Үш қуаныш: Алғыс алу. Өзіңді көптің іздеуі. Ісіңнің өшпеуі.

Үш биік: Білік. Дәулет. Даналық.

Үш артық: Адалдық. Еңбексүйгіштік. Өнерпаздық.

Үш ынтық: Еркін өмір. Құрметке бөлену. Пайдалы еңбек ету.

Үш тұл: Қайратсыз ашу тұл. Тұрлаусыз ғашық тұл. Шәкіртсіз ғалым тұл.

Үш апат: Ғалымдар мен қарттарды сыйламау. Үкіметті сыйламау. Асты ысырап ету.

Үш кедейлік: Кесірлік. Еріншектік. Ұйқы.

Үш кемдік: Надандық. Еріншектік. Зұлымдық.

Үш бақытсыздық: Жаман ат. Жаман қатын. Жаман көрші.

Үш көз: Су анасы – бұлақ. Жол анасы – тұяқ. Сөз анасы – құлақ.

Үш қасиет: Өліде – аруақ. Малда – кие. Аста – кепиет.

Үш тағылым: Мейірім – сауап. Жақсылықтан – шарапат. Жамандықтан – кесепат.

* * *

Знакомый Мурат добавил:

Үш тоқтам: ақыл-арқан, ой-өріс, адам-қазық.

Үш асыл: көз, тіл, көңіл.

Бес қатер: от, жау, борыш, ауру, сөз.

* * *

Проблемы художественного перевода нередко дискутировались в 70-80-е годы прошлого века в союзах писателей СССР и Казахстана, на пленумах и секретариатах, а также в популярнейшем тогда всесоюзном журнале «Дружба народов». Если не ошибаюсь, одно из таких серьезных мероприятий проводилось осенью 1979 года в Москве. От Казахстана приглашены были Абиш Кекилбаев и я. За несколько месяцев до того я получил письмо-приглашение от главного редактора «Дружбы народов» Сергея Баруздина. В письме были обозначены болевые вопросы переводческого искусства. Руководил мероприятием критик Лев Аннинский (симпатичная личность, мой ровесник). Сама рубрика в журнале называлась «Художественный перевод: проблемы и суждения» и открылась еще в 1976 году.

На том совещании я познакомился со многими маститыми литераторами-переводчиками: Мустай Карим, Гинзбург, Леонович, Абызов, Левик, Солоухин, Мустафин, Абдулло, Нодия и др.

Мы с Кекилбаевым тоже выступили. Мой доклад был опубликован и в журнале («ДН», № 12 за 1979), и в коллективном сборнике (М.: Известия, 1986).

Недавно среди своих бумаг обнаружил то письмо-приглашение, подписанное Сергеем Баруздиным. Решил его включить в главу «Тутти-фрутти» как документ той эпохи, живое свидетельство о вечных проблемах художественного творчества, не потерявших актуальность и поныне.

Вот то письмо:

Уважаемый Герольд Карлович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой – принять участие в очередном «круглом столе» «Дружбы народов», который мы сейчас готовим. На этот раз дискуссия будет посвящена сложным проблемам художественного перевода.

Думаем, нет нужды подробно останавливаться на достижениях многонациональной советской литературы в области перевода: он стал одним из ярчайших практических выражений взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения братских литератур. Чтобы убедиться в этом, достаточно окинуть хотя бы беглым взглядом текущий литературный процесс: сотни названий переводимых книг, открытие новых и новых имен, напряженная повседневная работа квалифицированных переводчиков, подлинных энтузиастов своего дела.

Однако сам масштаб этой работы порождает немало новых проблем, настоятельно требующих обсуждения. Мы выделили бы следующие вопросы, рожденные практикой современного художественного перевода:

1. Нужно ли переводчику знать язык оригинала? Как Вы относитесь к подстрочнику? К самой функции и юридическому статуту авторов подстрочника?

2. Право на переводческую вольность и ее границы.

3. Как передать – скажем, в переводах поэзии – особенности иной языковой стихии (переводы с эстонского на русский, с таджикского – на русский и т. д.)?

4. Что дает писателю-переводчику близкое общение с литературой другого народа, с исторически иной культурой?

5. Перевод с близких языков (например, русский – украинский – белорусский) – кажущаяся его легкость и реальные трудности.

6. Как, с Вашей точки зрения, писательская общественность может контролировать систему работы, выбор «объектов» перевода, качество переводческой работы в журналах и издательствах?

7. Художественный перевод, как известно, одно из мощных средств взаимообогащения братских литератур. Поэтому – как, на Ваш взгляд, выглядят те или иные литературы (в частности, та, которую Вы представляете) на всесоюзной арене? Всегда ли картина переводных изданий соответствует подлинному положению дел в литературе республики? Каковы возможности влияния переводного произведения на другие литературы?

Конечно, перечисленные вопросы не могут исчерпать всех аспектов предстоящего обсуждения. Мы надеемся, что Вы внесете в дискуссию коррективы, исходя из Вашего личного творческого опыта.

«Круглый стол» состоится, как мы предполагаем, 14–15 сентября с. г. Естественно, все хлопоты по командировке иногородних участников «круглого стола», по их устройству в Москве и т. д. редакция берет на себя. Но просим обязательно в течение двух недель подтвердить свое участие в совещании: редакция «Дружбы народов», отдел критики. Тел. 291-05-09.

Полагаем, что творческий разговор в редакции, в котором Вы примете участие, принесет практическую пользу. Мы опубликуем эти материалы на страницах «ДН».

С уважением, главный редактор журнала «Дружба народов», секретарь правления Союза писателей СССР

Сергей Баруздин.

* * *

Случайно полистал научный труд по кормоводству, по разным типам пастбищ северной пустыни Казахстана. Речь в этом труде шла

о пустынях с кустарниковой и полукустарниковой растительностью. Обратил внимание на смешанные русско-казахские наименования пастбищ. Значит, какие-то «казахские» травы не имеют русского аналога. Вот типы пастбищ:

разнотравно-терескеновое
боялычевое
полынно-боялычевое
чернополынно-кокпековое
эфемероидно-итсегеково-серополынное
кейреуково-эфемерное
чернополынное
биюргуновое
ломкоколосниковое.

Иногда переводчик сталкивается и с пастбищами, травостоями, выпасами, кормовой базой.

* * *

Из статьи академика-тюрколога Әбдуали Кайдара («Ана тілі» от 1 июля 2004 года):

каз. – диірмен (мельница),
кырг. – тегирмен,
азерб. – дәйірман,
каракалпак. – дигирмен,
тува – дээрбен,
башкурт – тиирмән,
карач.-балк. – титирен,
турецк. – дегірмен,
уйгурск. – түгмән.

* * *

Алматинец Қ. Исалыұлы собирал имена Деда Мороза в разных странах («Алматы ақшамы» от 31 января 2006 года).

В Финляндии его называют Йолупукки.
В Японии – Сагацу-сан.
В Узбекистане – Корбобо.
В Якутии – Дьыл Ата.

В Китае – Шань Дань Лаожен.
В Хорватии – Дэда Мраз.
В Дании – Юлетомте.
В Турции – Ноэль Баба.
В Норвегии – Юлебукк.
В Германии – Вайнахтман.
Во Франции – Пер Ноэль.
В Италии – Баббо Натале.
В Великобритании и США – Санта Клаус.
В Колумбии – Папа Паскуале.
В Бразилии – Пай Натал.
В Панаме – Папа Ноаль.
В Чехии – Свентый Микулаш.
В России – Дед Мороз.
В Швеции – Юль Томтен.
В Карелии – Паккайне.
В Румынии – Мош Джарилэ.
В Словакии – Микулаш.
В Нидерландах – Синтер Клаас.

* * *

В моем увесистом коржуне за десятилетия усердного толмачества накопилось много всякой всячины. Но ведь надо же как-то ограничить себя. И не ошеломить вконец читателя. Не могу же все подряд пихать в главу «Тутти-фрутти». Она и так заметно разрослась. А сколько неохваченного осталось! О, море! Океан! Я так себя и чувствую: сижу на берегу океана казахской словесности и черпаю из него ковшиком. Да разве вычерпаешь океан?! Жагда Бабалыкұлы всю свою долгую жизнь собирал-собирал казахские слова и накопил... 150 килограммов рукописи. Представляете? Именно килограммами определял он собранное словесное богатство. Сколько же получилось слов? Аллах весть! Сам этнограф полагал, что словарный запас казахских слов «потянет» на 10 миллионов единиц. Вдумайтесь: десять миллионов! Это сколько же будет томов?

И вот перед моими глазами то и дело всплывает плюгавенький эмиссар ЦК КПСС Мищенко (или Тищенко-Нищенко), который, при-

ехав спешно из Москвы по поводу декабрьских событий 1986 года в Алматы, самоуверенно, кичливо, надуманно полагал, что казахский язык состоит всего-навсего из 500 (пятисот!) слов и является скотоводческим вариантом узбекского языка.

Какое дикое, беспросветное невежество!

Какой цинизм и снобизм!

И когда я пишу о богатстве, мощи, выразительности, образности казахского языка, я, этнический немец, посылаю в нокдаун все еще бытующих там-сям разного рода мищенко-тищенко-нищенко.

Невежество и дикость никогда не бывают аргументом.

КАЗАХИ И ТУАРЕГИ

...Получилось так, что совершенно случайно я параллельно читал две книги: «Мир традиционной культуры казахов» Нурилы Шахановой и «Туареги Ахаггора» Анри Лота, французского этнографа и археолога, исследователя Сахары. Анри Лот описывает язык, письменность, устное творчество, условия жизни, жилище, пищу, одежду, искусства и ремесла, хозяйствование и т. д. туарегов Ахаггоры. Поражает много общего в быту, нравах, манерах, поступках и прочем с казахами. Уму непостижимо, сколько сходства! А между тем, где казахи, а где туареги? Сходство, возможно, оттого, что туареги – кочевники, скотоводы и мусульмане. Разумеется, язык, обличье, климатические условия, история – другие, но в обычаях и ритуалах, хозяйстве, быте, духоустройстве, устном творчестве, многих манерах схожего уйма. Это кочевники пустыни Сахара, берберы (точнее, из берберской семьи).

Весь туарегский народ в культурном отношении является реликтом древней берберской Сахары. В настоящее время подавляющее большинство туарегов (до 600 тыс.) живет в суданско-сахельской зоне тропической Африки: в Мали, Буркина Фасо, Нигере, Либерии, Чаде.

Давняя истина: корни культуры едины. Их следует только выявить, описать и осмыслить.

ЧТО, КАЗАХСКАЯ ТЕМАТИКА ИСЧЕРПАНА?

Мои друзья, казахские прозаики, вдруг взялись осваивать европейскую тематику. Покойного ныне Рамазана Тохтарова одно время увлекла поздняя любовь престарелого Гёте к юной Ульрике фон Левецов. Он о том поведал. Об этом же довольно увлекательно написал и Мухтар Магауин. Дукенбай Досжан тут же разразился рассказом-эссе о Байроне. Может, кто-то написал уже о Гомере, Шиллере, Шекспире, а я просто не знаю...

У меня весьма двойственное отношение к этому. Конечно, вольному воля – писать никому не запретишь. Но неужели мои коллеги уже исчерпали казахскую тематику? Или они полагают, что о Шортанбае, Дулате, Бухаре-сказителе (жырау) должен написать я или Щеголихин? Или убеждены, что напишут о европейских знаменитостях лучше, чем, скажем, Цвейг, Моруа, Стоун и другие? Или им хочется доказать, что и они не лыком шиты? Или экспериментируют? О любви веймарского старца к Ульрике я, например, охотнее почитаю у Манна, Цвейга или Нагибина. А еще лучше – самого Гёте.

Было время, мне хотелось написать новеллу об Абае и Михаэлисе. Намеревался вплести туда и немца Александра Блока, и поляка Северина Гросса – друзей Абая. Материал имеется, личности известные, можно было что-то нафантазировать в духе Кафки или Зегерс. Но... удержался от соблазна. Как-то боязно было после Мухтара Ауэзова тревожить тень Абая, хотя мне чудится, что Абая я и знаю, и чувствую прилично. Подумал: не лучше ли, если о том напишут казахи.

По этому поводу вспоминается эпизод из мемуаров Фатимы Габитовой. Максим Горький поинтересовался у Ильяса Джансугурова, над чем он сейчас работает. И казахский поэт ответил, что намерен написать поэму о челюскинцах. Горький задумался, помолчал, а потом сказал, что советский народ, мол, плохо знает казахов, их культуру, обычаи, манеры. Не лучше ли, дескать, писать об этом...

Думаю, не грех прислушаться к тому давнему совету мудрого аксакала Горького.

ПРОЗЕ ЖИР ПРОТИВОПОКАЗАН

Мэлор Стуруа, хваля какого-то литератора, заметил: «В нем нет ни капли жира – этой визитной карточки порочности человеческого духа и слабости человеческой плоти».

Как верно!

В казахской литературе, насколько мне позволительно судить, излишек жира сплошь и рядом. Некоторые произведения состоят в немалой степени из казы и карта, жал и жая. Они прямо-таки отдают жирным бесбармаком. Бесбармак я лично весьма люблю, но художественную прозу, напоминающую бесбармак и жирный бульон-сорпу, не жалую. В прозе убежденно борется с лишним жиром Абдижамил Нурпеисов (особенно в позднем своем периоде). С ребер своего последнего романа он срезал (я свидетель) жирный слой в два-три пальца.

В этом смысле Абеке в последние годы следуют его младшие коллеги – Тулен Абдиков и Смагул Елубаев. Проза должна быть поджарой, мускулистой, излишний жир ей, как и человеку, противопоказан. Сухощав, упруг в поэзии Абай. И еще, пожалуй, Куандык Шангитбаев. Кстати, Абай очень точно подметил: *«Қазақтың өзге жұрттан сөзі ұзын»*. Смысл: «Казахи многословнее других народов». Или: «У казахов слова длиннее, чем у других». Понятно: степь широка, небо бездонно, времени – вечность, наслаждайся жизнью и сплетай витиеватую речь из «красных» словес…

В ЛИТЕРАТУРЕ «АКА», «ЕКЕ» НЕ ГОДИТСЯ

Аксакализм, чинопочитание для литературы – гибель. И еще абсолютно скверно, если правду взвешивают порциями, процентами. Тогда, считай, все пропало. (Помните, герои одного рассказа – то ли Шукшина, то ли Астафьева – спорят, на сколько процентов правду позволительно выдавать писателю? Сошлись, кажется, на пяти процентах.) Искренность в литературе – едва ли не главный критерий. (Вспоминаю, как в 1953 году в «Новом мире» мощно, точно бомба, прозвучала большая статья Померанцева «Об искренности в литера-

туре».) Начнешь изворачиваться, как дождевой червь на раскаленном асфальте, – никто тебе не поверит, никакие красоты и уловки, приемы и художества не спасут.

ВОЗВЕЛИЧИВАТЬ СВОЕ ПРОШЛОЕ – НЕ ОЧЕНЬ ЭФФЕКТИВНО

Древний народ – чаще всего усталый, изношенный, истощенный народ. Он вряд ли способен строить молодое, полнокровное, независимое государство. Тут явное противоречие. Великое прошлое не может быть оправданием нынешней нищеты. Тем более, смягчающим обстоятельством. Как только начинают педалировать «великое прошлое», значит, дело швах. Примеры: российские немцы, русские. Плохо, что и казахи норовят идти по этому пути. Удревляют свои корни, ищут себя в Аттиле, в Чингисхане, даже в байбише его Борте, всячески героизируют их. Если твое нынешнее тускло, никакие Аттилы и Чингисханы не спасут.

Есть актеры, которые играют роль, то есть лицедействуют, и есть актеры, которые ею, ролью, живут. Так и писатели. Одни забавляются литературой, другие пробавляются ею, третьи в ней живут. Так и политики. Одни хотят преобразовать страну, другим достаточно потолкаться возле государственной кормушки. Последних почему-то особенно много.

ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ ФОРУМА ЛИТЕРАТУР СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Вечером, после Форума литератур Средней Азии и Казахстана в Ташкенте (21 ноября 1995 года), после концерта и великолепного приема в ресторане «Новруз», мы, часть делегатов, вернулись в гостиницу «Туркестан» (бывшая резиденция ЦК КПУ) – напротив театрального института – и полтора часа гуляли, рассказывая разные случаи из жизни.

В основном рассказывали Чингиз Айтматов, Калтай Мухамеджанов и Жабайхан Абдильдин, иногда реплики подавали Абе (Нурпеисов) и я. Днем подойти к Айтматову посчитал неуместным, да и в ресторане он был все время в окружении людей (я к тому же сидел за другим столом), ну а тут я подошел, поздоровался, сказав: «Оу, жалғыз туркістандық немісті тастап жүргендеріңіз қалай?!» («Что же вы оставили в одиночестве единственного туркестанского немца?!») Обменялись приветствиями, словами любезности.

– Вот здесь, – сказал Калтай, указывая на театральный институт, – меня исключили из комсомола.

Тему тотчас подхватил Чингиз Торекулович. Он поведал, как его не приняли в пионеры. Сказали: «Сен дұшманның баласысың» («Ты сын врага»). Чингиз подошел к чьему-то окну и заплакал. Стоял одинокий, обиженный, несчастный и упивался слезами. В это время растворилось окно, и хозяйка выплеснула ушат помоев, облив бедного мальчика. «Меня это и вовсе доконало», – заметил Чингиз.

Потом он очень живо и подробно рассказал, как учился в сельхозтехникуме в Джамбуле. Бабушка очень хотела, чтобы внук выучился, стал человеком. «Атасындай болсын!» И хотя они жили очень бедно, всячески помогала ему, лишь бы он учился. И вот был такой профессор (ссыльный из Ленинграда), который читал предмет «Ословодство» и прекрасно рассказывал о роли осла в человеческой цивилизации. Взял он своего студента Айтматова на базар, заставил его наблюдать за ишаками и рассказывать о них. А на базаре, как на грех, находился как раз аульчанин, который, увидев Айтматова, спросил: «Эй, сен не ғып жүрсін осында?!» («Эй, ты что здесь делаешь?!») «Оқып жүрмін» («Учусь»), – ответил Айтматов. «Не оқып жүрсің?» («Чему учишься?») – «Есектерді зерттеп жүрмін» («Ишаков изучаю). – «Мәссаған! Есектер біздің айылда да жетерлік емес пе?» («Вот-те раз! Разве мало ишаков в нашем аиле?!»)

Аульчанин, вернувшись в аил, обо всем рассказал бабушке Айтматова. Внук об этом случае забыл, приехал на каникулы, и тут бабушка набросилась на него: «Эй, негодник! Я тебя отправила на учебу в город, надеясь, что ты станешь человеком, а ты, оказывается, учишься ишачьей науке! Ты что это? Ишачьей науке мог бы выучиться и в нашем аиле!»

Еще он рассказал, как с отличием окончил сельхозинститут и готовился в аспирантуру, но его, как сына врага народа, так и не приняли. «Может, я был бы теперь профессором, ученым», – заметил Чингиз Торекулович.

Был приятный ташкентский вечер, мы долго ходили возле уютной гостиницы, и получилась очень милая прогулка.

«ОХ, И ХИТРЕЦ ЖЕ Я!..»

Будучи по самой природе своей очень добродушными, а нередко и простодушными, казахи имеют порой склонность воображать себя хитрыми, им даже льстит слыть хитрыми. «Ох, и хитрец же я!» – выдается как достоинство. И чудится им, что они в состоянии перехитрить если и не всех, то многих. Между тем их хитрость абсолютно очевидная, прозрачная, беспомощная, а то и бессмысленная, как у ребенка-шалуна. И вся их хитрость способна перехитрить лишь самих себя. И те, что у власти, то и дело хитрят, думая, что тем самым обмишулят простой люд. Как бы не так! Кстати, и немецкая хитрость не далеко ушла. Она даже еще более примитивна.

Вот эта постоянная игра в хитрость – вовсе не безобидная забава. Она тормозит ум. А у ума и хитрости – разные родители. Отец хитрости – коварство. Мать ума – мудрость.

СКОЛЬКО ДОЛЖЕН ТРУДИТЬСЯ ПИСАТЕЛЬ?

Сколько должен трудиться писатель? Много он должен писать или мало? Единого ответа нет и быть не может. Дело сугубо индивидуальное. Сомерсэт Моэм говорил: «Чтобы писать хорошо, необходимо писать много» (цитирую по памяти). Схожую мысль из казахских писателей высказал Мухтар Магауин. Я также склонен считать, что писателю следует работать много и постоянно. Плодовитые (а следовательно, трудолюбивые) писатели всегда привлекали мое внимание.

И тут первым на память приходит Лев ТОЛСТОЙ, полное собрание сочинений которого составляет 90 увесистых томов. Попробуйте только представить такое, учитывая бесконечные варианты, корректуры, исправления, редакции! А ведь никто его не заставлял, не обязывал, он не был связан договорами, издательскими сроками. Он добровольно обрек себя на эту каторгу. «Крейцерова соната» имела восемь редакций. Рассказ «Корней Васильев» Толстой переделывал тринадцать раз. Шесть или восемь вариантов имеет «Анна Каренина». Какую-то статью Толстой правил сто с лишним раз.

Тут же вспоминается другой титан литературы – ГЁТЕ. Его литературные, научные, эпистолярные труды составили 143 тома. Я знаю современных академиков, которые едва накропали 143 статейки.

Вспоминается в этом ряду, конечно, БАЛЬЗАК: он оставил после себя 150 произведений, из них 93 романа.

Полное собрание сочинений немца Карла МЕЯ – 74 тома, и издавался он миллионными тиражами на десятках языков.

Умершая в 1950 году Х. КУРТС-МАЛЕР написала за свою жизнь 209 романов.

Александр ДЮМА (отец) – автор 250 романов и 25 пьес.

ЛОПЕ де ВЕГА – автор 1700 драм.

Одних только писем Бернард ШОУ написал 250 тысяч, а ВОЛЬТЕР – 220 тысяч.

Жорж СИМЕНОН написал 215 романов, вышел на 130 языках. (Для сравнения: Шекспир издан на 43 языках, МОЛЬЕР на 41 языке.)

Бернар КЛАНЕЛЬ, крупнейший французский писатель, автор 77 книг. Когда ему за писательский труд присудили орден Почетного легиона, он отказался принять его. Хотел бы я знать казахского писателя, который отказался бы от пустяшного значка. Из глотки вырвет!

Рэй БРЭДБЕРИ создал 25 книг, 300 рассказов, 30 пьес, подготовил 60 телесериалов.

Французский прозаик русского происхождения Анри ТРУАЙЯ (собственно Лев Тарасов) написал 80 романов и биографий русских царей и писателей.

Агата КРИСТИ написала 78 детективных романов, 6 недетективных, 150 рассказов, 19 пьес, и все они не просто изданы – распроданы в двух миллиардах экземпляров на 104 языках.

Айзек АЗИМОВ за полувековую творческую деятельность издал 450 книг.

Жужа РАБ перевела на венгерский язык 140 томов прозы и 12 томов поэзии.

Библиография профессора-историка Александра А. КИЗЕВЕТТЕРА составляет 1003 названия; академика-тюрколога Аганфангела Е. КРЫМСКОГО – 1500 работ; девять томов академика Василия В. БАРТОЛЬДА включают в себя 7489 книжных страниц.

Но всех рыцарей пера перещеголяла, пожалуй, знаменитая сочинительница любовных романов Барбара КАРТЛЕНД (Великобритания), умершая в возрасте почти 99 лет: из-под ее пера вышли 723 (!) книги. Общий тираж ее произведений, переведенных на 36 языков, оценивается в миллиард экземпляров.

К плодовитым писателям можно отнести и Джека ЛИНДСЕЯ, и Азиза НЕСИНА.

По количеству созданных работ поражает и художник ПИКАССО. Это вообще сверхчеловеческий показатель. Он создал примерно пятьдесят тысяч рисунков, десять тысяч картин, тысячу скульптур. Французское собрание произведений ПИКАССО: 1876 картин, 7089 рисунков, 4659 рисунков в блокнотах, 18 095 гравюр, 6112 литогравюр, 1355 скульптур, 2880 произведений керамики.

Вот это творческая энергия! Уму непостижимо!

На фоне этих ошеломительных фактов обратимся к нашим, казахстанским корифеям. Полное академическое издание Мухтара Омархаровича Ауэзова планируется в 50 томов. Если бы собрать все написанное Сабитом Мукановым, возможно, будет столько же. Слишком определенно сказать не могу. Помню, как при жизни он намеревался издать 17 томов. Плодовитым был Ильяс Есенберлин. Все написанное им – романы, повести, поэмы, – думаю, составило бы около 20 томов. К своему 60-летию Абиш Кекилбаев издал 12-томное собрание сочинений. Кадыр Мырза Али выдал 15 томов, Мухтар Магауин – 13 томов. Конечно, Дукенбай Досжан тут же решил издать тоже 13 томов. Покойный Рамазан Тохтаров является автором десяти романов. Сабита Муканова когда-то называли казахским Бальзаком. Потом решили, что казахский Бальзак – Рамазан Тохтаров, учитывая, что он окончил французский факультет Института иностранных языков. Года три на-

зад казахским Бальзаком громогласно объявил сам себя Дукенбай. Статья в одной газете так и называлась: «Бальзак казахской литературы». Спокойно относясь к подобной рекламе, все же справедливости ради должен заметить, что три казахских Бальзака общими усилиями не написали и половины того, что сделал натуральный Оноре де Бальзак.

Причудливая и капризная слава, однако, зачастую равнодушна к количественным показателям творчества. Руже де Лилль, Ежен Потье остались в истории одним стихотворением. Александр Грибоедов обессмертил себя одним «Горем от ума». Николоз Бараташвили прожил недолгую жизнь и оставил всего 37 стихотворений и одну историческую поэму. И таких примеров наберется тоже немало. Мне же лично труженики-писатели особенно симпатичны.

ВАЖНО СОХРАНИТЬ В СЕБЕ КАЗАХА

Казаху совсем не обязательно стремиться стать американцем, англичанином, немцем, французом. Казах любит подражать, забывая, что он самодостаточен. Вполне. С лихвой. Важно сохранить в себе казаха. Себя потеряешь, другим не станешь. И не надо казаху петь тяжелый рок, как это делают конкурсанты «Суперстара». У казахов есть свои песни, свои суперы, свои стары.

ВОТ ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Вот пример для подражания: сорок лет работал над одним из первых академических словарей русского языка А. Х. Востоков (собственно, Остен), сорок три года – И. И. Срезневский, пятьдесят три года – В. И. Даль. А у нас, в Казахстане, 31 том (!) словарей по разным профилям состряпали-сварганили за один год! Результат? Словари тех славных мужей живут и поныне, а тридцать один том словарей наших азаматов, получив Государственную премию, бесславно скончался уже через год.

КАК РЕШИТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Часто цитируются известные строки Федора Тютчева:

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны.

Понятно, Федор Тютчев имел в виду русских. Но слова эти в полной мере приложимы и к казахам, и к российским немцам, к евреям, армянам, ко многим народам, разбросанным враждебною судьбиной по разным странам-государствам. Важно только не оторваться от своих корней, не попасть под жернова глобализации и везде и всюду помнить, что «единой матери сыны». Словом, призыв-заклинание Тютчева универсально.

Вот вычитал в «Жас алаше» (от 29 августа 2002 года), и душа содрогнулась: из восьми миллионов казахов триста тысяч переняли иную веру, перешли в другие конфессии; еще сто тысяч наркоманы; еще сто тысяч сидят в тюрьме. А сколько больных СПИДом, туберкулезом, гепатитом, малокровием! А сколько сирот, бомжей, несчастных, неприкаянных! И как с такими данными решить демографические проблемы? Призыв демографа Татимова беспрестанно трясти постель и шевелить зеленым одеялом вряд ли в таком случае корректен.

О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТЩЕСЛАВИИ

Тщеславие казахских писателей меня поражает. Всем хочется званий, регалий, премий, орденов, медалей. Я знаю писателей, которые обивали пороги бывшего ЦК, вымоляя звание «народного». Один поэт лет пять добивался звания «деятеля» (сам он при этом говорил «дейтель»). Привлек армию влиятельных ходатаев, но так и не добился. Один прозаик из года в год катал романы, пока с пятой или шестой попытки не получил госпремию. Еще один почтенный старец при по-

лучении удостоверения «народного» тут же обратился к секретарю ЦК, умоляя повысить тираж его книги: ведь он теперь «народный»! Знаю и таких, кто прямо-таки домогался Қаһармана и публично рвал в отчаянии свой седой хохолок. Знаю и тех, кто бегал по акимату, прося дать медальку «Астана» или «50 лет освоения целины». Толпами бегают в Союз писателей, требуя включить в список представления хотя бы на какой-нибудь знак – ну, скажем «Мәдениет қайраткері».

Черт знает что! Откуда такая болезнь? И что кроется за этой страстью?

Хорошо, что президент отменил звание «Народный писатель» (последним «народным» стал в 1999 году Кабдеш Жумадилов), иначе мы бы имели нынче отару «народных». А от интриг пыль стояла бы столбом. Қаһармана писателям вообще давать не стоит, не то казахстанская нива превратится в поле брани.

Как это Толстой и Абай прожили всю жизнь без регалий и званий?!

В таких случаях мне вспоминается Владимир Богомолов. Его роман «Момент истины» при его жизни издавался сто раз. И автор не принял ни одной награды – ни премии, ни ордена, ни звания.

Я не знаю ни одного казахского писателя, способного на такое. Напишет тощий дастан и ждет дождь наград. О, аллаай!..

О КАЗАХСКИХ РОДАХ-ПЛЕМЕНАХ

Часто спрашивают меня о казахских родах-племенах. О казахах я знаю немало, но по части рода-племени не мастак. В моей немецкой голове все это плохо укладывается. Казахское шежире напоминает мне бесчисленные петлистые следы в степи. Попробуй разберись! Это под силу лишь опытному следопыту.

Вот языковед-тюрколог Сарсен Аманжолов, который благоволил ко мне в студенческие годы, в «Вопросах диалектологии и истории казахского языка» (1959) утверждает, что Большой джуз состоит из 23 родов-тайпа. Средний джуз – из 24 родов-тайпа. Малый джуз – из 33 родов-тайпа. Получается без малого 80 родов-тайпа, которые все вместе и составляют народ по имени казахи. «Казахские племена

происходят от единого общего корня», – пишет профессор С. Аманжолов.

Попробуй знать и запомнить 80 казахских родов-тайпа, особенно если ты человек другого рода-племени с иной ментальностью.

Есть, например, у казахов племя «Шанышқылы» (обитает в Келесском районе и на берегах реки Чирчик в Ташкентской области). И сколько, вы думаете, ветвей у этого племени? Извольте: *бесұл, әжіке, арашы, мамыт, ағанайжоның, сұрым, қият, көрік, жаңбыршы, боқа, құдайққұл, көшек, дәулет, торсық, үкібай, тайлақ, жалымбет, беспай, енем баласы, жаман баласы* (см. книгу «Канлы» академика А. Кайдарова).

Разумеется, далеко не каждый современный казах это знает, но специалисты знают, и это реальный факт бытия.

Начнешь читать тюркологов, историков и за голову хватаешься: вот тебе и «примитивный » кочевник!

О ЗАРУБЕЖНЫХ КАЗАХАХ

Так почему я считаю, что зарубежных казахов надо возвращать на свою родину, в Казахстан, незамедлительно?

К такой идее подталкивает судьба многих народов. Когда после 12-летней гитлеровской вакханалии изгнанные из Германии немцы (особенно много творческой и политической интеллигенции) вернулись на родину (кто в западную, кто в восточную часть), местные немцы принимали их как чужаков, как отвергнутых, отторженных, смотрели на них недобро, с подозрением. Дескать, в трудный час удрапали, улизнули, спаслись в Москве, в Швейцарии, США, Латинской Америке, а теперь вернулись, как ни в чем не бывало, и еще пытаются учить нас уму-разуму. Было такое...

Или возьмем корейцев. Казахстанские и среднеазиатские корейцы (точнее, их предки) подались в Россию, на Дальний Восток, с Корейского полуострова еще в XIX веке. Потом их переселили насильственно в Казахстан. И называются «наши» корейцы коре сарам. Южные корейцы называются хангук сарам, северные корейцы – часон сарам. То есть «наши» корейцы за несколько поколений инобытия очень

сильно отъединились от собственно корейцев. Коре сарам практически потеряли свой язык, их коренной язык стал для них как иностранный – наподобие китайского или японского. И все теперь у них иное. Осталось только генетическая, этнокультурная, историческая связь. И то весьма ослабленная. В «наших» корейцах не нуждаются ныне ни северные, ни южные коренные корейцы. Им «наши» просто не нужны. И «наши» туда не стремятся, поскольку они там чужаки, не востребованы и неконкурентоспособны по всем параметрам. То есть ни северные, ни южные корейцы не заинтересованы (абсолютно!) в репатриации «наших». И «наши» там просто-напросто не могут жить, ибо за семь-восемь поколений отошли от национальных корней.

То же примерно мы видим и с «нашими» русскими, которые переселись в Россию. Их там почти не принимают, кое-где встречают в штыки, называют «казахами», «узбеками», «азиатами», «куркулями». Ментальность «наших» русских заметно отличается от ментальности тамошних, коренных, кондовых. На этом фоне то и дело возникают конфликты.

К чему я все это?

А к тому, что нечто похожее произойдет или уже происходит с казахами. Зарубежные казахи уже и сейчас не всегда ладно стыкуются с местными казахами. Отличия имеют место, и с годами явно обозначившаяся разность, отчужденность может только углубиться. И, возможно, до такой степени, что совместная жизнь станет затрудненной. Вот почему я считаю, что этот вопрос необходимо решать сейчас, не откладывая в долгий ящик. А поскольку народ казахский без своих зарубежных единокровников не полноценен, то единение должно произойти, иначе этот пока что естественный процесс натолкнется на непредвиденные преграды и непреодолимые трудности.

РЕДКИЙ ДАР

Есть писатели, которые обладают редким даром – абсолютным чувством слова, остро ощущают его вес, вкус, точность. Из русских сразу же приходят на ум Бунин, Лесков, Леонов, Казаков... многие, из казахов прежде всего Мухтар Ауэзов. Чувство слова у Ауэзова было

развито необыкновенно. Неряшливое, случайное, неверное, приблизительное, первое попавшееся слово причиняло ему физическую и нравственную боль, он хмурился, раздражался, досадовал, обрушивался на собеседника, корил.

Зейнолла Кабдолов в своем романе «Мой Ауэзов» вспоминает, как однажды – еще студентом первого курса – он неосторожно прочел абаевскую строку «Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма» («Один я с тысячью боролся, не обессудь!») как «Көппен жалғыз алыстым»! («Со множеством один боролся я...»).

Ауэзов пришел в негодование. «Бәлі! Что это значит? Как это следует понимать? Как так запросто можно искажать Абая?! Если с Абаем так обходятся, что можно ожидать вообще?! Что за глухота? Какая бестолковость?! Разве мог Абай так сказать: «Көппен жалғыз алыстым»? «Көппен» – значит с большинством, с народом. Абай что, обезумел, чтобы бороться со всеми? А?! Как так можно?!»

Он, как опытный дирижер, улавливал малейшую фальшь одного-единственного инструмента в слаженном оркестре языка.

Известно, что последние два тома своей тетралогии Ауэзов диктовал, потом правил, редактировал, направлял поток речи в извечное, надежное русло народного словотворчества.

Я ВСЕГДА ВОСХИЩАЮСЬ ТРУЖЕНИКАМИ

Я всегда восхищаюсь тружениками, людьми, работающими на износ. В данном случае я говорю конкретно о литераторах, имея в виду то, что Эмиль Золя называл «ужасным литературным ремеслом». Речь о продуктивности, о титаническом труде. Возьмем, к примеру, Ауэзова. Человек сложной судьбы, тернистого пути, отнюдь не благополучной жизни. А академическое издание его трудов составляет 50 томов. Прожил он между тем всего 64 года. И сколько перенес лишений и мытарств!

И. Есенберлин за систематический литературный труд принялся слишком поздно, но и то за короткое время успел написать 17 романов, одновременно находясь на службе и постоянно вращаясь в вихре злых интриг. Он работал через силу, преодолевая усталость и физи-

ческую немощь. Как-то он мне пожаловался при встрече у газетного киоска, что он живет и работает при давлении 60 на 40. Каково?

Не щадят себя Дукенбай (Досжан), Мухтар (Магауин), Нуршаихов (шесть инфарктов перенес), Абиш (Кекилбаев). Безмерно устал Кадыр (Мырза Али), интенсивно трудящийся в литературе 50 (!) лет. Это настоящие рыцари литературы, трудяги. Можно сказать, что их творчество неравноценно, что не одни шедевры родились под их перьями. Ну и что?! Зато они выложились полностью, служили литературе честно и достойно, сказали все, что считали нужным, не убили, не извели божье время на картежную игру и дастарханные посиделки. И судья им – Время. Оно и отберет нужное.

И все же, все же... по сравнению с титанами наши, казахские, литераторы по продуктивности еще очень сильно проигрывают. На ум из классиков приходит Бальзак с его гигантской «Человеческой комедией». А ведь до своих циклов романов он в течение пяти лет под разными псевдонимами опубликовал 40 (!) томов прозы. Представляете? Сорок томов еще до своих главных произведений!

Мне и моим казахским современникам-коллегам такое и представить мудрено. Бальзак сам признавался, что «Тайну Руджиери» он написал за одну ночь, «Старую деву» – за три ночи, первые пятьдесят страниц «Утраченных иллюзий» – за три дня.

Вот почему Э. Золя пишет: «Жизнь его свелась к титаническому труду». Эмиль Золя, сам великий труженик, восторгался примером Бальзака. Эссе Золя о Бальзаке начинается так: «“Человеческая комедия□ подобна башне Вавилонской, которую рука зодчего не успела и никогда бы не успела завершить. Кажется, что ветхие стены вот-вот обрушатся и усеют обломками землю. Строитель употребил в дело все материалы, какие только попались ему под руку: гипс и цемент, камень и мрамор, даже песок и грязь из придорожных канав. И своими грубыми руками, при помощи случайных зачастую материалов он воздвиг это здание, эту гигантскую башню, не заботясь о гармонии линий и соразмерности частей».

Думаю, Золя верно и справедливо подметил все достоинства и изъяны творчества своего коллеги.

Такой труд – подвиг. А на подвиг не все способны. Трудно говорить о счастье, если ты весь поглощен испепеляющей жизнь страстью – страстью созидания, творчества. А может, это и есть счастье?

Вот что по этому поводу писал сам Бальзак: «Когда я буду счастлив, мне, может быть, воздадут должное; но слишком поздно, потому что счастлив я буду только мертвым».

Суть творческого акта Эмиль Золя определил лапидарно: «Делать много и делать прочно – вот в чем состоит чудо».

Да, действительно, делать много и делать прочно не всегда получается. «Много» часто получается в ущерб «прочному».

Казахская литература знает и приверженцев исключительно «прочного». Иной напишет одно сочиненьице и потом всю жизнь его вылизывает, подчищает, скоблит, отделывает, словечки переставляет, яркие заплаты накладывает, узорами украшает, вышивает, расцвечивает, ищет «ыритым» (ритм) и «интанасию» (интонацию), где они сроду и не ночевали. Что ж... это тоже труд, но чаще всего бесплодный, малозначительный, самообманный, почти бессмысленный. Поневоле думаешь: ах, потратил бы он все усилия на создание чего-нибудь нового; и охота ему украшать то, что давно изжило себя напрочь.

Все эти мысли пришли мне сегодня в голову, когда я в «Жас Алаше» прочел заключительную главку «Иірім» («Водоворот») Кадыра Мырза Али. Он признается: «Шаршадым» («Устал»). Я очень понимаю своего друга. Он славно поработал почти во всех жанрах литературы, честно, на совесть трудился, издал уйму книг, себя не щадил и, отметив свое 70-летие, имеет право сказать: «Устал».

Но... Сименон произнес: «Устал», издав 70 томов своих сочинений.

Выходит, культура труда у казахских литераторов все еще не на должном уровне, представление о продуктивности иное, работоспособность ниже, жертвенность профессии еще не осознана, значит, есть смысл равняться на титанов, ставить перед собой высокие цели, благо сам Абай еще когда внушал: «Болмасаң да, ұқсап бақ» – «Пусть не состоялся, а стремись быть таким».

Я ХОРОШЕГО МНЕНИЯ О КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Я, в общем-то, хорошего мнения о казахской литературе (не зря ведь перевел на русский язык томов 25–30). Конечно, как и у всех, и мусора в ней хватает, много и узколокального, незначительного, вто-

ростепенного («без паршивой овцы отара не полна»), и достойных произведений, которые можно смело выдвигать на мировую арену. Просто нет умения показать свой товар лицом; слабо поставлены популяризация, пропаганда, перевод. А потому за рубежом почти не имеют представления о казахской литературе. А то представление, которое имеется, явно поверхностное, приблизительное. Многие популярные писатели мира (не буду перечислять имена, они и так на слуху) переведены на десятки языков миллионными тиражами. Потому-то их и знают, потому-то они и обладают престижными премиями. Все же для наглядности приведу два примера. Исторические романы Иво Андрича «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине» принесли ему мировую славу. В 1961 году за роман «Мост на Дрине» Иво Андричу была присуждена Нобелевская премия. По сведениям десятилетней давности, этот роман пережил 93 издания в разных странах Европы и Азии и переведен на три десятка языков. «Травницкая хроника» насчитывает 54 издания в переводах более чем на двадцать языков.

Или возьмем ныне безмерно модного («культового») Пауло Коэльо (честно скажу, что я его читать не могу: то ли не «мой» писатель, то ли я не дорос до восприятия его сочинений. Каюсь). Еще чернила не высохли на последней странице его очередного «шедевра», как его издают в 80 странах на 50 языках. Какова раскрутка! Как работают литературные агенты! Какова реклама! Даже у нас, в Казахстане, его «Захир» скороспело прозвучал по-казахски, и по этому поводу раздули по всем каналам такую рекламу, что чертям тошно. Даже вокруг презентации этого произведения завертелись макабрские пляски. Знай, мол, наших! Ох, и дурят народ!

Можно ли такое представить в казахской литературе? И много ли казахских писателей, переведенных хотя бы на пять – десять языков? От силы наберешь человек десять.

У нас иным произведениям присуждают государственную премию, а о них едва написан пяток хилых рецензиек, о переводах же на другой язык и речи нет. И потом недоумеваем: почему у нас почти нет всемирно известных писателей, почему нас не удостаивают нобелевской премии?!

А вот и потому! Слишком уж низкие наши показатели. Слишком пурхаемся в сугубо локальных проблемах, топчемся по исхоженным

тропкам, слабо и робко звучит наш собственный голос. И не на кого жаловаться. Пенять нужно только на себя. И не строить из себя вечно обиженных мальцов-балакаев.

* * *

И еще одну очередную болезнь замечаю в казахской литературе. Манерность, вычурность, нарочитую стилистическую усложненность, нагромождение формальных изысков, избыток фольклорных украшений, боязнь простоты, украшение методом лоскутного одеяла, строение фразы способом складывания кубиков, многословие, мнимая философичность, упоение мыльными пузырями. Увы, все эти элементы назойливо бросаются в глаза.

Не хватает благородной простоты, четкости, доступности. Убогость мысли ведь литературными финтифлюшками не скроешь. Блеск и сверк еще не главное достоинство. Знаю прозаика, который годами шлифует свои фразы, добивается безупречности, сомнительного «ыритыма» (ритма), а предложение не трогает, не волнует, не колышет, ибо оно искусственное, вымученное, замурыженное, лишенное вкуса, веса, вида. Между тем, вспомним великие произведения от «Илиады» до «Слова о полку Игореве», от «Гамлета» до «Фауста», от «Короля Лира» до «Медного всадника» – все они написаны простым, доступным языком, без выкрутасов. На это еще четверть века назад обратила внимание Новелла Матвеева. Я, конечно, понимаю, что кому-то по душе и «игра в бисер». Однако нарочитая усложненность не панацея от примитивизма. Вычурность и есть чаще всего примитивизм. Простота Пушкина полна тайны, магии и обаяния.

Вот любопытный пассаж на этот счет Эрвина Штриттматтера (когда-то он был весьма популярен в ГДР и СССР): «У кого есть хороший сюжет, может писать просто; у кого его нет, тому придется расцвечивать свой стиль. У кого есть дело жизни и план осуществления его, может молчать, у кого их нет, тому приходится болтать. Кто любит, тот любит; тому, кто не любит, приходится говорить о любви и требовать ее от других».

О РОЗЕ БАГЛАНОВОЙ

Во время церемонии вручения премии «Тарлан» я очутился рядом за одним столом с Розой Баглановой. Весь вечер мы проговорили с ней о том о сем, и я все время поражался ее открытости, непосредственности, простоте. На все происходящее вокруг в течение трех часов она реагировала живо, с блеском в глазах и похваливала-возносила по всякому поводу «айналайын ак патша». Уверяла: «Я своего белого падишаха никогда не предам! Кто сравнится с моим ак патша?! Ко мне шастают тут разные, просят подписывать какие-то бумаги. Но я этих джигитов не понимаю. Как можно предать ак патшу?! И чего им не хватает?!»

И я видел, что говорит Роза Тажибаевна искренне, убежденно. И, разумеется, спорить с ней я не собирался.

Я думал о том, что это звучное и веселое имя – Роза Багланова – сопровождает меня, можно сказать, всю жизнь. Оно, это имя, навевает добрые, светлые чувства, как весеннее солнце, как радуга на промытом дождем летнем небе, как первые тюльпаны в пробужденной казахской степи.

Я вырос в ауле на берегу Есиля. Мой отец где-то в 48–49 годах прошлого века обрел в ауле громоздкий радиоприемник «Родина». Вот тогда-то я и услышал впервые этот чарующий, раскованный, ласкающий душу голос, исполняющий немыслимую для того сурового, замкнутого времени столь простую и доходчивую русскую народную песню.

Это было неожиданно. Казалось, короста спала с души. Мы пели тогда грозные патриотические песни с тяжелыми, как булыжники в зааульном сае-овраге, словами. Мы и не предполагали, что можно петь о простом человеческом чувстве, о душевном и милом так проникновенно, так залихватски – озорно, игриво, лукаво, что невольная улыбка озаряла лица слушателей.

И стар, и млад в ауле вдруг заохали вслед за певицей, вспоминали про неведомый доселе Самара-городок, про милую девичью мольбу, которая столь доверчиво, кокетливо просила успокоить ее. Мои сверстники, сироты-интернатовцы, запели вдруг с неистовым казахским акцентом, безбожно коверкая русские слова:

Лодка донит и не донит,
Батыхонышка блывот...

А сколько других казахских и советских песен спела на своем веку блистательная Роза Багланова! И все они обладали особой целительной силой, магией, аурой, харизмой и облагораживали душу благодарных слушателей.

Певица стала легендой при жизни. Всеобщей любимицей. Символом животворящего искусства.

Я не близко знаком с Розой Тажибаевной. Встречались изредка на каких-то мероприятиях, совещаниях, общественных тусовках. Она всегда попадает в плотное окружение, ее начинают фотографировать, и я стараюсь лишний раз не лезть на глаза. Меня, скорей всего, и не знает она толком. Но еще об одном случае здесь скажу. Однажды, лет пятнадцать назад, группу певцов, музыкантов, артистов, литераторов записывали на телевидении к какому-то празднику или торжественному событию. Запись шла долго, нудно, с повторами, паузами. Мы все устали, злились на операторов и режиссеров, неприкаянно слонялись по холлу и коридорам телестудии в ожидании своего череда. Кое-кто начал роптать, ворчать, возмущаться, грозился уйти, кляня тот час, когда согласился участвовать в этом шалмане. И только Роза-апа держалась легко, непринужденно, весело цокала своими высокими каблуками, всех утешала, подбадривала, находила нежные, ласковые слова, и глаза ее при этом лучились, и лицо молодо сияло. Сколько энергии и силы, думалось, у этой изящной, хрупкой, миниатюрной женщины! Она изначально настроена на оптимистическую волну. От нее исходит свет и радость. Всем своим женским обаянием, непосредственностью, человеческой сутью и талантом она дарует людям радость, надежду и счастье.

Именно такой я воспринимаю поистине народную артистку, Халық Қаһарманы Розу Тажибаевну Багланову.

«КИПЧАКУ ГЕРОЛЬДУ ОТ КИПЧАКА МУРАДА»

Казахи любят всем выдающимся явлениям, событиям, именам и названиям давать национальную огласовку, родное фонетическое

обличье, как бы подчеркивая, что все неординарное имеет казахское происхождение. Это делается и в шутку, и всерьез. Есть артисты этих превращений. Все что угодно превратят в казахизмы, тюркизмы.

Доказывают, что Киев – күйеу (зять), Минск – міністкен (подсел), Африка – қапырық, а?! (ох, и духота), Аляска – әлі алыс па? (еще далеко?)

Ну а Петербург – Петірбор, Оренбург – Орынбор, Москва – Мәскеу, Омск – Омбы, Саратов – Сарытау, Челябинск – Шелəбі, Тамерфорс – Тамыр орыс и т. д. Был такой известный борец за мир – Эндикот Джеймс. В трактовке Альжаппара Абишева он звучал: «Енді көт жейміз». Фамилию лингвиста Бодуэн де Куртене казахи переиначили на «Бөдененің көтені». Сколько подобных примеров!

«Экспресс К» (от 22 февраля 2003 года) иронически прошелся по этой тенденции, она особенно проявилась в сочинениях Мурада Аджи – он увлеченно доказывает, что немцы XVI века шпрехали покипчакски, а в основе фамилии Коль (Kohl) лежит тюркское «көл».

Вот этимологии некоторых названий в трактовке «Экспресс К»:

Экватор – екі батыр (два батыра).
Италия – ит ел (страна собак).
Бразилия – біраз ел (много народу).
Харьков – қар көп (много снега).
Уругвай – өрік бай (богат урюком).
Аргентина – аргын (страна аргынов).
Барселона – бар сен онда (иди ты туда!).
Сальвадор – салбатыр (щеголь-батыр).

Давать казахскую окраску всем словам на свете – распространенная забава. Но некоторые относятся к ней всерьез. Этим иногда грешат литераторы, лингвисты, историки и национал-патриоты. Мой коллега Калмухан Исабаев запросто доказал, что Бельгер происходит от тюркского «белгі». Гунны, Атилла, завоевывая страну за страной, оставляли за собой «белгі» (мету), вот в одном из таких помеченных гуннами мест и появились мои далекие предки. А что, красиво! И я тем самым кровно приближаюсь к гуннам, тюркам, протоказахам. Недаром Мурад Аджи подписал свою известную книгу «Полынь половецкого поля» шутливо: «Кипчаку Герольду от кипчака Мурада».

КРИЗИС ВЫМЫСЛА

Мне давно уже кажется, что читатель (особенно в наше рыночное время) теряет интерес к художественной литературе, к беллетристике, обозначился явственно кризис вымысла. Люди охотнее читают документальную прозу, публицистику, аналитические статьи, обзоры, мемуары, дневники. Художественную вышивку (особенно постфактум) многие не жалуют, предпочитая разным художественным украшениям, финтифлюшкам, красивым штучкам-дрючкам краткий, но емкий документ, факт. Знаю казахских писателей, которые начинали как «чистые» прозаики, а потом ушли в публицисты, этнографы, культурологи, ученые. Один из них мне как-то признался: ну какой смысл читать мне четыреста страниц описаний природы, надуманных коллизий, бесконечных диалогов, проходных банальностей, затертых сравнений, чтобы на 401-й странице наконец узнать, что герой на сеновале заимел героиню?!

И в самом деле, я знаю «классиков», которые художественно оформляют то, что публицисты вдоль и поперек изъездили 15–20 лет тому назад. Ныне художественная литература должна быть сжатой, емкой, упругой, конкретной, философичной, жизненно достоверной, лишенной набивших оскомину беллетристических фигур. Кто нынче станет читать многостраничные романы, пухлые эпопеи, от которых можно опупеть? Еще Твардовский говорил, что нет такой мысли, которую нельзя было бы изложить, выразить на восьми печатных листах. Некоторые казахские писатели никак не могут это осознать и по инерции стряпают тягомотные дилогии, трилогии, тетралогии и хамсы-пятерицы.

Лидия Гинзбург писала (см. «ЛГ» от 8 июля 1990 года): «Скажу нечто еретическое: даже у Солженицына меня гораздо более волнуют его документальные, на личном опыте основанные («Архипелаг ГУЛаг», «Бодался теленок с дубом») вещи, нежели те, в которых он дает простор художественному вымыслу...»

ПРОРОЧЕСКИЙ СОН ХАНА АБЛАЯ

Пророческий сон хана Аблая в национальном сознании казахов внедрился прочно. Сон этот – своеобразная философская притча, точно отражающая казахское мировидение.

К сожалению, русский читатель о том мало что знает. Между тем, факт знаменательный.

Хан Аблай однажды поведал свой сон верному советнику, мудрому сказителю-наставнику Бухару-жырау: «Во сне я увидел возле ханского шатра могучего тигра с поникшей головой. Посмотрел я на него, а он вдруг обернулся медведем. Я даже не успел сообразить, как же это случилось, как на месте медведя появился волк. Потом волк преобразовался в лису, потом в зайца, а потом и вовсе в мелкие, ничтожные существа наподобие жаб и муравьев. О, Аллах, что бы это значило?!»

Бухар-жырау растолковал этот вещий сон так: «Могучий тигр, которого ты увидел перед шатром, – ты сам. Ты был силен и храбр, как тигр. Ты имел все – и власть, и славу. То, что тигр опустил голову, означает, что счастье-удача отвернулись от тебя. Поверни своего коня в родовую ставку. Ты должен сомкнуть свои очи на родной земле. Медведь, который тебе приснился, – это твои дети. Их ждет неприкаянная, бесприютная медвежья жизнь. Они стараются продолжать твое дело, идти по твоей стезе. Вся их жизнь пройдет в борьбе. Но их подстерегает волчье время. В степи начнется смута, и всплывут лисы. Наступят новые времена, и лисы превратятся в зайцев, а уже их потомки обернутся жабами и муравьями, и вконец измельчает твой славный род. Вот что значит твой сон, мой хан-повелитель».

Это мудрая притча. И она характеризует не только могучий и славный некогда род чингисидов. Она олицетворяет судьбу всего некогда великого, неординарного, славного. Все со временем мельчает, становится ничтожным, превращается в прах. И о том следует помнить, вероятно, всегда.

НЕУЖЕЛИ ОН «ОРОШАЛ ПУСТЫНИ КАЗАХСТАНА»?

Роман-трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот» достался очень трудно автору. Я тому свидетель. Я находился рядом с ним. Он на это произведение извел лучшие годы, работал над ним страстно, с увлечением. На мой взгляд, это вершина его творчества. Сейчас, годы спустя, можно к чему-то, вероятно, и придраться, но в свое время роман прозвучал мощно. Недаром его столько издавали, переиздавали и переводили на многие языки. Убежден, трилогия того стоила.

Но не только автор, много пота и крови потратили на трилогию и переводчики. Сколько усилий потребовалось только на ее подстрочный перевод. До меня Нурпеисов испробовал 12 переводчиков. Кто только руки не приложил к подстрочному переводу. Одних отверг сам автор, другие спасались от него бегством, не выдержав его требований. При этом с каждым «подстрочникистом» автор работал сам, сидел рядом, придирался к каждому слову, сам (будучи не силен в русской грамоте) правил, переписывал не раз и не два, искал эквивалент, тональность, ритм и интонацию (даже там, где их и в помине не было). Муторная, адская, галерная была работа. Не всегда удавалось за день вымурыжить одну страницу. Иногда едва конструировали один абзац, как автор его забраковывал. Но я выдержал, перевел все три книги, посильно потакая требованиям (иногда капризам) автора. И никогда о том не жалел, ибо прежде всего такая работа оказалась для меня хорошей литературной школой. К тому же я был тогда молод, терпелив, усидчив.

Знаю переводчиков, которые работали с Нурпеисовым. На его непосильные требования жаловались все. Ворчали. Возмущались. Строптивились. Иные дамы впадали в истерику.

К переводчикам своим Нурпеисов бывал не только строг и требователен. Иногда беспощаден. Мне жаловались на него многие. Уж на что Юрий Казаков и Петр Краснов – видные, признанные русские писатели, но и с ними Нурпеисов то и дело жестоко конфликтовал в процессе работы над переводом, тоже правил, редактировал их и навязывал свою волю. Покойный Тахави Ахтанов усмехался: «Нурпеисов самого стилиста Казакова по-русски правит». Иногда это было смешно и нелепо, но это было так. Казаков возмущался: «Ты б...б...блядь, правь свой казахский текст, а в русский не лезь».

Я, понятно, был более покладист и послушно выносил все нурпеисовские придирки. Шутка сказать, сорок один год работали рядом, бок о бок.

Знаю, многие московские литераторы жалели Юрия Казакова, считая, что он поневоле потратил свои лучшие годы на перевод «казахского бая». Видно, о том, где надо – не надо, поговаривал и сам Казаков, подчеркивая, что это он «сделал» Нурпеисова. На этом фоне, знаю, случались недоразумения между автором и художественным переводчиком. Подогревали разные слухи на сей счет Евтушенко, Конецкий, другие знаменитости. Их суждения особенно охотно раздували казахстанские недоброжелатели Нурпеисова, потирая руки и злорадничая.

Вот что писал, вспоминая Юрия Казакова, Алексей Иванов («ЛГ», 13 августа 1997 года): «А как напрасно, глупо были отданы годы жизни на Алма-Ату, где переводил он с казахского трехтомный роман Нурпеисова, который получил широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом – он оправдывался: все ради денег, на ремонт дома. Перевод тяготил его, он говорил, что ему своею кровью приходится «орошать пустыни Казахстана, зато верный заработок, верный, следовательно, хлеб и луковицы, и семена, и ремонты, и налоги, и все остальное...»

Читать это не только автору трилогии, но и мне неприятно. «Орошать пустыни Казахстана» – сказано хвастливо и высокомерно. Казаков не с пустыней имел дело, а с добротной по форме и содержанию, достойной художественной основой. Из дерьма, простите, конфетку не сделаешь. Никакому русскому стилисту-художнику это не под силу. А во-вторых, Казаков трехтомный роман с казахского не переводил (в казахском он ничего не смыслил, хотя считал, что рыбаки Арала должны выражаться русским кондовым языком, как рыбаки Белого моря), а обработал мой с Нурпеисовым подстрочник, над которым мы корпели несколько лет и который, смею надеяться, что-то из себя представлял. К тому же справедливости ради скажу, что добросовестно, основательно работал Казаков, главным образом, над первой книгой трилогии, над второй – спустя рукава, а над третьей – и вовсе тяп-ляп, заручившись гарантией автора, что «этот немец» (т. е. я) в суд не подаст. Ну а если Казаков «орошал пустыни Казахстана» своей кровью ради хлеба и луковицы, то это, во-первых, неоригинально, а во-вторых, полностью на его совести.

Сказать об этом – мой долг, ибо к этому выдающемуся творению Нурпеисова равнодушным быть не могу.

УНИКУМ АСКАР

Покойный мой друг Аскар Сулейменов был оригинальным и неординарным во всем. Он очень увлекался западной литературой, философией, музыкой. И, как мне думается, хорошо знал все эти отрасли. Имел свое суждение. О казахской литературе часто говорил свысока. Спрашивал меня: «Что творится в казахской литературе? Я уже десять лет ничего не читаю». Это была бравада. Фрондерство. Конечно, читал. Тем более, со многими казахскими прозаиками тесно общался. Но читателем он был, пожалуй, протестно-нигилистического склада. Скудоумие, описательность, дряблое многословие, отсутствие философской концепции, фольклорное украшательство, эпигонство он не терпел, зло высмеивал, отвергал, откровенно глумился. А надо признаться, казахская литература этим грешила. Грешит и поныне. Отсутствие четкого философского стержня, мировоззренческого начала, размытость позиции, претенциозное украшательство, приверженность к обветшалым традициям сковывает казахскую прозу. На вопрос: «Для чего это написано? С какой целью?» определенного ответа нет. Написано, как Бог на душу положил.

Достоевский писал брату, что от чтения Гегеля и Канта зависит вся его литературная будущность. Не примечательно разве? Вот у большинства казахских прозаиков я такого не замечаю.

ПОЛЕМИСТ МАГАУИН

Часа два читал статьи Магауина в «Жулдызе» (№ 5 за 2005 год). С чем-то можно поспорить, но полемист он дерзкий, яростный, напористый, язвительный, обладает своим ярким, своеобразным стилем, бьет размашисто, прицельно, логически убедительно, принципиален, из-

лишне не деликатничает, не жалеет своих дружков, бывших и настоящих, и ни в чем нигде себя в обиду не даст. Писатель оригинальный, строптивый, амбициозный, и позиция его достойна уважения. Но, судя по всему, в своей среде, на своей земле, среди своих соплеменников живется ему не просто. *Іші толған у мен дерт, сырты дүрдей*, как сказал Абай. Магауин органически не переносит любую несправедливость, ни за что не промолчит, не пройдет мимо. И я думаю: а каково было бы Мухтару, если бы он влез в мою, например, шкуру, как бы он вытерпел все несправедливости, обрушившиеся на мою голову за семьдесят лет? Ведь он бы свихнулся. Как же тогда жить? Где находить силы для повседневного испытания ложью, фальшью, несправедливостью, беспределом?

А вообще-то, замечаю, Магауин по всей своей психофизической организации – истинный писатель. И поэтому его душа сплошь в ссадинах, ранах, заплатах, в коросте уязвленного самолюбия. Такой личности трудно жить. А ведь так писатель, собственно, и живет. У того же, у кого душа обросла казы – жиром в три пальца, у кого шкура толста, как у носорога, – какой же он писатель?

О КАЗАХСКИХ ШЕЖИРЕ

Я всегда восхищаюсь казахскими шежире. Эти летописи, тянущиеся из тьму-темь веков, ориентируют нас в пространстве и времени и точно указывают, кто откуда произошел и что откуда взялось.

Кочевники давно уяснили: от хорошего рождается ничтожество; от ничтожества же достойное рождается крайне редко.

Наш современник, писатель Калихан Искаков афористично выразил идею: «От мусора рождается мусор. Вчерашний сопливый малец ныне обернулся мокроносым старцем».

Обижаться не стоит: таков естественный ход эволюции.

Я разделяю эту мысль, хотя она идет вразрез с большевистским кредо: «Кто был ничем, тот станет всем...»

Очень проблематично. Скорей всего, не станет.

Об этом мы с отцом постоянно жестко спорили. Он убежденно считал: воспитание и усердие (прилежание) – это все. Я утверждал:

воспитание и прилежание, конечно, кое-что, но если нет генетической основы – хоть расшибись, ничего толком не добьешься.

Отец хотел из своих детей, внуков, правнуков непременно выпестовать талантливых людей, упрямо обучал их всему, что он знал сам, но на склоне лет с великим разочарованием убедился: не получается. Это его страшно угнетало. В чем же дело? Я отцу спокойно втолковывал: «Кто был твой дедушка Генрих? Батрак. Так и не выбился из нищеты. Кто был твой отец Фридрих? Батрак. Даже умер с голоду. Кем были твои братья и сестры? Рядовые люди, жившие главным образом повседневными житейскими заботами. К тому же все сгинули в депортации, ссылке, трудармии. Многие из твоих племянников даже среднее образование не смогли получить. Ты, выходит, единственный, кто из клана Бельгеров чего-то достиг. Поднялся до уровня военного фельдшера. Так? Ну, и почему твои дети, внуки должны быть отмечены особыми талантами? Откуда? С какой стати?»

Отец соглашаться со мной не хотел. Он был прекрасный отец, хороший семьянин, добропорядочный гражданин, воспитатель, просветитель и считаться с какой-то мистической генетикой не желал.

Я приводил в пример Иоганна Вольфганга Гёте. Кто был его отец? То-то же! А дед? А прадед? А знаешь ли, что в каком-то поколении он пересекается с Гегелем? А известно ли тебе, что предком Гёте в десятом поколении приходится выдающийся художник Лука Кранах (XVI век)? Что же получается? Получается, десять поколений немцев усердной работой подготовили титана духа Гёте! Десять поколений пестовали, взращивали, лелеяли, шлифовали сей уникальный гений, чьими творениями восхищается человечество поныне!

Вот откуда что берется.

Через десять поколений протянулся бикфордов шнур, чтобы потом вспыхнуть всеми гранями таланта в личности Гёте! Вообразить это возможно?

Так же появились миру Бах, Паганини, Пушкин, Абай... Прежде чем кем-то стать, надо кем-то быть. Уразуметь это не всем под силу. Теперь жалею, что не мог тогда в качестве аргумента привести родословное древо Мухтара Ауэзова.

И его гений расцвел не в такырной степи, просто мы мало знали о предках. Да и не вписывались они в советскую систему, в соцреалистические рамки. Далеко не все в мои юношеские годы знали,

что происходят из ходжей. И не отличали их от хаджи, которых тоже смутно себе представляли. Многие годы спустя, читая исследования Турсуна Журтбаева, я уяснил, что предком Мухтара Ауэзова был Бексайыс ходжа, от него произошел – Шынходжа, от него Бердыходжа, от него – Ауэз, от него – Омархан, от него Мухтар. Вот такая «малая» цепочка, и все эти предки были славными, известными, влиятельными личностями, оставившими добрый след в сознании казахов.

Теперь вот из глубокой, обстоятельной статьи Сейильбека Шаухаманова (см. «Таң Шолпан», № 3 за 2005 год) я узнаю, что Мухтар Ауэзов приходится десятым потомком Ходжи Ахмета Яссауи, двадцать третьим потомком Ыскака баба́, двадцать восьмым потомком Мухаммеда-Канафии, двадцать девятым потомком Азрета Али (сподвижника и двоюродного младшего брата Пророка Мухаммеда), тридцатым потомком самого Пророка Мухаммеда, родившегося, как известно, в 570 году. Вот откуда тянутся родословные корни Мухтара Омархановича Ауэзова. Иначе говоря, автор эпопеи «Путь Абая» – прямой потомок Пророка Мухаммеда в тридцатом поколении.

Ну, что скажете?!

Поневоле задумаешься, в затылке почешешь: «Апырай, а! Е-е-е... вот оно что! Бәсе! Вот откуда что взялось».

Спасибо Сейильбеку Шаухаманову, который тщательно, аргументированно проследил этот трудный, диковинный и поучительный путь и просветил своих соплеменников. Надо бы, чтобы и русский читатель знал все это, дабы постичь простую истину: «Иван, не помнящий родства» – явление постыдное, и не они творят историю и культуру.

ЧТО ВЫЗЫВАЕТ НЕДОУМЕНИЕ

Хотя я, поволжский немец, и пронизан до самых пят казахской ментальностью, есть моменты, которые вызывают у меня недоумение или – точнее – неприятие. Меня всегда поражает страсть моих казахских коллег к разного рода званиям, наградам, отличиям, регалиям, чапанам, цацкам-сылдырмакам. Зачем вся эта мишура, если ты литератор? Даже во время банального застолья непременно перечисляют все его звания и награды. Попробуй не назвать! Попробуй не

предоставлять слова по ранжиру! Бед не оберешься! Я помню истерику одного почтенного поэта, которую он закатил из-за того, что ему предоставили тост после человека ниже его ранга. Боже, что тут было! Предки до седьмого колена в гробу перевернулись.

Откуда такое тщеславие? Что за амбиции? Вроде порядочный, образованный человек, а щепетильность – уму непостижимая: где сидел, среди каких «ығай мен сығай», как аттестовали, каким по счету предоставили слово, сколько минут говорил, кто оценил-одобрил по достоинству, обласкал ли ака Такойтович и еке Какойтович.

Обалдеть можно!

И среди ученого мира та же напасть. А вдруг не упомянули, что он кандидат, доцент, декан, автор пяти брошюр, награжден медалью «Астана». Скандал! Кровная обида!

Будь моя воля, я бы всем им дал лауреата, депутата, доктора да еще генерала в придачу и увешал медалями-значками от шеи до пупа. И еще шесть медалей на спину. А может, еще и коллежского асессора дать? Вспоминается повесть «Нос» Гоголя: «Коллежский асессор... Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенных рода».

В самом деле, как можно сравнивать нынешнего доморощенного доктора наук с доктором наук, защищавшим свою научную степень лет двадцать назад в Москве?

Все обесценилось!

НУ ПОЧЕМУ НЕЛАДЫ С ГОСЯЗЫКОМ?

То, что Олжас Сулейменов уж столько десятилетий увлеченно, азартно занимается сравнительным языкознанием, мне весьма понятно. Это похвальное, любопытное, актуальное и продуктивное занятие. Именно здесь исследователя ожидают потрясающие открытия. Конечно, если он опирается на науку, а не на наитие, на дилетантство, на самодеятельность, на выявление внешней схожести слов и созвучия. Иначе можно вывести разгильдяя из Оразгельды и доказать, что казахский «бауырсақ» состоит из немецких «бауэр»

(крестьянин) и «зак» (мешок). На таком уровне мало ли до чего можно договориться.

Германист Андреас Дульзон после того, как его выслали из родного Поволжья в 1941 году, занимался изучением языков народов Крайнего Севера. Он знал сорок языков. Его капитальный труд «Кетский язык» был удостоен Государственной премии СССР.

Член-корреспондент РАН Сергей Старостин доказал родственность тибетско-китайской и северо-кавказской группы языков.

Наши казахстанские языковеды-тюркологи, по-моему, потрясающих открытий не сделали. Может, Олжас Омарович на этой ниве всемерно утвердит себя?

Мне непонятно, почему крупнейшие лингвисты не воздают должное филологическим изысканиям Олжаса Сулейменова? Неужто он им не по зубам? Или Олжас их так запутал, так сбил с панталыку, что они очухаться не могут?

Охотно читаю статью и интервью академика Вячеслава Иванова. Уникум в сфере языкознания! Вот отрывок из одного его интервью («Известия» от 2 августа 2003 года): «Я совсем не полиглот. Объясняюсь на всех европейских языках. Читать могу на ста. Но это не так сложно. В мире вместе с мертвыми шесть тысяч языков, которые разделяются на сорок семейств. Крупных – всего с десяток. Последнее мое увлечение – язык тохаров. Тохары жили в китайском Туркестане».

Прочитав это, я захлебнулся от белой зависти. Апырай, а?! На всех европейских языках объясняется, на ста – читает. И при этом не считает себя полиглотом. А сорок (или больше?) процентов казахов, живя на своей земле, в своей независимой стране, уж столько лет не в состоянии овладеть родным го-су-дарст-вен-ным языком. Выделяют колоссальные деньги, организовывают повсеместные курсы, проводят семинары, пошумливают в Мажилисе, издают указы, разрабатывают планы, устраивают конкурсы, а воз и ныне там. Каково?! Только диву даешься. Я лично не в состоянии объяснить этот феномен. Однако, надо признаться, сдвиги есть. Но как сделать так, чтобы язык был в крови, чтобы сердце ликовало от мощи, богатства, образности, мелодичности и созвучности казахского речестроя, чтобы душа встрепенулась от образной выразительности казахской речи? Ведь пока не увидишь сны на казахском языке, ты его, в сущности, не освоил.

Как же это евреи после такого промежутка времени умудрились возродить иврит? Вот Ариэль Шарон говорит: «Мы привезли миллион евреев в Израиль из 102 стран мира, которые говорят на 82 языках, и все они стали говорить на иврите. К нам приехало более миллиона выходцев из России.

– И большинство из них до сих пор говорит по-русски, – замечает корреспондент.

– Они говорят и на русском, и на иврите. И выходцы из России внесли колоссальный вклад в экономику Израиля».

Почему же у нас, в Казахстане, все никак не ладится с казахским языком? Очевидно, в свое время слишком отторглись, отошли от него, истратили, потеряли веками накопленную энергию.

ГАЛЫМЖАН МУКАНОВ

В жизни я видел его только однажды, давно, на моем 60-летнем юбилее. Стройный, легкий, порывистый, возбужденный, этакий романтичный, импульсивный француз, он выбежал на сцену, обнял меня пылко, сказал пару фраз по-немецки, потом – по-французски, по-казахски и по-русски. Говорил скороговоркой, немного сумбурно, но искренне, сердечно. Первое впечатление: открытый, обаятельный казах.

Конечно, я имел представление о Галымжане Муканове, переводчике с французского и на франсэ, публицисте, исследователе, многогранном, всегда увлеченном литераторе. Позднее узнал его переводы из Клера Клермонта («Владимир и Зара»), П. Корнеля, Ги де Мопассана, Г. Аполлинера, П. Верлена, а также озвученные им на французском стихи, поэмы и прозу Абая. И публицистические его статьи – смелые, острые, актуальные – были мне знакомы. Не все и не всегда разделяли его точку зрения, но он высказывался открыто, без оглядки, вступая в полемику с теми, кого называют «национал-патриотами».

После тяжелой операции, затяжной депрессии, бытовых неурядиц, которые преследовали его особенно зло, он нашел в себе силы встать на костыли и снова творить и жить с былым азартом. Тогда-то и стал он звонить мне часто, всегда деликатно, с пиететом младшего коллеги, делился своими «планами-громадье», писал стихи, статьи,

мечтал, снова стал тем же неуемным, увлекающимся романтиком, стойко преодолевая хвори, боли и вечное безденежье. Едва получив квартиру, он задумал ее сделать литературным салоном, разработал тематику бесед с друзьями, каждый день ошеломлял меня мощными задумками, мечтая усиленно пропагандировать казахскую литературу на французском языке. Я знал: жил он трудно, нескладно, неуютно. И он стремился вырваться из круга неудач, преодолеть отчаяние и испытания. Кажется, не все его понимали. И опустошающее одиночество томило, тяготило его. А он был нежным, чутким, легко ранимым, впечатлительным человеком. Нуждался в любви, которой не было, не было...

Видел я его последний раз по телевизору в беседе с Дидаром Амантаем об Абае.

И вдруг замолк. Телефон молчал. Расспрашивал знакомых: никто ничего не знал. Странно: проходили недели, месяцы, а от Галымжана ни слуха, ни духа. Последнее, что он мне сообщил: ушла жена, забрала холодильник и телевизор. Остался один со своими костылями. Потом поделился радостью: друзья раздобыли старенький телевизор. «Пишу о Вас статью, будет в газете «Начнем с понедельника». Однажды трубку поднял сын. «Отец в больнице», – сухо сообщил он. И вдруг скорбный звонок: «Вы знали моего отца?» Я похолодел от этого «знали?». Я все понял.

Год назад он прислал мне книжку «Abai» в бордовом твердом переплете. Его переводы из Абая, осуществленные совместно с Кристианом Висанти. На двух страницах – адресованная мне теплая надпись на немецком, французском, казахском языках. Его память. Его благожелание. Его искренний салем. Как прощание.

Он любил литературу, родной язык, народ. Считал себя европейским казахом. Был радетелем большой культуры.

АНА ТІЛІ – МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК

Приехал мой младший друг Баққожа из Германии, где лечился полтора месяца, и поделился со мной своим главным впечатлением: «Народ, я понял, един. И объединяет его язык».

Я думаю: Бакқожа подметил самое главное. Это бесспорно: народ объединяет, цементирует, облагораживает, вдохновляет только язык – Muttersprache – материнский язык – ана тілі. Все остальное – любовь, сочувствие, сердоболие – исходит из этого.

Генрих Белль в своих знаменитых «Франкфуртских лекциях» говорил: «Я исхожу из убеждения, что человека делают человеком язык, любовь, сопричастность, это они связывают его с самим собой, с другими людьми, с Богом – монолог, диалог, молитва».

И вот я думаю о казахских чиновниках разного ранга. Слушаю, как говорят депутаты, члены правительства, люди из президентской администрации. Большинство из них не в состоянии монологизировать; оно косноязычит на казенном русском языке. Диалог тоже не получается, ибо один говорит по-казахски, десятеро – по-русски. Объяснения происходят на разных волнах. А уж о молитве и говорить нечего. Молитва казаха в лучшем случае абракадабра из непонятных арабских слов. Молиться казах никогда толком не умел, а ныне и вовсе разучился. Лично ко мне это тоже относится. И вот о каком единении, единстве можно говорить, если народ лишен возможности монологизировать на родном языке, вести разумный диалог и молиться от души, от сердца. Не получится! И уж, конечно, нефть, доллар, рынок, нажива никак не объединяют народ, а, скорее, разъединяют. И потому мне порой чудится, что перспективы Казахстана (и особенно казахов) по этой части сомнительны или, по крайней мере, невелики. Люди типа Мухтара Шаханова и Мухтара Магауина это великолепно чувствуют. Первый бьет во все колокола, тщетно пытаясь разбудить казахов, исключительно уповая на материнский язык, второй, постоянно взывая к национальным истокам, похоже, устал, разочаровался, переживает то, что пережил на склоне жизни Абай.

Я это прекрасно сознаю и сочувствую этому горю. Нечто похожее переживали в России, в Советском Союзе руссланддойче. И то, что они в массовом порядке эмигрировали на свою историческую родину, вероятно, спасение национальной души. Спасение ценой страшных потерь и моральных испытаний. В чем же спасение казахов? Они ведь веками живут на исторической родине. И деваться им некуда. Их спасение в одном: в сплочении, единении вокруг материнского языка. Все остальное самообман, ведущий к гибели.

Эту простую истину власть так называемой независимой страны либо не понимает, либо сознательно отмахивается от нее, ведя народ по заведомо ложному пути, отвлекая его на всякую мишуру. Лепет власти слушать иногда стыдно. Тот же Генрих Белль говорит: «Чем неограниченней власть, тем бессодержательней словарь – слов много, а смысла нет».

Или: «Политики не умеют говорить либо говорят впустую».

Или: «Словарь великих мира сего так же бессодержателен, как и словарь политиков. По меркам эстетики устной речи какой-нибудь башмачник или рыночная торговка оказалась бы, наверное, королем и королевой в сравнении с пустыми и скучными словами из запаса великих мира сего».

Истину, выраженную Генрихом Беллем во «Франкфуртских лекциях», я могу подтвердить на примерах местного колорита. Это, действительно, беда, исходящая из забвения национальных традиций и полнокровного материнского языка. Иноязычная постная жвачка выражает лишь скудоумие.

НЕГОЖЕ ОБТИРАТЬ РОТ СУХОЙ ТРАВОЙ

У меня спрашивают: что знаменательного я увидел в казахской литературе последних лет? Как бы покороче ответить?

Начну с признания: в казане казахской литературы я варюсь вот уже 44 года. Стойкое ощущение такое: наиболее бурное кипение в том казане – позади. Мощный пар валил из него, пожалуй, в 60–80-е годы прошлого века. Ныне, особенно в годы независимости, мне мерещится явный спад. Внешне все в порядке: газет, журналов, издательств много, и книг выходит если не горы, то холмы наверняка, повседневно, можно сказать, случаются шумные презентации, чаще всего с тоями-банкетами, пышными речами-словесами, однако казан уж не кипит-бурлит, а лишь побулькивает, и над ним жидкой струйкой вьется едва заметный парок.

Прежние связи-контакты как-то враз улетучились, что происходит в соседних аулах, плохо представляем, каждый скачет в одиночку на стригунке, куда глаза глядят, при этом внушает себе, что именно он

самый-самый и многие при этом искренне недоумевают: апырай, почему нет в нашем роду-племени ни одного нобелианта. Ведь столько гениев вокруг, столько орлов, титанов, непревзойденных скакунов, ярких звезд, дарабозов-биртуаров – уму непостижимо.

И все же казахи говорят: негоже обтирать рот сухой травой, то есть не стоит уж слишком прибедняться.

Буду конкретнее.

В казахской литературе бросаются в глаза две струи: казахскоязычная и русскоязычная. Так уж получилось. И особой гармониилада между ними я, к сожалению, не вижу. «Чисто» казахские литераторы, справедливо ратующие за все кровно национальное, духовное, традиционное, кондовое, вскормленное поэтическим казахским речестроем и ментальностью предков, все же, на мой взгляд, явно замыкаются в традиционных рамках, слишком застряли в прошлом, не чувствуется новаторства, рывка, прорыва. Одолевает робость перед современностью, боязнь, отсюда увлеченность событиями давно минувших дней, описанием баев, биев, беков, батыров, которых оказалось в каждом ауле пруд пруди. И еще в этих многоверстовых романах взахлеб описываются той-застолья, скачки-байга, казакшакурес, алтыбакан, состязание обжор, барымта, междоусобицы и прочие забавы номадов. Покойный острослов Калтай Мухамеджанов, бывало, говаривал: из каждого казахского романа можно выжать три-четыре ведра воды.

Разумеется, есть прозаики, которые выламываются из этого ряда, и тут следует назвать старейшину казахской прозы Абдижамила Нурпеисова, чей роман «Последний долг» снискал известность в переводах на разные языки; Мухтара Магауина, все творчество которого (вышло недавно 13-томное собрание сочинений) пронизано казахским духом, колоритом, болью; Дулата Исабекова, увлеченного современной казахской аурой, поиском новых тем и форм в прозе и драматургии; Тынымбая Нурмаганбетова, глубокого знатока аульного быта, последователя майлинской традиции, умело вплетающего в свою прозу юмор, сатиру, сарказм, политические, актуальные мотивы.

В этом ряду следовало бы упомянуть маститого Абиша Кекилбаева, Тулена Абдикова, но, к сожалению, они с головой ушли в политику и госслужбу и смотрят на литературу, как на старую жену-байбише, которая должна терпеливо ждать, пока они натешатся привередливой

токал-политикой. Из числа сравнительно молодых считаю нужным назвать здесь философа, эссеиста, романиста Дидара Амантая и прозаика, эссеиста, публициста Айгуль Кемельбаеву, критика Амангельды Кеншилика.

Чудится, однако, мне: более мобильными, ищущими, современными, интеллектуальными, владеющими разнообразием, колоритом, технологией современного письма, свежим видением, нестандартным выражением являются русскоязычные казахские прозаики. И тут я подробнее остановлюсь на Дюсенбеке Накипове, Аслане Жаксылыкове, Ермеке Турсынове.

В романе Д. Накипова «Круг пепла» причудливо смыкаются реализм и модернизм, круги условного и безусловного, минутного и вечного, совмещаясь в точке совершенства. Все его герои, реальные и выдуманные, мифически-древние и современные, инстинктивно – душой и телом, любовью-страстью стремятся жадно, неизбывно, обреченно из первозданного Хаоса к Гармонии. Роман-симфония, мучительный порыв и прорыв к совершенству, к таинству мироздания, к идеалу плоти и духа. Это очень современный роман по художественному исполнению.

Трилогия Аслана Жаксылыкова называется «Сны окаянных». Эта сага о трагедии казахов, обитавших на древней земле предков, ставшей полигоном ядерных испытаний. Автор прибег к фантастической, мифической, фантасмагорической манере повествования, к масштабной прорисовке своих героев, погруженных в метафизическое мышление, то и дело превращающихся в разных степных зверюшек в результате зловещих экспериментов.

Своеобразным получился ориенталистский, орнаментальный роман Ермека Турсынова «Мамлюк». Он замешан на истории и судьбе тюрков-мамлюков, рабов-воинов, на жизни и деяниях мамлюка Бейбарса, правившего Арабским Халифатом 17 лет, два месяца и двенадцать дней. Автор объездил арабские страны, досконально изучил историю и ментальность Востока, проникся ролью мамлюков в причудливой истории XIII века, воссоздал красочные картины той эпохи во всем ее романтическом и трагическом блеске. Энергичное, короткое, кинематографическое повествование перемежается отрывками из книг пророков, из хадисов Мухаммеда, из священных Библии и Корана. Роман еще не вышел отдельной книгой, я читал русский оригинал

и казахский перевод, написал к нему предисловие и знаю, что сейчас он переводится на арабский и английский языки.

Поэзия – в казахской литературе традиционно наиболее развитый жанр. Прекрасными поэтами казахская литература и ныне не оскудела. Вся беда в том, что они не переводятся на другие языки и существуют в локальной среде. Назову несколько ярких имен: Иран-Гаип, Темирхан Медетбек, Болат Шарахымбай, Есенбай Дуйсенбайулы. В их стихах бьется пульс нашего сложного времени. Стихи их упруги, мускулисты, актуальны, по-хорошему строптивы, гражданственны.

Критика, пожалуй, самое слабое звено в казахстанской литературе.

Верны избранной стезе Сайлаубек Жумабек, Шериздан Елеукенов, Владислав Владимиров, Виктор Бадиков.

Особняком стоят признанные интеллектуалы, культурологи, философы, общественные деятели Мурат Ауэзов и Ауезхан Кодар.

Из представителей национальных литератур назову корейца Лаврентия Сона (недавно вышел его двухтомник), русскую Ольгу Шиленко, немку Елену Зейферт. Их читают, их знают, о них спорят. Они активно участвуют в литературном процессе.

Как видите, вместительный казахский казан не опустел и огонь под таганом не потух. Казахскоязычная и русскоязычная литературы в Казахстане – две струны одной домбры. И хотелось бы, чтобы две ветви одного дерева, две струи одного источника теснее сплелись, слились в постижении вожделенной гармонии.

ОСЕНЬЮ 1944 ГОДА

Среди старых бумаг наткнулся случайно на пожелтевший клочок, исписанной мною аккуратным мелким почерком с несколькими карандашными пометами. Вспомнил: наверняка лет двадцать назад писатель Абдижамил Нурпеисов, готовясь к какому-то выступлению, описал один военный эпизод, я его тогда перевел на русский язык, автор внес незначительные исправления, но выступление, видно, не состоялось, и эпизод этот, кажется, так никогда и не прозвучал. Между

тем он важен для биографии писателя, и я решил его озвучить в первозданном виде. Вот этот текст:

«Это у меня с детства: не могу, ну просто физически не в состоянии глядеть на то, как режут скот. Пусть сколько угодно говорят, что у них, у животных, нет такого высокого организованного сознания и чувства, как у нас, у людей, и пусть не умеют они так переживать, как мы, но ведь тоже, да, да, тоже наделены от природы благородным и неистребимым инстинктом самосохранения и самозащиты, не лишены, должно быть, сострадания, так же стремятся жить и бороться за свою жизнь и так же озабочены своим потомством – не хуже, пожалуй, чем люди.

Понимаю: рассуждения мои наивны и, может, даже сентиментальны, но, как бы там ни было, абсолютно убежден, что нормальному человеку должно быть очень и очень не просто поднять руку на любое живое существо, если оно само не представляет угрозу или опасность.

Провожу параллель с одним случаем, который довелось пережить лично.

Осенью 1944 года, как только наша пехота, бросившаяся в атаку, сходу форсировала небольшую речку Виэпке, разделявшую Латвию от Эстонии, мы, артиллеристы, также немедля выбрались на тот берег. Группа из четырех-пяти человек под начальством майора Синяковского, замкомполка по политчасти, заняла окопы, из которых только что вышибли гитлеровцев. Заметив в траншее раненого и насмерть перепуганного немца, майор Синявский на мгновение застыл. Раненый судорожно вытащил из кармана фотографию и, с трудом ворочая онемевшим языком, пролепетал что-то, умоляя, видно, пощадить его ради своей фрау и деток.

«Прикончи!» – глухо бросил мне майор и побежал по окопу дальше. Я замешкался, будто оцепенел. Синявский обернулся: «Кому сказано?!» Так и не решившись исполнить его приказ, я буркнул шедшему вслед сержанту Качурину: «Выполняй!» и, отвернувшись, побежал. За спиной раздался короткий треск автомата. Я не осмелился спросить Качурина, прикончил ли он раненого немца или выстрелил в воздух. И не знаю этого по сей день, хотя и прошло уже сорок лет. Сколько невинных людей загублено за это время в разных уголках земного шара, пресыщенного произволом, насилием и жестокостью! И, зная, созна-

вая все это, я, однако, и поныне не в состоянии забыть тот случай, произошедший в окопе за речкой Виэпке. Стоит перед глазами тот раненый немец, вымаливающий пощаду. И сейчас еще мне хочется думать, что сержант Качурин все-таки выстрелил тогда в воздух. И еще думаю: что испытывал в тот момент майор Синявский? Жалость? Или хотя бы сомнение?

Вспомнились ли ему при взгляде на фотографию собственные дети и жена там, в далеком тылу? Сжалось ли хотя бы на миг от сострадания его сердце? Ох, не знаю... не знаю... Вряд ли в той войне не было больше таких замполитов, как Синявский. И потому никак не могу я понять тех критиков, которые каждый раз безапелляционно твердят о «клевете», об «искажении истины», едва речь касается сомнительных человеческих качеств иных горе-руководителей, подвизающихся на политическом, идеологическом фронте, будто пост политического руководителя любого ранга – уже гарант его непогрешимости. Люди есть люди».

БАУКЕ. «ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ»

Эту невзрачно изданную книжку можно читать с любой страницы, и от ее энергичного текста, беспощадно правдивых слов, резких суждений, тонких наблюдений, афористических мудрых выражений вскипает кровь, душу охватывает волнение, живой отклик, отзыв озаряет дремлющее сознание читателя.

Прямота и напористость слога никогда не оставляет равнодушным. Книга-огонь. Книга-набат. Книга-колокол. Исповедь воина. Дух борца. Пафос гражданина.

Книга называется «Психология войны». Автор – легендарный Бауржан Момыш-улы.

Каюсь: только недавно я сподобился ее прочитать. Конечно, я был наслышан об этих лекциях, прочитанных в январе 1944 года гвардии полковником Бауржаном Момыш-улы группе казахстанских интеллигентов. Приходилось читать и выдержки из этих лекций и разные ссылки на них. Вообще, меткие слова Бауке давно растащены на цитаты, афоризмы и эпиграфы. Они поистине стали крылатыми.

Теперь я ознакомился со всей стенограммой той уникальной лекции (Алматы: «Казахстан», 1996). Понятно, я далек и от тематики, и от того времени, когда читались эти лекции. Представьте: Бауке 43 года, он легендарный воин, его имя у всех на устах. В свойственной ему манере – резко, лаконично, образно, нестандартно и абсолютно правдиво – он рассказывает о том, что видел, пережил, перечувствовал, осмыслил на кровавой бойне под Москвой. И внимают ему Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Ахмет Жубанов, Бек Сулейменов, Алькей Маргулан, Григорий Рошаль и другие знаменитости Казахстана.

Мне же, пишущему эти строки, шел тогда десятый год от роду, и я только пошел во второй класс аульной казахской школы.

Как давно все это было! И какие уникальные личности, какие титаны духа жили, боролись, творили на земле Казахии, где волей судьбы очутился и я.

Вот об этом мне и подумалось, прежде всего, когда я начал читать «Психологию войны» славного казаха, с которым, годы спустя, мне посчастливилось встречаться, слушать его, накоротке общаться, восхищаться и даже писать о нем.

Дар судьбы. Иначе не скажешь. О Бауке написаны горы книг и воспоминаний. Он обладал неотразимой харизмой, был во всем оригинален, ни на кого не похож, непривычен, многим неудобен, непредсказуем, порой непонятен, непостижим, загадочен. Его любили, обожали, нередко побаивались его взрывного характера, темперамента и натиска, высокие чинуши от него шарахались, ибо он мог сказать в глаза публично, при всех такое, о чем простой смертный и в мыслях допустить бы не посмел. Целился он не в бровь, а в глаз. Выражался круто, сыпал стихами, поговорками, пословицами, образными речениями и адекватно переводил на русский или казахский языки.

В доказательство можно привести уйму примеров из тех давнишних лекций. Я ограничусь здесь лишь несколькими его фразами-упреками, которые он обрушил в 1944 году на головы казахстанских писателей. В этих фразах весь и подлинный Бауке.

«Кто из вас из какой части и к какому роду оружия (поэзия, проза, драматургия и т. д.) литературного фронта принадлежит? И что эта часть и вы, как солдат, делаете для военного и трудового фронта?

Кто из вас подарил солдату хотя бы подснежник, лепесток, дикорастущий тюльпан, не говоря о культурной розе и целом букете из цветов, которые предоставили бы бойцу радость, и вдыхал бы он приятный аромат поэзии?

Кто из вас рассказал солдату юмористический рассказ, вызывающий хотя бы улыбку на его суровом лице, не говоря о смехе, хохоте, столь необходимом для солдатской души и для победы, как пуля, штык и прочее оружие?

Кто из вас написал полную горечи, народного горя, гнева, ненависти к врагу трагедию войны, очерк (или как там у вас называется в литературе), разжигающий душу бойца пламенем ненависти, призывающий его к беспощадной мести, мщению злом за зло, смертью за смерть и кровью за кровь?

Кто из вас отшлифованным, сжатым, простым, понятным, полным художественной силы, доходчивым до бойца языком написал о жизни, счастье, любви, о семье, о совести, о человеческом достоинстве, гордости и чести, способствующем перебороть чувство страха, ограждая себя от чувства стыда, низости и позора?»

И таких резких, как удар хлыста, суровых, обличительных вопросов «Кто вам сказал?...» Бауржан Момыш-улы приводит шестнадцать, и сам тон, сама формулировка этих вопросов звучат по-граждански мужественно и актуально по сей день. Такова планка требований Воина, Защитника народа к литераторам, забывающим о своем главном назначении, о своей творческой миссии.

И в этих вопросах завет и урок незабвенного гвардии полковника.

Читая «Психологию войны», я нет-нет да ловлю себя на мысли: как бы нужен был Бауке сейчас, в наше время! Какие бы он ставил вопросы и задачи перед своими погрязшими в тенетах равнодушия и самодовольства соотечественниками! Как бы он подстегнул своим раскаленным словом чинуш, хвастунов, рвачей, хапуг, лжецов и подхалимов! Какие бы честные и прямые ответы дал бы он на «проклятые» вопросы нашего бытия!

Что и говорить, такие люди, как Бауке, украшают, облагораживают, наполняют смыслом жизнь в любую эпоху. Дефицит подобных личностей мы ныне в Казахстане ощущаем повседневно особенно остро. Так и стоит перед глазами пожилой, неукротимый, своенрав-

ный Бауке. Вот он нацелился орлиным взглядом на трепача-демагога на трибуне, встрепенулся, встопорщил усы, грозно выставил на него свою трость и, выждав паузу, завладев вниманием огромного зала, зычным, как рык, голосом пригвождает его к месту: «Эй! Не юли! Не выкручивайся!»

Он это умел, как никто. Я тому свидетель. И жалею, что ныне на такой поступок никто не отважится. Да и у кого есть ныне такое моральное право в стане пигмеев и прытких косаяков?!

Легенд и разных россказней о Бауке море. Он сам творил эти легенды, давал повод для обывательских разговоров. Обычные мерки к нему не подходили. Он выламывался из стандартных рамок и норм поведения. Но в душе, как я понимаю, он был глубоко одиноким, страдающим человеком. Даже из близкого окружения не все его понимали. Видели, главным образом, его эпатажные выходки и поступки. Потому судачили о нем на все лады, не чувствуя легко ранимую душу сурового воина.

Сын его, Бахытжан, приводит в блестящем послесловии к «Психологии войны» исповедальное признание отца. Вот оно:

«Я прошел свой жизненный путь без жалоб, пытаясь понять мир обычного человека и мир звезд. Среди звезд, где нет мелкой возни, мне дышалось легче. Может, поэтому я любил и звезды на своих погонах. Но мне было душно и тяжело среди тех людей, которые делают все, чтобы истину превратить в ложь, а неправду выдать за правду, не желая или не умея выбраться за границы фальши. Они принимают вид знающих и понимающих, имея в себе только чужие знания, чудовищно искажая их и применяя только для корысти. В их среде имеет хождение черная улыбка авгуров, но когда им попадается истинно знающий, имеющий собственные мысли, следующий путем чести, они высмеивают его и топчут, злобно преследуют, клевещут на него, чтобы скрыть свою истинную сущность, имя которой – невежество. Жаль нищих!»

И еще одно признание Бауке:

«Если ты на пути к цели, то даже неудачи будут превращаться в удачи. Главное – достойную ли цель поставил перед собой человек».

Таков аманат-завет Бауке. К его незаурядной личности, к его могучей фигуре, надеюсь, потомки будут обращаться еще долго. Во имя поддержки спасительного нравственного начала.

Повторюсь: отсутствие Бауке сильно ощущается в наше время, в нашем обществе. И голос его гипотетических последователей звучит слабо. И, видно, есть настоятельная потребность читать заветы-назидания легендарного казахского воина почаще. Такие мысли роились в моей голове при чтении его давнишних лекций под названием «Психология войны».

КАЮМ-АГА

Мне пока неведомо, как сложится судьба этой рукописи, но я очень хотел бы, чтобы она стала книгой. В том, что это будет полезная, поучительная, познавательная книга, я не сомневаюсь.

Хочется надеяться, что противные человеческому естеству слова «репрессия», «депортация», «ГУЛаг» понемногу вытравливаются из сознания наших сограждан. И хотя в нынешнее наше время, скорее всего, беспамятные и еще недавно знаменательные тропы быстро зарастают травой забвения, я полагаю, что казахи, склонные изначально свято почитать свою историю и предков, не забудут своих славных сынов-азаматов, к которым, бесспорно, относится и поэт, ученый, педагог-наставник, гражданин и патриот Отечества Каюм Мухамедханов.

Об этом человеке написано немало. Он является одним из блистательных и признанных нравственных и интеллектуальных авторитетов нации. Грани его яркого таланта, линии его гордой, мужественной, полной невзгод и страданий, духовных взлетов жизни в какой-то мере отражены в книге «Слово о Каюме», с благодарной любовью изданной его детьми. Данную рукопись с пока еще не определившимся названием следует рассматривать как закономерное продолжение той книги воспоминаний. Здесь вниманию читателя предлагается самый трагичный этап долгой жизни Каюма Мухамедханова – его лагерный период, в котором наперекор судьбе он сохранил Человечность, Дар, любовь к жене, детям, людям. Гипотетический читатель убедится в том, прочитав его стихи, переводы, письма, свидетельства, горькие и суровые документы, характеризирующие то сложное время.

Именно в этом я вижу пафос книги. Ее достоинство. Ее память. Ее уроки. Для нынешних и грядущих поколений.

Понимаю: некоторые документы той эпохи и поныне – полвека и более спустя – не всем по нраву. Страх прошлого и мелочный эгоизм (пендешілік) обволакивают души. А вдруг обидятся потомки отнюдь не славных мужей? Но что делать? Историю грешно, преступно камуфлировать, редактировать, переписывать, отрихтовывать по конъюнктурным и ложно понятым этическим соображениям. Правду необходимо знать, если мы хотим иметь дело с духовным прогрессом народа. И именно в этом заключается один из нравственных поступков Каюма Мухамедханова.

Я знавал Каюма-ага, встречался и беседовал с ним, в моей душе живет светлая память о нем, я знаком с его творчеством, глубокими исследованиями, считаю, что жизнь и деяния его – немеркнущий пример служения родине и народу. Я воспринимал его как последнего из могикан, как наследника великих сынов «Алаша», как одного из последних представителей абаевской школы.

Очень надеюсь, что эта рукопись, собранная и составленная с любовью и тщанием, увидит свет и станет достоянием благодарных читателей.

СУЖАЕТСЯ СФЕРА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Весь день приставал я к грамотеям-аксакалам, расспрашивая про «жеті амал» (семь примет времени). Что, мол, означает:

күннің тоқырауы;
қарашаның қайтуы;
үркердің батуы;
киіктің матауы;
тоқсанның кіруі;
мұздың қатуы;
айдың тоғамы.

Думали, рассуждали, толковали, строили догадки. Среди аксакалов были философы, писатели, биологи, дипломаты, военные, журналисты, зоотехники, переводчики. Все, понятно, выходцы из аула.

Некоторые сразу махнули рукой: дескать, знать не знаем. Где выкопал? Наверняка какие-то областные, региональные словечки... И лишь

двое предложили вразумительные версии – хотя и противоречивые. Сошлись на том, что это древние этнографические понятия.

И всем стало грустно: сужается сфера казахского языка, бесследно исчезают, растворяясь в дымке прошлого, многие казахские слова.

И в связи с этим литератор Есенгельды Ж. рассказал мне один случай. В 1946 году он сдавал экзамен М. О. Ауэзову по фольклору. Попался билет о Козы Корпеш – Баян сулу. Обрадовался: «Ох, разойдусь! Наговорю с три короба». Действительно, ответил хорошо. Ауэзов остался доволен. А в конце сказал: «Енді бір сұрағым бар. Балалары тумай жатып атастырған құдаларды не дейді?» (По-русски: «Теперь ответь. Как называют сватов, сосватавших своих детей еще до рождения?») Тут Есенгельды и сел. Никак не может вспомнить. Ауэзов рассердился. «Неужели из уст отца, дедов никогда не слышал? Неужели не слышал на моих лекциях?!» Нет, никак слово не вспоминалось. Ауэзов возмущался все больше и больше. «Скажите, ага, – взмолился в растерянности Есенгельды. – Я запомню на всю жизнь. Клянусь!» «Пәле! – воскликнул в досаде Ауэзов. – Он еще клянется!». И, смилостивившись, ответил: «Называются такие сваты ежекабыл – белкұда».

Есенгельды запомнил это на всю жизнь.

13 февраля 2002 года

АБЕКЕ ЖАЙМУРЗИН РАССКАЗЫВАЕТ

Аксакал Абеке (Жаймурзин) рассказал мне один случай, связанный с Мухтаром Ауэзовым.

Как-то они ехали поездом в Москву. Ауэзов вдруг говорит.

– Осы Ондасынов кітап оқымайды ғой деймін. (Ондасынов, видно, книг не читает.)

– Қой, неге? (Что Вы, почему?) – возражает А. Ж. – Мемлекетті басқарып отырған адам. (Он ведь государством руководит.)

– Мен саған бір жағдайды айтайын... (Расскажу-ка тебе про один случай...)

И далее Ауэзов поведал своему спутнику, как однажды Ондасынов пригласил его к себе и стал обстоятельно рассказывать, как был не-

давно у Ворошилова и тот якобы поинтересовался: «Как Ауэзов? Над чем работает? О, он классик мирового масштаба. Ему надо создавать все условия для работы».

Сам же Ондасынов при этом ни слова о романе Ауэзова не сказал.

Проходит время. Стало известно, что однажды Фадеев зашел к Сталину и сообщил, что есть такой писатель Ауэзов, написавший роман «Абай». Сталин молча открыл ящик стола и показал Фадееву том «Абая».

Через некоторое время Ауэзова снова приглашает Ондасынов и сообщает, что был в Москве у Кагановича и тот выразил восторг по поводу «Абая» и заметил: надо бы снять многосерийный фильм по этой книге, чтобы весь мир узнал, какой народ живет в Казахстане.

И, рассказав об этом, Ондасынов и на этот раз ни словом не обмолвился о том, что сам читал «Абая».

И Ауэзов недоумевал: «Апырай, мою книгу читают Сталин, Ворошилов, Каганович, и только у Ондасынова нет времени ее читать!»

– Соған қарап ойлаймын ғой: осы Оңдасынов кітап оқымайтын шығар. (Потому-то и думаю: наверное, Ондасынов книг не читает.)

12 февраля 2002 года

РАВИЛЬ – СЫН ШАЯХМЕТОВА

Литературовед Есенгельды Ж. вспоминает, как одно время был близок с сыном Шаяхметова Равилем. Однажды он спросил:

– Ты ведь сын Первого секретаря республики. Наверное, как сыр в масле катался?

– Нет, – ответил Равиль.

– Как так?

– Нас в семье было шестеро. И жили на зарплату отца. Бывало, пайки получали. Не разгуляешься. Стол был скудноватый. Иногда мы, дети, хныкали: хотелось чего-нибудь вкусненького. Отец тогда говорил: «Хлеб есть? Есть. Масло есть? Есть. Вот намажь на хлеб масло и поешь. Вкусно! А запивай чаем».

Так жили. Казенный паек. Казенная квартира. Одна зарплата. Когда мать зарежет курочку – праздник.

Потом я подрос, – продолжал свой рассказ Равиль. – Обзавелся своей семьей. Подрастали дети. И у меня за дастарханом негусто. Бывало, дети хнычут. И тогда я повторял отцовские слова: «Хлеб есть? Есть. Масло есть? Есть. Вот намажьте на хлеб и поешьте. Вкусно! И запивайте чаем».

ГОСТЬЯ ИЗ СТАМБУЛА

Она обратилась ко мне по телефону. Милый девичий голос. Беглая казахская речь с сильным турецко-английским акцентом. Да, да, она турчанка. Из Стамбула. Третий год учится в аспирантуре Индианского университета США. Изучает проблемы оралманов. Читала мои статьи в казахской периодике. Хотела бы встретиться. Если это, конечно, возможно.

Отчего ж. Возможно. Только во время моей прогулки.

Встретились через неделю. У памятника Чокану. Симпатичная, открытая смуглянка с рюкзачком за спиной, улыбчивая, отзывчивая, сразу расположила к себе, и я сорок минут рассказывал ей об оралманах – казахских, германских, израильских. Она усердно строчила в тетрадке, кивала аккуратной головкой, щедро улыбалась безукоризненно белыми зубами, изумлялась, переспрашивала какие-то слова.

Закончив свою импровизацию, я попросил:

– Теперь, айналайын, расскажи о себе.

Она, все так же мило улыбаясь, доверчиво поведала о своем житье-бытие в США, об университете, о профессорах, об интересе к казахскому, киргизскому, узбекскому, туркменскому языкам, о тамошних нравах-манерах, о грантах («о, на все хватает», «жетеді, жетеді»), об условиях, об университетском парке, в котором она по утрам совершает пробежку... Что там говорить! Все ей по душе, все нравится. Окончив аспирантуру, она вернется к родителям в Стамбул и будет преподавать этнологию, политологию, культурологию.

Зовут ее Үшік. По-турецки это означает Жарқын (ясная, светлая).

– Жақсы, айналайын Үшік. Да будет ясной твоя душа, светлым сердце! Уже месяц ты в Алматы. Гость мало гостит, да многое подмечает. Какие у тебя сложились впечатления о нашем городе?

Гостья нахмурила бровки.

– Знаете... тяжелый город. Слишком много машин. Нагромождение зданий. Теснота. Для людей места нет. Грязновато. И – дороговизна. О, очень, очень все дорого! Здесь мне денег нужно в два раза больше, чем в штате Индиана. И квартира, и продукты, и все товары, и разные услуги – ой, қымбат, қымбат! Я не знаю, как здесь вообще живут. Ни в Турции, ни в Америке такой дороговизны не встречала.

И еще: я снимаю квартирку в районе КазГУграда. Меня удивляют студентки. Они приезжают в университет, как на дискотеку: разнаряженные, растелешенные, обвешанные әлем-жәлем побрякушками. Я не вижу в их руках книг, сумок, рюкзаков. Странно! Учатся ли они вообще? Я приехала практиковаться в казахском языке. Но на улице, везде я слышу только русскую речь.

– А по-русски не говоришь?

– Чуть-чуть понимаю, но говорить не могу.

– В американском университете учатся серьезно?

– О, да! Там студенты и аспиранты со всего мира. И все приехали за знаниями. Вчера у вас в библиотеке встретила одного американца. Он тоже специализируется по казахскому языку. Так интересно!

– Выходит, Үшік, турки и американцы изучают казахский, а казахи вполне обходятся русским?

– Да, я обратила на это внимание. Очень странно! И я понимаю, что для оралманов это одна из серьезных проблем.

– Ну, успехов тебе, айналайын. Дарю на память о нашей встрече единственную мою казахскую книжку «Мұнар тау». При случае позванивай. Может, еще встретимся...

– Рахмет, рахмет, Бельгір мырза...

Дней через десять она – как обещала – позвонила еще раз.

– На рассвете улетаю. Еще раз вас благодарю за беседу, за книгу. На следующий год, думаю, буду снова в Алматы. Тогда и встретимся. На том же месте. ладно?

– Договорились, милая! Счастливого пути!

КАЗАХСКИЕ АССОНАНСЫ

Казахи охотно и мастерски прибегают в устной и письменной речи к созвучиям. «*Сылдырлап өңкей келісім*» – говорит Абай о звучной гармонии. Казахский речестрой обожает, когда в словах подчеркивается созвучие гласных – ассонансы.

Тут казахи – непревзойденные мастера. Звучание слова у них идеально. Слова должны сочетаться в созвучии, перекликаться, высвечивать друг друга. Таковы правила красноречия.

К Айтматову, например, нужно подобрать определение, в котором звучали бы те же гласные. Тогда лишь это эффектно. Казах говорит:

– Адамзаттың Айтматовы. (Вслушайтесь: как звучит! Как пафосно, торжественно, величаво, велеречиво!)

Буквально по-русски: Айтматов человечества. Но по-русски гласные «не играют».

Или:

Шығыстың Шерханы (здесь играют согласные. Смысл: Шерхан Востока);

или:

Әлемнің Әбдіжәмілі (Абдижамил мира);

Алаштың Асанәлісі (Асаналы шестиколенного Алаша);

Қазақтың Қалтайы (Калтай казахов);

Әлем таныған Әлімжанов (Алимжанов, признанный миром);

Дүниенің Дүкенбайы (Дукенбай мироздания).

Примеров много. Иногда это звучит так выспренно, претенциозно, что невольно воскликнешь: «Пай-пай!» «Ах-ах!» Примерно как русское: «Отец Онуфрий откликнулся: “О, окаянная Ольга, отдайся!”». Но у казахов получается не нарочито, а по естественному закону ораторского жанра.

СТЕПЬ

Психику, мировидение и духоустройство казаха, конечно же, формировала веками степь. То, что в этом я лично убедился, – ровным счетом ничего не значит. На эту сторону казахского духа неизменно

обращали внимание еще в древности многие путешественники. Но лучше всех о том, по-моему, сказал Чокан Валиханов. Вот что он писал в дневнике поездки в Кульджу:

«Совсем другой ландшафт, другая природа окружает степняка. Там свобода, счастье и между зверями и птицами Божьими. Широкая река или необъятное озеро тихо струят свои гладкие и светлые воды; утки, гуси, лебеди гордо плавают на водах, поднимают гомон, шум, но все это дружно. Никто никому не мешает. Легкая чайка роскошно купается в лазури небес. Степной жаворонок поет свою песню на высоте и сладко трепещет крылами. Во всем беззаботность и лень. Беспредельная, как море, степь покрыта тысячами разных трав, бедные цветочки, тонкие и мелкие, расстилаются зеленой скатертью. Ветер ли пробежит – ровно зарябит, и тихо зашумят травы. Всюду жизнь: пчелы, бабочки парят с цветка на цветок. Я сам степняк и увлекся степью, но пора обратиться к предмету».

Какая живопись, однако, какой слог, какая любовь к родной степи!

И вот вывод Чокана Валиханова:

«Только степняк может знать цену золотой лени, он только может жить без горя, без печали, не думая о будущем… Только степняк может быть беззаботно счастлив. Он знает цену наслаждению покоем».

Все эти достоинства и качества степняка можно только расписать, расцвечивать, детализировать, наполнив конкретными примерами и штрихами на широком полотне, на страницах сказа-эпоса, как это волшебно, грандиозно сделал Мухтар Ауэзов.

ЛУПОГЛАЗОЕ ЛИХО

Есть такое казахское выражение: «Не тронь меня, лупоглазое лихо, и я тебя не трону».

Некоторые эту сомнительную мудрость возводят в кредо, в руководство поведения. Говорят: «Ох, и хитер же я! Живу – ни нашим ни вашим. Не высовываюсь. Телепаюсь посередке».

Для меня это совершенно неприемлемо. В такой формуле бытования есть привкус подлости. «Телепаться посередке» – не моя позиция. Как же я обрадовался, прочитав в эссе Альбера Камю «Творчество и

свобода» четкие слова: «Промолчать нельзя, надо быть за или против». Главное – не молчать. А наша беда: мы – общество молчунов. Говорим: «Э, ладно... Что будет, то и хорошо. Без нас решат. Все в воле Создателя. Кто промолчал – от беды ушел. Лучше ничего не знать. И держать язык за зубами. "Знаю" – много слов, "не знаю" – одно слово. Сиди в тени и любуйся маревом в степи».

От молчунов рождаются раки-отшельники, тихие эгоисты, блюдолизы, задолизы, пятколизы, по выражению Мухтара Шаханова, и прочие «продукты».

О каком гражданском обществе может идти речь, если мы не «за» и не «против»? Ты не гражданин, а курица, которая, согласно казахской поговорке, клюет просо с чьей-то руки.

ЗА ТОЕМ – ТОЙ!

Казахи склонны к шумным, многолюдным тоям. По любому поводу казах затевает пиршество. Богатое или не очень – по обстоятельствам. Но непременно от души, щедро, с размахом. И казах, поелико возможно, старается не пропускать ни одного тоя. Обязательно пойдет, куда приглашают. Иногда пойдет и без приглашения, ибо знает: никто не осудит. «Незваный гость хуже татарина» – это не казах придумал. Той есть той. Разделить чью-либо радость – никогда не помеха. Казах любому гостю рад. Гость – божий посол. Не откажется казах и от сорокадневного тоя. О том красочно говорится в эпических дастанах. Казах на тое пирует от души: ест за троих, пьет за четверых, поет-веселится, говорит длинные, витиеватые тосты, совершая экскурсы во времена не только батыров, биев, беков прошлых столетий, но добираясь зачастую до Адама и Евы, которых он воспринимает как дальних родичей. Сидеть за обильным дастарханом пять – семь часов подряд – для казаха и ныне норма.

На той никакого времени не жалко. Не жалко и здоровья, хоть оно и у казаха не железное. На той спешат все – и немощные старики, и несмышленые дети. И честолюбивые джигиты, и добропорядочные, скромные молодки-келиншеки. По казахской поговорке, и черепок на той катится.

«Хорошо это или плохо? – задавался я, бывало, вопросом. – Достоинство или недостаток?»

И пришел к однозначному выводу: хорошо! И, конечно, достоинство, заповеданное и освященное предками.

Казах не любит одиночества. Одиночество свойственно лишь Творцу – Создателю. Казаху в беспредельной степи скучно. Он по натуре человек любопытный и компанейский. Любит общаться, говорить-гутарить, песни петь, на домбре, кобызе играть, айтыс затевать, радоваться, жен, детей любить, делиться всем с ближним. Он найдет способ, чтобы быть вместе. А вместе весело, интересно. И в этом заключается жизнелюбие и жизнестойкость казаха. Он, прежде всего, не индивидуалист, как человек Запада. И в этом сила и притягательность казаха.

Правда, из-за этого своеобычия он рискует отстать от кочевья Времени. Ну и пусть! У Времени в плену только те, кто спешит, торопится. А спешить-то, собственно, куда? Спешка – шайтаново дело. Для работы достаточно человеческого времени. Пусть немцы работают. Или евреи и корейцы. У них о времени другое понятие. Казах вполне довольствуется божьим временем. И этим надо дорожить! Казах это инстинктивно сознает. И он прав! Ей-ей, прав! И потому пусть тоев будет много-много! И пусть за тоем следует той! – *Той-тойға ұлассын!* – самое благое пожелание. И на этом человеческом пиру казах вечен. Да будет так!

О КУЛЬТУРЕ ТРУДА

Покойный Зейнолла Кабдолов, писатель и академик-литературовед, часто вспоминал одну фразу Мухтара Ауэзова: «О, он обладает культурой труда!». В устах Ауэзова это была высшая похвала. О том мне рассказывал и Габит Мусрепов.

Культура труда для Ауэзова – отменного труженика была высшим достоинством и мерилом человека.

Увы, насколько я замечаю, у нас в Казахстане по этой части хвалиться нечем. Культура труда очень низка, и это видно на каждом шагу.

...Вот чинят напротив моего дома дорогу, накладывают вокруг люков заплатки. Собственно, суетятся трое-четверо в оранжевых куртках. Один орудует с ломом, один – с кайлом, третий – с лопатой, четвертый расставляет тумбы – заграждение. На обочине руководят работой семеро в кожаных куртках, плащах. У каждого возле уха мобильник. Видно, начальники. Куда-то заполошенно звонят, дергаются, отдают распоряжения. С другой стороны обочины возле машины стоят еще четверо и тоже что-то орут. Заплаток три. А возни-то, суеты, крика и ора, будто асфальтируют всю степь. И это труд? И это культура?

...На площадку возле памятника Чокану подвезли работников «Зеленстроя». Из автобуса высыпало 15-20 мужиков и баб с лопатами, тяпками, метлами. Принялись подкапывать клумбы, чистить газоны. Все двадцать работников толпятся, озабоченно тюкают тяпками, базарят, садятся на скамейки, покуривают, подкрепляются, пьют воду. И клумба, и газон – крохотная площадка. Один мой отец вычистил бы все это за полчаса. А тут двадцать человек возятся часа два. И вся работа с гулькин нос. Результат близок к нулю. Но зарплатой, конечно, эти славные труженики недовольны.

И это работа?

...Недалеко от моего дома прорвало канализационную трубу. Два дня била из-под земли вонючая вода, растекалась по ближним арыкам. На третий день приехала ремонтно-аварийная бригада, смотрела, прикидывала, соображала, принюхивалась. Человек двадцать. Три машины. Судили-рядили. Пригнали бульдозер. Начали рыть котлован. Бульдозер ревел-надрывался. Треск, гул, рев стояли на три квартала. В кабине бульдозера сидел один мужичонка в телогрейке. Вокруг котлована весь день стояли, покуривали, говорили по мобильникам важные чины в кожаных пальто, в костюмах, при галстуках, в шляпах. Рядом выстроился косяк иномарок. Время от времени покрикивали:

– Иван Андреевич! Левее! Правее! Глубже! Еще один ковш!

Начальство на иномарках временами исчезало, снова появлялось. Бульдозер надрывался, трясся. Котлован становился все шире и глубже. Начальство в кожаных пальто, сунув руки в карманы, деловито и озабоченно наблюдало. Работал один Иван Андреевич. Дюжина начальников молча глазела.

Еще через день трубу заменили, бульдозерист закопал котлован. Дюжина начальников руководила.

Такая вот культура труда.

...Школу рядом с моим домом ремонтировали два года. С утра до вечера ор стоял – чертям тошно. Кричали на аульный лад, как в степи. До хрипоты. Не жалея глоток. Только и слышно было: «Эй! Ой! Ай! Вира! Майна! Жібер! Түсір! Әкел! Давай! Оңға! Солға! Көтер!»

Казалось, строят вавилонскую башню. Покрасили раз – краска облупилась. Покрасили второй раз – пошли трещины. В третий раз покрасили – дождь все смыл. С крыши срывались железные листы, падали кирпичи. И опять: «Эй! Ай! Ой! Ойбай! Оңға! Солға! Әкел! Жібер! Көтер! Майна! Вира! Оттуоймат!»

И это культура труда? Я видел в Копенгагене, как ремонтировали пятиэтажное здание. С семи утра по всем этажам лазали-мелькали рабочие в белых брезентовых робах, оранжевых касках, белых сорочках с черными галстуками в подстраховочных поясах, с телефоном на боку. Ни звука. Тихо. Деловито. Чтобы не было пыли, здание сверху донизу было окутано-упаковано прозрачной зеленоватой тканью. Красота!

То же я видел в Бонне, Берлине.

В Париже чуть свет какие-то диковинные машины мыли асфальт... какой-то сероватой пышной пеной толщиной в два-три сантиметра, за этой машиной шла другая – с щетками, валиками, пылесосом, вбиравшая всю грязь. Замыкала уборочную технику поливальная машина. Деловито. Продуманно. Без ора-крика. Без гортанного, степного: «Эй! Ай! Ой! Ойбай! Оттуоймат!»

Поразительно! Загляденье!

Вот это культура труда!

И так во всех сферах человеческой деятельности.

Когда-то Константин Симонов был выслан в Ташкент. И узбекские писатели рассказывали мне, что они впервые от него узнали, как должен жить и трудиться профессиональной литератор. Уму непостижимо, сколько дел переделывал за один день этот неугомонный человек!

«Мы, – говорили узбекские писатели, – до того и не знали, как может и должен работать литератор».

Я постоянно подчеркиваю: Создатель казахов наградил очень щедро множеством талантов. И народ от природы очень способен. А

вот культура труда – так, должно быть, веками сложилось – все еще хромает. Я это вижу с 1941 года. Работают хорошо, организованно, культурно евреи, немцы, корейцы. А казах не спешит. Степь широкая, страна богатая, Аллах велик и добр, что должно быть, то и будет... е-е, *бұйырғаны болар*, спешка – шайтаново дело.

Согласен: так-то оно так. И все же: талант – божья прерогатива, а культура труда зависит от человека. И не зря великий Ауэзов восторгался теми, кто обладает культурой. О том следует помнить. С этим нужно считаться.

СОЛНЦЕ. ЧИСТОЕ НЕБО. ТИШЬ

Солнце. Чистое небо. Тишь. Отчаянно заливаются скворцы. В кустах деловито копошатся воробьи.

Сижу на каменном выступе возле Чокана. Он в сосредоточенной задумчивости.

«Рад вас видеть».

«Я тоже, Чокан Чингизович».

«Одни?»

«Один, эксцеленц».

«Что-то долго вас не было».

«Болел... вот за четыре месяца впервые добрел до вас...»

«А где завсегдатаи?..»

«Это моя печаль, Чокан Чингизович».

«И моя».

Помолчали оба, погруженные в свои думы. Совсем еще недавно возле памятника Чокану ежедневно прогуливалась ватага пенсионеров – писатели, ученые, журналисты, партийно-советские работники. Разделившись на группы по три – пять человек, чертили за кругом круг, делились новостями, обсуждали последние события, спорили обо всем на свете. Случалось, поэты читали стихи. Шумно бывало, оживленно. Чокан со своего пьедестала, глядя на славную некогда, поруганную ныне Академию наук, вслушивался в разговоры-споры поблизости, в тарыбары и тихо радовался.

И я помню те блаженные дни.

Ушли в мир иной те завсегдатаи нашего Гайд-парка – Ахтанов, Алимжанов, Шарипов, Дюйсенов, Кыдырбекулы, Арыстанбеков, Амрин, Торткарин, Сокпакбаев, Разживин, Проскуряков… всех и не упомню.

Помню только, что было шумно и интересно.

Ныне нас осталась горстка. Да и разговор не тот. Трое напрочь оглохли, двое орут им в уши до хрипоты. Какая тут беседа! Чокан от нашего ора вздрагивает на пьедестале.

«О чем шумим, господа?»

«Простите, Чокан Чингизович».

«Кроме пенсии, вам больше не о чем говорить?»

«У кого что болит, тот про то и говорит».

«Ну да, ну да… Народ образован, а прогресса нет. И духовной свободы что-то не вижу. Смотрю на академию и плачу, господа».

«Да, Чокан Чингизович, прошляпили академию, продали».

«Кому?»

«Какому-нибудь толстосуму».

«Выходит, наука не нужна?»

«Никому ничего уже не нужно. Все продано на корню».

«Ну, земля-то казахская на месте? Или?..»

«Тоже продали».

«Господи, что творится на свете?!» – застонал Чокан и замолк, ухватившись за подбородок.

Я сижу у подножья памятника и тоже горюю. Мы-то, старичье, еще помним тех, кто ушел перед нами. А вот уйдем мы, кто нас вспомнит? Эти тетки, что прогуливают здесь собак? Малыши в колясках, на велосипедах? Школьники, расписывающие скамейки похабством? Кайфующие девицы с голыми пупами?

Они не только нас, Чокана уже не помнят. Недавно одна растелешенная девица здесь нервно покуривала и без конца поглядывала на часы. Видно, пришла на свидание. Наконец спросила:

– Это Пушкин?

– Нет, Чокан Валиханов.

Девица растерялась, стала озираться по сторонам.

– А Пушкин где?

– Пушкин вон, сбоку академии.

– Ой!

И девица понеслась к памятнику Пушкину, играя обтянутыми донельзя ягодицами.

«Ну и ну! – пробормотал Чокан, едва не выронив книжку из правой руки. От удивления он крепче стиснул подбородок левой. – Бедная, меня с Пушкиным спутала».

Мне стало еще грустнее. Да, да, уйдем мы… И кто здесь останется?

«Один я здесь останусь, – заметил Чокан. – Буду мозолить глаза молодому, незнакомому племени».

Я промолчал. Сказать было нечего. Поплелся домой один.

Сияло солнце. Голубело небо. Заливались в экстазе скворцы. Копошились возле скамеек воробьи.

В вековую печаль погрузился Чокан. Он обречен на одиночество.

* * *

В сорока заплатах сердце у Абая,
В рубцах душа и сердце у меня.
Жизнь прожил Абай, тоскуя и страдая,
Меня же достали хвори, с детства теребя.

Каждому свое на том и этом свете,
Не дано уйти от рока, от судьбы.
Смотрит со стены монументальный Гёте:
«Подожди немного, отдохнешь и ты».

Я АЗАМАТ ҚАЗАҚ ЕЛІ

Все чаще на страницах казахской периодики вспыхивают нудные, пустопорожние споры вокруг терминов-названий «казахстанец» (как национальность), «казах», «Казахстан», «Қазақ елі». Надо полагать: тему для подобной дискуссии внедряют в общество сверху какие-нибудь изощренные политтехнологи в высоких креслах, чтобы отвлечь население от повседневных, насущных проблем. На мой взгляд,

спор этот выеденного яйца не стоит. Однако выскажу свое мнение на этот счет. Абсолютно очевидно: нет такой национальности – «казахстанец». Она может быть только у тех, кто не помнит своего родства. Разве мыслимо сказать, что Абай, Чокан, Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Алькей Маргулан по национальности казахстанцы? Язык не повернется! Среди моих друзей и знакомых есть казахи, русские, корейцы, немцы, татары и т. д. Все они, бесспорно, казахстанцы, но не по этническому происхождению, а по географическому месту жительства. Все они живут и работают в стране по имени Казахстан. И никто из них вовсе не намерен отказаться от своей этнической принадлежности ради какой-то надуманной идеи. С какой стати природный степняк казах должен перекраситься в казахстанца? Нонсенс! *«Біз қазақ ежелден еркіндік аңсаған...»*

Да и с какой стати русский, узбек, кореец, немец должен только из-за того, что он обитает на исконной земле казахов, записываться вдруг казахом? Да записывайся он хоть трижды казахом! Все равно казахом не станет. И зачем казахам такой псевдоказах? Известно ведь: старый урус мусульманином не станет. Захотел воробей ходить куропаткой? И ножки сломал. Я, например, этнический немец. О да, за 67 лет бытования среди казахов я сильно оказахован. Но, как ни крути, по национальности все же немец. Если необходимо определение, российский немец (Russlanddeutcher), так как мой предок в седьмом поколении Андреас Бельгер (с женой Луизой и двумя детьми) прибыл из земли Заксен-Анхальт в 1764 году в Россию по манифесту-приглашению русской «кайзерин» Екатерины Великой. И от него пошла российская ветвь Бельгеров. И мой отец Карл, и мой дед Фридрих, и прадед Генрих до самого Андреаса были поволжскими (т. е. российскими) немцами. В Казахстане неполных семи лет я очутился по воле «отца народов» в 1941 году. С того времени я казахстанец, что постоянно подчеркиваю. Но не по национальности, а по месту проживания. То есть этнически я немец, географически – казахстанец. Иначе говоря: родился в России, но пригодился в Казахстане. На полноценного казаха при всем своем старании «не тяну», хотя радуюсь, когда братья-казахи вовлекают меня в свой стан.

Так сложилась моя личная судьба, на которую я не сетую. Как-то один умник с серьезным видом писал в одной казахской газете, что мое счастье в том, что Сталин выслал меня в Казахстан. Здесь,

в Казахстане, я, воспитанник казахского аула и казахской школы, стал, мол, человеком, а в Энгельсе (город, в котором я родился), на Волге, я, дескать, в лучшем случае дорос бы до школьного учителя. Как тут будешь возражать, если разговор этот совершенно пустой. Предположить можно что угодно. Но речь сейчас не об этом.

Суть же в том, что я по национальности остаюсь немцем, даже если меня забросят на необитаемой остров, немцем этническим, российским, поволжским, казахстанским – как хотите, но по национальности никак не казахстанцем, ибо – повторяю – нет такой национальности. И очень хочу, чтоб и казах остался казахом. Если же русский, украинец, кореец, якут, шуршут испытывают потребность в определении «казахстанский», какой разговор, я в принципе не возражаю. Я тоже казахстанский, но все же немец.

Так пишу. И на том и настаиваю. И яснее и определеннее сказать не могу.

Теперь о терминах «Казахстан», «Казахская республика», «Қазақ елі». В сущности, это одно и то же. Синонимические понятия. Не приемлю возражения против «стан». Звучно, энергично и точно. Узбекистан, Афганистан, Пакистан, Туркестан, Таджикистан. Видеть в «стане» происки русского шовинизма – глупо. Против «Казахская республика» я лично тоже не возражаю. Несі бар, болсын! Республика казахов. Ничего крамольного. Пусть. Нет основания для обид «давних» или «поздних» пришельцев. Но... термин все же немного слух режет. Отдает небольшим душком. Вызовом. Он подчеркнуто выпячивает автохтонов и как бы оттирает, «ставит на место» других. Я, например, это болезненно не воспринимаю. Но чувствую: иным инородцам это не по душе. Они ощущают себя ущемленными. Дескать, мои предки обитают в Казахстане сто и более лет, почему это республика казахов, а не моя тоже. Какой-то резон в этом, согласитесь, есть.

Предлагают и такое название страны – «Қазақ елі» – «Страна казахов». Что ж... неплохо и в принципе верно. Конечно, страна, край, обитель, земля, пристанище казахов. Исконная, единственная, кровью предков защищенная родина. Я, этнический немец, 67 лет живу в стране казахов. Видит Бог, здесь и умру. Так о чем спорить? В конце концов, есть же Республика Марий-Эл. Но согласитесь, Қазақ елі для слуха и произношения и сложно, и непривычно, тяжеловесно и немного тенденциозно, не так ли?

Для моих ушей Қазақ елі звучит нормально. Я в состоянии произносить это без акцента. И, разговаривая с казахом, я охотно представляюсь: «Я азамат Қазақ елі». Но русский, немец и прочие шведы не в состоянии это правильно выговорить и скажут: «Казах ели, еле, елы, елу» и Бог знает как еще. То есть изуродуют название священной страны не по злой воле, а в зависимости своих артикуляционных, фонетических особенностей.

На мой взгляд, и точно, и звучно, и привычно звучит все же гордое слово «Казахстан». В сущности это и означает «Қазақ елі». И нечего тут воздух сотрясать и копья ломать. Зачем усложнять и без того сложную жизнь? Мы все, этнически разные, населяющие прекрасную страну Казахстан, живем и трудимся на ее благо, оставаясь казахами, а не какими-то безликими казахстанцами. Мы не американцы. И нечего нас толкать в общий котел. Мы и так едины в своем многообразии. У нас и география, и судьба одна. Для меня в этом вопросе все ясно и очевидно. Ну, если кому-то неймется спорить и в ступе воду толочь, пусть спорит до хрипоты и толчет воду до мартышкиного заговения, если оттого «май шықса»...

28 июня 2008 года

КАЗАХСКИЕ ЗАПРЕТЫ

Первоначальные немецкие правила поведения я в определенной степени освоил еще в детстве, на Волге, в Энгельсе и родительском селе Мангейм. У меня были прекрасные, образцовые родители. А воспитываясь в казахском ауле, я освоил и основные казахские запреты. Недавно я встретил эти запреты в журнале «Парасат» (№ 3 за 2008 год). Эти каноны поведения мудры и убедительны. Знать их не мешает и инонациональным гражданам. Вот эти запреты в моем переводе на русский язык:

Не рассыпай пепел.

Не наступай на соль.

Не играй с огнем.

Не плюй в воду.

Не спи в неурочное время.
Не выражай соболезнование в поздний час.
Не бей скотину.
Не беги к дому.
Не беги к могиле.
Не показывай пальцем в сторону кладбища.
Не обнимай колени.
Не упирайся руками в бока.
Не подпирай щеку ладонью.
Не накидывай ремня на шею.
Не опирайся на палку.
Не распинайся у порога.
Не складывай руки на темени.
Не мочись в хлеве.
Не направляй оружие на человека.
Не рви молодую траву.
Не бегай вокруг дома.
Не щелкай язычком.
Не бей себя по голове.
Не надевай головной убор задом наперед.
Не ходи ночью по воду.
Не стой на пороге.
Не мочись, глядя на луну.
Не качай пустую люльку.

Эти элементарные запреты зиждутся на житейском опыте, исполнены философского содержания.

ВДРУГ ОРДЕН ДАДУТ

Звоню знакомому литератору. Говорю: оу, бауырым, ты человек именитый, дуалы ауыз, популярный, в печати выступаешь смело, язык острый. Надо бы поддержать одну даму. Она за справедливость, заботится об униженных и сирых. С властями, понимаешь, не в ладу. Завели судебное дело. Давай заступимся.

Приятель замялся. Отвечает:

– Извини, брат. Тебе легко говорить. Ты иного рода-племени. Тебя никто не осудит. А у меня на носу юбилей. 70 лет. Сам знаешь, не резон с властями ссориться. Обещают однотомник к юбилею издать. Может, заслуженного деятеля подкинут. А то обидно: все мои сверстники давно «деятели», а я не «деятель». Опять-таки сын кафедрой заведует. Понимаешь? Могут запросто отстранить. А заступлюсь за эту даму, запишут в оппозиционеры, и весь мой юбилей – коту под хвост. Ну скажи, зачем мне лезть на рожон? Нет, нет, не могу. Избавь!

– Но правда ведь на ее стороне.

– Так-то оно так! Но ее правда в данном случае мне во вред. Вот отмечу юбилей, издам однотомник, получу «деятеля», вот тогда...

– К тому времени правда умрет.

– Ну, что ж... Чужой правдой, брат, сыт не будешь.

...Известному литературоведу, профессору, доктору известный диссидент вручает свой новый ершистый опус.

– Было бы хорошо, если бы вы высказались по этому поводу публично. Тема вам известна, герой близок, ваше авторитетное мнение было бы ох как кстати.

– Понимаю, – отвечает литературовед. – Твой герой – славная личность. Сыграл исключительную роль в нашей духовной истории. Но... – литературовед многозначительно воздел указательный палец, – анау, сам знаешь, не жалует его. Ох, не жалует! А у меня через два месяца восьмидесятилетие. Смекнул? Вдруг орден дадут... Что-нибудь присудят...

– Так у вас этих званий-регалий целый коржун! На груди места для железки нет. А Қаһармана все равно не дадут, – заметил диссидент.

– Да, да... Не дадут, знаю. Но и «Отан», согласись, не помеха. А напишу про твою книгу – мне и покажут дулю под нос.

И пригласил литературовед на свою юбилейную конференцию одного именитого писателя. Орденоносца. Народного. Надеялся: уж этот сладкоголосый вознесет его до небес. Писатель пришел, взобрался на трибуну и запел жарапазан в честь президента страны. Пел минуту, пять, десять минут, никак не мог остановиться. Юбиляр сидел, ерзал, ждал, когда, наконец, писатель восславит его. Но о юбиляре писатель не вымолвил ни одного слова.

В перерыве обескураженный литературовед обратился к писателю:

– Оу, ага-еке-ау! Как же так? Юбиляр ведь я, а не президент.

Писатель ничуть не смутился.

– Я помню, милый! Но ты ведь уже получил, что полагается. А мне вот-вот стукнет 85. Представляешь? Вот расхвалю президента, кто-нибудь нашепнет, и президент расщедрится. И к моему 85-летию даст вдруг Қаһармана. Чем я хуже Розы?!

– И вы решили использовать мою трибуну?

– Ну и что? Мы ведь сородичи. Из одной Арки. Сочтемся! Для меня же более удобного случая не будет.

– Хм-м... Ладно. Удачи вам, ага-еке!

Увы, расчет не оправдался. Писатель-ветеран выклянчил еще одну машину, еще одну квартиру, провел шесть банкетов, отхватил 47 чапанов. А Қаһарман так и не обломился.

Придется дожить до 90 лет и сделать еще одну попытку. Прийти на тот свет с Қаһарманом на груди все же солидней.

Бедные юбиляры!

Бедный наш зиялы қауым!

БОЛАТХАН ТАЙЖАНОВ

Для меня неожиданная и преждевременная кончина известного дипломата и общественного деятеля Болатхана Тайжанова и поныне остается загадкой. Я его довольно близко знал последние восемнадцать лет и не упомню случая, когда бы он жаловался, скажем, на сердце, на давление или иные возрастные недуги. Был он всегда серьезен, активен, сосредоточен, находился в интеллектуальном всеоружии, рассуждал широко, основательно, формулировал свои мысли четко и резко, любую проблему рассматривал в контексте конкретного времени и обстоятельств. В поисках истины позволял себе иногда необъяснимые зигзаги. Я, например, не мог понять, как он со своими диссидентскими взглядами, крутыми, порой радикальными воззрениями мог стать одно время советником партии «Отан». На мое недоумение по этому поводу он, ухмыльнувшись, ответил, что надеется эту партию поставить на путь истины и демократии. «“Отан” и демократия?!» – удивился я. И мы оба расхохотались. А при следующей встрече на «31-м канале»

выяснилось, что он уже не советник «Отана», а активный член оппозиционного движения. Вообще-то он тяготел к национал-патриотам.

Здесь для полной ясности необходимо маленькое отступление. Я лично с симпатией отношусь ко всему сугубо национальному. Думаю, это естественно и соприродно каждому индивидууму. Не всем ведь дано быть космополитом. Важно, чтобы «национальное» оставалось высоким чувством в рамках гуманизма, а не смыкалось с шовинизмом, расизмом и фашизмом. Тогда это уже не «национальное», а банальное человеконенавистничество. Мне, например, всегда дорого все истинно немецкое – немецкий дух, немецкая ментальность, немецкая речь, немецкая музыка и т. д. Даже за футбол я «болею» немецкий. Помимо моей воли. На «немецкость» откликается каждая частица моей души. Ничего предосудительного в том я не вижу. Однажды один казахский критик, желая уязвить меня, написал, что в каждой русской или казахской моей фразе чувствуется, мол, моя немецкость. Я думаю, это не совсем так, но если бы это было так, то для меня это звучит как высшая похвала. Я, как раз наоборот, часто сетую на излишнюю оказахованность моей немецкой сути. Так что казахский критик, желая меня посрамить, на самом деле пролил бальзам на мою национальную душу. Я понимаю и уважаю национальное чувство любого человека, любого народа. Лишь бы его не заносило в омут «избранничества», надуманной кровной особенности и исключительности. Истинно национальное и есть в сущности интернационализм.

Расскажу два эпизода, связанных с Болатханом Тайжановым.

В феврале 1990 года известный писатель и государственный деятель Абиш Кекилбаев баллотировался кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахской ССР по Павлодарской области. По желанию Абиша я сопровождал его в поездке в качестве доверенного лица. Абиш встречался с избирателями в стылых, запущенных районных клубах, школах, скотоводческих станах и зимовьях, конторах, профилакториях, говорил долго и витиевато обо всем на свете (от местных просветителей XIX века до глобальной политики), объяснял свою предвыборную платформу, отвечал на вопросы, иногда довольно каверзные, я по мере своего разумения говорил о достоинствах и потенциальных возможностях кандидата в депутаты. Время было трудное, неустойчивое, нервное. Рушился, разваливался на глазах привычный

уклад, предстоящие перемены не укладывались в сознании, все было шатким и зыбким. И народ в большинстве роптал. Особенную радость к заезжим гастролерам не проявлял. В глухую зимнюю пору, в свирепые февральские бураны организовывать встречи было хлопотно и утомительно. Абиш, однако, держался на высоте, старался заинтересовывать слушателей, не уклонялся от каверзных подвохов. Все факты и детали той памятной поездки зафиксированы в моем блокноте.

Все встречи происходили по плану, под руководством местного начальства, по указанию сверху и порою сбивались на трафарет. Мужчины сидели в заскорузлых шубах, шапках-тымаках, в валенках и сапогах, женщины закутывались по самые глаза в пуховые шали. Расшевелить диковинную аудиторию было непросто, спасало лишь красноречие Абиша и мой незатейливый казахско-русско-немецкий юмор.

И вот 28 февраля 1990 года в совхозе «Южный» к нам присоединился неизвестно откуда приехавший невысокого роста, но плотно сбитый, крупноголовый казах с живыми, умными глазами и сразу же внес в наши встречи живую струю своими уместными репликами и беглой казахской речью. Он легко вписался в нашу компанию. И заслушивались им и Абиш, и местное начальство, и я, и гипотетические избиратели. Говорил он негромко, рассудительно, свободно и открыто на социальные и политические темы. Абиш представил его:

– Дипломат. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Сотрудник МИДа. Болатхан Тайжанов.

Он и стал крепким, надежным доверенным лицом Абиша. Я отступил на второй план, как запасной игрок команды.

Внимание слушателей переключилось на него. За дастарханом кто-то заметил, что его дипломатический ранг соответствует воинскому чину генерал-майора. Это произвело эффект. По аулам сразу же пронесся слух: кандидата в депутаты сопровождает генерал-майор. Мужчины пришли в восторг: «Не дейді? Надо же! Такой скромный, незаметный, а генерал-майор!» В нас, сидящих в президиуме, тыкали из зала пальцем: «Этот толстый – писатель, в ЦК сидит; рядом, с палкой, – его переводчик, немец. А этот башковитый, смуглый – генерал-майор». Рядом восхищались: «Апырай, а! Генерал-майор, а?! Кто бы подумал! Значит, этот толстый шешен-златоуст не халам-балам, коли его сопровождает сам генерал-майор! Придется за него голосовать». –

«Конечно. За кого же еще? Он тебе и сено завезет, и мешок муки подкинет». – «Ну, не сам, понятно. А распорядится – из ЦК».

Мы в президиуме только переглядывались и улыбались. Дня три мы с Болатханом были неразлучны. В совхозе Торайгырова у могилы казахского поэта-классика Болатхан прочел поминальную молитву на звучном арабском языке. Кругом ему внимали древние складчатые горы, задумчивые колки ольхи и березок, бурые мохнатые сопки. И на фоне этого природного дива удивительно гармонично звучала арабская молитва в устах Болатхана в честь Султан-Махмуда Торайгырова.

Еще в одном ауле к Болатхану подошла пожилая казашка, порывисто обняла его, запричитала речитативом. Это было так неожиданно, что все растерялись. Выяснилось, что пожилая женщина – дальняя родственница Болатхана, он быстро разобрался в родословной, тоже прослезился. Все вокруг пришли в неописуемое волнение по поводу встречи родных людей. И глядя на них и сочувствующую толпу, мы с Абишем тоже расчувствовались.

Та, выходит, первая наша встреча на Павлодарщине запомнилась.

Болатхан посольствовал за рубежом, в Алматы бывал все реже, также мимолетными бывали и наши встречи, более того – случайными. Но по печати мы знали друг о друге.

Следующий памятный эпизод связан с Данией, где в 1994 году я находился на Международной ассамблее парламентариев. Тот факт отражен в моем дневнике – 16 сентября 1994 года.

Из Копенгагенского оперного театра я вернулся в гостиницу в двенадцать ночи. Коллега по парламенту космонавт Тохтар Аубакиров накануне срочно вылетел в Мюнхен, а другой напарник Серикхан уже лег спать. Меня в гостинице поджидал работник посольства Египта. У него было важное дело до казахстанской парламентской делегации. Пришлось представительствовать мне. Представитель Египетского посольства говорил по-арабски и по-английски. Я мог общаться по-русски, по-казахски, по-немецки. Разыскали заспанного переводчика. И я еле смекнул, что нас, казахстанцев, просят поддержать кандидатуру некоего Сорура. Согласился. Но едва погрузился в сон, как позвонили из Каира. О, Господи! Из Каира в Копенгаген? Оказался Болатхан Тайжанов, посол Казахстана в Египте. «Ия, не болып қалды?» – спросил я. «Завтра будут избирать председателя Межпарламентского

союза. Одна из кандидатур – профессор Сорур из Египта. Просьба: голосовать за него». – «А-а... ладно... понял. Сам-то как?» – «Е-е... Аман-есен...» – «В аул когда вернешься?» – «Аллах знает».

Через полчаса опять звонок. Из Алматы, от Абиша – Председателя Верховного Совета Казахстана. Указание то же: завтра поддержите кандидатуру Сорура. Жақсы. Будет сделано. Поддержим.

Засыпая, навожу справку: кто такой Сорур? Почему он должен быть председателем Межпарламентского союза? Оказывается, Ахмет Фатих Сорур – защитник прав человека, юрист, на страже демократии, ратует за включение женщин в политику. Его соперник – Валдес из Чили. Тоже весьма серьезная кандидатура. Ладно. Так и быть, мы с Серикханом Жакуповым проголосуем за Сорура. Как-никак мусульманин. Казахам ближе.

На другой день после утомительных процедур голосования с 116 голосами прошел Сорур. У Валдеса 103 голоса. Верх взял мусульманский мир, и египтяне и все арабы устроили невообразимый фурор. Зал огласили восторженные крики. Грохот стульев. Победный вопль. Объятия. Ликование. Христианский мир застыл в недоумении. Председатель никак не мог охладить, успокоить зал. Арабы в эйфории требовали, чтобы кресло председателя незамедлительно занял господин Сорур...

Вскоре Болатхан объявился ненадолго в Алматы, но получил новое назначение: послан в какую-то азиатскую страну, потом – еще куда-то.

В казахстанских газетах он печатался все чаще, резкие его интервью привлекли внимание. Он ратовал за решительные, крутые перемены в обществе независимой страны. Иногда допускал радикальные нотки. Что-то его во внешней и внутренней политике не устраивало. Критиковал он многое и многих. И вдруг его блестящая дипломатическая карьера оборвалась. Он вернулся в Алматы и с головой окунулся в общественную жизнь, выступал на бесчисленных мероприятиях, постоянно мелькал в печати и на телевидении. Говорил дельные, справедливые вещи и пользовался во всех сферах общества заслуженным авторитетом. Основной настрой его публичных выступлений был критический, пафос разоблачительный. С изъянами, вывихами общественной, политической жизни он мириться не хотел и не мог. От зыбких, дипломатических формулировок отказался. Громко выражал то, о чем кое-кто тихо судачил по углам. Высокое кресло Алдияра –

верховного судьи в передаче «Дода» по 31-му каналу телевидения использовал как трибуну гласности и открытой правды. Его ждали с нетерпением, к его мнению прислушивались повсеместно. Он стал ярким представителем вымирающего племени «зиялы қауым».

Одна стержневая мысль сквозила во всех его выступлениях: он рьяно ратовал за казахский язык, за все казахское, был нетерпим к имперскому засилью, к великодержавному шовинизму, к любому проявлению колониальной политики. Эту свою позицию он отстаивал непреклонно. Знакомый дипломат Куатбек Т. рассказывал мне, что Болатхан Тайжанов был единственным дипломатом, который даже в годы тотального засилья русского языка писал принципиально свои отчеты-сообщения исключительно на казахском языке. Руководство удивлялось и недоумевало, ибо даже сам министр иностранных дел Имярек печатно объявил, что в дипломатической деятельности казахский язык абсолютно невостребован, а следовательно, его знать и изучать не стоит.

Болатхан Тайжанов имел на сей счет свое личное мнение, которое он посильно и проводил в жизнь всеми возможными средствами.

Могучая, цельная была личность. Горжусь тем, что его знал. А вот смерть его для меня так и осталась загадкой...

КТО ДОСТОИН НОБЕЛЕВКИ?

Время от времени в казахской печати вспыхивает разговор о Нобелевской премии в области литературы. Высказывается и внедряется в сознание читателей, будто Шведская академия, Нобелевский комитет недостаточно компетентны, внимательны и доброжелательны к казахской литературе, что человек пять-шесть из казахстанцев наверняка ее достойны. Среди кандидатур называют покойного Сакена Жунусова, живых Олжаса Сулейменова, Абиша Кекилбаева, Мухтара Магауина, Абдижамиля Нурпеисова и Мухтара Шаханова.

Я всех этих авторов знаю. Имею о них свое суждение. Добротные литераторы, ничего не скажешь. Творчески индивидуальные, весомые. Но, положа руку на сердце, ни один из них не «тянет» на нобелевку. То масштаб локален. То популярность мала. То мыслей глобальных не

хватает. То образность не убедительная. То музыка тускла. Словом, не надо обижаться. По Абаю, «*кемшілігі әр жерде көрініп тұр-ау...*», то есть «изъяны выпирают всюду». Что ж... Наберемся терпения. Нобелиат где-то вызревает.

Если честно, наиболее достоин нобелевки «Путь Абая». Не хватило времени и пиара.

Жалею, что не получил этой премии Чингиз Айтматов. Конечно, и «Тавро Кассандры», и «Когда падают горы» для этой премии слабы, а «Плаха» и «Пегий пес», пожалуй, потянули бы.

Но я сейчас подумал не о том. Все-таки у наших казахских писателей ощущение реальности, подлинной значимости творчества неопределенно, размыто. Представление о себе преувеличенное. Амбиция колоссальная, а амуниция скудная. Вожделение то и дело затмевает разум. И в этой связи я всегда вспоминаю Льва Толстого.

В 1897 году появились сообщения о предполагаемом присуждении первой Нобелевской премии по литературе Толстому. Он отреагировал на это равнодушно, даже отрицательно. Он написал в шведскую газету «Stockgolm Tagblat» и предложил присудить премию русским духоборам. И когда его кандидатура не прошла, он не только не подосадовал, а обрадовался: слава Богу. В дневнике 19 сентября 1897 года он записывает: «Работу перебивало мне только письмо в шведские газеты по случаю премии Нобеля духоборам. Соня боится. Очень жаль, но я не могу не сделать».

То есть Толстой решительно отказывается от Нобелевской премии!

Чтобы уточнить все подробности этого уникального факта, я прочитал два тома дневников и два тома писем Льва Толстого (из 20-томного собрания сочинений). Вот эти подробности.

Впервые Нобелевская премия была присуждена в 1901 году. Ее получил французский поэт Сюлли-Прюдом (кто его нынче знает?). Шведские писатели и ученые возмутились таким решением Шведской академии и выразили Толстому свое «преклонение».

22 января 1902 года в Гаспре Толстой пишет группе шведских писателей и ученых на французском языке:

«Дорогие и уважаемые собратья. Я был очень доволен, что Нобелевская премия не была мне присуждена. Во-первых, это избавило меня от большого затруднения – распорядиться этими деньгами, ко-

торые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло; а во-вторых, это мне доставило честь и большое удовольствие получить выражение сочувствия со стороны стольких лиц, хотя и незнакомых мне лично, но все же глубоко мною уважаемых.

Примите, дорогие собратья, выражение моей искренней благодарности и лучших чувств.

Лев Толстой».

Однако вопрос о Нобелевской премии поднимался не раз и в последующие годы. Особенно ратовал и агитировал за Толстого норвежский журналист М. Левин. Узнав из печати, что Толстой отказывается от Нобелевской премии и на это раз, как сделал это в 1907 году, и предлагает передать ее духоборам, он пишет Толстому письмо, чтобы узнать, так ли это и чем писатель мотивирует свой отказ. 24 сентября 1910 года из Ясной Поляны Толстой пишет М. Левину:

«Духоборам я не предлагал отдать неполученную премию, но просил не присуждать мне премию и тем не ставить меня в неприятное положение, так как я откажусь от нее, а отказ этот может быть неприятен моим наследникам.

Отказываюсь же я потому, что убежден в безусловном вреде денег».

И вот я думаю: случись такое с казахским писателем, как бы он поступил? Какой бы неудержимый, хвастливый ор начался бы в газетах! А с другой стороны, сколько бы «домалак арызов» – жалоб и протестов хлынуло в Швецию в Нобелевский комитет! О! Представить жутко!

Вот такие масштабы. И пока мы не воспитаем нравственную планку на уровне великого Арыстана, не видать нам нобелевки как собственных ушей и пребывать в качестве степных тушканчиков и курт-кумырска.

ЧТО ЧИТАТЬ? КАК ЧИТАТЬ?

Лет 45 тому назад Аскар Сулейменов, Жумекен Нажимеденов и я, находясь – точно помню – в редакции журнала «Жұлдыз», затеяли случайный разговор о том, кто что читал в средней школе. Были мы

из разных регионов Казахстана – из южной, западной и северной областей. И – надо же! – выяснилось, что читали мы все много и почти одно и то же. Мы азартно перечисляли авторов и названия прочитанных книг и хохотали: прочитали, оказалось, мы сотни и сотни книг, которых ныне никто не читает и вряд ли помнит. У меня выяснилось небольшое преимущество перед своими друзьями-коллегами. Я еще школьником прочитал в отцовском медпункте «Справочник фельдшера» и толстенный том «Женских болезней». А Аскар одолел школьником книгу про коневодство.

Теперь на склоне лет я, вспоминая про наш юный читательский порыв, думаю: конечно, хорошо, что мы – мое поколение – так много читали, все это наверняка способствовало нашему общему, духовному и гражданскому развитию и формированию. Такие книги, как «Молодая гвардия», «Как закалялась сталь», «Дети подземелья», «Слепой музыкант», «Детство», «Отрочество», «Что делать?», «Подпольный обком действует», «Менің құрдастарым», «Жұмбак жалау», «Жанартау», «Абай», «Белая береза», «Трое вышли из лесу», «Мың бір түн» и другие, конечно же, оставили в наших душах добрый след.

Плохо же то, что мы читали случайно, по модному веянию, без разбора совершенно дурное чтиво, без которого вполне можно было обойтись.

Надо было вместо всякой макулатуры читать стоящие вещи. Только где их было взять в ауле? Разве что «Краткий курс ВКП(б)», который мы тоже читали до пресловутой четвертой главы.

С шести лет и поныне я постоянно читаю. Отношу себя к писателям пишущим и читающим. Читаю, понятно, разборчивей, но все равно очень много явной дребедени, что ни уму ни сердцу. Читаю не только книги, но завалы рукописей – как составитель сборников, как редактор, как рецензент, как член жюри разных литературных конкурсов и комиссий. Мне дают и присылают уйму чаще всего пустых книг мои немецкие, казахские, русские друзья и знакомые, и все это я прилежно читаю, с ужасом сознавая, сколько сил и времени трачу абсолютно впустую. Я знаю писателей, которые почти ничего не читают. Как в анекдоте: «Чукча не читатель, чукча писатель». Не читают сознательно, дабы не засорять творчески чистые мозги. Один мой знакомый писатель вот уже 60 лет читает только свои опусы. Другой читает исключительно ахинею, дабы на ее фоне чувствовать себя классиком.

Третий, будучи реалистом, читает только фантастику. У каждого своя причуда. А молодое поколение и вовсе не читает, довольствуясь телевизором, компьютером, Интернетом.

«Господи, зачем нужны книги, когда есть компьютер?» – заявил мне знакомый сорокалетний поэт.

И я не нашелся, что сказать.

Так вот, эти вопросы: «Что читать?» и «Как читать?» – меня волнуют с подростковых лет и поныне. Я, как правило, читаю медленно, с карандашом в руке, делаю пространные выписки, имею несколько рабочих тетрадей с цитатами из прочитанных книг. Но постоянно думаю о том, сколько же ненужных книг и рукописей я прочитал за свою жизнь. А сколько газет (легион!) читаешь ежедневно! По пятницам и субботам их приносят кипами. И ты все это читаешь, и все равно выясняется, что что-то не успел, пропустил, не заметил. И чувствуешь себя отсталым, несовременным.

Тот же Аскар Сулейменов, уникальная личность, в своей одинокой келье в общежитии КазПИ им. Абая, с отчаянием глядя на груды газет и журналов, говорил, бывало: «Сжечь бы все, чтобы не травить душу!» Его, критика, мыслителя, философа, душила периодика, отвлекала от Ницше, Шопенгауэра, братьев Маннов и других великих авторов великих книг, без которых обойтись никак было нельзя.

Писатель Алексей Дебольский советовал мне: «Читай Библию и народные сказки. Там все есть». Мой научный руководитель в аспирантуре, профессор Евгений Ривлин внушал: «Читайте древних греков. Они ответили на все вопросы».

На днях я наткнулся на суждение по этому поводу Льва Толстого в его дневнике. 23 октября 1909 года (Толстому идет 82-й год!) он пишет: «Одна из главных причин ограниченности людей нашего интеллигентного мира – это погоня за современностью, старание узнать или хоть иметь понятие о том, что написано в последнее время. «Как бы не пропустить». А пишется по каждой области горы книг. И все они, по легкости общения, доступны. О чем ни заговори: «А вы читали Челпонова, Куна, Брединга? А не читали, так и не говорите». И надо торопиться прочесть. А их горы. И эта поспешность и набивание головы современностью, пошлой, запутанной, исключает некую возможность серьезного, истинного, нужного знания. А как, казалось бы, ясна ошибка. У нас есть результаты мыслей величайших мыслителей,

выделившихся в продолжение тысячелетий из миллиардов и миллиардов людей, и эти результаты мышления этих великих людей просеяны через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось одно самобытное, глубокое, нужное: остались веды, Зороастр, Будда, Лаодзе, Конфуций, Ментце, Христос, Магомет, Сократ, Марк Аврелий, Эпиктет и новые: Руссо, Паскаль, Кант, Шопенгауэр и еще многие. И люди, следящие за современностью, ничего этого не знают и набивают себе голову мякиной, сором, который весь отсеется и от которого ничего не останется».

Вот и моя голова набита мякиной, сором, и на меня со строгой укоризной смотрят Гёте, Гегель, Шиллер, Томас Манн, Герцен и многие другие. А я и поныне трачу свои хилые силы и совсем уж ограниченное время Бог знает на кого и на что...

«КРАСИВО ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ»

Небольшая, внешне непритязательная, чересчур скромно изданная книжка называется «Красиво прожитая жизнь». Автор – Баккожа Мукаи, не доживший менее месяца до своего 60-летия. Он был моим младшим товарищем, другом, коллегой. Мы тесно контактировали, кажется, лет тридцать, и он был со мной подчеркнуто деликатен, вежлив, открыт, доверчив, трогательно заботлив. Прекрасный прозаик, драматург, лауреат Государственной премии.

Все очерки, вошедшие в эту книжку, мне знакомы по периодической печати: это психологически точные, фактологически достоверные, художественно теплые, лирические литературные портреты о писателях-коллегах, театральных деятелях, с которыми автор сотрудничал, общался, встречался, варясь в огромном, бурлящем казане Союза писателей Казахстана. Автор доверительно, с неизменным уважением, проникновенно рассказывает о покойных Жубане Молдагалиеве, Бердибеке Сокпакбаеве, Кемеле Токаеве, Раимбеке Сейтметове, Тахави Ахтанове, Тельмане Жанузакове, Сагате Ашимбаеве и ныне живых – Акиме Тарази, Калихане Искаке, Аширбеке Сыгае, Сабите Оразбае, Султанали Балгабаеве, Жакау Дауренбекове, Канате Сауда-

баеве. Всех этих достойных людей я знал и знаю; вся обстановка и все события, описываемые в этих очерках, мне доподлинно известны, и я со своей колокольни подтверждаю их исключительную правдивость и искренность и, читая об этих личностях и о том времени, испытываю радостный эффект присутствия и соучастия, сопереживания, сочувствия.

В этом, полагаю, и заключается ценность книжки.

Для каждого героя своих очерков Баккожа находил точные определения, подмечал самую суть. Суровый очерк о внешне суровом поэте-воине Жубане Молдагалиеве назван «Человек поступка»; размышления о Бердибеке Сокпакбаеве построены на основе его сентенции: «Истины в жизни нет. Истина живет в сердце каждого. А живем мы в этом мире с ложью»; воспоминания о Кемеле Токаеве заканчиваются так: «Он выделялся среди других. Предпочитал одиночество. Ни одна живая душа не знала, что творится в его сердце. Токаев был загадочным человеком»; творческий портрет Тахави Ахтанова обстоятельно раскрывает все грани таланта и личности выдающегося прозаика и драматурга («Мастер»); лирический очерк памяти обаятельного Тельмана Жанузакова, родственника и коллеги автора, назван «Тоскую каждый день»; «Красиво прожитая жизнь» – это штрихи к портрету безвременно ушедшего от нас талантливейшего, эрудированного литературного критика и публициста Сагата Ашимбаева; «Влюбленное сердце» – дружеское слово о театральном критике, признанном культуртрегере, профессоре искусствоведения Аширбеке Сыгаеве; очерк о сценическом пути и человеческих странностях народного артиста республики Сабита Оразбая называется «Преемник вчерашних традиций». И так далее.

Баккожа был красивым человеком и внешне, и внутренне. Не по годам степенный, обстоятельный, надежный, тактичный, доброжелательный, с аристократическими манерами. И в своих героях он тонко подмечал их достойные качества, подчеркивая их талантливость, порядочность, интеллигентность и гражданственность.

Все эти очерки я в свое время читал в печати в оригинале. И теперь радуюсь, что издательство журнала «Парасат», которым Баккожа руководил долгие годы, нашло возможность издать их под единой обложкой в добротном русском переводе Майры Жанузаковой.

«ВЕРНУТЬ ИЗ ЗАБВЕНИЯ»

«Вернуть из забвения» – так называется новая книга маститого казахстанского журналиста Мадата Аккозина (Алматы, 2008).

В аннотации сказано: «Документальная повесть о видном государственном деятеле Казахстана Жумабае Шаяхметове, с 1939 до 1946 года являвшемся вторым секретарем, а с 1946 по 1954 год первым секретарем ЦК Компартии Казахстана».

Представляет ли такая книга интерес в наше время? Несомненно!

Жумабай Шаяхметов – колоритная фигура той эпохи, и его деяния не должны зарасти травой забвения. Эта была славная личность в национальной истории, и мое поколение ее хорошо помнит.

О нем и поныне существует немало реальных рассказов и причудливых легенд. Прошло более полувека, как он сошел с политической арены, и память о нем в сознании последних поколений заметно потускнела или вовсе стерлась. Людей такого формата и масштаба, как Ж. Шаяхметов, забывать грешно. И именно в этом главная задача и пафос книги Мадата Аккозина. И именно в этом ее значимость.

Журналист напоминает главные деяния видного государственного деятеля: «С его именем связано открытие в суровые военные годы первого в СССР женского педагогического института, где студентки были на полном государственном обеспечении, театра юного зрителя в Алма-Ате и целого ряда институтов, а в 1946 году – Академии наук Казахской ССР».

Автор книги воссоздает воздух той эпохи, рассматривает ее по всем параметрам, описывает окружение Шаяхметова, выявляя, оконтуривая суть этапов его многогранной деятельности. Опытный журналист избегает унылого, линейного повествования, прибегает к «рваной» композиции, делает частые отступления во времени и пространстве, забегает вперед, рассказывая об уродствах нынешней политической элиты, постоянно сопоставляя ауру разных эпох. Время другое, и нравы другие. Пышный расцвет нынешней коррупции абсолютно невозможно представить в сталинско-шаяхметовскую пору. Шаяхметов, лишенный высокого поста, съехал с казенной квартиры с двумя чемоданами (нет, не золота, а книг и утвари), ибо за долгие годы руководства страной не нажил и копья. Нынешним «благодетелям» типа Храпунова недостаточно одного гигантского самолета, чтобы вывезти за кордон наворованного у горячо любимого казахского народа барах-

ла. Жена Шаяхметова уже через неделю после отставки супруга была вынуждена продавать два перстня, дабы продержаться на плаву.

Нынешнего захудалого акимчика и вообразить без миллиончика немыслимо, ибо без него ему и кресла не видать, как своих ушей. Ему, бедняге-сорлыбаюшке, надо ведь и давать, и брать. При этом, понятно, брать значительно больше, чем давать.

Повествование свое Мадат Аккозин ведет увлекательно. Название коротких главок интригует читателя: «Письма именитых аксакалов Назарбаеву», «С чего начинался лидер?», «Кадры решают все», «О Масымхане Бейсебае, бывшем председателе Совета Министров», «Совестливому можно доверять», «Трижды министр сельского хозяйства Карибжанов», «Совесть не у дел», «Господин Кулибаев не обнаружил у себя совесть», «Случается ли пробуждение совести», «Что говорил сам Шаяхметов о кадрах», «Ущемление национальных интересов», «Обиженные на родной земле» и т. д.

Журналист выявляет самые болевые моменты прошлого и настоящего Казахстана. И выпукло рисует своего героя на фоне былых и нынешних проблем.

Я жил в той эпохе, знаю и чувствую ее. Всеми фибрами души ощущаю и нынешнюю эпоху. Есть о чем подумать. Есть что сравнить и сопоставить.

И, осмысливая этот огромный отрезок времени («елу жылда ел жаңа»), могу со своей колокольни подтвердить, что Мадат Аккозин написал полезную, актуальную книгу, напомнив о том, что Личность и ее Деяния не должны быть преданы забвению.

И еще отмечу, что книга проиллюстрирована редкими фотографиями. Упрекнуть же издателей можно лишь в корректорской и редакторской неряшливости, в спешке и некоторой композиционной шаткости. Кстати, это беда большинства изданий.

ЗАВЕТ ГАБИТА МУСРЕПОВА

Мне несказанно повезло: с классиком казахской литературы, выдающейся личностью, эстетом-златоустом Габитом Махмудовичем Мусреповым я был знаком, встречался и беседовал с ним, бывал у него дома, посильно переводил некоторые его произведения.

Я часто читаю-перечитываю его завещание – слово прощания на смертном одре. В этих коротких, емких словах весь Мусрепов – лапидарный, мудрый. Не знаю, переводил ли их кто на русский язык. Вот как звучит это прощальное слово в моем изложении:

«Недавно ушедшему другу Габидену я как-то сказал: "Разве недостаточно, если проживем еще годика два?". Срок свой я определил точно. Вот и я собрался уходить в холодные объятия священной земли.

Подводя итоги долгой своей жизни, проведенной в надеждах, борьбе и вере, я убедился: и радостей, и горестей выпало немало. Гордый стяг нового казахского государства взмыл на моих глазах. Ныне мы стали достойной страной, на которую обращен взор всего мира. Постараемся же, однако, не забыть, что не суждено быть великой нацией той, у которой не стали великими литература и искусство. Там, где отсутствует восхищающее душу единство, нет и разумной жизни. То, что медь нередко выдают за золото, а орла превращают в ворону, – последствия этой напасти. Высокое искусство должно обладать и высокими достоинствами. От имени старшего поколения казахской литературы, в заложении остова которой приложил руку и я, прошу: провожая меня в последний путь, вспомните это мое сокровенное пожелание.

Лишенный сил удержать в руке перо, я продиктовал мое письмо Альжаппару и Мухтару.

Итак, священный край, родная земля, незабвенные друзья-товарищи, родные и близкие, лучезарное юное поколение, прощайте, прощайте!

Габит Мусрепов».

ЖЫРАУ МӨҢКЕ ТІЛЕУҰЛЫ

Предсказаниями, предвидениями Нострадамуса и Ванги изумляется весь мир. Провидцы были и среди казахов. Одного из них звали Мөңке Тілеуұлы. Известно, что родился в 1675 году на территории нынешнего Шалкарского района. Был он акыном, прославленным бием, мыслителем. Свои предвидения облекал в философскую стихотворную форму. Некоторые из них дошли до нас. Вот образцы тех

поэтических прозрений, изложенные мной корявой прозой, можно сказать, подстрочником. Мөңке предвещал:

...И будут дома составные, сборные,
За каменной оградой.
И будут судьи скользкие и верткие, которых ничем не проймешь.
Будут ежемесячные сборища,
от которых народу и пользы-то в слепую копеечку.
И будет сын твой проныра, пройдоха по имени Едірей.
И будет дочь непослушная, вздорная по имени Бедірей.
И будет сноха, переступающая тебе дорогу, по имени Ежірей.
И будешь пить желтую водицу,
Которой и собака брезгует,
Но люди возжаждят ее.
Будут снадобья – кругляшки-пуговки.
Будет старичье, которое молодежь
И в грош не ставит.
И будут твои дни без надежды на завтра.
И братишка схватит тебя за ворот.
И вера твоя станет сомнительной.
Появятся упыри, кровь людскую сосущие.
Станет черствой близкая твоя родня.
Будут мужчины и женщины цапаться как собака с кошкой.
Пустыми бумажками сорить будут,
Будто водой.
И, все это увидев,
Покинешь лживый мир.

Такое вот предсказание бия, акына, степного мудреца Мөңке, изложенное в стиле жырау (сказителя) в начале XVIII века, то есть триста лет назад.

И что тут комментировать, разгадывать? Достаточно взглянуть на нынешнее наше общество.

Еще один пример:

От полноводных озер останется лишь дно,
Исчезнут скакуны, останутся лишь клячи,
Ум покинет джигитов, останется расчет,

Исчезнет стыд у женщин, останется смазливость.
Слово лишится смысла, останется лишь тень,
Дух святого сгинет, останется надгробье.
Достойные исчезнут, останутся ничтожества.
Наступят времена безумцев, безмозглых.

Еще одна миниатюра:

Разных-разных племен-народов много будет.
Днем и ночью светло будет.
На весь мир протянутся пути
От выси и Создателя.
Без платы человек трудиться не будет.
На разные куски мир раздробится.

Но... все это мы ныне видим. Как степной мудрец-рапсод все это провидел?! Какой прозорливый ум! Мөңке яснее, доступнее, чем темный, загадочный Нострадамус. В поэзии казахских жырау-сказителей XVII–XVIII веков много поразительных жемчужин. Досадно: нынешние казахи предали их забвению.

МИЛЛИАРДЕР

Сам удивляюсь, но я знавал одного крупного миллиардера. Он немного старше меня. Прост и ровен в общении. Вежлив, деликатен. Волнистые, с легкой проседью волосы. Чуть навыкате глаза. В них застыла затаенная печаль. Носат. Губаст. Породист. Говорит негромко, но веско. Всегда облеплен людьми, откровенно заискивающими перед ним. Ухоженный. Опрятный. Держится с достоинством. С первого взгляда, милый, симпатичный, светский человек.

Столкнулся я с ним в импозантной столовой в Институте открытого общества, где нас, участников годового совещания, обильно кормили. Понятно, за его счет.

Говорил он по-английски. Но я знал, что он владеет и немецким. Столкнувшись с ним лицом к лицу, я слегка растерялся, но представился.

– Из Казахстана. Из Алматы. Родом из поволжских немцев. Председатель правления Казахстанского фонда.

Он выпучил на меня глаза, и я опять обратил внимание на бездонную грусть в его темных зрачках. Он ответил по-немецки:

– Sehr angenehm. Willkommen! Надеюсь, у вас там, в Фонде, все порядке? С вашими предложениями я знаком.

Мне почудилось: то, что я немец, ему не понравилось. Мы обменялись еще двумя-тремя фразами. Стоявшие рядом нас не понимали. Но исполнительный директор Джордж Зарубин ликовал:

– Все! Контакт состоялся.

И хлопнул меня по плечу.

Несколько дней я наблюдал за миллиардером. Он слушал выступавших, подавал реплики, задавал вопросы, иногда шутил. Но поскольку он говорил по-английски, я его юмора не понимал. Потом мы (человек двенадцать) обедали вместе в одном шикарном ресторане, в затемненном зале с зеркалами, при свечах. Изысканный обед с разными винами и деликатесами. Интимная обстановка. Приятный, доверительный разговор. Миллиардер в простенькой клетчатой безрукавке с расстегнутым воротом рассеянно отщипывал от булочки, неторопливо жевал и пригубливал из фужера красное густое вино. Больше ни до чего не дотрагивался. Заметив меня, он что-то сказал одной рыхлой даме из Нью-Йорка, и та тотчас подсела ко мне и стала довольно скверно переводить с английского на немецкий. Ее перевод мне показался слишком пресным, и я весь обед только наблюдал за миллиардером. Шутка ли? С миллиардером доселе мне обедать не доводилось. И выйдет ли еще случай? Я заметил: при всей его воспитанности и вежливости, он смотрел на некоторых своих гостей свысока и даже с брезгливостью. И временами он не говорил, а вещал, настаивал на частые ротации в его Фонде. Потом был заключительный банкет в старинном, полуразрушенном, полузапущенном замке. Участники совещания ели, пили, веселились, плясали, шумели, балдели от души. Пришел и миллиардер, на этот раз в простом костюме, неброской рубашке, в легких штиблетах. Побыл час, еще раз всех поблагодарил, сделал два глотка из фужера и незаметно удалился. Абсолютно нормальный человек. Только глаза оставались грустными. И я подумал: он, наверное, устал от финансовых махинаций. От славы. От денег. От вселенского подхалимства вокруг. А может, ему жалко своих денег, которые зачастую улетают в трубу?

Не знаю.

Больше я его не встречал. Осталось от него одно благодарственное, вежливое письмо.

Было это в 1998 году. Летом в Будапеште. И звали миллиардера Джордж Сорос.

НЕТ ГОР, НЕТ УТЕСОВ, А ЕСТЬ ХОЛМЫ, СОПКИ, БУГОРКИ

У казахов во все времена было много выдающихся поэтов. Сам казахский язык создан для высокой поэзии. Я о том говорил и писал не раз. Тем не менее, нынешняя казахская поэзия чудится мне в подавляющем большинстве однообразной, застойной, безликой, будто достигла неких вершин и на этом остановилась или взяла тайм-аут. То есть нет гор, нет утесов, пиков, а есть холмы, сопки, бугорки в плоской, ровной степи. Может, мои ощущения не верны?

В чем дело? Гёте в «Поэзии и правде» говорит: «Любая национальная поэзия пуста и неминуемо будет пустой, если она не зиждется на самом важном – на великих событиях в жизни народов и их пастырей, когда все, как один человек, стоят за общее дело».

Может, это «самое важное» и незаметно ускользнуло от современной казахской поэзии? Может, просто нет того «общего дела», за которое все стоят, как один человек? Может, годы независимости не стимулируют казахскую поэзию на прорыв?

Стихотворцев, убеждаюсь, очень много: казахские газеты и журналы изобилуют стихотворными подборками. Я их читаю в рубриках газет и журналов, и мне кажется, что они на одно лицо, как казахская эстрада, все акыны строчат по одному шаблону, а «цепляют» только Иран-Гаип, Темирхан и покойный Кадыр. Отдельные строки, строфы картину не меняют.

Или не так?

Каким критерием воспользоваться в таких случаях? От какой печки танцевать?

Опять-таки советует Гёте: «...значение человека не сводится к тому, что он после себя оставил, а заключается главным образом в том, как он действовал прижизненно и на что откликался, а также в

том, пробудил ли он в своих современниках потребность действовать и отдаваться новым веяниям».

С этой точки зрения я вижу в современной казахской поэзии немало изъянов.

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ПРАВ

В казахской литературе я насчитал 39 народных писателей (последний в списке прозаик Кабдеш Жумадилов, получивший это звание в 1998 году) и 65 лауреатов государственной премии (последние по времени лауреаты Айтов и Досанов). Около сотни литераторов удостоились звания «Лауреат международной премии Алаш». По эти показателям можно смело сделать вывод, что казахская литература функционирует вполне благополучно.

И все же, положа руку на сердце, кто из покойных и живых народных и «олауреаченных» остались в литературе? Ведь большинства ныне даже не вспомнят.

Досадно, конечно.

И международный имидж казахской литературы явно не высок. За рубежом из казахской литературы знают немногих (М. О. Ауэзова, О. Сулейменова, в какой-то мере А. Кекилбаева, М. Шаханова, А. Нурпеисова, Р. Сейсенбаева, Б. Канапьянова).

Словом, негусто.

Вполне возможно, что плохо пропагандируем, популяризируем, рекламируем. То есть не умеем товар показать лицом.

К. И. Чуковский сказал: «Задержаться в литературе удается немногим, но остаться – почти никому».

Скорее всего, мудрец Корней Иванович прав.

СКОЛЬКО ГОСТЕЙ У КАЗАХОВ?

О гостеприимстве казахов написано исстари. И казахами. И другими. Это феноменальная черта нации. Я в том постоянно убеждаюсь, начиная с 1941 года и поныне. Сколько дастарханных почестей

было воздано одному мне на разных этапа моей жизни – и когда я был аульным пацаном, и молодым учителем, и зрелым литератором, и в ранге общественного лица! Только диву даешься такой душевной щедрости. Ни русский, ни – тем более – немец на такое не способны. Это культ, заповеданный предками. Это нравственный кодекс номада. Гость – божий посол. Ему положено все самое лучшее даже в самом нищем доме. Гостю отмеряна своя доля.

Казахи (условно говоря) различают такие виды гостей.

Божий гость («құдайы қонақ») – самый желанный, самый почетный. Как правило, такой гость и хозяева дома друг друга не знают. Путник запросто останавливается в любом доме. Что ж... Бог послал. И у гостя никаких претензий, и хозяева привечают его радушно, без каких-либо докучливых расспросов. Таков вековой этический закон. Или ритуал, как хотите.

Специальный гость. Традиционный. Так сказать, узаконенный (***«арнайы қонақ»***). Это, как водится, дальние и близкие родичи, свойственники, сваты, друзья. Они приходят-приезжают по приглашению. Или просто так с визитом вежливости. Таких гостей принимают со всякими почестями, щедро одаривают, оплачивают дорожные расходы. Все как положено, согласно национальным традициям.

Учтивый (вежливый) гость («сыпайы қонақ»). К этой категории относятся люди видные, известные, занимающие высокие служебные посты. Люди они занятые, времени в обрез. Соответственно, принимают их по укороченной, динамичной программе, с учетом их общественного и социального реноме. Высказывают подчеркнутое внимание и почет, с учетом чести и достоинства. Хозяева очень стараются не ударить лицом в грязь.

Праздный гость, гость-гуляка («қыдырма қонақ»). Это, известно, вольные люди, без церемоний. Захотелось – пошел в гости. Не спросясь. Просто так. Завалился и все. И хозяева рады. Уважает, значит. Вспомнил. Дурного не желает. Пришел дать салем. Что ж... Милости просим. Как говорится, чем богаты...

Деловой гость. Гость по долгу («шақырыспа қонақ»). Гость как бы по обязанности, по ритуалу. Скажем, приехал с учебы, вернулся с солдатской службы, из длительной поездки, командировки, собирается в путь, намерен жениться или приглашает на день рождения. То есть он гость целевой, с конкретной обязанностью. Такому гостю казах тоже рад.

За свою немалую жизнь я познал статус всех этих видов гостя. Притом в разных областях – в родном ауле в Северо-Казахстанской области, в Семее, Павлодаре, Костанае, Шымкенте, Джамбуле, Кызылординской, Актюбинской, Мангистауской, Атырауской областях, в Алматы. И обо всем этом мог бы рассказывать долго, подробно, с восторгом, добротой. Любой вид гостя обладает своими прелестями. И я через все это прошел.

Помню, отец всегда поражался этому казахскому феномену. В военные и послевоенные годы он, заведующий фельдшерско-акушерским пунктом, обслуживал казахские аулы Ибраево, Коктерек, Мектеп, Жанажол, Жанаталап, Каратал, Алқа-ағаш и два русских поселения Козловка и Карачок. Так вот, в казахских аулах, в какой бы дом ни заходил, его непременно угощали всем, чем бог послал – топленым, соленым маслом, айраном, куртом, иримчиком, лепешкой или поджаренной на бараньем сале пшеницей, толченым просом, чаем. Всем, чем хозяева располагали. В русские же села отец заезжал со своим харчем – краюшкой хлеба, луковицей, яйцом, солью, которыми подкреплялся в одиночку. Русские не предлагали фельдшеру-спецпереселенцу даже кружки воды. Такие нравы. Такой контраст. Я думаю, это не от бедности вообще. А от бедности души и нравственного ориентира.

«ҚЫЗ ЖІБЕК» НА ЛАТИНИЦЕ

Давний знакомец, профессор Дюсен Касеинов, ныне генеральный секретарь Международной организации по культурным связям «Турксой», обладатель многих талантов, в чем я имел возможность убедиться не однажды, завез мне знаменитый эпос «Kiz Jibek» (kazak Ask Dastani). Издание совершенно уникальное (Oran Ankara), на казахском и турецком языках. При этом казахский текст воспроизведен латиницей, дабы казахам, проживающим в Турции, удобнее было читать, поскольку, понятно, они с кириллицей не в ладу. Казахский текст, воспроизведенный латиницей, читается с некоторым напрягом, но для меня вполне доступно.

Параллельно, по правую сторону страниц, приводится турецкий перевод, который я разбираю по общему смыслу с пятого на десятое.

Но это интересно и любопытно. «Турксой» сделал, несомненно, полезное дело.

Издание снабжено вступительным словом Д. Касеинова, статьями академиков, докторов филологии С. Каскабасова, З. Ахметова, комментариями М. Гумаровой и Н. Смирновой. Объем книги 276 страниц большого формата. Количество поэтических строк 2705. Книга изящно – на восточный лад – оформлена, иллюстрирована. Издание приурочено к 500-летию романтического дастана о любви – памятника всего тюркского мира. Я рад, что являюсь обладателем этой замечательной книги. Достойный факт культуры.

ЧТО ЗНАЧИТ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН?

В казахской литературе одно время он шел сплошным потоком. Я их читал не один десяток – Есенберлин, Кекилбаев, Магауин, Досжанов, Жунусов, Жумадилов, Нурпеисов, Алимжанов, Сматаев, Алдамжаров, Досмамбетов, Мухамбеткалиев и т. д. Некоторых я даже переводил на русский язык. Это, как правило, были длинные, как тонкая баранья кишка, повествования о том, ***что было***, что и ***как происходило.***

А, по словам Томаса Манна, история – это то, что ***продолжает происходить*** во времени. Это и есть самое трудное и ***необходимое.***

ОБАЛ-САУАП

Иногда Акселей Сейдибек меня ошеломлял. То доказывал, что казахское «Әуп!» (возглас при вставании или поднятии тяжести) происходит от немецкого предлога «auf». Более чем сомнительно. Потом уверял меня, что русский «типун» от казахского «тіпә». Я возражал: казахское «тіпә», скорее всего, от русского «тьфу».

Постучался к Далю. «Типун – птичья болезнь, хрящеватый нарост на кончике языка. Снять типун, содрать иглой. Типун тебе на язык! Брань за вздорную болтовню, за острастку».

Значит, «тіпə» тут ни при чем.

Акселеу был весьма образованным человеком (доктор филологии, профессор, этнограф, историк, писатель), щедро талантлив. Но порой его заносило. И переубеждать его бывало трудно.

Любил он казахскую нравственную категорию «обал-сауап». «Найди-ка этому понятию русский адекват», – приставал он ко мне. Я не находил. Нечто близкое к греху и расплате, но не совсем то. Полноценного адеквата не находил ни в русском, ни в немецком языке. «Ну и что это за народ, который живет без таких основополагающих понятий?!» – победно вопрошал Акселеу. «Обал-сауап» – на этом построено национальное мировосприятие. В этом суть номадической этики.

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРЫ

Ну, вот и он, всеобщий любимец, выскородный и разноодаренный, славный и мудрый азамат народа, златоуст, преодолев семь крутых перевалов и взобравшись на вершину горы, откуда простираются неоглядные просторы, тихо, скромно отмечает свой юбилей.

Родился он 1 января 1943 года. Родители его – выдающиеся личности. И сам он всеми признанная, незаурядная личность. И по возрасту он пережил своего гениального отца. Тəубе, тəубе! Судьба его закалила, испытала изрядно, щедро одарила талантами, обласкала и вознесла на гребень славы.

Он из разряда избранников Земли.

Шикарную книжку издал о нем наш таджикский собрат Сафар Абдулло. В сборник вошли 25 статей, эссе, воспоминаний – искренних, проникновенных, исповедальных, спелетнных из слов, идущих от души, от сердца.

Читаю эту книжку, названную «Человек культуры» (ИД «Библиотека Олжаса», 2012), и испытываю гордость за своего современника, за младшего собрата по перу, по умонастроению.

Такие феноменальные личности украшают жизнь и наполняют смыслом наше бытование на земле.

Я говорю о Мурате Мухтаровиче Ауэзове.

ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Я все стараюсь предугадать основное направление казахской литературы в настоящее время. И мне никак не удается провидеть его. А может, этого направления и нету? На мой взгляд, за годы независимости (очень, кстати, условное понятие) казахская литература так и не обрела четкого очертания. В 70–80-е годы прошлого века она была, как мне видится, направлена на ясные цели: на историческое самосознание, на большие национальные надежды, на свободолюбивые мотивы, на гражданские порывы, на поиски своего национального пути, на осуществление вековых чаяний. Это проглядывалось в исторических и остросоциальных романах, в широкоохватных, многоплановых эпопеях, в поэмах-дастанах, осмыслявших прошлое и настоящее казахов, в желании пробудить сознание подавленных и угнетенных. Вспомним произведения Кекилбаева, Магауина, Жумадилова, Есенберлина, Нурпеисова, Ахтанова, Алимжанова, Сматаева, Дж. Мулдагалиева, Мурза-Али, Сулейменова, Досжанова и других. С достижением основной цели – независимости страны явно обозначился спад, некоторая растерянность, разброд, едва ли не застой. Оскудел исторический роман с опостылевшими ханами, беками, биями, батырами, конокрадами-барымтачи, мифическими ристалищами с джунгарами, надуманными коллизиями; поблек, выдохся социальный роман, докатившись до «Ак орды» и «Двадцатый век», до убогих и пустозвонных од профессиональных аллилуйщиков-жарапазаншы и благонамеренных жопеке. Затянулась эта тесная (или серая?) полоса. Дошло до того, что госпремии давать некому и не за что. Наступила фаза обскурации (затухания, понижения), по терминологии Льва Гумилева.

На что следует (или можно) делать ставку в будущем? На осмысление и художественное отражение современного казахского бытия. То есть, в первую очередь, на социально-философский роман.

Генрих Манн на заре XX века писал: «В двадцатипятилетнем возрасте я сказал себе: необходимо писать социальные романы о современности. Немецкое общество не знает самого себя. Оно распадается на не знакомые друг с другом слои, а правящий класс кажется скрытым в облаках».

Ну не о нашем ли современном обществе это сказано?

Значит, что нужно современной казахской литературе? Социально-политический роман!

Вот на него пока что редко кто замахивается. Но, чудится мне, он вот-вот наберет силу. Общество наше достаточно сложное, и оно, как никогда, нуждается в остром и объективном социально-политическом анализе и философском осмыслении.

Ждем-с...

СНЕГ, СНЕГ...

Надрываются вороны: қар, қар, қарр. Вороны, конечно, местные, ибо на государственном языке қар – снег.

А снег идет, идет. Мокрый, тяжелый. Не идет – валит. Жадно набрасывает всей тяжестью на покорно стелющиеся под ним ветви елей и тополей.

Я стою на балконе и любуюсь царством Берендея. Разгулом белой стихии. Все погрузилось в глухую немоту. Едва слышен лишь шелест снежных волн.

Третий месяц, занедужив, пребываю в четырех стенах. Ослаб. Одряхлел. Тоскую по весне, по надежной тверди. Может, восстановлюсь...

Соскучился по Чокану. Он совсем рядом, за поворотом, за углом нашей высотки, чуть выше по аллейке, напротив посрамленной Академии наук. В полном одиночестве. Снег – представляю – мохнатой шапкой покрыл его гордую голову, лег на плечи, на руки. И он застыл в глубокой задумчивости. Не слышит ни детский гомон, ни мудрых бесед поредевших в последние годы стариков, чертивших совсем недавно за кругом круг у его подножья. Почти четыре десятка лет я совершал здесь свои регулярные прогулки и проводил деловые встречи.

Он звал соплеменников к просвещению и свободе.

Дозвался ли?

Он вслушивался в неторопливые беседы стариков, сетующих на быстро текущее время, на обманчивый мир – *жалған дүние*.

И что услышал?

Мне всегда бывало приятно с ним беседовать. Я внимал ему, и он меня понимал. Нередко мы говорили с ним на одном языке.

Покойный литературовед Есенгельды, завсегдатай наших прогулок у Чокана, немало повидавший на своем веку, говорил нам, своим более молодым компаньонам: «Пройдет время – и вас останется здесь трое, потом – двое, а потом – один. Он!»

Похоже, к этому идет.

Уже почти четыре месяца я не посещаю Чокана Чингисовича Валиханова. И мне грустно. И я соскучился по нему, как по родному человеку.

Может, и он обо мне вспоминает?

Снег, снег... Все вокруг белым-бело. И разлапистые ветви елей поникли под белой тяжестью.

И я взираю с балкона на дивный божий мир.

«НЕПОНЯТНЫЙ КАЗАХ»

Все глупо и несуразно.

И то, что московские власти отвели протестным крикунам место возле памятника Абаю, и то, что некий господин, квазилидер, выразился в своем блоге «непонятный казах», «крутой чел», и то, что какой-то телеведущий (или артист) с диким русским акцентом, кривляясь, тужился прочесть в оригинале несколько строк из стихотворения Абая «Жазғытұры», и сам грязный бомжатный лагерь вокруг памятника великому казахскому поэту, и то, что доморощенные журналисты назойливо пытались пиарить Абая символом российских оппозиционеров, что, мол, мир познает Абая, что он, поэт-мыслитель, стал вдруг знаменем недовольных и непокорных едва ли не во всем мире, что русский люд буквально увлекся творчеством казахского мудреца, и сам дурацкий лозунг «Окупай Абай» и т. п., etc. – все глупо.

Глупо и унизительно для самого Абая.

Оскорбительно для его потомков и почитателей.

Поверьте мне: как-никак я написал четыре книги об Абае и составил шесть книг, изданных в Алматы, Астане, Праге и Берлине.

Как только началась эта сомнительная акция, наши СМИ пришли в патриотическое возбуждение, звонили мне, взахлеб делились радостной сенсацией, просили: «Прокомментируйте».

А что, собственно, комментировать?

Место это для митингующих московские власти определили совершенно случайно. Вряд ли мэрия вознамерилась прославить таким образом казахского классика. Кто такой Абай – мало кто из москвичей знает. Толпа (дешевая публика, как сказал бы мой друг Константин Эрлих) даже представления не имела о каком-то Абае-бабае (по-татарски бабай – дедушка). О его назиданиях и слыхом не слыхивала. А по мне, и сам памятник сомнительный: сидит в нелепой позе какой-то поджарый сарт-торгаш посреди бульвара ни к селу ни к городу. Натаскали к нему, как к старьевщику, всякую дрянь, разбили грязный лагерь, вытоптали газон, нагадили вокруг, напугали жителей. Кое-кто из бомжей маечки напялил с изображением Абая. Кто-то раздобыл даже книжку, вылавливает из его назиданий протестные строки. А «наши» от радости и гордости тюбетейки кидают в воздух. О, Абай! Всем раскрыл глаза! Москвичи грезят Абаем! Русский мир познал нашего гения! С Абаем оппозиционеры идут на Кремль. Знай наших! Популярность казахов бьет через край. Жаса, Абай!

Слушать эту белиберду тошно. Смотреть на этот темный разгул стыдно.

А главное: при чем тут Абай? Мыслитель, гуманист, просветитель, реформатор стиха? Разве о таком Абае идет речь? Разве такого Абая, бунтовщика-башибузука, должен открыть для себя русский мир? И весь многоязычный люд?

Странно это. Уродливо.

Разумное слово обо всем это постыдстве я услышал по ТВ из уст моего знакомого – семейца Ерсалимова – внучатого племянника Абая. Он ясно и четко выразил свое возмущение по поводу всей этой, с позволения сказать, политический акции, которую под стать назвать кощунственным, разгульным шабашем, унижающим дух и ментальность Абая.

Я полностью согласен с Балташем Ерсалимовым.

Май 2012 года

ГОРДОЕ ИМЯ – ЖУРНАЛИСТ

Признанный мэтр отечественной журналистики, лауреат множества премий профессор Сағымбай Қозыбаев порадовал своих поклонников новой книгой – «Гордое имя – журналист» («Алматыкітап», 2012. 46,8 п. л. Тираж 1000 экз.).

Мне знакомо большинство книг Сағымбая Қозыбаева. О некоторых из них даже сподобился писать отзывы. Книги его всегда композиционно строго продуманы, охватывают многие грани общественного и социального бытия, верно и точно нащупывают дух времени, подчеркивают значимость и действенность яркого журналистского слова, целенаправленны, чаще всего двуязычны и богато иллюстрированы животрепещущими фотографиями. Автор трогательно влюблен в свою профессию, великодушен и доброжелателен к своим коллегам по перу, всюду ищет и находит новые таланты и щедро делится своей радостью, зорко нащупывает их сокровенные грани.

Эти достоинства журналиста божьей милостью проявились во всем блеске и в данной его книге.

Содержание книги богато и разнообразно. В нее вошли статьи, эссе, зарисовки, путевые заметы, воспоминания, рецензии автора, теплые отзывы о его трудах, интервью, беседы, злободневная публицистика, и весь этот многогранный материал убедительно распределен по шести большим частям, названным «Глас и око», «Ақку – символ любви», «Сәті түскен сұхбат», «Нетленно лишь написанное», «На пути к экватору», «Зеркало или прислужница?» Уже по одним этим названиям можно определить круг творческих интересов, строго очерченных автором. Каждая часть состоит из 16–25 подтем (подчеркиваю: на двух языках!), определяющих горизонты его видения.

Такая вот книга – научно-публицистическое и учебно-справочное издание. Таков излюбленный жанр автора.

На чем зиждется все творчество профессора Сағымбая Қозыбаева? Каков краеугольный камень его преподавательской деятельности? В начале книги он напоминает лапидарное изречение словенского афориста Жарко Петана: «О светлом будущем заботятся политики, о светлом прошлом – историки, о светлом настоящем – журналисты».

Этого кредо придерживается и автор объемной книги «Гордое имя – журналист».

«Журналист – кто он? – задается автор древним вопросом. – Подмастерье, писака, цепной пес демократии, литературная п-ка? Прости, Господи, как нас только не называют. Служанка, прислужница власти, зеркало жизни, голубой экран...».

Своей книгой автор отвечает на «проклятый» (Г. Гейне) вопрос.

Отвечает искренне, чистосердечно в заключительной заметке «Тропа к дому твоему». Дом автора – факультет журналистики КазНУ им. аль-Фараби, где он в разном качестве трудится без малого сорок лет. А «тропа» к этому дому – сама жизнь маститого профессора.

«Тропа...» – одновременно и эпилог данной книги, сотканной лишь из малой толики (написал, оказывается, более тысячи статей, заметок) авторских статей, интервью, откликов на события, на написанное обо мне коллегами и самим о них, дум о единомышленниках. Все нельзя объять – это давно известно. Просто очередной книгой напоминаешь себе и другим: «Ты жив, а значит творишь». В меру сил и дара.

Перо – острее меча. И возвращаясь к названию книги, я вновь и вновь повторяю: «Журналист – это звучит гордо!» Конец цитаты.

Подписываюсь под этими пафосными словами, хотя сам я по базовому образованию не журналист. Журналистика, однако, и мне не чуждый аул, ибо давно обитаю и творю по соседству.

«БОГОМ СОЗДАН БЫЛ ВОСТОК...»

Насколько я помню, тему евразийства поднимали в начале прошлого века русские философы. Они трактовали эту тему в широком аспекте – историческом, культурологическом, философском, географическом, геополитическом. Потому, возможно, термин трактовался несколько расплывчато.

Новый импульс этому понятию придал наш Елбасы, выступая в Москве перед студентами много лет назад. Я помню передачу по ТВ, в которой, помимо Н. Назарбаева, участвовали довольно известные персоны – историки, экономисты, политики. Назарбаев трактовал это понятие конкретно и, главным образом, сугубо политически. Мне тогда показалось, что он явно сузил рамки этого глобального понятия. Впрочем, у меня и поныне нет четкого видения в этом вопросе.

Понятной и симпатичной мне была и остается постановка Олжаса (Сулейменова): «Нет Востока и Запада нет. Два сына есть у отца». А задолго до Олжаса эту идею четко выразил Гёте: «Gottes ist der Orient. Gottes ist der Okzident» – «Богом создан был Восток. Запад тоже создал Бог».

Этнически я вроде как человек западный. Но странным образом я больше тяготею к Востоку. Он меня очаровывает, будоражит, волнует. В сознании моем прочно укрепилось: человеческая цивилизация идет оттуда. Да и солнце восходит с востока. В десятом классе аульной школы во время выпускных экзаменов представитель районо, долговязый, поджарый российский немец по фамилии Мерфурт, беседуя со мной на лужайке перед интернатом, всерьез посоветовал мне держаться восточной ориентации. «Это ваша стезя». Видно, он исходил из того, что я, поволжский немец-спецпереселенец, оканчивал казахскую школу и говорил-писал по-казахски.

Мой уникальный друг еще с институтских и аспирантских времен, многогранный Аскар Сулейменов был ярко выраженным западником. Он глубоко разбирался в западной философии, культуре, литературе, музыке, живописи. И восторженно говорил, откидывая гривастую голову: «О! Запад есть Запад!» Его восхищало все западное. Даже футбол. С особым шиком произносил он имена западных мудрецов.

Мурад Аджи был помешан на всем кыпчакском. Всюду и во всем ему грезились кыпчакские корни. Гимн Востоку воздал Гёте своим «Западно-Восточным диваном». Правда, это увлечение продлилось у него недолго.

Олжас увлечен принципиально тюркским миром. Казахские элементы он находил и в шумерах.

А вот авторитетнейший академик Дмитрий Сергеевич Лихачев твердо и принципиально придерживался иных воззрений. Известно, что русская эмиграция «первой волны» мучительно искала место для России между Востоком и Западом. Да и в наше время муссируют на все лады панславянские и панмусульманские сближения.

Академик Лихачев был категоричен: «Россия никогда не была Востоком. Евразийская теория мотивировалась исключительно географическим положением, но в культуре, в русской литературе подтверждения не находит».

И еще:

«В начале восточнославянского единства Русь была «Скандовизантией», но никак не Евразией»

И еще:

«В литературе восточные сюжеты приходили к нам с юга (из Византии) или даже с запада, но никак не с востока» (см. «ЛГ» от 5 февраля 1992 года).

Не знаю, не знаю... С мнением Дмитрия Сергеевича считаться надо.

Мне же лично всегда хочется максимально сблизить Запад и Восток. Я всюду обнаруживаю какие-то общие корни. Этой идеей пронизана моя работа «Гёте и Абай». Да и все мои исследовательские опусы. Открытия мерещатся мне именно на стыке культур разных континентов. В этом убеждают меня и Гёте, и Томас Манн, и Герман Гессе, и акад. Журмунский, и Абай, и Ауэзов.

И это убеждение, думаю, плодотворно. Не убеждают меня только сугубо политические аргументации.

«СТЕПНОЙ ДЖЮСАН ЗВЕНИТ И ПЛАЧЕТ...»

Самое сильное мое впечатление от моего бытования в Казахстане – степи: североказахстанские, павлодарские, семейские, костанайские, южноказахстанские, аральские, мангышлакские. Их неизгладимую прелесть я ощутил в поездках – на конных повозках, на мотоциклах, на машинах. В степи ощущаешь себя вольным существом, будто паришь над землей. В степи я люблю молчать, внимать ее чарующим, таинственным звукам.

Вспоминаются всегда колдовские строки из какого-то стихотворения Максимилиана Волошина:

Степной джюсан звенит и плачет,
Пустыня спит, а мысль растет...

Как это всеобъемно сказано: «Звенит и плачет!»

Это надо было расслышать и выразить словами. Они напоминают по силе выражения лермонтовские: «Пустыня внемлет Богу», «И звезда с звездою говорит».

Все, все самое сокровенное может выразить человеческий язык. Если им владеет божий избранник.

АКСЕЛЕУ

Был бы Акселеу Сейдимбеков жив, ему ныне (2012) исполнилось бы семьдесят лет. О нем – писателе, историке, этнографе, языкознатце, фольклористе, домбристе-кюйши, эрудите, человеке незаурядном, обладателе разных талантов – пишут много. И я его знавал в течение десятилетий. И о нем, и о его многогранном творчестве могу кое-что поведать. Однако ограничусь здесь лишь двумя штрихами к воспоминаниям о нем, о которых, полагаю, мало кто знает.

Мне он не однажды внушал: художественную прозу писать не стоит, эффективнее заниматься историко-философской публицистикой, эгнографически-исследовательской эссеистикой. В наше время востребованы труды именно такого характера и направления. «Ну, хорошо, – убеждал он меня. – Сочините, скажем, роман о любви. Он и она. Опишете набившие оскомину банальные любовные перипетии. И на четырех- или пятисотой странице, наконец, он и она сольются в страсти на скирде сена в безлюдной степи. Ойхой, дүние! Тут и роману конец. И зачем это писать? Зачем читать? Надо писать о том, что обогащает ум и укрепляет Дух!»

Я не спорил. Тем более романов о любви не сочинял.

«Вы, Гереке, знаете Альфреда Вебера?» – спросил он как-то. «Веберов знаю косой десяток, а Альфреда нет». – «О, это был крупный ученый. Экономист. Социолог. Историк. Культуролог. Классик. Автор фундаментального исследования об истории культуры как социологии. Книга написана давно и на русский язык не переведена. В ней хорошо, одобрительно сказано о номадах, о культуре кочевых народов, о тенгрианстве, о доисламской Степи. Вот если бы Вы перевели эту часть или – еще лучше – всю книгу. Это было бы нечто достойное и полезное».

Незнакомым Альфредом Вебером Акселеу прожужжал все мои уши. Видно, он где-то что-то вычитал о нем. Тенгрианством и номадами Акселеу грезил всю жизнь. Он убежденно считал, что ка-

захи доисламского периода были во всех отношениях колоритнее и могущественней.

Обратился я в Германское посольство, к знакомому культуратташе. Он навел справку, сделал запрос и месяцев через пять вручил мне толстенный (в 546 страниц) томище – переиздание «Kulturgeschichte als Kultursoziologie» (Marburg, Metropolis, 1997). Я долго листал-вертел это капитальное исследование, вчитывался в предисловия разных «окуы өтіп кеткен» гелертер, внюхивался в научный аппарат и громоздкий регистр имен и почувствовал, что эта глыба не по моим зубам. В восьми обстоятельных, трудоемких главах говорилось о культуре с сотворения времен, о предыстории, о примитивных ее зачатках, о Древнем Египте, Вавилоне, Греции, Китае, Индии, о евреях и персах, об Италии, Руси, Сирии и сасанидах, об арабах, пророке Мухаммеде, об исламе, о разных странах, народах, цивилизациях, культурных пластах... господи, о чем только не писал ученый Альфред Вебер! И я подумал: сколько же понадобилось сил, терпения и времени, чтобы все это одолеть и осмыслить?! Гегель и Кант, да и другие мудреные немецкие философы почудились мне по сравнению с Альфредом Вебером – просто айналайын. Э, нет, это все вне моих интересов. Моя бедная головушка не в состоянии вникнуть во все эти премудрости.

Я бегло перелистал весь фолиант, но ничего о тенгрианстве и о культуре номадов мне на глаза не попалось. И я примерно понял, в каком, собственно, мире пребывает мой коллега Акселеу. Подобных сочинений он наверняка осмысленно прочел монблан! Я в том убедился, когда с писателем Абдижамилем Нурпеисовым посетил его квартиру. Какая библиотека, какой порядок, как все систематизировано, разложено по полкам и по папкам. Я диву давался! И почувствовал себя полным неучем перед моим младшим собратом.

Несомненно, Акселеу был уникумом. Энциклопедистом. Загадочной личностью.

А вот второй штрих к его портрету.

Будучи в Германии (в 1998 году), мы десять дней не разлучались: жили в одних гостиницах, бродили по Бонну, Берлину, Дюссельдорфу, Кёльну, Франкфурту, Потсдаму, по другим опрятным городишкам, по магазинам и ярмаркам, бывали на разных официальных приемах, выступали с докладами в двух университетах, посетили музеи, выставки, могилу Мустафы Шокая, восхитились, удивились германскими

достопримечательностями и ландшафтом, делились впечатлениями. Поразил Акселеу меня своим жадным, неуемным интересом ко всему, что касалось истории, культуры, этнографии, литературы, архитектуры. Акселеу с Кекилбаевым при каждом удобном случае (особенно в пути) вели нескончаемые интеллектуальные беседы, к которым я с удовольствием прислушивался, испытывая радость и гордость за своих мудрейших казахских коллег.

В день перелета из Бонна в Берлин у меня, как всегда внезапно, начались почечные колики, и я пришел в ужас и отчаяние. Неужели загремлю на чужбине в больницу, отстану от делегации, выпаду из немецкой программы, окажусь в полной прострации?!

Поведал о своей беде Акселеу. Он посмотрел на меня сочувственно, что-то соображал. Потом неуверенно сказал: «Вообще-то у меня есть небольшая энергетика. Попытка не пытка. Попробую ее разбудить. Поглажу, помассирую Вам бок. Вдруг поможет, полегчает...»

Я улегся на диванчик прямо в холле гостиницы, задрал рубашку. Акселеу, как заправский баксы-шаман, долго и энергично потирал ладони, дул на них, шептал какие-то арабские слова-заклинания, зажмурился, сосредоточился, даже побледнел и приложил горячие, как огонь, ладони к моему воспалившемуся боку, начал гладить-растирать, массажировать, колдовать. И – о, боже! – минут через десять мне полегчало, боль приутихла, бок горел, я покрылся потом, как-то размягчился, обессилел, погрузился в дрему.

Так и добрался до Берлина и активно участвовал во всех мероприятиях нашей делегации. Акселеу в трудный для меня час по-знахарски спас меня, опекал, носил часть моей поклажи, и почка моя успокоилась надолго. Выходит, великий Тенгри наградил Акселеу и таким даром.

Акселеу удивлял меня разными поступками и гранями уникального дарования. Он не был кабинетным ученым. Он знал жизнь. Он жил жизнью казахов, заповедавших ему свою вековую мудрость. Он был загадочным человеком. И смерть его загадочна. Все провидел, все расписал, вплоть до одинокого холма, где покоится его прах.

Может, при случае расскажу и о других эпизодах наших встреч...

ОРАЛХАН

В нем все было красиво и одухотворенно.

В «ҚӘ» (от 12 сентября 2012 года) опубликована проникновенная статья-воспоминание о последних днях Оралхана Бокеева. С Оралханом я, признаться, тесно не общался. Вероятно, сказалась разница в возрасте: я родился на десять лет раньше его. Но симпатичен он был мне всегда. Часто сталкивались в Союзе писателей, учтиво здоровались, обменивались шутливыми фразами. Он был склонен к безобидному казахскому юмору («Вчера я слышал ваше выступление по телевизору. Вы читали отрывок из «Фауста» в переводе Медеубая: «Қайда барсам жабығамын, жабығамын, жабығам...». Последнее послышалось мне как «жабық а...»).

Человек был на редкость приятный: стройный, выше среднего роста, поджарый, с пышной шевелюрой, смуглолицый, всегда изысканно опрятный, хорошо, со вкусом экипированный («как денди лондонский одет»), подтянутый, броский, общительный, но, в то же время, углубленный в себя, погруженный в думы, отстраненный, насмешливый и загадочный. Он будто пришел откуда-то со стороны. Не общего поля ягода. Казахи говорят: пшеничный колосок на ячменном поле. Речь была быстрая, легкая, складная. Мыслил четко, ясно. И в нем, и в его произведениях было что-то возвышенное, романтическое, горделиво-одинокое.

Мне было едва за пятьдесят, когда меня включили в какую-то аксакальскую комиссию при ЦК КПК. Оралхана это забавляло: «Тоже нашлись мне аксакалы: Бельгер и Хан-Дин!».

Как-то мы беседовали, сидя рядком в громоздких, продавленных креслах в фойе Союза писателей. К слову, я пожаловался на свои недуги, и вдруг Оралхан разоткровенничался и стал рассказывать о своих болячках. Сроду не подумал бы, что здоровьем он не силен, впечатление производил отменное, а, оказалось, что у него в таком-то цветущем возрасте целый букет хворей: и слабость, и давление, и сердце, и легкие, и почки, и боязнь врачей, больницы. Он даже не состоял, будучи лауреатом и членом правления СПК, на учете в поликлинике Совета Министров. Не проходил медосмотров, не сдавал анализы, никому никогда не жаловался. Я не видел, чтобы он бражни-

чал с друзьями-приятелями в веселом и шумном баре Союза писателей. Держался он гордо, замкнуто и независимо. А передо мной вдруг раскрылся, как перед случайным спутником или как перед человеком иного рода-племени.

Гордился своим творчеством, радовался, что его переводит на русский язык Анатолий Ким, что издают его в Москве, что за один год дважды печатался в солидном журнале «Дружба народов».

В нем все было красиво и одухотворенно.

Умер он от обширного инфаркта в Индии. Панихида состоялась в драматическом театре для детей и юношества. Кажется, тело его было бальзамировано. В гробу он лежал белый-белый, будто мраморный. Было это в мае 1993 года.

Прошло 20 лет. Оралхана помнят, любят и произведения его читают.

...Он был продуктивным журналистом, прозаиком, драматургом. Сверстники его отдали дань богеме, любили изображать из себя эдаких «серi» и «салов», талантливых баловней судьбы. Оралхан тоже походил на удачливого любимчика-щеголя. Но он отличался редким трудолюбием и четкой творческой направленностью. Он постоянно, как я помню, работал в газетах, писал романы, повести, рассказы, очерки, являлся автором десятка пьес, прожил свою короткую жизнь, полную житейских бурь и драматизма, неурядиц и лишений, бурно и целенаправленно.

Чем же его творчество привлекало внимание?

На мой взгляд, ярко выраженным национальным духом и ментальностью, романтическим восприятием жизни, сочным колоритом возвышенного речестроя, одухотворенной грустью, светлой печалью, широким диапазоном художественного видения, неподдельной чувственностью, запахом родного края – Алтайских гор и степей. Он обогатил казахскую прозу свежими красками и недюжинными людскими судьбами.

Так я воспринимал Оралхана тогда.

Так воспринимаю его и поныне, радуясь тому, что я его знавал при жизни, гордясь тем, что он, спустя двадцать лет после кончины, остается любимым писателем все менее – увы! – читающей казахской молодежи.

КТО ЕЩЕ НЕ ПИСАЛ ПРО ЧИНГИСХАНА?

Уже несколько лет, уединившись в Праге, видный казахский писатель Мухтар Магауин увлеченно работает над трилогией (или тетралогией?) о Чингисхане. Судя по всему, он проделал огромную подготовительную работу, изучив и осмыслив монблан литературы и уникальных источников на эту тему. Я прилично знаю творчество Магауина, имею в домашней библиотеке около двадцати его книг, которые охотно читаю и перечитываю, высокого мнения о его даре историка и прозаика, публициста и литературоведа, о чем даже довелось писать, а вот его новый труд о Чингисхане пока еще не читал. Мне рассказывали, что первый том целиком посвящен анализу литературных и исторических школ и течений о всемирной личности монгольского завоевателя-полководца, реформатора и государственного строителя.

О Чингисхане я наверняка прочел книг двадцать-тридцать – от Яна, Чивилихина, Калашникова, Кара-Дабана до Кекилбаева, Досжанова, Адибаева, Айтматова, Шаханова, Мухаммед Халела и других.

Теперь узнаю, что бурятский писатель Алексей Гатапов издал роман в двух книгах под названием «Тэмуджин» (М.: Художественная литература, 2012. 712 с. 1000 экз.). Речь в этом романе идет об отрочестве Чингисхана, о зарождении личности, о предательстве и чувстве Родины. Если писатель написал два тома об отрочестве Чингисхана, то можно предположить, что он задумал целый цикл романов о нем.

Читать Гатапова я, скорее всего, уже не буду (дай Бог времени и силы одолеть Магауина), ибо отравлен Чингисханом, как, к слову, и Сталиным. Уже невмоготу, уже сыт по горло...

«ТЕМПЕРАМЕНТ» АУБАКИРА

Поэт, переводчик, библиофил, любитель философии Аубакир Нилибаев (г. р. 1928) написал объемную книгу под названием «Темперамент», а популярный издатель Мереке (Кулкенов) изящно издал ее на исходе 2012 года. Без малого 600-страничная книга состоит из

трех больших разделов – о философском познании мировой цивилизации и проблемах обновления мира, об этапах развития этики, о неразъемном единстве поэзии и философии, о вершинах поэтического и философского Духа.

В одном разделе идет пространная и весьма доступная для понимания речь об истоках познания, философского осмысления общественных и социальных явлений, об этнических гранях стыда и совести, о разных философских категориях постижения и осмысления мира; в другом автор рассуждает об этике в Древнем Египте, Индии, Китае, Японии, античной Греции, говорит об этике в учениях Сократа и Платона, Аристотеля, Пифагора, Гёте, Шелли, Уитмена, Толстого; в третьем рассматривает казахстанскую поэзию – древнюю и современную, устную и письменную – в тесном контакте с национальным мировоззрением, с философией номадов; в книге встречаются лапидарные зарисовки о духовном созвучии Абая с Сократом и Аристотелем, Абая с Абунасром Фараби, Абая с Ибн Синой, Абая с Гёте и Толстым. На страницах книги то обстоятельно, то вскользь упоминаются многие весьма известные имена, оставившие неугасимый свет в мировом Духе.

Книга написана на добротном, выразительном и очень доступном казахском языке. И значительность ее, на мой взгляд, заключается именно в этом: о высоких материях казах рассказал увлекательно и увлеченно на казахском языке. В познавательности и масштабности, популяризаторском пафосе, в желании охватить сложнейшие проблемы бытия в его философском осмыслении книге Аубакира не откажешь. Видно, что автор, не будучи философом, как поэт, переводчик, прилежный и искушенный книгочей горы умных книг, хотел честно и ясно поделиться своими познаниями с единокровниками. В этом суть данной книги. И я такого четкого и поучительного повествования о философии и философских категориях в казахской литературе доселе не встречал.

Правда, сознаюсь, я лично обо всем этом за свою немалую жизнь достаточно много читал на русском и немецком языках. И, читая казахский текст, примерно догадывался, откуда что взято автором для переложения на языке родной степи.

Немало открытий я почерпнул из казахского изложения по части индийской философии и литературы. Именно в этой части автор – лау-

реат ряда индийских и пакистанских премий, переводчик индийской классики – особенно сведущ и силен.

Впечатляет библиография, приложенная к книге. Автор перелопатил огромный пласт серьезной литературы – Платон, Аристотель, Лао-Цзы, Конфуций, Декарт, Линней, Кант, Гегель, аль-Фараби, Тайлор, Фрезер, Бэкон, Хайдеггер, Гёте, Толстой, Ортега-и-Гассет, Радлов, Конрад, Абай, Эйнштейн... ограничусь лишь некоторыми «громкими» именами. Автор приводит список из 109 трудов. Это свидетельствует о масштабности книги Аубакира Нилибаева.

Автор излагает свои суждения в форме рассказа, в тональности доверительной беседы с читателем. Он призывает к соразмышлению, к со-беседе, к со-познанию, открыто делится своими знаниями, соображениями, наблюдениями, приводит любопытные факты, почерпнутые из литературных, исторических, философских, литературоведческих источников, то и дело обращается к казахскому фольклору, к степной мудрости, к цитатам из дастанов, к примерам из поэтических творений казахских акынов. Он хочет быть доступным, он увлекает читателя, а не отталкивает любомудрыми, туманными рассуждениями. Именно этому принципу подчинена и композиция книги. Раздел «Поэзия и философия» мне показался особенно актуальным. И многие наблюдения и заключения автора кажутся мне убедительными. Я, смею полагать, довольно опытный читатель. Прилежно и систематически читаю более семидесяти лет. И начитанность моего коллеги вызывает во мне уважение и симпатию. Книгу его «Темперамент» (название, кстати, считаю не совсем оправданным) прочитал с интересом и пользой. И хотел бы, чтобы с ней ознакомились как можно больше казахов. Собственно, ради этого я и пишу эти строки.

КРИТИК КУЛБЕК

Шутка ли: в казахской литературе я вращаюсь уже полвека, если вести счет с октября 1963 года, когда меня, только что окончившего аспирантуру при КазПИ им. Абая, Абдижамил Нурпеисов опреде-

лил литсотрудником отдела прозы в казахском литературном журнале «Жұлдыз». И вот с тех пор, сколько себя помню, в кругах пишущей братии всегда было принято сетовать на литературную критику. Дескать, отсталая, беззубая, комплиментарная, малахольная. А ведь бывали разные этапы. Бывали годы, когда в ней активно функционировали два десятка профессиональных литературных критиков. Ныне критическое поле в казахской (и шире: казахстанской) литературе заметно оскудело. «Чистых» литкритиков можно в настоящее время пересчитать по пальцам.

Один из них – несомненно, Кулбек Ергобек, автор двух (или больше?) десятков сборников и монографий и более тысячи опубликованных в периодической печати статей.

Я за его творчеством давно слежу, писал о нем, не однажды встречался, беседовал, мне по душе в нем родственные мне черты – склонности к собирательству, пристрастие к архиву и рукописям, уважительное отношение ко всему написанному, стремление все записывать, фиксировать в дневниках, записных книжках, умение сочетать живую мемуаристику с аналитической критикой. Поэтому его и читать любопытно, интересно и познавательно. Он подкупает своей искренностью, исповедальностью, благосклонностью, доброжелательностью.

И что особенно важно – честностью и принципиальностью.

Он поразительно много успевает: много читает, пишет, служит в высоких общественных, научных, политических и педагогических сферах. Он обладает культурой труда, системным подходом к исследованию – качеством, которое особенно ценил и внушал молодым коллегам незабвенный Мухтар Омарханович Ауэзов. Кулбека любят, к нему прислушиваются, с ним считаются, его привлекали к себе, как помощника, как литературного агента, как надежного братишку, как сына, уникальные личности – литературовед-наставник Б. Кенжебаев, поэты А. Тажибаев и К. Шангитбаев. И лучшие труды Кулбека, согретые душевной теплотой, сыновним тактом и щедростью, написаны о них.

В декабре 2012 года он прислал мне свою новую книгу, солидный том в тридцать печатных листов (Алматы: Ел-шежіре, 2012. 576 с.) под названием «Өлеңсөз». Звучит немного неожиданно, по-русски оно

близко к понятию «Стихотворное слово», а точнее я бы сказал также неожиданно – «Стихослово».

В книгу вошли 65 статей, всецело посвященных казахским поэтам и поэзии. И хотя мой аул расположился несколько на отшибе от казахской поэзии, я книгу Кулбека внимательно проштудировал, с особенным пристрастием те статьи и эссе-мемуары, в которых речь идет о поэтах, которых я знаю и знавал давно и прочно.

Книгу предваряют две «напутные» (В. Даль) заметы – Абиша Кекилбаева и профессора-наставника Бейсенбая Кенжебаева, написанные еще в 1981 году. Последний подчеркивает два достойных качества своего любимого ученика-шакирда: он, дескать, не раболепствует, не склоняется ни перед каким «авторитетом», честен, открыт и справедлив в своих литературных суждениях.

С этим, надеюсь, никто не спорит.

Все работы Кулбека, включенные в эту книгу, сруппированы вокруг двух разделов – «Индивидуальность таланта» и «Новаторство жанра».

Я, понятно, вовсе не намерен говорить здесь обо всех статьях, этюдах, воспоминаниях, очерках, заметках, отзывах о творчестве поэтов, нашедших место в «Стихослове» Кулбека. В мою задачу это не входит. Разумнее почитать саму книгу. Критическая палитра Кулбека весьма разнообразна, богата и широка. Он рецензирует, анализирует поэтические сборники С. Мауленова, М. Алимбаева, А. Шамкенова, А. Дюсембиева, К. Идрисова, С. Асанова, К. Мырзалиева, Б. Абдразакова, Т. Бердиярова, Т. Медетбекова; обстоятельно повествует о поэтическом даре и наследии казахских классиков, о С. Донентаеве, С. М. Торайгирове, Б. Изтуллине, С. Ерубаеве, М. Хакимжановой; а также о мало известных и полузабытых на поэтическом небосклоне поэтах Г. Балакадырулы, З. Калауовой и многих-многих других. Не стану перечислять всех поэтов, о которых ведет речь в этой книге Кулбек. Посвятив дотошному критическому анализу казахской поэзии целую книгу, он охватил почти все стихотворное слово конца XIX – начала XXI века.

Еще раз подчеркну: все эти тексты, сотворенные Кулбеком за последние тридцать лет, отличаются живым рассказом с элементами мемуаристики, личных впечатлений от тесных творческих и житейских контактов, дневниковых записей фрагментов бесед на фоне об-

щего литературного процесса с точным выделением, подчеркиванием основных творческих граней анализируемой личности.

Я ведь знаю творчество большинства субъектов этой книги, со многими был знаком или знаком и поныне, поэтому читал Кулбека с неослабевающим интересом, обнаруживая созвучия в наших представлениях.

Достоинств в книге Кулбека я узрел немало. И труд его оцениваю высоко, разделяю пафос его суждений.

Несколько объемных работ в этой книге мне особенно запомнились. Это широкоохватные статьи-эссе о Бейсенбае Кенжебаеве, Абдильде Тажибаеве, Куандыке Шангитбаеве.

Чем примечательны эти литературные портреты?

Отмечу пунктиром: живым слогом, достоверной обстановкой, в которой происходят события, словесной характеристикой участников беседы, запоминающимися монологами и диалогами, дискуссионной атмосферой, динамизмом, меткой литературной иллюстрацией, сопровождающей разговоры, интеллектуальным накалом, кругозором анализа, доскональным знанием жизненного и творческого пути героев, доброжелательной тональностью повествовании, сочувствием и любовью к объекту, тактом и деликатностью младшего по возрасту автора по отношению к более старшим и именитым коллегам. И еще многим другим. Дискуссия о поэзии между старым и многомудрым литературоведом (профессором Кенжебаевым) и маститым, независимым, самобытным поэтом и блистательным переводчиком Омара Хайяма и Пушкина (Куандыком Шангитбаевым), поданная с уместными литературными вкраплениями и репликами молодого доктора филологии (Кулбека Ергобека), читается как увлекательная и познавательная повесть.

А монографическая статья-исследование о жизненном и творческом пути поэта-долгожителя, поэта, по его же словам, сотворенного огнем, Абдильды Тажибаева привлекает доскональным знанием автора драматической судьбы многогранного литератора, прошедшего через испытания сложного XX века со всеми взлетами и падениями, политическими и социальными коллизиями.

Я был знаком с колоритным Абеке, делал подстрочные переводы его стихов, составил его книгу «Былое», бывал у него дома, в про-

сторном кабинете на втором этаже, на даче, не однажды беседовал с ним, слушал его выступления в Союзе писателей и Академии наук, помню его торжественные и многолюдные юбилеи, его взрывной темперамент, увлеченность, азартную натуру и должен сказать, что все эти грани незаурядной, самобытной личности Кулбек воспроизвел достоверно, живо и грациозно.

Эти две работы, о которых говорю выше, – крупная удача критика.

Находясь многие годы рядом с Б. Кенжебаевым и А. Тажибаевым, Кулбек чувствовал себя Эккерманом при Гёте и тщательно фиксировал все беседы с ними, записывая их по горячим следам в дневник. Из этих записей и родились волнительные воспоминания, вплетенные в дотошный анализ их творчества и лаборатории.

Обогатили и взволновали меня проникновенные статьи о С. Мауленове, Т. Бердиярове, трагических женских судьбах А. Оразбаевой, З. Калауовой, М. Хакимжановой.

Книга Кулбека Ергобека – своеобразный памятник казахской поэзии. Я ее рекомендую всем любителям изящной словесности.

Где и кем только не работал мой мобильный давний знакомец Кулбек! Ныне он вице-президент Международного казахско-турецкого унивеситета им. К. А. Яссави в Туркестане. Докторскую диссертацию он защитил в 44 года. Обладает столькими талантами, что я их здесь просто не перечислю. Он мне часто звонит, бывает у меня. Для меня он так и остается милым, деликатным, учтивым молодым человеком.

Между тем, недавно только узнал, что он уже тихо, незаметно взобрался на холм шестидесятилетия. Диву даешься, когда он успел! Долголетия и новых свершений ему.

18 декабря 2012 года

ЖАРАСБАЙ, ВНУК НУРКАНА

Он был из аула Коктерек, в семи километрах от села, куда нашу семью с Волги депортировали в сентябре 1941 года.

В Коктереке я бывал не раз. Аул как аул. Но раскинулся он на живописном месте. Рядом Есиль-река, озеро, березовые колки, тальник, ковыльный простор. В этом ауле проживали братья-кузнецы Омар и Коспан, их сын, мой кореш, Ыбжан (Ибрагим), дедушка Нурканпоштабай – скромный, деликатный, добрый аташка, русское семейство Шаловы (корень не казахский «шал», а русский «шалый»), сын которых – Анатолий Федорович – став вторым секретарем ЦК комсомола Казахстана, определил мою судьбу: помог мне, беспаспортному спецпереселенцу, находившемуся под комендантским надзором, поступить в числе первых пяти соплеменников в КазПИ им. Абая.

Из тихого Коктерека вышло немало достойных азаматов – учителей, литераторов, ученых, видных деятелей и даже один генерал.

С этим аулом связывают меня многие добрые воспоминания. Как и с другими приесильскими аулами, которые обслуживал фельдшер-акушер Карл Бельгер, мой отец – Жанажол, Жанаталап, Өрнек, Мектеп, Каратал, Алқа-ағаш, Карачок, Козловка.

Из этого аула – Коктерек – вышел и он, мой младший друг и коллега, одношкольник, будущий поэт Жарасбай Нуркан.

Был он на два с половиной года младше меня (в детстве разница ощутимая), и поэтому я познакомился с ним, когда он, окончив местную начальную школу, переехал в наш аул продолжать учебу в средней казахской школе.

Учился он старательно, отлично, вместе со своим другом-одноклассником Ермеком Конарбаевым (будущим талантливым прозаиком, к сожалению, рано умершим) заметно выделялся среди сверстников, был любознателен, участвовал в школьной самодеятельности, читал толстые книги, а в старших классах сочинял стихи.

Далее жизнь пошла по знакомой стезе. С блеском окончил школу, затем – университет в Алматы, вернулся в аул, учительствовал, женился, перебрался в Акмолу, работал журналистом, писал, переехал в Алматы, сотрудничал в издательстве «Жазушы», в газетах, печатался, издавал книжки, стал членом Союза писателей. Жил, как говорят казахи, не лучше других, не хуже иных.

И все же жизнь не сложилась так, как хотелось, как задумывалось. Преследовали житейские проблемы, нелады с работой, сложные отношения с пишущей братией, отсутствие моральной и материальной

поддержки, подспудные интриги, психологические комплексы, ранние недуги, творческая замкнутость.

Убежден: он был талантлив от природы, образован, начитан, но потенциально так и не раскрылся.

В чем причина? Может, сиротское детство (рано лишился матери), жизнь в чуждой семье отца, чувство неприкаянности, лишения, болезни? Не могу судить. Но с болью чувствую: человек не смог реализовать природных задатков в полной мере.

А поэт был крепкий. Талант, филологически отшлифованный. Душа возвышенная. Чувство реальности отменное. Сердце чуткое. Всеми формами версификации владел изощренно. О том ярко свидетельствуют и две его книги – «Қызылжар» (2012) и «Көкжиек» (2013), с любовью и тщанием составленные и изданные его настойчивой и активной вдовой Казиной Нурхановой.

Что составляет содержание этих книг? Стихи и поэмы, дастаны, поэтические посвящения известным личностям (С. Сейфуллин, Г. Мусрепов, М. Ауэзов, Г. Мустафин, М. Хакимжанова, Б. Момышулы, Р. Кошкарбаев, Н. Тлендиев, М. Козыбаев и др.), стихи для детей, эпиграммы, шутки, стихотворные шаржи, переводы (из Есенина, Некрасова, Фета), айтыс (с А. Нуртазиным), даже одноактная юмористическая пьеса.

О чем он главным образом писал?

О любви к родному краю, к отчей земле, к материнскому языку, к Казахстану и к его славным людям, о любви к черноглазым чаровницам, к природе, к прошлому и настоящему, о благородстве, возвышенных человеческих чувствах, о чести и достоинстве, о смешных житейских случаях, об изъянах-слабостях человеческой натуры, о доблести, храбрости, воле к свободе своих предков, о горестных и радостных зигзагах человеческой судьбы. Словом, известные мотивы вечной поэзии. Но обо всем этом он сумел сказать свежо, по-своему, не банально, не ординарно, не общо-декларативно. Все, о чем он писал, пропущено через неподдельное, искреннее, душевное восприятие.

О чем он мечтал?

Бар өмірім өлеңмен өтсе менің,
Туған елді жырлауға жетсе лебім...

С особенной любовью он воспевал красоту родного аула «Көктерек»:

О, менің көкорайлы Көктерегім,
Жаһанда өзіңдей жер жоқ дер едім.
Арада айлар өтіп, оралған соң,
Кеудемде сағынышым көп қой менің.

Его стихотворение «Қызылжар» звучит как гимн родного края, как ода лесостепным просторам Северного Казахстана.

Атың сенің елге мәлім,
Естіген жұрт қызығар.
Сен дегенде менің әнім
Үзілмейді, Қызылжар!
О, Қызылжар, Қызылжар!

Я пишу не литературоведческую статью о творчестве поэта Жарасбая Нуркана, а всего лишь краткое представление о нем, ибо знаю, что русскому читателю он, к сожалению, почти не знаком, да и казахские читатели в суете повседневной торопливой жизни заметно удалились от него. Ведь у казахов недостатка в поэтах никогда не было.

Отмечу здесь еще его переводческий дар. Напомню начало известнейшего стихотворения С. Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!..
Потому что я с Севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Вот как по-казахски озвучил-переложил эти строки Жарасбай:

Шаганэм сен менің, Шаганэ.
Теріскейден болған соң ба, немене.
Дала жайын жыр етуге мен дайын,
Ай туғанда толықсыған бидайын.
Шаганэм сен менің, Шаганэ.

Очень милый, проникновенный, на мой взгляд, перевод. Не помню, переводили ли на русский язык самого Жарасбая. Кажется, он о том и не заботился. Для него важно было самовыражаться по-казахски. В книгу «Қызылжар» Казина включила несколько стихов поэта в переводе Владимира Гундарева. Завершаю свою заметку двумя строфами из стихотворения «Моя любовь» в его переложении. Оно отражает смысловую суть поэзии Жарасбая.

Все боли века – в сердце у меня,
Несу упорно тяжкий груз поэта.
И в этом я не берегу себя,
Любовь отныне прославляю я.
Любовь – к тебе, казахский мой народ,
И по-казахски я стихи слагаю,
В них воплощая суть твоих забот
И счастье достигаемых высот.

...Он умер в Астане на рассвете майским днем в 2011 году, когда спешно собирался в скорбный АЛЖИР, дабы воздать поэтическую дань памяти невинным жертвам советского концлагеря.

Такова судьба поэта.

Похоронили его в родном Коктереке под раскидистым вязом рядом с могилой любимого дедушки Нуркана. Того самого всеми почитаемого «поштабая», который с неизменной лаской называл меня «Кира».

Да будет пухом им родная земля!

Сентябрь 2013 года

МОЕ СЧАСТЬЕ

Вы спрашиваете меня про Сабита Муканова? Имя его гремело по всей казахской степи еще в тридцатых годах прошлого века. Я же впервые услышал это имя, когда учился в третьем или четвертом классе аульной школы. Популярностью он пользовался бешеной. В аулах Приишимья он был у всех на устах. По невежеству и наивности моим

он казался мне тогда едва ли не единственным и главным писателем Казахстана. Это ныне о нем рассказывается всякое. Конечно, он был продуктом своей эпохи. Истинно классовым сардаром. Но надо признаться: личностью он был незаурядной, самобытной, уникальной, шумливой, амбициозной, задиристой. Я его знавал при жизни. Многократно слушал. Встречался. Даже общался изредка. Кумиром моим он никогда не был. Но вытравить его из сознания казахов невозможно и несправедливо. Правда, я не представляю нынешних казахов, читающих Сабита Муканова.

...А вообще-то я могу быть благодарен судьбе: я ведь видел и в разной степени знавал Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина, Х. Есенжанова, А. Жубанова, М. Габдуллина, Сатпаева, Маргулана, Х. Жумалиева, А. Сарсенбаева, Т. Жарокова, Г. Ахмедова, Б. Момышулы, А. Алимжанова, К. Мухамеджанова, Т. Ахтанова, К. Шангитбаева и многих других выдающихся казахов.

Добавьте сюда памятные имена русских, евреев, немцев, татар, уйгуров... О, эти достойные аруахи сопровождают меня и поныне. Вот оно, мое счастье!

Часть третья

РАССКАЗЫ

АБИЛЬМАЖИН

1

Старик сидел на кошме и ватном одеяле у стенки меж двух окон, сумрачно водил глазами по комнате, чесал заросшую сивой щетиной все еще крепкую грудь и думал свои бесконечные и неторопливые, как езда на арбе, думы. На коленях его лежал тяжелый, замусоленный, древний, как он сам, Коран в черной обложке; на низеньком деревянном столике перед ним стояла большая деревянная чаша с недопитым кумысом. Старик был не в духе. Шумно, суетливо последнее время в доме, а шум и суету старик не переносил издавна. Раздражало несмолкающее шушуканье женщин в передней, где уже второй день жарили баурсаки, раздражала бестолковая возня своей же старухи, которая вдруг стала уж совсем не в меру деятельной. Один аллах знает, когда она только спит. Уснешь поздно вечером – сидит у печки и вяжет, вяжет, только спицы перед глазами мелькают. Утром проснешься чуть свет – в передней шебуршит, казан скребет или из угла в угол тычется, клюкой постукивает, а теперь и вовсе развернулась, старая, будто не Ализу выдает, а сама замуж собирается. И чему радуется, глупая? Уедет Ализа с Салимом, и останутся они опять – два высохших дерева – в пустом доме век доживать. И Ализа, баловница, от радости прямо-таки ног не чует. Раньше девушки ревмя ревели, когда их выдавали замуж, а теперь...

Старик глотнул из чашки. Все не то теперь. И кумыс пошел нынче не тот. Жидкий, водянистый, словно шалап: ни запаха, ни хмельной бодрости. То ли не те травы в степи растут, то ли не та вода в Ишиме течет...

Из передней донесся голос Ализы. Старик встрепенулся. Ализа – стройная, голубоглазая, с русыми золотистыми косами – подбежала к нему, прижалась щекой к его щеке, затараторила:

– Вы что так печальны, ата? Думаете, не приедет? Приедет, приедет. Вот увидите: обязательно приедет.

Старик погладил ее по голове:

– Айналайын, мед тебе в уста. Только кто знает...

– А я вам, ата, цветы принесла.

Ализа поставила пучок ромашек в стакан с водой, улыбнулась еще раз старику и упорхнула в свою комнатушку. Чудная... Каждый день, возвращаясь с фермы, цветочки носит. А цветы хороши в степи, когда вперемешку с ковылем растут, а на окне в стакане – уже не цветы. Обязательно, говорит, приедет... Кто знает. Вот была бы радость. Посидели бы у круглого столика, поговорили бы о разном, о том, о сем, далеком, невозвратном. Эркин пощелкивал бы по струнам домбры, а он бы думал, думал, радуясь встрече с сыном, чувствуя, как хорошо, тепло становится в груди. Старуха возле печки крутила бы свою прялку, Ализа влюбленно глядела бы на брата, а в передней тихо высвистывал свою старую песню древний самовар. Хоть бы приехал...

Рядом в комнатушке застрекотала швейная машина. Пела что-то непонятное развеселая Ализа. В передней без умолку беседовали старухи, шипело баранье сало в казане, потрескивал в очаге огонь. Да... Приедут завтра сваты, погостят, пошумят так, что, как говорится, голова почудится казаном, потом увезет Салим Ализу, и опять опустеет, осиротеет дом. Пустынно стало на сердце старика, тоскливо. Оседлать бы сейчас коня, уехать бы в степь или походить по-над Ишимом, да где уж... Сейчас он и на коня не взберется, и в седле, наверное, не усидит. Приехал бы Эркин... Старик, кряхтя и отдуваясь, поднялся, постоял немного, держась за спинку кровати, и, осторожно переставляя негнущиеся ноги, вышел на улицу, в огород. В конце огорода у плетня росли тополя и акации, посаженные Эркином. Там, под тополями, в тени кустов, под сонное жужжание шмелей старику всегда думалось легко.

2

...Зимой, после долгих, изнуряющих душу буранов и лютых морозов, от которых с сухим треском лопается кора на деревьях, наступают вдруг ясные, веселые деньки. Солнце еще с утра засветит ярко-ярко, и смотрит как-то ласковей, и поднимается все выше и выше, щедро поливая золотом снежное безмолвие. Все вокруг становится сразу нарядным и праздничным. Любое горе тускнеет, бледнеет под добрым

сияющим солнцем. Дети высыпают из мрачных, заваленных снегом домишек на улицу, барахтаются, как щенки, в снегу, катаются прямо с крыш на санках, фанерках, картоне, с визгом бухаются в горбатые сугробы. У колодца весь день лязгает цепь, женщины и подростки, не торопясь, поят скот, делятся аульными новостями. Другие, волоча за собой санки, спешат в лесок, чтобы запастись на недельку-другую дровами. Даже старухи, укутавшись потеплее, подолгу сидят в затишке возле дома или сарая. Перед воротами стрекочут, переругиваются, подпрыгивая, сороки, каркают вечно недовольные вороны, а собаки, греясь на солнце и блаженно прищурив глаза, добродушно наблюдают за их возней, такой же мелочной и бессмысленной, как сама их жизнь. Такие дни приходят зимой редко, как праздник, как радость, и после них уже не так страшен свирепый злыдень буран, и стужа и ветры переносятся уже легче, как и горе после настоящей радости. Ветер утих еще ночью, буран выдохся как-то сразу, словно выбившийся из сил шаман. Абильмажин почувствовал это ночью и сквозь сон подумал, что завтра непременно будет солнечно и ясно. Утром он накормил гнедуху овсом, подкинул ей свежего сенца с крыши, а беркута, грустившего в углу на приколе, кормить не стал. Перед охотой беркута кормить не положено. Зорче и злей будет.

Собираясь на охоту, нельзя также суетиться; надобно скрывать свое волнение, не уповать на непременную удачу. Следует внушить себе, что ты просто направляешься как бы на прогулку, выезжаешь на сытом коне с собакой, с беркутом, а там видно будет, как уж повезет. Ведь все в воле аллаха.

Поэтому Абильмажин все делал не торопясь, с какой-то нарочитой степенностью. Войдя в дом, скинул шубу, помылся, совершил утренний намаз-памдат. Потом, также не спеша, напился чаю, снова облачился в шубу, туго подпоясался. Потом привычными движениями тщательно оседлал гнедуху, посадил беркута на тугур[1] и отправился в степь в сторону Теренсая. Километрах в трех за аулом, там, где множество буераков сливалось в глубокий овраг, заросший по краям непролазным кустарником, камышом и кугой, водилось разное зверье. Прошлой весной Абильмажин неожиданно наткнулся здесь на волчье логово, из которого почти голыми руками вытащил целый выводок – семерых беспомощных слепых волчат. Волков в последнее время раз-

[1] Подставка для ловчей птицы (каз.).

велось уйма. Ночами в аулах слышали их тоскливый голодный вой. Иногда они и днем доходили до самого магазина. Особенно лютовали они осенью.

Недалеко от оврага тянулось жнивье, где водились зайцы, а в колках вокруг оврага гнездились куропатки: белые и серые. Их Абильмажин ловил силками и западнями и раздавал добычу аульчанам.

Гнедуха лениво подтрухивала под ним, и Абильмажин не торопил ее. Кутпан, громадный брыластый пес, часто и преданно поглядывал на хозяина. Снег похрустывал, поскрипывал под копытами гнедухи, и под ее размеренную трусцу ясно и привычно думалось.

Да, думал Абильмажин, много нынче намело снегу, месяца через два придет весна, пойдет греметь по буеракам полая вода, а там и сеять придет пора, а в колхозе почти нет семян, нет машин, нет людей. Война с проклятым керманом, по всему, и нынче не кончится. Опять будут пахать, сеять, косить одни бабы, старики да мальчишки-подростки на отощавших за зиму коровах и быках. Опять придется до самой осени довольствоваться одним айраном. Вспомнился сын, Кенжебек, от которого уже полгода не было вестей. Старший погиб в первый же год войны под Москвой. Одно только письмо и успел написать домой Амиржан. Держа в руках похоронку, Абильмажин взмолился: «Уа, алла, сделай так, чтобы хоть младшенький остался. Сбереги, сохрани, сохрани его...» Все думы отца отныне были только о Кенжебеке. А теперь и от него не было писем...

Абильмажин и не заметил, как подъехал к камням в овраге. Из-под причудливой свалки разномастных валунов вырос и стоял уже много-много лет кряжистый, с толстой заскорузлой корой боярышник. На самом дне оврага из-под земли зимой и летом булькал родничок. Абильмажин слез с коня, посадил беркута на камень, привязал за ногу к дереву. Потом, проваливаясь по колено в рыхлом снегу, пошел к камышовым зарослям ставить силки на зайцев. После этого, волоча по снегу мешок, он понялся выше по склону оврага к березовому колку, накинул на дерево петлю сети. Шурша, обсыпала его густая снежная навись. Обмотал сетью несколько кустов, крепко привязал второй конец к стволу сосны, чтобы не унесло сеть ветром, и насыпал из мешочка немного ячменя под кустом для приманки. Куропатки безнадежно запутывались в сети: в морозы они зябли и становились тяжелыми, неповоротливыми.

Беркут, мрачно нахохлившись, терпеливо ждал на камне. Кутпан рыскал в кустах и вдруг взволнованно тявкнул. В кустах раздался треск, снег шумно посыпался с ветвей, гнедуха запрядала ушами. Абильмажин, усаживаясь в седло, оглянулся, и в этот же миг увидел, как над самым оврагом ярко помельтешил на белом снегу огненно-красный хвост лисицы. Он ударил гнедуху, мигом выбрался из балки. Кутпан, взвихривая снег, гнал лису к открытой поляне, подальше от кустов и оврага. Абильмажин зычно вскрикнул и сорвал с беркута колпак...

Потом он затолкал лису в мешок и направился вдоль оврага к Ишиму. Надо было подыскать местечко для рубки тала: в двух-трех соседних домах топка была на исходе, а заботиться было некому. Сухой, с руку толщиной тал и горит ярко, и греет хорошо. Там, в зарослях, можно и зайчишку подцепить. Полянку с крупным талом Абильмажин выбрал быстро. Кутпан между тем шарил в кустах и неторопливо повизгивал: все вокруг пропахло длинноухими. Вдруг прямо перед его носом прошмыгнуло сразу три косых. Кутпан оторопел, растерянно глянул на хозяина. «Ну как тут быть?» – спрашивали собачьи глаза. Абильмажин усмехнулся. Кутпан, должно быть, принял какое-то решение, ринулся в кусты и вскоре выгнал оттуда крупного пушистого беляка и с радостным лаем погнал его к противоположному голому берегу Ишима.

– Кюйт!.. Кюйт!.. – резко вскрикнул Абильмажин, снимая колпак с беркута.

Беркут взвился, взмахнул два раза крыльями и камнем ринулся на зайца. Абильмажин быстро подскочил к беркуту, высвободил из его когтей дрожащую белую тушку. Приторочил зайца, кряхтя залез на лошадь, позвал птицу. Беркут тяжело взлетел, уселся на толстую рукавицу старика. Абильмажин напялил ему на голову колпак.

...Короткий зимний день был на исходе. Солнце к вечеру потускнело. Недовольное, обиженное, оно висело над лесом, цепляясь за верхушки деревьев. Казалось, чей-то гигантский глаз хмуро смотрит на этот безмолвный, скованный морозами и снегами мир. Пробирал сухой, колючий ветер. Зазмеилась, шурша, поземка. Воздух от мороза стал ломким. «Забуранит, видно», – подумал Абильмажин и тронул коня. До аула было недалеко. Надо было спуститься к Ишиму, переправиться по льду через речку, а там до дому рукой подать.

Конь мотал головой, шел не торопясь. Рядом, не отставая, трусил Кутпан. Абильмажин устал и немного продрог. Сейчас он придет домой, старуха кинется к самовару, потом стянет с него шубу, тяжелые сапоги, напоит горячим, густым чаем. Он согреется, потом освежует зайца, лису, накормит беркута и Кутпана свежинкой и ляжет на подстилку возле печки, укрывшись тулупом, пока старуха будет варить зайчатину. Он будет лежать и думать, думать о своем Кенжебеке. Старуха зажжет коптилку, сядет рядом, будет крутить прялку да вздыхать. За окном начнет беситься пурга, швырять снегом в окно, а в доме будут царить полумрак и тишина.

Солнце цеплялось-цеплялось за деревья, но не удержалось, соскользнуло и скорбно выглядывало теперь из-за редкого колка. Быстро потемнело. Над Ишимом повис мрак.

Уже в надвигающихся сумерках Абильмажин увидел что-то черное, двигающееся. «Волк!» – подумал он и пристально посмотрел еще раз. «Нет, это не зверь». Беркут тоже был спокоен. Черное пятно медленно приближалось. Старик поехал навстречу и уже через несколько шагов ударил гнедуху камчой. По едва заметной тропинке, по которой в зимнее время ездили редкие путники из Жанажола в Жанатурмыс, одиноко брел маленький человек, закутанный в большой полосатый платок и в громадных – не по ногам – валенках. Спотыкаясь и скользя, он упрямо шел и шел, не оглядываясь по сторонам. Что-то ужасающе безразличное было во всем его облике. Он даже не заметил ни всадника, ни собаку, не крикнул, не позвал, а все так же с тупым безразличием брел по тропинке. Абильмажин испугался.

– Эй, чей будешь?

Человек остановился, чуть поднял голову.

– Куда идешь?

Человек не шелохнулся. Кутпан сел перед ним и, склонив голову набок, с любопытством разглядывал странного путника.

– Қай ауылдан боласың? Айтсаңшы![2]

Человек зашевелился, приподнял руку из-под шали, неопределенно махнул вперед.

– Э, да ты, может, немой? Может, язык примерз? Ойбой, совсем окоченел. А ну, лезь на коня.

Человек продолжал стоять.

[2] Из какого аула будешь? Говори же! (каз.)

– Ну садись же! Дай руку.

Человек с трудом вскарабкался на лошадь. Абильмажин снял длинный кушак, привязал мальчонку к себе, чтобы он не свалился, и заспешил домой.

– Эй, байбише, гостя тебе привез! – крикнул он еще в сенцах. – Готовь скорее свой чай.

Старуха подкинула в самовар уголька из печки, посмотрела на гостя, но из приличия ни о чем не спросила. Абильмажин посадил беркута в угол, прикрепил кольцо на его ногах к цепочке и стал раздевать гостя. Сбросил шаль, потом стянул не то пальтишко, не то пиджак, грязную рваную ушанку и обомлел: перед ним в громадных подшитых валенках стоял светловолосый, лопоухий, худющий мальчонка лет восьми-девяти с огромными, словно застывшими глазами.

– Эй, ты не казах, что ли?! – вырвалось у старика.

Мальчик не ответил, уставился на огонь. Глядел он отрешенно, безучастно.

– Казах, не казах – не все ли тебе равно?! – накинулась старуха на Абильмажина. – Видишь, совсем замерз мальчишка. Кел, кел, айналайын...[3]

Она подтолкнула мальчика ближе к огню, усадила на козлиную шкурку, накинула на его плечи свою пуховую шаль, потом подала кусок лепешки. Мальчик взял лепешку, начал безразлично жевать, все также отрешенно глядя на огонь.

Абильмажин переминался с ноги на ногу, недоуменно кряхтел, смотрел то на гостя, то на хлопотавшую возле него старуху. Мальчик неторопливо съел лепешку, выпил миску айрана и вдруг вздрогнул, словно вспомнил о чем-то. Он тут же вскочил, напялил на себя свое тряпье и кинулся к двери.

– Куда?! – в один голос крикнули старик и старуха. Мальчик не ответил, выскочил на улицу. Абильмажин бросился вдогонку. Мальчик вырвался, что-то часто-часто залопотал, повторяя одно и то же слово: «Эльза, Эльза...»

– Элза? Какой Элза?

Мальчик и старик не понимали друг друга. Мальчик заплакал, а Абильмажин, держа его за руку, тщетно пытался вспомнить все ему известные русские слова.

---

[3] Подойди, подойди, дорогой... (каз.)

– Какой Элза? Какой аул? Мамка где?

Он повел мальчика к старику Жукену, который не раз гонял скот в город и потому лучше всех в ауле говорил по-русски. С его помощью и выяснилось наконец, что у мальчика мамы нет, а дома, в Жанатурмысе, осталась одна его маленькая сестренка. Тогда Абильмажин решительно сказал:

– Твой старуха сиди, а мой поедит и маленький баранчук-кизимошка сюда таскайт.

Уже ночью под вой бурана Абильмажин привез закутанную в шубу маленькую девочку. Проснулась она только утром в незнакомом доме рядом с братом.

3

Так старик со старухой обрели сразу и сына и дочку. Эрих – его скоро в ауле стали звать на казахский лад Эриком или Эркином – рос смышленым, но не по годам серьезным и молчаливым. Он скоро привык к аулу, к новому своему дому, быстро научился говорить по-казахски, подружился со своими сверстниками, полюбил старика и старуху, которых называл ата и аже. Но порой становился задумчив, нелюдим, уходил в себя. Старик понимал, что мальчик тоскует о чем-то, что ему, старику, было неизвестно, непонятно. Осенью Эрик пошел в школу. Эльзу старуха назвала на другой же день Ализой. Девочка так привязалась к старухе, что и ночью спала с ней, и днем не отставала ни на шаг, всюду ходила следом за ней, цеплялась за длинный бабушкин подол. Старуха сшила ей маленькую плюшевую безрукавку, пришила несколько серебряных монеточек.

В доме стало веселее. Заглядывали аульчане, поздравляли стариков с детьми, желали им счастья. И соседние малыши приходили каждый день, чтобы поиграть-порезвиться с Эриком и Ализой, которые так потешно выговаривали иногда привычные казахские слова.

Осенью пришло извещение, в котором сообщалось, что Кенжебек Абильмажинов пропал без вести. Это было непонятно. До сих пор никто в ауле без вести не пропадал. По-разному толковали люди, а Абильмажин решил, что пропал без вести – еще не значит, что погиб. А раз не погиб, то живой человек, не может не вернуться. Сказано ведь, не вернется лишь тот, кто в саване, а кто в рубище – вернется.

И верно: через год после войны неожиданно вернулся Кенжебек. Зарезал тогда на радостях Абильмажин корову и закатил той на все окрестные аулы. На Кенжебека было больно глядеть: он был невероятно худ, часто забывался, вздрагивал при каждом шорохе. Ночами натужно кашлял, ворочался, бормотал что-то бессвязное, без конца выходил на двор. Иногда он играл с маленькой Ализой, называл ее – Тентек-кыз – озорницей, учил ее считалкам, дразнилкам, рассказывал сказки про плешивого мальчика, который был умнее всех. А с Эриком Кенжебек держался холодно. Мальчик иногда ловил на себе его тяжелый взгляд, от которого становилось неловко. Есть Кенжебек почти не мог, и после еды каждый раз из носа шла кровь. Абильмажин со старухой ухаживали за ним, как за ребенком, молились аллаху, надеялись, что в родном ауле сын их постепенно поправится. Иногда по просьбе матери Кенжебек рассказывал про свои мытарства в плену. Это были жуткие рассказы. Старуха слушала и всхлипывала, а Кенжебек, покашливая, рассказывал обо всех ужасах тусклым, обыденным голосом. Но, видно, не дошли до аллаха жаркие молитвы стариков. Весною перед вскрытием Ишима Кенжебек умер. Абильмажин зарезал кобылу – другой скотины не было, – созвал всех стариков и старух из окрестных аулов, справил поминки. Тогда-то и появились первые сединки в бороде Абильмажина. Он стал еще более молчаливым, часто уходил на охоту, но возвращался с пустыми руками. Все понимали, что не на охоту уходил старик, а просто в степь, чтобы побыть наедине со своим горем. Потом старик смирился и, качая на коленях Ализу, благодарил аллаха, что тот послал им такую дочку и такого сына, как Эркин.

Учился Эркин хорошо. Старик любил ходить на родительские собрания, чтобы услышать одни и те же слова: «Сын старика Абильмажина Эрик дисциплинирован и учится отлично». «Сын Абильмажина», – говорили все в ауле. И от этих слов Абильмажин молодел...

4

«...Хоть бы приехал, – думал старик. – Полегчало бы. А то чует душа, недолгий уже жилец я на земле. Все чаще к сердцу подкатывает холод, а ноги совсем ослабли, задубели, не ходят. Верно говорят: в молодости душа человека за спиной, а в старости – впереди. Всего опасаться стал. И то сказать: пора уже, пора. До половины восьмого десятка добрел». Старик уронил голову на грудь и погрузился в дрему.

5

За Жанажолом Эркин попросил таксиста остановиться: до аула осталось километров семь. Он сошел с насыпи, оглянулся вокруг, вздохнул всей грудью и зашагал в сторону Ишима. Был тихий летний день. Солнце стояло высоко. Вокруг без устали звенели кузнечики, порхали по цветам белокрылые бабочки. Внизу, вдоль реки, темнел тугай. Эркин шел легко, не чувствуя тяжести туго набитого всякой всячиной рюкзака и дорожного чемоданчика. Сердце его билось радостно, губы невольно растягивались в улыбке. Он с трудом сдерживал себя от сумасбродного желания разуться и побежать по траве. Прошагав километра два, скинул рюкзак, поставил чемоданчик и упал навзничь на траву, запрокинув голову. В оглушительной тишине, непривычной после шумного города, где-то очень высоко заливался жаворонок. На грудь прыгнула зеленая, с толстыми ляжками кобылка, выпучила глаза, подергала хвостиком и сиганула прочь. Над головой кружились, трепеща призрачными крылышками стрекозы, по рукам деловито поползли муравьи. Он засмеялся и начал, как безумный, кататься по траве.

У тропинки, тянувшейся по-над обрывистым берегом Ишима, Эрик остановился и долго стоял, понуро опустив голову. Вот здесь в метельную зиму сорок третьего года ему и встретился старик Абильмажин. Это была самая трудная пора в его жизни. Жили они в маленьком, утопавшем зимой в снежных сугробах ауле. Было холодно, голодно и до жути одиноко. Мать – тихая, хрупкая женщина – вечно всех и всего боялась и всегда грустила. После смерти отца мать и вовсе осунулась, целыми днями не выходила из дома. Распродала и выменяла на продукты все, что только можно было, и однажды, когда в землянке стало совсем пусто, она вдруг сорвалась в город, в далекий Кызылжар. Было это зимой... Всю ночь мать проплакала, а утром растопила печку, сварила полный чугунок картошки, накормила Эриха и четырехлетнюю Эльзу и сказала, что поедет в город, устроится на работу и денька через три-четыре приедет за ними. Эрих был уже большой, все мог делать сам: и картошку варить, и за сестренкой ухаживать не хуже матери. Ушла мать на грейдер, надеясь на попутной машине добраться до города. И больше не вернулась... Повзрослев, Эрих часто думал: что это было? В самом ли деле мать надеялась на что-то или это было отчаяние, безумие? Может, мать уже была невменяема от горя? Кто знает...

Но ни тогда, ни позже он ее не осуждал. И до сих пор он ничего не знает о ее судьбе. Поздние розыски тоже ничего не дали. Десять дней томился он с Эльзой в пустой и стылой землянке. Утешал, забавлял, как мог, сестренку, варил картошку, топил печку, пока еще было чем топить. Потом стало страшно. И однажды, когда Эльза, наревевшись, уснула, он закрыл дверь и отправился в Жанажол, где жили знакомые по эвакуации немцы. Зачем пошел к ним, он и сам толком не знал. Просто больше некуда было идти. Он даже и знал их плохо, только и помнил, что ехали тогда в одном вагоне, и не был уверен, живут ли они вообще в том колхозе. У лесочка перед аулом его остановили собаки. Три громадных лохматых пса окружили его и не пускали ни на шаг. Пока он стоял, они мирно сидели перед ним, но стоило чуть шевельнуться, они тут же поднимались и скалили зубы. Эрих долго топтался на снегу, плакал, кричал, но вокруг не было ни души, а собаки не собирались уходить. Когда начало смеркаться, он поплелся назад. Собаки еще долго бежали следом. Потом много лет они преследовали его во снах, а тот день в памяти остался на всю жизнь...

Воспоминания навеяли печаль. Эркин спустился к Ишиму, к Каменному броду, разделся. Летом река на этом месте сильно мелела, и ее можно было переходить, закатав штанины до колен. Конечно, для этого нужно было знать место брода. Ишим – река неширокая и неглубокая, но капризная и строптивая. Зевак она не любит. Местами течет лениво, величаво, местами – озорно, буянисто. Стоит свернуть на два шага в сторону от брода, можно угодить в ямину, а то и просто закрутит, понесет, что и опомниться не успеешь. Раздевшись, он уселся на мягкий горячий песок и опять задумался...

Забрал их тогда к себе Абильмажин. Там, в ауле, он стал Эркином, а Эльза – Ализой. Быстро привык к новой жизни. Но иногда бывало тоскливо. Вспоминалась порой другая жизнь, смутная и далекая, как сон. Вспоминался отец, рослый, светлоглазый, веселый человек, который вдруг неожиданно, непостижимо быстро исчез, ушел из жизни, ушел навсегда, оставив его и маленькую Эльзу. Вспоминалась мать. Он был бесконечно благодарен Абильмажину, его жене, всему аулу, всем людям, которые сделали ему много добра и никогда не обижали, и все же чего-то недоставало, не хватало.

Именно тогда впервые он очень смутно почувствовал, что случилось в его судьбе что-то несуразное, несправедливое, и та, еще неосознанная боль, опалившая его беззащитную детскую душу, осталась

с ним на всю жизнь, как плохо зарубцевавшаяся рана, и, должно быть, тогда в нем зародилась неиссякаемая, неистребимая ненависть к войне – к первопричине всех бед, зол и несправедливостей.

У Эльзы было все проще. Она не помнила ни отца, ни матери – мать вспоминалась как нечто очень далекое, иллюзорное, и то лишь тогда, когда о ней рассказывал Эрих, а рассказывал он очень редко. И на душе у Эльзы было ясно. Она не помнила себя Эльзой. Жизнь началась у нее в этом ауле с Ализы.

Напряженно глядя под ноги, перешел он брод, поднялся на раскаленный каменный выступ. Долго любовался причудливым нагромождением камней у самого берега. Из-за этих валунов-громадин и назвали – может быть, еще тысячу лет назад – этот брод Тас өткел – Каменным бродом. Здесь в детстве он пропадал иногда целыми днями с мальчишками. Рыбачил, сидя на камне и свесив ноги в воду, таскал великое множество чебаков, окуней, пескариков. На том берегу, у кустов, под которыми вода казалась черной и густой, что-то гулко ударило, хлопнуло, и по воде разошлись круги. Он вздрогнул, почувствовав знакомое нетерпение рыбака-удильщика. Эх, была бы там жерлица!.. Это наверняка щука гналась за чебаком... Наловив с полведра мелочи, ребята, бывало, варили ее в старом, помятом, черном от копоти котелке и потом подолгу ели часто полусырую рыбу, без хлеба и соли. И не было тогда на свете вкуснее еды.

Много было тогда рыбы в Ишиме, а рыбаков – мало. Это сейчас на каждого пескаря по два рыбака приходится. А тогда – приволье. Из взрослых один Абильмажин ставил сети и вентеря. Ну и подкармливал пол-аула летом рыбой, зимой – зайчатиной и дичью. А из этих камней Абильмажин делал дивные ручные мельницы.

Без ручной мельницы в войну не обходился почти ни один дом. Сначала Абильмажин долго выбирал постав, старательно обтачивал его, обтягивал железным обручем, прикреплял к деревянным плахам, а потом приступал к жернову. Аккуратные, удобные получались мельницы. Но крутить их было ой как нудно! Крутили их в основном дети и старухи. Крутишь, крутишь часами, по горсточке подсыпаешь зерно в дырку жернова, и в плечах уже ломит, и в глазах рябит, а из желоба еле-еле сыплется мелкая мягкая мука. Так надоедало крутить, что ребята незаметно подкидывали зерна курам, лишь бы скорее кончить, отвязаться от муторной крутилки. И поныне эти мельницы валяются

у каждого где-нибудь в сарае. Кто знает, может быть, уже навсегда отслужили они свой век. Дай-то бог...

Он оделся и пошел тропинкой, извивающейся между тугаями. Здесь было душно, пахло сыростью, гнилью, прелыми листьями. Над шиповником трудились шмели, рубиново поблескивала стеклянными бусинками волчья ягода. Черемуха отцвела, видно, недавно: мелкие-мелкие ягодки висели зелеными гроздьями. В кустах, обвитых цепким зеленым хмелем, вперемежку с паутинками, бродили коровы. Благодать здесь летом...

Чего только не делал Абильмажин в те годы! И пахал, и сеял, и горючее на быках возил, и сено для волов косил, и сапожничал, и посуду лудил. И все это делалось спокойно, безропотно, без суеты. А ведь было тогда ему за шестьдесят. Всю жизнь старик работал, а когда хотел уйти на пенсию, выяснилось, что почему-то не хватает стажа. Этого Абильмажин понять не мог. В одном колхозе он проработал лет тридцать, да столько же, наверное, до колхозов. Походил-походил Абильмажин по разным районным конторам, да ничего не выходил. Из документов оказались всего две-три бумажки, да и то в одной было написано Абуль-меджнун, в другой Абди-Джамиль, надо было свидетелей искать, которые удостоверили бы, что старика зовут именно Абильмажин, а не иначе. Плюнул старик, хлопнул тяжелой райсобесовской дверью и вернулся в аул. Зашел как-то секретарь аульного Совета, хотел было помочь, но старик заупрямился: «Стану я еще на старости лет доказывать, кто я есть такой! Оставьте! Проживу как-нибудь». Так и ушел на пенсию без пенсии.

Дорожка круто пошла вверх и вырвалась из душных объятий тугая. Здесь был широкий и ровный луг, окаймленный густо разросшимся тальником. Трава росла выше колен. Далеко внизу виднелась река. У обрыва вода казалась темной, дальше, к середине, она, постепенно светлея, становилась то лиловой, то зеленоватой, то серебристой, а к противоположному берегу снова темнела. У каменного брода вода ярилась, с шипением билась о валуны, швыряла на берег клочья пены. На этом лугу Абильмажин каждый год косил сено. Рано утром, еще до восхода солнца, приходили они по росистой траве к дремавшему еще под туманом Ишиму и закидывали приготовленные с вечера удочки. Сначала поплавок долго молчал, мягко покоясь на застывшей воде, потом на мгновение вздрагивал и резко уходил ко дну. И тогда наступали самые счастливые, блаженные минуты. Абильмажин, не торопясь, на-

саживал рыбок на кукан и пускал в воду. Потом, когда солнце поднималось на высоту аркана и просыхала роса, Абильмажин уходил косить. Сначала он долго точил литовку, и над Ишимом, отдаваясь эхом, звонко щелкали резкие звуки: жжик-жжик-жжик-жжик. Абильмажин косил, а Эркин сидел под обрывом и следил за жерлицами, время от времени меняя мальков на крючках. Солнце поднималось все выше, разгоняло туман над рекой, вода посередке, где было мелко, начинала отливать золотом, от песка поднималось удушливое тепло, и клев прекращался. Тогда Эркин, еще раз проверив жерлицы, поднимался на обрыв, шел к Абильмажину, и они завтракали под черемухой. Абильмажин смотрел на луг, подсчитывал в уме, сколько здесь нынче накосит сена, молчал. Молчал и Эркин. Потом старик молился, подстелив под колени ветхий полушубок, а он уходил копать червей и ловить кузнечиков. На них хорошо шли чебаки. Да... Если подумать, здесь, на берегу Ишима, прошли самые счастливые дни его жизни. На всю жизнь остались в сердце эти луга, задыхающиеся от разнотравья, тугай, тишина над древним Ишимом, то тихим и ласковым, то грозным и шумным. Ему часто казалось, что с этой реки и началась его жизнь на земле.

Однажды на этом месте они поймали щуку, о которой в ауле рассказывают до сих пор. Хорошо, что Абильмажин оказался тогда поблизости, иначе утащила бы его щука в Ишим. Уже на самом берегу щука сорвалась, но Абильмажин, изловчившись, оседлал ее и засунул обе руки под жабры. Щука – большущая, зеленая, скользкая – яростно била хвостом, вспахивая брюхом песок, стараясь сбросить Абильмажина и вырваться из его ручищ. И ускользнула бы, если бы он не оглушил ее. Старая была щука. Весом больше пуда оказалась. На щучий бесбармак собрался весь аул. А из ее хребта он сделал для маленькой Ализы ожерелье. И все девчонки и мальчишки долго завидовали ей: таких игрушек в ауле не было ни у кого.

Тропинка обогнула старицу, заросшую по краям кугой и кувшинками, спустилась в долину. Там паслись овцы. Чабан, сидя на низкой толстобрюхой лошадке, глядел на дорогу. Заметив человека, издали закричал:

– Эй! Есть у тебя закурить?

По голосу Эркин узнал Сакена. Чабан, подгоняя пятками лошадку, подъехал и разулыбался, обнажив желтые, прокуренные зубы.

– Эй, эй... Эркин? С неба, что ли, свалился?

И, забыв про курево, повернул лошадку, поскакал к аулу.

– Стой! Куда понесся?

– Старика обрадую. Суюнши попрошу. Он тебя ведь ждет не дождется.

– Не надо, Сакен! Умоляю, не надо! Я сам тебе суюнши дам.

Сакен остановился, повернул назад.

– А что дашь?

Глазки его стали узкими-узкими, а рот растянулся до ушей.

– Что хочешь, бери.

– Что у тебя там в торбе?

– Да всякие конфеты, печенье, чай.

– А, шай-май, кампит-мампит оставь себе. А вот шляпу дай. Она мне пригодится.

– На, шайтан с тобой! Знаешь, я сам хочу обрадовать ата. Ведь три года не был.

– Да... – задумчиво тянул Сакен, примеривая шляпу. – Сам-то большой начальник стал?

– Большой. Видишь, шляпу ношу.

Сакен сипло захохотал:

– Эге! Теперь шляпа моя, и начальник – я. Не только бараны, но и козы – волк их раздери! – слушаться будут.

Вспомнив про коз, он оглянулся и обомлел. Козел, низко склонив голову, рванулся в тугай, а за ним потянулась вся отара.

– О, чтоб ветрячка на тебя напала! – завопил, колотя лошадку, Сакен. – Как я потом из тугая вас выгоню, проклятые...

Эркин засмеялся и пошел дальше.

Когда он выбрался из оврага, сердце его заколотилось: прямо перед ним, будто на ладони, простирался родной аул. Белели дома, сверкали под солнцем покрытые шифером крыши. Из аула доносился скрип колодезного журавля. Над кленами возле разросшегося кладбища лениво кружились вороны. Эркин сразу нашел свой дом. Тополя, посаженные им, так вытянулись, что казались выше школы и были видны далеко-далеко вокруг. Ниже аула, на пустыре, где он в детстве ставил капканы на сусликов и гонял с ребятами мяч, сейчас появились две новые улицы. Растянулся, разросся аул. Теперь тот буерак оказался совсем рядом с аулом. В том буераке под одинокой осиной он готовился с Багирой к выпускным экзаменам. Как он тогда волновался, мучился, не смея ей сказать, этой черноглазой, смуглой девчушке, от прикосно-

вения мизинчика которой у него сладко кружилась голова, всего три слова. Только о них, об этих трех простых словах, и о той, которой они предназначались, он тогда и думал. Но так и не сказал. Потом уехал, Багиру выдали замуж, а одинокую осину кто-то спилил...

У знакомого плетня, где теперь пышно разрослись акации, Эркин остановился. Под тополем в уютном затишье кустов сидел Абильмажин и глядел куда-то вдаль.

– Ата, – тихо позвал он.

Старик вздрогнул, оглянулся и начал по привычке чесать грудь.

– Ата-а!

Старик нахмурил кустистые брови.

– Кто это? Нашел с кем баловаться...

Тогда Эркин перепрыгнул через плетень и кинулся на шею старика.

– Ата-а-а...

– Эй, эй. Ты, ты... – забормотал старик, – сынок мой... Эркинжан мой... Как ты, как ты?

– Здравствуй, ата.

– Здравствуй, здравствуй, сынок... – Старик хотел привстать, но не смог. – А Ализа, шалунья наша, надумала... это... замуж выйти...

У старика задрожала бородка. Он сильнее прижал голову сына к груди и стал дрожащей рукой гладить его по волосам.

Со стороны дома по огороду, прямо по картошке неслась как угорелая, раскинув руки, Ализа и кричала на весь аул:

– Э-э-рки-и-и-ин!..

Вечером, когда уже разошлись все гости, они остались одни. Старуха с покрасневшими глазами сидела у печки и крутила свою прялку. Рядом на корточках примостилась Ализа с пышным шотландским шарфом на плечах и, не отрываясь, смотрела на брата. Эркин, улыбаясь ей, поигрывал на домбре. В передней тоненько выводил свою немудреную песенку самовар. Абильмажин молчал, теребил бородку и думал о том, что все-таки он счастлив, что счастье, оно хоть и трудное, а простое, бесхитростное, как сама жизнь.

1968–1980 годы

ДЕДУШКА СЕРГАЛИ

Пришло от отца письмо. Как всегда, обстоятельно, по всем пунктам изложены все аульные, совхозные и районные новости: сведения о сенокосе, о надое молока, об обязательствах, неизменно повышенных, о ремонте тракторов, о строительстве родильного дома, о последнем собрании сельского актива, на котором с радикальными предложениями выступил мой активный отец, и все эти новости подтверждены вырезками из районной и областной газет. И, как всегда, ни слова о себе, о матери, о доме. А в конце письма приписка: «Умер дедушка Сергали. За несколько дней до смерти я навещал его, и он интересовался тобой, спрашивал, пишешь ли ты и передаешь ли ты ему приветы...»

За окном тосковала глубокая осень. Серая промозглая мгла окутала дома, деревья, горы. Зябко поеживались ветки на обезлистевших тополях. И я подумал, что летом, когда приеду в аул, я уже не зайду в маленький приземистый домик у дороги и не услышу больше стихов дедушки Сергали.

...Мы, аульные мальчишки, называли его ата. За домом дедушки тянулся огромный пустырь, на котором малышня резвилась, играла в чижик, гоняла мячи с ранней весны, когда едва появлялись темные проплешины, до глубокой осени, пока пустырь не заметали снежные сугробы. Выходя из дома, дедушка Сергали иногда наблюдал за нашей возней, потом вдруг подзывал нас всех к себе. И мы уже знали, о чем он начнет сейчас спрашивать.

– А ну-ка, малец, скажи, как тебя зовут?

Первым отвечал Аскар, самый бойкий, самый смышленый среди нас. Вопросы шли всегда в одном и том же порядке. А сколько тебе годков, балакай? Так. А как зовут твоего отца? Так, так. А деда? А отца твоего деда? Очень хорошо. А отца прадеда? Э, молодец! Джигит! Аскар отвечал без запинки: он знал своих предков до седьмого колена, а дальше дедушка Сергали уже не спрашивал. Он считал, что из человека, знающего своих предков до седьмого колена, непременно выйдет толк.

И остальные мои сверстники без особых затруднений отвечали на немудреные вопросы дедушки, хотя иные и путались в именах своих пра- и прапрадедов. До меня очередь доходила последним, наверное, потому что я держался сторонкой и страшно волновался, как, впрочем,

и потом, когда отвечал на экзаменах, которых в моей жизни было великое множество.

– Ну а тебя как зовут, Сары-бала?

Видно, среди моих скуластых, чернолицых сверстников я казался дедушке рыжим, потому он и называл меня Сары-балой.

Я, запинаясь, называл свое имя, так непохожее на имена моих приятелей. Дедушка задумывался, жевал губами, соображая, как бы переделать его на казахский лад: «Ке-ройт, Карра, Керой, Керей... – шептал он и, наконец, останавливался на совершенно неожиданном для меня варианте: – Кира».

– А теперь, Кира, скажи, как зовут твоего отца?

Я называл.

– А дедушку?

И имя дедушки я называл.

– А отца дедушки?

Тут у меня вспыхивали уши, и голова моя невольно опускалась еще ниже. Уже с третьего колена предки мои погружались во мрак неизвестности. Обласкав нас по очереди, одарив куртом и иримчиком из кармана своего камзола, дедушка Сергали уходил по своим делам.

Рассказывали в ауле, что в молодости ата был лихим джигитом, весельчаком и акыном. Вскоре мы в этом сами убедились.

Как-то по аулу пронесся слух, что в нашей школе состоится айтыс – поэтическое состязание акынов нашей области. И вот однажды перетаскали из интерната в школу все столы, соорудили сцену, застелили ее коврами. Народу наехало – тесно во всех домах стало. Просторный зал и коридор школы были битком набиты. Мы еще в обход прокрались в класс и просидели, затаившись под партами, до самого вечера.

Начался айтыс. Акыны, человек семь, сидели на сцене полукругом, поджав ноги. Все были одеты ярко и пышно. На коленях акынов лежали красиво отделанные домбры. Первым запел седобородый грузный старик. Он вяло пощипывал струны домбры, долго-долго тянул: «О-о-о-о-о-е-е-е-ай!» – и, перестав вдруг играть, заговорил что-то быстро и отрывисто, и борода его при этом смешно подрагивала. Потом, когда у него уже кончилось дыхание и он перешел почти на шепот, старый акын как-то странно дернул плечом, мотнул головой, набрал побольше воздуха и снова затянул свое бесконечное «Э-э-э-о-о-о-ей...» и опять, как бы нехотя, побренчал на домбре. В зале раздались одобрительные выкрики.

Вторым запел молодой еще черноусый акын, сидевший на краю сцены. Он привстал на колени, весь преобразился, сверкнул глазами и запел сразу же во весь голос увлеченно, заразительно, страстно. Зал всколыхнулся, пришел в восторг.

– Уа де!

– Ай, джигит! – неслось со всех сторон.

Сильный у него был голос, звучный, да и сам он был красив в своем вдохновении, и мы, мальчишки, решили, что этот певец, несомненно, займет в айтысе первое место.

Дедушка Сергали пел третьим. Он пел совсем не как первые – пел тихо, протяжно. И голос у него был слабый, с хрипотцой. Видно, для него важным было не само пение, не голос, а слова, смысл. В зале стало тихо, старика не подзадоривали так рьяно, как того черноусого, а слушали внимательно, напряженно и кивали при этом. Нас как-то незаметно оттеснили, мы очутились вдруг у самого прохода и почти не слышали, о чем поет наш ата.

Говорили тогда, что в айтысе победил дедушка Сергали. Что значит побеждать в айтысе, мы представляли плохо. Думали, что побеждает тот, кто просто громче и дольше поет, кто не устает и запросто складывает стихи в то время, когда остальные акыны уже выдохлись, иссякли. А оказывается, в поэтическом, словесном состязании побеждают настоящие акыны, которые понимают силу и значение истинного, умного красноречия. Впрочем, этого тогда я не знал, это я понял значительно позже.

А потом был День Победы – самый яркий, самый памятный день нашего детства. Великую долгожданную новость узнали с утра, а уже в обед, после шествия с флагами и песнями, весь наш аул собрался на широком открытом лугу возле Ишима. На свой страх и риск зарезал тогда председатель колхозную овцу. И закипел той. Все были в тот день счастливы: и старики, и дети. И все же тихо было как-то вначале. Отвыкли, должно быть, люди за долгие годы войны от шумных и веселых тоев. И тогда поднялся дедушка Сергали и объявил, что в такой счастливый день он покажет народу ойын – игры. Подвели ему лучшего колхозного коня. Крепко-накрепко затянули подпруги. Сел дедушка в седло, приник к гриве, гикнул, пустил жеребца вскачь. Он сделал два-три круга и вдруг начал резко наклоняться с седла то в одну, то в другую сторону так низко, что руками касался земли. Кто-то бросил на обочину тропинки платок с кольцом, и ата, разогнав коня,

ловко нагнувшись, поднял его. Потом также на всем скаку, перелез под брюхо чубарого жеребца. Толпа ликовала.

– Сейчас он будет скакать стоя на седле! – закричал кто-то.

Но на этот трюк дедушка не отважился: ему шел тогда уже шестой десяток.

Мы, мальчишки, восторженно глядели на лихого наездника.

А потом, отдышавшись, ата взял домбру, ударил по струнам, выпрямился, расправил плечи и, уставившись куда-то вдаль, неожиданно зычно пропел зачин, чтобы овладеть вниманием собравшихся на лугу аульчан. Запел дедушка Сергали. Слова той песни не остались в моей памяти. Я еще слишком слабо знал тогда казахский язык. Но я увидел странно притихших аульчан, слезы на запавших лицах вдов, еще не успевших выплакать своего горя. Видел, как прикрывают рты старухи кончиками жаулыков, как застыли вдруг с разинутыми ртами сверстники. Слышал, как вздыхают старики. Видел, как гневно пылали глаза фронтовика-бригадира, и в этот первый мирный день не слезавшего с кургузой лошаденки. Пел дедушка Сергали, и тихо было вокруг, даже Ишим внизу, под обрывом, не ярился, не швырял пену на камни Тас өткеля. Я не понял тогда слов. Но смысл этой песни ощутил всем своим мальчишечьим сердцем. И запомнил на всю жизнь.

Когда я кончил десять классов аульной школы и собрался поехать в Алма-Ату на учение, отец зарезал овцу и пригласил стариков. После трапезы дедушка Сергали позвал меня к столу и сказал, что хочет мне дать бата – благословение. Он обвел глазами комнату, ища домбру, но домбры у нас не было, и тогда он попросил балалайку. Осторожно коснулся струн и поморщился от резкого непривычного звука. Потом быстро отпустил струны, чтобы балалайка звучала глуше, и, слегка пощелкивая по ним, произнес бата в стихах. Старики провели ладонями по лицам, сказали: «Аминь». С полевой отцовской сумкой за спиной, набитой книжками и бельишком, и с благословением дедушки Сергали, я покинул ранним летним утром родной аул.

С тех пор я каждый год неизменно приезжаю домой и, поздоровавшись с отцом и обняв мать, бегу скорей с салемом к дедушке Сергали и к другим старикам.

Любая весть распространяется в ауле мгновенно. И если я почему-либо не захожу к дедушке Сергали в день приезда, то уже на следующее утро после намаза и чая он спешит ко мне. Он идет мелкой, старческой походкой, далеко вперед закидывая посох, и издали кажется,

что впереди несется черный посох, а уж его, протягивая руку, догоняет сухой, поджарый старик с белой острой бородкой. Он без стука открывает дверь, снимает галоши с мягких сапожек, кричит слабым, надтреснутым голосом:

– Где Кира? Он приехал, что ли?

И деловито постукивая посохом, не оглядываясь по сторонам, идет напрямик через все комнаты в зал. Я бросаюсь к нему навстречу, протягиваю обе руки, смущенно бормочу извинения. Но дедушка суров и сдержан, смотрит на меня испытующе строго, медленно опускается на диван, ставит посох к стенке.

– Ну как? Жив-здоров? Руки-ноги целы? Аул-то не забыл? Э, жаксы, жаксы.

– А вы как, аке? Как здоровье?

– Э, дорогой. Какое у нас может быть здоровье? Ноги еще немного ходят, глаза еще чуть-чуть видят. Ну и ладно.

– А бабушка?

– Ну и бабушка, слава богу, еще шебуршит в своем углу.

Дедушка Сергали прикрывает красные веки, смотрит куда-то поверх окна. Я знаю, что сейчас он сочинит стих.

– Э, вот слушай:

Подкралась старость и зубы источила,
Лишила бодрости, кровь выстудила в жилах,
Глаза ослепли, в руках нет прежней силы,
А скоро и меня, родной, запрет в могилу.

– Вот так-то, дорогой Кира...

Сидит он недолго. Коротко расспросив обо всем, берет посох, встает:

– Ну, ты здоров – и я рад. Пойду-ка домой. Ты, однако, заходи. Бабушка тоже видеть тебя хочет.

И, все так же постукивая посохом, мелкой суетливой походкой спешит к выходу.

Есть какая-то непостижимая, удивительно обаятельная доброта, мудрость, человечность в натуре казахских стариков. Я не знаю, что это, откуда, но всей своей жизнью, добротой и ласковой внимательностью заронили эти старики в наши души что-то хорошее, доброе. Вот придут они к нам, спросят о том о сем, и у нас уже щемит сердце, мы становимся серьезней, взрослей, что ли. И нам становятся еще дороже, еще роднее наши земляки, наши старики, наш аул.

Казалось бы, кто я и что я для дедушки Сергали или для других стариков. Аульный мальчишка, к тому же не смуглый, круглоголовый соплеменник, а, как говорится, иной по природе и языку. Ну играл, бегал с их внуками, по аулу мотался, в школе учился, а теперь живу в городе, работаю где-то, ну и бог со мной... Так нет, он пристально и ревностно следит за каждым моим шагом, он знает обо всех моих делах, он считает себя ответственным за каждый мой поступок или проступок, радуется моей радости, сочувствует моей беде и искренне желает, чтобы я был хорошим человеком, добрым и честным и к тому же не забывал свой край, свой родной аул.

И эти старики становятся в чем-то мерилом твоей жизни, твоей совести и чести. И надо еще заслужить их благословение. А потом попробуй обмани их надежду, их доверие, тебя всю жизнь будет сжигать стыд, будто ты предал родного отца.

Прошлым летом, приехав в аул, я узнал, что дедушка Сергали занемог. Он сидел, по обыкновению, у окошка передней комнаты на старенькой алаше в черных плюшевых штанах и камзоле, неизменных мягких сапожках. Рядом лежал черный посох. Старушка жена, обложенная подушками, восседала на кровати, вязала пуховую шаль, держа спицы у самых глаз. На стене потикивали уже совсем почерневшие от времени часы. На потускневшем циферблате сиротилась одна часовая стрелка.

– Эй, глянь-ка, кто к нам пришел, а? Проходи, проходи, дорогой, – дедушка Сергали чуть подвинулся, показал на место рядом с собой.

Старуха заулыбалась, отчего ее маленькое личико, сплошь покрытое морщинками, еще больше сморщилось, и, постанывая, держась одной рукой за поясницу, пошаркала в угол, где у нее испокон веков стоит такой же древний торсук[4]. Я, как положено, отдал дедушке салем. Он расспрашивал о моем здоровье, потом о здоровье дочери, всех родных и знакомых. Старуха поднесла мне большущую деревянную чашу с кумысом.

Я пил кумыс, а дедушка Сергали уже в который раз начал рассказывать о том, как я в детстве здорово бегал, был настоящим желаяком – быстроног, как ветер, и однажды во время игры, должно быть, чем-то недовольный, выхватил из рук обидчика мяч и побежал во весь дух в сторону Ишима. За мною с криком и улюлюканьем погналась

[4] Сосуд из козьих шкур для жидкости (каз.).

ватага мальчишек, но никто, даже аульные собаки, не могли меня догнать. Рассказав об этом случае, который почему-то в моей памяти не остался, дедушка вздохнул и, как всегда, заметил: «Сглазил тебя кто-то. Да, да, точно, сглазил».

Я осилил лишь половину чаши и оставил ее. Дедушка Сергали удивился:

– Что так? Или кумыс моей старухи нехорош? Или у вас, городских, кишка тонка стала, а? Э, плохо, плохо... А знаешь, сколько мы, бывало, в молодости за день кумыса выпивали. По пятнадцать чашек. Что, не веришь? Утром встанешь – одну-другую выцедишь. Потом соберемся – мальчишки-подростки – и айда на стригунках в соседский аул. И там угощают кумысом. Поиграем, порезвимся и давай скакать в следующий аул. Там тоже опрокинешь пару чашек. За день обскачешь пять-шесть аулов. Приедешь вечером, посчитаешь, бог ты мой, пятнадцать чашек – целое ведро кумыса выпил. Каково? – И дедушка весь затрясся, радостно рассмеялся.

– Почитайте, аке, стихи Шала-акына, – попросил я.

– Э, – почему-то грустно улыбнулся дедушка. – Большой акын был Шал, большой... Много мудрых слов нам оставил. – И, глядя постарчески затуманенными глазами куда-то вдаль, часто покашливая, дедушка Сергали читал мне Шала-акына.

Акын Тлеуке, прозванный в народе Шалом, жил двести с чем-то лет назад на берегу Ишима в каких-нибудь тринадцати верстах от нашего аула. Его стихи о быстролетной юности, о тоскливой старости, о смерти, о женщинах знают в наших краях все старики.

– А теперь прочтите что-нибудь свое.

– Я прочту тебе только одно стихотворение. А ты запиши, запиши.

Дедушка Сергали извлек из-за пазухи знакомую мне пухлую записную книжку вместе с какими-то квитанциями и рецептами, полистал пожелтевшие странички, заполненные арабской вязью, и откашлялся.

– Вот, записывай. «Слово старца Сергали, обращенное к молодым».

В «Слове» говорилось о том, что молодость подобна яркому цветку, ее нужно беречь и ценить, ибо она полна радости и счастья. В молодости нужно учиться, стремиться к знаниям, не прожигать впустую жизнь, потому что не успеешь оглянуться, как подкрадется беззубая старость, похожая на заросший жимолостью глухой овраг.

– Ну как? – спросил он.

– Верно говорите, аке. Очень верно.

Дедушка помолчал, полистал свою затрепанную книжицу-неразлучницу, показал ее мне.

– Вот это все, что я после себя оставлю. Состояния никакого не нажил. А жить осталось уже немного...

– Ну что вы, аке...

– Нет, нет, я точно говорю. Скоро уже, скоро, я чую... Здесь записаны два дастана и некоторые мои стихи. Не все, конечно. Кому нужен бред старика? А кое-что, может, и пригодится. Может, прочитает кто и скажет: вот так, бывало, говаривал старик Сергали...

Дедушка уронил голову на грудь, зашелся в кашле, потом задышал тяжело, хрипло. Задумался.

Одинокая стрелка на часах незаметно переползла на соседнюю цифру.

– И-и, ал-ла-а... – вздохнула старуха.

Дедушка очнулся.

– Надолго приехал?

– Недельки две, пожалуй, побуду.

– Э, хорошо... Захаживай, кумыс пей, дорогой. Спасибо, что нас, стариков, не забываешь.

Грустно как-то стало. Я простился, встал, тихо прикрыл за собой обитую войлоком низенькую дверь.

И вот письмо...

Уходят старики от нас. Нет уже в живых Жайлаубая, Сейтходжи, Нуркана, Абильмажина. И с их уходом все более пусто становится на душе, вместе с собой забирают они в черные объятия земли и частицу нашей души.

Приеду летом в аул, пройду мимо опустевшего приземистого домика у дороги, постою молча у черного холмика с серым камнем-стояком. А потом пойду по широкой аульной улице, и навстречу мне выйдут из домов юноши, подростки и совсем еще малыши, которых я узнаю лишь по сходству с их отцами. Они учтиво протянут мне обе руки – почтительный салем.

– Здравствуйте, ага!

А иные эдак солидно врастяжку, ломающимся баском скажут:

– Ассалаумагалейкум!

«Вот, я уже ага этим юношам», – думаю я грустно и радостно улыбаюсь.

– Алейкум салем, мой дорогой. И тебе мир, аул мой!

1971 год

РЫЖИЙ РЫСБЕК ИЗ АУЛА КАСТЕК

Рассказ-быль

1

Большое казахское село раздольно раскинулось у подножья увалов.

С одной стороны, врезаясь снежными пиками в синь неба, высилась неприступная гряда гор, с другой – простиралась, исчезая за горизонтом, однотонная по осени, выжженная степь.

Плоскокрышие убогие мазанки с крохотными оконцами во двор навевали тоску. По кривым улочкам цокали копытцами понурые ишаки, запряженные в двухколесные, высокие кокандские арбы. В глазах ишаков застыли вековечные скорбь и смирение. На пыльных проплешинах-такырах резвилась загорелая до черноты голоногая малышня в немыслимых отрепьях, гортанно галдела на всю округу. Высоко-высоко над вымершим селом задумчиво чертил круги одинокий коршун.

Вокруг ни деревца, ни кустика. Все покрыто серо-желтым пухляком. Солнце зависло в зените и палило нещадно. От обвальной тишины звенело в ушах.

– Майн Готт! – вздохнула Марта. – Либер Хайланд!

И крепче прижала к себе бледного и тощего мальчонку с перепуганными глазами.

Из конторы аулсовета вышел неказистый, кривобокий мужичонка в обшарпанных воловьих сапогах, в выцветших галифе, кургузом пиджачишке неопределенного цвета, почесал пятерней бритую голову, глазками-щелками нацелился на незнакомку и белобрысого мальца, примостившихся на двух баулах. Помолчал, смачно сплюнул.

– Тыбая памилия? – спросил сипло.

– Что, простите? – встрепенулась молодка и легко поднялась, поправила платье, нервно вскинула голову.

– Мой спрашивает: звать как?

– Диллер... Марта Диллер...

– Е-е. А балашка?

И ткнул пальцем в сторону вихрастого мальца.

– Руди... Рудольф...

– Е-е... бишара... бишара.

Мужичонка растерянно уставился на тупоносые свои сапоги, поскреб небритый подбородок, опять цвиркнул меж зубов.

– А кожаин где?

– Кто, простите?

– Муж?

– На фронте.

– На пронте?! – недоверчиво переспросил мужчина.

– Да, на фронте.

– Е-е... бишара... бишара.

Мимо конторы, согнувшись под вязанкой колючего кустарника, семенила казашка в длинном цветастом платье и черной шали на голове.

– Шайзада! – окликнул ее мужичонка.

Казашка остановилась, сбросила вязанку к ногам, послушно застыла. Мужичонка что-то сказал ей. Та безропотно кивнула.

– Псё! – отрезал мужичонка, обращаясь к Марте. – Будешь жить у Шайзады. А завтра пойдешь с ней на ферму. Псё!

Две женщины – одна с вязанкой хвороста, другая с двумя баулами и послушно трусившим мальчонкой – исчезли за переулком.

2

Едва протиснувшись в проем двери, Марта опустила баулы, оглянулась. Сумрачная хибара. Земляной пол. Одно-единственное окошко занавешено ветошью. В углу на самотканом паласе трое мал мала меньше малышей попеременно макали огрызки лепешек в деревянную миску с простоквашей и сосредоточенно ели, усердно шмыгая носами. При виде незнакомцев изумленно разинули рты.

– Мои. Айман, Шолпан, Арман... – сообщила Шайзада и умиленно протянула: – Ай-на-ла-а-айын...

Руди прижался к бедру матери, но не мог оторвать взгляда от лепешки в руках малышей и миски с простоквашей.

Шайзада ласково взяла его за ручку, подвела к детям, усадила рядом, сунула кусок лепешки побольше, подвинула миску.

– Куши... куши...

Руди все понял. Из глаз Марты брызнули слезы.

3

...И снится Марте один и тот же сон. Без начала и конца. Почему-то она одна-одинешенька на всем белом свете. Как так получилось – не объяснишь. Одна, одна... Везут ее куда-то день, второй, третий... Огромные колеса кокандской арбы поскрипывают, глубоко увязли в пухлой пыли. Марта не знает, куда ее везут. Не помнит, как и откуда попала в это гибельное место.

Катится-катится кокандская арба по пыльной убитой дороге. А за ней бежит-бежит-бежит, спотыкается, падает, что-то безголосо кричит рыженькая, голенастая девочка в коротком платьице, плачет, зовет, ручонками размахивает...

У Марты замирает сердце, руки-ноги сковывает жуткая тяжесть. Она порывается подняться, бежать навстречу девочке, но не может. Она – о, ужас! – не помнит, как зовут девочку, не помнит и себя, куда, откуда и зачем ее везут. Силится вспомнить, но напрасно, тщетно.

Там, в долине, взвихриваются, закручиваются, мчатся наперегонки крутые смерчи.

И нет этой дороге конца.

И нет этому наваждению конца.

И нет этой муке конца.

«Ши-ик, ши-ик», – поскрипывают, тяжело вращаясь, колеса кокандской арбы.

«Цок-цок-цок», – щелкает-трещит копытцами длинноухий отрешенный ишачок.

4

– Что плачешь? – растормошила ее Шайзада посреди ночи.

Марта зарылась лицом в подушку, давясь слезами.

– Не болды? Қой! Что случилось?

Шайзада обняла товарку за плечи, погладила сухой ладошкой по голове.

– Дочку вспомнила.

– У тебя еще кызымка есть?

Ущербный азийский месяц глядел в оконце. В правом углу мазанки на кошме, под шубой безмятежно спали дети – трое малышей Шайзады и Руди среди них. А женщины устроились слева на корпешке, под

стеганными одеяльцами. Работа в колхозе так изматывала их, что, придя с работы домой в сумерках, кое-как, чем бог послал накормив детей, падали в постель, как подкошенные.

– Е-е-есть...

– Где? На Волге?

– На Украине.

– У кого?

– У сестры моей. Забрала к себе сразу после школы. Бедная моя Эльвирочка... Жива ли еще?

– А что? Разве у тетки ей плохо?

– Так... там же война! И где моя сестра – ничего не знаю.

– Но... немцы немцев трогать не будут.

– Те не немцы. Не наши.

– Ка-ак?!

Шайзада обняла свою жиличку крепче.

– Тише... Детей разбудишь. Не кличь лиха в темную ночь. Война кончится – все уляжется.

Так, в обнимку, женщины уснули. Месяц скатился вбок. Призрачные тени на стене исчезли. В сумрачной мазанке пахло пылью, молоком и одиночеством.

5

Весной Марте стало совсем худо. Ночи напролет она надрывно кашляла. По утрам горлом шла кровь. От слабости постоянно кружилась голова. Силы таяли на глазах.

– Знаешь, Шайзада... нет больше горя, чем умирать на чужбине...

– Брось. За лето оклемаешься. Поверь.

– Нет... Песенка моя спета. Увидеть бы хоть разок Волгу и Эльвирочку мою...

Слез не было. И утешения – тоже.

Руди целыми днями носился с малышней по аулу и ловко болтал по-казахски. Казалось, он не чувствовал себя пришельцем из чужого рода-племени.

Вскоре склоны гор запылали маками. Солнце ходило все выше, выше, любуясь ослепительными снежными вершинами. Степь закурчавела. Аромат разнотравья сладко дурманил голову.

Вокруг хибарок резвились потешные ягнята раннего расплода. Вечерами налетал тугими порывами ветер, бодря тело и душу приунывших за зиму аульчан. Перед рассветом безумно щебетали птицы, томно ворковали голуби. Ранним летом 1942 года Марта тихо угасла.

6

Горстка аульных старейшин чинно сидела за колченогим столом аулсовета.

– Ну, почтенные, что будем делать с сыном немки?

Аульный глава был в неизменном галифе, кургузом пиджачке, обшарпанных громоздких сапогах. По обыкновению поскреб пятерней побритый до синевы череп.

– Ия, ия... Кто о сироте позаботится? Как-никак дитя человеческое, – изрек местный мулла и огладил белую бороду.

– Сироту обижать – грех, – поддержал его безбородый сосед.

– Надо отвезти в Узун-Агач в детдом, – предложил счетовод.

– Нехорошо это... Мальчик привык к аулу. Смышленый, – прошамкал беззубым ртом плешивый аксакал. – Детская обида зарубкой останется на сердце. И нам стыдно будет.

– Может, у Шайзады оставить? Где трое – прокормится и четвертый.

– Нельзя! – отрезал аульный глава. – От зари до зари пропадает на ферме. Куда ей?

Встрепенулся молчавший до сих пор чабан Хасен.

– Братья, может, мальчика я возьму к себе?

– Как?

– Ну, усыновлю. Вернется мой Каратай – братишка ему будет.

– И что получится? – спросил аульный глава. – С немцем воюет, и немец братишкой станет?

– Е-е... Какой он немец? Молдеке ведь сказал: дитя человеческое...

– Ия, ия... Дитя безгрешное. Ему-то и невдомек, что немец. Думает, казах.

– Если вы, братья, согласитесь, я с радостью стану ему отцом.

Помолчали. Бороды пощипали. Головами покачали.

– А с мальчиком поговорю сам, – заявил Хасен. – Он ведь все понимает.

7

Подсадив Руди на одра, чабан Хасен привез его в степь к отаре. Долгая дорога по увалам-перевалам утомила мальчика. Да и тряска в жестком седле укачала его. В прохладной, продымленной чабанской юрте на кошме возле кованого сундука-кебеже он сразу уснул.

Когда проснулся, чабан со своей женой пили чай за низеньким, складным столиком.

– Кел, кел, балам! Иди, иди, сынок мой! – проворковала жена чабана, привычно поправив белый плат на голове.

– Айда, Рудижан, подсаживайся. Шай ишеик, – пригласил и Хасен-ата.

Мальчик молча уминал испеченную в золе лепешку, ел ложечкой густой катык, грыз курт, иримчик, отхлебывал из кесушки чай со сливками и с любопытством озирался вокруг. Все в юрте было ему внове.

– Нравится? – спросил чабан.

Руди кивнул.

– Айналайын, – умилялась, глядя на него, апа.

– Айналайын, – вторил ей ата. – Слушай, как тебя правильно звать?

– Рудольф... Рудольф.

– Ыру-долбы! А? Не по-казахски звучит. Может, я буду называть тебя Рысбеком? Согласен?

– Рысбек?.. Болсын. Согласен.

– Ну и хорошо! Будешь для нас Рысбек. Рыжий Рысбек из аула Кастек.

Мальчик ощерился. Получилось забавно и складно.

– А фамилия как?

– Диллер.

– Дил-ляр... Хм-м... Согласен быть моим сыном?

Мальчик кивнул.

– Да?! – Чабан заерзал, вытер полотенцем испарину на лбу. – А если, айналайын Рысбек, твоя фамилия будет отныне Абильтаев, как у меня? Согласен?

– Абильтаев?.. Болсын. Согласен.

– Апырай! Вот умница! Маладес! Тогда, может быть, зараз и мусульманином тебя сделаем?

Мальчик не понял. Сдвинул брови, задумался. Он смутно чувствовал, что это как-то связано с муллой, а муллу мальчишки в ауле побаивались.

– Ну, если он – Рысбек Абильтаев, значит, мусульманин. А то как же иначе? – встряла в мужской разговор апа.

– Ия... солай, солай, байбише, – согласился чабан.

Стал Руди жить в юрте чабана. Превратился Рудольф Диллер в Рысбека Абильтаева.

А вскоре мулла омусульманил его, как положено, по обряду сундет.

Одним казахом под семиреченским небом стало больше.

8

Изнуряющую сухмень сменили затяжные дожди. Короткая, слякотная в этом краю зима, казалось, сразу переходила в долгое-долгое лето.

Мелькали дни. На круговорот бытия молча и равнодушно взирали снежные вершины. Солнце ходило по извечному кругу.

Где-то все еще громыхала война. Эхо ее докатилось и до тихого аула Кастек, приютившегося у подножья гор.

Чабану Абильтаеву вручили похоронку на сына Каратая, погибшего смертью храбрых за Родину.

На поминках чабана утешали:

– Е-е, Хасен, крепись, мужайся. Не тебя одного постигло горе. Не тебя одного подбил сум-пашис. На все воля Аллаха. Благодари судьбу, что у тебя есть Рысбек. Он не даст иссохнуть твоему дереву.

Рысбек подрос, окреп. Ловко скакал на лошади, пас овец, объезжал стригунков, собирал кизяк. Был помощником Хасеке во всем.

За год до Победы ладного, стройного подлетка чабан отвез в интернат при местной школе.

– Четыре класса окончит – женю, – сообщил всем чабан. – Нешауа! Сказано предками: «В тринадцать лет – хозяин юрты». Пусть внуками утешит мою старость. А работа в ауле найдется. Надо будет – передам ему свой чабанский посох.

9

Прискакал как-то в аул заполошенный комендант из района.

– Где спецпереселенка Марта Диллер? Почему не отмечается в комендатуре? С сентября 41-го ни разу не показалась.

– И не покажется.

– Это еще почему?

– Потому что умерла. А на том свете комендатуры нет.

– Как умерла?! – опешил комендант.

– Как все. Давно, вон... за тем бугром ее могила.

Комендант долго глядел в амбарную книгу, что-то записывал, слюнявя огрызок чернильного карандаша.

– А сын ее... Рудольф Диллер, 1934 года рождения?

– Рудольф?.. А-а... Он давно Рысбек Абильтаев.

– Ка-ак?

– Чабан Хасен усыновил его. Теперь он – казах.

– Не дейды?! Рыжий, светлоглазый немец – казах?

– А что? У казахов рыжих нет? Светлоглазых нет? Так что, дорогой, не ищи Рудольфа Диллера. А казахи под твоей комендатурой, слава Создателю, пока не ходят.

Комендант подумал, подумал, сунул изрядно потрепанную книгу со списком неблагонадежного контингента в кожаную сумку и ускакал восвояси.

10

Жизнь в ауле течет размеренно. Да и куда спешить? Спешка – происки шайтана. Кто не спешит – на арбе зайца догонит.

Предки казахов никогда не спешили и потомкам заповедали зря не суетиться. Как написано в Книге Судеб, так и будет. А от судьбы своей никто еще не уходил.

Окончив четыре класса местной школы, Рысбек подался в Узун-Агач на механизаторские курсы. Здесь он проявил необыкновенную расторопность и сметливость. И наставник-мастер Антон Энгель в шутку говорил о Рысбеке: «Этот казах разбирается в технике, как немец».

После механизаторских курсов Рысбек оседлал трактор, а в страдную пору становился комбайнером. В работе он был одержим и без-

отказен. И в ауле поговаривали: «Апырай, и как только наш колхоз обходился до сих пор без Рысбека?!»

Рысбека женили, когда его сверстники все еще протирали штаны за школьной партой. Собрались, как водится, старики, посоветовались и решили высватать младшую дочь Шайзады – Шолпан. Шайзада всплакнула, но против воли аульных аксакалов не пошла. Да и что раздумывать? Шолпан хоть и маленькая с виду, а плотненькая, ладненькая, гладколицая, с озорным блеском в глазах-смородинках, улыбчивая. Восемь классов одолела. Вся как спелое, румяное яблочко. А Рысбек – вон как вымахал, ручища, что лопата, парняга что надо, надежный, работящий, уважительный, всеобщий любимчик. Ну и что из того, что чужого рода-племени... пожалуй, ближе и роднее иного своего шалопая.

Через год у чабана Хасена появился внук Ахат. Потом – Мухат. И третий – Талгат – не заставил себя долго ждать. Все крепенькие, скуластые, длинноносые, в меру рыжеватые, в меру смуглые. Потом Шолпан умудрилась произвести на свет двух близняшек-девочек – Гульшару и Гульбару. В ауле радовались: «Неспроста назвали нашего зятя Рысбеком. Видно, сам Всевышний вложил в уста Хасена это имя. Рысбек, действительно «Ырыс» – благо, счастье, удача. Все у него по уму получается. Да и Шолпан – молодчина. Действительно, утренняя звезда в семье».

Облепленный детьми, счастливый, Рысбек восседал за дастарханом, скрестив под себя на казахский лад длинные ноги, благодарил Создателя за все ниспосланные ему благодеяния, удовлетворенно басил: «Верно говорят: дом с детьми – базар, дом без детей – мазар».

Потом один за другим появились в семье горластые Сабит и Габит, которых и отличить друг от друга оказалось мудрено.

Аульные умники, глядя на ватагу Абильтаевых, глубокомысленно рассуждали: «Что ни говори, а казахская кровь берет верх. Посмотрите на отпрысков Рысбека. Что в них немецкого? Ну, может, лицом чуть светлее... носы чуть длиннее... глаза малость шире, а так разве от казаха отличишь?!»

И надо же такому случиться: годы спустя у Абильтаевых родилась еще одна девочка. Вся беленькая, пушистоголовая, кареглазая. Даже статью-осанкой отличалась от своих кровных братьев и сестер. Ну ни дать ни взять балапаненок, только что вылупившийся из яйца. Роди-

тели удивились своему творению. «Оу, как назовем это чудо-юдо?!» Всем аулом придумывали имя белокурому созданию. Казахские имена вроде как не подходили.

«Это наша копей, – сказал Рысбек. – Поскребыш. И быть ей Эльвирой».

«Эй, это же не по-казахски! Или в тебе немецкая кровь проснулась?»

«Эльвира и баста!»

«Брось! Как будто чужая...»

«Эльвира!»

Обратились к Шайзаде, к почтенной аже.

– Дурит что-то твой зять.

Шайзада помолчала, подумала, что-то вспомнила.

– Рысбекжан знает, что говорит. Быть моей внучке Эльвирой!

11

Капитан райУМВД повел разговор издалека. Обстоятельно, как принято у казахов, расспросил про житье-бытье, про здоровье родителей, детей, аульчан, поинтересовался работой, и Рысбек спокойно и степенно ответил ему, однако про себя соображал, к чему приезжий клонит и что ему от него надо.

Было также непонятно, почему капитан не зашел к нему домой, как гость, а пригласил в контору и затеял беседу наедине.

Ритуальные вопросы вежливости понемногу иссякали, все чаще наступала пауза, а капитан о главной своей цели все помалкивал.

Наконец неожиданно спросил:

– Родственники в Германии есть?

– Где-е? – вырвалось у Рысбека.

– В Германии.

– С какой стати?!

– Ну... – капитан чуть замялся, – хоть вы и Абильтаев, но по происхождению ведь...

– Спасибо, что напомнили, – нахмурился Рысбек. – Мои родственники все в этом ауле.

Капитан сощурился.

– Ну а сестра?

– Сестра? – Рысбек широкой ладонью хлопнул себя по колену. – Да-а... была. Эльвира. Года на три старше меня.

– Помните?

– Чуть-чуть. Ее забрала к себе, на Украину, тетя Эрна, мамина сестра. Перед самым выселением.

– И больше не видели?

– Нет. Помню белые-белые пушистые волосы. И огромный голубой бант. И все. Сохранилась фотография... мама и мы с сестрой с двух сторон. Мне тогда было годика четыре.

Капитан задумался, забарабанил пальцами по столу.

– И вы ее не искали?

Рысбек пожал плечами, опустил голову.

– Где? Как?.. Война... Сорок лет прошло. Даже не знаю, жива ли?

Капитан опять выдержал паузу.

– Жива. И разыскивает вас. Давно. Через Красный Крест. И проживает... проживает... – капитан заглянул в бумагу, – в Зиндельфингене.

Рысбек не знал, что и сказать. Еще больше согнулся, потер вспотевшие ладони. Он помнил, что власть не жалует тех, у кого родственники за кордоном. Недолюбливает и тех немцев, кто норовит выехать на родину предков или получает оттуда посылки. Конечно, с него, с Рысбека Абильтаева, взятки гладки. Уезжать он и не помышляет, посылок никто ему не шлет. Не отнимут же у него трактор из-за того, что в неведомой Германии обнаружилась его родная сестра. И все же, все же...

– Ну и что дальше?

– Ваше дело, – откликнулся сразу капитан. – Предоставьте нам копию фотографии, о которой говорите. Наше дело – все выяснить и восстановить родственные связи.

Чувство радости, перемешанное с тревогой, несколько дней не отпускало Рысбека.

12

Плотный пестрый конверт с разными наклейками и штампиками Рысбек долго вертел в руках, всматривался в незнакомый почерк. Странно было читать свою фамилию, начертанную латиницей.

Конверт вскрыли не сразу. Рассматривали так и сяк всей семьей. Попеременно взвешивали на ладонях, точно определяя его ценность.

– Пухлый!

– Что-то там есть.

– Может, марки?

– Не-ет, фотографии, должно быть. Или открытки.

Наконец перочинным ножичком аккуратно вскрыли конверт, извлекли пять-шесть глянцевых фотографий.

Крупная, коротко остриженная, ухоженная и по всему очень благополучная женщина хлопочет у ослепительной газовой плиты на просторной, сплошь увешанной шкафчиками кухне. Она же, фрау, белозубо улыбаясь, стоит возле шикарной, вылизанной машины рядом с бородатым пузаном. Супруги в аляповатых спортивных костюмах на зеленой лужайке держат на поводке огромного, брылястого, спесивого пса. И еще раз они на фоне затейливого особняка с покатой черепичной крышей и множеством чисто промытых окон.

– Смотри-ка!

– Буржуи!

– А машина-то – «Мерседес».

– И дом не нашему саманному дворцу чета.

Рысбек молчал, все рассматривал дебелую улыбчивую женщину на фотографиях, силясь найти в ней сходство с той белокурой девочкой с огромным голубым бантом, смутно запомнившейся в далеком детстве.

– Ну, узнал сестру? – спросила Шолпан.

– Как узнаешь? – вздохнул Рысбек.

– А ты прочти, что пишет.

Рысбек повертел в руках плотный лист бумаги с причудливым вензелем в углу, силясь разобрать хоть одно слово.

– Эй... письмо-то на немецком!

– А ты полагал, что сестра тебе из Германии по-казахски напишет?

– Ну, – сконфузился Рысбек. – Не по-казахски, так по-русски. Я ведь по-немецки ни бум-бум.

– А ей откуда знать, что ты казах?

– Да-а... придется сходить к Олжабаю. Он переведет.

13

Учитель немецкого языка аульной школы Олжабай Жармакин долго вглядывался в крупный, разгонистый почерк, досадливо поморщился.

– Е-е... видать, ваша сестра, Рысбек-ага, не сильна по части грамоты. Пишет бог весть на каком диалекте. Не все и поймешь.

– Видно, как и я, не больно усердствовала в учебе, – усмехнулся Рысбек. – Но смысл-то понятен?

– Смысл такой, – сказал Олжабай, в третий раз скользя взглядом по корявым строчкам письма. – Фрау Эльвира Керн ужасно рада, что наконец-то в глуши Казахстана удалось разыскать единокровного брата. Это было сложнее, чем она предполагала. И теперь, когда ей передали фотографию, на которой запечатлены незабвенная мама с ее детьми, она, фрау Эльвира, на седьмом небе от счастья. Уже несколько дней не может сдержать слезы. Многое ей сразу вспомнилось... Та-ак... дальше она подробно описывает свою жизнь. Отступая, немцы, мол, забрали с собой всех фольксдойче. Это был путь на Голгофу... долгий и трудный. Некоторое время жили на территории Польши, потом добрались до небольшого городка вблизи Штутгарта. Здесь проживают и поныне. Поначалу было тяжело. Все пришлось пережить. Работала где и как придется. После кончины тети Эрны... альзо зи ист гешторбен... умерла, значит. А ко мне, то есть к вашей сестре дас шикзал... судьба, значит, оказалась милостивей. Удачно вышла замуж за местного предпринимателя... зовут его Роберт. Детьми не обзавелись. Все откладывали, когда встанут на ноги, а потом оказалось поздно. Так... так... опять пошли, простите, бабьи воспоминания... ага, вот главное... мечтаем тебя увидеть... приглашаем с милой женой... к себе в гости... просит прислать данные, чтобы могла выслать вызов...

– Какой вызов?

– Ну в гости... в этот... Зиндельфинген.

– А как я туда выберусь?! – испугался Рысбек. – Я сроду дальше Талдыкоргана не выезжал... Да и денег, наверное, понадобится куча.

– Так сестра пишет: все расходы по поездке туда и обратно возьму на себя.

– О! Богачка, значит! Апырай, вот еще заботы-хлопоты на мою голову... А съездить хотелось бы. Хоть посмотреть, как люди в той Германии живут.

14

Весь год в Кастеке только и судачили на каждом углу о предстоящей поездке Рысбека Абильтаева в Германию.

– Ойбай, сестра нашего Реке, говорят, сказочно богата.

– Во дворце ханском живет... Три машины имеет.

– Одну, конечно, запросто брату отдаст.

– Не отдаст: немцы – жадные.

– Жадные-то жадные, а всему миру помогают.

– Как бы наш Рысбек там не остался...

– Со своей казахской артелью?

– А что, вон узбек Абдурахман заделался Шнайдером и укатил со своей Амалией.

– И Германия всех принимает?!

– Да там, сказывают, уже и немцев мало осталось. Одни турки, цыгане, эфиопы, евреи, курды.

– Повезло Рысбеку! И почему я только немцем не родился?

Слухом полнится земля. А перед каждым событием скачет резвый *ұзын-құлақ*.

15

После дальней дороги человека следует поздравлять с благополучным возвращением, приглашать в гости и выслушивать его обстоятельный рассказ. Рысбека, вернувшегося из Германии, наперебой приглашали все знакомые и за дастарханом уговаривали его рассказывать о житье-бытье на хваленой немецкой земле. И хотя в ауле от мала до велика знали про то, как Рысбек готовил бесбармак в особняке сестры, однако просили о том случае поведать во всех подробностях вновь и вновь. И Рысбек поначалу отнекивался, отмахивался, но потом с увлечением начинал рассказывать на потеху аульчан.

– Е-е... – раздумчиво начинал он свой рассказ. – Неміс дегенің бишара халық екен. Бестолковые они, немцы, ей-богу. Живут скованно, скучно, по раз и навсегда заведенным порядкам. Нет такой вольности и щедродушия, как у айналайын наших казахов. Да ну их! И досыта не едят. Все какие-то порции, порции. Калории считают. Все какое-то жеваное-пережеванное, искусственное, дохлое. Ни вкуса, ни силы. Пузо набьешь, а через час опять голодный. Все кофе-мофе, йогурт-

могурт, банан-манан. Тьфу! В колбасе ихней и мяса-то нет. То ли крахмал, то ли бумага, соя, краска, шорт-морт-мазарат. Все туда пихают. Одно название – колбаса.

– А что? – любопытствовали за дастарханом. – Казы-карта, жалжая не едят?

– Какой там! Они и слов таких не знают. Понятие не имеют.

– Ой, бишара, бишара! Несчастные! Что же они едят?

– Обожают крохотные поджаренные сосиски. На один зуб. Вроде как ничего. Но – свинина. Меня стошнило, а у Ахата и Мухата моих даже волдыри на губах выскочили.

– Поганое, значит.

– Побрезговали.

– Ну их, этих немцев! И хлеб у них безвкусный. Даже запаха нет. Булочки – что вата. Лепешки вообще не видел. Чай – пойло. Заваривать не умеют. Пиво, правда, хорошее. Но хуже кумыса. Да и какое пиво, если в брюхе пусто! Первые дни, считай, голодные ходили.

– И тогда, Рысбек-ага, вы решили сготовить бесбармак?

– Да, да... И смех, и грех. Смотрю: Ахат с Мухатом осунулись, поскучнели, как воробышки в осеннее ненастье.

– Конечно, осунешься тут без привычной еды.

– Одним кофе да бутербродом сыт не будешь.

– Ну, я и предложил сестре: «Давай бесбармак сготовим». Глаза закатила: «Пез-пар-магг... вас ист дас?» Ну как я ей объясню? Она по-русски ни-ни, я по-немецки ни бельмеса. Мясо, мясо, говорю ей, флайш, флайш... «Сколько?» – спрашивает. «Ну... килограммов пять конины, три – баранины». «Готт, майн Готт!» – удивляется и зашпрехала быстро-быстро со своим Робертом. Тот тоже сделал круглые глаза, как у окуня на крючке. Уточняет: «Наверное, пятьсот граммов?» «Пятьсот граммов – это разве что кошке», – говорю. Опять что-то долго лопотали зять с сестрой. Потом спрашивают: «А свинина не пойдет?!» «Да вы что! – возмущаюсь. – Бесбармак из свинины?! Мы же мусульмане!»

Смотрю: приуныл мой зять-добряк. Пиво дуть – это он мастак, утроба большая. Но про бесбармак из конины и баранины и слыхом не слышал.

– Действительно, дикий народ! Как же они без бесбармака обходятся?!

– Вот незадача! И что же дальше?

– Ну, поехали искать конину. Объехали восточные базарчики, рестораны. Боже, каких только нет! Что-то раздобыли. Конина, правда, постная, замороженная, залежалая, а баранина – ничего. Немцы почему-то ее не жалуют. Запах, говорят. Будто у свинины запаха нет. А вообще-то у них все полуфабрикаты. Натурального ничего нет.

– О, Кудай! Как они живут?

– А с виду вроде как справные. Мордастые, долговязые.

– Е-е... все это бананы да химия. Добавки.

– Ну, привезли мясо, а варить в чем?

– Что, и казана обыкновенного нет?

– Какой казан?! Одни кастрюльки-скороварки, горшочки, сковородочки, противни. Сестра недоумевает: в какой посуде можно сразу сварить восемь килограммов мяса? Ужас! Кошмар! И зять что-то болбочет, но во весь рот улыбается, фарфоровыми зубами поблескивает: «Неужели можно съесть восемь килограммов мяса?! Это же убийственно для здоровья!» «Но нас же трое, – говорю. – Да вы двое. Аллес эссен, аллес! Ням-ням...» Роберт лысой головой качает, плечами пожимает: «Ах, ду! Ах, ду!»

Взяли в кафе большую кастрюлю, заложили все мясо, варим. Мясной дух струится по всему особняку. Эльвира с Робертом принюхиваются, морщатся.

– Бедняги, они такого сроду не видали.

– И не слышали!

– Но... надо ведь и сочни делать. А муки-то у сестры и нет. Опять куда-то съездили, привезли пакет муки. Мука никудышная, не нашей чета. Месишь, месишь, а тесто все расползается. «Швах! – говорю. – Давай два-три яйца». Мясо варится, тесто готово, а раскатывать чем? Скалки-то нет. Кухонный комбайн есть, кофеварка есть, миксер-фиксер есть, разные агрегаты, печки есть, а скалки – жок!

– Ойпырмай, до чего же бестолковые!

– Пришлось длинной бутылкой из-под испанского вина раскатывать сочни. Умаялся! «Что еще надо? – спрашивает Роберт. – Биир?» «Какой еще биир?! – говорю. – Водка нужна, водка! А не пиво!» «Ах, водка! – говорит зять. – Водка о'кей! Зер гут!» Мигом принес графинчик. А там граммов сто пятьдесят. «Оу, ты что?! – говорю. – Швах! Нихьт зер гут. Мало!» Зять глазами хлопает: «А сколько надо?» – «Ну-у... хотя бы два

пузыря». «Майн Готт!» – вновь заохал зять, однако куда-то съездил, приволок – представьте! – две бутылки «Столичной». Нашей, родимой. Достал в магазинчике у русских немцев.

– Ну, теперь порядок!

– Теперь по-нашему, по-аульному!

– Можно начинать.

– Словом, к вечеру бесбармак сварганили. Конечно, казы нет, куйрык-баур нет, жал-жая нет, жамбас, ребрышек нет, но все же... какой-никакой, а бесбармак.

Нарезал-накрошил целую горку мяса. Смотрю: и Ахат, и Мухат ожили, рукава засучили, нетерпеливо ерзают, глазами поблескивают, слюни сглатывают. Осточертели им за эти дни кофе и пирожные.

– Апырай, а!

– Уай де!

– Лопаем. Аж скулы трещат. Время от времени по стопочке опрокидываем. За встречу. За здоровье Эльвиры. За удачу Роберта. За дружбу. За знакомство. За что-то еще...

– Ойдойт! Той получился.

– Не говори! И Роберт раззадорился. На мясо нажимает, посапывает. От усердия аж бордовый стал. Сестрица все больше сочни уминает, раскраснелась вся. От души полакомились. Все до последнего кусочка съели. Сорпой запили. И две «Столичных» прикончили.

«Неужели плохо не будет?!» – озабоченно спрашивает Роберт. «Нешауа! Вот теперь можно и поспать», – говорю. «Ка-ак спать?!» – «А свернуться, как змея, клубком и поспать, пока пища не переварится». «Вундербар!» – щелкает язычком изумленный Роберт.

Поднялись мы наверх в отведенную нам комнату и проспали, как младенцы, часов десять кряду. Потом узнали, что хозяева, оказывается, всю ночь не спали, душ принимали, отдувались, беспокоились, что нам станет худо, поднимались наверх, прислушивались. Даже врача хотели вызвать.

– Бедные, бедные! Привыкли, видно, впроголодь жить.

– Утром Эльвира спрашивает: «Вы у себя там, в Казахстане, часто едите бесбармак?» – «Ну, – говорю, – если не каждый день, то через день-другой непременно». А Роберт дружески подмигивает: «Биир?» – «Давай!» – «Доппельт?» – «Почему доппельт? Кружек по пять-шесть

на брата. Мои джигиты охочи до пива». С того дня шибко зауважал меня зять Роберт. По утрам вместо «Гутен таг!» стал говорить «Бесбармак!» А я в ответ: «Биир!» У него рот до ушей: «Водка!» Получается мужской разговор. И сестрица довольна.

– Ха-ха-ха!

– Е-хей! Знай наших!

– Ну, а принимали и провожали нас хорошо. Ничего не скажешь. Одели, обули нас, подарков надавали – несколько чемоданов и сумок. Что и говорить, в Германии чистота, порядок. На орднунге своем они прямо помешаны. Убирает в доме сестры одна костанайская немка. Вот с ней-то мы и общались по душам. Лет шесть живет в Германии, а тоскует по своей деревне.

Дороги в Германии – обалдеть! Как гладильная доска. Все ухожено, зелено, вылизано. Сплюнуть некуда. Все добротно. Ляп-тяп, как у нас, ничего не делается. И все же, все же... Я бы там жить не мог. Скучно! Слишком все правильно. У нас лучше, проще, человечней. Оллахи-беллахи!

Рассказ Рысбека о поездке в Германию к родной сестре разрастался и расцвечивался диковинными подробностями, разнесся по всему аулу и окрестностям. О том говорили несколько лет за каждым дастарханом.

Эльвира не забывала брата, часто писала письма, которые старательно переводил мугалим Олжабай. Каждое ее письмо заканчивалось неизменной припиской Роберта из трех слов: «Бесбармак. Биир. Водка». Этим он выражал свои лучшие чувства к казахстанскому шурину. И звучали эти три слова, как пароль дружбы, как «Свобода, Равенство и Братство».

16

Шли годы. Все дети Рысбека обзавелись семьями. Одних внуков у четы Абильтаевых насчитывалось три десятка. Глубокие корни пустил рыжий Рысбек из аула Кастек на благодатной казахской земле. Стал он медлителен, степенен, как истинный аксакал, и любил произносить длинные поучения.

– Шукур, шукур... Благодарение Всевышнему, – все чаще говорил он в кругу близких. – Жаловаться грешно. Все птенцы мои свили

себе уютные гнездышки. И птенцы птенцов уже весело щебечут, крылышки расправляют. От кочевья времени никто не отстал. О чем еще мне с байбише мечтать? Не могу сетовать на судьбу. Не стану гневить Творца.

Любил Рысбек пространно рассуждать о жизни.

– Е-е... где мы только не бывали... И Германию на краю земли увидел собственными глазами. Одно я понял: надо радоваться тому, что есть. От чего все беды-напасти? От неуемного желания. От ненасытности, от вожделения. От алчности. Да, да... Смотрю я вокруг, жить стали люди хуже. Все им мало. Кедей-бедняк хочет стать богачом-баем, а бай норовит стать богом-кудаем. Но разве так можно? О добре, стыде, совести-имане, о милосердии забыли. Все только хотят хапать, воровать, подличать, козни строить, обогатиться любой ценой. А к добру это не приведет.

Видят мои глаза: помельчал народ, испоганился, душой очерствел, сердцем ожесточился. В суете людей ни лада, ни склада. А ведь у каждого, кто пришел однажды в этот мир, свой удел, своя доля, свое назначение. Вот и радуйся, веди себя достойно, не разевай рот на чужое. А? Солай емес пе? Не так ли?

Так подолгу рассуждал на склоне лет Рысбек-ата, медленно роняя слова и поглаживая рыже-сивую бороденку, которую, преодолев возраст Пророка, отпустил к неудовольствию Шолпан.

– Е-е... байбише... куда денешься... стариком стал, а старика красит борода.

Одно удручало Рысбека: дети его потянулись в город, аульная жизнь почему-то их не устраивала. И внуки к его, дедушки, пространным назиданиям оставались глухи. Они слушали его только из вежливости, из любви, а думали совсем по-другому. Внук Азат, отличник-шустряк, однажды после очередных нравоучений деда взял да и брякнул:

– Эх, аташка, и зачем только ты в Германию не переехал!

– Тайт, негодник! – обрушился на строптивца-внука Рысбек. – Тебе что, плохо здесь? Чем тебе не угодила родная земля?! Тесно стало? У, негодник!

Хворости одолели Рысбека-ата. Силы таяли.

Однажды он доверительно сказал Шолпан:

– Хоть и рукой подать до моего семидесятилетия, а боюсь, не доживу. Ночью во сне упал с вороного коня. Плохой знак.

Шолпан встревожилась, но виду не подала.

– Брось, отагасы. Не пугай ни меня, ни детей. Не буди лиха. Разве смертному дано знать, что ждет его впереди?

17

Отошел Рысбек тихо, безропотно на рассвете нового дня, на семидесятом году жизни. Хоронили его всем аулом по мусульманскому обряду. Могилу выкопали глубокую, с боковой нишей. Обмыли тело, обернули в белый саван. Бережно предали земле без гроба. Мулла прогнусавил арабскую молитву. Потом провели поминки, седьмицу, сороковину, все честь по чести.

– Да будет земля пухом Рысбеку-аксакалу, сыну Хасена, смиренному рабу Аллаха...

Внук усопшего, Азат, снял скорбный ритуал на кинокамеру, подаренную ему германской ажешкой Эльвирой, и отправил кассету в Зиндельфинген.

Фрау Керн сердечно поблагодарила всех сельчан, достойно проводивших ее бедного брата в последний путь, выразила соболезнование его вдове, детям и внукам и осторожно просила учителя Олжабая, нельзя ли на надгробном камне высечь подлинное имя усопшего – Рудольф Диллер. Мугалим Олжабай ответил: это решат дети Рысбека-ага, для них отец ведь не был Рудольфом Диллером, а всегда и только Рысбеком Хасенулы Абильтаевым.

Так впоследствии и написали на могильной плите.

... На склоне крутого увала под бездонным азийским небом его могила.

Как-то на скамейку возле памятника Чокану подсел ко мне пожилой казах по имени Амирхан и поведал мне эту историю. Теперь я изложил ее по-своему на бумаге.

Знаю: подобных историй на казахской земле не счесть.

Июнь 2003 года

РАССКАЗЫ ОБ ОТЦЕ

Маленький король

Майн Готт, как давно это было! О том времени и вспоминать-то уже некому...

Мне только недавно исполнилось шесть лет, и я почему-то живу не с родителями, а в большой семье дяди Вильгельма – папиного брата. В этом селе, Мангейме, у папы живут четверо братьев и две сестры и мамины четыре сестры и двое братьев. И еще две моих бабушки – гроссмуттер Элизабет и Олинда. А двоюродных братьев и сестер столько, что я не в силах их ни сосчитать, ни запомнить. И все меня любят, наверное, потому, что я городской мальчишка, ухоженный, чистенький, не по-деревенски одетый, то и дело сбивающийся невольно на потешную для моих сверстников русскую речь, вызываю какое-то любопытство.

Но мне это невдомек. Мне уютно в доме дяди Вильгельма (в селе произносят Виллем), и мои значительно старшие двоюродные братья – Виллем (у немцев на Волге было принято старшего сына называть именем отца), Иоганнес, Фриц – меня всячески опекают.

Вильгельм в то время уже женихался, брал меня на вечерние посиделки. Со своей зазнобой они устраивались на завалинке, лузгали поджаренные тыквенные семечки, миловались, несли какой-то вздор, а я терпеливо ждал, когда кончится их свидание, и Вильгельм – степенный, видный из себя парняга при галстуке (!), – посадив меня, полусонного, на плечи, деловито отправился уже при густых сумерках домой.

Иоганнес, или просто Ганс, тащил меня на колхозную конюшню, на кузню, на мельницу, где все было мне в новинку.

А непоседа, озорник Фриц, рыжий и конопатый, учил меня разным деревенским дразнилкам, частушкам-шнеркелям, среди которых, как я смутно догадывался, попадались и явно непотребные.

В доме моего дяди – кряжистого, усатого, курившего короткую трубку-пфайфу – вкусно пахло семечками, капустой, самосадом и разной стряпней.

Приближался новый, 1941 год. В селе царило радостное оживление. Вечерами со стороны клуба доносились слаженные звуки духо-

вого оркестра. В каждом доме стряпали «кухи», выпекали крендели, витиеватых форм «креббели». Забивали гусей, уток. Сытный колбасный дух, с перцем и чесноком, витал над селом.

– На днях приедут Анье и Карлуш, – сказала однажды за завтраком тетушка Амалия, Мальетанте, обращаясь к сыновьям. – Научили бы мальца какому-нибудь новогоднему стишку.

Я смекнул, что речь идет обо мне, а Анье и Карлуш – мои родители.

В тот же день мне вдолбили коротенький стишок, который я должен был прочесть в Новый год, вначале в доме бабушки Элизабет, потом у дяди Фридриха, потом у бабушки Олинды, у тетушки Гульды, Альмы, Маргариты и бог знает у кого еще.

Стишок я вызубрил легко, и меня распирало от гордости, когда многочисленная деревенская родня дружно выражала восторг.

И вот в Новый год, едва позавтракав, Ганс и Фриц повели меня к бабушке. Я был в валенках, шубке, повязан шарфом; снег поскрипывал под ногами, изо рта валил пар. По дороге мои наставники потребовали раз десять повторить стишок, чтобы я его отбарабанил потом без сучка-задоринки.

В просторном доме бабушки уже все были на ногах. В сумеречной «майштубе» – гостиной толпились люди. Кто-то уже сипло пел. Дядя Фриц выписывал непослушными ногами замысловатые кренделя, выкрикивал «Хоп-са-са! Юхей, юхай, доннерветтер!» Длинный стол в углу был накрыт яствами. Сама бабушка, сухопарая, расторопная, длинноносая, с изборожденным аскетическим лицом, в длинной до пят черной юбке и неизменном белом переднике, юрко металась между домом и летним «бакхаузом».

Тут я увидел и своих родителей. Отец был в гимнастерке, галифе, хромовых офицерских сапогах, с диковинными значками на груди, выделялся среди всех ростом и выправкой. Мама, черноглазая, легкая, по городской моде коротко остриженная, увидев меня, заулыбалась, и мне хотелось кинуться к ней, прижаться, только сейчас я почувствовал, как соскучился по отцу-матери, но братья-наставники мои, Ганс и Фриц, держали меня с двух сторон, заявив честной компании, что Гергольд (почему-то так произносили в селе мое непривычное, как бы чужеродное имя) желает прочесть стишок. Все вокруг восторженно всколыхнулись:

– Ах, ду, либер цайт!
– Гук моль доу! Смотрите-ка!
– Где он только научился?!
– Неужели ауф дайтш?!
– Ай-яй!.. Тафай, валяй!

Я вышел в круг, вскинул голову, выпятил грудь, как учил меня Фриц, и, ничуть не запинаясь, на пределе голосовых связок выпалил-выдохнул коротенький стишок.

Все пришли в неописуемый восторг. Отец схватил меня и расцеловал, подбросил к потолку; мама, присев на корточки, крепко обняла меня; дядья и тетки радостно заколготали все разом, а бабушка Лизбет, все с тем же суровым видом, поднесла мне в крохотной стопочке парного молочка. В этом заключалось высшее признание: своим многочисленным внукам бабушка не особенно благоволила, а баловства и вовсе не терпела.

Этот счастливый миг моего далекого детства запомнился навсегда.

А вскоре и вся наша жизнь пошла кувырком.

Мы переехали из Энгельса в кантонный центр Гнаденфлюр. Бабушка умерла. Потом обрушилась война. Автономную Республику немцев Поволжья ликвидировали. Нас выселили кого куда – в Казахстан, в Сибирь. Все мои дядья и многие двоюродные братья и сестры погибли в трудармии. Уцелевшие оказались развеянными по всей стране. Многих так и не довелось больше увидеть. Ну, а от родного милого села Мангейма и следа на земле не осталось.

Вспоминая тот новый, 1941 год, я десятилетиями мучительно и тщетно силился восстановить в памяти короткий стишок, который ввергнул тогда мою родню в восторг и умиление.

В глубине сознания застряли лишь два слова – *kleiner König*, то есть маленький король.

С мамой при ее жизни я не однажды заводил разговор о том случае. Она хорошо все помнила, перебирала в памяти разные новогодние пожелания-шпрюхе, имевшие хождение среди немцев-колонистов, но в них о маленьком короле не говорилось. И отец не помнил. Совместными усилиями мы вспоминали печальную балладу о королевских детях, которых насильно разлучили, и гётевские «Es war einmal ein König» и «Der König von Thule», но нет... все не то, не то...

Слишком давно все это было. И ныне свидетелями того новогоднего утра в бабушкином доме осталось только двое – отец и я. И стишок тот канул в небытие.

...Пятьдесят шесть лет спустя, очутившись с инфарктом в больнице в реанимации, я ночами с какой-то воспаленной остротой оживил в памяти разные далекие эпизоды моей жизни, и вдруг совершенно неожиданно, молниеносно, как ожог, вспыхнула первая строка: «*Ich bin a kleiner König...*». Потрясенный, взволнованный, я вновь и вновь, чтобы только не забыть, не упустить, повторял и повторял эту строчку, пока не набрел и на вторую – «*gebt mir net zu wenig*». Дальше опять все застопорилось, и я, изможденный, уснул.

А наутро, едва раскрыв глаза, – вот причудливое свойство человеческой памяти! – я без всякого усилия вспомнил и последние две строчки:

Laßt mich net zu lange stehn,
Ich muß noch a Häusche weiter gehn.

Господи, всего-то... Бесхитростный наивный стишок, родившийся в глубине веков где-то в Баварии, Швабии, Саксонии и завезенный в Руссланд, на Волгу...

Я почувствовал огромное облегчение, радость и одновременно опустошающую грусть, что поделиться тем ярким отблеском далекого зарева, крохотным осколком невозвратного прошлого, в сущности, уже не с кем.

Бедный, бедный «*kleiner König*»...

15 октября 1996 года

Все для фронта!

Я это сразу почувствовал: папа вернулся из районного центра явно озабоченным и встревоженным. Он был весь в куржаке, и морозная дымка окутала его с головы до ног. Он расстегнул широкий офицерский ремень с медной пряжкой, с тускло отливающей звездой, стянул с себя серую, плотную шинель с шерстяной поддевкой, размотал пуховый «бокебай», подарок счастливой роженицы, повесил на гвоздь ушастую, островерхую буденовку, рассеянно приласкал несмышленую

Эльму, приобнял меня, мелкими глотками выпил горячего солодкового чая, молча и задумчиво подсел к раскаленной плите.

– У Яковчука был? – спросила мама.

– Ja, ja... был.

Я знал: Яковчук – главный врач в районе. И к нему папа заглядывал всякий раз, когда бывал в Марьевке, узнавал новости. Однако на этот раз о встрече с Яковчуком папа распространяться не стал.

– У Бронштейна был?

– Ja doch... Тебе привет передал.

Бронштейна я тоже знаю: лысый, плотный, говорливый аптекарь. Он однажды к нам приезжал. Его за какие-то грехи сопровождали двое в Петропавловск. Говорил иногда по-немецки, но не так, как мы. Я его не понимал. Но запомнил одну странную фразу в его устах: «*Homo homini lupus est*». Позже узнал: латинское изречение.

На этот раз и о Бронштейне папа ничего не сказал.

– У комендантье был?

Тщедушный, кривоногий коротышка из аула Коктерек стал с некоторых пор главным начальником спецпереселенцев района. А таковые имеются во всех аулах и деревнях – немцы, греки, азербайджанцы, поляки, иранцы и даже русские и евреи. Мама называла коротышку «комендантье» – «комендантишка». Для армии он не годился, винтовку не удержит, ему и милицейская фуражка и полевая сумка были в тягость. Но покуражиться над спецпереселенцами был мастак.

– Ну как же, – отозвался папа. – Отметился. И за тебя расписался.

И опять никаких подробностей. В глазах папы печаль и забота. Сам не свой. Что-то грызет его. Сбегал в медпункт, потом вернулся, переоделся и отправился к «Brill-Hansy» – «Очкастому Гансу» – так мама называла директора школы.

– Was ist passiert? – всполошилась мама. – Что-то случилось?

– Вечером на семейном совете расскажу.

Своими заботами папа всегда делился на семейном совете.

Семейный совет – это папа, мама, я и сестренка Эльма. Семейный совет – серьезный разговор. За столом обстоятельно говорит папа, чаще всего соглашается или возражает мама, что-то, случается, лопочу и я – как-никак осенью собираюсь пойти в школу сразу во второй класс. А вот Эльма молчит по причине малолетства и отсутствия собственного мнения.

– Меня вызвали в райком, – торжественно начал вечером папа и сделал значительную паузу.

Я знаю: райком – это очень важно. Это выше, чем аулсовет или председатель колхоза. Я видел это двухэтажное здание в центре Марьевки. Просто так туда никого не приглашают.

– Na, und? – нетерпеливо спросила мама.

Знаю: мама всегда надеется, что вот-вот папу пригласят в райком и скажут: возвращайтесь домой, на Волгу. Но я помню, как однажды папа сказал: «Аня, выкинь из головы эти мысли. Пока не окончится война, о возвращении и речи быть не может». А война никак не кончается.

– Секретарь дал мне партийное поручение...

Папа захлопал белесыми ресницами.

– Какое?

– О, не знаю, что и сказать... Сбор помощи фронту.

– Какой еще сбор?

– Армия нуждается в помощи от населения. Кто что может...

Мама не поняла. И я не понял. Что собирать-то? В аулах голимая нищета.

– А кто что может?

– В том-то и вопрос. Но секретарь сказал: все сгодится – варежки, носки, шкурки, шерсть, кисет, кольца, браслеты... деньги, если есть... хоть по десятке. Все для фронта! Видишь, войне конца не видно.

– И тебе, как партийному, поручили стать сборщиком?

– Ja. Da ist eben der Hund begraben! Здесь-то и зарыта собака! – Папа разволновался, шея пошла пятнами. – Каково мне, немцу-спецпереселенцу, собирать помощь в фонд обороны?! Я ведь пришелец. Кто мне поверит? Но секретарь ни в какую. Партийное поручение. Будешь собирать и все сдавать в район. А народ поверит. Не для себя же собираешь. Надо все правильно разъяснять.

Наступила пауза. За окном завывал буран. Гудела печная труба. Коптила лампа-семилинейка. Керосин, видно, был на исходе.

– Что ж... – выдохнула, вздохнув, мама. – Надо так надо.

– Я решил отдать половину месячной зарплаты, – робко вставил папа.

– А я свяжу шерстяные носки и варежки. Три пары. На большее пряжи не хватит.

– Хорошо... С миру по нитке... Завтра отправлюсь в Коктерек, потом в Жанажол, Жанаталап, потом в Алка-Агаш, Каратал. Уж кто на что горазд.

Мама кивнула. Папа просветлел лицом. Мне он сказал:

– Райком дал мне поручение, а я мобилизую тебя. Все для фронта! Понял?

– Понял... Aber...

– Was «aber»?

– Я могу дать только мешочек асыков.

– Что-о?! Солдаты там, на фронте, в асыки твои играть будут?! – Папа усмехнулся. – Завтра раздобуду тетрадку, будешь записывать все, кто что дал. Строго и аккуратно. А асыки свои оставь себе.

Заседание семейного совета закрылось.

Неделю папа ходил хмурый. Проводил в аулах медобслуживание и разъяснительную работу по сбору помощи от населения для фонда обороны. К месту, не к месту папа повторял:

– Все для фронта! Будет праздник и на нашей улице!

Компания по сбору помощи продлилась всю зиму. И вскоре я исписал почти всю тетрадку в клетку. На серой обложке тетрадки были изображены самолеты, танки, пулеметы, а сверху стояли слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Чего только не накопилось в нашем доме за короткое время! Мотки пряжи, грубой вязки свитера, плотные, как кольчуга, варежки, носки, шапки-ушанки, малахаи, такии, бараньи шубы, старый волчий тулуп, вышитые кисеты, кожаные пояса с разными сумочками, войлочные чулки, шарфы, сыромятные шкурки, серебряные монеты двадцатых годов, женские украшения – изделия местных зергеров, табакерки из коровьих рогов, деревянные шкатулки, украшенные серебряными пластинами. И все это папа рассортировал, упаковал в тюки, мешочки, аккуратно сложил и на санях аулсовета самолично доставил в район. Там он серую тетрадь, исписанную мною печатными буквами, заверил райкомовской печатью и двумя подписями: «сдал» – «принял».

Оттуда уже в весеннюю распутицу папа добрался домой радостный, довольный, обнял маму, меня, Эльму, потом долго настраивал скрипку, сыграл свои любимые вальсы, польки, фокстроты и марши и время от времени ликующе вскрикивал:

– Победа будет за нами!

И я, ученик второго класса аульной казахской школы, был уверен, что так оно и будет.

Боже, как давно это было! Прошло 66 лет – уму непостижимо.

Метель-канитель

Метет невидимой метлой метелица четвертый день. Совсем взбесилась – бураном обернулась, смешала землю с небом, все вокруг закружила-запуржила в снежную круговерть. Аул затих, замер. Будто в землю врос. Снегом занесло дома, сараюшки, пристройки, шошалы, сплетенные из тальника. В комнате – сутемень, на улице – мрак. Буран ярится баксы-шаманом, воет, стонет, ухает, разбойничьи свищет, скулит на все лады, навевает причудливые сугробы.

В медпункт не проберешься. В школе прекращены занятия. Не слышны ни людские голоса, ни рев коров, ни лай собак. Снег, снег, снег. Шквальный ветер. У-у-у... Ыш-ш-ш... Тр-ррах-х!

Мама возится у печки, растапливает снег – ведь до колодца возле мазанки Бекима не добраться, гремит чугунком и ухватом, ругает буран, сырые поленья, нескончаемые бытовые неурядицы.

Папа при свете чадящей семилинейки приводит в порядок свои медицинские отчеты. Я разучиваю на мандолине и балалайке казахские песни и немецкие вальсы.

– Ach, Gott, – вздыхает по привычке мама.

– Zum Teufel alles! – ворчит-бормочет папа.

Время от времени он выходит во двор, отчаянно борется со снегом, прокладывает проход-траншею к хлеву, выбирается на крышу дома, всматривается в мглистую муть. Возвращается озабоченный, хмурый.

– Ничего не видно, – сообщает он нам. – Ветер валит с ног. Кое-как, на ощупь добрался до соседа. Ни окон, ни дверей. А там, где труба, зияет щель. Чуть струится дымок.

– Ach, Gott! Lieber Heiland...

– Sakrament! Такого на Волге не бывало.

– Марта как?

– Что Марта? В тепле. Сено жует. Чисто. Сухо.

Я в закутке возле печки продолжаю тренькать на мандолине вальс «На сопках Маньчжурии». Что-то вроде получается. Мурка жмурится

у моих ног, свернувшись в клубочек, тихо мурлычет. Видно, вой бурана, тепло от печки и моя игра навевают блаженную дрему.

Папа щелкает на деревянных счетах, записывает что-то в амбарной книге, макая перо в непроливайку. В доме тепло, но сыро, волгло. Тяжелый снег плотно облепил-обложил наш дом вместе с медпунктом. По звуку я определил, что и мандолина, и балалайка отсырели.

– Ну, хватит! – говорит вдруг папа. – Одевайся. Посмотрим, что натворил буран.

А что он натворил? Засыпал весь аул снегом, намел сугробы выше домов и, довольный, свистит-завывает-куролесит под свинцовыми, кудлатыми тучами, до которых, казалось, рукой достать. Интересно, где находится солнце? Может, буран, как сказочный дракон-айдахар, и его за эти дни проглотил?

По узкой траншее, прорытой папой к хлеву, мы навещаем Марту. Она стоит себе на деревянном настиле, пахучим сеном хрумтит, слюни пускает, отдувается, оловянными, навыкате глазами добродушно смотрит на нас. Уже месяц ее не доят. А через две-три недели должна Марта отелиться.

– Скоро отведаем молозива, – говорит папа.

Он гладит Марту по крутым бокам, клочком сена обтирает ее влажную морду, хлопает по лоснящейся шее. Марта благодарно крутит головой. Папа обновляет трухлявыми объедками подстилку, через верхний лаз надергивает крючковатым шестом свежего, плотно слежавшегося сена.

Из теплого хлева выбираемся по выемкам-уступам в сугробах на крышу. Ветер с яростью набрасывается на нас. Мне боязно. Папа широко расставил ноги, напружинился, и я надежно прильнул к нему.

Померещилось: мы зависли между небом и землей. Сейчас, сейчас сорвет нас в пучину. Я держусь еще и за печную трубу, чуть торчащую из-под снега. Снег лезет в глаза, в рот, в нос. Ветер сбивает дыхание.

– Что-нибудь разглядел? – спрашивает папа.

– Вон дом Абильмажина. Из-под сугроба вьется дымок. Вон дом Кульшары. А там Альмиша дом.

– Молодец! Ориентируешься. А колодец не видишь?

– Нет. Сплошной сугроб. Пар вроде валит.

– Молодец!

Мы гребем снег у входа. Вслушиваемся в вой бурана.

– Вот метель, а? Wirbelsturm! Метель-канитель. Тебе не кажется, что буран слабеет?

– Кажется. Немножко.

– Каково людям в маленьких аулах? – печалится папа. – Четверо суток не выходят из дома. А хворых-то сколько?! Весь мой график коту под хвост.

Что больных много – я знаю. Простуда, пневмония, радикулит, туберкулез, чесотка, кое-где сыпной тиф. А буран и моего папу-фельдшера связал по рукам и ногам.

На следующее утро я проснулся рано от оглушительной тишины. В доме пахло золой, мерзлыми березовыми поленьями.

– Буран кончился, – радостно сообщила мама.

В самом деле, выдохся. Весь вышел. Папа уже откопал одно окно, проложил дорожку к медпункту, напоил Марту талой водицей.

– Одевайся. Сегодня еще в школу не пойдешь.

Я выбрался наружу. В ушах звон. Колкий морозец. Тишь. В хлеве надрывался петух, весело кудахтали куры.

Папа запарился. Гребет снег. Сбросил даже фуфайку.

Подъехал одвуконь пожилой казах в лисьем треухе, овчинной шубе, подпоясанной кушаком, в огромных сапогах, из голенищ высовываются старые войлочные чулки.

– Першыл! – зовет хриплым голосом. – Эй, першыл! Аман?

– Аман, аман, – отзывается папа. – Кто вы?

– Аманжол из Жанажола.

– Что случилось?

– Ойбай, баба кырчит. Баранчук таскайт не может.

– Давно?

– Два дня.

– Ясно. Вторая лошадь для меня?

– Ия, ия. Для тебя, першыл, для тебя. Айда скорей!

– Сейчас.

Папа забежал домой. И вскоре вышел. В шинели. В буденовке. С аптечкой. В офицерских сапогах, оставшихся от службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

– Поехали!

Двое всадников, глубоко увязая в снегу, пробиваются в сторону тугая. До Жанажола недалеко, сразу же через Есиль. Я гляжу им вслед.

Небо все еще висит низко над землей. Змеится легкая поземка, оглаживает бока сугробов. Всадники удаляются, все заметнее растворяясь в сизой мгле. Аманжол сидит в седле крепко, как влитой. Не шелохнется. Папа весь подался вперед, привстал на стременах. Островерхий шлем словно врезается во мглу.

Я знаю, что такое «баба баранчук таскайт». Значит, жена или сноха Аманжола уже двое суток не может разродиться. И папа, фельдшер-акушер, едет-спешит принимать роды. Ему это не впервой...

Эх, метель, метель... Метель-канитель...

«Отныне вот твое занятие»

На двенадцатом году жизни я обезножил. До того в ауле слыл «желаяқ» – ветроногим. Не всякий аульный пес мог угнаться за мною. А тут обрушилась беда. Боль в правом тазовом бедре становилась невыносимой. Однажды после занятий не мог подняться из-за парты, и отец унес меня из школы на руках. Более десяти минут в одном положении я лежать не мог. Я без конца менял позу, то опускал, то приподнимал воспаленную ногу, но боль отпускала лишь на мгновения.

Я измучился. Невидимый зверь день и ночь с маниакальной настойчивостью грыз мой сустав, доводя меня до отчаяния. И вместе со мной исстрадалась мать. Скорбными глазами подолгу глядел на меня отец, бессильный чем-либо мне помочь. Он листал свои медицинские справочники, прихваченные при депортации с Поволжья, и все больше склонялся к мудреному диагнозу – полиомиелит. Как с такой хворью сражаться, он, военный лекарь, не знал.

Районный врач долго щупал своими холодными костлявыми пальцами мой побагровевший от воспаления сустав, недоумевал и на всякий случай заковал меня в гипс по самую грудь. Теперь я даже лишился возможности самостоятельно переворачиваться на бок. Лежал на спине, изучая каждую трещинку на низком потолке нашей убогой комнатушки при медпункте и тихо, протяжно поскуливал, утишая, умоляя, уговаривая, убаюкивая адскую боль в тазу. Зверь, угнездившийся в суставе, точил-сверлил-буравил меня, не давая передышки ни себе, ни мне.

Не было никаких сил приноровиться к изнуряющей боли.

О школе я забыл. Детские шалости, игры-забавы, беготня по аулу и окрестностям остались в прошлом. Ничего, кроме боли, уже не существовало.

Слякотная осень вскоре сменилась бесконечной стылой зимой. Я лежал пластом на жестком топчане у низкого, закопченного окна, кусал от боли губы, тихо, чтобы не слышала мама, плакал, нудными зимними ночами прислушивался к вою бурана, к шороху снежной круговерти, к лаю аульных шавок, в ясную погоду любовался стылой луной, то и дело нырявшей в свинцовые, кудлатые тучи.

Все надежды и мечты враз меня покинули. Я чувствовал, как таинственный зверь настойчиво вгрызался в головку тазобедренного сустава, который опухал, горел не по дням, как боль пыталась вырваться наружу, но ей это никак не удавалось.

И однажды, месяца через два-три, что-то случилось, кожа под гипсом будто повлажнела, отсырела, боль ослабла, приглушилась, и я мог – о, блаженство! – спать часами. А вскоре из-под гипса явно потянулся дурной, гнилой душок. Отец принюхался, разрезал гипс, и тут в двух-трех местах обнаружились свищи, из которых сочился изжелта-бурый гной. Заезжий областной врач решительно поставил диагноз: туберкулез костей. И я услышал, как он тихо сказал отцу: «Процесс в лучшем случае можно только остановить. О полном же излечении речи нет».

Я смутно догадался: выходит, обречен отныне жить с болями, с частыми обострениями, а если и буду ходить, то только на костылях.

Осознать это в двенадцатилетнем возрасте ужасно. Почти что как выслушать смертный приговор. Я совершенно не представлял, как жить дальше. Будущее было не только в тумане, порой чудилось, что его вообще нет.

Было жаль себя. А еще больше – родителей, которые маялись с сыном-калекой.

Беспомощный, жутко исхудавший, вконец обессиленный, я лежал на топчане, листал старые, замусоленные учебники, умножал четырехзначные цифры на пятизначные, пытался рисовать, подолгу разбирал шахматные партии из растрепанного учебника Ласкера, иногда отец выносил меня на свежий воздух, укладывал на пахучее сено, укрывал тулупом, и у меня от слабости кружилась голова, дрожали руки-ноги, озноб колотил изнутри, мама трижды на дню подносила мне парное молоко в синей эмалированной кружке, я его медленно выцеживал, на время вроде как малость ободрялся, но тут обнаруживалась новая напасть: каждый раз из носа шла кровь.

Слабость изнуряла, угнетала, унижала, убивала меня ежедневно, ежечасно, и я грезил-мечтал о летнем тепле, о щедром солнце, когда могу вольготно расположиться в шалашике под акацией в уголке огорода. Но зима и весна длились нескончаемо. А мне еще предстоял экзамен за четвертый класс.

Все чаще чудилось, что меня запихнули в мешок, в котором я вот-вот задохнусь.

Однажды отец приехал из районного центра Марьевки, достал из сумки сверток, медленно, явно возбуждая мое любопытство, развернул его и протянул мне изрядно потрепанный томик. Я прочитал на обложке: «А. С. Пушкин. Сказки». Дрожащими руками я принял этот дар, неизвестно у кого и как раздобытый отцом, полистал книжицу и наткнулся на строчку: «Сватья баба Бабариха». Что-то вспыхнуло во мне, чем-то поразила, захватила, обострила внимание бббаббба Ббба-ббба-ри-ха. Должно быть, отец заметил мою заинтересованность. И он очень серьезно сказал:

– Отныне книга и станет твоим главным занятием.

Я остро понял-почувствовал: да, да, да, отныне книга, только книга, одна книга – та одна-единственная соломинка, которая удержит меня на плаву жизни. Книга увлечет и отвлечет меня от моей тягостной немощи и кислой доли. Этой истиной вмиг озарилась душа в моем хилом тельце, и я с того дня воспрянул духом.

Позже, став взрослым, я неустанно повторял: человеком меня сделали родители, аул и книга. Вот три источника и три составные части моего духовного бытия.

Зарядка

Отец – человек спортивный. За семь лет службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии закалился основательно. Никакой вид спорта ему не чужд. Отмахать пешком десять-пятнадцать километров за день, перетаскивать трехпудовые мешки, сходу перепрыгнуть ручей-канаву, косить и скирдовать сено, вскопать огород, натаскать из колодца пару бочек воды для полива, вплавь перебраться через Ишим ему, как мне казалось, ничего не стоило. Все у него ловко получалось. А я рос болезненным, хилым, и отца это, я чувствовал, угнетало. Он не жаловал слабости в человеке. Примерно с пяти лет он приучил меня

с утра, после сна, бегать вокруг дома, и не просто, по-щенячьи, как попало, а по-спортивному, с легким наклоном, с развернутыми плечами, с прижатыми к туловищу локтями, с ритмичным вдохом-выдохом, прыгать через ров, с разгона и с места, скакать попеременно на одной ноге, подтягиваться на турнике, лазать по канату, обливаться водой, ничего не бояться, попусту не хныкать. А тут беда: единственный сын обезножил, подхватил tbc костей, с трудом передвигался на костылях, дохлый, чахлый, как трава на солончаке возле старицы. Мама укутывала меня, жалела, оберегала от всех напастей, а отец заставлял меня подниматься резво в шесть утра, – а спал я в стылой комнатушке-пристройке, – потом мне предстояло плескаться у рукомойника, где вода покрывалась за ночь ледяной коркой, делать, преодолевая боль и слабость, посильную зарядку, а главное – полчаса до занятий в школе пилить вместе с отцом дрова.

– Ну не трогай ты его, – заступалась за меня мама. – Видишь: еле-еле душа в теле. Er ist ja ganz krank.

– Ничего! Надо закаляться, – убежденно возражал отец.

«Какая жестокость! – жалел я сам себя. – И это называется отцовская любовь...»

В сарайчике-дровяннике, освещенном в ранней сутемени тусклым фонарем, стоял крепко сколоченный, приземистый «козел» с рогами-зубьями. На него отец аккуратно укладывал березовые и осиновые бревна-стволы, и мы их распиливали на ровные, совершенно одинаковой длины чурки.

Левой рукой я опирался о бревно, прислонив костыли к стенке, правой из всех силенок тянул зубастую, визгливую пилу, тяжесть тела переносил на здоровую ногу, служившую опорой, а правая, больная, в перевязке, уже укоротившаяся, болталась на весу.

Мне бывало неудобно, больно, сердце трепетало, трепыхалось, кровь приливала к голове, лицо покрывалось испариной, дыхание прерывалось, неумело разведенная пила с натягом вгрызалась в тугую, сучковатую плоть дерева, ее то и дело заклинивало, руки дрожали, ныло в груди, а жилистый напарник-наставник мой неустанно поучал-подгонял-подстегивал меня:

– Не толкай пилу, а на себя тяни, ровно, мягко. Не напрягайся. Шире плечо! Дыши ровно! Не горбись! Вот так! Сильно не наклоняйся! Ровно держи ручку! Видишь, пила вкривь пошла. Ну, вот, так лучше. Хорошо! Так держать! Давай, давай!..

Бороздка становилась все уже. Пилу без конца заклинивало, приходилось ее вытаскивать и вновь пускать по прежней бороздке. Желтоватые опилки веером брызгали во все стороны. В глазах рябило, в висках стучало, из-под шапки струился парок. Иногда казалось: вот-вот вырвется ручка, пила, взвизгнув, завиляв, выскочит из бороздки, заденет, поранит руку, а я рухну на неразделанные кряжи-чурки.

А отец продолжал поучать:

– Не рви пилу! Ровней! Спокойней! Ты только крепче держи ручку. Пила сама пойдет. Ну, ну, еще немножко. Так, так! Ну, еще одно бревнышко. И на сегодня хватит. Genug!

Я косился на косяк, на сучке которого болтались на цепочке увесистые отцовские карманные часы. Стрелки, казалось, стояли на одном месте. И мне чудилось, что мы пилим эти проклятущие дрова уже вечность. Мочи нет. Язык вот-вот вывалится изо рта, как у нашего Шарика. Уши заложило.

– Все! – как сквозь вату доносится голос отца. – Хватит! Отряхнись, позавтракай и в школу. Немного кровь разогнал.

Унимая противную дрожь в теле, наваливаясь на костыли, которые норовят выскочить из-под мышки, я с трудом одолеваю ступеньки крыльца, вбираюсь на кухню, где пахнет березовым дымом, ячменным кофе, уваристой картошкой, уминаю булочку с маслом, запиваю парным молоком и, закинув за плечи холщовую сумку с книжками и тетрадками, постукивая костылями, плетусь-тащусь в школу.

Отец колуном разделывает кряжи, и поленья летят во все стороны. Знаю: сейчас он уберет дрова, уложит поленья аккуратно на просушку, поставит на место «козел», подметет тщательно опилки, щепки, потом тоже позавтракает и отправится в медпункт.

Такая вот ежедневная зарядка.

Такова отцовская метода закаливания тела и воспитания характера.

С годами я понял: метода была правильная. Иначе я бы давно сковырнулся, окочурился.

Выборы

О предстоящих выборах в ауле поговаривали везде и всюду месяца три. Шутки ли: первые послевоенные выборы в Верховный Совет Казахской ССР! Даже в дремучем захолустье все были подняты на ноги.

В колхозной конторе освободили самую большую комнату, соорудили две кабины для тайного голосования, сколотили ящик-урну, обшив ее красным ситцем, в углу поставили стол со старыми подшивками газет, с журналами, блокнотами агитатора и истрепанным томом Джамбула, натащили несколько колченогих стульев и расшатанных табуреток, стены обклеили плакатами с портретами и биографиями кандидатов в депутаты, аляповатыми графиками прошлогодних трудовых показателей.

И вот настал тот день. Все жители аула заблаговременно оповещены. Голосование начинается ровно в шесть утра, а в семь пара, запряженная в сани, должна домчать до райцентра протокол и опечатанные бюллетени голосования.

Конечно, предусмотрена и культурная программа. Ею заведует мой общественно активный отец. Уже в четыре утра отец со своей скрипкой, я – с аккордеоном должны быть в конторе и начинать веселить-развлекать медленно собирающихся, заспанных и продрогших аульчан. А через час энтузиаст-мугалим Калау приведет группу изможденных и вечно голодных интернатовцев, которые хриплыми спросонья, простуженными голосами споют натощак несколько патриотических песен. Ну а вся выборная кампания закончится уже примерно в восемь-девять утра.

Таков план, разработанный аульным избиркомом, аулсоветом и первичной партийной организацией…

– Подъем! – растормошил меня отец, и я стал поспешно одеваться.

За окном стынь и мрак. По-разбойничьи свищет-воет ветер. На столике возле печки коптит-мигает лампа-семилинейка. Отец уже оделся, уложил в футляр скрипку, в карман сунул канифоль, завернул в старое покрывало аккордеон. Ходики над дверью показали без двадцати минут четыре.

Мне зябко. Я не выспался. Больная нога привычно ноет. В животе урчит. Тащиться темной ночью по пустынному, сплошь в сугробах, аулу да еще на костылях – никакое не удовольствие. Но надо, надо. Ordnung muß sein. О порядке, дисциплине в работе и поведении отец твердит-внушает по десять раз на дню.

Выходим. Морозный воздух перехватывает дыхание. Окунаемся в стылую, глухую мглу. Снег поскрипывает, повизгивает под ногами. Костыли разъезжаются в стороны. Лишь бы не споткнуться, не упасть.

А ветер так и норовит столкнуть тебя в сугроб. Отец, держа под мышкой футляр со скрипкой, за плечом – аккордеон в узле, правой рукой освещает карманным фонариком-жужжалкой запорошенную, едва различимую тропинку.

Аул как вымер. Ни одной живой души. Ну, вот и добрели до конторы. Из промерзших окон едва брезжит свет. У крыльца кто-то в заскорузлой шубе и треухе-малахае разгребает снег. Рядом зябнет лошадка в сизом куржаке. Уборщица тетя Ира в немыслимом тряпье, в огромных подшитых валенках пытается разжечь печь. Пахнет мерзлыми поленьями, сырой берестой, керосином, пылью, нежитью.

В конторе тихо, убого, холодно. Даже две керосиновые лампы-десятилинейки не в состоянии развеять предутреннюю сутемень. Возле обшарпанной печи дремлет, свесив сивую бороду-лопату на грудь, древний Жайлаубай. Три года назад, помнится, он говаривал, что ему пошел седьмой год седьмого десятка. Ныне он бубнит, что одолел девять перевалов жизни. Через год наверняка заговорит о столетнем рубеже. Как старейшине аула ему поручено голосовать первым. И чтобы не проспать эту высокую миссию, Жайлаубай-ата притащился в контору еще в полночь. В тулупе, непомерных сапогах с войлочными чулками, в лисьем, облысевшем тымаке-треухе, в кожаных рукавицах он сидел неподвижно, лишь изредка бухал в бороду:

– Сколько еще осталось?

– Два часа, ата, – отозвался шустрый секретарь аулсовета, видно, главный распорядитель сегодняшнего мероприятия. – Потерпите. Вздремните чуток.

Дед Жайлаубай что-то промычал, крепче охватил суковатый посох, уперся подбородком на руки.

Рядом с ним прикорнула озябшим воробышком крохотная Арайлым, ученица десятого класса. Ей исполнилось восемнадцать, голосует впервые, и ее обязали голосовать второй, сразу же после старейшины аула. Сказали: так надо, в газетах пропечатают. Потом голосуют коммунисты – мой отец, директор и завуч школы, председатель колхоза, заведующая фермой, бригадир, доярка Шаку, бухгалтер Беким, за ними – рядовые колхозники и все остальные аульчане, имеющие право голоса.

В закутке, возле крыльца, был организован буфет. Отец принес мне оттуда затвердевший, как камень, пряник, горсть слипшихся карамелек и стакан морса. Все эти сласти были для аульчан в диковинку.

– Ну, разогреемся малость, – сказал отец, когда я допил чуть сладковатый розовый морс.

Он достал из футляра скрипку, настроил ее, помял пальцы, канифолил смычок. Я развернул аккордеон, уселся поудобней, прислонив к стенке костыли, привычно взял несколько аккордов, нащупал соответствующей тональности басы, переключил регистр и заиграл «На сопках Маньчжурии».

Дед Жайлаубай очнулся, почему-то стукнул невпопад посохом. Встрепенулась, зашевелилась и вконец продрогшая миниатюрная Арайлым.

– Уай де! – прокричал дурашливый сморчок-завхоз.

– Давай, давай «Камажай»! – подзадоривал шустрый секретарь аулсовета.

Наконец, подключился и отец. Встал во весь рост, выставил левую ногу, взмахнул смычком, заиграл шаловливую польку, потом – марш, потом – подряд несколько вальсов, потом – попурри из немецких народных песен.

Сразу стало веселее. И народ подтянулся, толпился на крыльце, в коридоре, в проходе, в буфете-закутке. Вмиг потеплело. От печки валил пар.

– Эй, бала, скоро? – спросил дед Жайлаубай в пространство.

– Сейчас, ата. Что нужно говорить, не забыли?

– А-а-а... – пробубнил дед Жайлаубай. – Что кудай в уста вложит, то и скажу.

– Э, нет, ата! Мало ли что вам в голову взбредет. Сказать надо то, что нужно! А ты, Арайлым, слов своих не забыла?

– Наизусть выучила, – встрепенулась прилежная ученица.

Вскоре нас с отцом сменил хор интернатовцев. Спели о партии, о родине, о счастье. Дружно прогорланили:

Партия қайда болса,
Партия қайда болса,
Жеңіс сонда, жеңіс сонда,
Жеңіс сооон-да-а-а!..

Я аккомпанировал, что есть мочи.

– Громче, громче! – настаивал мугалим Калау.

– Ти-хо-о! – вдруг заорал шустряк-секретарь. – Начинаются выборы в Верховный Совет Советской Социалистической Республики Казахстан. Первым пришел голосовать девяностолетний колхозник, кузнец-стахановец Жайлаубай Баймурзин.

Дед Жайлаубай скинул тулуп, сбросил молью изъеденный тымак, кожаные варежки, стукнул разок-другой посохом и пробубнил в окладистую бороду

– Жолдастар! Товарищи! Я прожил сто лет, многое в жизни повидал, но никогда не был... Ия, ия, не был... э-э... таким счастливым, как сегодня. Я... я... это... выполняю свой этот... как его... гражданский долг, голосую за нашу мудрую партию, за правительство, за этот... этот... как его... ну...

– Блок, – подсказал шустрый секретарь аулсовета.

– Нет, нет, – заупрямился дед Жайлаубай. – Блок потом. Голосую... голосую... э-э... кхм-кхм... вспомнил... за сентыральный комитет... да, да... и... и... и... за блок коммунистов и беспартийных.

– Уай, маладес, старина!

– Шпарит, как по писаному! – раздались восторженные голоса.

Дед, довольный, облачился снова в тулуп, нахлобучил на голову обтрепанный тымак, пятерней поскреб-расчесал дремучую бороду.

– В первый раз пришла голосовать комсомолка-ударница, ученица десятого класса Арайлым Ишанкабулова, – объявил шустрый секретарь аулсовета.

Арайлым встрепенулась, вспорхнула перепуганным воробышком, скинула кроликовую шапку, поправила толстую косу, взяла бюллетень, встала возле урны.

– Я испытываю огромное волнение и счастье, впервые голосуя за блок коммунистов и беспартийных, за дальнейшее процветание нашей родины под руководством славного Центрального комитета нашей победоносной партии, – на одном дыхании срывающимся голосом выпалила разволновавшаяся ударница-комсомолка.

– Барекельде!

– Жаса, айналайын!

И Арайлым, вся зардевшись, опустила бюллетень в урну.

Голосование прошло дружно. Возле ящичка, обитого красной материей, столпился нетерпеливый люд. Отец почему-то заиграл торжественный туш, я из последних сил рвал меха аккордеона.

В кабины, занавешенные одеялом, никто и не заглянул. Какие еще могут быть тайны в ауле? Зачем портить казенную бумагу?

Прошло полчаса, а человек двадцать аульчан все еще не проголосовали. Кто-то проспал, кто-то всю зиму не выходил из дому, кто-то спозаранок завозился в хлеву, кто-то еще не сотворил утренний намаз.

– Э, ладно... Народ-то наш. Знаем! – сказал шустряк-секретарь и запихнул стопку бюллетеней в урну. – Все! Болды!

Трое из счетной комиссии, прихватив урну, удалились в соседнюю комнатку.

Мы с отцом сыграли напоследок «Камажай» и «Прощание славянки».

Вскоре вновь показался шустряк-секретарь и громко объявил:

– Поздравляю! Выборы состоялись. Сто процентов!

Отец ударил смычком по струнам, я прошелся по басам. Туш получился на славу.

Народ стал расходиться. Отец уложил скрипку в футляр, упаковал в покрывало аккордеон, и мы с чувством исполненного долга побрели домой.

Близился рассвет. Сумеречные тени таяли, медленно уползали в степь. Из печных труб низко стлался-волочился дым. Снег под ногами резко взвизгивал, отзывался эхом в прибрежном тугае. Где-то неохотно тявкали-брехали аульные пустолайки.

Мы с отцом молчали. Занимался новый день. А у каждого дня, как известно, свои заботы.

Отец копнил сено

Июль на исходе. Благодать. Солнце подолгу стоит в зените. Все живое млеет-наслаждается в его щедрых, ласковых лучах. Задумчиво, с ленцой порхают бабочки. Зевают от блаженства аульные пустолайки в тени. С верховья тянет настоянный на разнотравье ветерок.

Но настоящая благодать у реки. Ишим-Есиль течет лениво, размеренно, яркими бликами слепя глаза. Густой тугай точно купается, нежится в разогретых потоках воздуха, истекает спелым, пьянящим духом черемухи, боярки, шиповника, смородины, костяники, хмеля-вьюна. Густо жужжат сытые шмели. В душных зарослях роются осы, что-то вынюхивают, высматривают. В полой листве шуршат-шмыгают

мыши. Дышит, набухает огромный муравейник под сушнякомтальником.

На открытой поляне между тугаем и рекой отец накануне накосил литовкой сена, сгреб граблями в валки, оно подсохло, пожухло за эти дни, и теперь пришла пора укладывать его в копенки. По подсчетам отца, нашей кормилице Марте понадобится на долгую зиму девять копен душистого, приречного сена, которые отец потом сложит в аккуратную скирду, укрепит жердями-слегами-баструками, чтобы сено не разметалось, отстоялось, отлежалось, обветрилось перед тем, как в канун снегопада перевезти на колхозной бричке домой на сеновал. Любо-дорого смотреть, как отец работает. Все у него получается споро, ловко, без натуги. Видно, он сам получает удовольствие от своей работы. Недаром повторяет часто: «Arbeit macht das Leben süss» – работа услаждает жизнь. Литовка тоненько, звонко поет под его сильными руками – дзинь-дзинь. Замах у отца широкий, размеренный. Высокая, сочная трава, срезанная у самого корня, покорно ложится ряд за рядом, источая сладко-дурманящий дух. Отец аккуратно обходит каждую кочку, стараясь не задеть невзначай муравейник или птичье гнездо. Через каждые пятнадцать-двадцать взмахов он делает остановку, достает из кармана шаровар брусок и уверенно точит-подтачивает косу с обеих сторон и снова приступает к косьбе – вжик-вжик-вжик. Заглядишься!

Так он косит часа три, любуясь, восхищаясь и солнцем, и шаловливым ветерком, и терпким запахом увядающей травы, и тишиной, безлюдьем вокруг, и неустальной силой своего молодого, натренированного, закаленного с детства мужского тела.

Потом, через день-другой, – сеносбор, переворачивание, переворошение валков. И опять отец все это проделывает уверенно, мастеровито, будто всю жизнь только сенокосом и занимался. Дело переделать – это одно. Важно, чтобы оно было сделано красиво.

А сегодня пришла пора копнить сено. Копенки у отца получаются ровные, крутобокие, на одинаковом расстоянии, одинакового объема и высоты. Стоят полукругом, кругленькие, пригожие, будто девушки в хороводе. А отец ходит вокруг, любовно оглаживает, выравнивает граблями бока, словно причесывает вилами невпопад торчащие клоки, укладывает плотнее, ворох к вороху, все острее закручивая верх и втыкая в завершение длинный кол, чтобы воздух пронизал копну до основания.

Надо уметь копнить сено. А укладывать его в скирду – тут нужно особенное мастерство.

Но это будет потом, чуть позднее, может, через две-три недели.

А пока лишь июль на исходе, и природа пребывает в истоме, в неге, и отец копнит сено, а мне, пацану, поручено сидеть под обрывом, у самой кромки, между двумя раскидистыми тальниками, таскать по мере клева мальков удочкой, кидать их, осторожно сняв с крючка, в ведро с водой, зарытое наполовину в песок, и зорко следить за жерлицами и время от времени менять живца, ибо на снулого чебака не всякая щука или окунь позарится. Им нужно, чтобы чебачок играл, манил, дразнил, резвился, метался туда-сюда, иначе какой смак в охоте. Всякий хищник предпочитает, чтобы жертва убегала от него, ярила, распаляла.

Полдень. Жарко. Душно даже у реки. По обоим берегам ни одной живой души. Я один-одинешенек. Клев прекратился. Жерлицы застыли в безмолвии. Может, и рыбки сомлели от жары? Искупаться бы, окунуться бы разок и прохладу прибрежной глуби. Но отец строго предупредил: нельзя. А если жерлица вдруг размотается – крикни. Не то какая-нибудь шальная щука запросто тебя уволочет-утащит. За этой зубастой тварью не угонишься.

Таков уговор. А наказ отца – закон.

А вообще-то скучно сидеть у реки в одиночестве. Что там происходит по-над обрывом, я не знаю. Слух едва улавливает шорохи. Издали доносится голос отца:

– Эге-ге-гей!..

– Ja, ja! Ich bin da! – отзываюсь.

И снова тихо-тихо. Поплавок едва качается-дрожит, незаметно пробиваясь к берегу, на темной под кустом воде. На поплавок приселаприпорхнула стрекоза, трепещет крылышками-хвостиком, лупоглазо смотрится в зеркальную гладь, любуется собой. Накатывается дрема. Все вокруг начинает зыбиться. Над моей головой назойливо кружится-кружится бархатный шмель, угрожающе жужжит-зудит:

– Не сс-пи-ии! Не сссс-спи-и-и!

С обрыва, видно, не рассчитав силы, сиганула зеленая кобылка, с треском шлепнулась на край брезентового плаща подо мной, ошарашено воззрилась на меня и пружинисто рванула прочь.

Вдруг разом, стремительно – шшшыыррр! – размоталась леска жерлицы, и тотчас у берега вода забурунилась, удилище, воткнутое

накрепко в супесь и укрепленное у кромки подставкой-развилкой, напряглось, задрожало. Сердце у меня запрыгало-заколотилось, уши заложило, дрожь ударила в поясницу. «Вот она! Вот она! Вот она!!!» – лихорадочно застучало в голове. Хотел было крикнуть отцу, но от волнения-страха пропал голос.

Под водой кто-то отчаянно рвался на волю, бился могучим хвостом, круто виражировал то влево, то вправо, струной натягивал леску, тут же, на мгновение отступив, заметался со страшной силой. Казалось, это невидимое чудище вот-вот вырвет удилище из суглинки или оборвет леску и умчится восвояси. Я, забыв обо всем на свете, охваченный страхом и азартом, предвкушением удачи, через силу вытащил конец удилища и, упираясь обеими ногами, начал тянуть леску на себя. У самого берега мелькнуло упругое туловище бурой, склизкой щуки, показавшейся мне непомерно огромной, и тут только, с ужасом почувствовав, что меня эта зубастая, длинноголовая тварь непременно утянет в воду, я закричал-заорал дурниной что есть мочи:

– Па-ааа-па-ааа!..

Леска напряглась, дрожала, удилище рвалось из рук, но я вцепился в него насмерть и вопил без передышки.

С обрыва посыпались камешки, глина, песок, и я услышал, как вприпрыжку, опрометью бросился ко мне на помощь отец. И – вовремя! Через миг я бы удилище не удержал или сам шлепнулся бы с головой в омут.

Отец, всем корпусом откидываясь назад, понемногу натягивал леску, и у взбесившейся щуки пространства для маневра оставалось все меньше и меньше. Я замер, обессилено опустился на песок, ошарашенно наблюдая за безмолвным побоищем.

Отец не торопился. Временами чуть отпускал леску, потом настойчиво натягивал на себя, наматывая на локоть. Щука, видно, устала, задыхалась. У самой кромки воды мелькнула ее зубастая пасть. Но, должно быть, живца она заглотила от жадности глубоко, и железный крючок вцепился в ее нутро насмерть, и леска оказалась крепкой, и удилище – гибким.

Наконец, отец вытащил щуку на узкую полосу берега, и тут она умудрилась-таки перегрызть толстую капроновую леску, высвободиться и, заколотив мощным хвостом, напружинив плавники, заскользила

к воде. Но не тут-то было! Отец сел на нее верхом, запустил обе руки под жабры, зажал шенкелями, точно строптивого неука, и понемногу, пядь за пядью оттащил от кромки воды.

– Камень! Камень! – закричал отец.

Мне попался под руки увесистый окатыш. Отец изловчился, схватил его правой рукой и раза два с силой тюкнул им по длинному, скользкому черепу. Щука сразу усмирилась, обмякла.

– Вот это да! – восхитился отец, все еще не слезая с щуки и оценивающе оглядывая ее. – Зверь – не щука!

Она, действительно, была внушительна: длинная, темно-бурая, с зеленцой, пятнистая, с крепкими, тугими плавниками. Отец нанизал ее на кукан, подержал на весу.

– Больше метра! Килограммов десять! Твоя удача!

Я чувствовал себя именинником.

Вскоре на жерлицы попались еще два туготелых, грозно ощетинившихся окуня, и мы с отцом, довольные уловом, засобирались домой.

...До аула было километра три. Отец шел впереди, держа щуку на кукане за спиной. Я трусил рядком, неся кукан поменьше, с чебаками, пескариками, двумя окунями. Отец слушал меня, все еще возбужденного побоищем со щукой.

Солнце клонилось к западу, с верховья задуло заметнее. Запахло знакомым кизячным дымом.

Навстречу к нам откуда-то вынырнул, выскочил наш коротконогий, кругленький, пушистый Пупсик, завилял хвостиком, приветствуя нас, и, затявкав раза два от избытка радости, засеменил-застрочил к дому, как бы указывая нам дорогу.

У поворота от дома охотника Абильмажина отец забрал у меня кукан и водрузил мне на спину нашу главную добычу. Я вцепился в конец бечевки, продетой через жабры щуки.

Мама ждала нас у калитки, оповещенная услужливым Пупсом.

– Либер Хайланд! Кто поймал?

– Он! Он! – сказал отец. – Его удача!

Я немного смутился и добавил:

– Папа помог.

– Только чуть-чуть! – поправил отец.

Я был горд. Было только немного досадно оттого, что никто из моих аульных тамыров не видел моего трофея.

Ночь в степи

Все! Едем!

Комендант районного УМВД смилостивился, наконец, и дал моему отцу, спецпереселенцу Карлу Бельгеру, разрешение на выезд в Петропавловск. За трое суток мы с отцом должны были каким-то образом добраться до областного центра, показать меня тамошним врачам-светилам и благополучно вернуться в аул.

Трое суток! На большую свободу районный комендант Волченко разрешения давать не может. Ни-ни! Строго...

О поездке в область родители поговаривали давно. Болезнь моя прогрессирует. Боли не отпускают. Особенно худо становится мне в ненастную погоду. Как только кудлатые тучи заволакивают небо, я лежу пластом, точно одеревенелый. Больная нога явно усыхает, укорачивается. Может, областные эскулапы (отец с придыханием называл звучные имена – Бронштейн, Блюменфельд, Мантейфель) знают, как следует меня лечить. Может, придется надолго лечь в тубдиспансер. Мама от такого варианта прослезилась, и я понял, что это плохо. Но если надо...

Словом, едем. Но вот беда: тучи плотно обложили небо, и заладили нудные осенние дожди. Слякоть. Грязь. Стынь. Хоть из дома не выходи. И просвета не видать. А время-то не ждет. Надо во что бы то ни стало уложиться в трехсуточный срок. Другого разрешения может и не быть. Комендант Волченко тоже не всесилен. Зимой же в далекий путь не отправишься. В стужу и метель попробуй преодолеть сугробы на костылях хотя бы до школы.

Секретарь аулсовета, расторопный малый, снизошел до нас, доставил на бричке, запряженной зачуханной конягой, через Ишим на грейдерную дорогу.

Голосовали долго, пока порожняя полуторка не сжалилась над нами. Обросший, помятый, расхристанный шофер, от которого за версту разило потом и бензином, прохрипел:

– Залезай в кузов. Под брезент. Довезу.

– А нельзя ли его... – отец показал на меня, – в кабину?

Шофер презрительно покосился на меня, тщедушного, бледного, потом – на мои деревянные костыли и сплюнул:

– Нельзя... Самому тесно...

Отец легко переметнул через борт, принял мои костыли, потом без труда втащил меня в кузов. Устроились рядком на грязных мешках, прислонились к кабинке, укрылись мокрым пологом. Машина затряслась, задергалась, тронулась с места.

Едем.

Дождь моросил, не переставая, мелкой дробью колотил по брезенту. Слева темнел приунывший тугай. Справа тянулась убогая, бурая от дождя, безлюдная степь.

По разбитой грейдерной дороге бежит-тарахтит наша раздрызганная полуторка, подпрыгивает-подскакивает на ухабах. По обочине гуртятся жирные вороны. В город, на элеватор, возят хлеб: есть чем поживиться.

Едем. Едем. Дороги нет конца. До областного центра без малого двести километров. Отец свесил голову на грудь и погрузился в дрему. У аульного фельдшера хлопот столько, что он вечно не досыпает. И потому наловчился дремать при малейшей возможности. Казахи это называют *құс ұйқы* – птичий сон. Покемарит отец минут десять. И он уже бодр.

Мне не до сна. Я и ночью-то не сплю – маюсь, все ищу удобную позу для больной ноги. И сейчас на душе кошки скребут. Доеду ли до города? А вдруг из носу, как всегда некстати, кровь пойдет? Как спущусь с кузова по надобности? Что скажут в диспансере? Вдруг уложат на год-полтора? Как буду жить вне дома? Как обойдусь без родного аула? Даже думать о том страшно.

Вдали мелькают затерявшиеся в степи крохотные аулы, пасутся там-сям отары овец. Понуро мокнут под дождем березовые колки.

Неприглядная, непроглядная осенняя скука разлилась вокруг. Все же в нашем ауле уютней, теплей, добрей. И зачем меня увозят в неведомую даль? Бог с ней, с моей ногой, с моими болями. Ведь на чужбине, я это чувствую, мне будет еще хуже. Раз отец не в состоянии меня вылечить, то какой прок от Бронштейнов-блюменфельдов-мантейфелей?

– Есть хочешь? – вдруг, очнувшись, спрашивает отец по-русски.

– Найн.

– Захочешь – скажи, – опять по-русски говорит отец.

– Гут.

– И давай договоримся: в городе, на людях будем говорить только по-русски.

– Воцу? Варум?

– Так лучше. В ауле знают, что мы немцы, а в других местах не будем выделяться. Так лучше.

– Ах, зоо?! А что, немцы – это плохо?

– Нет... не плохо, – медленно говорит отец. – Но...

– Вас дох?

– Но... лучше по-русски. Удобней.

Я молчу. Соображаю. Странно... Я знаю, что по-русски говорю плохо, гортанно, окающе, с явным казахским акцентом. Ну, может, чуть лучше, чем сверстники-казахи. Мария Петровна, учительница русского языка, не однажды уличала меня в том, что я нарочито искажаю русские слова на казахский лад. Но что делать, если так получается мимо моей воли? Я ведь в ауле русской речи не слышу. Но замечаю, что и родители мои не особенно в ладу с русским языком. Мама вообще говорит неправильно. А у отца неистребимый немецкий акцент. У него вместо «д» выходит «т», вместо «в» – «ф», вместо «ж» – «ш», а перед гласными «с» непременно превращается в «з». Недавно мой дядя Франц прислал фотографию откуда-то с юга, на который он был изображен с женой и большущей чашей винограда. А на обороте фотографии стояла корявая надпись: «Финокраат ис зобственова зада». Я долго хохотал, а родители недоумевали: что же тут смешного?

Отец говорит: «Тафай!», я говорю: «Дэбай!» Отец говорит: «Запранья», я говорю: «Собряний», а охотнее: «Жиналыс». И после этого мы будем общаться исключительно по-русски? Что отец – немец, любой догадается с первого слова. И по виду – тем более. А меня за мой казахский выговор могут в лучшем случае принять разве что за татарчонка.

Смешно. Нелепо. Но, должно быть, отцу виднее. Полуторка все чаще буксует. Дорога только называется грейдерной. Местами она – обыкновенная черноземная слегка утрамбованная насыпь. В вязкой кашице с лужами машины застревают, как жуки в навозе, виляют, норовят юзом скатиться в кювет. И когда наша полуторка начинает буксовать, мотор надрываться и чихать, а колеса, прокручиваясь, яростно швыряться ошметками грязи, мы в кузове замираем, шофер же возводит свою привычную, грозную «...мать!» в третью степень.

Долго терзал-мучил шофер издерганную полуторку, с трудом, с помощью витиеватого мата выбрался из выбоины, сполз с насыпи,

угрожая перевернуться, поехал по травяному настилу, трясясь на рытвинах-колдобинах. Нас в кузове бросало из края в край. Чтобы удержать меня и себя, отец раскинул-расставил свои длинные ноги, упирался в борт, но временами чудилось, что я непременно вылечу из кузова со своими костылями. Раза два и отец выругался по-немецки: «Хайлих доннер-веттер сакрамент!»

Вечерело. Буксовали мы все чаще. Шофер, откинув дверцу кабины, все яростнее раскачивал машину взад-вперед, увязал в чернозем все глубже, все безнадежнее, крыл многоэтажным матом и дорогу, и степь, и начальство, и небо, и дождь, и незадачливых пассажиров в придачу. Отец то и дело спрыгивал в чавкающую хлябь, весь измазюкался, подкладывал под колеса ивняк, клоки сена, придорожный кустарник, откапывал густые шметки грязи, что есть силы толкал машину. Это повторялось все чаще и чаще. Дождь продолжал мелко-мелко моросить. Лохматые тучи волочились едва ли не по земле, и вскоре стало ясно, что сегодня до города нам не добраться. Оставалось еще километров шестьдесят с гаком. Так определил вконец разъяренный шофер.

– Бздец! Хана! – буркнул он, смачно сплюнув. – Будем ночевать. Я в кабине, вы в кузове под пологом. К утру, может, дождь уляжется, подсохнет.

Отец растерянно посмотрел на меня. Такого мы не предвидели. И как быть? Провести ночь под открытым небом в безлюдной степи на грязных мешках под мокрым пологом? И неизвестно, прекратится ли дождь, подсохнет ли дорога, выкарабкается ли машина из трясины.

И помощи ждать неоткуда. Тупик. Ловушка. Хуже не придумаешь.

Шофер плотно закрыл за собой дверцу кабины и устроился на двух сидениях на ночлег, укрыв голову фуфайкой.

Стремительно темнело. И тут отец высмотрел одинокий стожок сена недалеко от дороги. Отец помог мне спуститься с кузова, подал костыли, и мы, спотыкаясь, увязая в суглинок, потащились по стерне к стожку. Отец быстро вырыл лаз, и мы залезли-вобрались в сухое, теплое логово, расстелили мешки и устроились-залегли рядком. Благодать! Я расправил спину, вытянул больную, одеревеневшую ногу, костылями слегка расширил лаз. Ну вот! Теперь и дождь нам нипочем. И ничего нам больше не надо.

Отец покопошился в котомке, достал мне пончик-брецель, почистил круто сваренное яйцо, протянул бутылку с молоком.

Ну-у... рай, счастье, услада, скажу я вам. Вскоре мы оба провалились в сон.

...Проснулись от рева мотора и оглушительного сигнала. Я не сразу сообразил, где мы находимся.

Первым из нашего нагретого логова выскочил отец, отряхнулся, потянулся, за ним, оберегая больную ногу и волоча за собой костыли, выбрался на свет божий я.

Стояла ранняя рань. Дождь прекратился, выдохся, дул зябкий ветер, земля точно коркой подернулась, а с вышины взирала безмятежно на пустынный мир полная луна.

Отец, желая взбодрить меня, запел строчку из «Болотных солдат»:

– Doch für uns gibt es kein Klagen...

– Ты же хотел только по-русски говорить, – напомнил я.

– Ах, да!.. Но это там, в городе, на людях, а в степи можно и по-немецки.

Шофер успел вызволить многострадальную полуторку из трясины и поджидал нас на обочине.

– Скорей, скорей! Может, прорвемся?

Повезло. С горем пополам. С мучениями. Приключениями. К обеду добрались-таки до города, остановились у давнего знакомца, бывшего коктерекца Шалова, почистились, помылись и, наскоро подкрепившись, отправились в гортубдиспансер. Нам несказанно повезло. Сам главный областной фтизиатр, маленький, горбоносый, в очках, человечек с грозной фамилией Мантейфель, внимательно выслушал сбивчивую речь отца, бегло перелистал какие-то бумажки – направление и заключение районных врачей, потом костлявыми, холодными пальцами пощупал-потискал мой тазобедренный сустав, слегка раздвинул ранку свищей, помычал, покрякал, нахмурил лоб, проронил несколько не понятных мне медицинских слов.

– Хо-го-шо... Ясно-о... Одевайся...

Я привычно сделал себе перевязку, натянул брючки, пытался вникнуть в суть разговора. Мантейфель показался мне сведущим и сочувствующим человеком. Особенно забавно он картавил и певуче растягивал гласные. Мне послышалось, что и он говорит по-русски

несколько скованно, не так, как надо. Отца он называл непривычным словом «коллега».

– Так вот, коллега. Вы ведь и сами все понимаете. Тэбэце. Да, да... Тэбэце костей. Идет воспалительный процесс. И главная проблема – остановить его. Какое тут может быть лечение? Ну, ПАСК... ну, хорошее питание. Стерильные перевязки. Может, толченая яичная скорлупа. Кальций. Свежий воздух. Конечно, мы можем его взять в стационар... в областной диспансер. Ну и что? Условия, скажу честно, не ахти. Шесть-семь человек в палате. Есть открытые формы тэбэцэ. Питание – так себе, казенное. Воздух городской, затхлый. Карболкой отдает. Да-а... А у вас – аул, тишина, степной воздух, сливки, сметана, масло, куриный бульон, кумыс и прочее. Есть преимущество? Не так ли, коллега? Так что мой совет: возвращайтесь назад, примите все перечисленные мной меры. Организм молодой. Может, через год-два справится. Никаких других средств пока нет. Пенициллин до нас еще не дошел. На подходе, сказывают, стрептомицин. Будем иметь в виду. Так вот... Согласны, коллега?

Отец долго молчал, раздумывал. Доктор Мантейфель пытливо поблескивал из-под очков черными, навыкате глазами. Отец мельком покосился на меня. Ни за какие коврижки не хотелось мне оставаться в неведомом диспансере. Отец, должно быть, уловил это в моих глазах. Видно, и сам в душе склонялся к такому решению.

Пауза затянулась.

Вдруг отец порывисто вскочил, по-медвежьи приобнял маленького Мантейфеля, крепко потряс ему руку.

– Спасибо! Вы правы. Очень разумный совет.

Большой груз разом свалился с наших плеч. До квартиры Шалова мы добрались пешком, и я не чувствовал больной ноги. Мне почудилось: выздоровлю, непременно выкарабкаюсь, только бы добраться до аула. Даже ночевка в степи, в стожке сена, под открытым небом, под моросящим дождем мне уже не страшна.

По пути отец заглянул в магазинчики, накупил какие-то гостинцы.

На следующее утро, спозаранок, даже не позавтракав, мы с отцом направились к обрыву Кызылжар, к развилке дорог в районы, поймали попутную машину и в тот же день благополучно добрались до аула. На этот раз мне досталось место в кабине студебеккера, а отец расположился в кузове, где и отоспался всласть.

Я был счастлив оттого, что вернулся в родной аул. А отец больше всего радовался тому, что уложился в трехсуточный срок, отпущенный ему, спецпереселенцу, добрым районным комендантом.

Котлован

В трех километрах от нашего аула, в сторону верховья, возле веселого березового колка находился колхозный стан – две избушки, крытые дерном, одна шошала, сплетенная из тала, обтянутая старой кошмой, небольшой сарайчик-загон для скота и навес для скудной техники – обиталище трактористов, плугарей, сеяльщиков, бороновальщиков, косарей, сезонная стоянка для тружеников полей. Рядом со станом темнел большой пруд, обрамленный камышом, ряской и ивняком. Со стороны крутого бережка вода была глубокая, темная. Здесь черпали воду на хозяйственные нужды. Противоположный, южный берег был пологий, ископыченный, глинистый. Там поили лошадей, плескалась малышня. Пруд отец называл котлованом, а аульчане – қарасу. Я тогда уже смекнул, что любой водоем у казахов либо карасу, либо аксу. Так назывались даже соседние аулы.

Котлован весной наполнялся талой водой, ручьями стекавшейся отовсюду, а потом пополняли его обильные дожди. Потому в самое знойное лето пруд не пересыхал, радовал прохладой и тенистой зарослью. Одно плохо – рыб в пруду не водилось. Никаких. Одни лягушки квакали-надрывались перед закатом на всю степь. Отец часто навещал обитателей стана, оказывал медицинскую помощь, любовался простором и естественным водоемом в открытой степи. Но то, что в этом озерце не было рыбы, отца постоянно удручало.

Он об этом говорил на колхозном собрании, прожужжал уши баскарме и бригадиру: надо, дескать, обрыбливать водоем, это же клад, да, да, благодать. Над затеей отца только посмеивались: е-е... першыл, это божье дело, рыбы, мол, и в Есиле достаточно, только ловить ее некому, да и некогда, кто будет с удочкой сидеть часами на бережку, ведь идет война, рабочих рук и так кругом не хватает.

Что верно, то верно: и работы в колхозе невпроворот, одни бабы-хатуны да подростки лямки тянут, и война с проклятым керманом длится третий год.

А река Есиль-Ишим в том году разлилась в половодье широко, хлынула из берегов, затопила тугай, луга, прибрежные старицы, ерики,

болота. Потом вода отступила, оставив переполненными все впадины в низине. И однажды, уже в июне, я со своими аульными тамырами обнаружил, что мелководье, нагретое солнцем, в бочажном томаре кишмя-кишит рыбьей молодью. Сплошь крохотные, с полпальца, головастики-карасики. Замутив прибрежную воду, мы их черпали кепками, тюбетейками, ладошками. Но что делать с этой мелкотой? Ни сваришь, ни зажаришь, и живьем не проглотишь.

О своей находке я рассказал отцу.

Его мгновенно осенило.

На другой день он выпросил у баскармы телегу, запряженную изнуренным колхозным мерином. Поставил на телегу кадку, две фляги, привязал их покрепче, и мы отправились к бочагу. Я, шлепая ногами по мелководью, поднял ил, потревожил стайки мальков, они, задыхаясь, косяками вынырнули на поверхность замутненной жижи, и отец, соорудив из своей майки подобие сачка, зачерпывал их и сноровисто наполнил всю емкость на телеге. Кто знает, сколько тысяч мальков-карасиков мы выловили за какой-нибудь часик!

А еще за час мы, похлестывая заморенного мерина, добрались до котлована и торжественно выпустили всю молодь в озеро возле колхозного стана.

Отец был доволен.

Баскарма посмеивался: ай, першыл, выдумщик.

Я сгорал от любопытства: и что же будет?

Через год мы с отцом, усевшись под ивой, долго вглядывались в темную заводь и убедились: прижились наши карасики, плавают, резвятся в камышовых зарослях, греются на мелководье, шустро шныряют туда-сюда и выросли с палец. А еще оказались среди них и пескарики.

«Ну, еще годик-другой, и приедем с удочками», – сказал отец.

Кончилась война.

Отпраздновали победу.

Но в ауле жили бедно. Нехватки сказывались во всем.

Раз в неделю мы с отцом ездили на стан, и я натаскивал удочкой по ведерку пузатеньких, с плотной, золотистой чешуей, веселеньких карасиков сплошь одинаковой величины – с ладонь.

Карасей развелось столько, что, казалось, их черпать – не вычерпать.

Озерцо в ауле назвали именем отца. Никто не осмеливался удить здесь рыбу без его разрешения.

Но вскоре объявились откуда-то рыбаки с бреднями. Отца это расстраивало.

Но беда пришла позже – с первоцелинниками в начале пятидесятых. Этот люд не церемонился ни с кем, ни с чем. Рыбу глушили динамитом, на тихом, зеленом берегу разводили костры, варили уху, хлестали водку, горланили на всю степь похабные песни и вскоре опоганили всю окрестность.

Почему-то после войны снега выпадало все меньше и меньше. Талые воды уже не заполняли котлован, как прежде. Тальник вырубили, камыш подожгли, веселое степное озерцо обмелело, походило на большую лужу. Один из домиков обвалился, ивовую шошалу пьяный целинник разнес трактором.

Студентом, приезжая в аул, я наведывался к озеру. Все пришло в запустение. Все вокруг было распахано. Удить снулых мальков уже не хотелось. Да и сидеть у вконец захиревшего котлована было грустно. На стане обитали незнакомые, хмурые люди. Березовый колок зачах. Торчали одни пни. Жаворонки уже не заливались звонкой трелью в синеве неба. По обочине истерзанной тракторами дороги гуртилось сытое, крикливое воронье.

«Эй, недобитый фриц, дай спирт! »

Весной 1954 года в нашем тихом, зеленом ауле объявились, как снег на голову, первоцелинники. Откуда их только набралось! Горластое, нахрапистое, дремучее мужичье наводило ужас на благонамеренных аульчан. В один день первоцелинники опустошили сельмаг, мигом пропустили через луженые глотки многолетние залежи тройного одеколона и пудры. Вели себя как разбойники-шакалы: ко всем приставали, одним только свирепым бандитским видом своим перепугали всех, забубенную уборщицу колхозной конторы изнасиловали средь белого дня прямо на телеге аульного баскармы, воровали кур, динамитом глушили рыбу в Ишиме, горланили похабные песни, оглашали растерявшийся аул отборным русским матом. Случалось, в тяжком угаре устраивали гонки на тракторах. В поисках горячительного ездили на комбайне в соседние аулы.

Месяца через три-четыре это разбойное племя исчезло. Оказалось: никакие не первоцелинники, а обыкновенные уголовники, шпана, шантрапа, сволота, выпущенные на волю и получившие солидные подъемные.

Один из них мне особенно запомнился. Расхристанный громила, покрытый бурой щетиной, коротко остриженный, немытый, с налитыми кровью глазами, с железными зубами, огромными кулачищами, он делал частые вылазки в аул, слонялся неприкаянным орангутангом по дворам, пугая стар и млад. Сиплым басом рыкал:

– Эй, марджа, айран-шалап есть, махан есть? Давай!

Приставал к девушкам, молодкам:

– Эй, кызымка, дамбал шеш, лапак дай. Сделаем мало-мало васявася...

И, выразив свое потаенное желание непотребным жестом, довольный собой, утробно хохотал.

Все его боялись, называли «жынды Иван» – «Буйный Иван».

Председатель колхоза так и не подыскал ему подобающей работы в хозяйстве. Обитал буйный Иван в пустующем сарае возле кузницы.

Раза два заявился жынды Иван и в медпункт. Бесцеремонно вваливался к отцу, щерился, обнажив кривые, черные железные зубы, люто вращал глазищами, водил огромным, с кулак, кадыком, урчал:

– Эй, недобитый фриц, спирт давай! Шнель, шнель! Не то...

Я как раз зашел к отцу сменить перевязку на незаживающих свищах. И, признаться, встревожился. Таких страхолюдин видеть в ауле не доводилось. А этот орангутанг был даже выше ростом моего отца и намного массивнее. К тому же, поговаривали, что в голенище у него финка.

– Не то что? – спокойно спросил отец, расставляя какие-то склянки на длинном узком столе между двумя окнами.

– Увидишь, фриц!

– Вон отсюда! – тихо сказал отец, все так же стоя к верзиле спиной.

Я омертвел. Почудилось: сейчас схлестнутся. Ведь буйный Иван на все горазд.

– Не понял?! – зловеще пророкотал пришелец.

– Во-он!!! – незнакомым голосом прокричал отец, и шея его вмиг побагровела.

Я обомлел. По низу живота прокатился холодок. Слабость ударила в ноги. Бинт едва не выпал из моих рук. Ужас-то какой! Разве мыслимо этому громиле возражать? Уж лучше дать ему мензурку спирту и отвязаться.

– Ты-и... что-то вякнул, фриц?! – выпрямился верзила, упираясь стриженой башкой-калганом в потолок. – Ну, ты у меня, фашист недорезанный, поплачешь! Давай, выйди на дорогу, поговорим...

– Иди! Жди! Сейчас приду!

Буйный Иван, топоча сапожищами, вышел, длинно и вычурно выругался:

– Тра-та-та-та-та... четыре с половиной господа душу... мать!

Мне такого еще слышать не приходилось, хотя и учился на отлично. В ауле матерились значительно лаконичней.

Из окна медпункта я видел: буйный Иван, горбясь, вышел на проселочную дорогу, встряхнулся, изготовясь к схватке, сбросил рваную фуфайку на обочину, повернулся в сторону медпункта и похлопал по причинному месту.

Отец покосился на верзилу из окна, мельком как бы примерился, приладился к нему, решительно скинул белый халат, подтянул офицерский кожаный ремень, засучил рукава и стремительно вышел.

Я прильнул к окну. Сердце заколотилось. Что будет, что будет? А вдруг буйный Иван пырнет отца финкой?

Отец подошел к верзиле вплотную, рослый, подтянутый, сухой, что-то сказал, орангутанг схватил его клешнями за грудки, надвинулся над ним всей тушей. И тут вдруг отец молниеносно рванул его к себе, крутанул за руку, подставил подножку и верзила – о, боже! – тяжело рухнул на пыльную дорогу.

– А-а-а-а... – послышался его рев. – Фашист! Фриц!

Несколько аульных хатунов возле колодца, застыв, наблюдали за этой сценой.

Отец взял верзилу за шкирку, встряхнул его, заставил подняться и, едва тот встал на ноги и распрямил спину, как коленом резко двинул ему в пах, и страхолюдина обмяк, схватился за живот и опять рухнул мешком в пыль.

Я такого не ожидал. Смотрел в окно ни живой ни мертвый.

К хатунам возле колодца присоединились кривоногий сосед Беким и ватага малышни и смотрели на побоище, разинув рты. Теперь месяц

в ауле будут шушукать о том, как на пыльной дороге в смертельной схватке сошлись урус и немыс.

Между тем верзила очухался, медленно поднялся с земли и, угрожающе растопырив узловатые пальцы, рыча, надвинулся взбесившимся чудищем на отца. Я слышал, что урки могут запросто выколоть глаза противнику. Отец, по-боксерски прикрыв лицо кулаками, медленно отступал, тело его напружинилось, голова ушла в плечи. Мохнорылый верзила, чуть сутулясь, шаг за шагом надвигался, грозно нависал над ним. Я замер. Чудовищные пальцы-клешни вот-вот замкнутся на тонкой, жилистой шее отца, и тогда ему несдобровать, не вырваться. И тут отец отшатнулся назад, мгновенно оттолкнулся обеими ногами, чуть согнулся и, что есть силы, головой саданул мохнорылого в грудь. Тот раскинул руки и, как подкошенный, шмякнулся оземь.

Хатуны и кривоногий Беким у колодца ликующе вскинули руки, пацанва победно запрыгала. Сердце мое подскочило к горлу. Во рту пересохло.

Такое разве в ауле увидишь?

Отец некоторое время смотрел на поверженного обидчика, потом нагнулся, посмотрел в заросшее щетиной лицо его, пощупал привычно пульс и пошел восвояси, будто ничего не случилось.

А буйный Иван вскоре встал, отряхнулся, заозирался вокруг, будто припоминая, что, собственно, случилось, и где он находится, потом, волоча за собой грязную фуфайку, побрел к колодцу, ополоснул лицо, руки из деревянной колоды и подался в сторону кузни.

– Перевязку сделал? – спросил отец, войдя в медпункт.

– С... сде... сделал, – ответил я деревянными губами. Страх сковал меня.

– Тогда иди. И не бойся. Этот сюда больше не сунется. Получил и за «фрица», и за «спирт». Це-лин-ник!...

Буйный Иван, действительно, из аула убрался. А о его бесславной стычке с аульным «першылом» (фельдшером) еще долго рассказывали по всей округе.

Колодец

Когда-то, еще до войны, аул на берегу Есиля, куда нас депортировали, назывался Кабай-Туяк. Посередине двух частей аула пролегал

овражек с ровной ленточкой осин и берез. Та часть, в которую нас поселили, называлась Кабай. А, может, и Туяк, теперь уже точно не помню. Пацанва из двух частей аула иногда устраивала побоище. Я представлял родовую ветвь Кабай. Выяснив ребячьи отношения, мы дружно носились по аулу, а годы спустя и вовсе забыли, кто Кабай, а кто – Туяк.

Со временем овражек превратился в едва заметную лощину, а стройный ряд осин и берез в годы войны вырубили на дрова.

В ауле было три колодца. Один – между сельмагом и школой, на пограничье Кабай-Туяк, с высоким срубом, с лебедкой. Второй – на отшибе, возле кладбища, со скрипучим «журавлем», с приятной, мягкой водой. Третий находился через дорогу от нашего дома, с воротом, шатким навесом, с тяжелой, ржавой цепью. Вода в нем была солоноватой, жесткой. Но ничего... привыкли, пользовались. Уж больно удобное было место. Здесь же поили скот из большой, потресканной деревянной колоды. Одна морока с этим колодцем: аульные хатуны в него без конца роняли ведра. Бог знает, почему так получалось. Поговаривали даже, что на дне колодца притаилась нечистая сила, некий джин-шайтан, который от скуки творит втихомолку разные козни.

Аульчане приходили к отцу.

– Ойбай, Белгір, беда. Помоги! Уже семь дворов обронили ведра.

– Ну, першыл, придумай что-нибудь.

А что придумывать? Во всем ауле «кошка» – кованый крюк-трезубец имелся у моего отца. Но и с «кошкой» надо уметь обращаться. Попробуй изловчиться и подцепить ведра, лежащие вповалку на самом дне. Сноровка нужна.

У отца есть все: и «кошка», и веревка, и длинный шест с железным крюком, и – главное – умение. Работает отец артистически. Когда он начинает орудовать «кошкой», осторожно, на ощупь, водить ею по дну колодца, на зрелище это сбегаются и дети, и хатуны. Отец долго крутит конец веревки, то отпуская, то подтягивая ее, прислушивается к глубинному всплеску, колдует. Публика, затаив дыхание, наблюдает за каждым его движением. Я стою в толпе и испытываю гордость за своего отца.

Наконец отец медленно наматывает веревку на локоть, подтягивает ведро к краю сруба, стараясь, чтобы не задело выступ и не сорвалось с крючка, подцепляет ведро багром и вытаскивает его на свет божий.

– Мое, мое! – радостно восклицает дородная Балшекер.

– Точно? – строго вопрошает отец.

– Ия, ия... Менікі!

– Бери. И больше не роняй. С тебя магарыч!

– Болады, Белгір, болады!

Отец снова опускает грузную «кошку». И через некоторое время извлекает из сумрачной глуби второе ведро.

– О! – бросается к нему молодуха Кульшара.

– Твое?

– Мое, мое! Все знают. И даже не помялось.

– И с тебя магарыч!

Публика приходит в возбуждение. Улов удачен. Детвора ликует.

– Еще! Еще!

Семь ведер достал отец. Публика в восторге. Разве не событие в ауле?!

– Ай, Белгір!

– Көп жаса!

– Пусть твоя жена разродится сыном!

Отец продолжает водить арканом туда-сюда. На дне колодца, в самом углу, наверняка что-то еще есть, но «кошка» никак не может уцепиться.

– Тихо!

Отец медленно, почти не дыша, подтягивает что-то громоздкое. Слышен плеск воды. Наконец, у самого сруба показалось нечто черное, бесформенное, сплюснутое.

– Қауға, қауға! – вопит малышня.

Отец низко склонился, дотянулся рукой до кауги – кожаного ведра с сыромятной петлей вместо ручки.

– Ойбай, это же кауга Сеит-ходжи!

– Да, да, она самая! Он ее еще три года назад уронил.

А к кауге сбоку каким-то чудом прицепилось ушком помятое, закоптелое ведерко-топатай.

– Надо же!

– Вот так находка-олжа!

– Это грязнуля Магриба уронила.

– Все! – объявил отец. – Концерт окончен. Больше не роняйте.

Долго обсуждали на все лады это событие в ауле.

С годами воды в этом колодце становилось все меньше и меньше. Да и та оказалась мутной, с неприятным запахом и не в меру соленой.

– Надо чистить колодец, – озабоченно говорил отец.

Но как? И кто будет чистить? Ответа не было. За дело принялся отец. Сплел веревочную стремянку, вооружился лопатой, мотыгой, ломом, фонариком, обвязался за офицерский пояс ремнями, спустился в темную глубь. Время от времени доносился его гулкий голос.

– Майна!

– Вира!

Четверо жилистых старшеклассников-интернатовцев за полдня достали из колодца двести ведер мокрого, вязкого, черного, как вакса, грунта. Отец подкопал, углубил дно более чем на метр, добрался до песчаного слоя, вывернул пару валунов, наткнулся на жилу-родник и, кряхтя, выбрался-вылез весь мокрый, измазюканный, осунувшийся, на себя не похожий. Вода хлюпала в его обшарпанных кирзовых сапогах, стекала с брезентового плаща, с шапки, завязанной у подбородка тесемками.

Вокруг загалдели:

– Ой, Алла!

– Астафирална!

– Апырай, это наш Белгір или водяной?

– Дьявол! Страха не знает!

Колодец ожил. Вновь стал полноводным. Ведра наполнялись мгновенно. Лебедка весело поскрипывала; цепь бойко лязгала. Аульчане повалили к очищенному колодцу. Жаль: вода по-прежнему оказалась жесткой, солоноватой.

– Ну, это уже не в моей воле, – отвечал отец.

Несколько лет колодец в ауле называли именем отца.

...В день шестидесятилетия я посетил родной аул, в котором не был четверть века. В отчем – осевшем, почерневшем, деревянном доме аульчане устроили для меня юбилейный дастархан. Земляки, помнившие отца, щедро обласкали меня. Я был счастлив, тронут до слез. Но аул свой не узнал и того колодца не увидел. На том месте соорудили сцену, с которой мне, как почетному гражданину села, было поручено местной властью вручать передовым труженикам осенней страды грамоты и ценные призы.

Оркестр

Мало было у моего отца, заведующего фельдшерско-акушерским пунктом в радиусе семи аулов, забот и хлопот, надумал он еще создать школьный струнный оркестр. Должно быть, после моего отъезда в институт он разочаровался в домашнем оркестре. С юных лет отец играл на любительском уровне на мандолине, скрипке, гитаре, балалайке, позже настойчиво приучал играть на этих инструментах и своих детей. От меня еще был какой-то толк: я прилично играл на мандолине, аккордеоне, мог аккомпанировать на балалайке. Мама в какой-то мере овладела гитарой, освоила несколько аккордов и напевала под перебор струн старинные немецкие песни. Особенно задушевно получались у нее «Du hast Diamanten und Perlen» и «Du, du liegst mir im Herzen». Сестер моих и маленькую мою дочь отец тоже упорно учил сызмальства держать такт, играть на балалайке и домре-пикколо. Правда, особого усердия и умения они так и не проявили. Отец солировал на скрипке, отбивал ногой заданный ритм, всем корпусом подсказывал переход тональности при аккомпанементе, но необходимого лада и склада в нашем домашнем оркестре не обнаруживалось.

Отца это удручало. Как же так?! Там, на Волге, в немецких селах, успешно музицировали почти все от мала до велика – непременно играли либо в струнных, либо в духовых оркестрах. Самые бестолковые могли, на худой конец, четко отбивать такт на деревянных ложках, кастаньетах или барабанах. Ритм чувствовали почти все, а уж пели в три голоса запросто. А тут, в Казахстане, медведь вдруг разом всем на ухо наступил. «Не та среда», – горестно констатировал отец. Кто знает...

Отец не мог с этим смириться. Он был убежден: усердием и прилежанием всего можно добиться. Каждый человек должен на чем-то играть, хотя бы на губной гармошке. Преображался, оттаивал отец душой, когда на огонек заглядывали к нам братья-кузнецы Иоганн и Антон Энгели. Им были подвластны не только кузнечные инструменты, но и музыкальные. Да и репертуар у них был такой же, как у отца, – вальсы, польки, марши, немецкие песни.

Впятером мы нередко играли на школьной сцене, и аульчане искренне радовались, поддерживали нас:

– Уай, маладес!

– Дают немысы!

– Эх, если бы еще на домбре играли!

Энгели вскоре перебрались в другое село.

Антон стал знатным комбайнером, рационализатором, Героем труда. Я уехал на учебу. Маме стало не до музицирования: подрастали дочки, прибавилось хлопот по дому и медпункту. И отец решил организовать школьный оркестр.

Поразительно: школьное и аульное начальство горячо поддержало намерение отца. Раздобыли даже какие-то деньги, и отец обрел в районе и области несколько мандолин, пару-тройку скрипок, разных размеров балалаек, барабан, бубенцы, кастаньеты, сам смастерил цимбалы. Отобрал по своему выбору двадцать учащихся шестых-седьмых классов и трижды в неделю по два часа проводил репетиции. Поначалу аульные оркестранты играли кто в лес, кто по дрова. Мугаллим Жылгельды усмехался: «Э, Карл-ага, легче обезьян дрессировать в зоопарке». Действительно, каждый норовил солировать. Никто никого не слушал и не слышал. Всего труднее было научить новоиспеченных оркестрантов такту, ритму, слаженности, слуху.

Но отец был терпелив, да и ребята старались.

Через полгода школьный струнный оркестр прилично исполнял вальсы «Над волнами» и «Дунайские волны», марш «Кузнецы» и польку «Теренсай» отцовского сочинения.

С этим репертуаром отец со своим оркестром выехал в районный центр на смотр художественной самодеятельности и, по рассказам-воспоминаниям земляков, произвел фурор. Мугаллим-конферансье Жылгельды Муканов, искусный шешен-златоуст, играя голосом, торжественно объявлял:

– Вы-сту-па-ет... струнный оркестр-р-р... Ленинской ка-зах-ской средней школы... под руководством отличника здравоохранения ЭсЭсЭсЭр и... отличника народного просвещения Казахской ЭсЭсЭр... фельдшера-акушера... Карла Фридриховича Бельгера-а!

Зал, рассказывали мне, приходил в волнение, начинал неистово хлопать. Шутка ли?! Струнный оркестр из аульной школы! Где это видано? Ну-у, трио домбристов куда ни шло. А тут оркестр! Интересно. Любопытно.

На сцену, не спеша, вышли гитаристы, балалаечники, скрипачи, мандолинщики, расселись по местам, оглянулись в ожидании чего-

то. Сплошь черноволосые, черноглазенькие, трогательно милые. Потом, выдержав паузу, вышла девочка-крохотуля с бубенчиками, колокольчиками, очень серьезная, сосредоточенная, в белых бантиках, в длинном расшитом платьице и опустилась на маленькую табуретку впереди всех.

Зал всколыхнулся, загудел, захлопал. Потом аплодисменты смолкли, и вышел на сцену широкими шагами долговязый, сухопарый, длинноносый руководитель оркестра. Он напряженно замер перед музыкантами, взмахнул смычком, приладил скрипку к подбородку, произнес негромко: «три-четыре!», и оркестр – о, чудо! – слаженно вступил в «Дунайские волны». Барабанщик в заднем ряду четко, размеренно отбивал ритм, колокольчики заливались к месту, мандолинщики тонко-дробно тремолировали, гитаристы точно и вовремя задергали басовые струны, скрипки выпевали мелодию, балалайки дребезгливо вторили.

Такого в районном центре доселе никто не слыхивал, не видывал.

Оркестранты, довольные, переждали шквал аплодисментов, восторженные выкрики, и тут на сцену вышел эффектный конферансье и звучным, раскатистым баритоном объявил:

– Полька! «Теренсай»! Музыка Карла Бельгера-а!

Руководитель, топнув ногой, взмахнул смычком, сыграл задорное вступление, и оркестр грянул вовремя, в такт.

– Оп-па! Оп-па! – подзадоривал в сторонке музыкантов темпераментный конферансье Жылгельды.

Оркестр превзошел себя. Кто-то из мандолинщиков, войдя в азарт, сбился было с такта, забежал вперед, но руководитель, заиграв громче и бойчее, грозно сверкнув глазами, осадил торопыгу вовремя. Полька всех возбудила, а барабанщик орудовал колотушками с таким рвением, что, казалось, вот-вот сам пустится в пляс.

– Браво!

– Бис! – взорвался зал.

И раскрасневшийся руководитель вновь взмахнул смычком, крикнул, как на репетиции: «Три-четыре!», и оркестр повторил игривую польку с начала до конца.

...Мудрено ли, что школьный оркестр моего отца занял тогда первое место по району и получил право выступить на областном смотре художественной самодеятельности. Об успехе оркестра пи-

сали в районной и областной газетах. Вырезки из них отец прислал мне в Алма-Ату.

Со временем коллектив распался, костяк музыкантов, окончив школу, разъехался, и тот оркестр остался лишь в памяти аульчан и в истории школы.

Ты Вову поздравил?

Дел невпроворот. Голова кругом.

Звонок из Ташкента. Голос отца. Взволнован. Взбудоражен.

– Т-та-ак. Письмо мое получил?

– Получил. Спасибо.

– Я писал про нашу новость. Почему молчишь?

Лихорадочно соображаю. О какой новости речь? Родители здоровы. Сестры при деле. Племянники в здравии. Все вроде тип-топ.

– Ну и? – строго вопрошает отец.

– Что-то не понимаю.

– Не понимаешь? Вовку в пионеры приняли. Ты его поздравил?

О, господи! А я-то думал, гадал. Действительно, в том письме отец взволнованно описал, как он был в школе, на торжественной линейке, как Вовка вступил в пионеры, как под барабанную дробь его хлипкую шею повязали красным галстуком, как его дед-коммунист от имени партийной организации Байсунской махалли выступил перед юными пионерами, вспоминал свое детство в селе Мангейм Гнаденфлюрского кантона, какой это важный, ответственный момент в становлении юного поколения, какой был Вова нарядный, отутюженный, в черной тройке и белой рубашке, какой это был праздник, запоминающийся, конечно же, на всю жизнь. Крупным, корявым почерком это событие было описано во всех красках на четырех страницах «амбарной» книги.

Вова Тимченко – мой племянник, сын младшей моей сестры. И я, его дядя, писатель, в ту пору член КПСС, по искреннему разумению отца, должен был племяша-пионера непременно поздравить с этим событием или письмом, или телеграммой, ибо я в первую голову ответственен за политическое и гражданское становление своих родных, двоюродных и троюродных племянников. Иначе грош цена всей моей писанине и общественной деятельности. Как так можно – не

поздравлять племянника со вступлением его в пионеры?! Неужели я забыл:

Как повяжешь галстук,
Береги его.
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

Нет, такого отец от меня не ожидал. Вот он и наставляет меня на путь истины.

Я отложил все свои дела, отправился на почту, отбил новоиспеченному пионеру Вове Тимченко поздравительную телеграмму и написал еще письмо с подобающими такому случаю словами. Помню, восклицательных знаков в том письме было много.

В следующем своем письме отец подчеркнул:

– Все получили. Все правильно. Все как положено.

Интересно, помнит ли верзилистый, лысеющий детина, капитан милиции Владимир Борисович Тимченко, живущий ныне в Воронежской области, о том, как он поступал в пионеры, и какие высокие гражданские чувства при этом испытывал его идейный дед?

Сколько же в Ташкенте Бельгеров?

После завтрака мы с отцом заспешили в центр Ташкента.

– Кани, кани, келинг, – по-узбекски поторапливал меня отец.

– Хазир, хазир, ота, Карл-бобо, – в лад ему ответил я.

Есть в Ташкенте такое шумное, бойкое местечко, именуемое сквером. Там, рядом с парком, находится партком Хамзинского района, в котором отец возглавляет комиссию ветеранов.

Дел, насколько я понимаю, в этой комиссии не так уж и много, но отец относится к своим обязанностям с большой ответственностью.

Иногда мне кажется, что вся работа ветеранской комиссии всецело зависит от моего отца. Ну, а я уже несколько дней слоняюсь по ташкентским музеям.

Ташкент – уникальный город. Древность и современность в нем причудливо переплелись и притягивают взор. Только ходи и любуйся.

У сквера мы вышли из раздрызганного, скрипучего автобуса-коробочки, простились и разошлись по разным дорогам.

В обед, спасаясь от немилосердной жары и духоты, я походил по прохладному, уютному парку. И тут неожиданно столкнулся с отцом. Обтирая рот носовым платком, он выходил из углового, крохотного кафе-стекляшки.

Увидев меня, обрадовался.

– В этом кафе подают дивные манты. Да и чай хорош, – сообщил мне отец.

– Хм-м... А дела свои закончил?

– Lieber Gott, разве дела закончишь? Спешу!

– Ладно. Я тогда загляну еще в исторический музей поблизости.

Расстались.

Вечером, на исходе рабочего дня, я подался к стоянке пятого автобуса. Народу – что льдины в половодье. Автобуса все нет и нет. А солнце по-прежнему яростно печет. Но ташкентцы, кажется, его и не замечают. Галдят, как на базаре. И на всех наречиях. Русские, узбеки, татары, евреи, уйгуры, дунгане, армяне, китайцы

Боже, кого только нет! В глазах рябит, в ушах звенит.

– Herold! Ich bin da! Герольд, я здесь, – слышу знакомый голос.

Смотрю: легкий, поджарый, порывистый мой отец, Карл-бобо, ловко пробивается ко мне сквозь разноголосую толпу. Мы радостно улыбаемся друг другу, будто давно не виделись. Знаю: теперь отец одним из первых проникнет в автобус, затащит и меня и даже место займет.

На все той же раздрызганной пыльной развалюхе-коробочке в тесноте и давке, потные, помятые, измочаленные, еле-еле добрались до Шумиловского городка. Отсюда до нашей махалли рукой подать.

– Hör mal! Слушай! – говорит по дороге отец. – Должно быть, Бельгеров в Ташкенте немало...

– Как это?

– Видишь ли, в один день я сам встретил аж трех Бельгеров. Одного утром на остановке, другого в обед в парке, а третьего – вечером в нашей махалле. Поразительно!

– Да, да, – поддержал я отца. – И я за один лишь день столкнулся с тремя стариками-немцами. Самое удивительное – все трое Бельгеры.

– Майн Готт! Выходит, за один день мы встретили шестерых Бельгеров?! Сколько же их и этом городе?! Вундербар!

И мы оба от души расхохотались.

Прадом

Это напасть какая-то, наваждение. Химера. Некая непреходящая тоска. Она меня прямо-таки преследует. С годами все явственней.

Я даже не знаю, как ее назвать. Недавно осенило: тоска по прадому. У каждого живущего на земле, наверное, есть (или должен быть) прадом.

Звонит племянница из Ташкента и сообщает горькую весть: все, решено, нет больше мочи, работы нет, перспективы никакой, жить становится невмоготу, продают за бесценок дом, усадьбу, бросают родительские могилы, могилы бельгерского клана и уезжают, уезжают, уезжают, едва ли не бегством спасаясь, в Россию.

А дом, усадьба на Байсунской, 59, в Ташкенте, многократно описанные мною, – это последнее пристанище, светлая обитель, душевная опора, для меня неугасимые очаг и память моих родителей.

И я бессилен что-либо предпринять и противостоять неминуемой катастрофе.

И горестные думы накатываются на мое израненное сердце.

Где мой прадом?

Где та святыня, неизбывная отрада, согревавшая мою душу на моем немалом пути, на ухабистой моей дороге?

Alles ist hin. Все пропало, сгинуло, рухнуло, исчезло, растворилось, истаяло во мраке забвения.

Да-а... род приходит, род уходит... Волна покрывает волну. И жизнь, вечно обновляясь, умирает, угасает в водовороте бытия.

Так где же мои истоки? Где мой прадом?

Неведомо мне, как жили, в каких домах избывали свою жизнь мои далекие гессенские предки. Чую, не от хорошей жизни мой пращур Андреас Бельгер с женой Луизой и двумя детьми подался из германского княжества в дикие, запущенные края Поволжья по зову русской кайзерин Екатерины Великой. Чую, очень не сладко жилось его потомкам в суховейных, безжизненных степях необъятной Руссланд. Дико бедствовали на необжитом месте, уповая на немецкие прилежность, трудолюбие и терпение, незадачливые бельгеры в дорфах-селениях Кинд и Мангейм на Волге. Это я знаю, чувствую, ясно представляю, помню по генетической памяти.

И я живо вспоминаю просторный бабушкин дом и усадьбу в селе Мангейм Гнаденфлюрского кантона на Волге в канун войны с фашист-

ской Германией. Помню и дом, и летнюю пристройку, и пустовавший хлев, и разные хозяйственные строеньица – курятник, овечий загон, крытый погреб, и подворье, и палисадник, и сеновал, и скрипучие ворота, и калитку, и чахлый пустырь за почерневшим от времени элтернхаус.

Допускаю, что для моего отца, для моих дядьев и двоюродных братьев и сестер, погибших в большинстве в годы лихолетья в трудармии, на лесоповале, в шахтах, на стройках, в ссылке, бабушкин дом и был тем самым прадомом, который я изредка посещаю в своих тревожных снах. Помню, как тяжело умирала сухопарая, строгая, аскетичная бабушка Элизабет в возрасте 70 лет; помню похороны в подворье, где собралась вся деревня; помню холмик в открытой степи, вокруг которого в сырой, стылый день стоял и я, шестилетний, с пригорюнившимися родителями.

А потом... уже через несколько месяцев все пошло прахом. И очутились мы в глухом, кизяком и овчиной пропахшем казахском ауле в Северном Казахстане. И там, уже после войны, когда высочайшим указом было объявлено, что советские немцы высланы навечно, и путь на малую родину им заказан навсегда, отец построил – с благословения казахов – новый деревянный дом, прочный и основательный на загляденье.

Вот этот дом снится мне часто. Родители покинули его в 1971 году, перебравшись по обстоятельствам к трем дочерям в Ташкент.

Когда мне исполнилось 60 лет, я посетил родной аул, и земляки для меня освободили родительский дом, в котором я провел свой юбилей. О, это были счастливые мгновения моей жизни! Душа моя ликовала. Древние старики и старухи, помнившие меня пацаном, изумленно цокали языками: «Апырай, неужто и нашему Гере стукнуло шестьдесят лет!» И дом был рад нашей встрече. Все было знакомо, все памятно, вплоть до зарубок на косяке, которыми отец обозначал годовой рост своих чад.

Увидев свой дом и аульчан, записанных на кассету, отец мой не смог сдержать слезы умиления, радости и печали.

Ныне и этот дом разрушен до основания. Остались лишь разросшиеся деревья, некогда посаженные отцом.

Теперь настал черед тотальной разрухи и последнему родительскому дому в Ташкенте в Байсунском тупике. Этот дом был светлой

Папа молчал. Пропадал в медпункте.

Мама не сдержалась, шепнула мне:

– Папу забирают.

– Куда?

– В трудармию.

– На войну? – встрепенулся я.

Я ведь знал: папа семь лет служил в рабоче-крестьянской армии. Он парашютист. Ворошиловский стрелок. Лейтенант медицинской службы. У него ГТО первой степени. Уж он-то задаст фашистам перцу. Будет мне что сказать моим дружкам-тамырам.

Мама не ответила.

– А мы как?

– Мы, может, переедем к тете Гульде.

Я, глупец, обрадовался. Вот здорово! Гульду-танте я очень люблю. Она всегда шутит, смешит. Еще на Волге, в Зигельберге, я с мангеймовскими духовниками был на ее свадьбе. Теперь она живет в селе Куприяновка, в нашем же районе, в пятидесяти километрах от Марьевки. Ее мужа, моего онкеля Сашу, тоже забрали на лесоповал в Сибирь. У тети Гульды две дочки – Сельма и Альма. Вместе нам будет веселее.

Я живо представил, как сообщу свою новость Аскеру, Салиму, Темешу. «Коке моего забирают на фронт. И я уезжаю». – «Куда?!» – «Далеко». – «Насовсем?» – «Да». И все мои дружки пригорюнятся и позавидуют.

– Дурачок! – сказала мама.

Почему? Неужели я что-то не понимаю?

На следующее утро возле медпункта остановился аулсоветский заморенный мерин, запряженный в сани-кошевку. На передке, согнувшись в три погибели, в облезлой жеребячьей дохе, сидел подслеповатый сторож магазина Тайшик. Вокруг толпилось несколько стариков аульчан и соседка Балкумис. Папа, высокий, поджарый, в буденовке, в шинели, перехваченной в поясе кожаным ремнем с медной, со звездой, бляхой, в ладных командирских сапогах, с тугим рюкзаком за плечами, обняв маму, что-то ей говорил (я только расслышал: «Анья! Анья!»), расцеловал спящую Эльму, потом крепко прижал меня к себе. Было ужасно грустно, и я еле сдерживал слезы. Я впервые прощаюсь с папой и впервые осознал, что нам без него будет худо. Вчерашняя

радость по поводу возможного переезда к тете Гульде в Куприяновку мгновенно улетучилась.

– Ты теперь опора в семье. Слушайся маму, – сказал папа, и я заметил, что голос его дрогнул, кадык на тонкой шее дернулся вверх-вниз и белесые ресницы затрепетали. У меня замерло сердце.

Мы с мамой вышли провожать папу.

– Доброго пути, першыл! – напутствовали его старики.

– Пусть тебя поддержит аллах!

– Скорее вернись.

– Вот укройся моим тулупом, – прогудел в сивую бороду великан Жайлаубай. – Передашь назад с Тайшиком.

Папа порывисто обнял бородача с суковатым посохом, плюхнулся в кошевку.

– Bleib gesund, Anja! – сказал папа. – Береги детей.

Мама будто помертвела, стиснула зубы, побледнела, черные, чуть раскосые глаза заблестели.

– Аман бол, першыл! Марджу твою и детей в беде не оставим. Присмотрим.

Тайшик дернул вожжами. Дремливый мерин нехотя перебрал ногами. Кошевка завернула за угол.

Мы с мамой вернулись в сразу осиротевший, непротопленный дом.

Ни о чем говорить мы не могли. Да и не хотелось.

День тянулся бесконечно. Холодный и ветреный.

Встречаться с дружками-тамырами тоже расхотелось. И похвастаться перед ними о предстоящем переезде в Куприяновку не было желания.

Тайшик вернулся через день. Передал Жайлаубаю тулуп, а маме – записку, написанную чернильным карандашом по-немецки.

Мешая русские и казахские слова, Тайшик кое-как объяснил, что першыл (фельдшер) «аман-сау» (жив-здоров), доехал до аулов Кенес и Орнек, а дальше его повезет местный шабарман-возница до Явленки – райцентра Ленинского района. Оттуда его как мобилизованного районным комиссариатом доставят в область – в Кызылжар. Э-э… через две-три ночевки окажется на месте.

– Топка есть? – спросил Тайшик.

– Есть. До лета хватит, – ответила мама.

– Нет – так гауари. Достану.

В записке, написанной крупным корявым почерком папы наспех, заключалась и для меня задачка. Папа писал: мама насушила мне в дорогу шестьдесят пять сухарей. В день я сгрызаю пять-шесть. На сколько дней мне их хватит? Посчитай. Вернусь – спрошу.

Задачка оказалась для меня непосильной. Я только недавно научился считать по-русски и по-немецки до ста. По-казахски добрался до сорока, но слова (қырық) – как ни старался – выговорить не мог. Почему-то получалось «хырх» или «хирх». Тамыры мои умирали со смеху. Шестьдесят пять сухарей мне показалось очень много. Ну, и на сколько дней их хватит? Делить и умножать я не умел. Я только прибавлял и вычитал. Задачка не давала мне покоя. И я находился в постоянном удрученном состоянии. Вот приедет папа и спросит: «Ну, на сколько дней хватило мне маминых сухарей?» А у меня нет ответа. Какой ужас! Какой срам! Лучше провалиться сквозь землю, чем не выполнить поручение папы.

Дни тянулись мучительно. Мама меня на улицу почти не пускала, а дома я не находил себе места. Нянчил сестренку, крутил постылый мельничный жернов, рисовал единственным красным карандашом, следил за огнем в печке, слонялся по углам, смотрел в окна.

Потом записки от папы пришли из Явленки, из Петропавловска, папа утешал, слал приветы, одобрял-подбадривал, а у меня из головы не выходила задачка про сухари. Сухари снились мне длинными ночами.

Я принялся считать так: шестьдесят пять минус пять – один день; шестьдесят минус шесть – два дня; пятьдесят четыре минус пять – три дня; сорок девять минус шесть – четыре дня.

Но так до конца и не сосчитал. Запутался.

Обратился к маме.

– Ой, не спрашивай! Лучше, если бы рюкзак был полон сухарями. Да яйцами. Да шматком сала. Да где возьмешь?

Кое-как растолковал свою незадачу своим тамырам-корешам.

– Сухари не нәрсе? – спросили они.

Объяснить вразумительно я не смог.

– Нан, – осенило меня.

– Какой нан? – спросили мои тамыры. – Русская бөлкé (булка)? Или баурсак? Или тоқаш? Или таба-нан?

– Кишкентай нан, – пояснил я и на всякий случай добавил: – Лепешка.

– Ә?! – воскликнули дружки. – Шестьдесят пять лепешек? Ничего себе! Тогда курсак твоего коке не пропадет. Мне апа за день дает отсилу пол-лепешки и миску айрана. А тут пять-шесть! Ойдойт! Ешь – не хочу!

Восторг моих дружков я разделить не мог. Видно, сухари – не совсем лепешка. Да и не совсем нан.

А мама права: еду брать неоткуда. Дочери Касыма, Кульшара и Кульбара, приносили нам ежедневно по котелку цельного молока. Бригадир давал банку обрата. Баскарма выписал полпуда ячменя. Братья Сейтходжа и Кали как-то передали кус вяленой говядины. Мама обменяла кофточку и юбку из Энгельса на какие-то аульные харчи.

– Если папа через месяц-другой не вернется, пойду работать в колхоз, – сказала мне мама. – Ты уже большой, за домом и Эльмой присмотришь.

Я и сам чувствовал, что уже большой. Осенью собирался в школу. Пусть в казахскую. Что делать, если ближайшая русская школа находится в двадцати пяти километрах?

Еще одно письмо от папы вскоре пришло из Петропавловска. Он писал, что жив, здоров, работает пока чернорабочим на военном заводе, но обещали назначить помощником врача. Трудармейцев-немцев свезли со всей области несколько сот человек. Среди них есть и знакомые волжане. Многие очень плохо говорят по-русски, а руководство запрещает обращаться по-немецки. Трудармейцев бригадами-колоннами отправляют поездом в Красноярск, Краснотурьинск, Челябинск, Нижний Тагил. Но он, папа, еще не окончательно прошел комиссию. И, главное, за него активно ходатайствуют якобы райздравотдел и особенно – главврач района Яковчук, хирург Лебедева и аптекарь Бронштейн.

О сухарях папа больше не упоминал, и я с облегчением догадался, что он давно их все съел, а коли так, надо полагать, мне уже не стоит ломать голову о том, насколько хватит того, чего уже и в помине нет.

Жутко исхудавший и оттого даже немного на себя не похожий папа вернулся через месяц. Медкомиссия обнаружила какие-то нелады со здоровьем, а райздрав и райком все-таки настояли на своем: медработников в аулах катастрофически не хватало.

Первые дни после возвращения папы я еще робел. Вдруг он вспомнит о задачке про сухари, а мне и сказать нечего.

Обошлось.

О сухарях папа, видно, напрочь забыл. Слишком много других забот и хлопот обрушилось на его голову.

А до окончания войны папе еще шесть раз присылали повестку в трудармию, но каждый раз добрые люди в аулах и районном центре добивались ему отсрочки.

Несказанно повезло мне. Как бы сложилась у меня судьба без папы – и представить себе не могу.

Ныне прошло ровно семьдесят лет с того весеннего слякотного дня в приунывшем нашем ауле перед бурным половодьем Есиля, а папины сухари той поры и поныне в моей памяти.

15 августа 2012 года

В ПУТЬ ЖУРАВЛЕЙ ПРОВОЖАЮ ОДИН Я

Слух о том, что в нашем доме при медпункте остановилась откуда ни возьмись труппа гастролеров, мигом облетела наш захудалый аул на берегу Есиля. Стояло голодное лето сорок шестого или сорок седьмого года прошлого, понятно, века.

На всех углах-закоулках гу-гу, шу-шу. В забытых богом и людьми аулах тех лет редко что случалось. И вдруг такое событие!

– Эй, слышали? Артисты приехали!

– Откуда?

– Құдай біледі. Аулнáй направил их к першылу.

– Да. Я видел. Крохотные такие, потешные.

– Говорят, ергежейлі.

– Что за ергежейлі?

– Лилипуты вроде, что ли...

– Национальность такая?

– Нет, племя.

– Апырай, а?!

Я тогда учился в пятом или шестом классе. Лилипутов никогда не видел и даже слова такого не знал.

– И что они потеряли в нашем ауле?

– Ойын будут показывать.

– Где?

– В школе. Где еще?

Действительно, все большие мероприятия, общие собрания, концерты и кино неизменно проходили в просторном школьном холле. Больше негде. Клуб в нашем ауле появился многие годы спустя.

Ну, а наше жилище при медпункте считалось в ауле самым приглядным: дом не саманный – деревянный, с крыльцом, и пол деревянный, крыша покатая, дерном выложенная. Чисто, более-менее уютно. Куда еще отправишь заезжих гостей? Да и першыл-фельдшер человек обходительный, понятливый. Немало разных странников-скитальцев перебывало в нашем доме.

Дом состоял из четырех комнат: в двух располагался фельдшерско-акушерский пункт, которым заведовал отец. Две комнатушки отводились под жилище: условно – спальня-гостевая и кухня-прихожая с громоздкой русской печью. Здесь был предназначен уголок для меня.

Когда я вошел к себе – обомлел. За шаткой, грубо сколоченной столешницей, плотно сдвинувшись, сидела и обедала ватага незнакомых, странного обличия людей: все коротконогие, короткопалые, неестественно миниатюрные, точно кукольные, с большими головами. Они ели молча, сосредоточенно. Видно, устали и проголодались с дороги. Мама выставила на стол чугунок с картошкой, два пучка зеленого лука, десяток круто сваренных яиц, каравай ржаного хлеба и чайник с солодковым чаем. Лучшего пиршества в те годы было не сыскать. Во главе стола восседал крутолобый, курчавый крепыш-коротыш в ярко-красном жилете поверх белой сорочки и с пестрой «бабочкой» на жилистой шее. Вот эта «бабочка» и заворожила меня с ходу. И еще удивило то, что коротыш обладал густым, утробным басом.

– Mein Sohn… Сын, – сказала мама. – Herold.

– О-о-о! – зарокотал коротыш. – У вас, фрау Анна, такой взрослый сын?!

Гости все разом уставились на меня и принялись шумно выражать свой восторг, роняя русские фразы с непонятным мне акцентом – не казахский и не немецкий. И между собой они щебетали на инородном

языке. «Выходит, тоже пришельцы, перекати-поле, гонимое ветром, – подумалось мне. – Может, тоже спецпереселенцы?»

Я, тщедушный, болезненный, бледнолицый подросток, сидел среди них, как заморенный гусак среди цыплят. Коротыш взял меня под обстрел: как учусь, в каком классе, почему в казахской школе, чем увлекаюсь, почему на костылях. Я, смущаясь, отвечал, как перед строгим наставником. Держался коротыш надменно, важно, говорил раскатистым басом, пучил глаза, забавно перебирал короткими розовыми пальчиками с твердыми отполированными ноготками. Три девицы-куколки, неопределенного возраста, то и дело восклицали: «О-ля-ля!», «Как интересно!», «Прелестно!», жеманничали и умиляли картошку, хрумтели лучком, мелкими глотками пили чай. Двое напарников коротыша-старшого тоже что-то мычали: «Ах, так!», «Вот как!», «Любопытно!». Кто-то из гостей пошутил: «Маугли», – и все рассмеялись. Я понял: это сказано в мой адрес, а как это следует воспринять, не уразумел.

– На аккордеоне ты играешь? – допытывался коротыш, кивнув в уголок за кроватью.

– Немного.

– А на скрипке?

– Папа.

– О-ля-ля! – заверещали девицы-куколки.

– Вот как! – одобрили напарники.

– Сыграй-ка нам! – приказал коротыш.

Видно, он был главарем-вожаком труппы, вел себя уверенно, решительно, басил отрывисто.

Я послушно уселся на табурет, развернул аккордеон, привычно пробежал пальцами по басам, взял несколько аккордов в миноре.

– Ах, прелесть! – дружно отозвались девицы-куколки и задрыгали ножками. Одна кокетливо закатила глазки.

– Какую-нибудь немецкую песню, – подсказал коротыш.

Я сыграл «Du, du liegst mir im Herzen».

– Гут, – пробасил коротыш, пальчиками отбивая такт о край стола. – Еще!

Я сыграл «Дунайские волны».

– Молодец! – похвалил коротыш. – Еще!

Польщенный похвалой, я дерзнул, как мог, сыграть «Прощание славянки». Кажется, более-менее получилось.

– Одобряю, – пробасил коротыш. – Все эти три вещи во время нашего представления и сыграешь. Договорились? Abgemacht?

– Ладно…

Зашел из медпункта папа. Высоченный, стройный, поджарый, он смотрелся среди гостей исполином.

– О, Карл Фридрихович! – возопила вся ватага.

По всему, папа мой им понравился еще при первом знакомстве в аулсовете.

– Ваш сын, – торжественно заявил коротыш, – нас выручил. Согласился нам подыгрывать. Наш музыкант находится на гастролях в другом месте.

– Хорошо, – дернул плечом папа. – Если его репертуар вас устроит.

– Устроит. Еще как устроит, – произнес коротыш-старшой. – Я уже примерно прикинул программу.

– Еще просьбы будут? – строго спросил папа.

Видно, аулна́й – председатель аулсовета – поручил ему принять гастролеров как положено, а папа привык безропотно исполнять приказания властей. Спецпереселенцу что остается? Не приведи бог иметь дело с комендантом из районного управления МВД.

– Что вы, что вы, любезный Карл Фридрихович! – замахал ручонками коротыш. – Какие просьбы? Большое спасибо за все!

– Спасибо, спасибо, – вразнобой подхватила ватага.

А писклявая кокетка с насурмленными бровками, с намалеванными губками добавила:

– Данке шён!

– Карл Фридрихович, – вкрадчиво пробасил коротыш, – в заключение нашего концерта мы поем одну трогательную, печальную песню-балладу, и было бы кстати, чтобы отдаленно тихо звучал – как фон, понимаете? – грустный скрипичный мотив, а? Может, согласитесь?

Папа вскинул редкие белесые брови, пошевелил длинными крупными пальцами.

– Просим, просим, – враз загалдела ватага.

А писклявая женщина вновь вставила:

– Bitte, bitte!

Скудная снедь на столе была съедена, желтоватый солодковый чай выпит.

Папа, не торопясь, достал из футляра скрипку, долго настраивал ее, наканифолил смычок, проиграл для пробы несколько пассажей.

– О-ля-ля! – завизжали девицы и захлопали в ладошки.

Папа, очень стараясь, сыграл старинный немецкий вальс, потом – игривую полечку собственного сочинения, потом – марш, потом – принялся за «Интернационал».

– Не то, – насупился коротыш. – Нам бы нужно что-то печальное, трогательное, задушевное. Для фона. Понимаете?

Папа, подумав, сыграл тягучий похоронный мотив. Мама говорила, что этот мотив исполнял деревенский духовой оркестр в день похорон Ленина.

– О, нет, нет! – замахал ручонками большеголовый коротыш. – До этого пока не дошло.

– Ну, и ладно, – жестко ответил папа и стал укладывать скрипку в футляр.

Возникла тягостная пауза. Лилипуты обескураженно переглянулись, потупили взоры.

– Все. Извините. Обеденный перерыв кончился. Меня пациенты ждут в медпункте.

Папа стремительно вышел. Я понял его так. Во-первых, он, такой рослый, с выправкой офицера Рабоче-Крестьянской Красной Армии (чем, знаю, очень гордился), плохо представил себя со скрипкой среди заезжих лилипутов. Это, действительно, смотрелось бы забавно. Во-вторых, тягучих, слезливых, заунывных, душещипательных мелодий он не жаловал. Ему были больше по душе светлые вальсы и бравурные марши, поднимающие дух угнетенных и рабов. А в-третьих, само представление этих потешных коротышек он воспринял явно настороженно. Возможно, его раздражал и излишне самоуверенный тон спесивого, басовитого старшого.

Демонстративный уход папы, видно, все же озадачил труппу. Лилипуты были растеряны. Все вдруг быстро-быстро залопотали на своем диковинном наречии. Потом мужичок-с-ноготок гневным басом оборвал возбужденный ор.

Я подумал: откуда эти странные люди? На каком языке изъясняются? Каким ветром занесло их в наши края? О чем они думают? Какие заботы их гложут? Кто кому кем приходится? Неужели эта писклявая кокетка – супруга коротыша? А остальные кто? Чувствовалось, что они ущербные люди, что они тоже странники на этой земле, невольные скитальцы, и

жить им, должно быть, очень несладко. У этих маленьких людей большое горе. Попробуй сладить с ним и выстоять в этом суровом неуютном мире. В их натужном смехе, трескучей речи, жестах, печальных взорах мерещилась мне неизбывная скорбь. Но расспрашивать их не решался. Я вообще не знал, как подобает себя с ними вести. Казалось совершенно невозможным вмешиваться в их таинственный мир.

– До представления еще четыре часа, – прогудел старшой. – Будем отдыхать. И ты, Herold, отдохни. Я потом скажу, что и в какой последовательности подыграешь нам. Договорились?

Я кивнул и удалился на родительскую половину. В назначенный час мы всей ватагой потянулись в школу. Впереди озабоченно семенил коротыш с малюсеньким чемоданчиком с нехитрым реквизитом и с папочкой под мышкой. Вид у него был строгий и важный. Чуть позади держалась, шла вперевалочку, его писклявая мадам. За ней все остальные. Завершал шествие я с аккордеоном за спиной, тяжело опираясь на костыли. Тут же пристроились к нам несколько аульных шкетов-шалопаев, похихикивая, кривляясь и подражая развинченной походке лилипутов.

Просторный школьный холл был до самого крыльца битком набит. На представление собрался почти весь аул: школьники, учителя, интернатовцы, малышня, колхозники, старичье. Ну, как же! Ойын ведь. А на зрелище исстари стекаются и стар, и млад. Так уж заведено. Ойын, как и той, для казаха – первое дело. Особенно когда во всей округе ничего не происходит. Попробуй усиди тут дома. За импровизированной сценой находились распахнутые двери трех вместительных классов. Боковой класс отвели артистам. В двух других классах впритык к сцене расположилась вездесущая аульная малышня.

Я с трудом протиснулся к сцене, уселся на стульчик в уголочке, прислонил костыли к стенке, закинул ремни-лямки аккордеона на плечи. Из углового класса вынырнул коротыш, тщательно расчесанный, напомаженный, в трико, весь какой-то плотный, как тугой войлочный мяч, шепнул мне:

– Начнем с «Прощания славянки». Играй торжественно, в маршевом темпе. Понял? Играй до тех пор, пока я не подам знак. Начали!

Я проиграл на басах зачин и бравурно прошелся по клавишам. Зрители затихли. Через несколько тактов на середину сцены выкатился, как колобок, коротыш-конферансье и, напрягая голос, ни дать ни взять Левитан, оглушил школьный холл раскатистым басом.

– На-чи-на-ем… кон-церт… артистов областной филармонии…

Аульчане яростно захлопали. Послышались-посыпались реплики на казахском.

– Вот луженая глотка! Ему бы коров пасти.

– Росточком с самовар, а орет на всю степь!

– Филармония – што такой? Артист, что ли?

– Интересно, он тоже на баб зарится?

– А как ты думаешь? Небось, как клещ вцепится. Не оторвешь!

– Ой, алла-ай… чего только не увидишь?!

Сделав паузу, властным жестом призвав всех к тишине, коротыш еще понизил голос, торжественно продекламировал какой-то патриотический стих и закончил свой спич на важной ноте:

– Да здравствует… наш великий вождь… генералиссимус… товарищ Сталин! Жасасын!

Опять со всех сторон посыпались реплики-комментарии простодушных аульчан.

– Ойпырмай, ты посмотри на него!

– Как бы не лопнул от усердия.

– Еще и по-казахски говорит.

– Кто-то научил, видать.

Зрители ладоней не жалели. Дубасили, будто из кошомных подстилок пыль выбивали. Коротыш эффектно поклонился, раскинул ручки и засеменил в боковой класс.

Оттуда подал мне знак:

– Давай! В темпе!

Я мощно нажал на басы. Что же дальше будет? Под звуки «Прощания славянки» вышла на сцену вся живописная труппа крохотных артистов. Вышли, поклонились, перегруппировались – по двое, по трое, в одиночку, гуськом – и в такт марша зашагали торжественно то вперед, то назад, то в одну сторону, то в другую, то расходясь, то сходясь, да так слаженно, энергично, зрелищно, что аульчане зацокали-защелкали в знак одобрения языками. Так в аулах никто никогда не ходил. Маленькие люди минут пять протопали по сцене мелкими, но пружинистыми шажками, двигаясь так самозабвенно, что зрители пришли в восторг.

– Ну, потеха! Міне қызық!

– Как на параде.

– И сколько они будут так вышагивать?

– Пока твоя башка не закружится.

– А Гера-то наш наяривает, будто камчой их подгоняет.

– Может, и нам пристроиться, а?

– Куда тебе, косолапому?!

– Стоп! – приказал мне коротыш, проходя мимо меня, и я перевел дыхание.

Возникла небольшая пауза. Артисты за это время успели переодеться и принялись показывать пирамиды.

Я медленно, тягуче наигрывал «Дунайские волны». Артисты демонстрировали акробатические трюки. Делали разные стойки, «мосты», поддержки, взбирались друг на дружку, вставали на руки, диковинно сплетались. Мускулистый крепыш-коротыш держал на плечах миниатюрных девиц. Одна даже встала на его массивную голову, балансируя, удерживала равновесие, опираясь одной рукой.

Вскоре акробаты покрылись потом, порозовели лицами, задышали тяжело. Трюков было много. «Дунайские волны» под моими руками слабели, выдыхались. Публика была поражена. Акробатов во всех окрестных аулах не водилось.

– Эй! А этот коротыш – силач.

– Ни дать ни взять как жеребчик в косяке.

– Ты видел, как у него мужское достоинство бугрится под штанами?

– Бигайша небось давно это приметила.

Аульная жалмерка Бигайша зарделась, стрельнула глазищами в охальника:

– Уй, бесстыжий!

– Не слабак, видишь, по части баб, – проронил, погладив усы, бригадир, угодник аульных вдов.

– Да у него только бугрится, как паховая грыжа у Сеитходжи.

– Тьфу, трепло!

Подкатил ко мне весь багровый коротыш, просипел:

– Сыграй что-нибудь громкое, бравурное. Чтобы заглушить мое дыхание. Понял?

В мою голову ничего не приходило. И я мощно заиграл «Мы – кузнецы». Папа в конце холла победно вскинул руку. «Молодец, мол, одобряю».

Мы – кузнецы. И дух наш молод,
Куем мы счастия ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи, стучи, стучи! –

негромко подпевал я себе, чтобы невзначай не сбиться с четкого ритма.

А трюк был действительно сложный. Коротыш напружинил грудь, набычился, подбоченился, расставил ножки, сказал: «Опп!», и двое напарников мигом вскочили ему на плечи, держась за руки и отставив ножку в сторону. Коротыш еще раз прохрипел: «Опп!», и на третью ступень ловко взобрались две девицы. Аульчане замерли. Никто не шелохнулся. И вдруг, сделав сальто, по-обезьяньи вспорхнула самая крохотная изящная лилипутка, оперлась на своих товарок ручонками и задрала ножки ввысь. Крохотная юбочка спала вниз на ее едва заметные грудки, и между белых тугих бедер блеснули розовые, узкие, как лента, трусики. Тут из холла опять посыпались вольные реплики:

– Ойбай, ана қара! Қатын ба, қыз ба? Баба или дева?

– Э, как узнаешь, не пощупав?

– Смотри! Томпайып тұр!

– Ой, ғажап! Подложить бы ее под бригадира Кабидена.

– Что ты! Он же ее раздавит!

– Так как же к ней пристроиться?

– Нешауа! Это лошадь не всякого выдержит, а баба – сдюжит.

Коротыш-старшой дышал, как загнанный мерин. Жилы на висках напряглись так, что, казалось, вот-вот лопнут. Ножки подрагивали. Грудь ходила ходуном. Я из последних сил нажимал на басы.

– Оп! – еле выдохнул коротыш.

И акробаты, как мячик, спрыгнули с него, рассыпались по сторонам, улыбаясь, сгибаясь в поклонах и разводя руками.

Номер этот, видно, восхитил моих аульчан.

– Браво! – задубасил в ладони и мой папа в конце холла.

Разгоряченные артисты шмыгнули в боковой класс. Холл продолжал комментировать зрелище на все лады.

– Славно!

– Молодцы!

– Кто бы подумал? Эй, Кали, ты смог бы так взобраться на Сеита?

– Куда ему? Он с трудом взбирается на свою Айганшу.

– Ха-ха-а-а! Ие-хе-хе! Скажешь тоже.

– А Кабиден-верзила мог бы эту крохотку-кызымку только на ладонь усадить.

– Да он ее, как пылинку, сдует.

– Или проглотит невзначай.

Зрители совсем уж развеселились-расшалились.

Все еще со свистом дыша, коротыш-конферансье объявил:

– Попурри из казахских народных песен. Исполняет Herold.

– Эй! Это еще кто такой? – послышалось из холла.

– Да Гера наш! Сын першыла.

– Ой, айналайн, давай!

Я доковылял до середины сцены, уселся на стульчик, выдержал паузу и заиграл знакомые мне мелодии – «Қамажай», «Балқадиша», «Сырымбет».

Аульчанам это понравилось.

– Пәлі!

– Жаса!

– Маладес, Сары-бала!

Папа хлопал громче всех. А из бокового класса донесся гуд коротыша:

– Какую-нибудь полечку. Озорную.

Я начал зажигательную «Бабочку». Из класса выпорхнули три девицы, схватились за ручки и озорно сплясали, дрыгая голыми ножками, тряся грудками, виляя задами. Музыка их подбодрила, они с удовольствием закружились в вихре, запорхали, будто невесомые яркокрылые существа.

– Ой, айналайындар!

– Это же гурии небесные!

– Ими бы любоваться за чашей кумыса.

– Они мертвого поднимут.

– До греха доведут. Душу щекочат.

Потом две пары, картинно откинув головы, закружились в вальсе – под старинную немецкую песню, которую часто пела мама, аккомпанируя себе на гитаре.

Du, du liegst mir im Herzen,
Du, du liegst mir im Sinn...

Концерт продолжался. Прозвучало несколько инородных песен на незнакомом языке – соло и дуэтом, в два голоса, стихи, басни и шутки на русском языке, в которых, как мне показалось, никто ничего не понял. Не вникал в суть и я – устал, был взбудоражен, ныла нога и кружилась голова.

В заключение концерта вся труппа выдала, судя по всему, свой коронный номер – в три голоса пронзительно и печально затянула надрывную, скорбную песню-балладу. Я смекнул: именно для этой песни понадобился лирический скрипичный фон. Прямо-таки напрашивались печально-заунывные вкрапления, искусные повторы, музыкальные узоры, длинные, быстрые пассажи в паузах мелодии. Ах, хотя бы бемольные тремолы на мандолине. Да и гитарные переборы были бы уместны. Вклиниться со своим аккордеоном в эту душевную песню я не решился. Чувствовал: и это можно было созвучно оформить, но моего умения явно не хватило.

Пели лилипуты самозабвенно, с душой, с дрожью в голосе. У девиц – я видел сбоку – заблестели слезы. Коротыш отдаленно гудел, будто вышивал-выделывал, плел из звуков орнаменты.

Из-за трехголосья я слов не разобрал. Пели лилипуты о чем-то очень близком, сокровенном, о безвозвратно-печальном, о потере любви, счастья, об одиночестве, о неком безмерном горе. Я так почувствовал. Это была песня-судьба, песня-боль, песня – неизбывная тоска. Запомнился мне только рефрен песни:

– В путь журавлей провожаю-ю-ю…

И как выдох, отчаяние, вопль души:

– Один я…

Это «один я…» всколыхнуло и мою душу, потрясло меня, довело до спазмов сердца. Я уронил голову на аккордеон и с трудом сдерживал слезы. Жалость пронзила все мое существо. Мне стало жалко моих родителей, очутившихся на чужбине, оторванных от всего родного, вынужденных тихо и покорно пережидать черную полосу жизни в надежде, что когда-нибудь – особенно теперь после войны – им разрешат вернуться на родину, на Волгу. Жалко стало себя, лишенного детства, больного, обреченного передвигаться на костылях. Жалко всех обездоленных и бесправных, высланных по чьей-то злой воле в захудалые казахские аулы неизвестно за какие прегрешения. Жалко аульчан, которых долгая война и неурожайные послевоенные годы превратили в

бишаринские тени, лишенные всякой радости и удовольствий. Жалко этих крохотных людей – лилипутов, прибывших к нам неведомо из каких краев и подобным образом добывающих хлеб насущный. Улетает, улетает вольный косяк журавлей, покидает родину, ищет свое счастье, свою долю, и провожают его обреченные на вечное одиночество:

– В путь журавлей провожа-а-ю-ю… один я.

Пронзительно-печальная песня и скорбное, как молитва, искусное, душевное пение тронули, видно, и моих аульчан. Все затихли. Завздыхали. Некоторые смахивали слезы.

– Апырай, душу переворошили.

– Все наши беды-горести напомнили.

– Это неутешный зар, вопль души. Плач.

– Ай, бедные, бедные… Ай, бишара!

…Из школы мы вернулись взволнованные, понурые. Ни о чем говорить не хотелось. И артисты, должно быть, вымотались. Молча поели то, что мама собрала на стол: картофельное пюре, простоквашу, ржаной хлеб – и улеглись спать.

«Как же гости расположатся на ночлег в тесной комнатушке?» – подумал я. Три девицы с неимоверной ловкостью залезли на русскую печь, постелив под себя рогожку и укрывшись старым, еще с Волги, облезлым пледом. Двое бесцеремонно взобрались на мой лежак и устроились валетом. А коротыш-старшой улегся на обшарпанном сундуке, завернувшись в полушубок папы.

Мама улыбнулась и сказала мне:

– Тебе я постелила на топчане в медпункте.

Ночь я провел беспокойно. Поскрипывал подо мной шаткий и жесткий амбулаторный топчан, пахло лекарствами, рукомойник в углу время от времени ронял увесистые капли в ведро, за окном тяжело вздыхали коровы, перхали овцы, брехали пустолайки, некстати дурниной заорал неокрепший петушок. А перед глазами мельтешили сказочные гномики, строили рожи, бегали вперегонки, кувыркались. В ушах, как наваждение, звучала скорбная, заунывная песня: в путь журавлей провожаю один я.

Ближе к рассвету я все же провалился в сон. И вскоре скрипнула дверь и послышался голос папы:

– Подъем, mein Sohn!

Я с трудом встал. Нестерпимо ныла больная нога. Я ополоснул лицо под рукомойником и, постукивая костылями, отправился на кухню. Артисты чинно сидели за столом и завтракали чем бог послал: попеременно макали ржаной хлеб в сметану в миске и запивали ячменным кофе.

– О, Herold, как спалось?

– Ты вчера нас здорово выручил.

– Молодец! Очень кстати пришлось.

– Данке, фрау Анна.

– А куда с утра делся Карл Фридрихович?

Вскоре подъехал скрипучий тарантас аульного бастыка с заморенным, полуслепым аулсоветским мерином в упряжке. Артистов надо было доставить в соседние аулы.

– В путь! В путь! – пробасил коротыш. – Будь здоров, Herold!

Он наморщил лоб, сдвинул брови, достал из внутреннего кармашка жилета пухленький бумажник, порылся-покопался в нем короткими пальчиками с твердыми, тщательно отполированными ноготками, извлек среди бумажек красную тридцатку и торжественно протянул мне.

– За твои старания. Спасибо!

От неожиданности я отшатнулся было, но коротыш ловко засунул красную купюру в карман моих брюк.

Гости шустро взобрались на тарантас, и конюх Сальтай дернул вожжами.

Мы с мамой долго смотрели им вслед. В ушах звенело:

– В путь журавлей провожаю… один я.

У меня опять сердце сжалось и подкатило к горлу. Красную тридцатку я передал маме.

– Хорошо, – сказала она. – А то никак не могу рассчитаться с налогом. По яйцам, по маслу сдала. А по шерсти сдам теперь, купив у соседей.

В те годы государственные налоги ложились на всех аульчан тяжким бременем. Лишь сдав налог, можно было малость вздохнуть. А о возвращении на родину комендант и не заикался.

30 июня – 5 июля 2012 года

ЛУКУЛЛОВ ПИР

(из цикла «О, казахи мои!»)

...Давно это было.

Вспоминаю, вспоминаю этот случай с радостью, как светлый сон на заре. Так поступает только казах, истинный казах, щедродушный степняк.

Ныне и такие встречаются все реже и реже. Реальность вносит свои коррективы.

За давностью лет я имени его уже не помню.

А его самого помню, приземистого, плотного, с тюбетейкой на бритой голове, в рубахе со стоячим воротником, в ладной безрукавке с рядом перламутровых пуговиц, с шелковым подкладом, с кармашками на груди и по бокам. Смуглолицый, с редкой бороденкой, открытый, приветливый и красноречивый. Ладно, красно плел словеса на казахский манер.

И байбише его помню, в белом кимешеке, плюшевом камзоле, длинном до пят цветастом платье с оборками. Туготелая, широколицая, гладкая, с подчеркнутым достоинством. Чувствовалось: хозяйка что надо и цену себе знает. Она умело хлопотала у пузатого самовара, раскатывала тесто на эластичной, выбеленной от мездры козьей шкурке. Прислушивалась ко всему, что происходило вокруг, но в разговор мужа и его юных гостей не вмешивалась.

А вокруг по двору сновал табунок чумазых, чернявых, голопузых ребятишек мал-мала меньше, и резвились с щенятами, с ягнятами. Спросишь у казаха: «Сколько у тебя детей?» – ответит уклончиво: «Е-е, бегают тут четверо-пятеро».

А произошло все вот как.

Нагрянули мы с моим однокашником по институту Казбеком в какой-то аул неподалеку от тогдашнего районного центра Байкадам. Казбек был родом из Актюбинска, я же – уроженец Энгельса на Волге, а вырос в ауле в Северном Казахстане.

Ментальность северных, аркинских, казахов мне знакома с детства. А перед южанами я тогда робел. Они отличались и манерами, и повадками, и нравами, и даже речью.

Мы с Казбеком только что обзавелись дипломами и по распределению Министерства просвещения прибыли в отдаленный район Джамбулской области учить местную поросль русскому языку и литературе.

Мы еще толком не устроились и были по-студенчески постоянно голодны.

«В том ауле, – поведал мне Казбек, – живет один сородич. Я его сроду не видел. Но мать пишет: непременно проведай его, передай салем».

Поехали, благо недалеко. Десять-двенадцать километров по-казахски – рукой подать.

Хозяин располагался в саманном доме-коржуне с большим двором и огородом-бахчей за дувалом.

Казбек представился, назвал предков до седьмого колена, передал почтительный салем и указал на меня:

– Гера. Немыс. По-казахски кого угодно за пояс заткнет. Мугаллим.

Хозяин принял радушно, сказал: «Бәрекелді! Проходите!»

Мы скинули у входа обувь, прошли на торь прохладной и затемненной комнаты, подмяли под бок подушки, поблагодарили хозяина-отағасы.

Беседа с некоторым скрипом налаживалась. Хозяин пристально вглядывался в нас, как бы примеривался, в какой тональности вести разговор.

Казбек быстро иссяк. Красноречием он никогда не отличался. От волнения его толстый, ноздреватый нос обильно вспотел. Хозяин переключил свое внимание на меня.

– Какого рода-племени будешь?

– Атығай, – ответил я без запинки.

– Может, Керей, раз зовут тебя Гера?

– Нет, Атығай.

– Не дейды?! Какой Атығай?

– Есть на севере такой род – Атығай-Қарауыл.

– Интересно! Впервые встречаю немца-атығайца. А мы – тама́.

Мне это ни о чем не говорило. В казахских родословных-шежире я, можно сказать, совсем не разбираюсь. Моя немецкая голова разуметь этого не в состоянии.

Угостили кумысом с душком прокопченного кожаного бурдюка. Большую расписную чашу с пузырящимся прохладным напитком мы осушили в три приема и почувствовали, как бодрящая влага точно прокатилась-просочилась по всему телу. Потом долго пили чай с каймаком, с рафинадом, баурсаками, иримчиком, изюмом-курагой, конфетами-мөмпяси, тандырными лепешками.

Обильный дастархан поднял дух. У Казбека вспотел не только нос, но и скулы, шея, затылок, уши. Глаза замаслились, ушли в щелки. Байбише кинула ему на колени полотенце. Я почувствовал, что и у меня горит лицо, запунцовели щеки и дыхание участилось.

Хозяин сыпал поговорками, шутками, цитировал стихи, строки казахских жырау. Он явно был искусный говорун. За словом в карман не лез. И я напрягся, старясь не ударить в грязь лицом.

– А этот Құрышев в самом деле силен? Или просто трепло?

Я догадался о каком Құрышеве речь, ответил уклончиво:

– Должно быть силен, коли страной руководит.

– Ай, не знаю! До Ыстыкена какое ему дело? На хвост, что ли, ему наступил?

Я промолчал: говорить о Хрущеве и Сталине я был не уполномочен. Да, признаться, и устал от них.

Байбише, временами по-бабьи цокая-пощелкивая язычком, подбадривая мою казахскую речь, когда я вставлял-вкрапливал редкие модные словечки, только успевала разливать чай. Так щедро меня еще никто не угощал – ни казахи, ни немцы, не говоря уже об урусах.

Наелись до отвалу. Я посмотрел на Казбека. Пора, пожалуй, и честь знать.

– Брось, Геражан, на часы не смотри, – предупредил хозяин, привычно пощипывая куцую бороденку. – Скоро мясо сварится, баранью голову преподнесу.

Вот-те раз! Зачем я налегал на баурсаки с каймаком и столько чаю выхлебал? Неужели хозяин в нашу честь ярку порешил?

Действительно, вскоре занесли большой поднос-табак с горкой дымящегося мяса с матово отливавшими сочнями по краям, с лучком, с крутым бульоном. Мне на плоскую тарелку положили опаленную баранью голову с большим острым ножом. Я смутился: такой почести я за свою жизнь удостаивался впервые. И как я справлюсь с ритуальными обязанностями почетного гостя? Но тут меня осенило: вспомнил древнее казахской поверье.

– Аға-еке! Я польщен и благодарен. Но у меня, слава Аллаху, живздоров отец. И баранья голова по традиции предков мне вроде не полагается.

– Вот как! Жөн, жөн, Геражан. Пусть тогда голову разделывает айналайын Казбек. У него-то отец давно погиб.

Казбек полотенцем осушил потный нос, принялся орудовать ножом, будто всю жизнь только этим и занимался, отрезал от бараньей головы хрящеватые уши у самого основания, губы, язык, раздал кому что положено, обработал щеки, затылочную кость, вырезал глаза, управился ладно-складно, как повар с картошкой.

Хозяин остался доволен. То и дело приговаривал:

– Э, бәрекелді! Джигит!

Ели бесбармак руками, ловко загребая пальцами куски мяса с сочнями; тонко нарезанный курдюк проглатывали не жуя. Хозяин всячески подбадривал нас, явно довольный нашим аппетитом.

Ели долго, не торопясь, с трудом подавляя отрыжку. Такой вкуснятины за студенческие годы отведать не приходилось.

Между тем через открытую дверь было заметно, что солнце подкралось к горизонту. Я покосился на часы.

– Ай, Гера, – опять перехватил мой взгляд хозяин. – Куда торопишься? Спешка – шайтаново дело. Сейчас нам поднесут сорпу с куртом. Потом малость проветримся, походим по двору. А там почаевничаем, хозяйкиной выпечкой побалуемся. Чак-чак отведаем. Как же иначе?

Я всерьез встревожился. Последний раздрызганный автобус-коробочка в Байкадам пройдет здесь часов в семь вечера. Успеем ли?

– Не дергайся, Геражан, – ухмыльнулся хозяин. – Всему свое время. Вы – редкие гости. Заночуете.

Я заметил, что мой кореш Казбек уже настроился на такой вариант.

Чай пили с топлеными сливками, с мятой. На большой тарелке золотился чак-чак с кунжутом, густо облитый янтарным медом.

– Ай, аға-еке, такой пир закатили! У немцев это целая свадьба! Лукуллов пир!

– Скажешь тоже, Геражан! Какой пир? Какая еще свадьба? Обычное казахское угощенье.

Бату-благословение по ритуалу произнес сам хозяин. Пробормотал несколько молитвенных арабских слов, потом перешел на казахский:

– Да будет усеян ваш путь цветами! Да сопутствует вам всюду удача! Да улыбнется счастье на вашем поприще! Да украсит вашу жизнь спутница-келин! Да возрадуют вас потомки! Да будет открытым ваше небо и высоким ваш шанырак! Да будет незыблем ваш остов! Да не покинет вас благословенный дух предков!

После каждого благожелания хозяин делал паузу, и байбише одобрительно восклицала:

– Әумин!

Потом и Казбек подтверждал:

– Әумин!

И я солидно заключал:

– Әумин! Да будет так!

Свернули и убрали дастархан. И от обилия трапезы нас с Казбеком стало клонить ко сну. Мы казались себе обжорливым удавом, только что заглотившим кролика.

– Теперь вот что, джигиты, – сказал хозяин. – Пройдемся немного перед сном, заглянем на бахчу. Каждый должен выбрать дыньку или арбуз.

– Астафиралла! – вырвалось у меня. – Помилуйте, аға-еке! Лопнем!

– Не лопнете. В желудке для каждой божьей пищи уготовано свое местечко.

На юге – я заметил – темнеет быстро, и звезды зажигаются рано. Они стоят ниже, чем на севере, и кажутся крупнее. Пахло сеном, кизяком, дымом. Из бахчи веяло свежестью. За аулом надрывались лягушки. Где-то нехотя брехали дворняги.

Хозяин через калитку провел нас на бахчу.

– Погуляйте. Выберите по вкусу парочку-другую.

Мы с Казбеком облюбовали две кругленькие дыньки, а хозяин присмотрел себе длинную, гладкую, полосатую покрупнее.

Уже при свете керосиновой лампы мы опять уселись за кругленький, низенький столик и вскрыли-взрезали пахучие дыни. Сладкий тягучий сок тек по губам, по подбородку. Казбек все чаще вытирал свой распухший нос и незаметно распустил поясной ремень. Господи, сколько же влезает в человеческий желудок!

Хозяин продемонстрировал нам, как положено есть дыню. Длинные полоски он подрезал до корки на ровные дольки и всасывал мякоть

одним махом от края до края. До чего же ловко у него это получалось! Глазки его сузились в щелки, уши подрагивали, по колючей редкой бороденке струился медовый сок.

– О каком пире, Геражан, ты говорил давеча?

– Лукуллов пир.

– А этот Лукулл – казах?

– Нет, римлянин. Консул. Богач и хлебосол. Еще до новой эры жил. До рождения пророка Исы.

– Ай, наверное, все же был казах. Сколько у него было овец, не знаешь?

– Не знаю…

– Должно быть, все же казах был. Табунами наверняка владел.

Постелили нам в правой боковушке на кошме и корпеше. Хозяева с детишками-карапузами перебрались в левую.

– Будем спать, не шелохнувшись. Как удав. Или крокодил, – сказал, мучительно рыгая, Казбек. – Наше дело спать, а желудок пусть варит.

– Да, – вспомнил я казахскую поговорку, – атыңды сат, қатыныңды сат, жатарыңда тойып жат. Коня продай, жену продай, а ложись, брюхо набив.

Проснулись поздно. У изголовья стояли две чаши с кумысом. Мы осушили их залпом, потом прошвырнулись по аулу и снова уселись чаевничать.

– Бәрекелді, джигиты! Обрадовали, – заметил хозяин.

Байбише вручила Казбеку вместительную холщовую сумку с разной снедью.

– Гостинцы на дорогу…

Хозяин крепко обнял нас на прощанье.

– Аман болыңыздар, джигиты. При случае заезжайте еще. Айналайын Казбек, маме передай сәлем. А ты, немыс-атығай, не унывай.

На подвернувшейся подводе мы, удоволенные, добрались до райцентра. Почудилось, что нам повезет на новом месте…

Много лет спустя я поведал об этом случае знакомым немцам из Германии. Расчетливые и экономные, даже прижимистые, они, кажется, не поверили.

А я ничего не выдумал, описал, как было.

2013 год

МЫ БРЕДЕМ ПО КРАЮ ОБРЫВА

...Боль. Боль. Боль...

Она подкралась незаметно, исподтишка, стянулась, сжалась в комок – тупая, ноющая, неослабная. Вцепилась намертво. Медленно, но неуклонно разрастаясь, разливалась по всей груди, подбиралась, подкатывалась к горлу, перехватывала дыхание, простирала свои жадные щупальца к плечу, к животу.

Никакие нитраты не в силах ее обуздать, купировать.

«Четвертый», – мелькнуло холодком.

Вот напасть! С какой стати? Ведь еще от третьего не успел за зиму оклематься.

Скорая?

Что случилось? Адрес? Телефон? Подъезд?

Ждите!

Он всей пятерней сгреб тугую боль, стиснул ее ладонью и рухнул на диван, скорчился, с усилием задавливая стон.

«Скорая» подкатила довольно быстро, а почудилось – вечность.

Та-ак... Давление. Кардиограмма. Укол. Еще укол. В вену. В мышцы. В живот. Изокет. Аспирин. Кардикет. Конкор. Еще. Еще. Не легче? Не отпускает? Давление не снижается. Аритмия.

Забираем.

В реанимацию.

Через полчаса, после очередной кардиограммы, растелешенный, он очутился в просторном реанимационном зале в окружении врачей и сестер.

– Что зачастили? Понравилось у нас? – пошутил кто-то.

– М-мм...

...Боль. Боль. Боль...

Она неукротима, как взбесившийся зверь.

Нет с ней сладу.

Хмурая, чем-то возбужденная, взбудораженная сестра склонилась над ним, ширнула иглой в запястье, досадливо передернулась.

– Фу, блин!

– Что? Вена плохая?

– Лопнула!

Пощупала чуть ниже, резко, с нажимом протерла смоченной спиртом ваткой, примерилась, ширнула еще разок, поморщилась.

– Фу, блин!

– Неудача?

– Опять лопнула! Дайте другую руку.

Сестра явно не в духе. Видно, конец рабочего дня. Домой пора. А тут возись с ним!

Ширк-пырк. Трах-бабах. Кое-как внедрила в вену катетер, обклеила тяп-ляп, укрепила пластырем крест-накрест.

– Не «блин» надо было говорить, а «бисмилля».

– Что-о? – Сестра ошпарила его черным взглядом. – Что еще за «бисмилля»? Казах, что ли?!

– Не совсем, но близок.

Один доктор. Второй доктор. Третий.

Капельница. КМА. Изокет. Таблетки. Уколы.

– Сейчас полегчает.

«Сейчас» наступило часа через два. Боль начала нехотя отступать. Дыхание налаживалось. Еще через час боль смирилась, улеглась, утишилась. Точно змея уползла в нору. И под мерное кап-кап-кап он провалился в спасительную дрему.

Ночью он малость оклемался, прислушался. Оказался в знакомом реанимационном зале, в котором он уже однажды бывал. За ширмой тихо постанывала женщина, временами взывая к Аллаху. За ней стояла еще ширма, кряхтит мужик, без конца требуя к себе внимания. Далее расположилась еще некая пожилая дама, хриплым, прокуренным голосом монотонно напоминающая, что ее пора перевести в свою палату в отделение. Далее – ближе к краю зала – разместились еще двое бедолаг, к которым хлопотуньи-сестры спешили гурьбой по первому зову…

Боль тупо отзывалась в сознании.

Бог весть, чем меня напичкали, накачали, одурманили. Загрузили онемевшую плоть всласть, под завязку. Восприятия затормозились, мозги затуманились, все вокруг покрылось, затянулось пеленой, все зыблется в нелепой мешанине реального и ирреального. Стараюсь стряхнуть этот тяжелый оморок – не получается. Будто на мгновенье вырываюсь из топкого омута, в который снова окунаюсь с головой.

Мерещатся вороха рукописей, давних, уже пожелтевших, закручивающихся по краям и еще недавно начатых, исписанных то внятным крупным почерком, то мелкой-мелкой неразборчивой вязью; и я их разглядываю через лупу, и эта таинственная вязь уводит меня, затягивает в сутемную пучину. И я с усилием вновь выплываю, стряхиваю блажь и оказываюсь замурованным грудами неподъемных фолиантов; потом вдруг попадаю в старый отчий дом на берегу Есиля, сталкиваюсь то с отцом, то с матерью, то с сестрами, переселившимися ныне на ташкентский погост. То вдруг вижу себя в киргизском аиле, и Чингиз Турекулович показывает мне какую-то свою рукопись на киргизском языке. И я ее читаю вслух и все понимаю. Потом, неведомо каким образом, я сижу в своем колченогом, продавленном кресле за своим старым письменным столом, в крохотном кабинетике и выписываю на бумажке предстоящие неотложные дела: составление книжки для детей, книга воспоминаний, рецензии и отзывы на несколько книг, продолжение «Плетенья чепухи», предисловие к «Четвертому Риму» Мориса Симашко, материалы для «Литературной Алма-Аты», для «Простора», «Парасата», «Керуена», тщетно вспоминаю, кому что обещал, и мне все тревожней на душе, ибо с отчаянием вспоминаю, что не успеваю, не успеваю, не успеваю, если проваландаюсь в реанимации.

Тяжко мне, тяжко.

Особенно от сознания, что от моей воли и характера ничего уже, кажется, не зависит.

Я все же перебарываю себя и с трудом выбиваюсь из толщи воды – и улавливаю больничные звуки, скрипы, лязги, шорохи, стоны, перекличку разных аппаратов, щелчки, шлепки, посвисты, стук и бряк, приглушенный шепот, суету и беготню сестер и санитарок.

– Гюльнара, ты где?

– Сымбат, срочно в третью палату!

– Багдагуль, давление какое? А сахар?

– Ида! Жанна! Татьяна! Булбул! Айнур! Ельнур!

– Эй! Ай! Уй! Ух! Бух!

Суматоха как на току-хирмане в страдную пору.

Я вновь впадаю в тяжкую дрему-туман. Опять караваном проплывает жуткая мешанина из диковинных картин, химеры наслаиваются, исчезают, испаряются, сменяются, как в калейдоскопе, и я оказываюсь в разных слоях времени и пространства, и никак не различу границы сна и яви.

Все смешалось, перемешалось, сплелось.

Все плывет, зыблется, вспыхивает и потухает, гаснет, истаивает, клубится.

Вслед за Морисом выплывают из мрака знакомые лица моих коллег, приятелей, друзей, их много-много, они давно уплыли во всесокрушающем потоке, обитают в иных пределах, далеко за горизонтом, за горами, за долинами, за облаками, в царстве звезд, и их больше, больше, больше тех, кто еще до поры до времени гостит на этой не очень милосердной земле.

И вот из забвения предстал перед моим воспаленным взором диковинный мангышлакский каньон, заросший по краям колючками, кустарниками, кривыми, чахлыми деревцами, с жуткими каменистыми выступами, похожими на фантастических чудовищ, изъеденными ветрами, дождями, солнцем, с испещренными звериными и людскими тропами, с песчаным, валунистым ложем, с крутым обрывом, по отполированной стенке которого льется-плещется-булькает-грохочет-искрится вода, непрекращающийся веками водопад, прозрачный и знобяще-холодный даже в нестерпимый мангышлакский зной.

О, да... Это было, было, было... Помню, славный сын того края Абиш, возглавивший наш поход в этот каньон, уверенно спускался по крутой, узкой тропе, и мы – писатели, ученые, журналисты, участники культурно-просветительской программы, – цепляясь друг за дружку, упорно спускались по обрыву в каньон, доносивший прохладу из утробы Земли.

И я вижу, узнаю всех своих друзей – Зейнуллу Сериккалиева, Зейнуллу Кабдолова, Балгабека Кыдырбекулы, Кадыра Мырзалиева, слышу их голоса, шутки, остроты, рифмованные экспромты. Все они за последние годы покинули нас, опечалили, осиротили наши души, а вот теперь, когда меня милые эскулапы старательно реанимируют, ушел и выдающийся композитор, деятель-азамат, яркая, колоритная личность Еркегали Рахмадиев, который также был среди тех паломников мангышлакских достопримечательностей.

...Да-а... Все мы бредем по краю обрыва, а нас, современников-замандасов, остается все меньше, меньше.

Что ж... ропщи – не ропщи, такова доля всех, кто однажды посетил земную юдоль.

И что? Можно обо всем этом не думать? Если Творец озарил, одарил тебя сознанием и зрячей душой?

Нет, не думать не могу, хотя и бодрюсь из последних сил.

Доносится сквозь пелену голос любезной Шынар, дочери моего давнего знакомца-коллеги Сарбаса.

– Не храбритесь, не бодритесь, не активничайте: у вас все-таки инфаркт.

«Четвертый», – подсказывает в уголке сознания злорадный Азазель, а Шынар, свидетельница и диагнозистка всех моих сердечных дел, добавляет:

– И ни о чем не думайте.

– Как это?

– А так. Что случилось, то случилось. Относитесь философски.

Легко сказать! Кем же надо быть, чтобы ни о чем не думать? Разве что толстокожим носорогом?

Группа белохалатников обступила мое ложе, что-то советуют, каждый на свой лад подбадривает.

Опытный кадр, поджарый, стройный Ахá, курировавший знатных персон, изрекает:

– Главное – не унывайте. Если седок не уверен, и конь под ним не скачет.

«Мудрая сентенция, – отмечаю про себя, – можно будет использовать в какой-нибудь статье».

Вижу: дамы в белых халатах ухмыляются. И седок, и конь, видно, померещились им совсем в ином смысле.

Я посетовал на то, что на восстановление уйдет много бесценного времени.

– А у меня уже своего времени не осталось…

Еще один белый халат тотчас отзывается:

– Всегда надо чем-то жертвовать, чтобы чего-то достичь. После четвертого инфаркта вам надо себя сильно поберечь. Вы, слава богу, и так немало сделали. Рейтинг у вас высокий.

Слышу давнее признание Абдижамила: «Ой, как я сильно хворал! Думал: откину копыта. Подумаешь: всем положено уходить. Да надо бы что-то совершить».

Увы, редко кому это суждено. Разве что олимпийцу Иоганну Вольфгангу Гёте…

– Я вас не агитирую, не уговариваю, не навязываю ничего, – заговорил у моего изголовья моложавый джигит в ослепительно белом, тщательно отглаженном халате. Человек опрятный, располагающий, с твердым, умным взглядом.

Догадался: один из ведущих хирургов, о котором врачи прожужжали все мои уши: «Золотые руки. Кудесник».

– Вы должны знать: каждый инфаркт – это отмирание миокарды. А клетки, к сожалению, не восстанавливаются. Четвертый инфаркт – это очень серьезно. Дальше будет еще хуже. Какой-то может быть роковой. Опять-таки возрастной фактор. Риск большой. Поймите, без аорто-коронарного шунтирования не обойтись. Вам нужно не только шунты ставить, но и клапаны заменить. У вас, если откровенно, работает только половина сердца.

Вспомнил: мой друг Абиш признался в беседе с Кулбеком, что у него ныне функционирует лишь половина мозгов. У меня же, выходит, лишь половина сердца.

Невесело. Тащимся, бредем, получается, по краю мангышлакского каньона.

– Спасибо, Серик, за откровенный разговор. Я вам верю. Дело в том, что я мысық табандап приближаюсь к восьмидесятилетию. И мне надо бы издать еще пять-шесть книг. Может, дотяну? Потом, мои друзья, Шота и Аманжол, прошли в моем возрасте операцию АКШ, но они так же не вылезают из больницы и санатория. Так какой смысл?

– Смысл в продлении качества жизни. Вы говорите о восьмидесятилетии, а после шунтирования проживете еще лет пять-десять.

– А зачем, милый доктор? Ну, издам все рукописи, перестану марать бумагу, совсем одряхлею, буду не жить, а прозябать, после всех мук и рисков. Ради чего?

Серик немного смешался.

– Ради жизни.

– После восьмидесяти лет?! Когда ты превращен в развалину?!

– Жить интересно и после девяноста.

– Не уверен…

За операцию агитируют меня все, в один голос, как сговорились, и в искренности моих эскулапов-азаматов я ничуть не сомневаюсь. Все они желают мне добра и благополучия.

И во время утреннего обхода, немного церемонного и пышного, с сохранением неведомой мне субординации, глава консилиума, весьма серьезная дама, строго изрекла, как окончательный вердикт:

– Готовьтесь!..

– К чему?

Совет прозвучал несколько двусмысленно, и строгая дама поспешно поправилась:

– К операции!

Совет, наверное, разумный. Но у меня нет ни уверенности, ни убежденности. Я ведь человек интуиции, доверяю некоему внутреннему зову.

– Видите ли, почтенные. Я вообще-то атеист. Но не воинствующий. И с некоторых пор прислушиваюсь к Голосу, который диктует свою волю. И безропотно ему подчиняюсь. Я верю в Абсолют, в высший Разум, в некую Силу. А Голоса свыше нет. Знака нет. Понимаете? И я жду.

Члены консилиума переглянулись, сдержанно усмехнулись. Видно, от меня такого признания не ожидали.

– А потом, я вырос в казахском ауле, в казахской среде. И казахи мудро утверждают: сколько предначертано тебе лет, столько и проживешь. Мне это по душе.

– Да-а… Но на бога надейся, а сам не плошай.

– Бог-то бог, да сам будь неплох.

– А медицина тогда зачем?

– Ладно. Будем ждать голос.

– Что должно быть, того не миновать.

– Что должно быть, то и будет. А что будет – то уже было.

На четвертые сутки перевели из реанимации в палату. И все здесь знакомо. Бывал не раз. И лечащий врач – давняя знакомая, милая Сауле, заботливо подбирающая арсенал лечения. Е-е… ничего нового нет под луной.

Новое – только соседи по палате. Человеки всегда интересны и неповторимы. Мне большей частью везет. Повезло и на этот раз.

…Серику Б. 75 лет. Физически крепкий, закаленный в жизненных бурях, мобильный казах. Прошел, как говорится, Крым и Рым. Обладатель многих профессий. Авиатор. Летал. Лет семь представительствовал

в Китае. Учился в Москве в престижном вузе. Работал в ЦК Казахстана. Объездил Европу, Америку, Северную Африку, Юго-Восточную Азию. Очень современный, деятельный. Спортсмен. Огромные связи. Контактный. Открытый. Здравомыслящий. Все понимающий и все умеющий. Всем интересующийся. Жена – кандидат наук. Двое взрослых одаренных детей. Оба бизнесмены. Один внук учится в США, в Швейцарии. И еще двое-трое подрастают, тоже проявляют способности.

Я им любуюсь: колоритный казах. Видный. Крепких корней. Матушке 99 лет, а еще мобильна.

Правда, сердце у Серика немного шалит, хотя аорто-коронарное шунтирование провел в Германии. Обнаружилась легкая одышка. Читает. Забавляется компьютером. Большинство власть имущих – его знакомцы.

Мы сразу же нашли общий язык. И мне было приятно с ним общаться. Единственный недостаток, который я в нем обнаружил, – несколько скованная казахская речь. Он всю жизнь больше вращается в русской среде. И ему легче общаться по-русски. Рассуждает он, конечно, иначе, чем доморощенные нацпаты. Его угнетает наша экономическая отсталость, разруха в системе подготовки кадров, образования, медицины, культуры труда и управления, бессистемность, хвастовство, политический треп, неуемная болтовня, отсутствие научно выведенных критериев, неясность цели, зыбкость перспективы, духовный и нравственный разброд и шатание.

Тотальное рвачество погубит наше общество.

Сколько можно продержаться на советских ценностях?

За годы независимости потерь значительно больше, чем обретений.

Истинную перестройку Серик увидел только в Китае. Ему и принадлежит XXI век.

То, что происходит у нас сейчас во всех сферах, обернется большой бедой, карой, расплатой. Бессистемность, нечеткость управления процессом – наша погибель. И несложно провидеть наше будущее.

Коррупция – наша национальная трагедия. Борьба с нею – фарс, химера, обман. Отсутствует мотивация честного, созидательного труда.

Простая истина: карман к гробу не пришьешь – нам недоступна.

Ход мыслей бывалого и трезвого Серика Б. мне симпатичен и созвучен.

И мне было жаль с ним расставаться…

Я обитаю среди казахов с 1941 года, знаю этот народ прилично, прирос к нему сердцем, душой, языком, и все же, видно, знаю недостаточно. Образовались новые пласты, сложилось незнакомое племя, которое еще нужно понять, осмыслить, ощутить во всех параметрах.

Все на свете кардинально меняется. В том числе и вековые традиции, нравы, ценности, ориентиры.

Что прошло – прошло. Настраиваться надо на грядущее. Иначе будешь обречен плестись в хвосте кочевья…

Свято место пусто не бывает. Не успел удалиться Серик, на его место в палате первой кардиологии заступил Амантай М.

Но сначала сестра занесла его пузатый, щегольской портфель, а через некоторое время объявился и сам клиент: невысокого роста, в очках, со строгим выражением лица, с достоинством и уверенностью во всем облике.

«Преподаватель вуза», – решил я.

Оказалось, финансист. Кандидат экономических наук. Был замом какого-то министра. Лет на десять моложе меня, а по части болезней и разных испытаний куда опытней. «Недипломированный профессор-кардиолог», – пошутил он. Два инфаркта «отхватил» раньше меня, шунтирование сделали в Турции, за последние годы поставили пять стентов. И опять обнаружились нелады. Опять предстоит коронография. Родом из Кокпекты. Служил в армии. Белый свет изрядно познал, пока «двигал» легкую промышленность в республике. Лицом больше похож на корейца, бурята или монгола.

Все происходящее воспринимает с казахской колокольни. Увлеченно – от корочки до корочки – читает «Дат», «Adam», «Трибуну», регулярно смотрит новостные программа. Но обожает и детективные фильмы. Обо всем имеет свое суждение. Едко отзывается о бестолковостях в стране. Учился по-русски, но в ладу с казахским речестроем.

Пространство наше ограничено палатой. Тары-бары-растабары обо всем на свете. Говорим о чем угодно, а неизменно сворачиваем на тематику текущего момента.

– Похоже, крысы удирают с корабля. Похоже, все учуяли неизбежные перемены. Все разворовали, растащили и теперь делают длинные ноги, кто во что горазд. А грызутся пауки в банке – жутко читать. Где честь, где достоинство, где совесть?! Все обменяли на акшу, акшу, акшу. И так наловчились – хватают-хапают средь белого дня, никого не боясь, никого не стыдясь, раз-два – и в дамки. Ищи ветра в поле. За

кордоном целые казахские колонии образовались. Народ свой ободрали в липку, а дурачат как последнее быдло. Тьфу! Такая страна, такое богатство – и за двадцать лет все коту под хвост.

– Боюсь, – поддерживаю я, – все обернется большой заварухой. Предстоит грандиозный былықбай. Элита действительно сбилась с панталыку. Меня одно поражает: славные национальные азаматы, сплошные ығаи и сығаи, сливки нации в большинстве своем имеют аульные корни. Их сызмальства учили казахским ценностям, настраивали на здравые народные нравственные ориентиры. И с чего это вдруг они так грабят-насилуют страну, обворовывают свой же народ?! Они же, как волки, терзают свою добычу – Казахстан! Как такое может быть? Чем и как это объяснить? Вот я, к примеру, иноземец, чужого рода-племени, пришелец, спецпереселенец, но во мне сидят Есиль-река, аул, березовые колки, старицы-бочаги, овраги, тропинки, степи, люди Казахстана. Я не мог бы все это предать, продать ни за какие коржуны золота, не мог бы жить ни в России, ни в Германии, ни в каком-нибудь Лондоне, Абу-Даби, Анкаре. А иной казах, нахватав миллиончик-другой, запросто сигает за кордон. Поминай как звали. И о независимости или о патриотизме, об ата-мекене и не помышляет. Что это за феномен? Где остались национальная литература, искусства, менталитет, идеалы, песни, батырские сказы, наконец?!

– Намыс жоқ! – резко выпаливает мой собеседник-сопалатник. – Честь потеряли! Совесть, разум утратили… Вот я живу на Дзержинского. На каждом углу тусуются мои қандасы-соплеменники из аулов. В китайском тряпье, в вонючей китайской обуви, шумные, крикливые, с дешевыми мобильниками. Готовые на любую работу. Зайдешь в магазин – они же грузчики, неси-подай, тяни-толкай. На базаре опять-таки они тележки толкают. Орут: «Ноги, ноги!» Бишара! И жалко их. И стыдно за них. Живут за городом, как попало. В саманных пристройках, на заброшенных дачах, в лачугах. Ужасно! Зарабатывает этот бедолага-сорлыбай за день кое-как на чай-пай, на нан-май, на чекушку и доволен. Е-е, құдай, бергеніңе шүкір! Слава Аллаху! Бисмилля ирахман рахим! А что дальше? Что завтра? Что будет с детьми? Что вообще их ждет? Ай беда! И он не думает. И те, что наверху, о том голову не ломают. А зачем? Баба его во дворце в Швейцарии сидит. Сам он миллионами ворочает, с разными красотками забавляется. Чихать он на все хотел! По «Хабару» трындят: двадцать тридцать, двадцать пятьдесят! Мы самые-самые! Весь мир смотрит на нас. Поражается нашим темпам. Атаңның басы!

...Слушаю горестный монолог соседа по палате, предаюсь своим думам, лежу под капельницей. Кап-кап-кап по жилам-сосудам изокет с аспаркамом. Приходят на ум саркастические строки незабвенного Калтая: «Ақ сиса, қызыл сиса, сиса, сиса. Мен алып жатырмын капельниса...»

Мир казахов сложен, неоднозначен. Те казахи, которых я знаю и с которыми большей частью общаюсь, – выходит, лишь часть казахов. Фактически существует огромный пласт нации, который к исконной казахской культуре, истории, литературе, ментальности, языку ровным счетом никакого отношения не имеет. Они, как выражается поэт Шаханов, только «по мордням» казахи, то есть по внешнему облику, а по сути, некий иной этнический продукт, отражающий своеобразие времени и обстоятельств. Но как бы там ни было, все равно казахи. Ни к какому другому этносу их не пристегнешь. Сабит Муканов, помнится, говаривал: «Старый урус мусульманином не станет». То же самое и с казахами: трижды прокрути его через мясорубку – не станет он ни урусом, ни шуршутом. Впрочем, это можно сказать и о других. Например, о российских немцах. Получается, казах, но не совсем. Немец, но с примесью. Не сразу определишь: подпорченный или обогащенный.

Тысячи и тысячи казахов учились в русских школах, окончили российские вузы, поневоле внедрились в русскую культуру, объездили белый свет, работали или работают за рубежом, шпрехают или спикают на иных наречиях. Они дипломированные специалисты, занимают в обществе и государстве высокие должности, мыслят масштабно, и их не волнуют те, казалось бы, острейшие проблемы, о которых так рьяно, зачастую иступленно пишет казахская пресса. Я с такими казахами, заметно оторвавшимися от всего сугубо национального, но так или иначе работающими на имидж государства, встречаюсь нередко. Мне они кажутся интересными, хотя нацпаты склонны их казахами не считать. Но это вовсе не значит, что нацпаты по достоинству и качеству выше их. Наоборот, они живут в своем универсальном мире, являются очень современными людьми и совсем не страдают от того, что не соответствуют каким-то критериям, представлениям так называемых «таза» (чистых, подлинных) казахов. В обществе у них своя ниша, которая, похоже, разрастается, расширяется с каждым годом. Более того, им совсем не хочется быть «таза» казахами, их вполне устраивает, что они «шала» или даже «ада́». Комплекс неполноценности им абсолютно не свойствен. Зато они овладели такими профессиями, заворачивают

такими делами, познали столько всяко-разного, чего «таза» казахам и не снилось. Сталкиваясь с таким национальным пластом, я порой начинаю сомневаться в своих представлениях и предрассудках. Надо полагать, я не всегда прав в своих казахских мотивациях.

...Вырвался-таки на балкон. Ах, благодать! Ясное небо. Птички ликуют, на все лады чирикают. Пахнет солнцем и распустившимися почками. Горы окутаны хмарью.

Как хочется малость окрепнуть, восстановиться и вернуться домой! Домой, домой! Дома и стены, и родная жена помогают.

Зашел в палату многоопытный Ахат Аминович, начал учить меня разным манипуляциям, якобы укрепляющим сердце. Старательно внимаю ему. А вдруг есть какой-то толк? Хотя бы для утешения. Утопающий хватается за соломинку.

Впорхнули две милые казашки-санитарки.

– Ағай, что вы все пишете? Вы акын? У подружки завтра день рождения. Может, сочините поздравительный стишок?

Вошел главный врач – молодой, миловидный, ухоженный.

– Как себя чувствуете?

Голос приятный, баритональный, очень знакомый. Выяснилось, сын моего давнего коллеги.

– Ну что? – спрашивает с улыбкой. – Голоса свыше еще не было?

Ясно: намекает на операцию. Ратует за кардинальное лечение. Ничего другого, мол, не остается.

– Ребята у нас – во! Сделают как надо.

– Верю, верю. Да вот беда – нет знака. Голоса нет.

– Да будет вам Голос, аға! Нечего тянуть-откладывать.

– Жду.

Ясный день. Весна. Солнце. Я в раздумье. И жизнь прекрасна. А мы бредем по краю обрыва. Уже сорвались с него Сериккалиев, Кабдолов, Кыдырбекулы, Рахмадиев, Санбаев, Мырза Али... На том свете друзей-приятелей уже больше, чем на этом. А человек – пенде. Цепляется за хрупкую нить, за соломинку до последнего.

Кап-кап-кап по жилам-сосудам живительный изокет.

И что впереди?

Бредем, бредем-тащимся по краю обрыва...

Апрель 2013 года.
Больница. Палата № 3

Часть четвертая

Интервью, беседы

Виктор Бадиков

ДА БУДУТ СВЕТЛЫМИ ЕГО ПЕЧАЛИ

К 70-летию Г. К. Бельгера

Думаю об этом человеке, моем современнике, отчасти коллеге, накануне его неизбежного юбилея и невольно «растекаюсь мыслью по древу». Герольд Карлович настолько творчески многолик, интересен и значителен, что все писавшие о нем, от критиков до крупных писателей XX века, по-моему, терялись в попытке охватить его духовный феномен всесторонне или же, напротив, выделить в его «Атлантиде» (Вл. Владимиров) главное и особенное. И это при том, что он уже сам немало рассказал о себе в печати – не мудрствуя лукаво и не заносясь.

Каждая новая его статья, выступление или книга, тем более юбилей, всякий раз убеждают, что Бельгер – тема всегда актуальная, широкая, трудная. Кто пробовал о нем писать, тот знает. Я тоже. И хотя литературное трехъязычие его уже заметно утратило свою экзотичность, авторы диссертаций, монографий и документально-исторических повестей на эту тему наперебой претендуют на первооткрытие. Г. К. относится к своим толкователям и воспевателям спокойно, в оценки не вдается. Быть может, его несколько озадачивает неудержимый полет научной и художественной мысли? Но в помощь им он подготовил на всякий случай библиографический указатель с говорящим названием «Бремя будней».

Необъятен Бельгер, но – один. А нас, толкователей, много, и каждый хочет знать – кто он, этот «прилежный литератор», за что ему почет и внимание? Я тоже хочу знать.

Интересно – за кого Г. К. принимают не столько в шутку, сколько всерьез? Вот, например, автографы на подаренных ему книгах. «Славному казаху Герольду Бельгеру» (Ч. Айтматов), «Кипчаку Герольду от кипчака Мурата» (М. Аджи), «Герольду Бельгеру – замечательному сыну немецкого народа, талантливому русско-казахскому писателю, великому интернационалисту» (О. Сарсенбаев). А. Нурпеисов, сторонник гармонии разных языков и культур, пишет о нем: «Немец по национальности, Герольд воспринимает и великого Гёте прежде всего через его «Западно-Восточный диван», с радостью находя в нем и ориенталисткие мотивы. А пишет он свои произведения по большей части на русском языке, и таким образом в нем, в его душе согласно и слаженно звучат три струны, составляя как бы триединый мотив».

Сам же адресат, ничтоже сумняшеся, замечает по поводу комплимента М. Аджи: «Я, конечно, был польщен, хотя и осознавал, что кипчаком мне никак не стать, как, по казахской поговорке, старому урусу – мусульманином». А в своем поэтическом филологическом эссе «Казахское слово» все расставил по своим местам: «Хотя я и вырос в казахской среде и живу в Казахстане 60 (!) лет, но все же по происхождению являюсь российским немцем, то есть в какой-то мере как бы наблюдателем со стороны, а со стороны, говорят, все виднее...»

Поверим на слово, но тоже воспользуемся преимуществом стороннего наблюдателя. Сам Г. К. дает для этого повод.

* * *

В недавнем разговоре: *«Казалось, в крови у меня нет ни одного языка, поэтому думал, что не смогу стать писателем, хотя мечтал об этом со второго класса. Собирался стать тюркологом, мечтал заниматься сопоставительной грамматикой. Аскар Сулейменов предложил переводить «Кровь и пот» А. Нурпеисова. Потом понял, что от земли у меня – казахский язык. Вот недавно в «Ана тілі» опубликовали мой очередной рассказ на казахском...»*

* * *

Но обратимся к статистике «Бремени будней». Она не только упряма, но и любопытна. На каких языках, что и сколько Г. К. написал и напечатал, так сказать, за отчетный период (1934–2004)?

Из 29 книг – 9 художественных (на русском языке – 7, на немецком – 2, на казахском – 0); 16 литературно-критических (на русском – 11, на немецком – 4, на казахском – 1); 4 публицистические (все на русском).

Публикации в газетах, журналах и сборниках – 656, из них на русском языке – 236, на казахском – 218, на немецком – 202.

Переводы с казахского на русский (примерно) – 28 авторов, с немецкого на русский – 22. Обратный перевод (с русского на казахский или немецкий, с казахского на немецкий или с немецкого на казахский) в указателе не представлен, возможно, ввиду своей незначительности, хотя никто, конечно, не усомнится в его наличии.

Доминируют, как видно, русский и казахский языки, причем оба – как языки творчества. Это говорит о том, что Г. К. трехъязычный литератор, но двуязычный писатель.

* * *

Рискну предположить, что Г. К. не только из приволжских «российских (обрусевших. – *В. Б.*) немцев», каким был, например, замечательный советский писатель Б. Пильняк (Вогау).

Волею разных исторических судеб, начиная с эпохи Петра, и особенно Екатерины Второй, им пришлось глубоко погрузиться не только в русскую, но и азиатскую, в частности казахскую (иным в украинскую и т. д.), ментальность (язык, быт, культура). Поскольку у Г. К. это случилось еще в раннем детстве, то он стал едва ли не типичным азиатом-степняком. Читайте его вдохновенный очерк, почти философско-публицистическую поэму «Аул», и вы поймете, где и почему проснулась к жизни деятельная душа Бель-

гера. Почему саднили и саднят ее разные боли, но особенно боль казахская!

Это принципиально нечто иное, чем случай французского философа Р. Генона, который во имя исламской духовности (религии) сознательно перешел в мусульманство, вплоть до смены фамилии и места жительства. Это попытка кардинального духовного перерождения, у Бельгера – феномен духовного родства... Здесь влияние обрусевшей немецкой семьи бесследно не прошло и не было утрачено. Не забудем, что в казахской аульной школе все-таки преподавали и немецкий и русский язык с литературой. Но воздействие всего казахского, особенно языка, быта, народных традиций, было настолько сильным, а главное – желанным, что судьба Г. К. уже определилась на пороге взрослой жизни. Районный инспектор ОНО немец Мерфурт после выпускных экзаменов раньше всех почувствовал его восточную ориентацию, и не ошибся.

А русский и немецкий в дальнейшем пришлось совершенствовать. Сам Г. К. не скрывает, что до сих пор «неуверенно чувствует себя в русских глагольных видах и немецкой грамматике».

* * *

Скорее всего, он из тех, уже советских, «рыжих казахов», депортированных европейцев, усыновленных центральноазиатами. В советское время «рыжие» стали историческими пасынками не по своей воле. Но в жуткой судьбе своей, может быть, по гамбургскому счету даже выиграли – стали, что называется, натуральными евразийцами. Русский царизм, соблазнив еще в XVIII веке вольной колонией на Волге, быть может, привел к расподоблению единого изначального чувства родины, к «псевдоморфозе» О. Шпенглера, когда одна национальная культура вытесняется другой, более сильной. Большевистская диктатура обрекла советских немцев на самые тяжкие испытания – выжить в суровом казахстанском и сибирском климате на положении спецпереселенцев, потенциальных кровников и пособников германского фашизма.

Не будем краснеть, признаемся, что в той иезуитской ломке таких пасынков выручало и спасало братство народов СССР, в основе которого жило глубокое, порою, может, и неосознаваемое ощущение общей участи – судьбы заложников коммунистического режима.

В этом смысле немцам, как и другим их братьям по несчастью, особенно повезло, в частности семье Бельгера, что они попали по бериевской разнарядке не в Сибирь, а именно в Казахстан, к недавним степнякам-кочевникам, с их культом гостя, вообще путника или странника. Именно в этой точке пересеклись национальные культурные традиции вечного движения в поисках всегда временного дома – покоя, счастья, устойчивости бытия. Оказалось, что «Ночную песню странника», пропетую Гёте, хорошо знал и Абай. Лермонтовское посредничество, быть может, – всего лишь счастливая случайность, потому что сама тема пути и дома в казахской традиции восходит к бесконечному и неутоленному народному печальнику Ахану-серэ.

Г. К., с его обостренным евразийским слухом, еще в студенческие «казпийские» годы не просто услышал, а поразился «сходству несходного», если перефразировать В. Шкловского: как в мире, так и в искусстве нет «чужих среди людей». Что можно толковать и так: если предощущения евразийства у Гёте облекалось в образы и жанр «Западно-Восточного дивана», то Абай говорил о нем в «Гаклия» («Слова назидания») как уже о наступившем будущем. Великие мысли роднятся раньше, независимо от времени и места.

Впрочем, в книге Г. К. «Гармония духа» говорится об этом так основательно и увлеченно, что сама собой приходит в голову мысль о том, что и казахам, в частности казахской культуре, безусловно, повезло: в нее уже в начале 50-х годов XX века органично вошел сын поволжского немецкого лекаря Карла Бельгера, продолживший научно-литературные традиции великих немецких востоковедов: П. Палласа, В. В. Радлова, А. Эйхгорна, Фр. М. Вальдека и многих других...

Так что, учитывая все эти обстоятельства и следствия, из них вытекающие, Г. К. прежде всего можно считать казахизированным немцем, и эта его уникальность была давным-давно запрограммирована, и сам он в «Гармонии духа» особенно подчеркнул стойкий научный и этически-культурный интерес немцев к казахам. Кто бы мог подумать, что в 1995 году на Абаевский юбилей приедут из Германии немецкие тюркологи доктор Марсель Эрдаль и Марк Кирхнер, написавшие на английском и казахском языках совместный труд «Абай и истоки тюркской поэзии», и часто будет наезжать в Алматы Томас Хеман, автор учебника казахского языка, изданного в ФРГ, переводчик Абая. Но у нас, конечно, «собственная гордость»: есть у нас свой, казахский немец, или немецкий казах, – Г. Бельгер.

* * *

«Человек со стороны в казахской среде». Академик З. Кабдолов не только в шутку или ради комплимента публично всегда подчеркивает, что Бельгер – «150-процентный казах», особенно по языку, причем это не следствие ассимиляции, не просто феномен полиглота, это именно факт этнокультурной близости, родства.

Ничего особенного в этом факте нет. Вспомним, например, германизировавшегося француза – писателя А. Шамиссо, еврея Г. Гейне, англизированного поляка Дж. Конрада и полуполяка-полуитальянца французского поэта Г. Апполинера.

У нас, в Казахстане, это, например, казахоязычная поэтесса – этнически русская Надежда Лушникова (случай пока что уникальный), русскоязычные писатели-казахи от О. Сулейменова до Д. Накипова и М. Исенова, татарка Р. Ахтямова, белоруска Л. Шашкова... Это уже литературный маргинализм нашего евразийского типа, возникшего в советское время, но живого и актуального в нашем некоммунистическом сегодня.

Творчество Г. Бельгера, как и вся его подвижническая общественная деятельность, – это уже не только и не столько взгляд «со стороны», сколько – изнутри. Он уже давно не

пасынок, а полноправный сын Казахстана. Только фамилия и внешность обличают в нем европейца. «Иногда я забываю, что не казах». Это признание не для красного словца, оно многого стоит.

Его внутренняя, даже, если хотите, «нутряная» позиция выражается прежде всего в том, что с 1941 года Казахстан стал для него родным домом, казахский язык и культура – его главным духовным достоянием и богатством, его второй культурой.

Нет, он вовсе не стремится стать 150-процентным казахом. Зачем людей смешить, тем более казахов? Он чувствует себя гражданином Независимой Степи – нужным своей стране, своей Родине. Он знает, чем и как жил и живет Казахстан, ему близко все, что происходит малого и большого, худого или доброго в его стране... Не потому ли он не боится порой идти против течения, резать правду-матку и совершать поступки, достойные подлинного гражданина? Ну, например, бить в набат о гибели казахского аула – почвы народного духа, заявлять открыто о своем разочаровании в парламенте XIII созыва, многих просчетах и ошибках нашего Правительства, наконец, занимать четкую и принципиальную позицию по проблеме государственного языка, которому тоже грозит гибель, но не по вине других языков и их носителей, отстаивать свои взгляды и оценки в области многонациональной культуры и литературы РК...

* * *

У Г. К. хорошая гражданская и творческая «хватка» – целеустремленность, чувство независимости и собственного достоинства. Дважды на полном скаку он падал с лошади, отчего стал инвалидом. Но лошадь своей судьбы, довольно норовистую, если не коварную, он оседлал уверенно и направляет к своей цели. Пусть кавалерийская, джигитская аналогия, может быть, и не совсем отвечает сути его главного дела, но как к «казаху» она имеет к нему непосредственное отношение.

Г. К. – человек с прирожденным острым чувством юмора, хотя и его жизнь, и творчество ощутимо горчат. И чем дальше – тем больше. Это тоже входит в состав его души и натуры, его художественной философии.

А оптимист он на свой лад. После инфаркта и инсульта *«выкарабкивался долго и мучительно... Внушал себе: «Буду усердно работать, каждый день, – спасусь... Будешь работать – будешь жить»* («Бремя будней).

* * *

Пока мы знали его в основном как переводчика, публициста и литературного критика, он был для нас «связным» трех культур, «живым мостом между ними» (И. Храмов). Такими «мостами» были и, слава Богу, остаются и другие наши двуязычные писатели. Но как только Г. К. почувствовал усталость от «восточных переводов» (А. Тарковский) и начал все более активно «переводить» самого себя – свою душу и судьбу – на язык образов, мы лишний раз убедились в том, что был он уже с самого начала переводчиком-писателем. Со своей темой и болью, своей безыскусной, но впечатляющей манерой письма. Кстати, первый сборник рассказов «Сосновый бор на краю аула» вышел у него в 1973 году, а в Союз писателей СССР он был принят в 1971 году.

* * *

«Мой жанр – эссе, заметки, вольные беседы. Я рядовой прозаик» (в разговоре).

* * *

Литературоведы считают его эссеистом, а он в новом тысячелетии, вопреки всем интерпретациям и «болячкам», написал два романа приличного объема и качества. Вдогонку романам понеслась литературоведческая догадка, претендующая на «формулу»: у Бельгера – художественная публицистика и публицистическая художественная проза. Возможно.

Хотя, по-моему, не все так просто, то есть почти «зеркально»...

* * *

Бельгер не готовился к писательству, а писал – учась у других и нащупывая свой собственный литературный путь. Развитие и совершенствование шло по двум параллельным линиям – критико-публицистической и художественной. «Свободный», компромиссный жанр эссе позволял сочетать документальный и художественный эпос с очень сильным исповедальным и ораторским, орнаментальным началом, восходящим к традициям народных степных биев (Аяз, Жиренше, Толе, Казыбек, Айтеке и др.). Учительская миссия литературы и литератора нашла в Бельгере еще одного последователя и патриота. Именно эта особенность придает его творчеству единство, не только жанровая проницаемость.

Но художественное начало с течением времени явно усиливается и совершенствуется, не утрачивая и не приглушая своей полиморфности.

Рассказы и повести 80–90-х годов были и подступом и прологом к лирико-философским эссе «Тихие беседы», «Казахское слово» и, особенно, «Аул», а также к двум романам – «Дом скитальца» и «Туюк су». В этих вещах – главная проблематика, радость и печаль, главная «боль» Бельгера. Боль, осмысленная в большом историческом времени, не только в социально-бытовом, но и в бытийном, общечеловеческом плане.

* * *

И с годами печаль все ощутимее. Вспоминаются строки мудреца башкирца:

Пепел лег на волосы мои
И в слезах моих все больше соли...

(«Бремя будней)

Казахская боль

Кто только не откликнулся на его казахские эссе. Они так задевают за «живое», что никуда не деться от них непроиз-

вольной актуальности, почерпнутой, казалось бы, из сиюминутной «злобы дня».

«Тихие беседы» – это отважный бескомпромиссный разговор о прошлом, настоящем и будущем независимого теперь Казахстана. Философское эссе-диалог с тенями великих казахов от Абая до М. Ауэзова. Бельгер как бы останавливает время, обращает его вспять, приводя на память фаталистический мотив Г. Гейне, звучащий в переложении Тютчева так:

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

Нет, именно наше, «переходное» время требует «выкликать теней», прислушиваться к голосам великих духом, чтобы не зайти в тупик. Сможем ли мы противостоять «могучему вихрю», прежде всего «мусорному» вихрю», который готов захлестнуть и нравственность, и культуру, и казахский язык, и основу степной духовности – аул? «Казахское слово» – филологическая поэма об уникальном своеобразии и богатстве казахского языка и речи. «Аул» – поэма сыновней любви, «песнь песней», какое это эссе!

«А с годами я пойму, / что всему хорошему, доброму в жизни / я обязан помимо родителей, / моему аулу: / там мои истоки, мои нравственные начала, / мой стержень, моя основа, / мой критерий, мои ориентиры, / моя любовь, гордость / и неизбывная печаль».

Вот цитата-абзац, звучащая как торжественный верлибр, если разбить ее на строки-стихи...

– Прочитайте «Аул», – особенно настаивал Г. К., когда дарил мне свою книгу «Гармония духа», – это для меня важная вещь.

Для меня теперь тоже, как и две предыдущие. Без них иначе воспринимаются его романы.

Эти эссе-поэмы в моем представлении совершенно естественно образуют философско-поэтический триптих, а вместе с романами, органично к нему примыкающими, – трилогию. Но самое главное, может быть, даже не в этом. В этой условной «трилогии» художественно воплощен образ болипечали в трех ее главных планах – боль казахская, немецкая и наша общеказахстанская.

Немецкая боль

Первое впечатление по горячим следам.

«Дом скитальца» все-таки захватывает, несмотря на свою элементарно безыскусную художественность, за которой угадывается опора на автобиографический материал.

Налицо традиционная реалистичность поэтики, с бесхитростным всезнающим автором, единым в лицах разных персонажей, с пейзажными заставками, параллелями и т. п. Но оригинальность, собственная бельгеровская, в том, что по сути дела это – полуроманная, лирико-публицистическая проза, написанная, так сказать, «кровью сердца», почти про себя и своих близких (ср. «семейную» книгу «Карл Бельгер – мой отец». Алматы, 2003), с акцентированным философско-историческим фоном (эпиграфы библейские и в основном из сталинских инквизиторских указов), с авторскими отступлениями-очерками, с настойчивой демонстрацией трехъязычия.

Вещь сюжетно построена на трех героях – на трагической общности судеб представителей двух поколений (Давид, его брат Христиан, их молодой соотечественник Гарри). Особенно удались первая и третья части. В них много большой правды и психологической глубины, тонкого лиризма, особенно в любовных сценах.

Г. К. с присущим ему прямодушием и этнической точностью разъяснил во второй части горький символический смысл заголовка романа: странник, а тем более изгой,

обретает свой дом только в воображении, в памяти, ибо он привык к скитальчеству, как немец вообще и как советский немец в частности и особенности. Этим воображаемым «домом» читатель может считать сам по себе роман, как образ поисков дома. Не таким ли «домом» в немецкой традиции стала «Ночная песня странника» Гёте? «Ночная» – песня мечты и надежды, неутолимой ностальгии. Здесь все мироздание спит в согласии с общим, природным порядком вещей, все на своем месте, кроме странника. Вечного странника.

«Подожди немного, / отдохнешь и ты...»

Г. Бельгер и все советские немцы ждали политической реабилитации в качестве спецпереселенцев более 50 лет (1941–1994), а восстановления Волжской автономии так и не дождались! Последний советский «партайгеноссе» туманно что-то обещал, а первый постсоветский президент, находясь, как обычно, в перманентном подпитии, «вместо автономии пообещал немцам «Капустин Яр» для первоначального обустройства с помощью Германии». Г. К. слышал это собственными ушами. Каковы шуточки?

«Это была точка в более чем двухвековой истории немцев в России... Немцы с болью и презрением стали покидать Россию и бывшие советские республики по 190–200 тысяч человек в год. Круг истории замкнулся» («Бремя будней).

В романе круг еще не замкнулся. Гарри Вальтеру на закате сталинского тоталитаризма все-таки удается поступить в алма-атинский КазПИ, получить наконец-то паспорт (!), а Давид Эрлих берется строить собственный дом рядом со своим аульным медпунктом. Потому что, подчеркивает автор-повествователь, «время меняло свое обличье». Время еще не раз сменит обличье.

Это в полном смысле слова был не просто казахстанский, а казахский, аульный дом, который, особенно молодому поколению, вернул ощущение дома, то есть родины (см. «Аул»). Но в сознании, в душе этого поколения осталась рана глубочайшей, бесчеловечной несправедливости. Ее как бы при-

глушила официальная реабилитация, но посыпала крупной солью официальная псевдодемократия.

Этому «дому» посвящено немало сокровенных поэтичных страниц, глубоко правдивых и даже по-свойски полемичных. Вспомните сцену изгнания шарлатана-бахсы из дома роженицы. На это решился Давид Эрлих, и народ ни словом его не попрекнул.

Но скажем откровенно: далеко не все советские немцы нашли для себя такой дом.

И потому первый роман (о прошлом) надо было поверить и проверить – вторым (о настоящем). Там – взгляд изнутри, здесь – со стороны. Читатель, возможно, ожидал продолжения: Гарри, подобно самому Бельгеру, станет известным человеком, справедливость все-таки наступит.

Общая боль

«Туюк су» – многоголосый, многослойный «народный» роман, в котором более искусно сплетаются разные человеческие судьбы в эпоху перемен, грянувшую после провалившейся горбачевской перестройки. Роман о разоренном и даже осквернённом доме-родине. Здесь без особой помощи повествователя, в основном при помощи драматических диалогов, происходит социально-психологическое «волеизъявление» наших современников – аульных и городских, своих и чужих, бывших наших. Здесь наперебой и порой взахлеб кричат, прежде все о том, что «какой-то странный заман (время) наступил. Никто никому не нужен, времена – волчьи. Что с людьми стало?..» Такой бедлам, что никому ничего не ясно, ни, например, аульному старику Жаймурзе, немало повидавшему на своем веку, ни людям со «стороны», как немецкому писателю Эдмунду Ворму, решившему после десятилетней эмиграции в Германии побывать на своей казахской родине. *«Все смешалось, неузнаваемо, горько и обидно переменилось в «казахстанском» доме. Фальшь, лицемерие, обман и воровство, нищета и духовное оскудение. Астафирала! И все это под видом демократических благодетельных перемен и*

полной свободы от элементарной нравственности и законности. Ирония, горечь, досада – все сливается и выливается в какое-то безысходное отчаяние. Само название некогда уютного и дружного интернационального аула Туюк су уже переиначивают из «тихой заводи» в «тупик».

Одинаково потрясены все – и аксакал Жаймурза, и бывший советский немец Ворм. Это непреходящая всеобщая боль (растерянность, опустошенность), которая мучает в первую очередь честных людей, независимо от их национальной принадлежности.

Бельгер-художник умеет посмотреть на нашу действительность и как свой, и как посторонний, глядя в глаза самой правде. Он имеет на это право как бывший народный депутат Верховного совета РК, разочаровавшийся в парламентской суете и корыстолюбии. И как человек, переживший советский геноцид поволжских немцев, полный крах «немецкого вопроса» в новые постсоветские времена. Но самое главное право, которое он за собой сохранял, в отличие от многих своих соплеменников и других бывших советских граждан, – это твердый принципиальный отказ от эмиграции. Не потому ли его симпатичный Ворм имеет именно такую фамилию – в переводе Червяков? Который все-таки уехал – уполз. Там он теперь сыт, ни в чем не нуждается, но «временами счастлив» был только здесь.

* * *

Олжас как-то проницательно заметил: «Кому у нас не повезло, тому нигде не повезет». Но если без шуток, то сам Г. К. признается: *«...Я лично об эмиграции и не помышлял... Германские власти много говорят об интеграции. А под интеграцией понимают банальную ассимиляцию. Вся моя натура противится этому. Если наши немцы, вытравив из себя все русское, казахское и т. д., станут обычными германскими бюргерами, то, на мой взгляд, это абсолютно не благо. Интеграция – пожалуйста. Но отрекаться от всего, что столетиями, десятилетиями благоприобретено в России,*

Казахстане, Грузии и т. д., – это значит сознательно обеднять себя».

Такая логика. Пожалуй, здравая, хотя и невеселая.

* * *

На сегодняшний день «Бремя будней», особенно его первая часть «Автобиографические эскизы», выглядит как подведение «предварительных итогов» и в то же время как задел на будущее. Не скрою – планы Г. К. впечатляют: в его архиве еще столько неопубликованного, но уже готового к печати. Литературные портреты, статьи, исследования, рецензии, особенно «Дневники». Невольно поражаешься такой работоспособности, такой мощи творческого духа.

Но и сам автор в предварительных итогах – среди многих своих достижений и разочарований, забот-печалей – выделяет тревогу о своей казахской родине:

«Другая неизбывная моя боль – казахский язык, казахская культура, казахский менталитет...

Я вижу спад пассионарности казахов – не стоит казахам стремиться быть американцами, англичанами, французами, даже русскими, важнее – остаться казахами, беречь в себе казаха. Вытравишь из себя казаха – другим не станешь, а себя навсегда потеряешь.

Я в этом убежден. Но мое убеждение – увы! – убеждает далеко не всех.

И это меня печалит...»

* * *

Обратите внимание на заметную перекличку мыслей в пожеланиях этническим современникам и соотечественникам-казахам. Национальная самобытность и цельность – палка о двух концах. Нельзя отрекаться от всего благоприобретенного у других народов и нельзя вытравливать из себя свое национальное начало. Г. К. – противник и того, и другого, или сторонник умеренной, разумной ассимиляции или интеграции. С немецкими активистами и благодетелями «но-

вой волны» он не поладил, отказавшись от эмиграции. Его по-абаевски «странный» казахский патриотизм, оказывается, убеждает не всех казахов. Нет ли здесь какой-то раздвоенности? О расТРОЕнности говорить не приходится, потому что РК уже не советская колония, не часть России. Для Г. К. русский как язык творчества, вероятно, «сподручнее», как и для Эдмунда Ворма, – как память об интернационализме, братстве, хотя и советском. Как, наконец, для писателя возможность того, что тебя прочитает, по крайней мере, в СНГ, «всяк сущий в нем язык».

И все же. Не говорят ли эти перипетии о внутренних противоречиях, которые «печалят» Г. К.?

* * *

Думая об этом и еще нежелательной в данном случае «ложке дегтя» в бочке юбиляра, я невольно вспомнил слова Гейне о характерных для него переплетениях светлого и радостного с грустным и меланхолическим, о «специфической» гейневской амальгаме «горькой радости» (Я. Металлов) и нашел его в «Путевых картинах» следующее разъяснение: «Ах, дорогой читатель, если уж хочешь ты жаловаться на эту разорванность, то пожалуйся лучше на то, что весь мир разорван на самой середине. А так как сердце поэта – центр мира, то в наше время оно тоже должно самым жалостным образом разорваться». Биограф добавляет по этому поводу: «В 1836 году, расставаясь со своим другом, Гейне сказал ему на прощание: «Передайте тем в Германии, кто именует меня разорванным, что я, может быть, самый цельный».

Вот аналогия, если и не полная, то кое в чем, по-моему, характерная и для нашего случая. Разве нет?

* * *

Да, свою цельность Г. К. объясняет иначе, но по сути похоже, если иметь в виду его неизбежные «печали», без которых не обходится ни один подлинный художник и гражданин: *«Всю жизнь я живу и работаю на стыке трех куль-*

тур, выявляю их общие корни. Стараюсь быть связующим звеном, однако поддержку, внимание и сочувствие нахожу прежде всего среди казахов» («Бремя...»).

Это типичный евразийский маргинализм. Во-первых, постоянное ощущение скрещения восточной и западной духовности – положение «на краю», на периферии того и другого менталитета; а во-вторых, это тоже «разорванность мира», проходящая не только через сердце писателя, но и через его родину-дом. Ибо, если он художник, он должен слышать биение общечеловеческого пульса. И если порой бывает ему невыносимо больно, трудно и грустно, то у него, в частности у Г. К., в отличие от Г. Гейне (с его порошком Бертольда Шварца), есть свой выход.

Это совет старой казашки, который он услышал после своей «тихой беседы» с Чоканом, впавшим в глубокую задумчивость перед нашей Академией наук:

«– Саспа. Қазақтың аруағы сені алып шығады. Не волнуйся. Дух казахов тебя спасет.

И я воспрял.

В моей душе казахская струна звучит высоко и чисто. Без этой струны я себя полноценным человеком (по-абаевски «толық адам») не чувствую...»

* * *

Отличительная черта Г. К. – не сдаваться, как бы ни было трудно и печально. Говорить правду, как бы ни была она горька. Попросту говоря, непокорность, инакомыслие, несмотря на немецкую умеренность. Признается: «*Все во мне бунтовало против насилия. (Сталинская конституция – ложь. Советская литература – ложь)... Проходили годы, но смириться я не мог».*

Он и теперь не смирился, хотя ушел из политики в «родной аул литературы».

* * *

Пусть наваливаются порой невеселые думы, «богатство годов», болячки и хвори. Кто усомнится в том, что Бельгер –

это ер-жигит, «барабанщик лихой», который не устает и не боится внушать нам:

Бей в барабан и не бойся беды...
Людей барабаном от сна буди,
Зарю барабань в десять рук,
Маршем вперед, барабаня, иди,
Вот тебе смысл всех наук?

– Солай ма? – как говорят его братья-казахи.
– Abgemacht! – отвечают его сородичи.

4 августа 2004 года

Адольф Арцишевский

УРОКИ БЕЛЬГЕРА

В Союзе писателей Казахстана более семисот человек, и порою, право, теряешься в предпочтениях. Но феномен Герольда Бельгера настолько уникален и неповторим, что без него наш писательский Союз и представить невозможно. Впрочем, не только Союз писателей, но и нашу духовную жизнь в общем и целом.

Носитель трех языковых культур, он одинаково свободно чувствует себя в каждой из них. В его творческом багаже десятки книг на казахском, русском и немецком языках. Дыханием его сердца согреты переводы с казахского книг Хамзы Есежанова, Абиша Кекилбаева, Дукенбая Досжанова. Мы заворожены неповторимостью речестроя Абдижамила Нурпеисова «Кровь и пот» в переводе чародея русской поэзии Юрия Казакова, забывая о том, что вначале из этого текста извлекал глубинные смыслы Герольд Бельгер, созидая предельно точный подстрочник.

Поражает трудолюбие этого человека. Лишь за последние пять лет он написал и опубликовал 20 книг – это не считая

того, что до поры сокрыто в его писательском столе. Ему в равной степени подвластны все жанры прозы, начиная от рассказов и повестей. О, какие прекрасные образы исповедального повествования он подарил нам в щедрой россыпи своих сборников – «Сосновый дом на краю аула», «Чайки над степью», «За шестью перевалами», «Каменный брод», «Завтра будет солнце», «Дождь со снегом»... Но и масштабное постижение жизни, подспудные токи эпохи нам явлены в его романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад». Его книги эссе приглашают нас к доверительному соразмышлению о животрепещущем и наболевшем. Весьма показательно в этом смысле название одной из его книг – «Тихие беседы на шумных перекрестках», в которой, по словам Виктора Бадикова, слились воедино казахская боль, немецкая боль и наша общая. Потому что Герольд Бельгер, ко всему прочему, публицист божьей милостью. И здесь он ни на йоту не уклоняется от роковых вопросов времени, даже в «Темный час перед рассветом», как названа одна из его публицистических книг. Не здесь ли корни его общественного темперамента? Он был одним из инициаторов восстановления немецкой автономии в Поволжье, сумел с группой сторонников дойти до ЦК КПСС. И, мнится, они настояли бы на своем, но не стало в одночасье ни СССР, ни КПСС, а новая Россия тогда еще не дозрела до подобных перемен, да и великий исход немцев в Фатерланд снял проблему с повестки дня.

Впрочем, посыл публицистичности был столь велик, что в эпоху перемен Герольд Карлович оказался на гребне судьбоносных деяний эпохи, став, как пишет сам, членом многочисленных мыслимых и немыслимых советов, фондов, комитетов, комиссий, групп, правлений, редколлегий, президиумов и движений: «Однажды я подсчитал свои «членства». Насчитал сорок! Это был явный перебор». А ему еще предстояло стать депутатом Верховного Совета Казахстана XIII созыва.

Но, как говаривал Бальзак, вернемся к действительности и продолжим разговор о литературе. В свое время Герольд Бельгер окончил аспирантуру и, хотя кандидатскую диссер-

тацию не защитил, будучи мобилизованным и призванным в живой литературный процесс, но жилка литературоведа-исследователя не дает покоя его пытливой душе, чему свидетельством являются его книги «Брат среди братьев. Литературные статьи и портреты», «Мотивы трех струн...», «Гёте и Абай», «Помни имя свое» (о литературе и культуре российских немцев), «След слова. Литературные портреты и эссе» и, наконец, книга рецензий «Постфактум».

Но, поведав обо всем многообразии литературных устремлений Герольда Бельгера, вновь обратимся к тому, что в течение десятилетий было альфой и омегой его творческих бдений. Речь идет о нелегкой стезе переводчика, каковым по преимуществу он сам себя считает (хотя, конечно, давно уже творчество Бельгера намного шире). Причем, в силу своего беспрецедентного знания казахского языка, переводчик он въедливый и дотошный, для него диктат оригинала превыше всего. А будучи аналитиком по складу мировосприятия, он вовлекает – и не может не вовлечь! – переводческое дело в русло своих размышлений. И появляются «Лики слова. Литературно-критические статьи, исследования, эссе о проблемах художественного перевода», а затем и такие книги, к примеру, как «Жизнь-эпопея», вторая часть которой «Энергия оригинала» есть, по определению автора, «вольные заметы о новом переводе «Пути Абая» на русский язык», где даны снайперски точные оценки «двустадийной системы перевода». И это радение за бережный перенос оригинала в другую языковую стихию для Герольда Бельгера является лишь точкой отсчета, лишь приглашением к большому разговору о судьбе казахского языка и шире – казахской ментальности. Но об этом чуть ниже, в интервью с писателем Смагулом Елубаем.

А мне хотелось бы вдогон всему сказанному добавить еще один штрих к характеристике Герольда Карловича. Впрочем, это выходит за рамки литературных заслуг и аттестует его просто как личность.

Герольд Бельгер – человек редкого мужества и очень трудной судьбы. В Казахстан он попал в возрасте семи лет

от роду в результате депортации немцев Поволжья, ему пришлось испить всю горечь унижений, на которую были обречены все депортированные народы. И неожиданное резюме: «А справку о полной политической реабилитации я получил лишь в 1994 году, когда был депутатом Верховного Совета». Приплюсуем сюда и то, что в 11 лет он дважды падал с лошади, стал инвалидом и в течение 28 лет одолевал немыслимую боль, от которой избавился лишь после тяжелейшей операции. Он прошел все круги Дантова ада, сполна испил всю горечь бытия.

Сколько же света и несокрушимого оптимизма должен был нести в своем сердце человек, чтобы вопреки нравственным унижениям и немыслимой физической боли сохранить живую душу, сохранить ясный, добрый взгляд на мир, на тех, кто рядом в этом мире, и остаться верным своему главному предназначению в жизни – служению слову, литературе, служению людям.

А вот что рассказал о нем **Смагул Елубай**:

– Знаю Герольда Карловича Бельгера с середины 70-х годов. С той поры, как он начал работать с Абдижамилом Нурпеисовым над переводом его романа «Кровь и пот». Сегодня, когда Бельгеру 75, хочется осмыслить, чем он дорог нам, казахстанцам, и как важно его присутствие в казахской литературе.

Не ошибусь, если скажу, что он стал всеобщим любимцем. Почему? Как это произошло? Давайте прочитаем, что сам он пишет о своем детстве в только что вышедшей книге «Резюме»: «Небольшой казахский аул на правом берегу обрамленного тугаями Ишима – Есиля сыграл исключительную роль в моем становлении и всей дальнейшей моей судьбе. Все самое светлое и доброе, чистое и искреннее, возвышенное и благородное моего детства, отрочества, юности связано с родным аулом. О том я писал не раз.

Аул, Есиль, Каменный брод (Тас өткел), березовые колки, приречный тугай, ширь степей – в сущности, мои истоки, дивные приметы моей малой родины.

Чудесные были люди. Мил был аул.

Прекрасная казахская средняя школа. Талантливые педагоги.

Названия аулов, которые обслуживал мой отец – заведующий фельдшерско-акушерским пунктом, – Коктерек, Жанажол, Жанаталап, Каратал, Алқа-ағаш, Мектеп, Орнек – звучат для меня и поныне как песня... В казахскую школу я пошел в 1944 году сразу во второй класс».

Если мысленно вернуться к той поре, когда семилетний Гера очутился в казахской среде, многое в его характере, его судьбе становится понятным. Здесь те корни, что держат его на земле. Те родники, что питают его сердце.

– Но ведь только что кровавым катком прокатились коллективизация и репрессии?

– Да, в ту пору Великая Степь только что пережила апокалипсис голодомора, унесшего в небытие половину нации. Не успев опомниться от этой трагедии, народ пережил еще одну беду – сталинские репрессии. Вся казахстанская интеллигенция была обезглавлена, ей ставился в вину национализм. Представители казахской интеллигенции были пассионарными людьми, они боролись за сохранение религиозных основ, за развитие родного языка и становление казахской автономии. На всех этих благих порывах было поставлено клеймо национализма, и они были вырублены на корню... А следом накатилось военное лихо.

Но, несмотря на это, аул, в котором вырос будущий писатель, остался классической казахской средой. Народ был религиозным, а значит, незыблемыми были морально-нравственные устои. Несмотря на все усилия большевиков искоренить религию, народ в душе своей сохранял Бога, и как бы ни был беден народ материально, но духовно он был богат. У народа было доброе, открытое сердце, откликающееся на беду другого человека. Потому-то казахи могли принять тех, кто подвергся депортации, в том числе и немцев Поволжья. Мальчик не чувствовал отторжения аульной среды, среди аульных казахов он был свой среди своих. И до сих пор Герольд

Карлович, если судить по его романам «Туюк су», «Разлад» (а эти романы автобиографичны), вместе с героями своих книг остается верен той незамутненной аульской среде, которая выпестовала в нем человека. Верен тем людям, которые жили в согласии со своей совестью и сохраняли в незамутненности фамильные черты своей нации. Его герои стремятся наперекор судьбе вернуться домой, в аул на берегу Ишима, на малую родину – туда, где осталось их сердце.

– *С тех пор многое изменилось...*

– К сожалению, в 60-х годах эта чистота была утрачена, и в 70-80-х годах мы получили поколение безбожников, когда за дастарханом кочевников воцарился дух водки, дух пьянства и безверия. И сам писатель, и его герои преисполнены мучительной ностальгии по той классической ясности нравов, что осталась в невозвратном прошлом. И борясь за чистоту казахского языка, Герольд Карлович имеет в виду ту незамутненную речь аула, которую он слышал в детстве. Корневое казахское слово, казахский менталитет вошли в плоть и кровь этого человека, сформировали его как личность. И эта казахская часть его натуры живо отзывается на все наши тревоги по поводу нашей родной речи, бросает его на передний край борьбы, где он преисполнен бесстрашия.

Казахская интеллигенция была обезглавлена советским тоталитаризмом, а в тех, кто уцелел, страх поселился в крови и, может быть, на генетическом уровне. Наши отцы были коммунистами, и в наших жилах течет комсомольская кровь. Мы слишком преуспели в борьбе с национализмом, стараясь выкорчевать в себе все национальное. А теперь говорим на эту тему с оглядкой. Многие просто молчат.

Именно в годы нашего осторожного молчания Герольд Бельгер проявил себя как великий гражданин Казахстана. Молчать он не мог. Он знал сильные стороны казахского языка и со всем жаром души боролся за достоинство казахской речи, искренне тревожился за него. Давайте приведем здесь слова его тревоги: «Вот спуститься бы с небес или вылезти из-под земли где-то, скажем, в середине XXI века,

одним хотя бы глазком посмотреть на то, что стало с родным Казахстаном, с народами, населяющими его, прислушаться, услышать казахскую речь, не корявую, топорную, кошомную, серую, как скудный бишаринский быт, а живую, сочную, *ауэзовкую*, и тогда утешилась бы душа, ибо в мощности и жизнестойкости русской и немецкой речи я со своей нынешней колокольни не сомневаюсь и не беспокоюсь, а вот дивный ауэзовский речестрой, воплотивший казахский дух, в минуты печали и уныния чудится мне, будто находится на перепутье судьбы».

– И это пишет немец?!

– Да, и как настоящий казах он ищет пути спасения казахской нации в начале XXI века. Мы все еще размышляем: какой должна быть национальная идея? Каким должно быть казахстанское общество в будущем? Каковы должны быть приоритеты? Мне кажется, Герольд Бельгер, сын немецкого народа, знающий в совершенстве немецкий, русский и казахский, является примером того, каким должен быть будущий казахстанец. Мне кажется, будущий казахстанец, кем бы он ни был – русским, немцем, казахом – должен быть именно Герольдом Бельгером. Потому что именно Бельгер аккумулировал в себе идею будущего.

Я начал с того, что Бельгер всеобщий любимец. Среди русских, немцев, казахов – где бы он ни был, он везде желанный гость. Он свободно чувствует себя в любой из этих трех культур. Как переводчик он служит золотым мостом между тремя литературами.

Благодаря ему книги самых крупных казахских писателей обрели звучание на русском и немецком языках. Вот я подумал сейчас, в каком бы согласии все мы жили, если бы каждый казахстанец был Герольдом Бельгером.

Я казах, и для меня немец Бельгер ближе и роднее казаха, не владеющего родным языком. Разговаривая с Бельгером, я чувствую себя уютно и комфортно. Когда я общаюсь с казахом, забывшим свой родной язык, я чувствую себя плохо, неуютно, дискомфортно. Я злюсь, но – на кого? Ведь это то-

талитарный режим разделил нас, казахов, по языковому признаку, разделил фактически на два разных народа. Это ли не трагедия?

В этом плане для меня крайне важно, что у нас есть такие личности, как азербайджанка Асыл Османова и немец Герольд Бельгер. Они ведь не просто носители казахского языка – они его поборники. Они знают, насколько этот язык богат, благозвучен, многогранен, что в нем сокрыта многовековая мудрость. Такое отношение к государственному языку должно быть у каждого казахстанца. Мне кажется, властям предержащим имело бы смысл внимательно изучить феномен Бельгера. Вот он – носитель национальной идеи. Говоря возвышенно, он – буревестник дружбы и единения, залог гармоничного социума.

– Вы говорите, что он радетель казахского языка. Кроме того что он говорит и пишет на казахском, в чем еще выражается то, что он – «радетель»?

– Хотя бы в том, что ни один из нас, казахских писателей, сколько бы он ни клялся в верности родному языку, не написал книгу в защиту казахского. А у Бельгера такая книга есть, и не одна. Я просто с трепетом душевным держу в руках его фолиант под названием «Казахское слово». В этой книге подробно рассмотрены все проблемы казахского языка – во всех аспектах. Почему этот язык надо беречь? Он показывает богатство и мощь нашего языка в сравнении с другими языками мира. Он упреждает наскоки манкуртов, утверждающих, что казахский – язык чабанов и простолюдинов. Прежде чем судить о языке, надо им овладеть. Лишь тогда ты станешь истинным патриотом Великой Степи. Да и понять Великую Степь невозможно, не зная ее языка.

Нам всем еще предстоит догонять Герольда Бельгера на языковой стезе. Здесь ключ к настоящему патриотизму и братству. Вообще все, написанное Бельгером, не может оставить читателя равнодушным. Дело не только в таланте. Дело в том, что он говорит языком правды. Мы современники, едва ли сможем во всей полноте осмыслить, кем он является

для нас. Мы благодарны этому писателю и великому гражданину за уроки правды, которые он нам преподал. Этого не всегда хватает нашему социуму. Нам не хватает Бельгеров.

2009 год

«ПОКА ШКРЯБАЮ ПЕРОМ – ЖИВУ»

– Герольд Карлович, такое ощущение, что на некоторое время мы потеряли Вас из виду?

– Верное ощущение. Долгие шесть месяцев почти ни с кем не общался, даже к телефону редко подходил, и на письма не отвечал, жил, можно сказать, анахоретом.

– Что так? Творческий кризис? Душевный надлом?

– Банальный инфаркт. Глубокоочаговый. Задней стенки. Второй, кстати. А до этого был инсульт. Надо было беречься. Восстанавливаться непросто: как-никак подбираюсь к 74 годам.

– А теперь?

– Теперь – Gott sei Dank ist alles schnell vorüber. Ежедневно гуляю опять возле памятника Чокану. Встречаюсь с нужными людьми, даю интервью. Вхожу в привычный ритм. Правда, на собрания-мероприятия, в гости не хожу. Живу по строгому режиму.

– И все эти месяцы не читали, не писали?

– О нет! И писал, и читал. И, пожалуй, о том поговорим подробнее. Давно зрел в голове роман. Я ведь в свое время активно участвовал в автономистском движении российских немцев. Десятилетиями собирал документы, факты. Участвовал в бесчисленных конференциях, съездах, советах немцев, состоял в правительственных комиссиях, находился в контакте со всеми лидерами немецкого движения, писал длиннющие письма в высокие инстанции, в том числе Хрущеву, Брежневу, Андропову, Горбачеву, переписывался со многими выдающимися людьми, оббивал с коллегами кремлевские пороги, ходил по важным кабинетам, был на приеме у Президента СССР (в составе делегации), узнал много личностей из разных сфер, душой болел за «немецкий» вопрос, опубликовал на эту тему не одну сотню статей, выступал с вы-

соких трибун, что-то яростно отстаивал, к чему-то стремился, и при этом постоянно фиксировал в блокнотах все свои впечатления, наблюдения, мысли, характеры и действия людей – единомышленников и оппонентов, собирал все указы, постановления, резолюции о немецком движении, все это откладывал в папки под названием «Autonomie Strapazen» («Автономистские мытарства»), собирал фольклор, стихи, песни, разного рода литературу, думая, что когда-нибудь весь этот монблан материалов художественно осмыслю, оформлю при случае в книгу. И вот в реанимации меня осенило: дальше откладывать нельзя, кто, если не ты, надо решиться, ощетиниться, собрать все силы. Я вдруг ясно представил эту книгу. Это будет роман-исповедь. Сюжетным стержнем станет моя жизнь. Действие будет разворачиваться на общественно-социальном фоне длительной борьбы за автономию на Волге, борьбы за полную политическую реабилитацию. Постараюсь охватить весь трагизм поруганного народа. Ничего не утаю. Буду руководствоваться гейневским постулатом: «Schlage die Trommel und fürchte dich nicht!» Да, да… бей в барабан и не бойся! Философская основа? Вечный поиск святого Грааля. Название? «Зов». Коротко и ясно. Зов судьбы. Зов мечты. Зов души. Зов сердца. Много смыслов вкладываю в это короткое слово. Три части. Временной диапазон – 1956–1993 годы.

– *И Вы написали роман?*

– Представьте. Сдюжил. Ровно сто один день, как одержимый, как каторжник, обложив себя всеми нужными материалами, задействовав все свои старые блокноты, руководствуясь всецело подсказками услужливой памяти, мобилизовав все хилые силы, накатал черновик. Вымысла в романе нет. Все настолько документально, что я даже не менял имена реальных героев. Все персонажи – реальные лица. Роман как документ, исповедь.

– *Сколько романов Вами уже написано?*

– Этот – четвертый. Первый – «Дом скитальца» – издавался дважды (в Астане и в Алматы), и теперь якобы выйдет в Германии в серии «Казахстанский календарь» на немецком языке. На роман было написано 14 рецензий в Казахстане, России и Германии. Он стал объектом одной докторской диссертации. Хотелось бы, чтобы он прозвучал и по-казахски. Но пока это на уровне далекого проекта. Второй

роман – «Туюк су» – печатался в журналах «Евразия» и «Нива» и вышел отдельной книгой в издательстве «Дайк-пресс» (2004). Третий роман – «Разлад» – опубликован в 2007 году в четырех номерах журнала «Простор» (№ 8–11). Откликов о нем немало, зашел даже разговор о его экранизации (стоит в каком-то плане).

– Кроме романа «Зов» есть у Вас неопубликованные рукописи?

– Есть, восемь. Самая объемная – дневник под названием «Тень дней минувших». Отрывки печатались во многих номерах журналов «Парасат» и «Простор», в ряде газет с продолжениями. Но мне хотелось бы издать в форме книги. Мне кажется, дневник в определенной мере отражает общественно-социальную жизнь Казахстана, его духовную ауру, дает сведения о многих событиях и ярких личностях. Я ведь веду дневник со второго класса, и сохранилась груда общих тетрадей. Что-то выбрать можно. Я и подготовил рукопись на 40 печатных листов. Один добрый человек вызвался издать в 2009 году. Если, конечно, не передумает. Другие рукописи называются: «Қазақ дәптері», «Разлад», «Двадцать стихотворений Абая на трех языках» (эти рукописи находятся в Департаменте печати в Астане), «Плетенье чепухи» (второе дополненное издание), «Зов», «Вблизи и рядом», «Рассказы об отце», «Резюме». Последние две – небольшие по объему – я намерен издать малым тиражом на свои средства к 100-летию моего отца и к моему 75-летию (2009 г.).

– А остальные?

– Остальные могут увидеть свет лишь по соцзаказу или с помощью спонсоров. Сегодняшняя моя задача – подготовить их к печати (набрать на компьютере). Дальнейшая их судьба не в моей воле. Время рассудит. Иногда мечтается о книге литературных портретов и сборнике статей последних лет, но, боюсь, это так и останется мечтой.

– Что из себя представляет рукопись «Двадцать стихотворений Абая на трех языках»?

– Это уже не совсем рукопись. Книжка под названием «Abai. Zwanzig Gedichte» вышла в прошлом году в Кельне в издательстве «Önelverlag». Об этом писали как о культурном событии и в Германии, и в Казахстане. Составителем, автором предисловия, послесловия и комментариев является ваш покорный слуга, а переводчиком на немец-

кий язык – давний друг казахской литературы, мой старший друг берлинец Леонард Кошут. К переводу Абая он отнесся очень ответственно, о чем свидетельствует наша переписка, и справился он со своей задачей блистательно. В этом сборнике стихи Абая приводятся на трех языках, а книгу украсила исповедальная статья Л. Кошута «Mein Weg zu Abai und Probleme der Nachdichtung». Книга издана с любовью. Уже три года ношусь с идеей издать ее в Казахстане (с другим послесловием и предисловием), но пока тщетно. Правда, недавно был звонок из астанинского издательства: похоже, собираются издать. Я-то искренне полагал, что Абай на трех языках беспрепятственно выйдет в Казахстане, а уж потом как-нибудь пробьем в Германию. Получилось все наоборот.

– Ну а с российскими немецкими писателями в Германии связь поддерживаете?

– Поддерживаю, насколько хватает времени и сил. Часто бывает у меня бывший алмаатинец, ныне берлинец Александр Шмидт; навещали Константин Эрлих, Эдмунд Матер, Теодор Шульц, некоторые звонят, присылают книги. Я их читаю, иногда пишу рецензии. Знаком с литературными альманахами, коллективными сборниками последних лет. Радуюсь новым книгам, издательству Бурау, новым именам, подвижнической деятельности Надежды Рунде, Агнес Гизбрехт, Светланы Фельде.

Да, любительщина, самодеятельность, хобби, несомненно, имеют место. Для некоторых авторов литература – занятие «от нечего делать», но есть и крепкие профессионалы, знающие ЧТО, КАК и ЗАЧЕМ писать. Жалею, что не всем успеваю сказать доброе слово поддержки, но в моей книге «Постфактум» отведен целый раздел литературе немцев, живущих в Германии.

– Можете назвать несколько произведений «наших» немцев в ФРГ, на которые Вы обратили внимание?

– Постараюсь. Начну с романа незнакомого мне Виктора Штрека. Большущий роман! Толстенный. Основательный. Глубокий. Я читал отзывы о нем в периодической печати Германии. Отзывы легковесные, поверхностные, рядовые читательские. Роман заслуживает большего. Читал его долго, делая пометки на полях. Роман называется «Heimat ist ein Paradies». Хорошее, философское название. Paradies, однако, не Германия, а вообще Heimat. Для иных моих друзей кызылординские

пески и пыльные смерчи – истинный Paradies на земле. Я так воспринимаю эту формулу. Роман композиционно выстроен крепко, имеет мировоззренческую, философскую основу, широкое дыхание, характеры выписаны с любовью, убедительно, рассуждения глубоки, вещь в общем цельная, многоплановая, профессионально сработанная. Автор впервые, насколько мне позволительно судить, широкоохватно показывает судьбу российского немца на фоне конкретных реалий современной Германии. Герой романа Франк, юноша, только что приехавший из России в вожделенную страну предков, явно идеализирован, не по возрасту начитан, образован и мудр и всем своим обликом и сложностью, цельностью натуры сводит своих сверстников с ума, к тому же овладел изящным немецким языком, рассуждает об истории, философии, политике как зрелый, искушенный доцент, на уровне самого автора романа, поставлен на котурны, заметно героизирован. Он носит в своем молодом сердце боль, трагизм своего народа. Каким образом в России сложилась такая незаурядная личность, с юных лет исповедующая нравственные ориентиры великого Канта, автор не объясняет, но таков его художественный и философский штандпункт. Он хочет показать германским сородичам, что его российский этнос – отнюдь не пыль на ветру, не страдалец, не унижен комплексами неполноценности, он пребывает в вечном поиске святого Грааля. Да и мы, российские немцы, не лыком шиты, и мы в состоянии утереть кое-кому надменные, спесивые носы. Что ж… меня такая постановка греет, и хотя я лично подобных вундер-юношей среди российских немцев в реальности не встречал, но полагаю, что в идеале они могут и должны быть, и чувство немца, понятие чести и достоинства должны быть высокими, едиными, и если по Достоевскому задача литературы – будить человека в человеке, то Штрек имеет полное право разбудить в немце прежде всего немца – человека гармонии, дела, идеала, мужества и благородства, человека, болеющего душой за свою нацию, возвышающего себя, не унижая других. Человека, исповедующего нравственные максимы великого Канта: жить по правде, всегда и всюду, в любых обстоятельствах. Об этом романе можно говорить и в превосходной степени, о нем можно спорить. Он рождает, будит мысль. Нацеливает на высокие ориентиры. Встречаются очень сильные сцены, динамические ситуации, драматические столкновения, картины душевного

накала. Я поначалу боялся, что роман не одолею, ибо по привычке читаю десяток книг на разных языках одновременно – так продуктивнее, но одолел с радостью и пользой и могу поздравить молодого коллегу со столь значительным художественным достижением. Роман должны прочитать многие, и не только российские немцы. Он прозвучал бы актуально и на русском языке. Я знаю, что «DAZ» уделила этому произведению место на своих страницах.

– Да, с автором беседовала Надежда Рунде.

– Она прекрасный пропагандист российских немецких писателей. И вообще, Надежда Рунде, Светлана Фельде и Елена Зейферт украшают «DAZ». Их я читаю с удовольствием. Умные дамы! В литературе знают толк.

– Вы лично с ними знакомы?

– С Надеждой Рунде я переписывался, когда она жила еще в Костанае. Помню ее тогдашние стихи, статьи. И теперь она меня снабжает сведениями о литературных делах-делишках в Германии. Светлый человек. Просветительница. Знаю: коллеги ее уважают, любят. Светлану Фельде помню по «DAZ», по публикациям в «Новом поколении». Знаком с ее творчеством. Ну а Лена Зейферт – моя «внучка». Умница. Трудоголик. Разносторонняя. Докторская диссертация ее – нечто уникальное. Поразительно контактная, общительная, мобильная, одаренная личность. И – обаятельная.

– Светлана Фельде издает альманах «Пилигрим»...

– Знаю. Передавала мне два тома. Со вкусом составлены и изданы. Свежие имена. Перекличка эпох. Хороший язык. Родственность душ пилигримов на Земле. Все продумано. Проза. Поэзия. Публицистика. Высокая планка. В «Пилигриме» мне нравятся разножанровые вещи самой Светланы. Я ее в Алматы маловато знал, и теперь у меня ощущение, что в Германии она духовно и профессионально сильно выросла. В Германии она находит совершенно незнакомых авторов, читать которых интересно и любопытно. Я пока видел два выпуска «Пилигрима». Надеюсь, это доброе начало не заглохнет. У нас здесь благополучно скончались «Heimatliche Weiten», «Феникс», может, «Пилигрим» продержится во времени и пространстве... Прислал мне переиздание своего романа «Время великого поста» мой давний знакомый Эдмунд Матер. В нем, в романе, потрясающие сюжеты, переплетение

человеческих судеб, трагические факты на фоне неизбывной боли за свой народ, на фоне трагедий XX века. Матер – человек серьезный и ответственный. Для него писательство – отнюдь не забава, не хобби, а способ выражения самого сокровенного. Он и пишет, будто ладит тяжелую, очень нужную работу, основательно, точно. Он немного монотонен в повествовании, палитра его несколько скудна, может, излишне трагичен в восприятии жизни, любит нагнетать страсти. Но подкупает искренностью, достоверностью, правдивостью.

– Писала наша газета и о книге Антонины Шнайдер-Стремяковой...

– Да, да, знаю. «Жизнь – что простокваша». В двух книгах. Автобиографическое жизнеописание. Масса фотографий из семейного альбома. Автор определила жанр повествования так: «Мемуарный роман». С подзаголовком: «История немецкой семьи из России». В заметке (четкий, твердый учительский почерк!) говорилось: «... литературный дебют, в котором я сама себе была и корректором, и редактором... Хотелось бы выйти на российского или другого русскоязычного издателя... Нельзя ли в Казахстане напечатать за счет издательства, чтобы оно и распространяло?» Последний вопрос, признаться, меня несколько обескуражил. Где найдешь ныне издателя, который издал бы подобный «мемуарный роман», да еще и сам распространял? На такое, пожалуй, и «Анна Каренина» не претендует. Я прочитал-пролистал обе книги, рассмотрел фотографии. Что можно сказать? Честный, правдивый пересказ семейной истории. И не более. Вряд ли мемуарный жанр. И уж никакой не роман. (Вспоминается мой дядя Эммануэль, который донимал меня: «Ну опиши мою жизнь. На десять романов потянет!» – «А кто их будет читать?» – «Ну, хотя бы мои жены».) К литературе вряд ли это имеет отношение. Заурядное описание пыли сугубо личного бытия. На потребу семьи – мужа, детей, внуков разных. Таких книг сугубо частного характера ныне издается много и в Германии, и в Казахстане. И история каждой семьи, вероятно, тянет на подобный «роман». И, представьте, каждая семья начнет издавать двухтомную «простоквашу», щедро иллюстрируя парадными фотографиями. Какое это имеет отношение к литературе? Это просто милое изделие для домашнего пользования. В лучшем случае, мертвые факты, сырье для гипотетического произведения. И

еще. Я весьма скептически отношусь к механическому раскладу: ох, как в России все было ужасно, скверно, тяжко, убого, бедно и как все супер в Германии. Наверное, жизнь все же сложнее, даже если она сплошная простокваша. И, судя по фотографиям, автору и ее близким не так уж и худо жилось в России: все гладкие, сытые, ухоженные, в школе работают, нарядные, учатся, за пианино сидят, сплошное благополучие, красивые лица. О чем тогда речь? К чему эти страшилки, страсти-мордасти, бесконечные длинные диалоги, протокольные подробности, самолюбование, самовосхищение? Нет, я не мог воспринять «простоквашу» всерьез, о чем и написал автору. Письмо мое, однако, не дошло, вернулось: адресат куда-то выбыл. Разумеется, подобные дамские изделия я не могу предложить ни одному издателю в Казахстане. Вообще, честно скажу, в изданиях «наших» немцев в Германии еще очень много самодеятельности, литературщины, хобби. Исключения: А. Шмидт, А. Райзер, В. Эйснер, В. Вебер, И. Кайб, Анатолий…

– *Штайгер?*

– Да, Штайгер, роман «Чужие». Отдельные удачи встречаются у Шульца, Люфта, Курта Гейна… А так в большинстве милые забавы, рукоделье, женское «сю-сю».

– *И Нелли Косско?*

– Нет, Нелли Косско – совсем другое дело. Серьезная дама! То, что она пережила, перевидела, перечувствовала, осмыслила, испытала, она смогла изложить, переплавить в капитальный труд – в крепкую, проникновенную трилогию, своеобразное «хождение по мукам», где каждая страница – документ и обвинение в геноциде народа. О первых двух книгах трилогии – «Das geraubte Kindheit» и «Anderen Ende der Welt» – я как-то уже писал. Получил от автора и третью книгу «Wo ist das Land...», изданную в Аугсбурге Waldemar Weber Verlag. К трилогии своей Нелли Косско шла долго, можно сказать, всю жизнь, и она достойно завершила свою «Die Quadratur des Kreises». Я трилогию ее прочитал с дрожью в сердце, сочувствуя, сопереживая всему, о чем так жестоко и правдиво, сурово, с запоминающимися деталями поведала автор. Цену, вес, вкус слова она знает. Я слышал, ее гражданский, журналистский, писательский труд оценен общественностью Германии по достоинству. Рад. Она того заслуживает.

Слежу за творчеством и Рейнгольда Шульца. Он даровитый человек, живет бурно, размашисто, неуемно, был активен, предприимчив в Советском Союзе, неутомимо ищет себя и удачу в Германии, настроен на юмористическую волну (его «Анекдоты папы Шульца» остроумно запечатлели реалии российского немца в разных ипостасях. Какие-то анекдоты я вложил в уста одного моего героя в романе «Разлад»). Шульцу надо было свои богатые жизненные впечатления переплавить в художественную форму. Он к этому стремится, но, видно, не хватает стимула, твердого убеждения, направления, веры в свои силы. На мой взгляд, и Эйснер, и Люфт, и Гейн, и Шульц, да еще ряд литераторов из бывших «наших», несколько поздно спохватились и остановились в растерянности на подступах к подлинному призванию. Ясно, что ныне «паршивая беллетристика» (А. Куприн) не кормит, не стимулирует, а писать для забавы, «в стол» трудненько (особенно для трезвого, практического немца), и творить без стимула проблематично, ты как бы связан по рукам и ногам. Состояние это мне знакомо. А мужики эти способные, талантливые, грамотные, им есть ЧТО сказать, и они знают КАК сказать, в литературном ликбезе не нуждаются, учились в русских школах, мыслят по-русски, свободно плавают в стихии русского речестроя (в отличие, скажем, от меня, воспитанника казахской аульной школы и казахского мировидения).

Еще раз упомяну, к слову, Надежду Рунде. Ее книжки для детей – богато иллюстрированные, великолепно изданные (мне издатель Бурау любезно прислал «Potti, der Welt» в переводе с русского на немецкий и английский языки. Прелесть издание!), и поучительны, и литературно блестящи, и эстетически превосходны. Очень по душе мне и короткие критические заметки, и интервью Надежды. Было бы здорово, если бы она собрала все эти «штучки» и издала бы отдельной книжкой. Полезная бы получилась книжка!

Вальдемар Люфт, мой земляк по Казахстану, южанин, прошедший непростую школу жизни, пишет отменно реалистические рассказы. Я их охотно читаю. А его повесть «Несвятая Мария» – вообще крепко сотворенная вещь.

В писаниях этих литераторов меня иногда настораживает одно: они всецело в плену своих советских впечатлений, материал они черпают из своей жизни в Советском Союзе; они, как правило, барахтаются

в той действительности, пережевывают жвачку тех времен – сорокапятидесятилетней давности. А между тем они живут в сытой, благополучной Германии по десять-двадцать лет, но эта тема – жизнь российского немца в центре Европы их почти не трогает. Ощущение такое, что живут в вакууме, что тамошняя жизнь протекает мимо, что она не дает импульса для творческих поисков, что писатель выпал из времени, он как бы эмигрант, живет прошлым, теми впечатлениями, запахами, коллизиями, природой той жизни, от которой он ушел. В чем дело? Российский немец со всем своим психологическим багажом очутился в новых условиях, столкнулся с новыми проблемами, ему приходится едва ли не в корне перестраиваться, приспосабливаться, приноравливаться к незнакомым условиям, преодолевать бесконечные стереотипы и барьеры. Эта сторона жизни очень слабо отражена в творчестве российско-немецких литераторов германского периода. Вот Виктор Штрек в упомянутом своем романе нашел совсем иной подход, иной ракурс. Ну еще Райзер в своем романе «Возвращение Одиссея» всерьез затронул эту тему. Иные сочинения германских собратьев читаю с двойственным чувством. Автор сочно описывает разные страсти-мордасти, многочисленные «свинцовые мерзости» (М. Горький) в бывшем Советском Союзе, рассказывает о тяготах, несправедливостях, иногда даже ерничает, зубоскалит, злорадствует и захлебывается от счастья, что вернулся наконец на родину предков, как Одиссей в свою Итаку, но живет старыми впечатлениями, посасывает обмусоленный пряник, ностальгирует, восхищается природой Алтая, Сибири, запахами степей Казахстана, вершинами Алатау, горных жайлау-пастбищ Киргизии, млеет от воспоминаний детства, а жизни современной Германии не замечает, соблюдает во всем политкорректность, себя самого в новых условиях не видит, «рай» новой родины не ощущает. И ты, читая эти опусы, недоумеваешь: где же рай, почему его не видно в произведениях, откуда эта неизбывная тоска по той части жизни, которую автор склонен развенчать, осуждать, разоблачать, высмеять, проклинать? Такой творческий штандпункт не убеждает, вызывает сомнение в искренности и порядочности автора. Или я ошибаюсь?

– Затрудняюсь судить. Вам виднее. А что, Герольд Карлович, происходит в литературе казахстанских немцев?

– А ничего и не происходит. Где они, казахстанские немцы? Я и Лена Зейферт – вот осколки той литературы. Две ласточки весны не делают. Остальные – кто умер, кто перебрался на иные берега. Когда-то одних членов Союза писателей СССР было более двадцати человек. Остался один я. Лену что-то упорно в члены СП не принимают. Да и зачем ей там быть, где и без нее около 800 человек? Ныне все, вплоть до постового милиционера, писатели. Каждый выращивает свою капусту, картошку. Каждый промышляет своей «простоквашей». Да Иван Сартисон опубликовал у вас документальную повесть. В ней человеческие судьбы взяты из жизни, охвачены все трагические этапы нескладного бытования российского немца в середине XX века. Больше никого и назвать не могу. Печальная картина... И Россия сильно оскудела на немецкие литературные таланты. Опустело литературное поле. Заросло трын-травою. Грустно... Очень. Хоть белугой реви. Потому и ощущаю себя иногда сторожем немецких могил в Казахстане. Вот брожу, как неприкаянный, с тощей немецкой сумой возле памятника Чокану. Нередко беседую с памятниками Джамбулу, Чокану, Ауэзову, Пушкину. О них у меня есть книжка «Тихие беседы на шумных перекрестках». Из-за стекла книжного шкафа на меня строго взирают Гегель и Гёте. Гегель вопрошает: «Ты что всякую белиберду читаешь?! Не забывай про Абсолют!» Гёте утешает: «Warte nur, balde ruhest du auch »... Пилигрим. Странник на земле. Лебенсраум сузилось. Тащусь-чикиляю по обочине жизни с трухлявым посохом в руке...

– *Ну да! Знаю, Вы живете по-прежнему активно, много печатаетесь, выступаете часто по ТВ, даете интервью, востребованы.*

– Да, жаловаться грешно. Уныние – один из семи смертных грехов. Стараюсь ему не поддаваться. И газеты и ТВ меня постоянно теребят. И интервью даю по всякому поводу налево-направо. И печатаюсь немало. В моем реестре на сегодняшний день 1507 публикаций. Издал 42 книги. Составил 20 книг. Перевел с казахского на русский язык не менее 25 томов – около двухсот произведений. Выходит, с количественными показателями полный порядок. А вот немецкая струна звучит с годами все слабее. И хотя пишут, что в Казахстане все еще 200–250 тысяч немцев, я их не вижу. И не слышу. Чем занимаются? Чем живут? К чему стремятся? Keine Ahnung!

Восхищаюсь корейцами. Уверенно шагают. Громко о себе заявляют. Во всех сферах. Напористы. Деловиты. И татары постоянно на виду. Предприимчивый народ. И уйгуры дают о себе знать. И русские пошумливают. А немцы будто дали обет молчания. «Hänschen klein geht allein in die ganze Welt hinein»... И на страницах «DAZ» немцы самые робкие. Словно их ничто не интересует. Основной контингент укатил в Фатерланд, а оставшиеся стараются не дышать. От них ни холодно, ни жарко. В стране что-то происходит, а у них хата совсем уж с краю. Меня это обескураживает, угнетает. Лично я общаюсь только с академиками Боссом и Гессеном. Может, и я самоотстранился, ушел в казахскую степь, довольствуюсь русской и казахской струнами своей измочаленной души?

– *Чем намерены заниматься в дальнейшем?*

– В дневниках Льва Толстого встречается сокращенное словосочетание «е. б. ж.» – «если буду жить». Надо – повторюсь – издать восемь накопившихся рукописей, а далее – «е. б. ж.» – буду писать рецензии, статьи, давать интервью и, может, переводить казахскую прозу на русский язык. Изначально я ведь переводчик. В последние годы отошел от этого занятия. А в казахской литературе есть достойные вещи, которые надо бы переводить на русский и другие языки. Надо бы обработать и издать тысячи писем моих немецких коллег, которых ныне уже нет. Я ведь свои бумаги понемногу сдаю в Президентский архив, с которым у меня заключен договор: обещает хранить мои бумаги в течение 70 лет после меня.

– *Много сдали?*

– Мешка два-три. Несколько тысяч документов. Исследователи, диссертанты ими пользуются. Кое-что сдал в Республиканский музей книги, в Петропавловский краеведческий музей…

– *Написано о Вас…*

– Изрядно. Около 400 статей. Две монографии, одна биографическая повесть в казахстанской серии «ЖЗЛ». Защищены три кандидатские диссертации, несколько курсовых и дипломных работ. Снято два документальных фильма – Жанны Ахметовой и Игоря Гонопольского.

– *И званиями, регалиями, премиями не обделены?*

– Не обделен.

– *Семейные обстоятельства…*

– Все просто. Жена до сих пор преподает в школе. 51-й год. Отличник просвещения. Методист. Дочь – помощник режиссера, режиссер по кастингу в студии им. Горького в Москве. Зять – заслуженный артист России. Руководитель балетного ансамбля. Внук окончил колледж. Правнучка подрастает. Одна сестра в Ташкенте, другая – в Германии. Племянники, родня в России, Узбекистане, Германии.

– *Значит, Герольд Карлович, покой Вам только снится?*

– Да, я ведь фаталист. Давно понял, что должно быть, то и будет, а то что будет, уже было. После инсульта мне был голос: пока пишешь, тебя не трону. А как забросишь перо, мигом заберу. Я хоть и атеист, в это уверовал. Потому и продолжаю шкрябать пером. Знаю: пока шкрябаю – живу. А дел на мой век предостаточно. Я веду свою колонку в журнале «Esquire».Так сказать, колумнист. Второй год веду рубрику в газете «Тасжарган». Из номера в номер печатается мое «Плетенье чепухи» – повседневная животрепещущая публицистика. Горжусь, что в прошлом году стал лауреатом премии «Свобода».

– *Ну что ж... Долгих лет Вам жизни и новых свершений. Да не устанет Ваше перо, Герольд Карлович!*

– Большое спасибо! Да сбудутся Ваши слова.

Беседовала Олеся Клименко
«DAZ», 4–10 июля 2008 года

«МНЕ ДОРОГ НЫНЕШНИЙ МОЙ ДЕНЬ»

В новом романе Герольда Бельгера «Разлад» описываются общественные и нравственные события последних лет. К роману недаром взят эпиграф, давший название книге: «В дому разлад – и дому не рад. Что за клад – коли все в дому на разлад». Писатель очень тонко и остро чувствует все происходящее вокруг нас, и проблемы большого города в том числе. Поэтому роман, объективно написанный на основе современной реальной жизни, не оставит читателя равнодушным. Он обладает художественной ценностью. В нем ясно звучит голос совести. Неподдельный интерес и спрос на новые книги писателя стали поводами для нашей беседы.

– Герольд Карлович, Ваш новый роман «Разлад» затрагивает злободневные социальные проблемы нашего общества. Умение раскрыть трагизм обыденной жизни достойно высших похвал. Вы точно уловили человека эпохи и то, что он живет в разладе с самим собой и обществом. Запущенность, беспорядок в делах, коррумпированное сознание, обездоленность разъедают нас изнутри. Базар житейской суеты под Вашим прицелом становится почти невыносимым, мучительно тягостным.

– Ей-ей, когда я писал роман, я обо всех этих премудростях и не думал. Если же подобные мотивы и звучат в моем романе, то, полагаю, это получилось спонтанно, подсознательно, помимо моей воли. Мною руководило желание воссоздать правдивую картину нашего современного бытия, передать посильно воздух времени и пространства, в которых мы пребываем.

Был всего-навсего задуман небольшой рассказ об одном добром, почтенном аульном казахе, который, оставшись вдовцом, переезжает к благоденствующему сыну – «новому казаху», нуворишу, дельцу, который в эпоху шахера-махера, уфита-суфита, ахалая-махалая сделал сногсшибательную карьеру, однако обустроенный им рай оказался его отцу, скромному учителю, участнику Второй мировой войны, человеку цельной, старой закалки столь чуждым, неприемлемым, что он посчитал нужным вернуться в свой опустошенный, разграбленный, поруганный, выморочный аул, с которым он за долгую жизнь сросся душой.

Элитный дом, в который приехал старик к своему процветающему сыну и своевольной городской крале, раскованной до циничности бизнесвумен, снохе, находится в нескольких шагах от моего пролетарского дома на улице Кабанбая батыра, и я видел этого старика каждый день, прогуливался с ним по аллее Чокана, чувствовал его растерянность и затравленность, беседовал с ним. Он порой с завистью наблюдал за нами, вольными завсегдатаями памятника Чокану, за железной оградой, ибо высокомерная сноха Зухра Ганиевна не позволяла своему «элитному» свекру якшаться с нами, его сверстниками, у которых, по ее мнению, кроме жалкой пенсии за душой-то ничего нет.

Словом, замышлялся бесхитростный рассказ об аульном старике, каковых еще немало и которых я знаю не понаслышке, очутившемся

в мегаполисе, в иной нравственной среде, в чуждой ему – по воспитанию и духовным ориентирам – ауре. Человек полагает, а Бог располагает. Помимо моей воли, рассказ обернулся романом.

Параллельно возникла еще одна линия – судьба немца Карла Деграфа, с раннего детства – после депортации – выросшего в казахском ауле, вобравшего в себя всю его ментальность, все черты и понятия, сильно оказахившегося. Он на старости лет вынужденно покидает ставшим родным аул, переееезжает к своим детям в Германию, где ему тоже все чуждо, тесно и муторно, и он тоже после долгих мытарств и изнурительных раздумий и сомнений, сполна испытав тягомотный немецкий бюрократизм, возвращается в аул на берегу озера с одинокой турангой.

Таких немецких стариков я также знаю не одну сотню, знаю их настрой, психологию, поведение, манеры. Перед моими глазами, когда я описывал Карла Деграфа, часто стоял мой родной отец Карл Фридрихович. У них, двух Карлов, только профессия и образовательный ценз были разными. Вся «германская» часть повествования зиждется на моих конкретных впечатлениях. Все немецкие герои в «Разладе» – мои знакомые и родственники.

Вообще, роман писался удивительно легко, без напряга и натуги. Я его «накатал» за три-четыре месяца. Правда, потом два месяца переписывал. Как всегда, когда я пишу объемные вещи, должен точно знать начальные и конечные фразы задуманного произведения. И еще название. Без этого для меня невозможно сдвинуться с места. Все остальное пишется как бы произвольно, само собой, по наитию, словно под диктовку. Это удивительное состояние, когда перо само скользит по бумаге, будто ведет тебя. Подсознание услужливо подсказывает неожиданные сюжетные ходы и ситуации. Главное в процессе письма не насиловать себя, а «күшенбей, қаламға ерік беруде». Пиши по совести, честно, не оглядываясь, не подлаживаясь под конъюнктуру. Именно этим принципом я руководствуюсь в своих писаниях.

Меня привлекает актуальная современность. Как писал Роберт Бернс, «мне дорог нынешний мой день, покуда он не прожит». Многие мои друзья-коллеги чураются современности. Предпочитают писать о событиях XVII–XVIII веков, о ханах, беках, биях, о ристалищах с джунгарами. Про «ойбай-ойбай, аттан-аттан!», скачки, грандиозные

поминки-асы, обильные дастарханы, вороватую любовь в овраге за аулом. Меня все это не прельщает. Мне интересно посильно изображать наше время.

Если быть точным, в «Разладе» описываются события начала XXI века. А 90-е годы прошлого века по мере моего разумения описаны и осмыслены в романе «Туюк су». Два произведения перекликаются, дополняют друг друга.

Что я имел в виду, назвав роман «Разладом»? Высшее мое стремление – гармония. Гармония духа – вот мой идеал. Кстати, так называется одна из моих книг. Но гармония пока нам только снится. А разлад – налицо. Разлад в обществе, в сознании, в душе. Разлад в семье. Об этом я пытался поведать в своем романе. Мне говорили: «Затрагиваешь острые проблемы. В политику не лезь. Роман непроходим». Ничего подобного. Он был опубликован в четырех номерах «Простора». Потом вышел отдельной книгой в издательстве «Жазушы». Вошел в избранное «Казахское слово». Знаю: к нему приглядываются и кинематографисты.

«Разлад» – не последний мой роман. Год назад я написал роман «Зов», в котором на фоне моей личной судьбы разворачиваются этапы движения за восстановление немецкой автономии на Волге, все мытарства на этом пути, которые, как известно, кончились безрезультатно, что и привело российских немцев к массовому исходу на этническую родину. «Немецкую» тему я начал в романе «Дом скитальца», который дважды издавался в Казахстане, а теперь вышел в немецком переводе в Берлине.

– Имя главного героя – Мамбет Адилов. Нарицательное, символическое имя, оно в любой момент может превратиться в обидное прозвище. А фамилия Адилов говорит о предельной честности его натуры. Скажите, до каких же пор будут порядочность и глупость считаться синонимами?

– Назвав своего героя Адиловым, об этимологии и не задумывался. Это получилось неожиданно, случайно. И вот только после твоего вопроса я подумал: а ведь я назвал его правильно. Он аульный учитель, живущий скромно, честно, порядочно, открыто, по совести. Действительно, Адилов, от «адиль» – «справедливый». А вот имя его, Мамбет, я выбрал сознательно. Это вариант, производное от «Мухаммед»,

«Махмет», «Мамет». Городские зубоскалы-охламоны в имя Мамбет вкладывают уничижительный оттенок. Дескать, Мамбет – аульный казах, примитивный, ограниченный, отсталый тип.

Мой друг Абиш Кекилбаев, намекая на мою аульность, в шутку назвал меня как-то Мамбетом. Герольд-Мамбет звучит комично, не правда ли? Но ничего обидного я в этом не вижу. Я, действительно, сохранил в себе очень много черт аульного Мамбета, по поводу чего никак не комплексую. Наоборот, «Мамбет» как бы подчеркивает мою казахскую суть. И мой герой Мамбет Казиевич тоже мне дорог. Он мой старший брат. Педагог, наставник, культуртрегер, носитель национальных достоинств. Да, в современном рыночном мире многое изменилось, вылезла пена, истинные, вековые ценности растворились, размылись. Разлад наметился и в семейных отношениях, и между поколениями. Разрыв между бедными и богатыми катастрофичен.

Ты спрашиваешь: как же быть простому человеку в такой ситуации? У меня нет исчерпывающего ответа. Я обнаружил, определил лишь боль. Поставил диагноз. А что делать – не очень-то и представляю. Думаю, надо прежде всего максимально сберечь свою национальную суть, совесть и честь, заповеданную предками. Будить в себе постоянно, ежедневно человека, гражданина, не плыть по течению, не оказываться во власти дурных, низменных сил, не потакать временщикам, калифам на час. Других рецептов, ей-ей, и не знаю.

– Роман не только о проблеме отцов и детей, хотя они являются антиподами во всем. В третьей главе романа описывается один день в большом городе. Что представляют собой современные мегаполисы? Модернизацию техногенного общества? Блеск и нищета постмодернисткого и масскультового толка царит в них. Депрессивная действительность припрятана под сверкающими неоновыми огнями. Само понятие «дым отечества» кажется затерянным. Что скажете Вы?

– Ну что я могу сказать? Ты сама лучше меня все объяснила, все философски осмыслила. Мне, сознаюсь, приятно, что мой бесхитростный бытовой роман вызвал у тебя столь серьезные и высокие мысли. Рад. Я обо всем этом в такой степени и не задумывался. И в душе не имею ничего против современных мегаполисов.

О да, человек, очутившийся в мегаполисе, конечно, меняется, что-то теряет, рискует превратиться в песчинку. Но что-то и обретает, его

окружают, помимо его воли, разные соблазны, завихрения, искушения. Случается, уродуется душа. Но куда денешься в каменных джунглях? Сетовать на время – бесполезно. Клеймить народ – напрасно. Важно сохранить живую душу, свою человеческую суть, не растерять былых нравственных ориентиров, не поддаваться гибельным искушениям.

Мои родители выросли в немецком поволжском дорфе Мангайм, попали в город Энгельс, где отец служил в Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), потом переехали в кантонный центр Гнаденфлюр, откуда их депортировали в казахский аул, затем тридцать лет жили в Ташкенте. И никакие обстоятельства, никакая обстановка, никакие соблазны не лишили их изначальной человеческой сути. Они остались добропорядочными людьми, не очерствели, не обозлились, прожили свою жизнь без изъяна, без червоточинки, сохранив культ доброй немецкой семьи.

И я, по сути, аульный Мамбет, вот уже 55 лет живу в Алматы и, полагаю, не испоганился, не скурвился. Значит, все зависит от самого человека, от того, что генетически заложено в его душе. Если он склонен оскотиниться, то в том не виноваты ни аул, ни деревня, ни село, ни город. А все остальное, о чем ты так убежденно говоришь, – правда.

– Герольд Карлович, Вы часто употребляете крылатые и меткие слова, пословицы и фразеологизмы, поговорки и изречения. В Вашем романе Вы преклоняетесь перед гением Абая, часто с любовью его цитируете...

– «Казахскостью» мой роман, как и я сам, конечно же, пронизан. Я всегда подчеркиваю: за моей спиной три коржуна с сокровищами трех народов. Самый полный, самый весомый – казахский. Так получилось. Я пишу в основном по-русски (хотя русский – мой поздний язык; до третьего курса института я свои дневники писал исключительно по-казахски). Но моя русская проза насыщена казахской и немецкой образностью, стилистикой, фразеологизмами, что становится, как правило, камнем преткновения для переводчиков.

Казахские и немецкие элементы в моем русском речестрое присутствуют постоянно, и, возможно, это и придает моему слогу некую окраску (О том доцент Марал Амалбекова обстоятельно написала в своей монографии «Феномен билингвальной личности в этноязыко-

вом ландшафте Казахстана». Астана, 2009). Ты это верно подметила. Однако вряд ли я – казахский писатель, хоть и немецкого происхождения. Кстати, Мухтар Магауин тоже каждый раз убеждает меня, что я, мол, казах, а немцем, дескать, был когда-то.

Писатель я, вероятно, не казахский, не немецкий и, тем более, не русский. Я некий продукт на стыке трех культур. И, наверное, вовсе не обязательно меня к кому-то строго приписывать. Немецкий писатель Эрнст Кончак называл меня «советско-немецким русско-казахским писателем». А Морис Симашко выразился еще энергичней: «Бельгер вам – не хрен собачий».

– Сын Мамбета Адилова, Бахыт – преуспевающий новый казах, принадлежит к сугубо городскому типу людей, к зарождающейся новой буржуазии. А его отпрыск Арыстан ничуть не похож ни на деда, ни на отца. Про него нельзя сказать что-либо конкретного. Это новый типаж золотой молодежи, его можно считать космополитом. «Для них Абай – всего лишь бабай» – слова, которые говорит Гереке, то есть Вы.

– Да, Бахыт, сын Мамбета, – буржуа казахского разлива. Таких ныне много. Они сидят в правительстве, в парламенте, в разных учреждениях. Я их знаю. Это в меру образованные, предприимчивые, шустрые джигиты, кое-что умеющие и себя никогда не забывающие. Среди них встречаются и отменные работники, и циники, и хапуги, и рвачи, бывалые, верткие коррупционеры. Бахыт – трудяга, отменный спец. Но несчастный человек. В семье разлад. Деньги счастья ему не принесли. И главная беда: он оторван от национальных корней. Он живет в ирреальном мире, вращается среди элиты. Внешне, говорят, он напоминает Аблязова.

А его сынок – балагур, выскочка Арыстан – совсем уж новый тип казахов. Я таких вижу каждый день среди учащихся школы имени И. Алтынсарина по соседству. Они, эти сытые, ухоженные, нагловатые арыстанчики, от чего-то ушли, а до чего-то не дошли. Я их не охаиваю, наоборот, нахожу в них неразвитые качества. Арыстан хоть и далеко ушел от своего деда Мамбета и постоянно ерничает при разговоре с ним, однако душой исподволь тянется к нему, инстинктивно чувствует, что в этом взбаламученном мире лжи, наживы и фарисейства его единственная опора – все же дед Мамбет.

Космополитов ныне много. Мухтар Шаханов ими постоянно ругает казахов. И для меня космополиты – не идеал. Мое сознание до космополитизма пока еще не доросло. Знаю, однако: среди них встречаются яркие экземпляры. И все же, на мой консервативный взгляд, лучше придерживаться национальных корней. Космополит – нечто искусственное, обитающее между небом и землей, некое облако в штанах. Но сознаю: со временем космополитов становится все больше.

– Глава, описывающая небольшой пир в элитном доме Бахыта Мамбетовича в честь приезда отца, чем-то напоминает бал у Сатаны в «Мастере и Маргарите». На этой ярмарке тщеславия нуворишей почти нет положительных образов. Сноха Зухра Ганиевна – казашка сугубо городского типа, современная Иродиада – жестокая, бездушная бизнес-леди. Ее дочь, юная Лаура, тоже девушка свободного нрава, как говорится, яблочко от яблони. За обеими женщинами ухаживает Серж, то есть Серик, пройдоха, альфонс, ловелас. И по сравнению с ним гоголевский Хлестаков – невинная овечка. Насколько навредил процесс урбанизации казахской женщине?

– Нет таких весов, на которых это можно определить. Скорее всего, урбанизация отразилась на казахских женщинах в такой же степени, как и на женщинах других национальностей.

Женщина – более чуткое создание. Она вбирает в себя приметы общественной ауры скорее, чем мужская часть населения. Она устойчивее, выносливее, легче приноравливается к любой обстановке. Это я вижу и по своим соплеменницам, оказавшимся в Германии. Мужчины хандрят, теряются, спиваются, женщины терпеливо приспосабливаются.

Зухра Ганиевна, ее дочь Лаура, их общий хахаль Серж-Серик – городской продукт лицемерия, лжи, распутства. Женщина, лишенная долга и обязанностей, легко срывается со всяческих запретов и с головой окунается в искушения Азазеля. Да, в изображении пира на квартире Бахыта я, видно, не удержался, увлекся публицистикой, сатирой, памфлетом, сарказмом, речевой характеристикой гостей, от богатства, от высокого положения, от сознания своей элитности совсем уж сбившихся с панталыку. Увы, такие типы существуют, они всем знакомы и, выражаясь по-ленински, страшно далеки от народа. Странно, но и среди них есть симпатичные люди, отнюдь не нрав-

ственные уроды, но в силу воспитания и сложившихся обстоятельств, основанных на ложных ценностях, они не всегда отдают отчет своим словам, поступкам, манерам.

– В романе описывается множество материальных привилегий наших богачей. Загородная дача Бахыта Мамбетовича является голубой мечтой многих. И все эти блага вырисовываются на фоне духовного обеднения, можно сказать, нищеты. По-вашему, разлад произошел в сознании, в душах, в общественном укладе. Поражает Ваша гражданская позиция. Вы неизменно высказываетесь голой правдой, хотя большинство у нас отмалчивается. Не зря описан в романе Ваш собственный автопортрет. Кстати, оба друга, пожилые люди – Карл Деграф и Мамбет Адилов, немец и казах – живут в Вас, Вы их почти не разделяете. Духовный строй этих честных, сердечных стариков одинаков.

– Все правильно, Айгуль, подметила. За двадцать лет независимости воспитано такое поколение, которое помешано на богатстве, на благе, на долларах, на житейской мишуре, на показухе, хвастовстве, на спеси, чванстве и кичливости, на бездуховности, коррупции, на фальши. В мечтах – виллы, коттеджи, красивая жизнь, иномарки, вояжи, прислуга, шик. Других ценностей не существует. Вот это психологическое уродство – скорбные достижения первых двадцати лет нашей независимости. И преодолеем мы его нескоро. Молодое поколение отравлено такими вожделениями, как наркотики, спиртное. Что это тотальное бедствие, наши власти еще не осознали.

Как быть дальше? Ей-богу, не знаю. Джинн выпущен из бутылки. Обратно его не загонишь. Одно время я уповал на «зиялы қауым». Ныне в интеллигенции я глубоко разочарован. Часто думаю: не выбраться нам из болота, не вытащить из него нашу раздрызганную арбу. Так что на вопрос: «Как быть дальше?» тебе, молодой, ответить сподручнее, чем мне, старому скептику.

А гражданской моей позицией и вовсе восхищаться не стоит. Говорить то, о чем я думаю, о том, что вижу и слышу, говорить честно и открыто – вот и вся моя гражданская и писательская позиция.

– В романе раскрывается Ваша собственная боль – депортация 1941 года, горе переселенцев-немцев, обреченных тогда на вечную ссылку. Но Карл Деграф, славный парень, достойно перенес тяготы

и невзгоды новой жизни и искренне полюбил казахскую землю. В книге показано разительно резкое отличие между восточным и западным менталитетом. У Вас портрет Германии вовсе не блещет благородством, даже сама природа ее чужда Карлу Деграфу. Разве казахские бюрократы лучше? Вряд ли. Невольно вспоминаются слова Франца Кафки о том, что все оковы человечества сделаны из бумаги. Кстати, возвращенцев на историческую родину здесь называют оралманами, там аусзидлерами, но отношение и к тем, и к другим ничем не отличается.

– Да, вторая сюжетная линия романа – судьба российских немцев, моя неизбывная боль, депортация, ссылка, комендатура, ограничение в человеческих правах, тяготы и невзгоды бесправного человека, через которые прошел мой герой Карл Деграф. И я тоже. Вынужденная эмиграция российских немцев большим благом, по всему, не стала. Россия обернулась мачехой для миллионов этнических немцев, которые ей более двухсот лет служили верой и правдой.

Тема эта трагическая. О том много написано. И я ее в малой степени затронул. В Германии ныне обитают многие потомки моего пращура Андреаса Бельгера, который на свой страх и риск прибыл в Россию по манифесту Екатерины Великой в 1767 году с женой и двумя детьми.

Недавно меня с 75-летием поздравили из Германии мои родные, двоюродные, троюродные сестры и племянники, многих из которых я и не помню. Сказать, что им плохо, никак нельзя. Живут лучше, чем в России, Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане. Но ностальгируют многие. Особенно старшее поколение. Более молодые, и особенно юная поросль, вписываются в новое общество отменно, интегрируются и ассимилируются (последнее, отмечу, мне не совсем по душе). Я в курсе тамошней жизни, бывал в Германии, всматривался жадно во все. Кое-что меня восхитило, кое-что отвратило. Одно ясно: я там жить бы не смог. Там никто никому не нужен. Каждый сам по себе. Мне, пенсионеру, там и здороваться было бы не с кем. А я, казахстанец, по натуре человек социальный, общественный, я должен чувствовать себя нужным.

Нужным же я чувствую себя только в Казахстане. С этой страной связана вся моя судьба. Вне Казахстана я опустошенный человек. Так

вся «немецкая» линия в «Разладе» основана на моих личных впечатлениях. И то, что в Германии увидел, услышал и почувствовал «мой» Карл Дефраф, – это, в сущности, мои ощущения.

Согласен: у аусзидлеров и наших оралманов много схожего. Прошу обратить внимание на финал романа. Друзья, казах Мамбет и немец Карл, отринув первый – городскую, элитную, а второй – германскую жизнь, возвращаются в родной аул. Идут по полузаглохшей тропинке вдоль озера, – одинокие, старые, никому не нужные, в сумерках.

– Куда ведет эта тропинка? – спросил Карл.

Мамбет Казиевич еле слышно откликнулся:

– А никуда…

В эту заключительную сценку я вложил какой-то смысл в надежде, что читатель обратит на это внимание. Для кого-то из моих героев их тропинка ведет в никуда… Правда, это вовсе не значит, что автор погрузился в безысходный пессимизм…

– Гер-ага, благодарю Вас за душевную беседу. Желаю крепкого здоровья и творческих свершений!

Беседовала Айгуль Кемелбаева
2010 год

ВОСПИТАННИК ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

Когда меня спрашивают о самом известном казахстанском немце, я всегда, не задумываясь, называю имя Герольда Карловича Бельгера. Конечно, в летопись истории немцев Казахстана вписано немало имен. Все они внесли значительный вклад в развитие как Казахстана, так и всего Центрально-Азиатского региона, но многогранность таланта Герольда Бельгера сложно переоценить. Известнейший казахстанский писатель, талантливый литературный переводчик, публицист и критик.

Пишет на трех языках: казахском, русском и немецком. В одном из своих интервью Герольд Карлович назвал себя воспитанником трех государств – России, Казахстана и Германии. В каждом из них он отмечен рядом государственных наград. Герольд Бельгер – обладатель

первого казахского ордена «Парасат», был объявлен «Человеком года» («Алтын адам») в номинации «Деятель культуры». От Российской Федерации за особые заслуги в общественной работе и укреплении дружбы между народами получил Екатерининскую медаль, а в марте 2010 года посол ФРГ в Казахстане Райнер Шлагетер от имени Президента Германии Хорста Келера вручил орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия».

– Герольд Карлович, в некоторых Ваших книгах Вы описываете родословную своей семьи. Как Вам удалось собрать информацию вплоть до Ваших предков в Германии?

– Каждый нормальный человек должен знать свою родословную. Я в этом глубоко убежден с раннего детства. Из-за преследований по национальному признаку многие немцы скрывали свои фамилии, добавляли окончания на русский лад, я же всей душой был против этого. С самого рождения я был и остался Бельгером. А родословная меня всегда интересовала.

У моей матери была уникальная память, она знала всех детей, родившихся в ауле за тридцать лет. Многие из них сами не помнили дату своего рождения, а она знала. Поразительная память. По рассказам матери и отца я и составил родословную шести поколений, в которой двести с лишним человек. Со стороны отца семь братьев и сестер, и со стороны матери семь братьев и сестер. Я всех подробно расписал, кто, где, когда родился. Кроме рассказов родителей были кое-какие домашние документы: например, документы моего дедушки со времен, когда он служил в царской армии. Когда меня навещали родственники, я каждого, так сказать, «общипывал» – кто, откуда, какие у него дети. Все это и помогло создать мой архив. Первое, второе, третье поколение в моей родословной – это российские немцы, дальше уже пошли русские, украинцы, татары, мордва, греки, даже не знаю кто – все смешано. Восьмое поколение уже в Германии. Очень помог мне мой племянник Артур Бельгер, живущий в Германии. Он обратился в специальную организацию, которая в течение двух лет занималась поиском родственников и восстановлением родословной нашей семьи и докопались вплоть до XVI века. Так мы узнали об Андреасе Бельгере, от которого и пошла российская ветвь Бельгеров.

– В своей книге «Резюме» Вы пишете: «У каждого своя стезя, свое назначение, своя прихоть». Считаете ли Вы, что литература изначально была Вам уготована?

– Считаю! Я рано решил, что стану писателем. Сначала писал по-казахски. Со второго курса института перешел на русский. Иногда в мои дневниковые записи вклиниваются немецкие фразы, словечки и абзацы. Сильно заболел с двенадцати лет, на костылях закончил школу, институт, аспирантуру. Работал. Я был и физически подавлен, и морально, но все это выработало во мне характер, умение сопротивляться обстоятельствам, идти наперекор, а то, что я буду писателем, я сообщил друзьям еще во втором классе. С того момента я веду дневники, они все сохранены. Я пишу два вида дневников, один для себя, вряд ли кому-то интересный, там много всяких мелочей, чепухи. Из них я делаю извлечения, которые уже имеют определенную общественно-социальную значимость. Я всегда был человеком общественно активным, был депутатом, у меня большой круг общения, поэтому эти извлечения, надеюсь, интересны для публикаций.

– Читая Ваши автобиографические произведения о тяготах, пережитых вашей семьей и лично Вами в 50-е и 60-е годы, поражаешься – откуда такие силы бороться, идти дальше, стремление стать лучшим, а не просто плыть по течению?

– Я в какой-то степени фаталист. Где-то с двенадцати лет во мне родилась идея, что я для чего-то создан, не просто пришел на этот свет. И эта идея постоянно мною руководит. Более того, сейчас, в более зрелом возрасте, мне очень легко жить. Я вроде бы сам собой не руковожу. Какая-то потусторонняя сила говорит мне: «Сегодня делай это, а завтра то. А вот этого делать не стоит, еще не созрел». И я подчиняюсь этому голосу. Вроде бы мистика, странно. Особенно для меня, человека довольно реалистичного. Но что есть, то есть. Более того, после инфаркта и инсульта я совершенно убежден, что голос мне сказал: «Пока ты «шкрябаешь» пером, я тебя трогать не буду, как только бросишь, я тебя заберу». Мое кредо: что должно быть, то и будет, а что будет, то уже было. Я всегда иду строго по плану, иногда моя планомерность раздражает моих друзей, которые нередко пытаются ее сорвать – приходят не вовремя, звонят, отвлекают и радуются, когда им

это удается. Утром, к примеру, я пишу пункты на сегодняшний день и, если что-то не успеваю, то делаю уже ночью. Я превратил себя в механизм, в машину. Многие удивляются, как я так много написал. Все от того, что я работаю каждый день. Мой принцип таков: пишу прозу, но если фантазии нет, воображения нет и проза не идет – пишу критику. Критика не идет, делаю переводы. Что-нибудь постоянно делаю.

– Герольд Карлович, в 2012 году завершилось издание Ваших произведений в десяти томах. Это полное собрание Ваших сочинений?

– Увы! О полном собрании и речи нет. Для полного собрания понадобилось бы еще томов десять-двенадцать.

– Вы знакомы и переписываетесь с большинством российско-немецких литераторов. Практически все их книжные новинки попадают к Вам на рецензии. Что Вы понимаете под термином «литература российских немцев»?

– Я всегда говорю, что российские немцы – это особый этнос, сложившийся в особых исторических условиях и имевший свою культуру, свои отличительные черты, свою литературу, свое миропонимание и мировосприятие. Бесспорно, что была у него и своя литература, поразному формировавшаяся на разных этапах, знавшая периоды взлета (предоктябрьский период, 20–30-е годы, 70–90-е годы прошлого века), периоды тотального безмолвия (1941–1964 годы). Но литература российских немцев всегда честно служила своему этносу и национальным запросам. В настоящий момент литература переживает кризис. И сложно ответить, выберется ли она из него, но я в это, конечно же, верю.

– Герольд Карлович, Вы нередко называете себя воспитанником трех государств – России, Казахстана и Германии. Пишете на трех языках, делаете переводы с казахского на русский, немецкий и наоборот. В вас переплелись три культуры, казахская, немецкая и русская. Что каждая в отдельности для Вас означает?

– Переплетение трех культур – главное мое богатство. Я всем говорю: «У меня за спиной три переметные сумы: русская, казахская, немецкая». Любую суму уберешь – и я страшно обеднею. Если я чем-то и интересен, то в первую очередь тем, что, будучи этническим немцем, вырос в казахской среде.

Владею казахским языком, пишу по-казахски. Если это убрать, я буду какой-то заурядный немец, который говорит и пишет по-русски. Каждая из культур очень многое для меня значит. Я родился в немецкой культуре, воспитан на казахской, а самая поздняя для меня – русская. До того, как поступить в институт, я толком русских людей не видел. Всегда очень много читал, а поскольку учиться не у кого было, я произносил русские слова так, как они писались: «До-рога». Когда сдавал экзамены, все удивлялись: «Человек начитанный, в курсе всех дел, но как он будет учителем, когда у него такое странное произношение?» Дневники я писал все по-казахски. Стихи тоже по-казахски. Примерно с третьего курса я перешел на русский язык. Литература российских немцев увлекла меня в 60-е годы прошлого столетия. Моя первая статья о ней вышла в 1967 году в газете «Қазақ әдебиеті» («Казахская литература»). Потом на казахском языке в этой же газете опубликовал подборку стихов российских немцев. Из соплеменников первым обратил внимание на эту подборку Фридрих Больгер. Дальше – больше. В 1971 году в журнале «Простор» опубликовал большую обзорную статью «Как брат среди братьев». Активно продолжал работать в этой тематике. Ко мне приходили письма со всех уголков Советского Союза. Я будто вернулся в родной стан. Стал востребованным среди немцев. В 1972 году возглавил Совет по советско-немецкой литературе при Союзе писателей Казахстана. С тех пор и плутаю в трех соснах. Таковы три грани моей души, которые обогащают меня. Все три составляющих я постоянно культивирую. В последнее время, правда, от немецкого языка отдалился. Среды нет, окружения нет, дома мы говорили на гессенском диалекте. Чтобы как-то сохранить язык, я читаю Библию, произведения немецких авторов в оригинале.

– Герольд Карлович, большое спасибо за интервью. Желаем Вам здоровья, неиссякаемого творческого долголетия и семейного благополучия!

Беседовала Олеся Клименко
«DAZ», 4–10 октября 2013 года

«КРЕДО – ГОВОРИТЬ ВСЕГДА ТО, ЧТО ДУМАЮ»
(К вопросу о латинице)

В каком-то смысле мы все – рабы, прикованные к галерам. И галеры эти – наши семьи, работа. Это социальные отношения, когда ты все время выбираешь, что же лучше – сказать или промолчать, идя на вынужденный компромисс с окружающими, с большим начальством, с властью. Сообразуясь с обстоятельствами. Ведь против силы не попрешь, плетью обуха не перешибешь.

А значит, мы молчим, потому как молчание – золото. Надо расти, надо продвигаться по службе с мечтами о больших деньгах, за которыми каждый из нас видит обретенную свободу.

Но вот парадокс: чем выше удается тебе взобраться по иерархической лестнице – тем толще ярмо на твоей шее.

Может быть, и поэтому человек подлинно свободный, а таких людей всегда единицы, интересен для нас как собеседник. Когда я читаю, как пишет свободный человек, мне его мысли, признаюсь откровенно, импонируют (цитирую): *«В понимании наших властей истинный патриот тот, кто умирает за год до пенсии»*.

Эта крамольная мысль из книги «Плетение чепухи» принадлежит перу казахстанского писателя Герольда Бельгера. А как вам это: *«Борьба с коррупцией стимулирует рост поголовья козлов отпущения»*?

И, наконец, последняя бельгеровская зарисовка из все той же книги «Плетение чепухи», послужившей темой нашего сегодняшнего интервью с известным прозаиком. Читаем: *«Недавно один из современных еврейских писателей сказал, что в его детские годы на иврите говорили едва триста тысяч человек на свете; ныне ивритом пользуются восемь миллионов евреев. А как у казахов обстоит дело с казахским языком? Боюсь, все наоборот. Что же будет через 30-50 лет, и представить не могу»*.

И тут уже мы задаем свой вопрос Герольду Карловичу:

– На этот год на развитие казахского языка выделено 2 миллиарда 700 миллионов тенге из государственного бюджета. А между тем в Вашем голосе мы не слышим по этому поводу радостных ноток оптимизма. Чем это вызвано?

– Правительство, которое само не владеет казахским языком, выделяет сегодня большие деньги на его изучение. Но, ей-богу, хорошо, если из этих миллиардов хотя бы десять процентов пойдет на развитие языка, остальное, я уверен, осядет в карманах тех же самых чиновников. Разворуют. И все будет опять по-старому. А вместо этого переиздай они сегодня книжку «Казахское слово» Бельгера и добавь туда хотя бы «Тіл толғақ» – мои рассуждения на казахском языке – и будет книга очень нужная и для шала казахов, и для ада казахов, и для таза казахов. Для всех. Сейчас же казахов делят на три рода. Шала казахи – это ни рыба ни мясо, полуказахи, полурусские; ада казахи – казахи, совершенно оторванные от своих корней; и, наконец, таза казахи – настоящие казахи. Так я отношу себя к таза казахам. А ты, бала, скорее всего, шала казах?

– Я не спорю.

– И вот такая книга, несомненно, сыграла бы полезную роль, если ее издать большим тиражом. Я сейчас встречаюсь со студентами, они меня спрашивают, где можно достать мою прежнюю книжку «Казахское слово», вышедшую всего-то тремя тысячами экземпляров. Ее сейчас ищут через Интернет, копируют. То есть спрос есть. А там сидящие наверху об этом не думают. Они думают: *«Апырмай, тартып алсам екен, калтама тыксам екен» («Апырмай, как бы урвать, как бы свой карман набить»).*

И причем, заметь, как смешно получается. Сегодня не владеющие казахским языком стали страшно ратовать за развитие казахского языка. Как, скажем, если бы я, не знающий ни бум-бум по-английски, поехал бы в Лондон и начал там агитировать англичан учить английский язык. Мне бы, наверное, сказали: *«Айналайын, өзін неге үйренбейсің?» («Родной, а сам-то ты почему не учишь?»)*

– Герольд-ага, еще один вопрос. Сегодня в СМИ идут большие сшибки, и мы видим, как убеленные сединой аксакалы спорят между собой, переходить ли нам на латиницу или оставить все как есть. А между тем казахская молодежь, не испрашивая на то разрешения у старшего поколения, отправляет друг другу на мобильники эсэмэски, пользуясь уже вовсю латиницей.

Или взять тот же компьютер, попробуйте разместить там казахские тексты на кириллице, ничего у вас не получится.

Так почему бы нам в будущем не начать освоение латиницы именно с виртуального пространства? Ведь казахский Интернет пустует, тогда как это могла быть целая обжитая и комфортная Вселенная?

И потом, переход на латиницу вовсе ведь не предполагает, что мы сегодня же возьмем и сожжем все казахские книги и газеты, выпускаемые на кириллице? Кириллице на ближайшие двадцать-тридцать лет можно оставить бумажное пространство, а молодое поколение, обучаемое в школах одновременно и кириллице, и латинице, пускай штурмует компьютерные миры. Что оно, признаться, и без нас успешно делает. Тем более что в молодежной среде знать латиницу – это сегодня и престижно, и модно. Так, может, стоит просто этот стихийно возникший бурлящий народный поток направить в нужное русло, вот и все?

– Ну хорошо. Ты это кому говоришь? Я все это знаю. Полностью разделяю твою мысль. Согласен. В принципе – да. Но то, что у нас в Казахстане уже в течение десяти лет вопрос о переходе на латиницу элементарно забалтывают, говорит о том, что кому-то, вероятно, очень хочется это дело спустить на тормозах. Поэтому мои взгляды здесь, скорее, пессимистические, чем оптимистические.

Еще два-три года назад я был более оптимистически настроен. Из чего я исхожу. Мои основные принципы, или штандпункты, кредо. Переход на латиницу означает, что тюркские народы сблизятся. Это прежде всего. Я сторонник того, чтобы они сблизились. Я сторонник того, чтобы все культуры сближались. А если тюрки сблизятся – это большая мощь. Каких-либо особых трудностей, связанных с переходом на латиницу, я не вижу. Взять меня, я пользуюсь и латиницей, и кириллицей с самого раннего детства. Другое дело, что я уже выступал раза три или четыре на эту тему, и теперь мне звонят бесконечно по телефону и говорят: *«Ой-бой, сенің пыйғылың жаман. Сен біздің онсыз да кенже қалған қазақты Батысқа тартасын» («Ой-бой, у тебя плохие намерения. И без того малочисленных казахов ты хочешь утянуть на Запад»)*. Это, говорят, в тебе твоя немецкая кровь заиграла.

А ведь русские сами сегодня утверждают, что они рано или поздно перейдут на латиницу. Это хотел сделать еще Петр I. Он уже настроился, но не успел, потому что встретил сильное сопротивление со стороны православного духовенства. За переход на латиницу агитировал Троцкий. Он поделился своей идеей с Лениным, и Ленин особо

не возражал. Мало того, уже в XXI веке Россия перейдет на латиницу – это мнение современных российских ученых из Академии наук РФ. Сама жизнь их заставит. Потребность в научной литературе, тот же Интернет просто вынудят русских решиться на столь смелый шаг. Ведь иначе они на многие годы отстанут от Запада. Спрашивается: и кто тогда останется на кириллице?

– Одни казахи?!

– Нет. Останутся на кириллице российские поэты и духовенство. Причем в одной из казахских газет я уже как-то писал на эту тему: «Когда мы перейдем на латиницу? Только тогда, когда перейдут русские». Ну да, у нас политика такая осторожная.

– Если даже стапятидесятимиллионная Россия вынуждена приспосабливаться к реалиям времени, обозначая свой переход на латиницу пусть и в будущем, то почему мы должны обязательно изобретать свой собственный казахский велосипед вместо того, чтобы идти по пути наименьшего сопротивления?

– Раньше, до сорокового года, казахи уже писали на латинице. Казахи пользовались облегченным арабским и латиницей, а потом перешли на кириллицу. Ничего сложного тут нет. И дети быстро выучат новый алфавит. Это, кроме всего прочего, весьма удобно. Совместно с тюркскими государствами мы можем создать для себя унифицированную латиницу, с общими правилами произношения букв и слогов для всех тюркских народов. Чтобы казах переводил с узбекского или турецкого не через русский, а пользуясь только своим родным языком.

А представьте, какие выгоды несет изучение казахского языка представителям национальных диаспор, проживающих в Казахстане. Ведь зная казахский язык и латиницу, они также могут свободно общаться с другими тюркскими народами через письмо и книги. Значит, растет значимость казахского языка, его престиж. Казахские школы будут переполнены.

Впрочем, я и сам во всей этой развернувшейся полемике запутался, выслушивая многочисленные доводы за и против. И запутавшись, *«ай, мен де кумын» («я тоже хитер)* (ведь казахи сами себя считают ужасными хитрецами), я решил, что просто буду молчать. Вы там сами разгребайте свои завалы, а я, Горкавец, Щеголихин, все мы согласимся с тем, что решит *зиалы қауым (казахская интеллигенция)*. Я же активно не выступаю на эту тему, никого агитировать не собираюсь.

И я понимаю нашего президента. Ученые предлагают ему то одно, то другое, то третье. И он тоже запутался. А запутавшись, осторожничает. Правильно делает. Но только я на него в этом деле рассчитываю. Потому как человек он решительный.

Теперь пятнадцатого марта представительная комиссия должна рассмотреть вопрос о переходе на латиницу. Правда, я боюсь, что президента на ней окончательно запутают, и все останется по-прежнему. Ну... останется, и бог с ним. Мне уже семьдесят лет, и остаток своей жизни я прекрасно проживу с двумя этими дамами: и с латиницей, и с кириллицей. Так что никого я не агитирую и не вмешиваюсь в сугубо казахские дела.

– Аға, последний вопрос вдогонку. Вы порой столь резко высказываетесь в адрес многих наших министров и чиновников, что некоторые уже Вас за глаза окрестили оппозиционером. Насколько подобное утверждение соответствует истине?

– Никакой я не оппозиционер. Я просто человек свободный, вольный. Что думаю, во что верю, то и говорю, не стараясь при этом кому-то особо понравиться, под кого-то подладиться. Хотя и дивидендов мне это не приносит.

Помню, в комиссии, рассматривавшей официальные статусы языков, я ратовал за то, чтобы у нас было два государственных языка: казахский и русский. Так за это меня сами казахи долбали целый год. Говорили: «Голову тебе оторвем, вторую ногу сломаем, попробуй только *далага шыгуга (выйти на улицу)*, *сен шал – онбаган екенсын (ты – старик непутевый)*». Целый год меня травили. Не могли переубедить. Но я потом сам понял свою ошибку. Если есть одна страна, один народ, то должен быть один государственный язык.

В заключение же я хочу сказать, что нам не надо бояться перехода на латиницу. Мы же не сразу на нее перейдем, а это будет идти долго и параллельно. И, скорее всего, когда Назарбаев издаст указ, то он тоже обозначит большой срок, пятнадцать-двадцать лет на параллельное вхождение. И это будет разумно. Не надо бояться. Все учебники, вся литература, газеты – все же остается. Просто мы делаем еще один дополнительный шаг в изучении казахского языка. Болды (Все).

– Жарайды, аға. Рахмет...

Беседовал Серик Малеев
«Мегаполис», 5 марта 2007 года

Енлик Ормаханова

«КАЗАХСКАЯ ТЕТРАДЬ» ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

Герольд Бельгер давно зарекомендовал себя как прекрасный эссеист, каждая мысль которого закончена и ясна. Он владеет всеми формами искусства написания эссе. Трудно описать грани его незаурядного дара. Эстетически тонкий, филологически изысканный, разносторонний подход к своему творчеству я заметила у этого эссеиста, прочитав седьмой том избранных сочинений «Казахская тетрадь». Мне интересно, чем руководствовался этот писатель в выборе названия для своей книги. «Казахская тетрадь» – звучит особенно. Все, что знал Бельгер о ментальности казахского народа, описано в его книге.

В последний раз подобную книгу я читала у Левшина, называется она «Описание киргиз-казачьих, или Киргиз-кайсацких орд и степей». Герольд Бельгер – это второй неказах, который так написал о нас. У этого талантливейшего человека прекрасные аульные зарисовки. Видно, что он хорошо знает ментальность казахов. Он берет героев из реальной жизни. Высокая духовность, искренность, простор, ощущаемый за каждой строчкой, свежесть взгляда и восприятия, мироощущение глубин казахско-немецкой культуры, чувство этнических корней, голос предков, многообразная бытийность, ассоциативность, исповедальность, – вот те, на мой взгляд, ключевые понятия, которые импонируют мне в творчестве удивительного писателя. В них заключены его особенность, его характерная индивидуальность.

Он очень тонко и остро ощущает изначальную суть Слова, его созвучие, используя сравнения, анализируя в эссе «Гёте и Абай» творчество двух величайших людей. В хаосе слов он выявляет поэтическое родство двух разных, но в то же время очень похожих по духу писателей Гёте и Абая. «Даже в разной тональности мировосприятия и миропонимания Гёте и Абая мне всегда мерещится некое родство, некое

созвучие, достойные серьезного изучения и разговора», – пишет в своем очерке Герольд Бельгер.

Крепко сплелись в мировоззрении автора две души – казахская и немецкая. Он живет не в замкнутом мирке. Его душа растворена в огромном – во времени и пространстве – мире. Герольд Бельгер грациозно играет словами, сталкивает, сопрягает их, извлекает из них живую, трепетную суть.

После прочтения «Казахской тетради» у меня появилось ощущение, что я еще многого не знаю в этой жизни, потому что в книге столько ссылок, столько прочитанного, столько размышлений. Автор то ссылается на Гегеля, то цитирует Пушкина, то говорит о споре двух философов. Я поняла, как много неизведанного мне нужно постичь. Простой читатель невольно понимает собственную легковесность, читая Бельгера.

Подробно изучив творчество великого Абая, Герольд Бельгер пришел к выводу, что очень трудно переводить его произведения. «Трудно, невозможно трудно перевести Абая. Перевел Санбаев, перевел Виктор Шкловский в свое время. Кто еще перевел? Роллан Сейсенбаев с женой, Ауэзхан Кодар что-то перевел. Ну, если оригинала не иметь в виду, а просто читать – вполне прилично. Все хорошо, ты доволен. Как только начинаешь сравнивать, сопоставлять – ай, не то. И вообще я сейчас больше склонен к мысли, что лучше, наверное, Абая не трогать. Пусть его казахи понимают, читают – а другие никогда его понять не смогут».

Очерк-эссе «Созвучие» посвящен переводу «Ночной песни странника» Гёте на русский язык М. Лермонтовым и на казахский язык Абаем Кунанбаевым. В эссе «Вблизи Чингизских гор» автор рассказывает о своей поездке на родину Мухтара Ауэзова в составе писательской делегации в связи с девяностолетием писателя. В раздел, названный в аннотации «Земные избранники», вошли также эссе «Отзвуки» и «Исповедь поэтов».

Эссе «Казахское слово» – манифест из тринадцати глав, посвященный казахскому языку. Мастерски выписанные сце-

ны, ироничные и безжалостные, не оставляют равнодушным даже далекого от казахской реальности читателя, ну а для знакомого с ней эта книга – просто бальзам на душу. Автор горько сетует, что чувствует себя прилепившимся с края чужого гнезда пришельцем.

В творениях эссеиста Бельгера есть пища для размышлений, они будят мысль, тревожат, озадачивают, погружают тебя в бурлящий океан чарующего Слова, соприродного жизни.

Интересным и оригинальным является раздел «Тихие беседы на шумных перекрестках». Оригинальность этому сочинению придают диалоги автора с Жамбылом Жабаевым, Чоканом Валихановым, Абаем Кунанбаевым, Мухтаром Ауэзовым.

Надеюсь, казахи, которых так любит Герольд Карлович, оценят его труды по достоинству.

«DAZ», 11–17 октября 2013 года

«ОБ ОСТРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ ПИСАТЬ СЛОЖНО»

Сегодня известный казахстанский писатель Герольд Бельгер отмечает 75-летие. Прозаик, литературный переводчик, критик. Родился в Поволжье, но вырос в казахском ауле. Культурная деятельность Герольда Карловича связана с тремя языками – русским, казахским и немецким. Писатель выпускает по семь-восемь книг в год и регулярно публикуется в периодической печати. О трудностях перевода, катастрофически низких тиражах отечественных книг и творческих планах – в интервью «Фокусу».

– Герольд Карлович, правда, что в качестве подарка к юбилею Министерство культуры и образования должно профинансировать выпуск Вашего десятитомника?

– Да, ко мне недавно обратилась директор издательства «Балалар әдебиеті», почему-то именно они выиграли тендер и будут выпускать

мой десятитомник. Я уже отдал материал для первого тома. В десятитомник войдут четыре моих романа, повести, рассказы, очерки, литературные портреты, критические обзоры, эссеистика. Правда, говорят, что будет выходить всего лишь по одному тому в год.

– Трудно было отобрать произведения, написано ведь было очень много?

– Я не думал об издании десятитомника, хотел, чтобы хотя бы три тома вышли. А теперь, когда прикинул, оказалось, что написал томов двадцать. Если убрать статьи 20–30-летней давности, обзоры, уже потерявшие свое значение, получится томов пятнадцать, включая дневники, книгу «Плетенье чепухи» и мои исследования по литературе российских немцев.

– А каким тиражом выйдет десятитомник?

– Даже не знаю. У нас сейчас как делают: то, что заявлено сверху Министерством культуры, издадут тиражом в тысяча экземпляров и, не мудрствуя лукаво, разошлют по библиотекам. Так что мой десятитомник, скорее всего, можно будут найти в библиотеках.

– В последнее время трудно встретить большие тиражи, особенно в отечественных изданиях...

– Да, издают по 300–500 экземпляров. Три тысячи считается уже большим тиражом. А моя первая книга «Сосновый дом на краю аула» вышла тиражом в сто тысяч. Но тогда другие были времена. Теперь издатели перестраховываются, боятся, что не реализуют весь тираж. Им не хочется напрягаться, чтобы раскрутить новинку. Издают тысячу экземпляров и одним махом отправляют в какую-либо область или распространяют только по Алматы. Вчера мне звонил друг из Караганды – он моих книг там не видит. Даже в Астане можно найти не все издания, а в Алматы только в двух-трех магазинах есть.

– С литературными журналами ситуация не лучше.

– Когда я пришел работать в литературный журнал «Жулдыз», его тираж составлял 20 000 экземпляров, а теперь – 2500–3000. «Простор», насколько мне известно, выходит тиражом 1300–1400 экземпляров, «Аманат» – немногим больше. Все, что публикуется в журналах, сразу становится библиографической редкостью.

– Можно ли переломить такую ситуацию, что нужно делать?

– Это не только казахстанская проблема, но и всемирная. Читателей становится все меньше и меньше. Молодежь сейчас практически не читает. Раз тираж маленький, гонорары тоже ничтожные. Писатели не востребованы обществом, сами себя не продвигают, государству не нужны. В Европе, например, похожая ситуация, но там население больше. Если, скажем, в Германии проживает 80 миллионов человек, то, конечно, всегда наберется миллион читателей. В Казахстане же 15 миллионов населения, из них большая часть вообще книгу в руки не берет. Поэтому набрать тираж очень сложно. Кроме того, надо отдать должное западным издательствам. Они грамотно организуют работу с общественностью, дают рекламу, еще до выхода настраивают читателя к восприятию новой книги.

– Вы известны не только как писатель, но и как переводчик. Что можете сказать о качестве переводов с казахского на русский, на иностранные языки?

– Тут картина печальная, можно сказать, и вовсе плачевная. Когда был Союз, книги всех республик издавали в Москве многотысячным тиражом, а потом с русского языка переводили на иностранные. Сейчас Москва не заинтересована издавать казахов, киргизов, узбеков – у них своих писателей хватает. А раз на русский язык книг переводят мало, то и на иностранные языки – еще меньше. Очень трудно подготовить хорошего переводчика непосредственно с языка на язык. Я не знаю ни одного немца в Германии, который мог бы переводить непосредственно с казахского языка. К тому же мы в Казахстане потеряли лучших переводчиков. Старики уходят, а молодежь на смену не приходит. Очень трудно подготовить литературного переводчика: он должен не только знать язык, должен быть готов к специфике этой работы, чувствовать душу другого народа. Современные переводы слабые, в них много огрехов. Самое большое достижение – перевод «Пути Абая» в исполнении Анатолия Кима. Это действительно стало явлением в культуре, несмотря на некоторые погрешности, Киму мы благодарны за то, что он довел «Путь Абая» в переводе до хорошего художественного уровня.

– Учитывая, сколько критики было в адрес даже этого перевода, можно представить, какого качества остальные... А если говорить о переводе с русского на казахский?

– Та же проблема. Старики, которые глубоко знали казахский язык, уходят. А современная молодежь знает язык все хуже и хуже. Есть люди, которые могут перевести одно-два произведения. Но тех, кто профессионально занимается переводом с русского на казахский, практически нет.

– Как Вы оцениваете качество современной казахской литературы?

– Я о казахской литературе неплохого мнения, считаю, что она достойного уровня. Однако существует некая кривизна в выборе темы. Авторы сейчас сильно увлекаются историей – об этом писать легче и безобиднее. Об острых проблемах современности писать сложнее. По башке могут дать, а не погладить!

Однако надо отметить, что поэты идут впереди прозаиков в осмыслении нашей современности...

– Чем порадуете в юбилейный год своих читателей?

– В этом году я уже издал пять книг, еще три – на подходе. Буквально на днях выйдут мои дневники – очень большой том. В Германии выходит «Дом скитальца» на немецком языке, также должен выйти сборник рассказов под названием «Ой-һой, дүние – бренный мир». В основе названия – фраза Жамбыла. Еще я составил книгу переводов Абая на русском языке. Так что у меня этот год плодотворный, я хорошо поработал. Всего до конца года выйдет семь-восемь книг.

– Откуда Вы черпаете столько энергии?

– Я работаю строго по плану. У меня на стене висит список книг, которые я должен издать. Вот я их издам, потом буду дурака валять, в потолок смотреть, писать рецензии и статьи.

– Сами-то верите в это?

– Пока да. По крайней мере, стараюсь...

Беседовала Татьяна Борисова
«Фокус», 28 октября 2009 года

ИБН КАРЛ АЛЬ-ДИВАНИ

«Дивани – потому что я работаю сейчас, лежа на диване», – объясняет Герольд Карлович, усаживая нас в своем кабинете: тот самый диван, старый советский шифоньер, стол и два стула. В этой квартире гости в последнее время нечасты.

– Многих наших читателей интересует, куда же пропал постоянно пишущий Бельгер. Чем же Вы сейчас занимаетесь?

– Сейчас у меня в работе серии очерков, которые будут называться «Вблизи и рядом». Это очерки о моих друзьях на основе дневниковых записей многих лет. Шоте Валиханову, архитектору, в этом году будет 80 лет. Это мой давний друг. Я из дневников выбрал все, что он говорил, события его жизни. Эти записи я сдал в издательство. Сегодня закончил очерк о Мурате Ауэзове. Ему будет в следующем году 70 лет. Кекилбаев: тоже выписал все – ему будет 75. В этом году выйдут последние две книги из десятитомного собрания избранного. Я очень доволен, в этом собрании мои главные вещи. Ноги плохо ходят, много болезней, сахар в крови повышенный, но я лежу на диване и строчу, пишу… Еще планирую выпустить книг семь-восемь. Думаю, до 80 лет их издам.

– Перед нашей встречей я прочел несколько Ваших книг и многочисленные статьи. Складывается такое впечатление, что Вы не очень довольны тем, что происходит вокруг…

– Тем, что происходит вокруг, я действительно недоволен. И никогда довольным не был и, судя по всему, уже не буду. Потому что каждый человек каким-то образом настраивается на гармонию. А этой гармонии нет. Не совпадает то, что происходит вокруг, с тем, чего жаждет моя душа. Моя мать всегда была всем довольна. Ей нравилась ясная погода – «как чудесно!». Когда шел дождь – «ой, как прекрасно!». Снег шел – «отлично!», туман – «превосходно!». Отец, наоборот, всегда был всем недоволен. И он считал, что никогда не надо быть довольным, иначе нет движения, нет прогресса. Надо всегда быть недовольным – и собой, и другими.

– Вы можете назвать себя счастливым человеком?

– С самого рождения вокруг меня творились одни пакости. Пакости общественные, культурные, бытовые… Я имею в виду, что в семи-

летнем возрасте меня с семьей и другими немцами Поволжья депортировали в Казахстан, мы очутились под комендатурой, нас лишили гражданских прав, у меня не было паспорта до 20-летнего возраста. К тому же я очень рано начал болеть. Я проходил в школу на костылях, окончил школу на костылях, окончил институт на костылях, потом преодолел свой недуг, но тут же сломал ногу, снова гипс, костыли... Я всю жизнь борюсь с собственными недугами и социальной несправедливостью. И тем не менее считаю себя счастливым человеком, ибо я себя как литератор реализовал почти полностью... В прошлом году, например, я издал семь книг, написал 98 статей и рецензий. А в общем я издал 63 книги (глаза Герольда Карловича оживляются).

– Такая точность! Неужели ведете учет?

– Я всегда, как немец, подсчитываю, регистрирую, записываю. Как только обо мне выходит статья или моя статья выходит, я тут же ее вношу в учет – какая газета, какой номер, какое число. Так что я всегда во всеоружии в отличие от моих друзей, которые все тут же забывают. Я организованный человек. Человек режима. И сейчас – мне 78-й год – я четыре часа ежедневно пишу. Больше не осмеливаюсь, потому что у меня было два инфаркта и один инсульт. И еще пять часов читаю. Завален рукописями и книгами.

Я с 63-го года ежедневно строчу, пишу, шкрябаю пером... И все, что я сделал, по сравнению с другими крупными литераторами – мало, чепуха, недостаточно. Вчера открываю заметку про переводчицу с венгерского Воронкину. Воронкина перевела – ей исполнилось 80 лет – 300 книг. Подумать только... Каждый год – по пять книг. Для меня это непостижимо. Таких писателей я уважаю. Это рыцари пера, они полностью преданы профессии. Среди моих товарищей таких нет. Они пишут одну-две книги и стоят с протянутой рукой, ждут премии или медальку.

– Ваш любимый писатель?

– У меня много таких писателей. Очень много. Тем более, что бы я ни читал, я читаю с карандашом. Я делаю выписки. Я конспектирую. У меня есть так называемые рабочие тетради. Я читаю очень внимательно. Но если выделить самых-самых, то из казахов это Аймаутов и Ауэзов, из русских их уйма – но, несомненно, Толстой и особенно Бунин, Чехов. Из немцев – братья Манны. Особенно Томас

Манн. Вон (показывает рукой) у меня на полке лежит книга, которую мне подарил немецкий посол. Там 1500 фотографий Томаса Манна. Эта книга мне дает зарядку. Когда я устаю, когда у меня голова совершенно пуста, я листаю эту книгу... Если мне нужно писать по-немецки, я на ночь глядя читаю Томаса Манна. Если мне нужно писать по-русски, я на ночь читаю Бунина. Настраиваюсь «на русский лад», перестраиваюсь полностью. Если мне нужно писать по-казахски, я накануне читаю Аймаутова и Ауэзова. Получаю заряд, и тогда я могу что-то писать.

– *Что в Вас от казаха?*

– Я с семи лет вырос в казахском ауле, окончил казахскую школу, сны вижу часто по-казахски, даже книжки иногда пишу по-казахски. Что касается моей натуры казахской, то, наверное, это общительность, широта души. Немцы – народ зажатый. «Горизонт» недалекий. А у меня он широкий. Это не хвастовство: я вырос в степи, у меня глаз настроен видеть далеко-далеко. Когда я приехал в Алма-Ату, меня страшно раздражали горы. Я всегда, когда вставал утром, смотрел в окно – хотелось их убрать. Глаз был настроен на степь. Люблю казахскую еду, казахские обряды, казахские манеры, почитание старших, чинопочитание – в особом смысле. Как садятся за стол русские или немцы? Как попало, кому где удобно. Нет... у казахов все строго регламентировано. Это мне дорого. Будучи в Германии, я всегда выступал, что немцы – несчастный народ. Еда плохая, они досыта никогда не едят, в калориях себя ограничивают. А я люблю казахскую еду. Мне нужно, чтобы были казы-карта, хороший бесбармак, чай со сливками... А в Германии как? Там ходят по улицам и жрут бананы все время. Все толстые, все жирные. Причем вечно они голодные. Пища у них некалорийная. Хваленая немецкая колбаса – у лучшей колбасы 15 процентов мяса. Остальное – добавки. Все-таки я предпочитаю есть конину. Один из моих младших друзей – Тасмагамбетов – уже шестнадцатый год мне присылает «согым» – четверть кобылы. Я ее съедаю до июня. *(Смеется.)* Европеец бы, наверное, удивился – что он тут о кобыле заговорил...

– *Ваши дети и внуки говорят на казахском языке?*

– Нет, не говорят. Дочь, не достигнув семнадцати лет, уехала в Москву поступать в ГИТИС, поступила и с этого времени живет в

Москве. До этого она училась в русской школе, мать русскоязычная, поэтому она и от немецкого языка далека, и от казахского.

– *Жалеете об этом?*

– Конечно, жалею. Очень хотелось бы, чтобы она это знала. Более того, я был против ее профессии – она же стала учиться на актрису. Теперь она кинорежиссер. Меня это совсем не греет. Я хотел, чтобы она стала журналисткой. Я думал, что она будет толковой журналисткой. Но мать победила в этом вопросе, дочь пошла по театральной стезе и осуществила ее мечту… Естественно, и внук не владеет языком. Теперь у меня еще и правнучка растет. Они все русскоязычные. И, по-моему, внук и правнучка весьма поверхностно знают о том, чем я занимаюсь. Знают, что я пишу, читают там какие-то мои книжки, их греет, что они автобиографически окрашены – можно узнать про дедушку, про бабушку. Остальное, по-моему, их не тревожит.

– *Часто с ними видитесь?*

– Нет… Было время, когда я по немецким делам – тогда шла борьба за автономию – бывал в Москве ежегодно шесть-семь раз. Тогда я у них останавливался. В последние годы я невыездной из-за состояния здоровья. Более того, я дальше памятника Чокану Валиханову никуда не хожу даже летом. А по телефону общаемся постоянно, друг другу посылки шлем, разговариваем, так что я в курсе всех дел. Знаю, какие фильмы она там снимает – это все «бух-бух», «бах-бах». Дурацкие такие фильмы, которые я не смотрю. Их только жена смотрит ради дочери. Сейчас такая тенденция, такие фильмы пошли. Фильмы-однодневки. Стрелялки…

– *Скажите, что Вы смотрите по телевизору?*

– Телевизор я стараюсь смотреть как можно меньше. Телевидение, хоть московское, хоть «Хабар», меня настолько раздражает… все ложь, все фальшь, примитивизм до невозможности. Как будто люди собрались, чтобы народ превратить в быдло, в стадо. Очень низкий уровень. Поэтому я стараюсь ничего не смотреть. Читаю литературу, обложен газетами, журналами. Но я смотрю новостные программы. В девять часов включаю КТК – объявляют: там авария, там пожар, там убийство, там изнасилование, там еще что… Переключаю на «Хабар» – там «ура-ура, мы победили!». Включаю российский канал – там Жириновский, Зюганов. За 20 лет надоели до невозможности. Говорю

жене – переключай на «Евроньюс». Примерно за час я так смотрю четыре новостные программы и получаю представление о том, что происходит. Потом плююсь налево-направо, ложусь на диван, беру Толстого. Так что я с телевидением не в ладу. Телевидение наносит страшный вред культуре. Главная наша беда – культура у нас в загоне. Мы страшно деградируем.

– Было ли Вам за что-то в своей жизни стыдно?

– Никаких постыдных поступков я не совершал. Мелкие – да. Мелкие случались. Но я все время перед собой отчитываюсь. Все время записываю, что дурного я сделал, что хорошего. По-крупному я ничего дурного в жизни не сделал. И мне, как гражданину, как литератору, как человеку, как супругу, как отцу, не стыдно. Я правильный человек. Возможно, я немножко скучный человек. Допускаю. Может быть, я зануда. Допускаю и это. Но я правильный человек. Но вот за что мне постоянно стыдно… за то, что я малообразован. Некоторые удивляются, говорят: «Ну если ты малообразован, то что о нас-то говорить?». Я не кокетничаю. Действительно, лучшие мои годы прошли в ауле, где не было никаких книг, где нечего было читать. То есть те годы, когда человек развивается, когда человек все впитывает, у меня прошли даром. Я прошел через это. Я стал заниматься более усиленно, став студентом. Но лучшие годы куда-то ушли. Вот за это мне стыдно. Среди моих друзей есть очень образованные люди. Был такой Аскар Сулейменов, ныне покойный: очень много знал, очень был грамотным человеком. Есть такой писатель Мухтар Магауин, сейчас в Праге живет – очень образованный. Они примерно в таких же условиях росли, как и я, но каким-то образом сделали рывок и стали блестяще образованными. Из образованнейших людей могу еще назвать Мурата Ауэзова… Я отстал. Этого не знаю, того не знаю. Плохо, плохо… А должен был бы знать и мог бы знать, были бы условия. Отец мой был фельдшером. Заведовал фельдшерско-акушерским пунктом. И вот – читать нечего. Я пробирался в его кабинет и брал трехтомник «Женские болезни» и читал. То есть примерно в 9-10-летнем возрасте я был специалистом по женским болезням. *(Смеется.)* Слишком рано я это прочитал. Не надо было. Я долгие годы потом, став юношей, не мог нормально смотреть на девушек. Я смотрел на них с точки зрения женских болезней. *(Смеется.)* Это я к тому, что нужное в те годы образование так и не получил.

– Что бы Вы изменили в своей жизни? Может быть, Вы хотели другого социального положения, профессии?

– Деньги отпадают. То, что у меня есть, меня вполне устраивает. Я получаю и пенсию, и президентскую стипендию, иногда перепадают кое-какие гонорары. На житье-бытье этого хватает. А большего мне и не надо. Что касается общественного положения, то я тоже вполне доволен. Общество ко мне относится хорошо. Братья-казахи ко мне относятся блестяще. Орденами-медалями я не обделен. Более того, я имею еще и немецкий орден – крест «За заслуги перед Германией». Я был депутатом Верховного совета. Во всех комитетах состоял. Обласкан. Так что тут у меня претензий нет. Казалось бы – «ну чего ты ворчишь?!». На страницах газет я высказываю недовольство, недостатки подмечаю. Ну я так устроен. Я очень четко и ясно вижу негатив. Позитиву я меньше времени уделяю. Позитив должен быть – что есть, то есть. Что бы я хотел в жизни? Здоровья хотелось бы мне иметь. Чтобы я мог бегать, на лыжах кататься, прыгать. Этого у меня никогда не было. С 12 лет я обезножил. И еще я всегда мечтал о хорошей квартире. Какой квартире? В двух уровнях – внизу три комнаты, а наверху большой просторный кабинет, в котором я мог бы выставить все свои книги. Мои книги на трех балконах болтаются сейчас, я их раздаю налево-направо. И в кабинете три стола. «Немецкий» стол. «Русский» стол. «Казахский» стол. А в углу сидела бы какая-нибудь кызымка, компьютерщица. И помогала бы мне работать – это была бы моя мечта. Но она уже неосуществима. Эта мечта появилась у меня где-то в сорокалетнем возрасте. А сейчас я делаю все сам. Бандероли-письма отправляю... Секретарей у меня никогда не было. В собственных архивах я запутался.

– В последнее время все острее стоит языковая проблема. Для Вас вопрос традиционный...

– О языке я говорю и пишу уже больше 25 лет. Надоело по горло. Я поклонник, сторонник, радетель казахского языка совершенно искренне. Со школьных времен им занимаюсь, пишу о нем, составляю словарики, я его пропагандирую. К тому же я еще и как переводчик пропагандирую казахскую литературу. Но когда много говорят, а мало делают, меня это раздражает. Те, кто орет на митингах, выступает в защиту казахского языка, что они делают? Многие из них с детьми

своими разговаривают на русском языке. Друг друга они не понимают. Так чего же ты кричишь? В своей стране живешь, книги издаешь, радио есть. Чего не хватает? Не хватает намыс – чести, гордости за свой язык, за свою культуру. Если у тебя проснется намыс, гражданские чувства, то ты этим языком должен овладеть, а после должен его пропагандировать. А если этого нет, если бабушки-дедушки со своими детьми-внуками говорят на улице по-русски, ну чего же ты хочешь? На кого ты жалуешься? Еще больше раздражает, когда считают, что это русские во всем виноваты и русская культура. Русская культура и русская литература вообще здесь ни при чем. Какой русский писатель говорил – «не нужен нам казахский язык, не изучай его»? Не говорили же. Так чего же обвинять? «Мы были колонией», «мы были в подчинении»... Когда я ругаю советскую власть, я всегда вспоминаю себя и своих сверстников. Да, меня лично советская власть обидела. Не меня одного. Но сколько моих сверстников – голодных, плохо одетых, без копейки в кармане – они ведь все учились. В Москве, в Ленинграде, в Новосибирске, в Алма-Ате... Получили образование! Советская власть этой голытьбе дала образование. И все они стали людьми. А в наше время кто из них мог бы учиться? Никто. Может быть, я мог бы, потому что мне отец и мать могли бы помогать. Был такой сокурсник Володя, у него отец был профессором. И еще Салим смог бы, потому что у него отец был председателем колхоза. Из сотен человек, которые меня окружали, трое могли бы учиться сейчас с помощью своих родителей. Больше никто. А при советской власти все они стали людьми. Забывать об этом не следует. Когда мы хаем все советское, нам надо быть очень осторожными. Я считаю, что ныне наши сдвиги невелики. И я хотел бы, чтобы это постоянно подчеркивали.

– Как Вы относитесь к Шаханову и его инициативе, «письму 138»? Вы с ним говорили об этом вообще?

– Мне звонили, чтобы я подписал это письмо. Я сказал: «Я подписывать не буду». Не подписываю я коллективные письма еще и потому, что подписывают и русские, и казахи, и немцы, и евреи. Мне на отказ ответили: «Как же так?! Вы же радетель казахского языка!». На меня даже шарж нарисовали в газете казахскоязычной – нарисовали меня, будто я руки раскинул и всех отстраняю от казахского языка. Я так и не понял, что они имели в виду. Я стою, раскинув руки, и все

казахи разбегаются. А что касается моего отношения к Шаханову – я не скажу. *(Смеется.)*

– Сейчас очень много русскоязычных школ становятся казахскоязычными. Ваше мнение?

– Во-первых, я не сторонник смешанных школ. Смешанная школа – это по большей части все-таки русскоязычная школа. В Германии, например, учатся в немецких школах турки, наши советские немцы, эфиопы, так что в классах бывает самих «чистых немцев» два-три человека. Уроки проходят на немецком, а на переменах все стоят в своем углу и говорят на своем языке. Вот что такое смешанная школа – ни то ни се. Школа должна быть или русской, или казахской. У меня жена до сих пор работает в школе. 90 процентов в русских школах – казахи. Нормально это? Тоже, по-моему, ненормально. Но всех вдруг перевести только на казахский язык и забыть русский – это большая глупость. В наше время это уже невозможно. Да и к чему это? Не надо! Если ты умеешь писать по-казахски, то слава и почет тебе! Но надо гордиться тем, что ты умеешь говорить и писать по-русски. А обвинять кого-то, что-то, особенно русскую культуру, русскую литературу, в грехах не стоит. Я этого терпеть не могу. Русский язык и русская культура, Толстой и все великие писатели не враги казахской литературе и казахскому языку. Наоборот. Весь мир гордится тем, что они читают хотя бы в переводах великих русских писателей. А казахи могут читать их на русском языке. Так это же благо. Просто не надо переходить в крайности. Некоторые казахи любят подражать. Тот хочет быть американцем, тот – французом, не только внешне хочет походить на них, но и внутренне. А зачем? У тебя что, гордости не хватает? Казахская культура глубока, богата, интересна. Так овладей сначала казахской культурой! Не будешь ты англичанином – это невозможно и ни к чему. Оставайся казахом. Но при этом, если в тебе сильно твое национальное начало, ты не будешь ненавидеть никакую другую культуру, никакой другой язык. Потому что твоя гордость, национальная суть всегда останутся при тебе.

– Что Вы думаете о современных методиках преподавания казахского языка? Насколько они эффективны?

– Когда я учился в аспирантуре, как раз этим вопросом занимался. Я изучал программы и методику старых школ. Мектебы, медресе,

школу Алтынсарина, царские школы. Я должен сказать, что тот уровень был выше нынешнего. То есть ученик 8-го класса гимназии знал два мертвых – латинский, древнегреческий – и три живых иностранных языка – английский, французский, немецкий. Если сопоставлять программы современного университета и царской гимназии, то программа последней выше. Двухклассные школы – мектебы их называли. Человек, который оканчивал эти школы, имел представление о мире больше, чем нынешний восьмиклассник. К современным методикам, новейшим разработкам я отношусь более чем скептически. Они недостаточны. Сейчас хорошая методика в Израиле. Там ученик, зная десять слов, уже настраивается педагогом на разговор. Это называется устная методика обучения. А у нас? Десять лет долбят одну и ту же грамматику, разрозненные слова – хоть по английскому или немецкому языку, а в итоге – ни бе ни ме.

– Как, по Вашему мнению, сделать так, чтобы русскоязычные начали говорить по-казахски – при том, что русскоязычная и казахскоязычная среда зачастую изолированы друг от друга?

– Опять же я уже говорил о намысе, чести и достоинстве. Надо, чтобы у человека зародилось внутри такое искреннее желание. Возьмем нашу власть. Касымжомарт Токаев: он не говорил по-казахски. А ведь в последнее время он может свободно выступать на родном языке. Олжас Сулейменов, находясь в Италии и Франции, сейчас говорит по-казахски лучше, чем когда он жил здесь, в Алматы. И таких примеров вокруг меня очень много. То есть развитие есть. Должно быть стремление. Если его не будет, ничего не получится. Возьмем наше Правительство, элиту. У них нет гордости за свое, родное. Они считают, что для работы и общения им хватает русского языка. И потом – язык не только средство общения. Это средство проявления духовности. Если он не культивирует в себе эту духовность, гордость за казахскую образность, казахские выражения, казахский речестрой, казахскую импровизацию, казахскую манеру говорить белыми стихами – если ты этим не любуешься, то от тебя и толку не будет. Казахский язык удивительно богатый, удивительно сочный! Просто очень много слов вышло из употребления. Что меня волнует… Сейчас на казахском языке говорят все больше людей. Но каков уровень владения? Говорят косноязычно, казенно. Я боюсь именно этого – что потеряется образность, красота. Я

застал специалистов, которые по-настоящему артистично говорили на казахском языке. Мухтар Ауэзов… О! Это была высокая культура. Из современных – тот же Магауин. К сожалению, культ казахской устной речи ныне утрачивается. Наши депутаты говорят в основном так: он мыслит по-русски, строит фразу по-русски и перекладывает фразу на казахский язык. Тревожно из-за этого становится.

Беседовал Сергей Ким
«Время», 4 октября 2012 года

Владислав Владимиров

О ЧЕМ ЕГО ВОЛЬНЫЕ СТРОКИ?

Давно известен у нас и далеко за пределами Казахстана многогранный феномен полиязычного Герольда Карловича Бельгера. Он и первоклассный переводчик с казахского, немецкого, русского, и одаренный новеллист, романист, отважный публицист, крупный языковед, активный (на страх своим подколодным оппонентам) общественный деятель, вдумчивый исследователь литературы российских немцев, кавалер ордена «Парасат» за № 1, заслуженный работник культуры, а еще и мемуарист, каких вообще на постсоветском пространстве мало – про его нескончаемый дневник и громадную публикацию «Вольные строки», прежде поименованную исконно гоголевским титлом «Плетение чепухи», уже сейчас ходят легенды.

На его творческом счету статей и обзоров, эссе, интервью, книг, книжек и книжищ немерено. Только лишь в республиканской и российской книжных палатах могут сказать сколько. Да и то весьма приблизительно: около 70 книг и более двух тысяч газетно-журнальных публикаций. Не все они вошли в выпущенный недавно по республиканской Программе издания социально важных видов литературы десятитомник его избранных сочинений, приуроченный к предстоящему 80-летию

автора, но тем не менее каждый том, со вкусом оформленный издательством «Балалар әдебиеті», убедительно подтверждает, что наш безустальный мэтр никогда не бывает в простое. И если честно говорить о его произведениях, как вошедших в это собрание, так и пребывающих вне оного, то прежде всего надо отметить, что среди них совсем нет проходных и серых.

Опираясь на почти полувековой опыт своего, считаю, плотного знакомства с разножанровым творчеством Бельгера, скажу, что оно не только для меня всегда удивительно, радостно и ново. Радостно прежде всего крепкой эрудицией и воинствующим неприятием сумеречного состояния души, псевдомодернистских кунштюков, чем полна глобальная агрессия нынешней антилитературы. А удивительно и ново многоликостью емкого восприятия всего нашего социума, самых насущных вселенских проблем, тревог и забот.

Даже при всем иной раз несогласии с весьма размашистыми и хлесткими авторскими инвективами на предмет давнего и недавнего нашего прошлого, к примеру, известных издержек целинной эпопеи или же его минорными констатациями о якобы необратимой кончине казахского аула, повальном манкуртизме «младого племени», о том, что чуть ли не повсеместно «интеллигенция проигрывает неучам» и т. п., вижу их по-своему обоснованную аргументированность. К чему бы я это? А к тому, что не припомню случая, когда Герольд Карлович, шутя или всерьез, поиграл бы в прятки с собственной совестью, как это очень получается у фальшивых писак с громкими именами и гибким хребтом.

Его гражданская смелость – от сердечной боли за давнюю кремлевскую отсрочку признания подлинной роли наших немцев в становлении Российского государства и всего СССР, за незавидное (а то и срамное) нынешнее состояние, увы, многих интеллектуальных сфер, от желания непролазные авгиевы конюшни мировой цивилизации, тоже стремительно деградирующей на многих своих флангах, обратить в светлые чертоги счастливого обитания Правды, Добра и Справедливости.

Скажут: О! Да это же Сизифов (нет, скорее, мартышкин) труд, совершенно зряшное, бесполезное занятие – себе дороже.

Не думаю так. Ибо Слово и Дело Бельгера всегда благородны и действенны.

Их резонанс позитивен и масштабен. Несомненна и высокая нравственная значимость включенных в Избранные сочинения исповедальных «Автобиографических эскизов», лучших из его рассказов, повестей «Перед далью», «Голос осени», «Завтра будет солнце», романов «Дом скитальца», «Туюк су», полемических циклов и этюдов. В них Бельгер, человек драматичной, но, можно сказать, гордой и по-своему счастливой судьбы, с детства и юности породненный с красой и мощью казахского языка, выступает убежденным глашатаем тюрко-германо-славянского единения.

Как превосходного переводчика, Бельгера просвещенная Евразия знает теперь уже практически на всех ее меридианах. А начало тому положил его достовернейший перевод историко-революционной трилогии «Кровь и пот» классика казахской прозы Абдижамила Нурпеисова. Именно с текстовой основы Бельгера эта эпопея была подхвачена «советским Чеховым» – Юрием Казаковым, затем блистательной переводчицей Лили Дени из Франции, а уже оттуда с подачи великого Луи Арагона шагнула в широкий мир Франкофонии (а это свыше 60 государств планеты) и в другие страны.

И чего уж тут прибедняться: казахстанская и всепланетная библиосфера лично Бельгеру обязана появлением в ней уже не одного шедевра. А вот как об этом с присущим ему юмором говорит сам писатель: «За три десятка лет я перевел-перетолмачил с казахского и немецкого языков более двухсот прозаических произведений. Томов, думаю, 25–30 наберется… А что же, собственно, из того, что я напереводил, ныне читается, переиздается? Определенно ответить не могу. Может, перевел неважно? Не мне судить. Да и спорить не стану. Может, не «тех» переводил? Да нет… Вроде «тех» – Беимбет

Майлин, Габит Мусрепов, Хамза Есенжанов, Абдижамил Нурпеисов, Абиш Кекилбаев, Дукенбай Досжанов, Оразбек Сарсенбаев, Тынымбай Нурмаганбетов... Сплошь громкие имена, значительные художники».

Свою литературную практику Бельгер понимает как высокую миссию бескорыстного служения святому делу сближения, дружбы и братства народов. Он знает, что литературные системы, как философские и политические, не возникают в пустоте, и его собственная школа перевода тоже зиждется на прочных лингвистических познаниях, а посему он, Бельгер, неуклонно и полноценно следует устойчивым правилам Пушкина, Гёте, Абая Кунанбаева и Ильяса Джансугурова, Маршака, Чуковского, Ивана Кашкина (лучший в мире переводчик Хемингуэя), братьев-болгар Влахова и Флорина et cetera, но в особенности, по его признанию, концепции известного чешского теоретика перевода Иржи Левого, согласно которой «цель переводческого труда – постичь, сохранить подлинник, а не создать новое произведение».

По справедливости крепко достается от Бельгера доморощенным кичливым, но бестолковым составителям, сварганившим левой ногой за год – батюшки светы! – более тридцати (!) разнопрофильных словарей – о каком же их качестве речь? Крепко выдает он на орехи и тем самохвалам, кто публично сует обществу счет «за понесенные труды». Один из таких «спасителей» национальных литератур от мировой безвестности (Солоухин) зачислил себе в заслугу по словесной обработке так называемых подстрочников десятки «позиций» – от бурятского эпоса «Гэсэр» и «стихов молдаванина Павла Боцу» до «повести казаха Сакена Жунусова» и «стихов Жака Превера (Франция)».

«Ай да переводчик-обработчик! Все языки ему подвластны. И все жанры тоже. Каково?!» – усмешливо восклицает Бельгер.

Мне импонирует его всегдашне мудрый прагматический настрой, сочетаемый с молодой удалью и романтикой на-

пряженного поиска, который великий стилист Паустовский объявил в своей неумирающей «Золотой розе» (1956) прекрасной сущностью писательского труда. «Романическая настроенность, – подчеркивал он, – не позволяет человеку быть лживым, невежественным, трусливым и жестоким».

Скупой на похвалы, Бельгер отдает дань глубокой признательности тем, кто на кону невиданных прежде, всем известных катаклизмов и перемен не может быть сторонним наблюдателем, будь то прекрасный казахстанско-российский поэт, публицист, переводчик, издатель Владимир Гундарев или же его деятельный коллега Адольф Арцишевский (к слову, перворедактор «Аз и Я» Олжаса Сулейменова), доброжелательная рецензент из авторитетного российского журнала «Литературное обозрение» Элла Репина…

Давным-давно, но точно сказано о будущем художественного, публицистического и переводческого бытия: новые птицы принесут новые песни. Ничуть не сомневаюсь – принесут. Но их родное казахстанское гнездовище, где еще никогда и никому не было тесно, останется прежним – суровой, скажу больше: поистине подвижнической школой жизни и достославными университетами неповторимо яркого и самобытного творчества «немецкого сына казахского народа» Герольда Бельгера. Мне ведомо: всегда и во всем по справедливости боготворит он постулат Льва Толстого: «Мир не может держаться на зле. Если бы мир держался на зле, он давно бы погиб». Сказано это было еще в 1906 году.

А нынче у нас, кымбатты мырзалар-жолдастар, какой год на дворе?

Да, многое узнается от Бельгера. Многому полезному научает его десятитомник. Однако и читательских усилий требует немалых. Но тем не менее для увлеченного филолога, бесхалтурного переводчика, публициста, прозаика, объективного историка (и не только литературы) каждый том – настоящий праздник, точный календарь и верная лоция.

Однако есть у иных работ нашего мэтра кое-какие изъяны. Так, полагаю напрасной его вершинную дифирамбику в

адрес тех современных нам творений, из коих убери густое обилие умных цитат – и останется лишь одно убогое скудоумие. А подчас он чересчур легко берет на веру вздорные измышления идеологических перевертышей и патентованных инсинуаторов (типа генерала Волкогонова). Очень жаль, что абсолютно безымянным оказалось толковое и отнюдь не краткое предисловие к Избранным сочинениям. Получилась некая мистическая несуразица: некто я подробно вещает о Бельгере, а кто сей вещун – загадка. Конечно, главное не в ней и прочих огрехах, а в том, что в виде данного десятитомника явлен беспрецедентно многомерный и всеохватный труд о всем сущем в нашем преогромном евразийском ареале за минувшие полвека, с мужественным заглядом в необъятный круг проблем наступившего третьего тысячелетия.

Исполать автору за все это.

«Вечерний Алматы», 31 января 2013 года

«И АДА, И ШАЛА, И ТАЗА ДЛЯ МЕНЯ – ЕДИНЫЕ КАЗАХИ»

Герольд Бельгер известен во многих ипостасях: переводчик, прозаик, публицист, критик и эссеист. Мы думаем, что не будет преувеличением, если добавить еще три: Гражданин, Мыслитель и Аксакал. Вряд ли найдется еще один такой человек в Казахстане, кто бы так хорошо знал и ощущал природу казахского «Я». Поэтому мы решили, что пришло время и ему высказаться по так называемому казахскому вопросу.

К единству через просвещение

– Как ни прискорбно об этом говорить, в казахском обществе присутствует деление на «нагыз» и «шала», и время от времени вокруг этого вспыхивают довольно острые дискуссии. Что Вы думаете о таком делении? Не в смысле его деструктивности вообще, а в плане его изживаемости. Или же это наш сугубо казахский фе-

номен, который будет сопровождать нас если не всегда, то достаточно долго?

– Начнем с того, что о казахских проблемах, о казахском вопросе я достаточно информирован. С семи лет я рос в казахском ауле, окончил казахскую школу, постоянно живу среди казахов, и сам я в большой степени «оказахованный» немец. И хотя некоторые казахи хотят сделать из меня казаха больше, чем они сами, я никогда с этим не соглашусь. Потому что я культивирую себя прежде всего как немца, а потом уже как казаха. Но о казахах я всегда высокого мнения: и о языке, и о культуре, и о национальной ментальности. Все эти вещи я в немалой степени знаю, постоянно об этом пишу. Так что в этом плане моя душа перед ними чиста, и сердце мое бьется в унисон с ними.

Скажу больше: казахов я знаю в такой степени, что когда мне недавно принесли книжку «Бейпіл сөздер» – «Казахские матерные слова и эротика в казахском фольклоре», то не увидел в этом ничего нового. Все это я знал из своей аульной жизни. Так что я и по этой части хорошо информирован.

То, что происходит в казахском социуме, все эти деления на партии, на кланы, языковая проблема – все это меня в сильной степени удручает. Условно говоря, я северный казах, но при этом я в свое время работал в Жамбылской области и неплохо знаю южную специфику, объездил многие регионы, бывал в самых разных местах, и меня всегда восхищали единство казахской ментальности и единство языка. Ведь я вырос на Волге, где немецкие деревни были расположены очень близко друг от друга. Так вот, там поволжские немцы настолько были разделены между собой, что меня это настораживало. Они делились по языку, по религии, по ментальности. А у казахов такая огромная страна, огромные пространства и при этом такой уровень единства в базовых моментах. Как человека западного происхождения меня это не может не восхищать и не удивлять. Это своего рода феномен.

Когда я учился в школе, а потом был студентом, я такого деления, как сейчас, не замечал. Сейчас это деление углубляется и производит очень дурное впечатление. Ощущение такое, что казахи в духовно-нравственном смысле едва ли не деградируют. Казахи из моего глубокого детства (а я впервые попал в аул в 1941 году), казахи той военной поры и первых послевоенных лет и казахи современные – это разные

народы и разные люди. То есть очень много своих здоровых качеств казахи за эти годы (это ни много ни мало 70 лет, «Елу жылда – ел жана», как говорят казахи) утеряли. Они сильно изменились и, к большому сожалению, не всегда в лучшую сторону. Это обстоятельство я должен подчеркнуть особо.

Все эти шала-казахи, нагыз-казахи, какие-то ада-казахи... Последние – это те, кто совершенно ушел от своих корней. Вся эта возня между ними меня чрезвычайно удручает. Например, из меня некоторые хотят сделать казаха национал-патриотического направления. Я их очень хорошо понимаю. Потому что эта боль казахская присутствует и у немцев, точнее, у российских немцев. И в силу этого я ее тоже хорошо чувствую и разделяю.

Знаю и то, что казахи, которые внедрились в русскую культуру, окончили русскую школу, воспитывались в русском духе, мыслят и пишут по-русски, – это далеко не самые худшие казахи. И нацпаты, так называемые «мамбеты» – тоже не худшие. Я сам мамбет, то есть аульный казах. И горжусь этим.

Когда Ермек Турсунов написал обо мне статью под названием «Мамбет», то многие думали, что я страшно обижусь. А с какой, собственно, стати? Мамбет – это казах от земли. Такой казах лично мне очень дорог. Но то, что казах от земли недолюбливает шала-казахов, – крайне скверно. В чем виноват шала-казах? Или шала-немец? Или шала-орыс? Почему-то о шала-евреях не говорят, хотя таких очень много. Об этом просто не принято говорить. Еврей, и все. Они дорожат своим единством.

Поэтому все эти деления в значительной степени условны и ни к чему доброму не приведут. Корни этого все больше и больше углубляются. Я знаю некоторых своих коллег-писателей из числа нагыз-казахов, убежденных в том, что шала-казахам ни в чем не может быть веры. Потому что он, мол, неполноценный казах, непременно тебя обманет, он ведет страну не туда, куда надобно. Но это весьма спорное представление, с которым я никак не могу согласиться. Потому что эти шала-казахи (среди них немало моих друзей) – люди, получившие прекрасное образование. Они не могут, как нагыз-казахи, ругать русский язык, русскую культуру и искать врага в том стане.

В свое время я не подписал известное «письмо 138-ми». Хотя многие были уверены, что Бельгер должен вроде обязательно подписать:

он же казах, чистый казах. По этому поводу в журнале «Ақ желкен» даже вышла статья «Герольд Бельгер қандай адам?» («Что за человек Герольд Бельгер?»), и на сей вопрос ответили четверо, кто же такой, в конце концов, этот Бельгер?! Он убеждает всех, что он сторонник казахского языка, радетель казахской культуры, а когда надо было, отказался подписать письмо.

Но я сделал это сознательно и всем объяснил, почему. Потому что обвинять русскую культуру, русский язык, вывести его за рамки Конституции – это глупость, нонсенс во всех отношениях. Поэтому как гражданин я этого сделать просто не мог. А у нас ведь как? Казахи, когда это надо, могут поднять человека очень высоко, а потом в одночасье резко сбросить наземь и начать топтать, не проявляя при этом ни капли жалости. Это мы видим сегодня на примере Тохтара Аубакирова. Какие безобразия пишутся в Интернете! Так нельзя поступать с большим человеком. Никто даже не пытается вникнуть и понять его. Я очень хорошо знаю Тохтара и высоко ценю. Я не могу быть ему ни адвокатом, ни прокурором. Для меня это такая величина, что я прекрасно понимаю: если он сделал это заявление искренне, то значит, просто у него другого выхода не было, он оказался в тупике. Надо понять трагедию человека, а не унижать и оскорблять его…

Деление казахов на ада, шала и таза приведет к большой трагедии. Это разделит казахов. Против этого нужно что-то делать. Нужно постоянно доказывать, что любой казах по своим историческим корням – большая личность, большой человек, за которым стоит большая культура, большой народ. Я сейчас читаю две книги. Одна называется «Ситуативный казахский», ее написал незнакомый мне человек по имени Канат Тасыбаев. Вторая книга – «Десять причин, почему важно знать и говорить на казахском языке». Эти люди так глубоко внедрились в эти проблемы, что смогли объяснить русскоязычным читателям вообще и русскоязычным казахам в частности, в чем суть, в чем ментальность, в чем качество казахского языка. Это очень важно. Я завидую авторам этих книг. Их бы должен был написать я, но почему-то я не успел сделать это. Я написал в том же направлении, но несколько другие книги.

К чему я клоню? Нужно объяснять русским, русскоязычным, что есть на самом деле большая казахская культура. Этого как раз-таки не хватает. Нужно постоянно просвещать людей. Должно быть движение

навстречу друг другу. В конце концов, все они – казахи, одно племя, один народ. Они должны друг друга понимать, а не разъединяться, когда одни обвиняют других в недостаточном патриотизме. Или в том, что кто-то, потеряв какие-то национальные корни, национальные чувства, возможно, потеряв свой родной язык, идет по ложному пути. Это абсолютно не так.

Я знаю, что ваша газета эти проблемы ставит очень остро. Помню статьи Ауезхана Кодара, Сейткасыма Ауельбекова из Франции, другие материалы, очень глубокие и очень серьезные. Ваше стремление сфокусировать внимание общества на этих проблемах можно только приветствовать. Но при этом важно все время помнить о том, что надо не делить, а искать возможности сближения этих двух групп. Иначе может получиться скверная история. Надо найти общий язык. Я за это ратую, я об этом постоянно пишу и во всех моих книгах (а их герои, как правило, казахи и немцы) я ищу единые корни. Даже когда я писал одну из важнейших своих книг – «Гёте и Абай» (хотя они жили в разное время), я опять-таки все время старался выявить какие-то единые корни, единую духовную суть, созвучие разносистемных, разноструктурных культур. Именно в этом я вижу единственно правильное направление.

Непонимание от невежества

– Как сделать так, чтобы вопрос о знании или незнании казахского языка не становился яблоком раздора, и прежде всего между самими казахами?

– Весь этот раздрай происходит от незнания – не только языка, но и вообще ментальности народа. Я знаю очень много казахов, которые живут в дальнем зарубежье и не очень хорошо владеют родным языком, но при этом стараются знать его. В душе они казахи, болеют за все казахское. Один маленький пример. Я три года не мог выпустить книжку «Қазақ дәптері» – она от начала до конца написана по-казахски и затрагивает широкий спектр языковых проблем. В разных издательствах она лежала, но никак не издавалась. Трудно сказать, по каким причинам. Об этой ситуации я рассказал в Интернете. И кто это услышал? Услышал казах, живущий в Лондоне. Зовут его Чингис Кульжанов. Он позвонил мне оттуда и сказал, что готов издать эту книгу. Сделал он это тут же, выделив необходимую сумму. Более того,

он еще выплатил мне гонорар на лечение и так далее. Вот такой казах, у которого есть национальное чувство. Для него было важно, что человек другой национальности вдруг говорит о казахском. Вот это и есть тот самый случай, когда люди ищут друг друга и находят.

Чтобы не было яблока раздора, надо знать суть проблемы. Об этом я пишу в другой своей книге «Записки старого толмача». По сути дела, это моя переводческая лаборатория. В ней я постоянно говорю о богатстве казахского языка. Русскоязычные казахи и тем более русские не знают об этом. Поэтому в них присутствует скептическое отношение, я бы даже сказал, непозитивное отношение. А знать надо бы. Невежество – это главная причина непонимания.

Жагда Бабалык-улы, удивительный знаток казахского языка, говорит, что от гортани до макушки – двести казахских слов. А мы сколько знаем? Ну, там нос, уши, глаза, волосы и еще немного. А у него двести слов казахских. А кто это знает?.. Только такие редкие знатоки языка. А если взять сферу казахских родственных отношений или мир домашних животных? Настолько в нем проявляется безбрежное богатство казахского языка, что остается только дивиться.

После печальных событий декабря 1986 года сюда приехал некий чиновник из аппарата ЦК КПСС, и какой-то «знаток-білгіш» из Караганды сказал ему, что казахский язык состоит из пятисот животноводческих слов. И что казахский язык – это животноводческий вариант узбекского языка (?!). И вот когда меня пригласили к этому самому чиновнику на беседу, и я сказал ему, что не пятьсот слов, а пять миллионов единиц, он сразу же свернул разговор и отправил меня куда подальше. Но ведь это действительно так. Просто современные казахи об этом мало знают.

Я читаю прославленных жырау XVII–XVIII веков и подчеркиваю все эти слова, но они давно вышли из активного обихода. Их не знают, но знать бы надо.

Мы уходим от Абая

– Герольд Карлович, слушать и слышать о богатстве и красочности казахского языка приятно. Но все же у меня такой несколько крамольный вопрос. А зачем нам эта архаика? Почему, на Ваш взгляд, на казахском не прописаны на соответствующем уровне химия, физика

и сферы, связанные с высокими технологиями? Если бы все обстояло иначе, то вряд ли Байконур был объектом аренды...

– В чем-то я с вами могу отчасти согласиться. К чему эта архаика? Да, это было. Да, это есть. Но в современном мире кому это, дескать, нужно? С этим вопросом ко мне обращаются казахи-бизнесмены, которые достаточно быстро овладели турецким и английским языками. Они ставят вопрос прямо: нет ли какого-нибудь пути «упрощения»? Такой путь есть, и можно по нему пойти. Сделать отбор, произвести селекцию языка, чтобы не искать все время вариации общим понятиям. Не переводить такие слова, как «стюардесса» и «стюард». Иностранную международную лексику вообще не трогать. Необязательно языковому обозначению «изделия № 2» искать казахский вариант, хотя наши ученые усиленно этим занимаются. А зачем? Казахи спокойно обходились без него. Оставь все как есть, и просто пользуйся изделием. Так что в этом смысле я соглашусь с постановкой вопроса. Архаики действительно очень много.

Но это проблема не только казахского языка. Сегодня все языки унифицируются, максимально сближаются. Если раньше было несколько тысяч языков, то сейчас с каждым годом их становится все меньше и меньше. Есть научный прогноз, что в будущем их вообще останется порядка 25. Я тоже за интеграцию языков. Рано или поздно мы придем к этому. В то же время я очень хочу, чтобы каждый язык как можно дольше не приближал свой конец. Умереть они всегда успеют.

Как немец, сошлюсь на опыт немецкого языка. Его современная вариация – это просто какой-то кошмар по сравнению с языком Гёте. Если бы он воскрес и услышал его, то минимум половины слов бы не уловил. Там сплошные англицизмы, молодежные сленги, американизмы и черт его знает какая мешанина.

Сегодня мы пришли к такой вехе, что многие не понимают Абая. У меня целая полка отведена книгам по абаеведению. Я постоянно слежу за этим. Многие современные исследователи читать Абая как следует уже не в состоянии, а потому знают его плохо. Я им занимаюсь много (написал четыре книги и еще шесть составил) и, уж поверьте, кое-что в этом кумекаю. Последние двадцать-тридцать лет о нем стали писать очень много, выпускается масса научных исследований, а я бы сказал так: «Абайды құртып келе жатырмыз». Парадокс, да и толь-

ко: вместо того, чтобы глубоко внедрить Абая в сознание казахского общества, мы, наоборот, как-то уходим от Абая. И не только от языка Абая. Мы уходим от Абая как феномена, как социально-философского явления. Кстати, это справедливо по отношению не только к казахам, но, пожалуй, и к немцам. Я не уверен, что они знают Гёте…

Казахи должны оставаться казахами

– Установка на то, чтобы казахский язык стал не просто доминирующим, а едва ли не единственным обязательным к употреблению на территории страны, реалистична?

– Нет, не реалистична. Скажу сразу и резко. Стремиться к этому нужно. Есть известная истина: всеми женщинами обладать невозможно, но стремиться к этому не возбраняется. Так и в этом вопросе. При всей моей любви к казахскому языку я думаю, что доминирующим в нашем обществе он стать не сможет. Почему?

Простой пример из жизни. Рядом с моим домом находится элитная казахская школа. На уроках физкультуры и после уроков детишки бегают тут рядом. При этом они все разговаривают только на русском языке. Это поразительно. Меня это оскорбляет. Иногда я останавливаю и начинаю выговаривать им. Приезжают за ними родители, аталар-әжелер, а это явно небедная публика, и многие из них разговаривают с детьми только по-русски (?!). Это меня угнетает.

Поэтому я думаю, что доминировать казахский язык не сможет. Хотя стремиться к этому нужно. Очень нужно. Время от времени идет такая кампанейщина. Но пока наш депутатский корпус, президентская администрация, члены правительства не в состоянии свободно говорить по-казахски, о чем может быть речь? Потому что молодежь уже поняла (целое поколение выросло за 20 лет): для того, чтобы сделать карьеру, стать большим человеком, занять подобающее место в обществе, необязательно знать казахский язык. Это как зараза. Как мне не нравятся немцы, которые ушли от своего языка, так не нравятся и казахи, которые сильно ушли от своего языка.

Вот смотрел я недавно казахстанский «Х-фактор». Хорошие казашки и казахи выходят и поют. Поют по-английски, по-русски. Все это подражание, западные манеры. Ничего национального нет. Это стыдно…

– *Это симулякр...*

– Да, это вы правильно сказали. Это слово было употреблено в вашей газете. Это действительно симулякр. Они хотят кого-то перещеголять? Я постоянно говорю: «Казах, сколько бы ты ни стремился, американцем не будешь! Немцем не будешь! Французом не будешь!»

– *Орыс та болмайсың...*

– Орыс та болмайсың! Бола алмайсың! Давай оставайся казахом. В этом твое спасение. Только не старайся казаться лучше, чем ты есть на самом деле.

Случалось мне бывать за рубежом в компании с нашими артистами. Как только наши казахи начинают петь песни на казахском языке, у иностранцев округляются глаза. Это им интересно. Так что делают наши казахи? Они поют арии из опер, исполняют классическую музыку, изо всех сил пиликая на скрипках. Но этим никакого европейца не удивишь. Это ему не нужно. Ты лучше пой свои песни. Вот тогда ты будешь интересен и будешь иметь авторитет. Поэтому один из главных недостатков казахов – это подражательство. Вот в этом плане они сильны.

Меня угнетает еще одно обстоятельство. Приезжают в город из аулов юные казашки и тут же переходят на русский язык. Даже общаясь между собой. А ведь все они – будущие матери. Они не знают ни одной казахской колыбельной. Если женщина-мать переходит на другой язык, на другую культуру, то для меня это гибель нации. Женщина должна сохранить все: и очаг, и язык, и свою национальную материнскую суть. Если женщина этого лишается, то все потеряно.

Нас спасет только культура

– *За годы независимости большое количество казахов перебралось в города. Насколько свидетельствует исторический опыт, городская жизнь должна, выражаясь образно, «перемалывать» такие «аграрные десанты». У нас же, кажется, все происходит с точностью до наоборот: уровень общей городской культуры катастрофически падает. Почему такое происходит? И что нужно делать, чтобы хоть как-то переломить такие тенденции?*

– Даже не знаю. Я об этом думаю, но я сам аульный. Для меня потеря аула, крах аула воспринимается как трагедия. Я сторонник аула и

постоянно подчеркиваю, что меня сделали человеком три компонента: родители, аул и книги. Это три моих источника. Казахов, сейчас приезжающих в город, не столько перемалывает городская культура, сколько они в большой степени влияют на городскую жизнь. При всей своей склонности к подражательству казахи с их аульными традициями и в городе берут вверх. Какая-то странная логика бытия. Я живу в Алматы с 1954 года. Сравнивая тот, прежний, город с нынешним, я вижу большую разницу. Приехавшие из аула перемололи все хорошие традиции, которые были тогда. Очень многое потеряно. Городской дух, в хорошем смысле этого слова, тот слой самобытной культуры оказался разжиженным «благодаря» нашествию аульных казахов. И это, наверное, не совсем правильно.

– *Что делать?*

– *(Смеется.)* Если бы я знал, что делать! Поскольку я культуртрегер, то считаю, что все упирается в культуру. Полагаю, что именно она везде должна оказывать решающее влияние. Но мы о культуре не говорим. Она у нас в загоне. Особенно последние двадцать лет. И вообще такое ощущение, что наука, культура нам не нужны.

Часто спорят, что первичнее? Мне говорят, что экономика, политика, а уже потом – культура. Я же, как культуртрегер, всегда считаю, что во всем всегда на первом месте должна быть культура. Начиная с бытовых, родственных отношений и вплоть до высокой духовности. Когда она не является доминирующей категорией, все остальное чепуха. Человечество никогда не было сытым и никогда не будет. Всегда будут голодные и обездоленные, но культура должна быть высокой. Вспомните, в Ленинграде в страшное время блокады культура сохранилась, несмотря ни на что.

Приведу еще один пример – из страшной истории трудармии. Одну треть мужского населения российских немцев в трудармии перемололи в лагерную пыль. Кто смог уцелеть? Мои соплеменники, волжские немцы, до изнеможения работали на лесоповале. Приходили в барак, падали и засыпали мертвецким сном. Все, больше никаких интересов не было. Но среди них была группа таких людей, как будущий академик Раушенбах, философ Кроневальд, археолог Бадер, писатель Реймген и другие. Что делали они, в отличие от других? Вкалывая так же, как и все, они вечерами собирали свой кружок и по очереди чи-

тали друг другу лекции. Один – по высшей математике, другой – по археологии, третий – по истории и так далее. И как ни странно, все они выжили, а остальные погибли. Вот что значит культура в смысле духа! Культурный человек всегда берет верх.

Сейчас мы это стали забывать, а зря. И когда мы рассуждаем о современном ауле, о современном городе, о людях, в них проживающих, то я вижу, что дух и культура и там, и там очень низки. Идет деградация. Отсюда все беды.

В годы моего студенчества в Алматы не топтали газоны, не рвали цветы, не разрушали ничего. А что сейчас? Обязательно пнут, разбросают, намусорят, наплюют, нагадят… На большее, видимо, способностей не хватает. Все идет из того, что все это не мое, это чужое. Он озлобленный. Он приехал из аула, где нет работы, жизнь скверная, а тут его никто не ждет. Он не может устроиться, квартиры нет, нормальной работы нет. Поэтому он идет на все тяжкие, чтобы хоть как-то реализоваться. И ему не до культуры. И культура не в состоянии его победить. Вот корни всеобщей деградации города. И как это выправить, я не знаю.

Наверное, кто-то подумает: начинается… «и солнце раньше светило ярче, и девки были фигуристее». Но ведь действительно Алма-Ата 1950-х была в культурном плане несколько иной. В нынешнем парке имени 28 панфиловцев каждый вечер давали открытые концерты, и какие! А какие лекции читались на доступных лекториях! Мы толпами ходили на публичные защиты научных диссертаций, чтобы вдохнуть атмосферу открытых научных дискуссий. В оперном театре пела Куляш Байсеитова – ну разве это можно было пропустить?! Сейчас этого нет. Тяги к культуре, тяги к духовности – нет!

Да что там духовность – стремления к знаниям нет! Все покупается. Если чем и озабочены нынешние студиозы, так это тем, где взять наличку, чтобы затем вложить ее в зачетку и получить зачет, сдать экзамен. В наше время мы даже не представляли, что такое шпаргалка. Все учились честно, честно стремились, честно увлекались. А где все это сейчас? Нет.

– *Сейчас даже шпаргалки не пишут…*

– Правильно, а зачем, когда есть Интернет? Я ворчу не только из-за возраста. Просто меня тревожит то, что культура уходит. Вы все

время напираете на меня, пытаясь получить ответ на вопрос: что делать? Путь один: окультуривать людей.

Вот я смотрю иногда на наших парламентариев (а я и сам когда-то был депутатом) и вижу, насколько упал их уровень. С каждым созывом он опускается все ниже и ниже. Раньше про парламент говорили «непрофессиональный», потом «карманный», затем «суперкарманный». Я сам прозвал депутатов «дамбальными» (дамбалдың ышқырында жүрген депутаттар – депутаты, которых носят за поясом). К чему это я? А к тому, что культура уходит оттуда, сверху. Нет культуры, нет духовности, нет образования.

У нас вообще какое-то вывернутое понимание культуры. Хороший концерт, какое-то разовое шоу, пышный той – еще не есть культура. Конечно, можно пригласить каких-то людей из Москвы, которые что-то там споют, получат свои миллионные гонорары и уедут, но какое отношение это имеет к культуре?

А возьмем спорт. Сейчас пошла мода на легионеров. Они сейчас у нас везде, во всех видах спорта. Но кого мы обманываем? Какое это имеет отношение к нам? Разве это наши достижения? Я запустил в оборот слово «даракианство», от казахского «дарақылық». Так вот, у нас сплошное даракианство – пустословное хвастовство, пускание пыли в глаза, навешивание лапши на уши. Вот это и считается у нас культурой. Дескать, мы впереди планеты всей. А на деле это не более чем глобальное даракианство.

Кризис не вокруг, кризис в головах

– Много говорится о бедственном положении казахов, которым отведена роль государствообразующего этноса. А между тем именно казахи составляют абсолютное большинство в коридорах власти. Так кто же тогда повинен в такой ситуации? Почему между государством как совокупностью органов управления (политическая власть) и государствообразующим этносом существует столь серьезное противоречие?

– Об этом еще Шерхан Муртаза говорил лет двадцать назад. Сидим на сундуке со златом, а все нищие.

Недавно я слушал выступление нашего саруара, который говорил о новом витке экономического кризиса. Что, дескать, мы в Казахстане

успешно противостоим и будем это делать и дальше. Я возмутился и написал реплику для «Плетенья чепухи». Смысл следующий. Что такое Казахстан? Девятое место в мире по площади. А населения – пшик, каких-то 16 миллионов. Средний мегаполис. При таком богатстве (наземном, подземном) говорить об экономическом кризисе в независимой стране – глупость. Это нонсенс. Это смешно. О каком экономическом кризисе может быть речь? Значит, кризис в головах правителей.

Духовный кризис, культурный кризис, какой угодно, но только не экономический. Его в Казахстане быть не должно. Он никак не может быть. А между тем бедствуют больше всего именно казахи. Везде руководят казахи, доминируют везде казахи, но и внизу бедствуют казахи. В чем причина? В том, что везде жуткое воровство. В том, что те, кто наверху, воруют без оглядки. Очень сильно расцвела коррупция. А внизу народ с рабской психологией. Тәубе, тәубе, шүкір, шүкір... Мы живы, сегодня существуем, и хвала небесам...

А между тем ров между ними все больше углубляется, расширяется. Нет такого, чтобы те, кто сидит наверху, возмутились, прониклись бы сочувствием к бедным своим собратьям-бедолагам и хоть в чем-то пошли навстречу. Этого нет и в помине. Тот, который наворовал, сидит наготове, в любой момент готов смыться куда-нибудь подальше, а другой перебивается чаем с лепешкой. Вот это шүкір, шүкір, тәубе, тәубе и доконает казахов.

– И до каких пор это будет продолжаться?

– А, видимо, вечно. Недаром у казахов есть поговорка «На третий день и к аду привыкнешь». Вот в этом беда национальной казахской психологии. Недавно у меня гостила родственница из Кыргызстана. Ну что говорить, Кыргызстан во всех отношениях страна бедная, да еще бунтовщиков развелось. Вот она меня и спрашивает: «А не повторится ли такая история и в Казахстане?» Я и отвечаю: «Не будет». Казахи бузить не будут. Отдельные вспышки могут быть. А так в целом – тәубе, тәубе, шүкір, шүкір...

Вот есть такая казахская особенность. Почему так? Всегда было трудно казахам, трагедий всегда было много, степь огромная, а он сам по себе кочует-кочует. И психология была такая: сегодня ты аман-сау,

ну и ладно. Атынды сат, катынынды сат, жатарында тойып жат – лошадь продай, жену продай, но ложись сытым. Такая вот психология: будь благодарен Всевышнему за прожитый день. Это беда.

Русские говорят: Бог дал день, Бог даст пищу. Русские долго запрягают, но быстро едут. Казах же очень покладистый. Поэтому я всегда завидую нашим правителям. Потому что руководить такой страной, таким народом – это айналайын. Дар божий. Есть такая поговорка: «Хан сказал – хан прав, бек сказал – бек прав. Он поставлен Богом, он бастык, и этим все сказано. Надо подчиняться, он сказал, значит все...» А сколько таких характерных поговорок и пословиц в казахском фольклоре?..

С одной стороны, эта многотерпеливость, эта лояльность казахская – хорошо. Казах все стерпит. Но нельзя же терпеть голод, несчастья, то, что ты в загоне. Надо же хоть иногда возмутиться. Как говорил в таких случаях мой знакомый писатель Дебольский: «Надо ощетиниться!» Надо противостоять, надо не соглашаться. Говорить в глаза: «Ай! Мынауын иттік кой!» Нет, этого нет.

Недавно я написал статью о том, что русское население слабо представляет, в каком обществе оно живет, что происходит в недрах казахского общества, чем живут казахи, о чем они пишут, что их волнует? И тут же получаю в ответ статью в «Казахской правде» под названием «Герольд, ты не прав!». Автор – славянин. Суть: это не так, нас просто отстранили, поэтому мы мало знаем. А он здесь живет, покуда ему тут комфортно. И проблемы казахов его в общем-то мало волнуют. А я все же считаю, что знать бы надобно. Все-таки ты живешь с казахами в одной стране.

Реплика моя называлась «Моя твоя не понимай». Но это же действительно так и есть. Казахи сами по себе, русские сами по себе, но живут все в Казахстане.

Абсолютно ненужная вещь

– Не так давно доктор философии И. Сулейменов предложил политически легализовать институт родоплеменных отношений (рассадить в Ассамблее народа Казахстана родовых агашек как представителей различных казахских родов и племен). Что Вы думаете по поводу такой инициативы?

– Категорически с ней не соглашусь. Как человек германского племени, я не в состоянии понять две сугубо казахские вещи: шежіре и родоплеменные отношения. Это не вмещается в мою маленькую голову. Я не могу в это вникнуть. Сколько я ни читал, как я ни старался, я даже таблицы вычерчивал, делал пространные записи, кто какого рода, кто и откуда ведет свою родословную – не лезет это в мою голову. Да и душа не очень принимает. Для меня это осталось непостижимой вещью. Видимо, все же сказывается моя германская ментальность, моя чужеродность. Единственное, что мне оказалось по плечу, так это то, что я из аргынов, а среди них я атыгай. Это все. Дальше я не иду и не понимаю.

Но у нас есть люди, которые хорошо разбираются в этих вещах. Тем не менее, я думаю, что если посадить в Ассамблею таких агашек, то это ни к чему, кроме раздрая, не приведет. Это абсолютно ненужная вещь. Все эти деления могут быть полезны с точки зрения того, чтобы каждый человек мог бы чисто географически определить место своего происхождения, к кому он относится в целом. В некотором смысле это удобно. Знать это не мешало бы и, наверное, надо. Но культивировать все это абсолютно ни к чему. Не это главное, но почему-то этот вопрос сейчас поднимается.

Что же касается Ассамблеи. Я сам был долгие годы членом ее совета. Я был там нужный человек и разделял отводимую ей роль. Потом постепенно я отошел от нее. Почему? Ассамблея стала колшокпаром нашей политики. Она озвучивает то, что нужно верховной власти. А я всегда считал, что ассамблея должна в первую очередь думать не о политике, а озаботиться вопросами культуры своих диаспор. К этому можно добавить вопросы истории, языка, но политика там ни к чему. Однако этого не получилось. Она стала заглядывать власти в рот и предугадывать ее пожелания.

Изначально идея Ассамблеи была прекрасной и нужной для нашего многонационального общества. Но из нее сделали послушное орудие политики. Этого я понять не могу. Также я не понимаю идею выдвижения депутатов от Ассамблеи. Мы же всегда говорим о едином Казахстане. Ну, тогда будьте добры состязаться наравне со всеми. Получать преференции только потому, что ты являешься представителем какой-то диаспоры, не очень корректно. Как можно быть назна-

чаемым депутатом? Мне кажется, это позорно. Я бы отказался быть депутатом, если бы ко мне относились только как к немцу. Мне это ни к чему. А вот стать депутатом, за которого голосуют казахи и все остальные граждане Казахстана, совсем другое дело.

Беседовал Кенже Татиля
«Взгляд», 4 мая 2012 года

ДЕСЯТИТОМНИК ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

Мы, давние знакомые, коллеги и соседи, нередко ведем телефонные беседы о том о сем, о скудных «немецких» делах, в том числе и посильных творческих. Герольд Карлович в последние годы из-за хилого здоровья несколько сбавил свою общественную прыть и предпочитает работать в тиши, уединенно, но с прежним рвением и прилежностью. О том и наша речь.

– Итак, что Вы, Герольд Карлович, «сотворили», скажем, в последние год-два?

– Со здоровьем, Иван Егорович, действительно напряженка. Недавно перенес третий инфаркт, и теперь мне приходится осторожничать во всем. Утешаю себя тем, что у Эйзенхауэра инфарктов было восемь; четыре как у главнокомандующего, четыре как Президента США. Так что не буду паниковать. Ну, а в творческом плане все о'кей. Пером шкрябаю усердно, и кое-чем могу похвастаться.

– Чем, например?

– Тем, к примеру, что в прошедшем 2012 году завершилось издание избранных моих произведений в десяти томах. Честно: я о том и не мечтал. Думал: издадут, может, со временем двух- или трехтомник. А тут по заказу Министерства связи и информации РК расщедрились аж на десять томов. И я благодарен издательству «Балалар әдебиеті», которое выиграло тендер и издало меня вполне прилично.

– И что же вошло в эти десять томов?

– Вошло немало. Первые шесть томов заняла проза – романы, повести, рассказы, миниатюры. Один том посвящен моим трудам по переводоведению, один том – эссе, еще один – критике, последний –

публицистике. То есть, представлены все жанры, в которых работаю пять десятилетий. Тираж, правда, небольшой – по две тысячи экземпляров каждый том, но я конечно, и этому рад.

– Но это не полное собрание Ваших сочинений?

– Увы! О полном собрании и речи нет. Для полного собрания понадобилось бы еще томов десять-двенадцать. Ведь в десятитомник не вошли мои статьи, исследования по литературе российских немцев – минимум три тома (такие мои книги, как «In Mitten des Zeitgeschehens», «Помни имя свое», «Russlanddeutsche Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart», «Алексей... Alex... Әлеке», «В поисках своего ритма», «Координаты»); примерно два тома произведений, написанных на казахском («Мұнар тау», «Қазақ дәптері», «Өтеді өмір осылай...»); три тома эссеистики и публицистики из цикла «Плетенье чепухи» (2100 страниц); два тома дневников («Тень дней минувших» – более 800 стр.); два тома рецензий, критических статей, обзоров; один том очерков и литературных портретов; наверняка еще что-то наберется. Сам удивляюсь: бумаги и чернил извел изрядно. Ну, да ладно: будем довольствоваться тем, что есть. Как говорят казахи, тәубе, тәубе, шүкір, шүкір.

– Так сколько же книг Вы издали на сегодняшний день?

– Могу ответить точно, поскольку я все регистрирую. Собственных книг я издал 66; на русском, казахском, немецком языках составил 20 книг; перевел с казахского и немецкого 25 томов прозы; публикаций за все годы набралось 2030. Так что на моей раздрызганной арбе накопилось много всякой всячины. И, разумеется, далеко не все блещет качеством. Но если трудишься каждый день – систематически и планомерно, то за долгую жизнь накапливается разных изделий немало.

– Все это похвально. И читателю DAZ, полагаю, знать о том не помеха. Императрица Екатерина II зазывала своим указом (нынче ему 250 лет будет) немцев-крестьян, а они еще и на ниве литературной преуспели. За что вам и вручили памятную медаль ее имени.

– Потому, видно, мы с тобой и затеяли этот разговор.

– А что Вы еще издали за последний год?

– Издал переводоведческое эссе «Записки старого толмача» (творческая лаборатория); две крохотные книжки «Mein Freund Шот-Аман»; «Тамыр тамыров»; на днях в «Библиотеке Олжаса» выйдет

книжка «О Леонарде Кошуте»; для этого же издательства подготовил книжку «Миниатюры». Еще вышла книга дневников на казахском языке.

– Насколько мне известно, и библиография о Вас солидная.

– Да, не в обиде. Обо мне и моем творчестве написано 500 статей и рецензий, несколько монографий и защищено несколько диссертаций. А прошлый год был для меня знаменательным и тем, что я был объявлен «Человеком года» («Алтын адам») в номинации «Деятель культуры», а Международная организации «Тюрксой» наградила меня золотой медалью за вклад в литературу и искусство тюркского мира, чем я особенно горд. Тюркский мир мне издавна близок (в юности я мечтал стать тюркологом). Ну, а Германия наградила меня два года назад орденом «Das Verdienstkreuz», чем я тоже горжусь. Вообще, можно сказать, я неплохо устроился. Обласкан со всех сторон. Однако охотно обменял бы все регалии и звания на приличное здоровье. Увы, такого обменного пункта нет.

– К сожалению, это так. За радость творчества, известно, приходится платить дорогой ценой. А что в планах?

– Хм-м… Без планов разве обойдешься? Даже если тебе идет 79-й год. План я наметил давным-давно и строго следую ему. Хотелось бы издать еще запланированных восемь книг. Три, надеюсь, выйдут ныне. Остальные, можно сказать, «на мази». Однако, есть план, благое намерение и есть его осуществление, реализация. Известно, ты предполагаешь, а Бог располагает. Очень надеюсь осуществить свои планы к 80-летию. А там можно б было и дурака валять, балду гонять. Такой вот на сегодняшний день настрой.

– Я знал Ваших родителей. Мать Ваша прожила 84 года, отец, Карл Фридрихович, ушел на 94-м году жизни. Так что у Вас есть генетический запас. Желаю Вам долгих лет жизни, бодрости и творческого настроя.

– Спасибо! И тебе того же желаю. Ты ведь идешь за мной след в след, ступь в ступь. Будем держаться, сосед Сартисон.

– Да сбудутся Ваши слова.

Беседовал Иван Сартисон
«DAZ», 8–14 февраля 2013 года

МЫ СТРАШНО СКУДЕЕМ УМСТВЕННО

Писатель, переводчик, публицист Герольд Бельгер общался с нами дома, в Алматы. В его рабочем кабинете нет и намека на технику: ни компьютера, ни сотового, он отказался от них намеренно. Работает только с ручкой и бумагой в окружении книг и рукописей. Их тут целый мир – на казахском, немецком, русском языках. О национальной идее, силе подражательства и, конечно, о казахском языке мы поговорили с Герольдом Карловичем.

О мешке денег и трех дипломах

– По-Вашему, куда сейчас движется страна?

– Этот вопрос я много раз ставил в своей публицистике и ответа не нашел. Мы идем зигзагами, выкрутасами, где-то наша стежка плутает по степи, в закоулках. Нет четкой позиции, есть подражание. Это наша беда. Мы бываем в Америке, хотим быть, как американцы, хотим тех, этих догнать, перегнать. То есть очень много хвастовства, я это называю «даракианство». Есть казахское слово «дарақы» – это человек-хвастун, трепло. У нас в стране много трепачества, лжи, мы пронизаны этим сверху донизу, и это, по-моему, наша главная беда.

– Не из-за отсутствия ли национальной идеи нас болтает из стороны в сторону?

– Одно время я отчаянно искал национальную идею. В чем ее суть? Чтобы объединить народ, сберечь. Я думал и пришел к выводу, что наша национальная идея – это казахский язык. Сейчас, честно говоря, в этом весьма сомневаюсь, язык национальной идеей стать не смог. Теперь говорят, что это – единство. Согласен, единство в любой стране важно и нужно, но какое может быть единство, если власть сама по себе – наверху, а народ – сам по себе, и между ними огромный ров. Мы живем без национальной идеи, смотрим то на американцев, то на россиян, то на китайцев – не знаем, к кому приладиться. Наша беда – это нехватка самостоятельности, уверенности, что называется, темир қазық (то есть стержень). Подражательность – это ведь от комплекса неполноценности. Я патриот Казахстана – с семи лет рос в казахском ауле, весь пронизан казахским духом и желаю стране процветания, но я вижу все больше недостатков. То ли позитива нет, то ли я настроен слишком скептически.

– Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает, разве не так?

– Поневоле соглашусь – каждый имеет то, что заслуживает. Но, зная Казахстан и казахов с 1941 года, я прихожу к выводу, что народ у нас заметно вырос. В смысле национального сознания, понимания, рассуждения, восприятия, мировоззрения, и он сейчас верхами все больше недоволен. Эта разница между властью и народом все больше. Представляете, за двадцать лет нашей независимости у нас было 12 министров образования! Настоящее образование – это когда человек нравственно образован, окультурен, а не когда у него мешок денег и два-три диплома.

Не культура – а культур-мультур

– Какие могут быть рекомендации? Чем питать ум?

– У нас понятие культуры неправильное, на нее смотрят, как на культур-мультур. Это когда какого-нибудь артиста приглашают на мероприятие или из Москвы целая толпа приезжает, песни поют, и считается, что это и есть культура. Есть большие жулики от культуры, которые к этому приспособились. А культура – это газон, который нужно десятилетиями поливать, выращивать, ухаживать. Мы до этого еще не доросли.

– Недавно супруга композитора Мукана Тулебаева Дарига взывала к тем, кто смог бы закончить оперу «Козы Корпеш – Баян Сулу» – до сих пор некому...

– Сейчас же все песенки сочиняют. Могу привести пример. В давние времена мы общались с композитором Ахметом Жубановым, я бывал у него дома, перевел его книгу «Соловьи столетия». И вот он мне показал рукопись – перевод на казахский язык книги «Осуждение Паганини» Анатолия Виноградова. Он ее перевел, осталось страниц семнадцать, говорил, что никак не найдет времени закончить. Эта книга была очень нужна студентам консерватории. Паганини работал ежедневно по 15 часов. А наши музыканты, говорил Ахмет Жубанов, – лентяи. Так он и не закончил перевод. Потом я спрашивал у его дочери Газизы Жубановой, знала ли она об этой рукописи, оказывается – ничего. До сих пор не нашелся человек, который бы эти 17 страниц довел до конца.

– Потому что гении в стране перевелись?

– Мы страшно скудеем умственно. Мне всегда вспоминается изречение американского психолога, сказанное еще 30 лет назад, что человек, который познает таблицу умножения, будет считаться гением. Я долгое время в аспирантуре занимался программами старинных школ: медресе, мектебов, гимназий. Изучая их, пришел к выводу, что программа классической гимназии значительно глубже и богаче, чем нынешний факультет филологии университета. Человек, который окончил гимназию тогда, знал три живых языка и два мертвых – латинский и древнегреческий. Одно время я довольно часто выступал в институтах, и у меня всегда была проблема: на каком уровне общаться со студентами? Обычно я спрашивал: «Айналайын, ты в последнее время какие книги читал?» Ответ был: «Никакие». «Какие спектакли посетил?» – «Ничего не видел». Один студент сказал: «Ой, агай, мы, что, в Алматы приехали спектакли смотреть и книги читать? Мы учиться приехали!» А в чем тогда заключается учеба? Он работает в двух-трех местах и полусонный сидит на лекциях – вот современный студент. Я сравниваю со своим поколением: мы приезжали из аула и первым делом отправлялись в оперный театр, хоть и в спортивном костюме, калошах, лишь бы послушать «Кыз Жибек» в исполнении Куляш Байсеитовой! Была такая потребность у всех моих друзей. А сейчас что?

Чтобы казах был казахом, кореец – корейцем

– Не могу не узнать Ваше мнение о ситуации, сложившейся вокруг казахского языка...

– Я много об этом писал, пишу, и мне, честно говоря, уже надоело. Я сам – горячий сторонник казахского языка. Вырос в казахском ауле, говорю, пишу по-казахски, перевожу, поэтому для меня это близко, кровно. Казахи в какой-то степени виноваты, что допустили такое. Дело с казахским языком обстоит швах, и все это понимают. Деньги отпускаются немалые, но добрая половина разворовывается. Когда дело доходит до акша – никто не думает о языке, патриотизме, каждый думает о своем кармане. В 80-х я ратовал за два государственных языка, тогда я только выразил свое мнение в печати, потом мне целый год звонили, угрожали, говорили: вторую ногу твою сломаем, голову оторвем. Но с возрастом все больше и больше отношусь скептиче-

ски к проблемам образования, языка, культуры, медицины. Все это в загоне, иногда там наверху «трещат», ведут зажигательные, пропагандистские речи, но это все впустую, несерьезно. Потому что сами казахи охотнее разговаривают на русском языке. И пишущих на нем все больше и больше. Вчера мне один казах, врач по профессии, принес толстый том своей поэзии, все написано по-русски. Это меня не удивляет. Мне прислали роман Кристы Вольф, каждая вторая фраза – английские словечки. Если бы проснулся вдруг Гёте и стал читать современную немецкую литературу, он бы ее не понял, она слишком американизирована.

– Все-таки как мы должны называться – казахи или казахстанцы?

– Когда меня хотят назвать казахстанцем, я не возражаю, географически так оно и есть. Но если хотят, чтобы я писал национальность «казахстанец», хоть убей меня, не соглашусь. Я родился немцем, горжусь, что я Герольд – это мощное звучное имя (с нем. – глашатай, вестник, трибун) дала мне мама. С матерью в больнице была одна еврейка. Она хотела сына назвать Герольдом, но родила дочь и уговорила мою мать назвать меня Герольдом. Я за то, чтобы казах остался казахом, кореец – корейцем. Вот, скажем, в Германии сейчас кого только нет. Я несколько раз выступал по этому поводу, меня даже обозвали расистом. В ЦК (Центральный Комитет партии) страшно удивились, мол, знаем Бельгера как интернационалиста, а он вдруг поехал в Германию и стал расистом! Потому что я возмущался, что слишком все открыто, там кого только нет, а немцев не видно, немецкой речи мало слышно. Я культивирую в себе немца, читаю постоянно немецкую литературу, общаюсь с тамошними немцами – сейчас похвастаюсь: мне вчера прислали книгу «Стихи о любви» с графикой. Или вот у меня есть Томас Манн, там 1500 фотографий, это для меня отдохновение. Когда мне уже совсем дурно и от казахов, и от немцев, от русских – я читаю литературу или Библию.

«Брось, у тебя нос не годится для атыгайца»

– Что нужно делать, чтобы дружба между народами в Казахстане оставалась нашим достоянием?

– Я постоянно подчеркиваю, что казахи в военные и послевоенные годы были значительно лучше в человеческом смысле. Это были люди

широкой, как казахская степь, души, искренние, сердечные, немного наивные, милые и очень добрые. Сейчас пошли расчетливые, денежные. Личные интересы вышли на первый план. О русских я не говорю, так как плохо знал их всегда. Мне кажется, наша дружба раньше шла на максимальное сближение. А сейчас идет разъединение, каждый хочет быть лучше, чем он есть. У нас пошли какие-то жузовые разобщения, мне звонят и спрашивают, из какого я жуза. В том краю, где я вырос, были атыгайцы – «брось, у тебя нос не годится для атыгайца», нет, ты лучше будь каракесеком! Я все время переключаюсь с языка на язык, я же переводчик, а это, говорят, вредно для здоровья. Пожил в Подмосковье, и то, что я там увидел, меня сильно обескуражило – какие там леса, природа, а живут люди бедно, кроме пьянства и нищеты – ничего нет. Думаешь, Господи, ну дай эту землю узбеку – он из нее конфетку сделает!

– Какие у Вас планы на творчество?

– Пять-шесть книг в плане стоят. Вот сейчас издал маленькую книжку, мне нравится ее формат – карманный, очень удобный. Сейчас сдал еще одну под названием «О, казахи мои» – это фраза из Олжаса Сулейменова, но, поскольку я 72 года живу среди казахов, тоже имею право так сказать. Там будут размышления, наблюдения только о казахах. Немцы узнали про это дело и попросили написать: «О, немцы мои». *(Улыбается.)*

Беседовала Марина Хегай
«Караван», 22 ноября 2013 года

Ермек Турсунов

МАМБЕТ

Засуньте луки с тупыми стрелами в свои походные коржуны, господа псевдопатриоты. Я не про вас, я о Бельгере. И не по случаю какого-нибудь торжества или юбилея, а просто так, по совокупности. Хотя орден ему, помнится, вручили сравнительно недавно. Без помпы и барабанной дроби. Германия наградила своего блудного сына за заслуги перед

отечеством. А насчет юбилея – исполнилось ему 75. Тоже недавно. И слава Аллаху, на этот раз обошлось без традиционного чапанокрытия. На 70-летие, помнится, его «покрыли» аж 18 раз. Затем все эти лубочные знаки внимания были честно перепокрыты по эстафете дальше. К счастью, круг общения у Гера-ага большой – на всех хватило.

Ничего не поделаешь, у многих из нас пылятся в шкафах все эти дежурные знаки внимания вроде керамических коней и изделий из сыромятной кожи. Они глядят на нас пустыми глазницами с полок и стен, дожидаясь своего часа. Как-нибудь мы их передарим другим своим далеким и близким по другим необязательным причинам, избавляясь без особого сожаления, с легким сердцем. Так они и кочуют – все эти сувенирные свидетельства приязни и дружеского расположения из дома в дом, из офиса в офис…

Но что-то я отвлекся...

Так вот. О Бельгере. Когда Герольду Карловичу исполнилось 70, я посвятил ему несколько строк в «Мегаполисе». Назвал его там «последним казахом». Разве мог тогда я предполагать, что это «погоняло» так к нему приклеится? А оно прилепилось. Теперь его многие так называют. Думаю, по делу. Потому что по всем своим повадкам и наклонностям он абсолютный стопроцентный аулбайский старикан. Вредный. Ершистый. Любит казы. Ест в основном руками. Языкастый. Как назло – много знает, переспорить трудно. За словом в карман не лезет. Говорит прямо, без обиняков, да еще и посмеивается каким-то своим нехорошим раздражающим смехом. Обычно он прохаживается у Шокана своей неспешной походкой с неизменной тросточкой в руке, так, словно гуляет по окрестностям какого-нибудь затрапезного аула. Рядом – вся его «бригада». Заслуженные-перезаслуженные аксакалы, которые взахлеб подводят промежуточные итоги своих стайерских дистанций, ну и заодно обсуждают новости с фронта: кого там в Астане с работы сняли, кого повысили, кто чей родственник и кто из какого рода-племени… Словом, все, как всегда, и все, как положено в аулбайском кругу. Между тем

все эти старики в потенциале – герои отдельных телепередач из серии «Личность во времени». Каждый в свое время много чего сделал, и каждому есть что рассказать. Это уж точно. Ну так вот, у меня сложилось впечатление, что негласным командиром всей этой тимуровской бригады является именно Бельгер. Не знаю, но так сложилось.

Вообще, по своим задаткам Бельгер – лидер. Хотя не заносчив. К сожалению, этого качества Бог ему не дал. Разговаривать через губу не научился. А если бы еще и нарастил два-три подбородка и карын отрастил, такой, чтобы ремень не застегивался, тогда, возможно, что-нибудь из него и получилось. А так – не вышло. Не срослось. Не пришлось ему долго красоваться в высоких креслах. Нигде особо не задерживался. Помнится, в одно время депутатствовал. Часто бывал на высоких трибунах, жег пламенными речами сердца. Впустую, как выяснилось потом. Теперь научился: пока не заденут – помалкивает. Всему давно выставил оценки и ни на кого не в обиде. Желчи за всю свою многотрудную жизнь не накопил, а потому изнутри она его не съедает. Неуемная немецкая энергия не позволяет ему сидеть, сложа руки. Все время что-то пишет. Причем делает это почти как Моцарт – не правит. Сразу – набело. Ровным аккуратным почерком. В моем окружении только он один так пишет. Остальные все работают с черновиком. Компьютер так и не освоил. Одно время монитор громоздился у него на рабочем столе модерновой декорацией, потом все-таки он его убрал и все так и царапает по старинке – шариковой ручкой.

Есть у него одна занятная тетрадка. То-о-олстая. Куда он записывает свои наблюдения за многие годы. Хотел я как-то у него купить ее. Предлагал немыслимые деньги. Так и не продал. Уперся, и ни в какую. Говорю же, вредный старик.

Честно говоря, Бельгера у нас многие недолюбливают. Во-первых, не умеет маскироваться. Не витийствует, говорит, что думает. А это у нас не приветствуется. Хотя, мне кажется, ему можно. Ведь в любом случае он остается над схваткой. Вырос он в казахском ауле, запах этой земли про-

ник во все поры его души, у него даже выговор сохранился маргинальный. Но... Все равно он – чужеземец. Иной. Чужой среди своих. При этом мало кому удалось сделать для казахской литературы столько, сколько сделал Бельгер. Сейчас уже не осталось тех, кто бы мог с ним поспорить по знанию этой самой литературы изнутри. И он, наверное, один реально знает, что в ней настоящее, а что – мусор. А мусора в ней, чего там говорить, предостаточно, и все это ему приходилось лопатить годами. Да он и сам это прекрасно знает и не ждет благодарности, поскольку этот фрукт у нас не растет. Далекая Германия награждает его за те заслуги, которые на порядок меньше тех, что заслужил Бельгер, оставаясь здесь. Трижды или четырежды прокатывали его свои же дружки-писатели, когда он подавал документы на Государственную премию. Может быть, тогда он еще не понимал, что премию ему не дадут. Потому как первое – позволяет себе критические высказывания в адрес существующего строя. Запятнал себя общением с оппозиционерами. Хотя сам он никакой не оппозиционер. Просто, как личность нормальных нравственных устоев, Бельгер придерживается умеренных взглядов и не участвует в групповом зализывании эрогенных зон руководителей нашей правящей партии. Более того, позволяет себе иной раз вякать. Короче, представить его членом «Нур Отана» крайне сложно. Дело в том, что он давно уже определился в своих политических пристрастиях: его партия – это его ручка. Его ближайшие соратники – бумага и рабочий стол. Жидковато? Зато честно и без понтов. А такая позиция у нас не приветствуется, тут работает старый принцип. Как говаривал небезызвестный картавый деятель революционной России с лысиной и фуражкой в зажатой руке, «кто не с нами, тот против нас». Получается, по нынешним понятиям Бельгер – лох. Лузер. Короче, мамбет. Хотя с его-то мозгами и связями он мог бы добиться много чего. Но не добился. И не стал добиваться. Мог бы на крайняк женить детей своих, повыдавать замуж за успешных казахов. Но и на это ему ума не хватило. Опять просчитался. Ну не мамбет ли?.. Затем у

Бельгера есть еще несколько существенных минусов. Он не принадлежит к касте: ни к одному из трех наших великих родов. Потом – он ничей не родственник. Третье – он свое уже получил, как считают многие. Он не научился дружить вместе против кого-то, потому что понимал, что ни те, ни эти реально с ним не будут. Разве что на словах, как это у нас и заведено. Гера-ага давно знает цену казахскому краснобайству, клятвенной верности, особенно в его признательной части. Все, что бесплатно, раздается у нас с особенной щедростью. Похвала, особенно за дастарханом, рассыпается тоннами... В противовес намного приятнее, когда тебе под Новый год присылают реальный согым. Это как-то существеннее. Такое тоже случается, и лично я тех людей, кто стоит за этими согымами, знаю и всячески приветствую. Это просто дань уважения, не больше. Красивый жест.

Словом, если рассматривать личность Бельгера как зеркало казахского самосознания, то мы сталкиваемся с очередным проявлением крайней несправедливости. Живет он в той же самой неказистой трехкомнатной квартире, какую ему выдали давным-давно за многие годы служения казахской культуре. На машины и дачи он не наработал. Хотя всю жизнь пахал. Горбатился на деятелей разного уровня. Переводил их многотомные произведения. Всех. Самых заслуженных. Если по алфавиту, то следует начинать от наших глыб – Абиша Кекилбаева и Абдижамила Нурпеисова и вниз, до самых нижних букв, то есть до камешков и булыжников, на которых держится хрупкий фундамент нашей культуры. В общем, ордена и медали ему больше не дают. Даже по случаю очередной годовщины независимости. Да и нужны ему эти ордена!.. А что ему нужно?

Полагаю, нужно, чтобы издали несколько его книг, хранящихся в рукописях. Нужно, наверное, давать ему почаще высказываться. Все-таки тоскливо уже смотреть на весь этот бедлам, что творится у нас в телевизоре. Хочется ведь иногда и на человеческие лица посмотреть, чтобы не забыть окончательно, как они выглядят... И, наконец, главный во-

прос – давайте возьмем и оглядимся по-честному: много ли у нас осталось таких стариков? Некупленных, непроданных, красиво состарившихся, честных и потому бедных. Думаю, таких наберется немного. Куда они все подевались? Ведь старики – это Совесть нации. Так всегда было в Степи. Неужели у нас так мало Совести осталось?

Что касается остальных, то мы имеем удовольствие наблюдать их каждый раз под Новый год на приеме во Дворце. Помытые, побритые, причесанные, с заготовленными благодарственными одами, они выстраиваются в очередь на пожатие Руки…

Бельгера там нет. И слава богу.

Насколько я знаю, нынче он никуда уже не ходит. Ни в чем не участвует. Ни за кого не голосует. Самая честная позиция, между прочим.

А если вы думаете, что это Бельгер заказал Турсунову статью, то вы просто идиоты. Он об этом даже не знает. Может обидеться. Не знаю. Рискую. Но, как говорится, раз уж разделся, то придется лезть в воду. Да и мысли эти больше, как вы понимаете, не о Бельгере, а о нас с вами. И о том времени, в котором мы с вами живем.

«Караван», 10 ноября 2011 года

Сагымбай Козыбаев

ДОРОГА К БЕЛЬГЕРУ

«Потихоньку шкрябаю пером» – мне по нутру это, не лишенное скромности, высказывание Герольда Карловича Бельгера в его поистине абаевских «Плетеньях чепухи». Корни мудрости в его заметках идут от реалии бытия, разнобокой сегодняшней жизни, наблюдения над явлениями и суетой повседневности, не всегда радужной. В этом сократовском

взгляде на жизнь ощущаются именно бельгеровское сострадание, доброта и сопереживание. Писатель, как никто другой, знает, что доброта должна быть по-евтушенковски, с кулаками. То есть небезучастная. А слово – тоже Дело, может, поможет? Еще как! Запомните, пожалуйста, это, именно его, бельгеровское слово! Оно ведь как алмаз, жолда жатпайды. «Шкрябанье пером» – символ трудяжничества. Причем ежедневного, иначе цепь прервется. Виртуозное владение словом, как смычком скрипки, – все же дар божий. Кажется – с годами пишется легко. Ну не то, что легко, нет. Просто слова находишь единственно нужные, верные. Как говорится, точно в бровь. Литературные муки – сплав таланта, опыта, жизненной мудрости, тех же личных качеств – доброты, человечности и прочего, веры в себя. Слово, как мотылек, летит себе, а попробуй поймать. Слово – шайтан, может запросто присниться во сне. Причем глубокой ночью. Что тогда? А не ленись, встань и зафиксируй. Эх, братцы, нелегкое это дело. Сну и здоровью во вред.

Имя Бельгера носят сегодня некоторые казахские мальчуганы. Представьте себе, к примеру, Бельгера Оспанұлы. Это признание простого люда. Керемет. Тие берсін! Наш брат, журналист, причисляет его к своей «мафии». Высокий накал публицистики Бельгера – ориентир подлинного мастерства. Это признание профессионального клана. Тағы да тие берсін! Сколько написано Гер-аға – об этом его биобиблиографические указатели. Био – биография, его книги. Библиография – о нем другими устами. И того, и другого – уйма. Хватит на несколько праведных жизней. Указатели, носящие конкретные названия, – «Бремя будней», «Резюме», сам Бельгер называет отчетами. Не по правилам. Однако очень уж верно, ибо это отчет, прежде всего, перед самим собой – что сделано за человеческий век? И в этом весь Бельгер, вот вам, дескать, моя кладовая – берите, учитесь, заимствуйте.

Тропа к дому батыра Герольда на Кабанбай батыра в южной столице многим известна. Идут за советом, напутствием, дарят свои книги и опусы. Насколько знаю – он не

отказывает в малости. Но имеет на все свое мнение. Ему не указ ни царь, ни Бог, указ лишь – веление честного сердца. Надо – скажет прямо, без обиняков. Пятколизы и лизоблюды посмертно им припечатаны. Казахский аналог? Пошукайте у него самого.

Бельгер, конечно, не благотворительная организация. Его скромный мастерок – слово. «Ай, поможет ли оно», – сомневается порой писатель. Что на это ответить? Слово все-таки – вещь серьезная. И лечит. И калечит. И возвышает. И низвергает. Ставит все на место. А коль назидательно – еще впрок и сегодняшним, и потомкам. Особенно, когда «гутарит» білгір Бельгер. Халық, Герольд Карлович, тыңдаушы ғана емес, алды-артты ойлайды ғой. Признание в любви к Бельгеру – не грех. Просто не каждый из нас это может выразить. Сделала сие успешно наша общая ученица Жанна Ескуат, посвятив себя бельгеровской теме и издав в формате ЖЗЛ книгу о нем. Многие из «зиялы қауым» – коллеги, друзья и собратья по цеху посвятили ему стихи. «Герольдизм духа» – назвал и я одно из ранних эссе, к общенациональной патриотической мысли применив данную категорию.

Дорога к Бельгеру... Светла и возвышенна. Нежна и осмысленна. Для кого-то и кому-то – крута и извилиста. Дорогого сия дорога стоит...

«Новое поколение»,
2014 год

Содержание

Об авторе 3

С. Ананьева. Мотивы творчества 4

Часть первая
СТАТЬИ, ЭССЕ

Гордость и слава народа 9
Мой путь к Абаю 12
Народная сага Роллана *(Беглые заметки)* 14
Мурат и Марат: Две половинки – одно целое 23
«Коран и Пушкин» 31
Чары Востока *(Эссе)* 36
Бахытжан – счастливая душа 42
Казахское слово и Жагда Бабалыкулы 47
Как зовут тебя, казах? 50
Гул степи под копытами коней 60
Крутое время – тернистый путь 65
Дервиш, какова вера твоя? *(Эссе)* 68
Воздух времени 76
Мир казахов 79
«Великое кочевье» Бигельды 84
Охотно признаю — я переводчик-толмач 86
В Оршутстане, в Оршутстане... 93
Он казах, небесный тюрк 99
Диагноз поставлен, намечены и пути лечения 104
Его девиз: «Жить творя – наивысшее счастье» 109

Часть вторая
ЭТЮДЫ: НАБЛЮДЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ

Тутти-фрутти 115
Казахи и туареги 165
Что, казахская тематика исчерпана? 166

Прозе жир противопоказан 167
В литературе «ака», «еке» не годится 167
Возвеличивать свое прошлое – не очень эффективно 168
Вечером, после форума литератур Средней Азии и Казахстана... 168
«Ох, и хитрец же я!..» 170
Сколько должен трудиться писатель? 170
Важно сохранить в себе казаха 173
Вот пример для подражания 173
Как решить демографические проблемы 174
О писательском тщеславии 174
О казахских родах-племенах 175
О зарубежных казахах 176
Редкий дар 177
Я всегда восхищаюсь тружениками 178
Я хорошего мнения о казахской литературе 180
О Розе Багдановой 183
«Кипчаку Герольду от кипчака Мурада» 184
Кризис вымысла 186
Пророческий сон хана Аблая 187
Неужели он «орошал пустыни Казахстана»? 188
Уникум Аскар 190
Полемист Магауин 190
О казахских шежире 191
Что вызывает недоумение 193
Ну почему нелады с госязыком? 194
Галымжан Муканов 196
Ана тілі – материнский язык 197
Негоже обтирать рот сухой травой 199
Осенью 1944 года... 202
Бауке. «Психология войны» 204
Каюм-ага 208
Сужается сфера казахского языка 209
Абеке Жаймурзин рассказывает 210
Равиль – сын Шаяхметова 211
Гостья из Стамбула 212

Казахские ассонансы 214
Степь 214
Лупоглазое лихо 215
За тоем – той! 216
О культуре труда 217
Солнце. Чистое небо. Тишь 220
«В сорока заплатах сердце у Абая...» 222
Я азамат Қазақ елі 222
Казахские запреты 225
Вдруг орден дадут... 226
Болатхан Тайжанов 228
Кто достоин нобелевки? 233
Что читать? Как читать? 235
«Красиво прожитая жизнь» 238
«Вернуть из забвения» 240
Завет Габита Мусрепова 241
Жырау Мөңке Тілеуұлы 242
Миллиардер 244
Нет гор, нет утесов, а есть холмы, сопки, бугорки 246
Корней Иванович прав 247
Сколько гостей у казахов? 247
«Қыз Жібек» на латинице 249
Что значит исторический роман? 250
Обал-сауап 250
Человек культуры 251
Основное направление 252
Снег, снег... 253
«Непонятный казах» 254
Гордое имя – журналист 256
«Богом создан был Восток...» 257
«Степной джюсан звенит и плачет...» 259
Акселеу 260
Оралхан 263
Кто еще не писал про Чингисхана? 265
«Темперамент» Аубакира 265

Критик Кулбек 267
Жарасбай, внук Нуркана 271
Мое счастье 275

Часть третья
РАССКАЗЫ

Абильмажин 279
Дедушка Сергали 295
Рыжий Рысбек из аула Кастек. *Рассказ-быль* 303
Рассказы об отце 323
Маленький король 323
Все для фронта! 326
Метель-канитель 330
«Отныне вот твое занятие» 333
Зарядка 333
Выборы 337
Отец копнил сено 342
Ночь в степи 347
Котлован 353
«Эй, недобитый фриц, дай спирт! » 355
Колодец 358
Оркестр 362
Ты Вову поздравил? 365
Сколько же в Ташкенте Бельгеров? 366
Прадом 368
Сухари 371
В путь журавлей провожаю один я… 376
Лукуллов пир *(Из цикла «О, казахи мои!»)* 389
Мы бредем по краю обрыва 395

Часть четвертая
ИНТЕРВЬЮ, БЕСЕДЫ

В. Бадиков. Да будут светлыми его печали... 409
А. Арцишевский. Уроки Бельгера 426
«Пока шкрябаю пером – живу» 434

«Пока шкрябаю пером – живу» 434
«Мне дорог нынешний мой день» 446
Воспитанник трех государств 456
«Кредо – говорить всегда то, что думаю»
(К вопросу о латинице) 461
Е. Ормаханова. «Казахская тетрадь» Герольда Бельгера 466
«Об острых проблемах современности писать сложно» 468
Ибн Карл аль-Дивани 472
В. Владимиров. О чем его вольные строки? 481
«И ада, и шала, и таза для меня – единые казахи» 486
Десятитомник Герольда Бельгера 501
Мы страшно скудеем умственно 504
Е. Турсунов. Мамбет 508
С. Козыбаев. Дорога к Бельгеру 513

Бельгер Герольд Карлович

КАЗАХСКИЕ АРАБЕСКИ

Статьи, эссе, рецензии, этюды

Редактор А. Шаихова.
Верстка Е. Ринатовой
Дизайн И. Селивановой

Подписано в печать 30.07.2014.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60 × 84 1/16.
Усл. печ. л. 30,2. Тираж 2000 + 20 экз.
Заказ № 9277.
Издательский дом «Жибек жолы»
050000, г. Алматы, ул. Казыбек би, 50
Тел. 8 (727) 272-65-11, 261-11-06.

ISBN 978-601-294-208-8

